9(062)
3-
902.6
3.-32

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ.

205 57.

Т. XIX.

www.library.chersonesos.org

ОДЕССА.
„Экономическая“ типографія и литографія, Почтовая, № 43.
1896.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Вице-Президентъ *В. П. Юргевичъ.*

www.library.chersonesos.org

СОДЕРЖАНІЕ.

1) Камни съ пантикапейскими надписями, пріобрѣтенные для Мелекъ-Чесменскаго музея въ 1895 г. *В. В. Шкорпилъ* . . 1— 13

2) Генуэзскія надписи, найденныя въ Феодосіи въ 1894 г. *О. Ф. Гетовскій* . . . . . 14— 26

3) Поддѣлка греческихъ древностей на югѣ Россіи. *А. Л. Бертье-Делагардъ* . . . . . 27— 68

4) Доисторическіе памятники Болгаріи. *Г. В. Шкорпилъ* . . . . 69— 93

5) Роспись ная ваза изъ Керчи. *Э. Р. фонъ Штернъ* . . . . . 94—109

6) Ачуевъ 1697—1897 г. *П. П. Короленко* . . . . . 110—128

Матеріалы.

1) Списокъ съ статейнаго списка подъячего Василія Антемирева, посыланнаго въ Крымъ съ предложеніемъ мирныхъ договоровъ. Сообщилъ *А. П. Маркевичъ* (Окончаніе) . . . . . 1— 58

2) Архива Сердара Малише и Капитана Бошка Буйка-Никшића. Съ предисловіемъ *А. П. Маркевича* . . . . . 59—104

3) Акты 1787—1791 годовъ, извлеченные изъ дѣлъ Кубанскаго Войсковаго Архива и сообщенные *Е. Д. Фелицынымъ* . . 105—120

4) *Мысъ «Зюкъ»* и сдѣланныя на немъ археологическія находки. *А. А. Дирин* . . . . . 121—131

Смѣсь.

Поѣздка на нижній Днѣстръ (въ село Троицкое). *А. А. Кочубинскаго* . . . . . 1— 11

Некрологи:

К. М. Котруца. *А. А. Кочубинскаго* . . . . . 13— 16

В. А. Дашковъ. *Его-же* . . . . . 17— 20

Баронъ Ѳ. А. Бюлеръ. *Его-же* . . . . . 21— 25

В. А. Яковлевъ. *А. П. Маркевича* . . . . . 26— 36

Д. А. Ровинскій. *А. А. Павловскаго* . . . . . 37— 45

А. Ризо-Рангави. *А. П. Деревицкаго* . . . . . 46— 61

Л. Т. Бельграно. Марк. *І. Ѳ. де-Феррари* . . . . . 62— 63

Эрнстъ Курціусъ *А. А. Павловскаго* . . . . . 64— 68

Протоколы.

Доклады: *В. В. Шкорпила*, Описаніе трехъ надписей, открытыхъ въ 1895 г. въ Керчи (289 засѣданіе) . . . . . — 3

Дм. М. Княжевича (основателя Общества), Письмо къ брату отъ 6 февраля 1840 г. о торжественномъ засѣданіи Общества этого года (*289 засѣданіе*) . . . . — 5

А. А. Кочубинскаго и *Э. Р. фонъ-Штерна*, о поѣздкѣ въ Аккерманъ для изслѣдованія тамъ открытой гробницы. Рисунки гробницы, исполненные М. В. Фармаковскимъ, табл. VII—VIII (*290 засѣданіе*) . . — 13

К. В. Шкорпила, Двѣ надписи (греческая и латинская), найденныя въ Болгаріи на мѣстѣ древняго Діонисополи. *(291 засѣданіе)* . . . . . — 27

Е. Д. Фелицина, О матеріалахъ для исторіи войны съ Турціей 1788—1791 годовъ, хранящихся въ Кубанскомъ Войсковомъ Архивѣ *(291 засѣданіе)* . . . . — 28

В. В. Шкорпила, Описаніе восьми надписей, купленныхъ для Мелекъ-Чесменскаго музея въ 1895 году. *(292 засѣданіе)* . . . . . — 34

А. И. Маркевича, О посылкѣ грека Георгія Папазоглы на Балканскій полуостровъ въ 1763—1764 г. *(293 засѣданіе)* . . . . . — 42

А. И. Деревицкаго, О раскопкахъ А. А. Дирина въ Чокракъ-Мама и Куль-Тепе *(293 засѣданіе)* . . . . — 46

В. В. Шкорпила, Письмо на имя А. Н. Деревицкаго — о послѣднихъ находкахъ въ Керчи *(293 засѣданіе)* — 51

В. В. Шкорпила, Описаніе катакомбы, открытой въ началѣ прошлаго года на Глинищѣ въ Керчи *(294 засѣданіе)* . . . . . — 56

А. Л. Бертье-Делагарда, О видѣнныхъ имъ въ С.-Петербургѣ нумизматическихъ коллекціяхъ и о картографическихъ документахъ Архива Главнаго Штаба. *(294 засѣданіе)* . . . . . — 63

С. В. Петровскаго, Экзархъ Молдавлахійскій и митрополитъ Кіевскій и Кишиневскій Гавріилъ Банулеско-Бодони. *(295 торжественное засѣданіе)* . . . . . — 68

К. В. Шкорпила, Объясненіе двухъ греческихъ надписей, найденныхъ въ Болгаріи на мѣстѣ древняго Марціанополя. *(296 засѣданіе)* . . . . . — 95

Э. Р. фонъ-Штерна, О мѣстѣ нахожденія древняго Херсонеса. *(296 засѣданіе)* . . . . . — 99

А. И. Деревицкаго, О бронзовой статуэткѣ, найденной при недавнихъ раскопкахъ въ Херсонѣ, съ рисункомъ. *(296 засѣданіе)* . . . . . —104

А. И. Маркевича, О пожертвованномъ поч. чл. Общ. А. Л. Бертье-Делагардомъ собственномъ рескриптѣ Императора Павла I, отъ 30 января 1801 года посланнику при Портѣ тайн. совѣт. В. С. Тамарѣ. *(296 засѣданіе)* . . . . . —113

Приложенія.

1) Уставъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, утвержденный 25 февраля 1896 года.

2) Преміи, находящіяся въ распоряженіи Общества.

3) Изданія Общества.

Камни съ пантикапейскими надписями, пріобрѣтенные для Мелекъ-Чесменскаго музея въ 1895 году [1].

I.

Во время рытія фундаментовъ строющагося дома Месаксуди у восточной подошвы горы Митридата найдена въ маѣ 1895-го года мраморная плита [2]. Разбитый пополамъ памятникъ имѣетъ 0,48 м. вышины, 0,30 шир. и 0,07 толщ. Кажется, что вся поверхность его была занята надписью приблизительно въ 20—22 строки (выс. буквъ 0,018 м.), но сохранилась, къ сожалѣнію, только незначительная часть ея: нижняя половина надписи, за исключеніемъ двухъ А, одного О и неясныхъ слѣдовъ буквъ, совершенно уничтожена. Украшеній, которыя часто бываютъ надъ надписями, не было. Удалось прочитать только слѣдующее:

Въ 354 г. Боспорской эры=57 г. по Р. Хр.

ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ ΒΑΣΙ	Βασιλεύοντος βασι-
ΛΕΩΣ ΤΙΒΕΡΙΟΥ ΙΟΥΛΙ	λέως Τιβερίου Ἰουλι-
ΟΥ ΚΟΤΥΟΣ ΦΙΛΟΚΑΙΣΑ	ου Κότυος φιλοκαισα-

[1] Три камня, купленные раньше, №№ I—III, описаны въ Протоколѣ 289 засѣданія, стр. 5, остальные, № IV—XI въ Протоколѣ 292 засѣданія, стр. 2.

[2] Г. К. Месаксуди подарилъ эту плиту Мелекъ-Чесменскому музею.

www.library.chersonesos.org

	ΡΟΣΚΑΙΦΙΛΟΡΩΜΑΙΟΥ	ρος καὶ φιλορωμαίου
5.	ΕΥΣΕΒΟΥΣ. ΤΟΥΣ	εὐσεβοῦς [ἕ]τους
	ΔΝ̄Τ̄ ΜΗΝΟΣΔΑΕΙΣΙ	δν̄τ̄ μηνὸς Δαεισί-
	ΟΥΙ. ΔΕΙΑΝ..ΣΤΕ...ΓΥ	ου ..... γυ-
	ΝΗΙΟΡ.....Φ.....	νὴ κτλ
	ΝΤ.....ΣΘΕ..ΗΝ	
10.	ΠΡΟ.....ΟΙ	
	Π.....Σ	
	.....	
	.Α.....	
	.Α.....	
15.	.....Ο..	

www.library.chersonesos.org

Если сравнить эту надпись съ эпиграфическими памятниками, изданными В. В. Латышевымъ подъ №№ 52—54 (Inscript. regni Bosp. стр. 49 сл.), то можно ее отнести скорѣе всего къ разряду тѣхъ актовъ, которыми рабы отпускались на волю.

II.

Известковое надгробіе, найденное въ іюнѣ 1895-го года на Глинищѣ въ Керчи, съ рельефнымъ изображеніемъ, которое, къ сожалѣнію, отбито. Сохранилась весьма незначительная часть снизу: по правую сторону (отъ зрителя) стоитъ женская фигура въ длинной одеждѣ, по лѣвую что-то въ родѣ жертвенника или каменнаго сѣдалища съ низкимъ цоколемъ внизу; посрединѣ помѣщено, кажется, ложе съ точеными ножками. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рельефа, особенно на правой сторонѣ, замѣтны слѣды красной краски; остатки такой-же краски сохранились и въ углубленіяхъ буквъ. Вышина камня съ правой стороны 0,56 м., съ лѣвой 0,48, ширина 0,41 и толщина 0,16. Площадь, занимаемая надписью, имѣетъ слѣдующіе размѣры: шир. 0,36 м. и выш. 0,12. Выс. буквъ 0,032 м., буква о немного меньше.

Подъ рельефомъ вырѣзана слѣдующая надпись:

ΡΩΜΗΓΥΝΗ	Ῥώμη γυνὴ
ΣΑΤΤΙΩΝΟΣ	Σαττίωνος,
ΧΑΙΡΕ	χαῖρε.

Женское имя Ῥώμη начертано на камнѣ, найденномъ между Таманью и Темрюкомъ (B. Latyschev, Inscr. regni Bosp. № 386), но имя Σαττίων встрѣчается, насколько мнѣ извѣстно, въ первый разъ.

III.

Въ томъ-же дворѣ на Глинищѣ, гдѣ нашли только что описанную плиту, вырыто хорошо сохранившееся надгробіе изъ мѣстнаго

известняка, выш. 0,97 м., шир. 0,51, толщ. 0,14. Верхняя часть плиты украшена полукруглымъ сводомъ, поддерживаемымъ двумя колоннами; въ промежуткѣ между сводомъ и верхнимъ концомъ плиты высѣчены двѣ розетки, а верхніе два угла наполнены орнаментомъ, представляющимъ вѣтки, которыя тянутся надъ сводомъ отъ капителей колоннъ до вышеупомянутыхъ розетокъ. Ниже свода въ углубленіи изображены горельефомъ: посреднѣ мальчикъ, надъ головою котораго соединены правыя руки двухъ фигуръ, а именно, мужчины въ хитонѣ и иматіи справа и женщины въ длинной одеждѣ слѣва. Всѣ фигуры рельефа изображены стоящими. Верхняя часть тѣла и голова женщины, покрытая частью верхней одежды, нѣсколько наклонены въ сторону мужчины, что придаетъ фигурѣ нѣкоторую грацію и жизнь. Съ лѣвой стороны отъ женщины стоитъ обычная фигура дѣвочки въ длинной одеждѣ съ сосудомъ въ рукахъ. Нижняя часть этой и предъидущей плитъ срѣзана по краямъ, чтобы возможно было воткнуть камень въ землю или въ постаментъ.

Подъ рельефомъ вырѣзана (выш. буквъ 0,025 м.). слѣдующая надпись:

ΚΟΛΙΔΙΩΝΚΑΙΓΥΝΗ	Κολιδίων καὶ γυνὴ
ΧΑΝΙΚΑΚΑΙΥΙΟΣ	Χανικα καὶ υἱ<ι>ὸς
ΔΗΜΗΤΡΙΟΣ	Δημήτριος,
ΧΑΙΡΕΤΕ	χαίρετε.

Первыя два имени встрѣчаются впервые; слово Χανικα я оставилъ безъ ударенія, потому что не удалось найти ни одного сколько-нибудь похожаго имени.

Дѣйств. членъ Общ. В. Шкорпилъ.

Гор. Керчь,
28-го Іюня 1895 г.

http://library.chersonesos.org

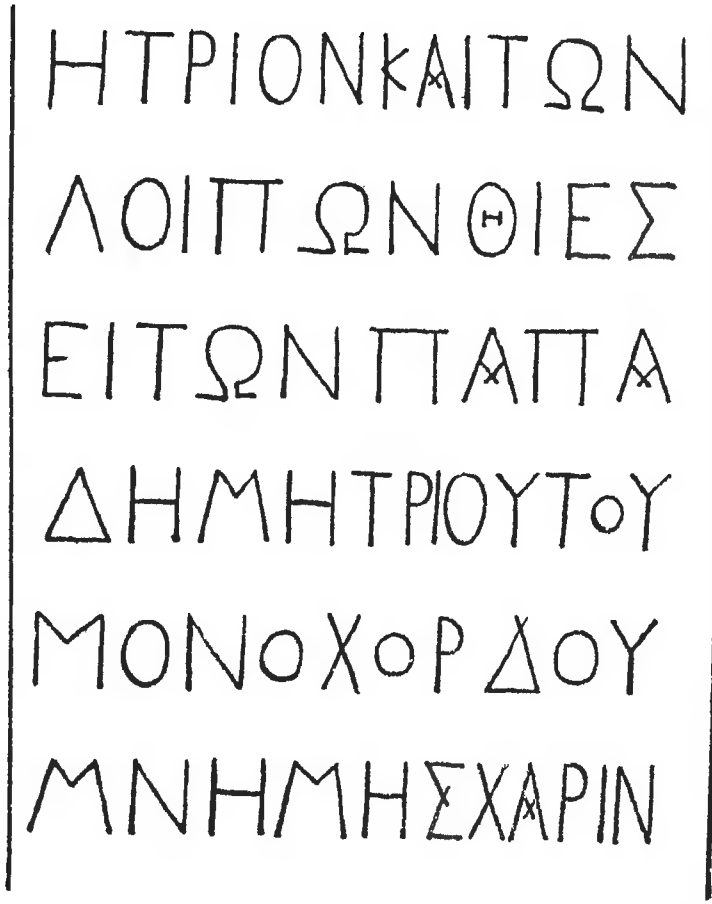
IV.

Въ сентябрѣ 1895 г. найдена въ саду керченскаго мѣщанина Абдулъ-Керима (противъ городскаго сада) отбитая сверху плита изъ твердаго известняка, шир. 0,52 м., толщ. 0,20, выш. съ правой стороны 1,39 м., съ лѣвой 1,37. Было ли сверху какое-нибудь изображеніе, трудно сказать, потому что вся верхняя часть камня обломана; также отъ надписи сохранилось только девять строкъ, начертанныхъ по линейкамъ крупными буквами (выш. 0,057 м.) римскихъ временъ. Первыя двѣ строки сохранившейся части тоже значительно попорчены. Этотъ памятникъ интересенъ тѣмъ, что былъ найденъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ того самого мѣста, гдѣ въ 1894 году открыта въ гробницѣ надпись подобнаго содержанія, а именно золотая пластинка съ надписью отъ имени религіознаго общества (τὸ κοινὸν τῶν θιασιτῶν) въ честь одного изъ должностныхъ лицъ (παραφιλάγαθος διὰ βίου, срв. В. В. Латышева Мат. по археологіи Россіи, издаваемые Императорской Археол. Коммиссіей, № 27, стр. 30, прим. 1)[1].

	[πα-
.ΛΙΙΛΑΓ. .ΟΝΟΕ	ραφι]λάγ[αθ]ον Θε-
ΟΤΕΙΜΟΙΙΙΛΙΓΡΑ	ό]τειμο[ν καὶ] γρα-
ΜΜΑΤΕΑΔΗΜ	μματέα Δημ-

[1]) Въ этой же гробницѣ найденъ перстень съ именемъ рѣзчика Скилака (ΣΚΥΛΑΚΟΣ).

www.library.chersonesos.org

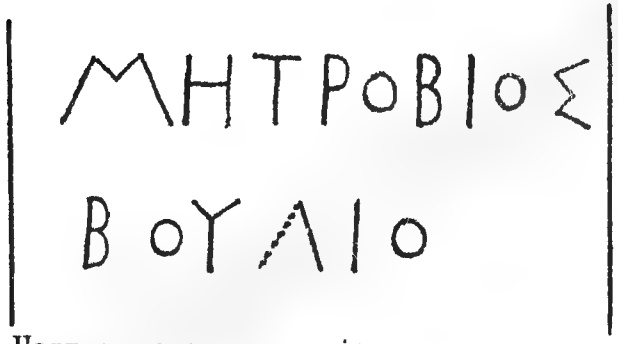


ἡτριον καὶ τῶν
λοιπῶν θιεσ-
ειτῶν Πάπα(ν)
Δημητρίου τοῦ
Μονοχόρδου
μνήμης χάριν.

Подъ надписью находится монограмма, подобная той, которая помѣщена на камнѣ, изданномъ В. В. Латышевымъ въ № 9-омъ Мат. по арх. Россіи, стр. 63, съ тою только разницею, что въ серединѣ вмѣсто треугольника вырѣзанъ кругъ и что монограмма на нашемъ камнѣ гораздо меньше. Надпись написана небрежно, на что указываетъ предпослѣдняя буква первой строки, гдѣ должно быть Θ вм. О, а также Πάπα въ шестой строкѣ, гдѣ должно быть Πάπαν, т. е. винительный падежъ, какъ во всѣхъ другихъ памятникахъ этого рода (см. B. Latyschev, Inscr. P. II, №№ 60, 61, 62, 63; Мат. по арх. Россіи № 17, стр. 30, № 7). Начертаніе θιεσεῖται встрѣчается въ одной изъ танаитскихъ надписей (B. Latyschev, Inscr. P. II, № 443). Собственныя имена Θεότεμος, Δημήτριος и Πάπας хорошо извѣстны изъ боспорскихъ надписей, но слово Μονόχορδος въ качествѣ личнаго имени попадается въ первый разъ: его нѣтъ ни у Папе-Бензелера, ни у Фика-Бехтеля.

V.

Снизу обломанное надгробіе изъ известняка, выш. въ серединѣ 0,94 м., съ лѣвой стороны 0,70, шир. 0,57, толщ. 0,16. Сверху памятникъ украшенъ фронтономъ съ большими выдающимися акротеріями. Какъ треугольникъ фронтона, такъ и акротеріи были раскрашены красной, голубой и желтой красками, отъ которыхъ сохранились столь значительные слѣды, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно замѣтить даже рисунокъ украшеній. По карнизу, находящемуся подъ фронтономъ, идетъ орнаментъ, который состоитъ изъ раскрашенныхъ красною, бѣлою и голубою красками ововъ (Eierstabornament). Параллельно съ карнизомъ проходитъ полосою (шир. 0,11 м.) орнаментъ, состоящій изъ масличныхъ листьевъ. (Подобный камень изданъ В. В. Латышевымъ въ № 17 Матеріаловъ по арх. Россіи, стр. 53). Подъ этимъ украшеніемъ на сильно вывѣтрившейся поверхности камня вырѣзана двухстрочная надпись (выс. буквъ 0,035 м.). Замѣчательно еще то, что въ углубленіи, находящемся подъ надписью, не было рельефа, но что фигуры были изображены красками. По крайней мѣрѣ, на голубомъ фонѣ сохранившейся части замѣтны два круглыхъ темнокрасныхъ пятна, которыя, по моему убѣжденію, были когда-то головами изображенныхъ здѣсь фигуръ. Камень купленъ въ сентябрѣ 1895 г. у торговца древностями С. Головлева.



Μητρόβιος

Βουλίο[υ].

Надпись какъ по характеру писма, такъ и по правописанію двугласной ου можетъ быть отнесена къ IV в. до Р. Хр. Имя Μητρόβιος извѣстно уже изъ одной надписи IV вѣка до Р. Хр. (B. Latyschev, Inscr. P. П, № 247) по Βουλίας (Pape-Benseler s. u. и Bechtel-Fick, Die griech. Personennamen, Göttingen 1894, 2. Aufl. стр. 81) впервые встрѣчается на Боспорѣ.

VI.

Въ октябрѣ 1895 г. найдена въ саду С. П. Чиликина на Глиницѣ снизу отбитая плита съ выдающимся карнизомъ безъ всякихъ рельефныхъ изображеній. Форма памятника такова же, какова форма надгробія, изданнаго И. К. Суручаномъ и В. В. Латышевымъ въ сочиненіи: Inscriptiones Graecae et Latinae novissimis annis (1889—1894) museo Surutschaniano inlatae. Petropoli 1894, № 15, a; разница состоитъ только въ томъ, что плита, купленная для Мелекъ-Чесменскаго музея, обломана больше съ лѣвой стороны. Размѣры камня слѣдующіе: вышина съ правой стороны 0,64 м., съ лѣвой 0,52; ширина карниза 0,62, но ширина той части, гдѣ находится надпись, 0,54; толщина 0,21. На верхней сторонѣ плиты находятся двѣ глубокія четырехугольныя ямки и желобки, идущіе отъ ямокъ къ задней части камня. На разстояніи 0,24 м. подъ карнизомъ прекрасно сохранилась слѣдующая аккуратно вырѣзанная надпись (выс. буквъ 0,035 м.):

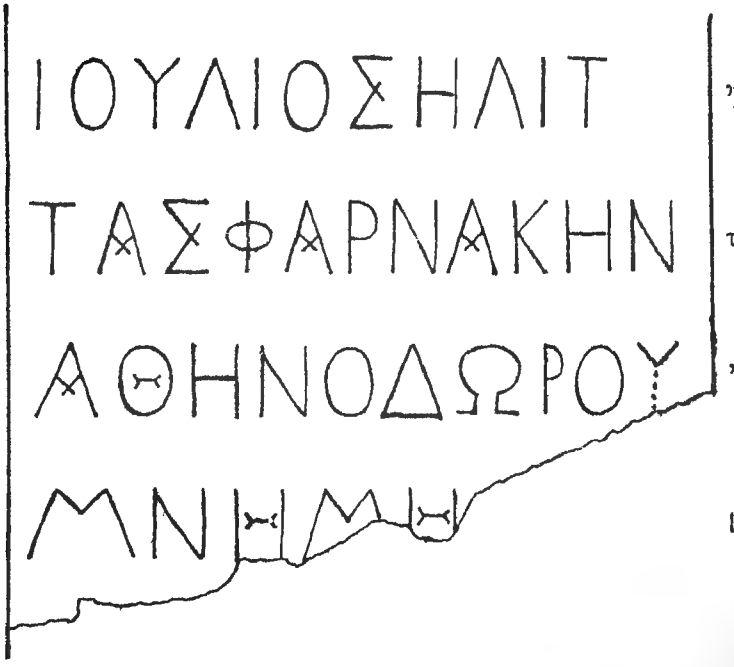
ΓΑΤΡΟΦΙΛΗ	Πατροφίλη
ΤΑΓΕΡΕΣΑΙΟ	Ταπερεσαίο[υ].

По характеру буквъ и правописанію второго имени можно и эту надпись отнести къ IV в. до Р. Хр. Личное имя Πατροφίλη, извѣстное только изъ двухъ памятниковъ древности (см. Pape-Benseler s. v Πατροφίλα), и варварское имя Ταπερεσαῖος встрѣчаются на Боспорѣ въ первый разъ.

VII.

Внизу обломанная плита изъ твердаго известняка, шир. 0,58 м., толщ. 0,20, выш. съ лѣвой стороны 0,77, въ серединѣ 0,70, съ правой стороны 0,60. На камнѣ нѣтъ никакихъ украшеній. На разстояніи 0,385 м. отъ верхняго края начинается четырехстрочная греческая надпись, тщательно начертанная по линейкамъ крупными буквами

(в. 0,046 м.) римскихъ временъ. Строки отстоятъ другъ отъ друга на 0,048 м. Вся надпись, кромѣ послѣдняго слова и части предпослѣдняго, сохранилась хорошо. Въ углубленіяхъ буквъ кое-гдѣ сохранились незначительные остатки красной краски. Плита найдена въ ноябрѣ 1895 г. на Глинищѣ, во дворѣ В. О. Баранова, недалеко отъ новаго кладбища.



Ἰούλιος Ἡλίτ-
τας Φαρνάκην
Ἀθηνοδώρου
μνήμη[ς χάριν].

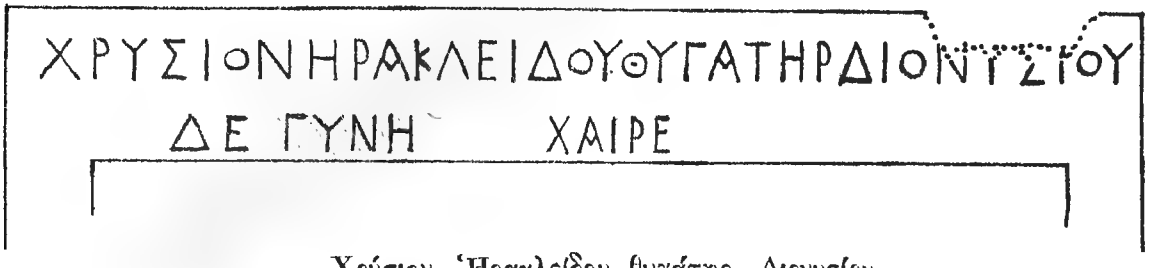
Эта надпись интересна тѣмъ, что по содержанію и даже по словамъ почти одинакова съ надписью, найденной въ 1892 г. тоже на Глинищѣ и изданной В. В. Латышевымъ въ Мат. по арх. Россіи № 17, стр. 50. Разница состоитъ въ слѣдующемъ: имена отцовъ погребенныхъ лицъ не одинаковы; надпись, купленная для Мелекъ-Чесменскаго музея, написана тщательнѣе прежней (кажется, что рѣзчикъ надписи, найденной въ 1892 г. пропустилъ во второй строкѣ букву ν, и что слѣдуетъ тамъ читать Φαρνάκην, какъ въ нашей надписи). Также начертаніе буквъ не вполнѣ одинаково: въ нашей надписи начертано Σ, между тѣмъ какъ въ надписи 1892 года Ɛ; въ нашей надписи вышина буквы ο не отличается отъ другихъ, тогда какъ въ надписи 1892 года она гораздо меньше прочихъ буквъ. Имена Ἰούλιος, Φαρνάκης и Ἀθηνόδωρος хорошо извѣстны изъ боспорскихъ надписей, Ἡλίττας встрѣчается въ третій разъ: кромѣ упо-

минутаго случая Ἡλίττας вырѣзано еще на мраморномъ памятникѣ, принадлежащемъ подполковнику пограничной стражи В. А. Цѣхановскому и изданномъ въ первый разъ В. А. Михалевскимъ въ № 19 «Извѣстій Таврической Ученой Архивной Коммиссіи.» (см. В. В. Латышевъ въ Зап. И. Русск. Общ. т. VII (н. с.), стр. 90, № 365 [1]).

VIII.

Надгробный памятникъ изъ твердаго известняка, выш. 1 м., шир. 0,58 и толщ. 0,24. Плита замѣчательна тѣмъ, что вся ея передняя сторона, кромѣ краевъ шириною отъ 0,05—0,08 м., занята большимъ горельефомъ, представляющимъ женщину en face, опирающуюся локтемъ лѣвой руки на колонну (выш. 0,41 м); кисть правой руки женщины покоится на той же колоннѣ. Одѣяніе женщины обычное: длинный, до земли ниспадающій хитонъ, а сверху—наброшенный на голову иматій. Весь рельефъ и даже лицо хорошо сохранились. Внизу камень съ обѣихъ сторонъ срѣзанъ для вставки въ постаментъ. Отъ верхней стороны плиты къ обѣимъ сторонамъ головы изображенія проходятъ насквозь двѣ дыры, которыя, вѣроятно, были предназначены для укрѣпленія камня.

Надъ горельефомъ, на верхнемъ краю памятника вырѣзаны мелкими буквами (выш. 0,011 м.) римскихъ временъ двѣ строки греческой надписи; верхнія части буквъ, помѣщенныхъ въ концѣ первой строки, повреждены, однако по остаткамъ можно судить, что тутъ было слово Διονυσίου. Памятникъ купленъ въ октябрѣ 1895 г. у Ерм. Запорожскаго.



Χρύσιον Ἡρακλείδου θυγάτηρ, Διονυσίου
δὲ γυνή, χαῖρε.

Всѣ три личныя имени извѣстны изъ боспорскихъ надписей.

IX.

Сверху отбитая плита изъ «дикаря», шир. 0,48 м., толщ. 0,13, выш. съ лѣвой стороны 0,63, съ правой 0,58. Съ правой стороны сохранилась нижняя часть пилястры (0,185 м.), съ лѣвой же только незначительная часть базы лѣвой колонны; между антами уцѣлѣли только нижнія части двухъ ногъ. Внизу камень съ боковъ отесанъ для вставки въ постаментъ. Непосредственно подъ рельефомъ высѣчена двухстрочная надпись; первая строка ея находится между двухъ чертъ, отстоящихъ другъ отъ друга на 0,033 м., но буквы не наполняютъ всего этого пространства, а какъ-бы подвѣшены (выс. буквъ 0,02 м.) къ верхней чертѣ, какъ это бываетъ въ греческихъ рукописяхъ. Шестая буква первой строки попорчена. Надпись начертана небрежно. Камень найденъ въ октябрѣ 1895 г. въ саду керченскаго мѣщанина Ив. Абрамова на Глинищѣ.

ΙΛΑΡΙ . ΝΘΕΟΔΩΡΟΥ
ΧΑΙΡΕ

Ἱλαρί[ω]ν Θεοδώρου,
χαῖρε.

Имена, встрѣчающіяся въ этой надписи римскихъ временъ, уже извѣстны изъ боспорскихъ эпиграфическихъ находокъ.

X.

Въ саду А. Тумковскаго на Глинищѣ въ первыхъ числахъ декабря 1894 г. найдено въ землѣ хорошо сохранившееся надгробіе изъ мягкаго известняка, выш. 0,96 м., шир. 0,45—0,49, толщ. 0,14. Сверху оно украшено рельефнымъ фронтономъ съ акротеріями и тремя розетками, изъ которыхъ двѣ изваяны по сторонамъ средняго акротерія, а третья въ треугольникѣ фронтона. Подъ фронтономъ между антами высѣчено углубленіе, въ которомъ изображенъ всадникъ на спокойно стоящей лошади, обращенной направо отъ зрителя. Всадникъ

одѣтъ въ плащъ, застегнутый на правомъ плечѣ. За конемъ, съ лѣвой стороны отъ зрителя, стоитъ юноша. Подъ рельефомъ вырѣзана слѣдующая надпись:

Ἔρως Φίλωνος,

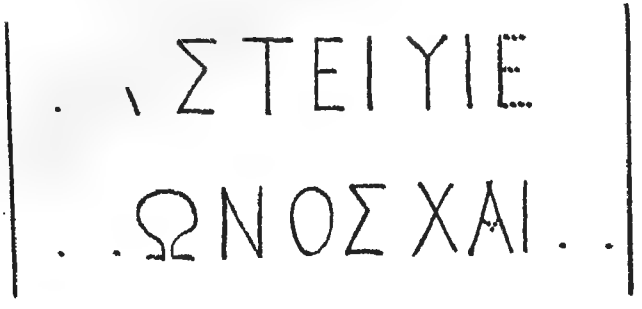
χαῖρε

Вышина буквъ 0,03 м., буква ο меньше: 0,022. Буквы, особенно Σ вырѣзаны небрежно. Ἔρως и Φίλων извѣстны изъ пантикапейскихъ надписей.

Недалеко отъ мѣста, гдѣ найденъ этотъ камень, вырыты изъ земли двѣ бусины изъ темносиняго стекла съ бѣлыми кружочками и монета съ изображеніемъ юнаго Пана и передней части крылатаго коня (см. П. Бурачкова, Общій каталогъ монетъ, принадлежащихъ эллинскимъ колоніямъ. Одесса 1884, стр. 149, № 94 и табл. XX № 89).

XI.

Со всѣхъ сторонъ обломанная известковая плита, шир. 0,56 м., толщ. 0,20, выш. 0,40—0,44. Отъ рельефа сохранилось только ложе съ точеными ножками и у изголовья обычный столикъ на трехъ ножкахъ; съ правой стороны видны остатки мальчика, у котораго и голова, и нижняя часть тѣла отбиты. Подъ рельефомъ, изображающимъ, очевидно, «погребальный пиръ», находятся двѣ строки греческой надписи, начало и конецъ которыхъ попорчены. Камень купленъ въ маѣ 1895 г. у Ерем. Запорожскаго.



Γά]στει υἱ[ὲ

..ωνος, χαῖ[ρε.

Характеръ письма указываетъ на римскія времена. Личное имя Γάστεις встрѣчается не впервые: кромѣ надписей, изданныхъ въ Inscr. P. P., укажемъ еще на Мат. по арх. Россіи, № 17, стр. 45, и на «Протоколъ 289 засѣданія Имп. Одесскаго Общ. Ист. и Древн.» отъ 16 Сентября 1895 г., стр. 7, №№ 1 и 2.

Дѣйств. членъ Общ. В. Шкорпилъ

г. Керчь,
6-го декабря 1895 г.

Генуэзскія надписи, найденныя въ г. Ѳеодосіи въ 1894 г.

I.

Какъ извѣстно, генуэзцы окружили принадлежавшую имъ Каффу со стороны суши высокою стѣною; цѣлый рядъ башенъ ими былъ построенъ, чтобы защищать городъ отъ набѣговъ татаръ, тогдашнихъ владѣльцевъ Крыма, и довольно глубокій и широкій ровъ долженъ былъ дать городу еще болѣе безопасности. Ровъ этотъ и въ настоящее время еще существуетъ и даетъ намъ возможность опредѣлить площадь, занимавшуюся Каффою во время генуэзскаго владычества, а отъ стѣнъ и башенъ сохранились только скудные остатки, напоминающіе намъ о далеко распространенномъ могуществѣ и о прежнемъ величіи генуэзской республики. Сколько, однако, послѣдняя заботилась о постройкѣ и сохраненіи въ цѣлости укрѣпленій города, и какъ она дорожила этимъ, свидѣтельствуютъ генуэзскія надписи которыя хранятся въ нашихъ музеяхъ. Почти всѣ онѣ говорятъ о томъ, что какая-либо башня или часть стѣны при томъ или другомъ консулѣ была сооружена или исправлена. Таковое и содержаніе надписи, которая была найдена лѣтомъ 1894 г. въ вышеупомянутомъ рвѣ, недалеко отъ моста, ведущаго къ теперешней базарной площади. Хотя плита, на которой находится эта надпись, разбита на три куска, однако она принадлежитъ къ лучшимъ памятникамъ изъ временъ господства генуэзцевъ: она отличается своею величиною и хорошею сохранностію и содержаніе надписи, находящейся на ней, также интересно, такъ какъ по ней пополняется одинъ изъ многихъ пропусковъ въ хронологической таблицѣ каффскихъ консуловъ.

Камень, длиною въ 2 аршина 11 вершк., шириною въ 1 аршинъ $1^1/_4$ вершк. и около 4 вершковъ толщины, имѣетъ на правой сто-

ронѣ 6 гербовъ, расположенныхъ въ два ряда. Изъ нихъ средній въ верхнемъ ряду представляетъ гербъ города Генуи, слѣва отъ него гербъ города Каффы[1]), а справа дожа Антоніотто Адорно[2]); три герба втораго ряда принадлежатъ, навѣрно, тремъ Каффскимъ сановникамъ упомянутымъ въ самой надписи. Средній гербъ нижняго ряда одинаковъ съ гербомъ дожа Адорно, хотя ни одно изъ упоминаемыхъ въ надписи лицъ не носитъ этой фамиліи; поэтому остается предположить, что родъ одного изъ нихъ принадлежалъ къ тому же самому «Albergo», какъ вышеназванный дожъ и вслѣдствіе этого пользовался однимъ и тѣмъ же гербомъ[3]). Не имѣя въ рукахъ ни одной книги, содержащей гербы генуэзскаго патриціата, я лишенъ возможности провѣрить мою догадку. Направо отъ этихъ гербовъ находится слѣдующая надпись, состоящая изъ 7 строкъ:

[1]) Гербъ г. Каффы въ сущности ничто иное, какъ тамга Золотой Орды, и поэтому я прежде склонялся къ мнѣнію, что онъ представляетъ гербъ владѣтелей Крыма, который генуэзцы изображали на своихъ каффскихъ надписяхъ, признавая этимъ верховную власть Золотой Орды, но теперь я присоединяюсь къ мнѣнію Мурзакевича и барона Кёне, видящихъ въ немъ гербъ г. Каффы, такъ какъ 1) къ обыкновенной тамгѣ Кипчакской Орды прибавленъ съ правой стороны маленькій полумѣсяцъ, какъ это видно на всѣхъ каффскихъ надписяхъ, имѣющихъ этотъ гербъ и 2) этотъ гербъ не встрѣчается ни на одной изъ многихъ извѣстныхъ намъ надписей Судака.

[2]) Антоніотто Адорно четыре раза занималъ высокую должность дожа Генуи, а именно: 1) 17 іюня 1378 г.; 2) съ 16 іюня 1384 г.—1390 г.; 3) съ 6 апрѣля 1391 г. по іюнь 1392 г.; 4) съ 3 сентября 1394 г. по сентябрь 1396 г. Его гербъ находится также на Судакской надписи 1385 г. Другая надпись Судака тоже носитъ гербъ Адорно, такъ какъ въ это время другой членъ этого рода, Георгій правилъ генуэзской республикою.

[3]) Такъ, напримѣръ, 18 января 1393 г. многіе семейства образовали «Albergo» франковъ (dei Franchi), принимая одинъ гербъ, сперва сокола, а потомъ, съ 7 февраля 1398 г., три короны, см. Одерико, стр. 133.

✠ MCCCLXXXXVI : DIEXXV : IV
NII : DOMINI : ELIANI : CENTVRIONI
: HONORABILIS : CONSILLIS : CAF
FA' : ET : C' : DOMINOR' : ANTONI : MA
VRI : ET : PETRI : DE : CAMILA : MAZARI
OR' : FT : C' : FACTVM : FVIT : HOC : OP
VS : REPARACIONIS : TVRIS : ET : MVROR' [1])

т. е. Въ 1396 г. 25 іюня (во время управленія) Эльяно Чентуріони, почтеннаго консула Каффы, и господъ Антоніо Мауро и Пьетро де Камила, управляющихъ финансами и т. д. было окончено это дѣло ремонта башни и стѣнъ.

И такъ, мы изъ этой надписи съ достовѣрностію видимъ, что въ 1396 году городомъ Каффою правилъ консулъ Эльяно Чентуріони. Онъ же именуется въ спискѣ консуловъ, сообщаемымъ Мурзакевичемъ, какъ консулъ 1392 г., а профессоръ Юргевичъ приводитъ его въ своемъ спискѣ, основанномъ главнымъ образомъ на трудѣ итальянскаго ученаго Канале, подъ 1393 г. прибавляя: «правилъ слѣдовательно съ 1392—1393 г.».—Такъ какъ нѣтъ основанія, сомнѣваться въ вѣрности этихъ данныхъ, то очевидно, что Эльяно Чентуріони дважды былъ удостоенъ чести, быть избраннымъ консуломъ Каффы. Извѣстный намъ списокъ каффскихъ консуловъ показываетъ, что подобные примѣры вторичнаго избранія встрѣчались хотя не часто. Такъ, напр., Бартоломео ди Якопо былъ консуломъ въ 1362 г. и въ 1382 г., Джіорджію Адорно въ 1410 г., а во второй разъ въ 1415 г. и т. д.

Какъ я уже выше сказалъ, наша плита была найдена въ прежнемъ генуэзскомъ рвѣ, вблизи моста, который ведетъ теперь къ базарной площади; по этому я думаю, что на этомъ мѣстѣ и находилась башня, въ которой была укрѣплена разбираемая мною надпись.

---

[1]) Извѣстно, что въ надписяхъ того времени нерѣдко встрѣчаются ошибки, тѣмъ не менѣе ошибочное изображеніе слова «consillis» является очень страннымъ.

2. Недалеко отъ этого самаго мѣста, въ одномъ дворѣ, были найдены два обломка плиты съ однимъ гербомъ и съ надписью. Вѣроятно оба куска составляютъ части одной и той же надписи, но разобрать ее невозможно, такъ какъ недостаетъ значительной части надписи. На одномъ обломкѣ, длиною въ 8 вершковъ и шириною въ 5 вершковъ, виденъ хорошо сохранившійся гербъ и въ трехъ строкахъ:

IPS

PAC

XXX,

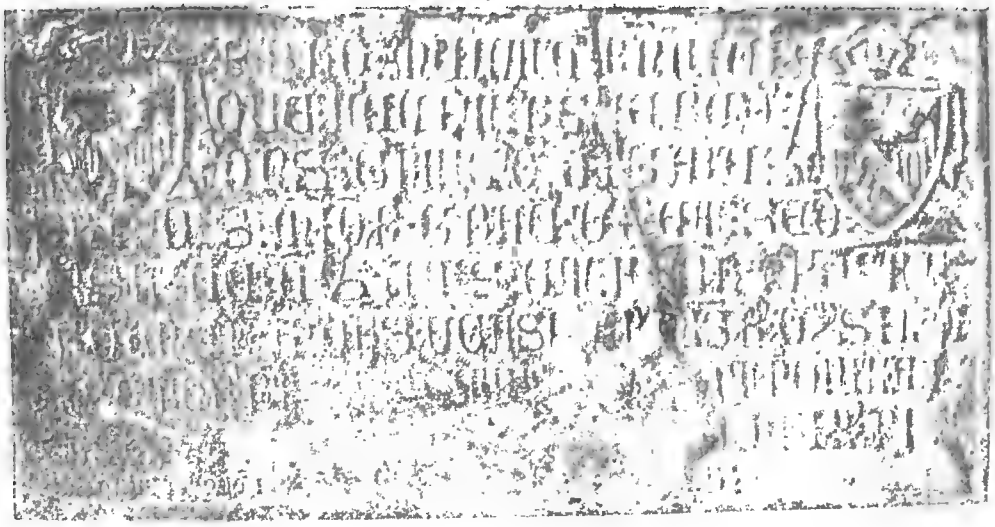
а на другомъ, почти такой же величины, часть надписи, изъ которой можно прочитать только одно имя TOBIA.

II.

Совершенно иного характера, чѣмъ большинство дошедшихъ до насъ каффскихъ надписей (въ томъ числѣ и только что описанная, упоминающая о консулѣ Чентуріони), тѣ генуэзскія надписи, которыя были найдены при снесеніи части холма, находившагося позади теперешней мужской гимназіи. Одна повѣствуетъ намъ о благодѣяніяхъ, оказанныхъ однимъ изъ католическихъ епископовъ

Каффы, другія же—надгробныя плиты генуэзцевъ или каффинцевъ италіанскаго происхожденія. Кромѣ этихъ надписей на томъ же мѣстѣ было найдено довольно большое количество обломковъ колоннъ разныхъ формъ и разной величины, нѣкоторыя очень красивой работы. Эти находки служатъ достовѣрнымъ доказательствомъ того, что на упомянутомъ мѣстѣ находилась одна изъ многихъ католическихъ церквей, которыя украшали богатую Каффу. Если мы возьмемъ во вниманіе, что въ этой церкви находилась надпись, поставленная въ честь высшаго духовнаго лица въ городѣ, то является очень вѣроятнымъ предположеніе, что это была соборная церковь св. Агнесы, которая великолѣпіемъ своей архитектуры восхищала современниковъ, пріѣзжавшихъ въ Каффу съ Запада. Въ пользу этого предположенія говорятъ и самые обломки. Между ними есть такіе, которые отличаются изящностію работы, и слѣды позолоты на одной красивой капители свидѣтельствуетъ о роскоши, господствовавшей въ этой церкви. — Къ сожалѣнію всѣ эти остатки при ихъ открытіи не находились на первоначальномъ мѣстѣ, т. е. на томъ, гдѣ находилась церковь, но они были такъ разбросаны, что не возможно съ точностію опредѣлить мѣсто, гдѣ именно стоялъ нѣкогда этотъ храмъ.

3. Самая интересная изъ найденныхъ здѣсь надписей высѣчена на большой плитѣ, длиною въ 1 арш. 9 вершк., шириною въ 13 вершк., которая, къ сожалѣнію, не вполнѣ сохранилась. Плита разбита на нѣсколько кусковъ, изъ которыхъ не всѣ найдены: нѣтъ нижняго куска съ лѣвой стороны, такъ что второй половины надписи нельзя было разобрать. — Въ лѣвомъ и правомъ верхнихъ углахъ изображенъ одинъ и тотъ же гербъ, орелъ съ поднятыми крыльями и короною, обращенный налѣво, надъ щитомъ находится епископская митра. Между этими гербами и подъ ними находится надпись въ девять строкъ, чтеніе которой очень затрудняютъ частыя сокращенія. Это обстоятельство, а главнымъ образомъ поврежденія нижней части плиты были причиною, что я могъ разобрать только первыя пять строкъ, содержащія слѣдующую легенду:



+PRO : MVLTA : B̄NFICIA
QVE : FECIT : REVERE̅D' :
D̄NS : GRIFED' · CIGARA :
OR DI̅S : MI̅OR · GRAC · D'I : ET : SED'·
·P̄SLICE : E̅PS · CA̅FS · ET : . . . . . .

т. е.

+PRO-MVLTA-BENEFICIA (sic!)
QVAE-FECIT-REVERENDVS
DOMINVS-GRIFEDO-CIGARA
ORDINIS-MINORVM-GRACIA-DEI-ET-SEDIS
APOSTOLICAE-EPISCOPVS-CAFENSIS-ET...

въ переводѣ:

> За многія благодѣянія, которыя совершилъ досточтимый господинъ Грифедо Чигара, Божіею и Апостольскаго Престола милостію епископъ каффскій и...

Въ шестой и седьмой строкахъ, повидимому, приводятся еще имена нѣкоторыхъ лицъ: MG'R . AND̅RS въ началѣ шестой строки обозначаетъ, вѣроятно, какого-нибудь магистра Андрея, P̄TR въ седьмой нѣкоего Петра и т. д. Буквы R' D' передъ именами слѣдуетъ,

вѣроятно, читать REVERENDVS DOMINVS, и въ такомъ случаѣ и эти лица были духовныя, но въ какомъ отношеніи они находились къ вышеназванному епископу, трудно сказать, такъ какъ отъ послѣднихъ двухъ строкъ сохранилось только нѣсколько буквъ.

Ошибки въ латинскихъ надписяхъ среднихъ вѣковъ вещь обыкновенная, даже и такія крупныя, какъ pro multa beneficia; уровень тогдашняго образованія былъ вообще очень низокъ, а въ такомъ пунктѣ, какъ Каффа, которая находилась въ полудикой странѣ, гдѣ и болѣе интелигентная часть населенія занималась одной торговлею, онъ естественно стоялъ еще ниже, чѣмъ на западѣ. Поэтому нечего удивляться грамматической ошибкѣ въ началѣ нашей надписи; болѣе странно, что даже имя епископа исковеркано. Несомнѣнно, что названный въ надписи GRIFEDO CIGARA то же лицо, что поименованный въ спискѣ Каффскихъ епископовъ GIFREDO CICALA. Латинская форма имени GOTIFREDVS, какъ она и встрѣчается въ памятникахъ каффскаго консула Годофреда Зоальи, итальянская же—GIFFREDO или GIOFFREDO или GOFFREDO, но GRIFEDO мнѣ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстна. Въ фамиліи епископа CICALA, довольно странна замѣна буквы L буквою R, что же касается того, что въ надписи, вмѣсто второго C поставлена буква G, то слѣдуетъ замѣтить, что члены этой фамиліи назывались то Чикала, то Чигала; послѣдняя форма встрѣчается, напримѣръ, въ письмѣ 1455 г., въ которомъ тогдашній консулъ Солдаи, Carlo Cicala, называется «nobilis dominus Carolus Cigalla, consul civitatis Soldaje»[1]).

Въ «Atti della Societa Ligure di Storia Patria»[2]) мы находимъ только очень скудныя свѣдѣнія объ этомъ епископѣ: Жиффредо или Жіоффредо Чикала, Францисканецъ (Миноритъ) былъ восьмой въ извѣстной намъ серіи католическихъ епископовъ Каффы. Когда онъ получилъ инвеституру, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ не позже 1423 г., такъ какъ существуетъ булла папы Мартына V отъ 16 февраля слѣдующаго года, адрессованная къ нему уже, какъ епископу Каффскому. Содержаніе этой буллы довольно любопытно. Римскій папа въ ней приказываетъ Жиффредо Чикалѣ, епископу Каффскому,

[1]) Atti della Societa Ligure di Storia Patria. Volume VII. Parte II. Fascicolo II. Genova MDCCCLXXXI Стр. 907.

[2]) Тамъ же, стр. 693—695.

употребить всѣ усилія, чтобы домъ (въ буллѣ: «domus magazenum inscripta»), который набожная вдова нѣкоего Dando [1]) d'Urgel по завѣщанію оставила Доминиканцамъ въ Каффѣ (Frati Uniti del convento di S. Nicolò, dell' Ordine dei Predicatori, in Caffa) былъ, наконецъ, переданъ этимъ монахамъ. Между тѣмъ, по смерти вдовы, не обращая никакого вниманія на завѣщаніе покойной, этимъ домомъ насильно завладѣлъ другой житель города Каффы, нѣкто «Giuliano di s. Agnese», и всѣ мѣры, которыя духовенство употребляло, чтобы отнять у него домъ, оказались напрасными и даже церковное отлученіе, произнесенное надъ Жіуліано предшественникомъ Жиффредо, епископомъ Симоне Фіэски, не привело къ цѣли. По этому папа велитъ новому епископу, Жиффредо возобновить отлученіе, сдѣланное его предшественникомъ съ большею строгостію, дабы послѣдняя воля покойницы была, наконецъ, исполнена. На сколько глава церкви интересовался этимъ мелкимъ вопросомъ, видно изъ того, что онъ подъ тѣмъ же самымъ числомъ написалъ вторую буллу, совершенно одинаковую съ первою къ архіепископу Солданіи въ Персіи, который къ этому времени опять сдѣлался митрополитомъ Крымскимъ. Къ сожалѣнію намъ не извѣстно, имѣли ли эти буллы болѣе успѣха чѣмъ анаѳемы мѣстнаго духовенства, и на какомъ основаніи Жіуліано завладѣлъ этимъ домомъ. Такъ какъ ни епископы, ни папа не обращались по этому дѣлу къ свѣтскимъ властямъ, то можно предположить, что завѣщаніе не было вполнѣ законно, а Жіуліано, по всей вѣроятности, присвоилъ себѣ домъ по праву родства съ покойницею. Конецъ правленія Жиффредо Каффскою епархіею былъ 23 января 1441 г., когда папа Евгеній IV, отнявъ каѳедру у него, передалъ ее Жіакомо Кампорѣ. О причинѣ удаленія Жиффреда съ мѣста, которое онъ занималъ такое продолжительное время, въ папской буллѣ только намѣкается,—ex certis rationalibus causis absolvimus, — такъ въ ней говорится, но въ вышеприведенномъ мѣстѣ «Atti» авторъ, А. Винья даетъ намъ болѣе подробныя объясненія, бросающія интересный свѣтъ на отношенія духовенства разныхъ вѣроисповѣданій въ генуэзской Каффѣ. Въ многолюдномъ городѣ находилось и много Армянъ, которые здѣсь также имѣли епископа своей церкви, но генуэзцы смотрѣли

[1]) Вѣроятно «Ferdinando», по мнѣнію А. Виньи.

на нихъ, какъ на еретиковъ, фанатическіе латинскіе епископы, Жиффредо и его предшественники, чувствовавшіе себя хозяевами въ Каффѣ, даже запрещали армянскому епископу носить митру во время большихъ торжествъ и вообще мѣшали публичному исполненію ими другихъ обрядовъ своей церкви. Если же кто нибудь изъ Армянъ хотѣлъ принять католическую религію, то католическіе священники снова крестили ихъ, считая ихъ еретиками и не признавая святости за ихъ крещеніемъ.—Подобныя отношенія должны были, конечно, вызвать со стороны Армянъ крайнее неудовольствіе, а можетъ быть даже ненависть къ католическому духовенству, и въ особенности къ главѣ его. Когда по этому въ 1439 г. на Соборѣ въ Флоренціи совершилось присоединеніе армянской церкви къ католической, то папа Евгеній IV нашелъ дипломатичнымъ послать въ Каффу новаго епископа вмѣсто Жиффредо, не пользовавшагося симпатіею армянъ.

Если по этимъ фактамъ и можно предполагать, что Жиффредо Чикала былъ фанатикъ-католикъ, то этому вовсе не противорѣчатъ многія благодѣянія, которыя онъ совершалъ, какъ намъ сообщаетъ наша надпись. Памятникъ ему поставили генуэзцы, его единовѣрцы, которые, конечно, могли имѣть для этого полное основаніе.

Пользуясь этимъ случаемъ, считаю не лишнимъ привести тутъ же списокъ католическихъ епископовъ Каффы, составленный по отдѣльной статьѣ о нихъ въ 7-омъ томѣ «Atti de la Societa Ligure di Storia Patria»[1]):

1. Жироламо (I), миноритъ 1320—1322.
2. Таддео, доминиканецъ 1323—1357.
3. Коррадо, миноритъ 1358.
4. Бартоломео Вентура, доминиканецъ 1391.
5. Жіованни Саули, миноритъ 1398.
6. Симоне Фіески, 1401.
7. Жироламо (II), доминиканецъ 1404—1410, архіепископъ (!)
8. Жиффредо Чикала, миноритъ 1423(?)—1441.
9. Жіакомо Кампора, доминиканецъ 1441—1458.
10. Жироламо (III) Паниссари, доминиканецъ 1459—1475.

---

[1]) Volume VII. Parte II. Fascicolo II. Genova MDCCCLXXXI. стр 683—713.

Всѣ остальныя надписи, найденныя вмѣстѣ съ только что описанной — надгробныя:

4. Небольшая разбитая мраморная доска, шириною въ 5 верш. и длиною въ 15 верш., содержащая слѣва надпись въ четыре строки, а справа гербъ въ кругѣ. Какъ видно по нѣкоторымъ остаткамъ краски, гербъ былъ прежде окрашенъ. вѣроятно геральдически. Хотя съ лѣвой стороны кусокъ во всю ширину отбитъ и не найденъ, однако надпись очень легко возстановить:

(SEPVLCRVM) PETRI-CEBA :
(ET : HE) REDVM : SVO
(RVM :). M : CCC : LXX :
(DIE :) XXII - MARCI' :

«Склепъ Пьетро Чеба и его наслѣдниковъ 1370 г. 22-го марта».

5. Маленькая мраморная доска съ отбитымъ вверху лѣвымъ угломъ. Доска имѣетъ 6 вершковъ длины и 5 вершковъ ширины и содержитъ слѣдующую надпись въ шесть строкъ:

(SEP) VLCRVM
(D$\overset{\frown}{\text{NI}}$.) GEORGII - $\overset{\frown}{\text{D}}$
$\overset{\frown}{\text{SCO}}$: GEORGIO :
S · HEREDV$\overset{\frown}{\text{}}$: EI' - RE
QESCAT · I · PACE :
- ⁜ · : AMEN : - ⁜ -

«Склепъ г. Георгія ди Санкто Георгіо и его наслѣдниковъ. Миръ праху ихъ. Аминь».

6. Камень, длиною въ 13 вершковъ, шириною въ 8 вершковъ, съ надписью въ 3 строки, лѣвая сторона которой почти совсѣмъ

сглажена, такъ что начала легенды и фамиліи покойника нельзя разобрать:

. . . . . : D̃N̄I : IOHA
. . . . AVAGII · ET · EIVS
HERED'

«. . . . . господина Іоанна . . . аваґіи и его наслѣдниковъ

7. Надгробный камень, длиною въ 11 вершк., шириною въ 15 вершк. съ надписью:

HIC IACET IOHAN (NES)
ROBELLA · CVIVS (ANI)
MA · REQIESCAT I(NP)
ACE · A(MEN).

«Здѣсь покоится Жіованни (Іоанъ) Робелла. Миръ праху его. Аминь».

8. Очень большая каменная плита, длиною въ 2 арш. 12 вершк. и шириною въ 1 арш., въ серединѣ которой находится слѣдующая надпись:

RA . . DE SEBASTOPO
LI

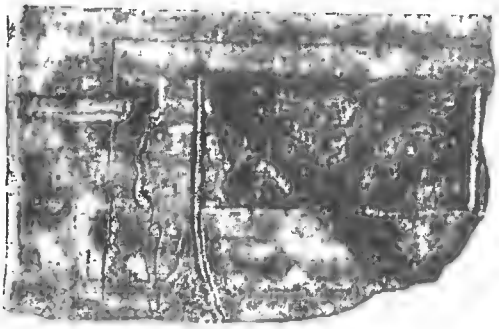
Знакъ подъ надписью напоминаетъ такъ называемыя «Hausmarken», которыя въ средніе вѣка употреблялись въ Германіи и въ другихъ западныхъ государствахъ лицами (особенно купцами), не имѣвшими фамильнаго герба.

9. Большой толстый камень, длиною въ 2 арш. и шириною въ 1 арш. и 1 верш. съ полустертою надписью въ 2 строки:

DE..I : AGVSTI :
MCCCLXXXXIII :

Подъ надписью замѣтны слѣды щита, содержащаго, конечно гербъ покойника.

10. Маленькій обломокъ, 4 верш. длины и 5 верш. ширины, надгробнаго камня съ довольно хорошо сохранившимся гербомъ и слѣдами буквъ съ лѣвой стороны.



11. Обломокъ мраморной доски, длиною въ 8 вершковъ, шириною въ 6, съ гербомъ, носящимъ еще слѣды окраски.

12. Маленькій обломокъ надгробія, длиною въ 9 верш., шириною въ 4, съ надписью:

(R)EQVIESCAT

13. Другой обломокъ надгробія, почти такой-же величины какъ предъидущей, съ надписью:

XVII : DIE : XX.

14. Обломокъ надгробнаго камня, 4½ вершковъ длины и 7 вершковъ ширины, съ гербомъ, изображающимъ три косыхъ полосы, слѣва на право, на которые наложена такъ называемая гербовая связка.

III.

15. Недалеко отъ мѣстонахожденія только что описанныхъ памятниковъ былъ найденъ верхній обломокъ каменной плиты, длиною въ 15 вершковъ, шириною въ 10 вершковъ. Хотя на камнѣ нѣтъ никакой надписи, а только одинъ гербъ, однако онъ все-таки интересенъ тѣмъ, что этотъ гербъ вполнѣ похожъ на изображенный въ надписи, описанной выше подъ № 3, только рисунокъ больше и гораздо лучше исполненъ. Такъ какъ нѣтъ основанія допускать, что епископы Каффы имѣли особенный гербъ, то слѣдуетъ предположить, что и этотъ памятникъ относится къ Жиффредо Чикалѣ. Трудно, однако, сказать, какое онъ имѣлъ назначеніе. Какъ выше было сказано, Жиффредо получилъ въ 1441 г. другую каоедру, и при томъ по сообщенію А. Виньи внѣ Крыма, слѣдовательно этотъ памятникъ не можетъ быть надгробнымъ камнемъ этого епископа, но принадлежалъ какой нибудь постройкѣ, возведенной имъ,—можетъ быть, какой-либо части епископскаго дворца.

Д. чл. О. Ретовскій.

Поддѣлка греческихъ древностей на югѣ Россіи.

Появившійся впервые коллекціонеръ вмѣстѣ съ собою вывелъ на свѣтъ Божій и поддѣльщика; это, думаю, такая аксіома, которая, безусловно, не требуетъ доказательствъ. Примѣняется это положеніе ко всякимъ собраніямъ, а въ томъ числѣ, къ несчастью, и къ археологическимъ, и даже къ этимъ послѣднимъ преимущественно. Я сказалъ, къ несчастью, но такъ-ли это вполнѣ? Мнѣ кажется, что и здѣсь, до извѣстной мѣры, нѣтъ худа безъ добра. Думается, что поддѣлки, составляя отчаяніе всякаго собирателя, любителя, знатока, музея, въ то-же время вносятъ въ это дѣло ту жизненную, бьющую струйку борьбы, въ которой напрягаются наши знанія, вниманіе, осторожность, что и придаетъ особый, высокій, вкусъ всякому коллекціонированію. Безчисленны и разнообразны ухищренія поддѣлки и приходится работать всѣми способностями, всѣми соображеніями, чтобы не попасться, а, попавшись, выучиться и стало быть заплатить за науку не напрасно. Не будь этихъ треволненій, ожиданій, сомнѣній—всякое коллекціонированіе потеряло-бы добрую долю своей привлекательности. И чѣмъ тоньше, чѣмъ выше, чѣмъ искуснѣе поддѣлки, тѣмъ завлекательнѣе становится игра. Это, конечно, личныя ощущенія, которымъ, быть можетъ, не всякій придаетъ значеніе, тогда я попрошу вспомнить нѣчто гораздо болѣе серьезное, тѣ высоко научныя, часто блестящія страницы и цѣлыя сочиненія, которыя были вызваны поддѣлками. Сколько ума, сколько знанія, соображенія, громадной начитанности, самой высокой эрудиціи тратилось на доказательства подлинности поддѣльнаго, или поддѣльности будто-бы подлиннаго; сколько все это возбуждало полемикъ, сколько вносило жизни, въ довольно таки сонный, подчасъ чуть что

не мертвый міръ археологическихъ изысканій. Все это не пропадало безслѣдно, а служило основою самыхъ положительныхъ знаній; и если-бы нашли способъ на всегда искоренить всякую поддѣлку, то это не безусловно послужило-бы на пользу науки.

Въ послѣдніе годы особенно часто приходилось все это вспоминать, особенно много думать и волноваться, потому что никогда еще поддѣлки не доходили, у насъ на югѣ Россіи, до такихъ высоко цѣнныхъ, и часто искусныхъ произведеній; никогда онѣ не были столь распространены, а наглыя мошенничества безнаказанны. Когда я вспоминаю видѣнное мною въ послѣднее время, то начинаю думать, что мою полушуточную защиту пользы поддѣлокъ пора замѣнить основательнымъ сопротивленіемъ этому промыслу, получившему доселѣ у насъ невиданное развитіе. Попробовавъ сдѣлать кое что, въ этомъ направленіи, въ практической жизни, я тутъ-же увидѣлъ, что одному и даже нѣсколькимъ частнымъ лицамъ это совершенно не подъ стать; сюда необходимо привлечь всѣ археологическія силы и, если возможно, внести въ это дѣло мѣры правительственныя и полицейскія, нынѣ совершенно здѣсь не прилагающіяся. Грошевый обманъ продавца, на рынкѣ или въ магазинѣ, даже только предполагаемый, безъ затрудненія будетъ преслѣдоваться всякими судебно-полицейскими властями, а я знаю нѣсколько примѣровъ самыхъ крупныхъ и наглыхъ обмановъ продавцевъ древностями, гдѣ потерпѣвшіе совершенно отказывались отъ какого-бы то нибыло преслѣдованія, потому что въ помощь имъ никто не хотѣлъ прійти, а всякія формальности дѣлали преслѣдованіе почти невозможнымъ. Вещи поддѣлываемыя, даже поддѣланныя и продаваемыя, никто не можетъ задержать, надо чтобы прежде ими кого либо надули и тогда только потерпѣвшій, и только онъ одинъ, получаетъ право жаловаться. Весьма часто обманутый даже этого и не знаетъ, а узнавъ всегда бросаетъ все, лишь бы не пускаться въ безконечную процедуру, для которой у него нѣтъ никакого оружія, такъ какъ всѣ продажи дѣлаются не на площадяхъ, а дома, безъ свидѣтелей, или съ помощью совершенно непаходимыхъ и неизвѣстныхъ третьихъ лицъ. Обыкновенно при обнаруженіи надувательства всего болѣе и чаще услышишь насмѣшки надъ обманутымъ, но я думаю, что это едва-ли основательно; далеко не всегда

обманутыми бываютъ простые малоопытные любители, будто-бы взявшіеся не за свое дѣло; не мало можно указать примѣровъ обманутыхъ самыхъ крупныхъ ученыхъ и спеціальныхъ учрежденій и хотя мы всѣ очень склонны позлорадствовать надъ товарищемъ, но вѣдь тутъ легко станется, что прійдется смѣяться надъ самимъ собою, а это едва-ли доставляетъ кому особое удовольствіе. Да наконецъ и простые, малоопытные любители, не только не заслуживаютъ насмѣшки, но напротивъ, имъ то въ особенности, ученые люди и учрежденія, должны оказывать наибольшую помощь и защиту. Всегда слѣдуетъ помнить, что мелкіе, даже малограмотные любители, это тѣ капли, струйки, ручейки, изъ которыхъ всегда составлялись и впредь будутъ составляться рѣки и моря обширныхъ государственныхъ и общественныхъ древнехранилищъ, которыя также невозможны безъ мелкихъ любителей, какъ невозможенъ банкиръ-капиталистъ безъ работника. Съ этимъ мнѣніемъ, вѣроятно, наши правящія археологическія учрежденія не вполнѣ будутъ согласны, о чемъ останется лишь пожалѣть, потому что только широкое размноженіе мелкихъ любителей и собирателей можетъ спасать и сохранять находки, доставляя прочный матеріалъ фундаменту науки; безъ этого рода любителей одни репрессивныя мѣры приведутъ къ весьма немногому.

Наконецъ, въ дѣлѣ распространенія поддѣльныхъ древнихъ вещей есть еще одна сторона, по моему самая опасная, — это не только возможное, но даже и неизбѣжное пониженіе археологическаго чутья, если только допустить чрезмѣрное размноженіе поддѣлокъ. Я думаю нѣтъ нужды доказывать, что вся археологія основана на изученіи подлинныхъ вещей, но сама подлинность познается опытностью, возможно большимъ знакомствомъ съ вещами, такъ сказать, постояннымъ держаніемъ ихъ въ своихъ рукахъ; при отсутствіи всего этого никакая книжная ученость не поможетъ, въ большинствѣ случаевъ. Я знаю совершенно безграмотныхъ продавцевъ или кладоискателей, которыхъ нельзя было-бы поймать поддѣлками, легко сошедшими за подлинныя у крупнѣйшихъ ученыхъ; въ этихъ случаяхъ несомнѣнная ученость не смогла замѣнить отсутствіе опыта, да такъ и всегда будетъ, по самой сущности дѣла; знатоку практику довольно одного взгляда, тамъ гдѣ цѣлые ученые трак-

таты окажутся безполезными, или несвоевременными. Такимъ образомъ, если вообразить себѣ ученаго археолога воспитаннаго на поддѣлкахъ, то можно утвердительно сказать, что, при всей его учености, не только вѣрнаго археологическаго чутья у него не выработается, но даже и подлинныя вещи ему покажутся фальшивыми. Вотъ въ этомъ и лежитъ главная опасность большаго распространенія поддѣлокъ, особенно драгоцѣнныхъ: ихъ наберутъ разные музеи или любители, отъ которыхъ все это перейдетъ въ музеи уже съ печатью нѣкоторой подлинности. Признать фальшивою дорого стоющую, особенно золотую вещь, не охотно рѣшаются вообще всѣ, а часто даже и не могутъ; еще труднѣе рѣшаются, какъ бы слѣдовало, уничтожать все поддѣльное и вотъ, постепенно, поддѣлокъ все болѣе и болѣе прибавляется, глазъ на нихъ воспитывается, а затѣмъ теряется или не выработывается и то тонкое чувство пониманія подлинной древности, безъ котораго не возможно не только изучать или понимать коллекцію, но и составить ее. Ни для кого вѣдь не тайна, что даже крупнѣйшія древнехранилища не избавлены отъ многихъ поддѣльныхъ вещей, именно указаннымъ путемъ туда проникшихъ и тамъ удерживающихся, часто изъ чувства совершенно ложнаго стыда; уже и теперь въ высокой степени желательно очищеніе музеевъ и если не уничтоженіе всего поддѣльнаго, по многимъ побочнымъ причинамъ часто невозможное, то хотя бы выдѣленіе въ особыя витрины, съ очевидными, ясными отмѣтками всего, не только явно поддѣльнаго, но и сомнительнаго. Я не буду болѣе распространяться на эту тему, она и сама собою, для всѣхъ сколько нибудь опытныхъ въ этомъ дѣлѣ, вполнѣ понятна.

Ниже я представлю нѣсколько примѣровъ, пока-же скажу, что поддѣлки всегда бывали у насъ на югѣ, иногда довольно ловкія, но все-же все это вертѣлось на мелочахъ и появлялось относительно рѣдко и въ единичныхъ экземплярахъ; въ послѣдніе годы поддѣльныя вещи стали появляться въ большемъ изобиліи, преимущественно очень цѣнныя, причемъ онѣ замѣтно и быстро улучшаются въ качествѣ и увеличиваются въ количествѣ. Надуваютъ на тысячи и десятки тысячъ рублей и вовсе не однихъ доморощенныхъ любителей; перенеся свою дѣятельность заграницу, съ успѣхомъ обработываютъ крупныхъ тамошнихъ ученыхъ и еще болѣе

крупныя учрежденія Все это, быть можетъ, и лестно артистическому чувству очаковскихъ торговцевъ, но становится въ высокой степени опаснымъ, а потому и должно употребить всѣческіе способы для сокращенія такого производства.

Не буду предлагать какія-либо мѣры законодательнаго или полицейскаго характера, думаю, что обсужденіе этихъ мѣръ дѣло общее и что ему здѣсь не мѣсто, да и не чувствую въ себѣ достаточно увѣренности въ этомъ смыслѣ. Замѣчу лишь, что все это дѣло поддѣлокъ далеко не такъ просто, какъ кажется; касается оно весьма многихъ сторонъ археологіи, жизни и законодательства; замѣшаны въ немъ не одни простые мошенники, но несомнѣнно и люди стоящіе гораздо выше, грамотные, образованные, почти ученые. Мнѣ кажется, что съ успѣхомъ взяться за него можетъ только одна Императорская археологическая коммиссія, если угодно, съ помощью археологическихъ обществъ и музеевъ. Самъ я могу только попробовать помочь въ этомъ дѣлѣ единоличными своими силами. Приходилось мнѣ многое покупать, еще больше видѣть и слышать, попадаться самому, видѣть это, въ самыхъ крупныхъ образчикахъ, на другихъ; мнѣ кажется, что если я изложу все, что знаю о всяческихъ поддѣлкахъ у насъ, то все это можетъ быть небезполезнымъ. Не льщу себя надеждою научить ничего не знающихъ, это совершенно невозможно, но думаю, что смогу обратить вниманіе знатоковъ на нѣкоторыя подробности, небезполезныя для нихъ. Далекъ я отъ мысли запугать поддѣлку моими разсказами, но она станетъ, быть можетъ, нѣсколько осторожнѣе и будетъ искать путей менѣе торныхъ и обычныхъ, а стало быть и болѣе трудныхъ. Впрочемъ, мнѣ кажется, что большія поддѣлки теперь, на нѣкоторое время, сократятся; товарищество поддѣльщиковъ, послѣ крупноуспѣшной дѣятельности послѣднихъ лѣтъ, завершившейся блестящимъ, неслыханнымъ, парижскимъ мошенничествомъ, заработало такъ много, что, вѣроятно, затихнетъ на нѣкоторое время.

Прежде чѣмъ я перейду къ описанію разныхъ поддѣлокъ, позволю себѣ остановиться на одномъ общемъ вопросѣ, который, вѣроятно, не одному мнѣ приходилъ въ голову, а именно, чѣмъ объяснить необычайное развитіе поддѣлокъ въ послѣднее время. Это вопросъ не совсѣмъ праздный, потому что отъ его рѣшенія могутъ

зависѣть и мѣры противу поддѣлокъ. Основной, общаго характера, отвѣтъ на поставленный вопросъ, будетъ въ указаніи чрезвычайнаго вздорожанія древностей въ послѣдніе годы. Я не ошибусь, если скажу, что даже только за послѣдніе пять—шесть лѣтъ, цѣны чрезвычайно повысились, о чемъ особенно удобно судить по монетамъ, бывшія цѣны которыхъ хорошо извѣстны, а сами монеты просто и легко сравнимы, такъ какъ въ расчетъ могутъ приниматься одинаковые, даже почти тожественные экземпляры; цѣны монетъ, по крайней мѣрѣ, удвоились за это короткое время. Объ иныхъ предметахъ древности труднѣе высказаться рѣшительно, но ихъ цѣнность повысилась еще болѣе, въ особенности стекла и золота, которыя цѣнятся теперь въ три—пять разъ выше. Понятно, что при такихъ условіяхъ поддѣлка стала дѣломъ крайне заманчивымъ, приносящимъ чрезвычайные барыши, какъ то я покажу ниже. И такъ, ближайшая причина усиленія поддѣлокъ лежитъ въ вздорожаніи древнихъ вещей, но причина самого вздорожанія не такъ просто опредѣляется. Въ значительной мѣрѣ, вздорожаніе древностей, замѣчаемое не только у насъ, но повсюду, происходитъ отъ причинъ вездѣ дѣйствующихъ: накопленія капиталовъ, удешевленія денегъ, развитія страсти ко всякому коллекціонированію, наконецъ, отъ совершенно понятнаго и естественнаго истощенія древнихъ находокъ. Къ этимъ общимъ причинамъ у насъ присоединяются свои: во-первыхъ, полная, совершенная, дѣйствительная ненаказуемость и безопасность распространенія поддѣлки и во-вторыхъ усиленіе преслѣдованія хищническихъ раскопокъ. Съ первою причиною, вполнѣ понятною, мы сами ничего сдѣлать не можемъ, а существованію второй слѣдовало-бы даже радоваться, если-бы она не сопровождалась нѣкоторыми, весьма плачевными, обстоятельствами, въ значительной мѣрѣ убавляющими нашу радость. Дѣло въ томъ, что уже довольно долгое, усиленное преслѣдованіе хищничества древностей, его не остановило и даже едва-ли много убавило, но за то придало ему особый характеръ, до крайности вредный въ археологическомъ смыслѣ, такъ какъ простое хищничество чужой археологической собственности обратилось въ хищничество истребительное. Для науки все равно кому принадлежитъ вещь, лишь-бы она была, но вовсе не все равно цѣла она или уничтожена. Прежде, раскопки кладо-

искателей, счастливчиковъ, производились съ толкомъ, найденное выбиралось все до тла, осторожно, съ извѣстнымъ и не малымъ умѣньемъ, почти ничто не пропадало, въ этомъ была прямая выгода раскопщика. Дѣлалось все это открыто, а стало быть была возможность доискаться, кто, что, гдѣ и когда нашелъ, даже при какихъ условіяхъ и обманывать во всемъ этомъ не было нужды; а я лично думаю, что три четверти значенія и научной цѣнности всякой древности именно и заключается въ опредѣленіи всего сказаннаго, безъ чего самая вещь, въ большинствѣ случаевъ, теряетъ почти все свое значеніе, становясь скорѣе простымъ предметомъ для любопытства, чѣмъ объектомъ научнаго изслѣдованія. Конечно, далеко не всегда слѣдили за всѣми обстоятельствами находокъ, не обходилось и безъ надувательствъ въ этомъ смыслѣ, но, еще разъ повторю, была возможность добраться до правды, въ особенности послѣ продажи вещи, когда скрывать что-либо, или лгать, уже почти никому и никогда не представлялось выгоднымъ. Совсѣмъ иное дѣло теперь. Раскопка идетъ истинно хищническая, какъ ни попало и что ни попало, большею частью ночью, хватаютъ, что попадется подъ руку, невольно бьютъ и разбрасываютъ остатки; завозятъ вещи какъ можно дальше, особенно заграницу, непремѣнно приписываютъ имъ самое невозможное происхожденіе и не только во время продажи, но и никогда, ни въ чемъ не сознаются, такъ какъ опасность законнаго преслѣдованія всегда остается; но главное, еще разъ повторю, заключается въ неслыханномъ прежде, жестокомъ уничтоженіи массы находимаго[1]). Маленькій примѣръ лучше поясннтъ дѣло. Принесли мнѣ въ Одессѣ кучку разныхъ обыкновенныхъ мелкихъ древнихъ вещицъ съ увѣреніемъ, что все это найдено гдѣ-то за Екатеринославомъ, даже деревню называли, я, однако, не сомнѣваюсь, что вещи были изъ Керчи; все это имѣло весьма мало значенія и вовсе мнѣ не подходило, но я случайно увидѣлъ, въ числѣ прочаго, кусочекъ стекла, цвѣтнаго, чрезвычайно рѣдкаго и по окраскѣ и по вѣроятной формѣ посуды; стекло было свѣже разбито, очевидно при находкѣ и такъ какъ продавецъ, повидимому, былъ

[1]) Появились искатели, которые въ принципѣ, во избѣжаніе хлопотъ, сплавляютъ все найденное ими золото; слышалъ объ одномъ господинѣ, сплавившемъ 5—6 фунтовъ золотыхъ вещей, въ послѣдніе два—три года.

не перекупщикъ, а самъ искатель, то я ему предложилъ весьма крупное вознагражденіе (пятьдесятъ рублей), если найдетъ еще нѣсколько кусковъ того-же стекла. Прежде это было-бы сдѣлано и безъ моего предложенія, сразу самимъ искателемъ, да и посуда навѣрно не была-бы разбита, теперь-же онъ безусловно отказался отъ моего предложенія, хотя вознагражденіе и превосходило все желаемое имъ за всѣ вещи; такъ прямо и пояснялъ, что не только не рискуетъ идти въ то-же мѣсто, но даже не увѣренъ, что его найдетъ; такіе случаи стали теперь нормальнымъ явленіемъ. Вотъ это положеніе вещей и создаетъ для поддѣльщиковъ особенно благодарную почву: предлагаемая къ покупкѣ поддѣлка сопровождается всевозможными вздорными выдумками, но всѣ знаютъ, что это-же дѣлается и для самыхъ несомнѣнныхъ вещей; никакая серьезная провѣрка совершенно теперь невозможна, опять-же такъ точно, какъ и для настоящихъ вещей. Очевидно, что прекрасное само по себѣ преслѣдованіе хищническихъ раскопокъ слѣдовало-бы нѣсколько измѣнить, ввести сюда больше мѣстнаго надзора и мѣстной свободы, даже въ значительной мѣрѣ примириться съ неказенными раскопками, но за то ввести ихъ въ рамку археологическаго надзора. Подробно здѣсь не мѣсто развивать эти мысли, но приложеніе ихъ, какъ мнѣ кажется, спасетъ не мало нынѣ гибнущихъ вещей, избавивъ уцѣлѣвшія отъ неизбѣжности быть въ положеніи не помнящихъ родства, а косвенно повліяетъ на сокращеніе поддѣлокъ. Тѣ-же самыя причины оказывали тѣ-же дѣйствія не только у насъ, но и всюду, напр., въ Греціи, Италіи и Турціи.

Перейду теперь къ объясненію поддѣлокъ и къ указаніямъ, какъ, по возможности, отъ нихъ уберечься.

Когда мнѣ случалось попадаться, ни разу не было, чтобы мнѣ это было указано другими; проходило нѣкоторое время, иногда тутъ-же, сейчасъ, я ясно видѣлъ, что пріобрѣлъ поддѣлку и даже рѣшительно доказывалъ это знающимъ, но еще неубѣжденнымъ лицамъ. Видѣлъ, и не мало знаю примѣровъ, какъ многознающіе и высокоученые люди попадались на самые грубые, самые нелѣпые обманы, затѣмъ, разумѣется, охотно признавали это и сами надъ собою подсмѣивались. Не знаю ни одного ученаго, любителя, знатока, которому не случалось попадаться на поддѣлку; отъ этого

избавлены только тѣ, кому не приходилось что либо пріобрѣтать, или о чемъ либо высказываться. Изъ всего этого очевидно, что весьма часто не недостатокъ собственнаго знанія или опытности, а нѣчто иное способствуетъ сбыту поддѣлокъ; такъ какъ у обманутаго обнаруживается очень сложный психологическій моментъ, въ основѣ котораго всего менѣе невѣжества. Это душевное состояніе трудно поддается описанію, но понятно каждому любителю, оно-же извѣстно и каждому продавцу, а особенно продавцамъ поддѣльнаго, которые и стараются его подготовить. Подготовка эта крайне многообразна; напр. она состоитъ во всевозможныхъ, сами по себѣ вполнѣ вѣроятныхъ разсказахъ, о поѣздкѣ или погонѣ за вещью, ея розыскахъ, трудности и опасности добыванія, загадочности и сложности происхожденія и нахожденія; очень часто, все это за долго подготовляется разными заманчивыми письмами, иногда съ поистинѣ любопытными перипетіями всяческихъ выдуманныхъ похожденій; я знаю примѣры, когда такимъ путемъ даже впередъ получались деньги. Все это клонится къ тому, чтобы заранѣе всячески отвлечь вниманіе отъ самой вещи, помѣшать ее хорошо разсмотрѣть и не дать возникнуть малѣйшей идеѣ о ея поддѣльности. Но главный пріемъ и, по моему, наиболѣе успѣшный, состоитъ въ смѣшеніи подлинныхъ вещей съ поддѣльными; дорогую, поддѣльную, вещь окружаютъ многими, но дешевыми настоящими, особенно обращаютъ вниманіе на послѣднія, ихъ выдвигаютъ и о нихъ преимущественно разсказываютъ; въ послѣднее время въ поддѣльныя вещи стали даже вставлять отдѣльныя частички настоящихъ и это дѣйствуетъ такъ сильно, съ такимъ можно сказать гипнотическимъ внушеніемъ, что просто сразу не находишь, что подумать и сказать, разумѣется если заранѣе не предупрежденъ; на этомъ пріемѣ былъ основанъ нѣсколько разъ повторенный крупный обманъ одного, впрочемъ только начинающаго, любителя, въ Николаевѣ.

Отсюда я сдѣлаю четыре основныхъ вывода:

1) Никогда не торопитесь покупать вещь, отлагайте это какъ можно дольше, чтобы имѣть возможность спокойно, наединѣ, оглядѣть ее. Кому не случалось тщательно и долго искать какое нибудь изображеніе, ясно видимое собесѣдникомъ въ облакахъ или въ очертаніи горы; всѣ усилія воображенія и даже посторонніе ука-

занія ни къ чему не приводитъ; но наступаетъ мгновеніе, когда вы схватываете изображеніе и сами удивляетесь, какъ не видѣли его раньше. Нѣчто совершенно подобное происходитъ и съ сознаніемъ поддѣльности разсматриваемой вещи, поэтому и нужно время. Далеко не всегда и не всѣ мгновенно схватываютъ сущность дѣла, а такая косность и служитъ на пользу поддѣльщиковъ, она-же объясняетъ почему обманываются люди ученые и знающіе. Замѣчу еще, что никогда сколько нибудь добросовѣстный торговецъ, разумѣется съ лицами хотя немного извѣстными, не откажется нѣсколько подождать и самый отказъ въ этомъ является лучшимъ доказательствомъ поддѣльности вещей.

2) Какъ только слышите отъ продавца большіе и особенно сложные разсказы, чѣмъ они вѣроятнѣе, правдоподобнѣе, тѣмъ менѣе давайте имъ вѣры, а вещь считайте поддѣльною и едва-ли когда ошибетесь.

3) Никогда не разсматривайте никакой древней вещи при слабомъ дневномъ и какомъ-бы то ни было искусственномъ освѣщеніи; это безусловное правило особенно важно для золотыхъ вещей. Если необходимость заставляетъ пренебречь этимъ правиломъ, то не составляйте себѣ никакого рѣшительнаго мнѣнія о вещи прежде, чѣмъ не увидите ее при сильномъ дневномъ свѣтѣ.

4) И самое главное: всякую предлагаемую вещь обязательно считайте фальшивою и отказывайтесь отъ этого лишь убѣдивъ себя серьезными доводами въ ея подлинности, а не поступайте обратно, какъ то обыкновенно дѣлается.

Существенное во всемъ этомъ дѣлѣ сохранить хладнокровіе, но долженъ сказать, что это-же и самое трудное, по крайней мѣрѣ для человѣка увлекающагося, безъ чего очень рѣдко можетъ быть знатокъ, любитель.

Отъ общихъ разсужденій я перейду къ частнымъ указаніямъ, для чего древнія вещи раздѣлю по ихъ совершенно внѣшнимъ признакамъ на нѣсколько отдѣловъ[1]).

[1]) Въ виду особаго характера всего этого дѣла я воздержусь отъ какихъ либо личныхъ указаній; надѣюсь, мнѣ простятъ, что я даже обычныхъ ссылокъ на источники дѣлать не буду, но все сказанное могу, конечно, всегда подтвердить, при надобности въ томъ.

Надписи.

Въ прежніе годы поддѣлокъ надписей не бывало, по крайней мѣрѣ мнѣ не приходилось о томъ ни читать, ни слышать, а тѣмъ болѣе видѣть, что-либо подобное[1]); поддѣлки этого рода явились въ послѣдніе десять лѣтъ и, повидимому, составляютъ первый опытъ той шайки мошенниковъ, о которой я буду говорить далѣе. Не существованіемъ раньше такихъ поддѣлокъ и можно объяснить удачу первыхъ образчиковъ въ этомъ родѣ, между нашими учеными. Эти первыя попытки, состоявшія изъ мелкихъ свинцевыхъ или аспидныхъ дощечекъ, а скоро вслѣдъ за тѣмъ и маленькихъ мраморныхъ съ *загадочными* письменами, были до такой степени явно, по рисунку и письму, поддѣльны, что принятіе ихъ за подлинныя только и объясняется неожиданностью ихъ появленія. Не только стиля или правильности письма и смысла въ содержаніи, но даже и словъ тамъ не отыскивалось; все это былъ наборъ какихъ-то монограммъ, буквъ, изображеній. Техника собственно рѣзьбы также очень плоха. Маленькія мраморныя дощечки сдѣланы изъ современнаго итальянскаго мрамора, но въ чемъ-то вымочены, такъ что получаютъ ржавый цвѣтъ. Хотя все это и было, такъ сказать, пробою пера, но въ сбытѣ обнаружилось не мало ловкости и такихъ плитокъ пущено въ обращеніе съ десятокъ, если не болѣе; прибѣгали даже къ такимъ мѣрамъ, что дали возможность одному любителю *самому найти* плитку, въ раскопанной *при немъ* могилѣ, подъ головою покойника и это долго служило аргументомъ несомнѣнной подлинности очевидной поддѣлки. На этой первичной стадіи развитія дѣло продержалось довольно долго и я знаю только одну попытку (въ нашемъ музеѣ), совершенно безсмысленную и крайне плохую по техникѣ, поддѣлать не просто буквы или изображенія, а цѣлую надпись. Затѣмъ, три-четыре года тому назадъ, появляются цѣлыя надписи совсѣмъ иного рода; это уже дѣйствительно большія, полныя надписи, найденныя будто-бы въ Ольвіи и старающіяся сообщить любопытныя свѣдѣнія изъ исторіи этого города. Плиты большія, мраморъ древній, но техника рѣзьбы еще плоховата, стиль письма совершенно не выдержанъ, такъ что я, по крайней мѣрѣ, тогда-же не сомнѣвался

[1]) Я не считаю поддѣлокъ еврейскихъ надписей въ Чуфутъ-Кале, онѣ дѣлались съ совершенно особенною цѣлью и никуда не распространялись.

въ ихъ поддѣльности; находятся двѣ или три штуки въ музеѣ извѣстнаго любителя въ Кишиневѣ. Наконецъ, четыре надписи, довольно большія, въ теченіи 1892 - 93 годовъ были куплены мною и подарены въ нашъ музей. Это уже очень хорошія произведенія, вполнѣ выдержанныя по стилю буквъ и превосходныя по техникѣ исполненія; даже содержаніе, по мнѣнію знатоковъ, только нѣсколько хромаетъ, съ точки зрѣнія грамматической. Не въ свое оправданіе, а лишь въ объясненіе дѣла скажу, что *всѣ* эти надписи, *всѣми* у насъ, сначала, были признаны подлинными и только послѣ долгаго изученія явилось сомнѣніе и ихъ признали болѣе или менѣе рѣшительно поддѣльными. Лично я, теперь, ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ поддѣльности не имѣю, въ чемъ убѣдился безусловно и вполнѣ, какъ только мнѣ случилось ихъ увидѣть въ музеѣ, рядомъ одна подлѣ другой: сейчасъ стала очевидной *одинаковость* стиля исполненія, еще разъ повторю, очень хорошаго. Нѣтъ сомнѣнія, что въ основѣ этихъ поддѣлокъ лежатъ извѣстныя изданія подлинныхъ древнихъ надписей юга Россіи, но составить такія надписи какъ наши поддѣльныя, даже и по этимъ пособіямъ, требовалось умѣнье вообще и знаніе языка и исторіи, а въ особенности стиля, далеко превосходящія не только возможныя у очаковскихъ продавцевъ, но и у близкихъ имъ гимназистовъ; мало того, особенно искусная, чистая и вѣрная рубка буквъ на мраморѣ требовала тоже особо умѣлаго работника, какимъ не могли быть наши обыкновенные мраморщики. Для меня нѣтъ сомнѣнія, какъ будетъ видно и изъ дальнѣйшаго, что товарищество поддѣльщиковъ съумѣло привлечь къ себѣ людей, дѣйствительно знающихъ довольно многое и превосходныхъ работниковъ. Техническія трудности этого дѣла гораздо больше чѣмъ-то кажется и ими только объясняется, почему у насъ на югѣ не появлялось поддѣльныхъ надписей, даже въ Керчи, кромѣ вышеописанныхъ, которыя всѣ продавались очаковскими евреями и выдавались ими какъ найденныя въ Тирѣ, Ольвіи, или ея близкихъ окрестностяхъ. Древній мраморъ для поддѣлокъ добывался, какъ теперь доказано, частью изъ Ольвіи, а частью изъ Керчи, гдѣ часто находятся краткія, не имѣющія значенія, надгробныя надписи которыя стирались и на ихъ мѣстѣ рубились длинныя, соотвѣтствующія ольвійской исторіи и весьма занимательныя.

Эти поддѣлки, стоившія огромнаго труда, приносили слишкомъ мало[1]) и при первомъ подозрѣніи (съ 1893 года) совершенно прекратились, да, конечно, скоро и не возобновятся, такъ какъ простые любители такихъ вещей не покупаютъ, а нѣсколько опытные и тѣмъ болѣе знатоки, всѣ достаточно выучены, чтобы болѣе не обманываться. Въ будущемъ, слѣдовательно, надо все это помнить, но можно быть увѣреннымъ, что новыхъ большихъ надписей не появится и вотъ почему излишни описанія какихъ-либо характерныхъ признаковъ, отличающихъ поддѣльныя надписи, даже если-бы такое описаніе было-бы легко выполнимо. Всѣ мелкія надписи, на свинцѣ, аспидѣ, мраморѣ, особенно загадочныя, гдѣ-либо встрѣчающіяся, въ нашемъ краѣ несомнѣнно фальшивы. Въ самое послѣднее время мнѣ пришлось видѣть нѣсколько поддѣлокъ разныхъ вещей грубѣйшаго свойства и между ними одну маленькую надпись на мраморной плиткѣ; это, однако, дѣло совсѣмъ иныхъ рукъ: буквы рельефныя, что достигнуто рубкою, а затѣмъ травленіемъ камня въ кислотѣ и этого одного признака достаточно, чтобы всѣ подобныя надписи безошибочно счесть фальшивыми, не говоря уже о ихъ полной и совершенно нелѣпой безграмотности[2]).

---

[1]) Я, напр. платилъ 50—70 руб. за надпись; знаю, что другіе платили гораздо больше, но все-же все это суммы слишкомъ небольшія для такого сложнаго дѣла.

[2]) Надпись рельефными буквами, о которой здѣсь говоритъ авторъ, мнѣ удалось видѣть и списать. Она сдѣлана весьма ловко и изящно на мраморной плиткѣ, которую, на первый взглядъ, можно бы принять за пресъ-папье и этимъ объяснять безграмотность надписи. Присмотрѣвшись однакожъ ближе, видно, что ея составитель хотѣлъ ввести въ обманъ покупщика вымышленнымъ историческимъ событіемъ и не твердо зная самъ греческій языкъ и почеркъ древнихъ надписей, дѣлалъ ошибки въ правописаніи и употреблялъ буквы русской азбуки вмѣсто греческихъ. Представляю здѣсь самую надпись:

ΔΟΖΑΤΩΒΑΣΙΛΕΒΕ
ΙΤΩΗΠΕΡΣΩΗΟΠΟΣ
ΕΥΔΩΗΣΟΖΕΤΟΗΔΕ
ΣΠΟΤΙΗΖΕΡΚΣΟΗ

Буква N замѣнена вездѣ русской Н. Греческая Η, т. е. ита, замѣнена русской И. Вмѣсто ξ однажды ΚΣ. Другія ошибки показаны въ транскрипціи.

Полагаю, что составитель хотѣлъ сказать слѣдующее:

Δόξα τῷ βασιλέβει? τῶν περσῶν, ὅπ(ω)ς
Εὔδων (ἔ)σω(σ)ε τὸν δεσπότη(ν) ξέρ(ξην)

Имя выдумано. Надпись можетъ служить лучшимъ образчикомъ поддѣлокъ.

В. Юргевичъ.

Монеты.

Вотъ отдѣлъ, на которомъ поддѣльщики, повсюду подвизались наиболѣе и даже, вѣроятно, съ наибольшимъ успѣхомъ; югъ Россіи, однако очень отсталъ въ этомъ отношеніи, хотя поддѣльныя монеты у насъ извѣстны и распространены, такъ давно, какъ только хватаютъ наши вспоминанія. Каковы бываютъ поддѣлки у насъ, видно въ особой витринѣ нашего музея, на довольно полной коллекціи, составленной изъ всѣхъ поддѣльныхъ монетъ оказавшихся при разборѣ нашего нумизматическаго собранія, накопившагося въ истекшіе полвѣка. Всего болѣе встрѣчаются привозныя обыкновенныя поддѣлки драгоцѣнныхъ, крупныхъ греческихъ монетъ, всѣ литые въ формы настоящихъ, изъ самого плохаго, низкопробнаго сплава. Значительное ихъ количество стали выдѣлывать и у насъ въ Ростовѣ и Керчи. Распространены онѣ повсюду въ очень большомъ количествѣ, вѣроятно, за ихъ дешевизну, но подлинными ихъ, рѣдко кто считаетъ, развѣ дѣти. Болѣе искусныя поддѣлки, не нашихъ монетъ, встрѣчаются всевозможныхъ родовъ, но вообще говоря очень рѣдко, почему и нѣтъ повода ихъ описывать, да и сдѣлать это болѣе чѣмъ не легко. Намъ особенно интересны только *наши* монеты, т. е. монеты греческихъ колоній прибрежій Чернаго моря, особенно находившихся въ предѣлахъ Россіи. Поддѣлкою этихъ монетъ, заграницею, къ счастью, занимались слабо, а у насъ это дѣло было въ ходу только одно время, лѣтъ 10—15 тому назадъ, въ Керчи. Тогда, довольно значительное число любителей, собиравшихъ наши монеты и платившихъ хорошія деньги, вызвало дѣятельность также любителя, поддѣлывавшаго особенно усердно и искусно серебряныя автономныя монеты городовъ босфорскаго царства, преимущественно Пантикапеи. Эти поддѣлки, вѣрнѣе сказать, подражанія чеканились часто на древнемъ серебрѣ и вырѣзывались такъ художественно и хорошо, что надо имѣть весьма большую опытность для признанія ихъ поддѣльности. Никакихъ нелѣпыхъ выдумокъ артистъ не допускалъ, все было просто, вѣрно и строго выдержано и только нѣкоторая сухость рѣзца выдаетъ осторожность современной руки; почти всѣ эти поддѣлки были въ серебрѣ и очень мало въ золотѣ. Не могу указать никакого иного удобоописуемаго признака под-

дѣльности этихъ монетъ, и остается утѣшаться лишь тѣмъ, что эта поддѣлка давно прекратилась, а заготовленныхъ монетъ, еще не проданныхъ, едва-ли много осталось; впрочемъ, слышалъ, что штемпеля еще существуютъ и могутъ появиться новыя изданія этихъ поддѣлокъ. Одно время замѣчались въ обращеніи настолько изрядно выполненныя мѣдныя Керкинитскія монеты, что ихъ появленіе злые языки ставили въ связи съ именемъ умершаго извѣстнаго любителя, нумизмата и археолога; спѣшу завѣрить, что эти слухи не имѣли ни самомалѣйшей доли истины. Эта поддѣлка шла изъ Евпаторіи и тоже настолько искусна, что не поддается описанію; она кончилась и уже много лѣтъ мнѣ не попадались ея образчики. Затѣмъ, я видѣлъ поддѣлку двухъ монетъ, изъ серіи неизвѣстныхъ приписываемыхъ Евпатору. Онѣ поддѣланы хорошо, но крайне рѣдки, такъ что опытнымъ продавцемъ, совершенно искренно, выдавались за настоящія, никогда имъ не видѣнныя. Хорошей патины на монетахъ дѣлать и у насъ не умѣютъ, да и не пробуютъ покрывать ею хорошія поддѣлки. Вотъ все, что я знаю о поддѣлкахъ трудно отличаемыхъ. Сверхъ этого попадаются, но тоже рѣдко, такія упрощенныя поддѣлки, которыя едва-ли многихъ способны ввести въ заблужденіе: литыя, изъ разныхъ металловъ въ форму настоящихъ, статеры босфорскихъ царей; литыя изъ серебра и даже золота, но въ формы настоящихъ мѣдныхъ; съ грубо вырѣзанными новыми клеймами на подлинныхъ мѣдныхъ. Кажется довольно назвать такія поддѣлки, чтобы отличить ихъ, но должно признать, что начинающіе любители бываютъ, иногда, наивности изумительной; напр. года три тому назадъ, были проданы и довольно дорого, двѣ или три штуки золотыхъ ольвійскихъ, просто на просто отлитыхъ, и къ тому-же скверно отлитыхъ, въ формы обыкновеннѣйшей мѣдной ольвійской монеты, такъ называемаго *чертика* (рѣчное божество и лукъ съ сѣкирой). Товарищество поддѣльщиковъ, съ такимъ успѣхомъ дѣйствующее на надписяхъ и золотыхъ вещахъ, якобы изъ Ольвіи, насколько я знаю, только одинъ разъ попробовало свои силы на монетѣ, приложивъ къ этому большія старанія. Выбрали образцемъ самую цѣнную ольвійскую, единственный извѣстный статеръ, но прибавили къ нему разныя занятныя, по ихъ мнѣнію, детали, въ видѣ колосьевъ, передъ головою Деметры

и указанія на выпускъ этой монеты коллегіею девяти; штемпель былъ вырѣзанъ и монета чеканилась. Какъ видно и здѣсь указанія были даны человѣкомъ близко знакомымъ съ историко-нумизматическими сочиненіями по Ольвіи, но художникъ-рѣзчикъ (какъ говорили, какой-то часовщикъ въ Николаевѣ) далеко не оказался на высотѣ своего призванія и исполненіе вышло болѣе, чѣмъ скверными. Однако, кого то въ Керчи надули даже и такой поддѣлкой; потомъ попробовали отчеканить тѣмъ-же штемпелемъ, но изъ серебра, и—тоже обманули одного любителя въ Феодосіи. Дальше это дѣло совсѣмъ не пошло и было брошено, но нѣсколько приготовленныхъ экземпляровъ кажется передали одному, наименѣе совѣстливому торговцу древностями въ Керчи, который и не задумается пустить ихъ въ ходъ, если замѣтитъ въ покупателѣ большую простоту. Еще разъ скажу, поддѣлка нашихъ монетъ, слава Богу, до сихъ поръ не получила развитія, думаю за отсутствіемъ знающихъ, талантливыхъ рѣзчиковъ.

Гончарная посуда.

Обыкновенная глиняная посуда, совсѣмъ простая, или съ краснымъ лакомъ, или съ рельефными украшеніями, совсѣмъ не поддѣлывается; цѣны такъ не велики, что не стоитъ того. Чернолаковая посуда также почти не поддѣлывается, но уже потому, что хорошо поддѣлать черный лакъ, никто не въ состояніи. Однако, мои слова не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что въ этомъ отдѣлѣ древностей нѣтъ и обмановъ; ихъ довольно и тутъ. Посуда, особенно большая чернолаковая, росписная, выцимается очень часто разбитою и ее приходится склеивать, дополняя недостающее кусками отъ другой посуды, или собственнымъ произведеніемъ изъ гипса, бѣлка съ известью, чужихъ черепковъ, кусковъ черепицы и т. п.; затѣмъ все подкрашивается, гдѣ нужно, современнымъ черным лакомъ, или масляною краскою. Хотя все это дѣлается довольно искусно, а иногда даже и совсѣмъ хорошо, но, внимательно вглядываясь, всегда можно отличить вклейки и тѣмъ болѣе новую роспись; въ сомнительныхъ случаяхъ не трудно употребить и способъ, о которомъ скажу ниже. Все это почти нельзя назвать поддѣлкою, а обманутымъ можно быть лишь при желаніи. Практикуется, довольно

часто, еще поддѣлка, о которой я разскажу въ видѣ образца показывающаго, до чего надо быть осторожнымъ и недовѣрчивымъ ко всѣмъ разсказамъ. По недостатку времени, отлагая подробное разсмотрѣніе собранія одного молодаго любителя, я замѣтилъ, что уже и по первому взгляду вижу кое-что поддѣльное и, между прочимъ, указалъ на большую черполаковую амфору, съ черными *рельефными* фигурами. Владѣлецъ отвѣчалъ большими любезностями, но и безусловнымъ отрицаніемъ моего опредѣленія, такъ какъ, ваза ему *подарена* хорошимъ знакомымъ, помѣщикомъ, тѣмъ который ее *самъ* и нашелъ на своей землѣ. До сихъ поръ не могу забыть изумленія молодого любителя, когда я, попросивъ спирту и тряпку, совершенно легко и просто сталъ стирать лакъ съ вазы и ея фигуръ, лакъ оказавшійся простою масляною краскою; а между тѣмъ, въ совершенной подлинности такой, вполнѣ патентованной и гарантированной посуды, казалось, уже не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Я не сталъ говорить о нелѣпости рельефныхъ фигуръ, невозможности ихъ стиля, или уродливости рисунка, все это не всѣми одинаково понимается, но проба лака спиртомъ убѣдительна для каждаго и сдѣлать ее всегда и всѣмъ очень легко; я думаю, излишне прибавлять, что подлинный черный лакъ, не только спирта, но и рѣшительно никакихъ кислотъ и щелочей не боится, и ни отъ чего не стирается. Такія поддѣлки, какъ указанныя, довольно часты но и легко различимы, даже въ томъ случаѣ, когда рельефныя фигуры налѣплены на несомнѣнно подлинныя черполаковыя и росписные сосуды, а видѣлъ я и такіе, сравнительно говоря, довольно часто; всѣ они выдѣлывались въ Керчи.

Терракотты.

Въ этомъ отдѣлѣ были и существуютъ и по сей часъ очень многочисленныя и едва-ли не наиболѣе распространенныя поддѣлки. Всего обыкновеннѣе склеиваніе разбитыхъ фигуръ, что было-бы даже полезно, если-бы недостающія части не пополнялись, чѣмъ ни попало: посудными черепками, гипсомъ, черепицей и т. подобное; иногда, этихъ прибавокъ такъ много, что почти ничего подлиннаго не остается, да и оставшееся, случается, набрано отъ нѣсколькихъ разныхъ терракоттъ; приклейка чужихъ головокъ и вообще состав-

леніе одной фигурки изъ нѣсколькихъ, дѣло самое распространенное. Все такое склеиваніе, производящееся почти исключительно въ Керчи, дѣлается, надо правду сказать, очень искусно; статуэтки подкрашиваются разными составами, подводятся подъ одинъ тонъ, обваливаются въ грязи и дѣлаются, однимъ словомъ, такъ, что весьма трудно отличить даже склейку, а тѣмъ болѣе чужія вставки. Въ этихъ случаяхъ можетъ помочь только самая большая внимательность и особенно тщательный осмотръ внутренности фигурки, гдѣ слѣды склейки гораздо труднѣе скрыть; если-же склейка внутри замѣтна, а внѣшность чѣмъ нибудь покрыта такъ, что тѣхъ-же слѣдовъ не видно, то такую терракотту слѣдуетъ оставлять у продавца, или купить, но только затѣмъ, чтобы точно добраться до того, что именно въ ней подлинное. Съ такою цѣлью слѣдуетъ, хорошо намочивъ въ водѣ, разобрать всю терракотту на части, которыя разумѣется портятся отъ такого обращенія, но за то подлинность кусковъ выказывается вполнѣ; обыкновенно, послѣ такой операціи, годною остается одна головка, да и то не всегда.

Все это только полуподдѣлки, но въ отдѣлѣ терракоттъ есть и цѣлыя, составляющія собственныя произведенія хитроумныхъ керчанъ, исключительно между которыми онѣ и выдѣлываются, распространяясь по всему нашему краю. Эта поддѣлка состоитъ въ дѣланіи и обжиганіи цѣликомъ терракоттовыхъ фигурокъ, что исполняется, или сдѣлавъ слѣпокъ съ древней фигуры, или даже придумавъ все вновь. Первымъ способомъ дѣлаютъ маски, формы которыхъ легко снимаются съ древнихъ; вторымъ больше всего дѣлается женскихъ фигуръ, въ разныхъ позахъ, и эротовъ, или мальчиковъ съ птицами. Впрочемъ, долженъ сказать, что во всемъ этомъ изобрѣтательность и исполненіе очень слабы, такъ что казалось-бы немногихъ можно ввести въ заблужденіе; однако, у насъ въ музеѣ довольно много этихъ новыхъ произведеній выдѣлено въ особую витрину съ поддѣлками, и такъ какъ всѣ были подарены извѣстнымъ археологомъ, то, значитъ, при нѣкоторомъ внушеніи, способны ввести въ заблужденіе и не только начинающихъ. Кромѣ очень плохой работы и совершенно современнаго попинба, главные признаки этихъ поддѣлокъ состоятъ въ слѣдующемъ: онѣ тяжелы, толстостѣнны, грубы, слабаго и очень неравномѣрнаго обжига, такъ что цвѣтъ глины,

вообще сизовато-сѣрый, выходитъ полосами, отъ аспиднаго до краснаго; въ настоящихъ древностяхъ ничего подобнаго не бываетъ, въ такой степени. Техника исполненія, почти та-же что и древнихъ, но всѣ фигуры гораздо круглѣе, большія съ пустотою внутри и отверстіемъ сзади, маленькія почти всѣ круглыя и полныя внутри. Для большаго убѣжденія въ подлинности, эти издѣлія, очень часто, бьютъ нарочно и потомъ склеиваютъ, со всѣми тѣми-же пріемами, какъ я разсказывалъ выше о настоящихъ терракоттахъ. Говорятъ, что будтобы теперь уже перестали обжигать вновь эти поддѣлки, но ихъ заготовлено такъ много, что именно ими заставлены витрины всѣхъ торговцевъ древностями въ Керчи, Ялтѣ, Одессѣ; повидимому этотъ товаръ имѣетъ хорошій сбытъ, вѣроятно потому, что продается очень дешево.

Въ послѣднее время мнѣ приходилось часто видѣть статуэтки, сдѣланныя изъ мягкаго известковаго никерманскаго камня и покрашенныя сверху; онѣ изображаютъ какихъ-то нелѣпыхъ богинь, сидящихъ, или стоящихъ, да еще и съ надписями, русскими буквами. Такого-же точно характера есть дѣланныя и въ бѣловатомъ мраморѣ, хорошо потомъ зачерненномъ и исначканномъ. Все это, кажется, выдѣлывается въ Севастополѣ, какимъ-то досужимъ каменьщикомъ и такъ грубо и безсмысленно, что не представляетъ опасности, хотя все-же продается; продажныя цѣны такъ малы, что непонятна возможность ихъ выдѣлки, но дѣло объяснится, если вспомнить, что каменьщикъ работаетъ какъ настоящій кустарь-любитель, по зимамъ, или праздникамъ, въ свободные дни отъ своего настоящаго дѣла, рѣшительно ни во что не цѣня свой трудъ, неимѣющій иного приложенія въ это время.

Стекло.

Незнаю отъ чего, но въ послѣднее время стеклянныя вещи, а особенно цвѣтнаго стекла, достигли неслыханныхъ цѣнъ и все-же имѣютъ сбытъ; плата въ нѣсколько сотъ рублей за маленькую цвѣтную стеклянную чашку или флакончикъ стала дѣломъ обыкновеннымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такія огромныя цѣны давно-бы вызвали поддѣлку, если-бы самъ по себѣ матеріялъ—стекло, былъ доступенъ домашнему производству; по счастію этого нѣтъ, а большіе заводы за поддѣлку не берутся и мы пока отъ нея избавлены такъ, что

вполнѣ поддѣльнаго стекла у насъ не существуетъ. Обманы со стекломъ, однако, дѣло самое обыкновенное, но для ихъ избѣжанія ничего кромѣ вниманія не требуется. Всѣ они состоятъ въ склейкѣ битаго стекла, при чемъ недостающее пополняется чѣмъ попало, даже не всегда кусками чужаго стекла, а часто просто подкрашеннымъ клеевымъ составомъ; все это дѣлается довольно искусно и иногда требуетъ большаго вниманія, чтобы быть замѣченнымъ. Случается, что простую бѣлую посудину нарочно бьютъ, склеиваютъ и внутри покрываютъ подкрашеннымъ составомъ такъ, что получается гораздо болѣе цѣнное цвѣтное стекло; въ маленькихъ экземплярахъ это продѣлываютъ очень чисто и хорошо. Довольно распространена также выдѣлка одного сосуда изъ частей нѣсколькихъ разбитыхъ Этимъ способомъ стремятся получить сосудъ какой либо рѣдкой или даже вовсе небывалой формы. Поступаютъ напр такъ: осторожно отбивъ длинное горлышко обыкновеннѣйшаго бальзамарія, прикленваютъ туда-же только верхній ободокъ того-же горлышка, получается сосудъ необычайной, невиданной формы, а слѣдовательно, на охотника, высоко оцѣниваемый; тѣхъ-же результатовъ, т. е. рѣдкости или необычайной формы, достигаютъ и другими комбинаціями частей разбитыхъ обыкновенныхъ сосудовъ. Все это, какъ видно, открывается внимательнымъ обзоромъ, но исполненное очень искусно заставляетъ иногда не мало потрудиться прежде чѣмъ поймешь въ чемъ состоитъ поддѣлка; надо твердо помнить только то, что всякій клееный сосудъ непремѣнно заключаетъ въ себѣ какой нибудь грѣхъ, котораго и должно доискаться прежде чѣмъ покупать, или совершенно не покупать ничего имѣющаго малѣйшій признакъ клейки.

Металлы, кромѣ золота.

Поддѣлокъ въ этомъ родѣ почти не существуетъ, что и объясняется, по моему, относительной дешевизной, для не знатоковъ, вещей изъ малоцѣнныхъ металловъ; работать изъ мѣди или серебра также трудно, даже еще труднѣе чѣмъ изъ золота, но вещи изъ послѣдняго продаются во много разъ дороже и покупаются лицами даже весьма мало понимающими древности, прямо какъ цѣнныя вещи сами по себѣ. Изъ серебра я видѣлъ поддѣльную только одну вещь, свѣтильникъ, сдѣланный и продававшійся тѣмъ-же очаковскимъ товариществомъ;

работа очень смѣшанная, мѣстами хорошая, большею частью совершенно грубая, въ замыслѣ тоже очень мало смысла. Вся вещь искусственно снаружи окислена и сдѣлана изъ плохаго серебра Надо замѣтить, что серебряныя издѣлія у насъ находятся рѣдко и къ тому-же бываютъ обыкновенно такъ сильно переѣдены, что живаго серебра почти не остается; исключенія изъ этого правила еще болѣе рѣдки и находятся развѣ только въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Этого довольно, чтобы ко всякой вещи изъ серебра относиться крайне подозрительно, а если она вполнѣ цѣлна и не глубоко окислена, то по одному этому, почти безошибочно, можно ее считать поддѣльною.

Издѣлья изъ мѣди, по той-же причинѣ, дешевизнѣ матеріала, должны поддѣлываться еще рѣже и дѣйствительно я видѣлъ и знаю всего-на всего только одну такую поддѣлку: большая маска, почти въ естественную величину женскаго лица, съ частью шлема, по ободку котораго, мелкими буквами, набита надпись. Все это разумѣется окислено и перержавлено самымъ усиленнымъ и достовѣрнымъ образомъ. Вещь находится у одного любителя въ Севастополѣ; списать надпись, очень мало разборчивую, я не имѣлъ терпѣнія.

Поддѣлки изъ свинца знаю только въ видѣ тѣхъ попытокъ сочинить загадочныя надписи, о которыхъ говорилъ въ началѣ; все это относительно небольшія плитки, покрытыя нелѣпыми монограммами, отдѣльными буквами, или грубыми изображеніями. Настоящія свинцовыя вещицы, часто находимыя, почти всегда покрыты больше или меньше, особой патиной, осадкомъ извести, крѣпко прикипѣвшимъ къ металлу и отстающимъ только въ кислотѣ; этому подражать поддѣльщики не умѣютъ совершенно, замѣняя патину просто грязью; такого признака достаточно для отличія поддѣлки. Впрочемъ, кромѣ плитокъ и двухъ трехъ пустыхъ вещицъ, никогда не видѣлъ ничего поддѣльнаго изъ свинца, очевидно, по причинѣ дешевизны металла и чрезвычайной легкости поддѣлокъ изъ него.

Золото.

Поддѣлки золотыхъ вещей извѣстны у насъ давно, но все это дѣлалось очень рѣдко и мало поступало въ обращеніе, такъ какъ требовало затраты порядочнаго капитала и изрядnаго искусства.

Маленькія полуподдѣлки всегда были и будутъ довольно часты; онѣ состоятъ, напр. изъ набора въ одно настоящихъ частицъ разныхъ ожерелій, подвѣски чужой серьги къ кольцу, прибавки какихъ нибудь камешковъ къ подвѣскамъ, вставки старыхъ стеклышекъ или новыхъ камней, тамъ гдѣ они выпали, и т. п. Все это можно сказать невинно и легко узнается при внимательности. Затѣмъ, лѣтъ 15—20 тому назадъ стали появляться уже довольно крупныя поддѣлки золотыхъ вещей, дѣлавшіяся, говорятъ, въ Екатеринодарѣ, Ростовѣ и Керчи; теперь ихъ что то не видно и развѣ иногда попадаются въ третьихъ рукахъ, часто добросовѣстно видящихъ въ нихъ настоящія; работа вообще хуже дѣлаемой теперь. Въ послѣднее же время это дѣло пошло впередъ очень бойко и въ обращеніи появилось большое количество крупныхъ поддѣльныхъ золотыхъ вещей, которыми надѣлены наши любители и собиратели, а затѣмъ и нѣкоторые наши и заграничные музеи. Всѣмъ этимъ мы несомнѣнно обязаны шайкѣ мошенниковъ, которая, слегка попробовавъ свои силы на разныхъ мелкихъ поддѣлкахъ, какъ я показывалъ выше, рѣшилась взять быка прямо за рога и занялась усиленно поддѣлкою золотыхъ вещей, оставивъ въ сторонѣ все остальное, какъ малоцѣнное.

Мнѣ, кажется, удалось пересмотрѣть, если не все сдѣланное этимъ товариществомъ, то все-же очень многое и я могу говорить объ этихъ издѣліяхъ достаточно подробно. Поддѣлывались: золотыя коробочки съ крышечками, или вазочки, фибулы, обувь, серьги, ожерелья, браслеты, пластинки съ разными изображеніями, кинжалы, а всего больше золотые вѣнцы или, если угодно, короны, тіары, діадемы; какихъ либо другихъ золотыхъ вещей я пока не видывалъ поддѣльныхъ.

Коробочки и вазочки были сдѣланы въ довольно большомъ количествѣ. Идя изъ тѣхъ-же рукъ, онѣ представляютъ довольно изрядное разнообразіе, какъ по качеству золота, такъ и по искусству выполненія, но не по идеѣ. Почти всѣ онѣ непремѣнно отдѣланы сканью, филигранью и зернью; въ ихъ крышечки, а иногда и въ бока вставлены камни, главнымъ образомъ альмандинъ или, гораздо рѣже, настоящіе древніе рѣзные камни. На одной я видѣлъ чеканное, довольно изящное, изображеніе. На нѣкоторыхъ, вѣроятно первыхъ, употреблено золото низкопробное, съ сильною примѣсью мѣди и вообще вся ра-

бота сразу выдастъ поддѣлку; но, затѣмъ, производство значительно улучшается, золото появляется высокаго качества, превосходнаго цвѣта, камни подлинно античные, а филигрань и зернь такъ хороши, что лучшихъ нечего и желать.

Фибулъ я видѣлъ двѣ, обѣ съ скапью, филигранью и вставкою настоящихъ альмандиновъ; на одной изъ нихъ хорошо вычеканена голова Зевса, по точному и хорошему рисунку отриколійскаго бюста; по работѣ эта фибула очень хороша, тогда какъ первая, насколько мнѣ удалось узнать, дѣланная гораздо раньше, значительно хуже, особенно нехорошъ прилой зерни.

Золотыхъ пластинокъ, большихъ, дѣлали немного и я видѣлъ всего штуки три, изъ нихъ двѣ одного рисунка; одна у насъ въ музеѣ, подарокъ извѣстнаго археолога и любителя, другая въ Петербургѣ, въ частномъ собраніи. Пластинки, въ ладонь величины, изображаютъ окончаніе состязанія Аполлона съ Марсіемъ: Аполлонъ съ кноарою удаляется въ право, увѣнчиваемый богомъ горы (?), слѣва изумленный Марсій; рядомъ съ нимъ Панъ съ свирѣлью, подлѣ нихъ герма Вакха. Рисунокъ довольно хорошъ, но изобличаетъ современный пошибъ работы, а чеканка слабая и боязливо осторожная. Вѣроятно все откуда нибудь заимствовано, но настолько порядочно, что поддѣльность вещи утвердилась несомнѣнно только съ появленія точно такого-же втораго экземпляра, а до этого, не только археологъ-дарителъ вѣрилъ въ ея подлинность, но и многіе сомнѣвались; извѣстный иностранный археологъ, которому была указана табличка съ этими вещами, не рѣшился безусловно утвердить ея поддѣльность; правда, впослѣдствіи, въ 1893 году, онъ писалъ, что нашъ музей переполненъ поддѣлками, но намъ, во время осмотра музея указалъ только то, что мы и сами таковымъ считали, и все это, очень немногое, собрано въ одну маленькую витрнику, въ качествѣ образцевъ поддѣлокъ. Мелкихъ золотыхъ бляшекъ въ подражаніе нашиваемымъ на одежду, было надѣлано очень много, просто штампомъ; я видѣлъ изображенія бычьей головы, льва идущаго влѣво, головы мужчины съ бородою и рожками, есть и болѣе крупныя; золото плоховато, очертанія изображеній и края бляшекъ рѣзкія, сухія, почти острыя; все это позволяетъ узнать эти новѣйшія издѣлія. Еще я видѣлъ пластинку совершенно

иного рода, ею кажется хотѣли изобразить что-то въ родѣ современной брошки. Толстое золото, въ серединѣ, рельефомъ, извѣстное изображеніе кентавра, играющаго на флейтѣ и везущаго Эрота, все окружено бордюромъ изъ скани и зерни; такихъ пластинокъ кажется сдѣлано двѣ, одна въ Кишиневѣ, другая въ Николаевѣ. Той-же руки работу поясныя застежки въ видѣ двухъ большихъ блянъ съ чеканнымъ рисункомъ, видѣлъ въ Ростовѣ

Обувь, въ видѣ башмаковъ изъ листоваго золота, была сдѣлана, какъ мнѣ разсказывали, въ нѣсколькихъ экземплярахъ; одинъ попалъ къ извѣстному археологу въ Петербургѣ, а другой говорятъ былъ проданъ за границу; слышалъ, что третій, не находя себѣ сбыта, былъ передѣланъ въ одинъ изъ вѣнцовъ находящихся въ Николаевѣ, какъ я скажу далѣе.

Серьги поддѣлывались въ большомъ количествѣ и такъ сказать въ двухъ разныхъ направленіяхъ. Во-первыхъ, серьги въ подражаніе поздпимъ серьгамъ въ видѣ полумѣсяца; онѣ дутыя, довольно широкія; иногда все тѣло ихъ въ видѣ изогнутаго дельфина; иногда на концѣ головка барана, или просто оба конца одинаковы; концы такой дутой коробочки соединяются проволочной дужкой, обмотанной крученой ниткой; тѣло коробочки серьги украшено скапью, зерпью и даже вставленными стеклышками; внизу къ нему иногда подвѣшено по нѣсколько трехгранныхъ подобій кисти винограда, или маленькіе дельфинчики. Почти въ томъ-же родѣ и съ такими-же украшеніями серьги, дужка которыхъ обмотанная проволокою постепенно расширяется, переходя въ головку змѣи, болѣе или менѣе близкую къ правдѣ. Тамъ и здѣсь плохой припой зерни и дурная работа въ началѣ переходитъ подъ конецъ въ очень хорошую и совершенно правильную. Такихъ серегъ я видѣлъ штукъ шесть. Вторая серія поддѣлокъ серегъ состоитъ изъ широкой, круглой или овальцой, золотой пластинки, съ разными подвѣсками, иногда въ три яруса; сверху дужка изъ проволоки крючкомъ. Пластинки изукрашены чеканными головками, или вставкою подлинныхъ древнихъ камней и стеколъ, а также, само собою разумѣется, скапью и зерпью. Подвѣски состоятъ большею частью изъ разныхъ круглыхъ и иныхъ стеклышекъ, непремѣнно подлинныхъ, столь легко и обильно добываемыхъ отъ разныхъ пропизей или перстней, въ Керчи; иногда подвѣсками бываютъ и золотыя пирамидки, въ видѣ виноградныхъ

кисточекъ, украшеніе очень любимое поддѣльщиками и очень часто встрѣчаемое въ подлинныхъ вещахъ. Такихъ серегъ я знаю нѣсколько паръ (одна у насъ въ музеѣ); и въ нихъ тоже замѣтно рѣзкое улучшеніе работы и качества металла.

Браслетовъ мнѣ случилось видѣть только два; одинъ сдѣланъ плохо, дутый, прямоугольнаго сѣченія, со вставкою стекла (античнаго) кабошономъ; вся наружная сторона украшена сканью и зернью; закрывается по образцу современныхъ съ шарниромъ и пружиною; другой, уже лучше, въ видѣ крученой проволоки съ дутыми головками и камнями, но все-же, видимо, это производство еще только въ зародышѣ.

Ожерелій я видѣлъ пять штукъ, три въ Николаевѣ и два въ въ Ростовѣ. Вѣроятно, многіе еще помнятъ крупную находку, сдѣланную въ Ольвіи въ 1891 году, вещи изъ которой находятся въ Москвѣ и въ свое время возбудили не мало сомнѣній въ ихъ подлинности; онѣ были подробно описаны гг. Орѣшниковымъ и Шварцемъ (Древности Моск. Арх. Общ., т. XV). Самыя вещи я видѣлъ давно и только мелькомъ; теперь сужу о нихъ лишь по рисунку и полагаю, что какъ серьги, такъ и ожерелье, въ общемъ, не только подлинныя, но что именно онѣ и были главнымъ поводомъ, побудившимъ усилить производство поддѣлокъ (хорошо было заплачено), подавъ идею для послѣдующихъ поддѣльныхъ ожерелій[1]). Два поддѣльныхъ ожерелья въ Николаевѣ составлены каждое изъ пяти золотыхъ бляхъ, частью съ чеканенными на нихъ изображеніями (Деметры, Ники, Тихе), частью со вставкою большихъ и маленькихъ стеколъ; все это обильно украшено сканью и зернью. Крупныя бляхи соединены между собою разными мелкими бляшками, которыя прибавлены и по концамъ, по нѣсколько штукъ, чтобы удлинить ожерелье; въ одномъ ожерельи на концахъ придѣланы бараньи головки. Кромѣ того, къ большимъ бляхамъ и между ними прицѣплены разныя подвѣски, изъ одного золота, или со стеклышками. Третье ожерелье все составлено изъ продолговатыхъ золотыхъ бусъ, соединенныхъ ко-

[1]) Въ этомъ ольвійскомъ ожерельѣ, быть можетъ, есть и чужія, поддѣльныя, вставки, но, въ общемъ, еще разъ повторяю, судя по рисунку, оно подлинно. Глазурованная ваза, той-же находки, также несомнѣнно подлинна.

лечками, по серединѣ бляха съ чеканною головою Зевса, а внизъ, по всему ожерелью, на тонкихъ цѣпочкахъ, въ два ряда, подвѣшаны маски бородатаго мужчины съ рожками (взяты съ рисунка ожерелья изъ «Древностей» гг. Кондакова и Толстого) и овальныя привѣски въ видѣ желудей.

Въ двухъ изъ этихъ ожерелій былъ примѣненъ способъ подмѣси подлинныхъ вещей, сдѣланный такъ ловко, что я долго не могъ угадать въ чемъ дѣло. Стекло и камни, конечно, подлинные, но и кромѣ того, въ видѣ подвѣсокъ, употреблено также нѣсколько подлинныхъ очень хорошихъ, частью даже рѣдкихъ, вещицъ: головка быка, эротъ, нѣсколько золотыхъ бусъ въ видѣ амфоръ, всѣ продолговатыя бусы третьяго ожерелья. Разумѣется, когда все это будетъ замѣчено, или указано, то впечатлѣніе подлинности исчезаетъ и поддѣлка ясна, но въ первую минуту съ трудомъ соображаешь, въ чемъ дѣло, а это все, что требуется продавцу. Въ Ростовѣ, видѣлъ роскошныя ожерелья, состоящія изъ густо плетеной толстой цѣпочки съ подвѣшенными къ ней разной величины пластинками; каждая украшена по серединѣ гранатомъ, окруженнымъ, по всему полю пластинки, въ нѣсколько рядовъ, скаными и филигранными нитями и разной крупноты зернью; все это въ родѣ вышеуказанной фибулы, но превосходной, можно сказать, безупречной работы.

Въ той-же коллекціи, въ Николаевѣ, нашелся золотой вѣнецъ, который для связи дальнѣйшаго, я опишу раньше: это простое подражаніе часто находимымъ въ Керчи погребальнымъ вѣнкамъ съ листочками сельдерея; сдѣланъ весьма порядочно и могъ бы легко ввести въ заблужденіе, если-бы поддѣльщики не перестарались. По серединѣ вѣнка они вычеканили сцену жертвоприношенія, съ вазоваго рисунка (Baumeister's Denkmäler, стр. 1107), срисовали плохо и смысла рисунка не поняли: Ника вмѣсто парящей надъ жертвенникомъ сдѣлана почти стоящею, фигура флейтщика справа выпущена, а у прислуживающихъ юношей, на вертелахъ, вмѣсто кусковъ жертвеннаго мяса сдѣлано что-то въ родѣ кудели. Глубокоуважаемый Н. П. Кондаковъ, указавшій мнѣ, со всегдашнею своею готовностью, источникъ этого рисунка, вмѣстѣ съ тѣмъ позволилъ заявить, что такой рисунокъ и съ точно такими-же ошибками, онъ уже видѣлъ, на днѣ золотой чаши или патеры, несом-

нѣкою поддѣльной, которую продавали, будто-бы, отъ имени какого-то учителя изъ Херсона; это прибавляетъ еще поддѣлку къ далеко не полной коллекціи, описываемой мною. Другой вѣнецъ съ листьями находится у меня; онъ гораздо худшей работы вообще и имѣетъ по серединѣ пресквернo вычеканенную голову Горгоны, съ ольвійскаго медальона.

Кинжалъ, или лучше сказать золотая обдѣлка его рукоятки и ноженъ, находящійся въ Николаевѣ, открываетъ собою серію золотыхъ поддѣлокъ, съ надписями; тутъ вѣроятно были собраны всѣ силы товарищества, прежде работавшія врозь, кто на надписяхъ, а кто въ золотѣ. Взятъ подлинный нержавленный клинокъ, съ подлинною шишкою рукоятки; затѣмъ предположено, что ножны пропали безъ остатка, а уцѣлѣла только ихъ золотая обдѣлка, сдѣланная по современнымъ понятіямъ и состоящая изъ наконечника, верхней обдѣлки и трехъ промежуточныхъ скобъ; рукоять также вся обдѣлана листовымъ золотомъ. На всѣхъ скобахъ, наконечникѣ и на рукояти вставлены настоящіе альмандины, съ зернью вокругъ; наконечникъ обдѣланъ чешуйками; на верхней скобѣ ноженъ чеканная голова вирямь Деметры (съ ольвійскихъ медальоновъ), а по *серединѣ* рукояти голова въ профиль собственнаго, скверная сочиненія, неизвѣстно что изображающая. Вверху рукояти, вокругъ и подъ ея шишкой надпись:

ΧΑΡΙΣΤΗΣΑΣ-ΦΡΟΝΤΗΙΣΣΤΡΑΤΗΓΩΣ

Все вмѣстѣ представляетъ очевидную и совершенно нелѣпую поддѣлку.

Первый видѣнный мною вѣнецъ—корона, былъ у извѣстнаго любителя въ Кишиневѣ. Это широкій обручь, изъ хорошаго золота, съ трехугольными зубчиками на верху; на немъ выбиты разные узоры точками или сканными нитями, по серединѣ тоже выбитыя пальметки, затѣмъ два кадуцея, между которыми неизбѣжная надпись:

ΦΙΛΟΣ ΔΗΜΙΤΡΟΣ
ΧΑΡΙΝ ΔΑΔΟΣΣΑΤ
ΟΛΒΙΟ ΠΟΛΙΝΕΡΕΜ
ΑΡΙΧΛΕΣ

Подъ кадуцеями, съ обѣихъ сторонъ надписи, ЕМ; передаю все съ совершенною точностью. Въ общемъ все очень плохо, аляповато и безграмотно, но для продажи вѣнца былъ устроенъ цѣлый любительскій спектакль, съ предварительными письмами, долгими переговорами, подлинными мужиками, пріѣзжавшими даже на волахъ и ссорившимися, будто-бы не умѣя или не желая толкомъ раздѣлить выгоды совмѣстной находки; разумѣется, были и неизбѣжные очаковскіе евреи, будто-бы только сводившіе продавцевъ съ покупателемъ, а въ дѣйствительности художественно и успѣшно поставившіе всю эту траги-комическую сцену.

Вторую корону принесли мнѣ совсѣмъ другія лица (но несомнѣнно той-же шайки), провожающіе будто-бы ничего незнающую старую еврейку, сдѣлавшую необычайную находку и сейчасъ уѣзжающую за границу; пришли въ попыхахъ, поздно ночью. Взглянувъ на вѣнецъ, я имѣлъ неосторожность высказать о немъ свое мнѣніе, отложивъ подробный осмотръ до другого дня. Больше я не видѣлъ ни продавцевъ, ни короны и не могу описать ее, но она была совершенно въ стилѣ вышеописанной и также съ надписью. Быть можетъ, это одна изъ тѣхъ, которыя, говорятъ, были проданы за границу, какъ я скажу ниже.

Третья корона находится у одного любителя въ Севастополѣ. Это такой-же золотой обручъ, широкій, съ тисненными разными узорами и пальмстками, безъ всякихъ иныхъ изображеній, но съ неизбѣжною надписью:

ΝΑΕΙΣΔΙΟΥΝΥΣΙΟΥΚΑΙΗΓΥΝΗ-ΑΥΔΕΜΗΞΔΙΟ
--ΝΥΣΙΟΥ

По слухамъ, впрочемъ мало опредѣленнымъ, еще одна или двѣ подобныхъ короны были проданы гдѣ-то за границей, въ Краковѣ или Франкфуртѣ, кажется; больше ничего объ этомъ не знаю, но поддѣльность и этихъ коронъ несомнѣнна.

Гораздо затѣйливѣе и лучше по исполненію большая роскошная корона, находящаяся въ той-же, обильной поддѣлками, коллекціи

молодого любителя въ Николаевѣ[1]). Это очень широкій обручь, изъ довольно толстаго листа, верхняя треть котораго обдѣлана въ видѣ зубчатой стѣны съ такими-же выступающими и подымающимися надъ стѣною девятью башнями; нижнія двѣ трети обдѣланы въ особый поясъ, верхъ и низъ котораго украшены линіями чеканныхъ пальметокъ, овами и нитками скани. Верхній рядъ пальметокъ прерывается девятью выдающимися впередъ головами необычайнаго звѣря, съ львиною мордой, но козлиными рогами; изъ подъ этихъ головъ ниспадаютъ на широкую среднюю часть девять чеканныхъ гирляндъ, въ нижнихъ треугольникахъ которыхъ по три круглыхъ стекла или камня, конечно, подлинныхъ. Въ полукругахъ надъ гирляндами разныя чеканныя изображенія: голова Зевса (точно та-же, что показана выше на фибулѣ и также хороша); орелъ на дельфинѣ (съ монеты); рѣчное божество (съ монеты, голова мужчины съ бородою и рожками, сдѣлана недурно); дельфины и рыбы (собственная фантазія, прескверная); голова Артемиды (собственное изобрѣтеніе, очень плохое, передъ головою лукъ); голова Горгоны (взята съ ольвійскаго медальона съ головою Деметры, но прибавленъ высунутый языкъ и по нарочнѣ змѣй сбоку, лѣзущихъ головами въ волоса Горгоны); судно съ гребцами (собственная выдумка, пребезобразная); голова Деметры (тоже своя скверная выдумка, точно такая-же, тою же рукою дѣланная, какъ и на вышеописанной, поддѣльной, ольвійской монетѣ, отъ коллегіи девяти); наконецъ, львы, терзающіе оленя (исполнены хорошо, но совершенно въ современномъ стилѣ и способѣ работы; взяты, вѣроятно, съ какой нибудь современной иллюстраціи).

Внизу этихъ изображеній, между двухъ нитей и точекъ, длинная надпись кругомъ, въ одну строку: ΚΑΛΛΙΝΙΚΟΣ ΕΥΞΕΝΟΥΑΡΧΩΝΑΧΙΛΛΕΙΓΟΝΤ ΑΡΧΙΕΡΑΤΕΥΟΝΤΟΣΚΑΛΛΙΣΘΕ ΝΟΥΥΓΕΡΝΕΙΚΗΣΤΗΣΑΓΟΤΟΝ ΣΚΥΘΟΝ

[1]) О ней читалъ докладъ профессоръ Курціусъ въ Берлинскомъ Археологическомъ Обществѣ и признавалъ ее подлинною.

Я нарочно описалъ подробно эту корону, чтобы показать всю ее замысловатость; и если прибавить, что она, разумѣется, покрыта почтенными остатками красной патины, а камни и стекла играютъ совсѣмъ антично, то и не очень будетъ удивительна возможность принять ее за настоящую, въ особенности если за деревьями не видѣть лѣса, а въ данномъ случаѣ упускать изъ вида общую логику и духъ античнаго искусства. Очень сожалѣю что, не получивъ согласія владѣльца, не могу приложить рисунка, ни этой короны, ни указанныхъ выше серегъ, ожерелій и т. под.

Мнѣ приходилось уже нѣсколько разъ указывать, какъ произведенія нашихъ поддѣльщиковъ постепенно улучшались, какъ даже въ одной и той-же вещи, наряду съ почти совершенными встрѣчаются прямо нелѣпыя части. Очевидно, что исполнители есть достаточно хорошіе, замыселъ уже сомнителенъ, а рисунки хороши, если повторяютъ подлинное, но никуда негодны, если придуманы самими поддѣльщиками. Несомнѣнно, все это чувствуется самими поддѣльщиками и въ послѣднее время, повидимому, они добыли себѣ хорошаго рисовальщика, тщательно проштудировали все дѣло и создали свой chef d'oeuvre — я говорю о знаменитой тіарѣ, или колпакѣ Сайтафарна, недавно пріобрѣтенномъ Луврскимъ музеемъ. Какъ ни хорошо это произведеніе, однако и въ немъ, по счастью для насъ, кое-гдѣ проглядываютъ промахи.

Прежде чѣмъ я пойду дальше долженъ сказать, что я слышалъ будто вокругъ этого произведенія возникла большая полемика, за и противъ его подлинности; отчасти съ умысломъ, а больше по невозможности имѣть, въ послѣднее время, подъ руками археологическую литературу, я ничего не знаю положительнаго о существѣ и подробностяхъ этой полемики. Такимъ образомъ, все что я скажу дальше есть продуктъ моихъ личныхъ соображеній, ничѣмъ не навѣянныхъ. Затѣмъ, прибавлю, что этотъ колпакъ Сайтафарна я не видѣлъ, о чемъ весьма сожалѣю, но для меня довольно его хорошаго изображенія въ Gaz. des beaux arts (1896, Livrais. du 1-er Mai), чтобы не питать ни малѣйшей вѣры въ его подлинность; и если я и сожалѣю о томъ, что не видѣлъ его, то не потому, чтобы, увидѣвъ, могъ измѣнить свое мнѣніе,—это невѣроятно,—а потому, что

на рисункѣ не все такъ легко замѣтить, какъ на самой вещи, особенно, поскольку дѣло касается патины, весьма важнаго и очень любопытнаго вопроса.

По поводу этого колпака, одному нашему извѣстному ученому археологу было предложено, также извѣстнымъ археологомъ-французомъ, доказать его подлинность или поддѣльность точными указаніями, кто, гдѣ и когда его нашелъ, если онъ подлинный, или сдѣлалъ, если фальшивый. Дилемма не только трудная, но можно сказать совершенно неисполнимая для археолога, сколь-бы онъ ни былъ ученъ; это можетъ сдѣлать развѣ хорошій судебный слѣдователь, да и то не всегда. Но такая постановка вопроса не только трудна; она и невѣрна. Едва-ли много найдется архиподлинныхъ вещей, о которыхъ можно представить доказательства въ желаемомъ смыслѣ и, я думаю, почти вовсе не найдется поддѣльныхъ вещей, даже такихъ нагло поддѣльныхъ, въ которыхъ не усомнится новорожденный младенецъ, о которыхъ возможно утвержденіе, подкрѣпленное доказательствами: кто, гдѣ и когда сдѣлалъ. Да, наконецъ, подобныя доказательства обладаютъ лишь мнимой достовѣрностью и съ ними совершенно возможны случаи, въ родѣ разсказаннаго выше о томъ любителѣ, который на извѣстномъ мѣстѣ, въ извѣстное время, самъ лично выкопалъ плитку съ надписью — что не мѣшаетъ плиткѣ быть несомнѣнно фальшивой (случай далеко не первый этого рода). Нѣтъ, доказательства подлинности и поддѣльности вещей основываются на совершенно иныхъ соображеніяхъ, несравненно болѣе прочныхъ и вѣрныхъ, вовсе не требующихъ непремѣнно знанія, кто, когда, что и гдѣ нашелъ, а имѣющихъ въ виду лишь самую вещь.

Ничего точно отвѣчающаго вопросамъ, кто, гдѣ и когда я не могъ доискаться о всемъ вышеуказанномъ; имѣю только подозрѣнія, но не доказательства; ничего бо́льшаго я не имѣю и для колпака Сайтафарна. Основываю-же свою увѣренность въ его поддѣльности на весьма многихъ соображеніяхъ. Первыя изъ нихъ касаются стиля вещи, ея рисунка въ особенности. Этого рода доказательства, вѣроятно, представятъ, несравненно лучше и подробнѣе, лица съ бо́льшимъ авторитетомъ; не могу не замѣтить однако кое-

чего и въ этомъ смыслѣ[1]). Цѣлая полоска вверху колпака, волюты изъ листьевъ, есть болѣе ренессансъ, чѣмъ античный рисунокъ. Сцены верхней части колпака трактованы совершенно въ современномъ, даже, такъ сказать, легкомъ стилѣ, находясь въ родствѣ съ вышеуказанными поддѣльными пластинками. Рисунокъ нижней части, не только такого-же современнаго пошиба, но и представляетъ удивительную смѣсь другъ съ другомъ несходныхъ изображеній, усмотрѣнныхъ въ разныхъ нашихъ археологическихъ изданіяхъ, а такія изображенія, какъ скифъ съ воздѣтыми руками, или лошадь въ укороченномъ видѣ, имѣютъ даже комическій видъ. Впрочемъ, всѣ такого рода доказательства слишкомъ субъективны и далеко не всѣми одинаково понимаются, поэтому я и не буду болѣе распространяться на эту тему. Другой разрядъ доказательствъ болѣе общедоступенъ и такъ сказать осязателенъ; я къ нему и перейду.

Человѣкъ не грамотный и жившій исключительно въ странѣ съ плоскими кровлями, вздумавъ, по слухамъ, нарисовать нашъ домъ, легко могъ-бы, не понимая, что онъ дѣлаетъ, изобразить щипецъ крыши по серединѣ фасада дома, но, смѣю думать, подобная ошибка невозможна, не только для нашего художника, но даже и для нашего ребенка; конекъ крыши всякій сдѣлаетъ на своемъ мѣстѣ надъ домомъ. Вотъ такая-то, невозможная ни у какого древняго художника, ошибка и сдѣлана современнымъ поддѣльщикомъ въ разсматриваемомъ колпакѣ. Въ немъ два различныхъ поля, для рисунковъ и украшеній; эти поля могли-бы быть раздѣлены одно отъ другаго всяческими самыми разнообразными мотивами, но поддѣльщикъ вспомнилъ стѣнные зубцы, очень ему удавшіяся, которыми онъ вывернулъ выше описанную корону и вотъ онъ употребляетъ тотъ-же мотивъ, по серединѣ колпака, въ видѣ простыхъ чертъ, а не въ видѣ настоящихъ зубцевъ. Возможна-ли подобная выдумка для грека, отлично знавшаго, что такое стѣнная корона? Чѣмъ такая ошибка отличается отъ щипца крыши, нарисованнаго по серединѣ дома? Весьма вѣроятно, что поддѣльщикъ вспомнилъ

---

[1]) Я слышалъ, что по этому вопросу есть статьи Фуртвенглера, который, конечно, выяснитъ все, въ отношеніи стиля; этой статьи, сознаюсь, умышленно не хотѣлъ прочесть, пока не кончу свою, чтобы писать безъ вліянія чьего-либо.

современную папскую тіару, съ вѣнцами надѣтыми на нее, идея-же колпака вообще, конечно, взята съ подобнаго покрытія, найденнаго въ курганѣ подлѣ Павловской батареи въ 1875 году (Древ. гг. Кондакова и Толстого). Но всѣмъ вышеуказаннымъ поддѣлкамъ на коронѣ должна быть надпись и вотъ поддѣльщикъ, забывъ свои-же прежнія издѣлія, не приготовляетъ ей сколько-нибудь мотивированнаго мѣста, опредѣленной полосы, а прямо валяетъ по стѣнѣ и башнямъ Смѣю думать, что вышеуказанныхъ ошибокъ вполнѣ достаточно, чтобы утверждать поддѣльность колпака-тіары, вовсе ее не видя и не зная, кто, гдѣ и когда ее сдѣлалъ. Но этого недовольно. Надпись на колпакѣ гласитъ: ΗΒΟΥΛΗ ΚΑΙΟΔΗΜΟCΟΟΛΒΙΟΠΟΛΕΙΤΩΝ ΒΑCΙ ΛΕΑ ΜΕΓΑΝ ΚΑΙ ΑΝΕΙΚΗΤΟΝ CΑΙΤΑ ΦΑΡΝΗΝ.

Вѣроятно-ли, даже возможно-ли, чтобы ольвійцы осмѣлились, грозному царю написать на лбу такую штуку? Но истинѣ, подобная идея можетъ прійти въ голову только современному поддѣльщику, у котораго она, впрочемъ, и совершенно понятна, такъ какъ его воззрѣнія не идутъ далѣе понятія о портсигарѣ, съ надписью, подаренномъ на именины. Наконецъ, если тіара была поднесена Сайтафарну, то какъ ее могли найти въ Ольвіи?

Въ товариществѣ имѣется очевидно мастеръ эпиграфистъ; поддѣлывать простыя надписи—поле не обширное и вотъ онъ придумываетъ надписи на всѣ короны, чего у насъ никто и нигдѣ не находилъ, да смѣю думать и не найдетъ на подлинныхъ; выдуманныя надписи часто не только вздорны, но даже и не вполнѣ грамотны и вовсе не соотвѣтствуютъ тому мѣсту, гдѣ онѣ помѣщены. На колпакѣ Сайтафарна надпись правильна, но невозможна и по своему смыслу и по мѣсту. Надо прибавить, что Сайтафарну особенно повезло у поддѣльщиковъ: были хорошо чеканенныя монеты, будто-бы его; есть въ Петербургѣ поддѣлки съ этимъ именемъ; съ нимъ-же, одна изъ нашихъ поддѣльныхъ надписей, на которой и формы буквъ Α и Θ тѣ-же, что и на колпакѣ; теперь появляется

и колпакъ-тіара, подносимая тому-же царю, очевидно дабы успокоить его потревоженную тѣнь.

Не могу не прибавить, что о всѣхъ дѣйствительно сдѣланныхъ находкахъ, особенно крупныхъ, столь рѣдкихъ, слухи расходятся всюду; наши музеи, а особенно любители и продавцы, всегда знаютъ все случившееся въ этомъ родѣ, да въ огромномъ большинствѣ случаевъ не только знаютъ, но кто нибудь видитъ и самыя вещи; иного ничего не бывало и не можетъ быть по самой сущности дѣла. Между тѣмъ, не только любители, но даже ни одинъ изъ продавцевъ, нигдѣ не слышалъ о находкѣ этой тіары и всѣ стали узнавать объ этомъ только изъ газетныхъ слуховъ; дѣло совершенно невозможное, при обыкновенной, дѣйствительной находкѣ. Не малое значеніе, имѣетъ и то обстоятельство, что тіара идетъ изъ Ольвіи, также какъ и рѣшительно всѣ самыя видныя поддѣлки, описанныя мною выше.

Все это довольно давно написано мною, но только что случай доставилъ мнѣ еще одно прекрасное доказательство поддѣлки тіары, если въ этомъ еще есть надобность.

Въ Ростовѣ одному любителю писали, что парижская тіара поддѣльна, но что подлинная, по которой сдѣлана парижская, сохраняется и можетъ быть ему продана, если онъ согласенъ заплатить хорошія деньги; подпись неясна. Отсюда не трудно заключить, что уже есть или изготовляется второй экземпляръ колпака, которому подготовляютъ дорогу, обыкновеннымъ, всѣмъ намъ знакомымъ, пріемомъ; въ свою очередь, второй экземпляръ какой либо сомнительной и рѣдкой вещи, есть лучшее и уже несомнѣнное доказательство ея поддѣльности. И такъ, не только нѣтъ сомнѣнія въ поддѣльности этого колпака-тіары, но я даже совершенно убѣжденъ, въ томъ что теперешніе защитники его подлинности, въ самомъ скоромъ времени, будутъ сами изумляться, какъ они могли повѣрить такому обману. А такъ какъ покупатели и защитники люди очень знающіе, осторожные, высокоученые, то, быть можетъ, и они сознаются, что въ этомъ дѣлѣ бываетъ своего рода гипнозъ, внушеніе, которому подлежатъ не одни маленькіе, начинающіе любители. Послѣ такого сознанія возможно ожидать какого нибудь такого

общаго дѣйствія, въ которомъ крупныя звѣзды науки, власть имущіе, прійдутъ на помощь маленькимъ, для совмѣстнаго выживанія поддѣлки и сдѣлаютъ это не только съ точки зрѣнія общечеловѣческой, но и просто ради собственныхъ интересовъ.

Вмѣстѣ съ колпакомъ, какъ извѣстно, Луврскій музей пріобрѣлъ и ожерелье; рисунокъ его (цинкографія) такъ не ясенъ, что я не рѣшаюсь составить по нему свое мнѣніе, но, судя по описанію и большому количеству *стеклянныхъ* подвѣсокъ, подлинность ожерелья весьма мало вѣроятна; надо думать, что въ немъ только стекла и нѣкоторая доля мелкихъ золотыхъ частицъ подлинны. Но возвращусь къ поддѣлкамъ золотыхъ вещей.

Большая часть этихъ поддѣлокъ въ подражаніе подлиннымъ вещамъ, покрыта красною патиною; особенно много патины на всѣхъ поддѣлкахъ въ Николаевѣ, на коронахъ и на колпакѣ Сайтафарна, судя по описанію. Это побудило меня заняться вопросомъ о томъ, что такое подлинная патина золотыхъ вещей, такъ какъ въ археологической литературѣ этотъ вопросъ, на сколько я знаю, не затрогивался вовсе; тутъ-же скажу, что я не пришелъ ни къ какому несомнѣнному заключенію, но все-же передамъ свои соображенія въ надеждѣ, что болѣе меня знающіе возьмутся за серьезное изслѣдованіе всего этого. При нахожденіи древнихъ золотыхъ вещей, какъ извѣстно, случается, что золото оказывается покрытымъ сплошнымъ слоемъ какого-то вещества, красно-бураго, даже иногда почти фіолетоваго цвѣта; это вещество лежитъ тончайшимъ ровнымъ слоемъ, такъ сказать неимѣющимъ толщины. Такая патина не прочна и стирается отъ тренія даже мягкою кистью съ водою, но однако не вся; мѣстами она остается очень крѣпко, какъ-бы въѣвшись въ самое золото. Что же это за вещество и какъ оно получается? Разсказы о томъ, что эта патина происходитъ отъ вліянія трупа, или огня при его сожиганіи, невѣроятны; никакое органическое вещество, въ первомъ случаѣ, не могло сохраниться тысячелѣтія, а въ жару, какъ извѣстно, золото не окисляется. Пробуя крѣпкой соляной кислотой, я не замѣтилъ, чтобы патина въ ней растворялась; въ нашатырномъ спиртѣ повидимому она немного растворяется, окрашивая его въ розоватый цвѣтъ. Очевидно, что такихъ элементарныхъ попытокъ недостаточно и необходимъ настоящій химическій анализъ.

Затѣмъ, разспрашивая другихъ, вспоминая видѣнное самимъ, я нашелъ, что патины не бываетъ на вещахъ хорошаго времени, когда и золото было весьма высокопробное; напротивъ, вещи I—III вѣка по Р. Х. почти всегда съ патиною, но въ нихъ и золото гораздо хуже, о чемъ можно судить, какъ по его виду, такъ и по тогдашнимъ босфорскимъ статерамъ. Обдумавъ все вышесказанное, приходится остановиться на той мысли, что патина есть продуктъ окисленія самого золота, какъ это ни маловѣроятно; мнѣ кажется, что это есть такъ называемый кассіевъ пурпуръ, соль золота и олова, которая и получается въ тѣхъ случаяхъ, когда въ золотѣ есть примѣсь послѣдняго металла. Весьма вѣроятно, что кромѣ того имѣютъ значеніе и внѣшнія обстоятельства, химическій составъ той почвы, въ которой находится вещь; напр. въ Херсонесѣ, хотя вещи и позднаго времени, а золото низкопробное, но патины на нихъ до сихъ поръ не находили.

Изслѣдуя подлинную патину, я думалъ, что найду какое нибудь химическое средство для отличія ея отъ поддѣльной, но мои надежды не оправдались. Поддѣльная патина совершенно также относится къ кислотамъ и щелочамъ, какъ и настоящая, видъ-же ея далеко не таковъ. Цвѣтъ излишне яркій, почти малиновый, лежитъ она не всюду ровнымъ слоемъ, а мѣстами очень толстыми пятнами, стирая или смывая которыя, нигдѣ не видишь, чтобъ патина въѣлась въ золото, какъ то бываетъ съ настоящею; наконецъ, отъ кислоты поддѣльная патина не сходитъ, но маленькое шипѣніе замѣчается, чего не бываетъ съ подлинною. По всѣмъ соображеніямъ, поддѣльщики наносятъ на золото тоже кассіевъ пурпуръ, но, чтобы онъ держался, чѣмъ-то предварительно смазываютъ вещь, отчего получается и шипѣніе и неровные, толстые слои патины. Думаю, что въ изслѣдованіи этого вопроса лежитъ и способъ химическаго отличія подлинной вещи отъ поддѣлки; въ Парижѣ это сдѣлать легко, да и колпакъ Сайтафарна того стоитъ.

Я вообще старался указывать признаки поддѣльныхъ вещей, но для золотыхъ это наиболѣе трудно, если только не считать всѣхъ тѣхъ соображеній, которыя являются послѣдствіемъ изученія стиля и духа античныхъ вещей, но этого къ сожалѣнію не разсказать.

Приходится быть очень осторожнымъ, вспоминать описанныя мною поддѣлки, наконецъ, придерживаться и нѣкоторыхъ признаковъ.

Если вещь очень покрыта грязью, замазана, или имѣетъ неровную, рѣзкими пятнами положенную патину, она болѣе чѣмъ сомнительна. Надо тщательно приглядываться къ вещи, нѣтъ-ли въ ней какой нибудь случайной ошибки, которая сразу выдастъ поддѣлку. Выше представлены примѣры подобныхъ ошибокъ и я долженъ сказать, что онѣ то и составляютъ главный камень преткновенія для поддѣльщиковъ; къ сожалѣнію, умѣнье открывать такіе промахи получается только долгимъ опытомъ и дается не легко. Появленіе на вещи какого-либо извѣстнаго по книгамъ узора или рисунка очевидно указываетъ и на поддѣльность вещи. На тоже указываетъ, несомнѣннѣйшимъ образомъ, повтореніе вещи, если только это не какая нибудь обыкновенная мелочь, въ родѣ пронизи, или простого колечка, сережки. Употребленіе въ большой и цѣнной вещи многихъ простыхъ стеколъ на золотѣ, очень подозрительно, такъ какъ стекло и въ древности едва-ли стоило того, чтобы имъ украшать дорогую вещь; это дѣлалось рѣдко, и больше въ мелкихъ и дешевыхъ вещицахъ. Припой филиграни, зерни и проч никогда не бываетъ замѣтенъ въ подлинныхъ вещахъ и если онъ отличается по цвѣту или просто даже только замѣтенъ, то вещь несомнѣнно поддѣльная. Надо, впрочемъ, замѣтить, что только первые поддѣлки были съ плохимъ припоемъ, болѣе легкоплавкимъ, чѣмъ зернь и слѣдовательно отличающимся по цвѣту; теперь работаютъ въ совершенствѣ и припоя ни по цвѣту, ни по виду отличить невозможно.

Не разъ случалось, что хорошіе золотыхъ дѣлъ мастера признавали поддѣлку настоящею именно потому, что зернь сдѣлана такъ, какъ они дѣлать не умѣютъ, и однако приходится сознаться, что поддѣльщики умѣютъ работать лучше заправскихъ мастеровъ и нисколько не уступаютъ въ этомъ отношеніи древнимъ мастерамъ; въ этомъ я убѣждался не разъ, даже прямо для меня была сдѣлана маленькая пластинка, съ зернью и сканью на показъ; работали въ Одессѣ, но посредникъ, не хотѣлъ сказать, кто именно, повидимому, какой-то совсѣмъ маленькій мастеръ, содержимый въ самомъ черномъ тѣлѣ. Часто можно услышать въ доказательство подлинности вещи, что такъ хорошо теперь дѣлать не умѣютъ, но этотъ аргументъ

безусловно невѣренъ. Я выше указывалъ, какъ замѣтно и рѣзко, въ короткое время, улучшилась поддѣлка во всѣхъ отношеніяхъ; доказательство—всѣ послѣднія работы и особенно колпакъ Сайта-Фарна, очень хорошо сдѣланный; изъ этихъ примѣровъ видно, что не умѣютъ сдѣлать вещи истинно въ древнемъ духѣ, умно, въ типѣ, но хорошо, особенно по техникѣ, замысловато и занятно, даже и очень умѣютъ.

Ни малѣйшаго значенія также не имѣетъ дешевизна покупаемой вещи для доказательства ея подлинности, хотя этотъ доводъ и приводится часто какъ рѣшительный. Знаю примѣры, гдѣ вещь куплена дешевле золота на вѣсъ и все таки была поддѣльною. Въ объясненіе этого, казалось-бы невозможнаго обстоятельства, стоитъ только вспомнить, что всѣ подобныя вещи переходятъ черезъ очень много рукъ; конечно, первый поддѣльщикъ хорошо знаетъ цѣну и не продастъ дешевле золота, но послѣдующіе продавцы обыкновенно достовѣрные, которымъ часто вещь попалась случайно, не за деньги, уже ничего не знаютъ, назначаютъ цѣну какую попало и даже имъ не приходитъ въ голову предварительно взвѣсить вещь; это случайность самая обыкновенная. Какъ-то мнѣ пришлось купить кучку завѣдомо фальшивыхъ золотыхъ монетъ, превосходно сдѣланныхъ, прямо на вѣсъ полуимперіаловъ, причемъ древнія монеты были даже гораздо болѣе высокопробнаго металла, чѣмъ наше золото; недавно попалась превосходной работы подлинная золотая вещица прошлаго вѣка, проданная дешевле вѣса ея золота. Всѣ такія, повидимому странныя, обстоятельства легко объясняются разными житейскими случайностями, но никогда не могутъ служить доказательствомъ ни подлинности, ни поддѣльности вещи.

Заговоривъ о стоимости вещей, я думаю, не лишне будетъ сообщить, насколько мнѣ удалось собрать свѣдѣній, во что обходятся вещи самимъ поддѣльщикамъ. Очень часто приходится слышать: если-бы это была поддѣлка, то она обошлась-бы страшно дорого, а между тѣмъ куплена за столько-то, т. е. очень дешево. Къ сожалѣнію, мои развѣдки не оправдали такихъ обычныхъ рѣчей и промыселъ поддѣлки золотыхъ вещей оказывается много выгоднѣе, чѣмъ то обыкновенно думаютъ. Частью разузнавая черезъ третьихъ лицъ, частью собирая справки открыто, у золотыхъ дѣлъ мастеровъ,

я пришелъ къ заключенію, что золотникъ по вѣсу золота въ дѣлѣ, въ такихъ издѣліяхъ, какъ я описывалъ выше, обходится около 7—10 рублей, смотря по трудности работы. Продажную цѣнность почти невозможно опредѣлить, но едва-ли она менѣе 20—30 рублей за такой-же золотникъ, если судить по нѣкоторымъ извѣстнымъ мнѣ примѣрамъ. Конечно, не всегда удается продать поддѣлку очень выгодно, но я не думаю, чтобы когда-либо приходилось продавать за свою цѣну. Разумѣется, работа такихъ особенныхъ вещей, какъ колпакъ Сайтафарна, стоитъ дороже вышеупомянутыхъ цѣнъ, но полагаю, что самимъ поддѣльщикамъ, вмѣстѣ съ ожерельемъ, это все стоило не болѣе четырехъ—пяти тысячъ рублей, а продано было, говорятъ, почти за семьдесятъ пять тысячъ рублей (двѣсти тысячъ франковъ). Не только изъ этого необычайнаго случая, но и изъ обыкновенныхъ примѣровъ видно, какую громадную выгоду даетъ поддѣлка, именно потому, что обходится гораздо дешевле, чѣмъ склонны мы всѣ объ этомъ думать. Да это и понятно: работаютъ бѣдняки безъ всякихъ магазиновъ, вывѣсокъ, пошлинъ, цѣховыхъ приписокъ и проч. работаютъ при самой бѣдной обстановкѣ и чрезвычайной эксплоатаціи ихъ главными коноводами.

Все то что я разсказывалъ до сихъ поръ въ достаточной мѣрѣ доказываетъ и чрезвычайную выгоду и распространеніе поддѣлокъ, а ихъ постоянное и быстрое улучшеніе указываетъ на участіе въ этомъ дѣлѣ очень многихъ лицъ, даже такихъ, которые стоятъ повыше простыхъ ремесленниковъ. Самое-же то обстоятельство, что, за незначительнымъ исключеніемъ, всѣ цѣнныя или эпиграфическія поддѣлки относятся къ Ольвіи, или по смыслу своему (надписи, короны), или по объявленію продавцовъ о мѣстѣ якобы ихъ нахожденія, совершенно естественно и давно заставляло обращать усиленное вниманіе на Ольвію, вѣрнѣе сказать на Очаковъ, черезъ который идутъ какъ подлинныя, такъ и поддѣльныя вещи; думали тамъ и найти всю эту большую мошенническую шайку. Не мало мы всѣ предпринимали разныхъ розысковъ, разспросовъ, частнымъ путемъ разумѣется, но должны сознаться, что все это не привело ни къ чему положительному. Извѣстны три—четыре еврея, которые всегда и во всѣхъ продажахъ поддѣлокъ принимаютъ прямое или косвенное участіе; однако, можно утверждать, что не они

составляютъ душу предпріятія и даже не имъ достаются главные барыши. Сознаться не хотятъ ни въ чемъ и ни за что, не отказываясь даже отъ признанія, что то или другое ими проданное поддѣльно; не хотятъ назвать ни работниковъ, ни тѣмъ болѣе руководителей всего дѣла, но что таковые есть, кажется, я вправѣ утверждать изъ всего мною слышаннаго. Повидимому, можно считать вѣрнымъ, что большая часть работы, въ золотѣ и надписяхъ, дѣлается въ Одессѣ; приходилось мнѣ слышать указаніе даже на Вѣну, но этому я плохо вѣрю. Во всякомъ случаѣ, дѣло ведется такъ давно, настолько открыто и такъ широко распространено, что недоступное частному изслѣдованію, несомнѣнно легко и просто будетъ открыто лишь только за это возьмется надлежащая судебная власть и хорошій сыщикъ. Для себя мы этого не могли добиться, но теперь обработали иностранцевъ, въ частности еще и друзей-французовъ; остается надѣяться, что если они похлопочатъ, то для нихъ сдѣлаютъ, чѣмъ и насъ избавятъ отъ волны поддѣлокъ, угрожающей затопить все дѣло документальнаго познанія нашего уголка древняго міра.

А. Бертье-Делагардъ.

Ялта.
Августъ, 1896 г.

P. S. Изложенное выше давно написано и набрано, перемѣнить трудно, да нѣтъ и надобности, хотя неожиданное стеченіе обстоятельствъ позволило мнѣ быть въ Парижѣ и самому увидѣть тіару Сайтафарна. Этимъ послѣднимъ я обязанъ самой совершенной и любезной предупредительности гг. директора и консерваторовъ Лувръ-скаго музея, а въ особенности участію и вниманію г. Сол. Рейнаха; долгомъ считаю принести всѣмъ этимъ лицамъ мою самую глубокую благодарность. Я прошу ихъ вѣрить, что съ особымъ удовольствіемъ готовъ былъ бы признать свое мнѣніе ошибочнымъ, а вещи подлинными; къ сожалѣнію, довольно тщательный осмотръ всего не поколебалъ моего мнѣнія и къ вышесказанному мнѣ остается сдѣлать лишь нѣсколько дополненій.

Патина на тіарѣ и ожерельи не такъ густа, какъ то мнѣ казалось по описанію, но столь-же подозрительна, хотя, конечно, я и не могъ ее попробовать кислотою или щелочами.

Работа вообще тіары превосходна, самаго тонкаго чекана, лучше чѣмъ то кажется по рисунку и чѣмъ было все до сихъ поръ мною видѣнное въ поддѣльныхъ вещахъ. Едва-ли такой рисунокъ и чеканъ возможны въ Одессѣ, такъ что по неволѣ приходится придать значеніе ходящимъ у насъ слухамъ, указывающимъ на Вѣну, какъ на мѣсто поддѣлокъ; къ тому-же и продана была тіара вѣнскимъ торговцемъ, лишь съ указаніемъ на то, что все найдено въ Ольвіи. Есть однако и промахи, не замѣчаемые на рисункѣ: внутри тіары есть внизу шишки, а вверху крючекъ, мѣдные, назначеніе ихъ мало понятно, но зато видъ вполнѣ античный; змѣя на верху оказывается не одна свившаяся въ кольцо, а сквозь первую пропущена шея и голова второй что и не красиво и смысла не имѣетъ и конечно, не въ духѣ древней работы.

Ожерелье я держалъ въ рукахъ, но не имѣлъ возможности, какъ чужую собственность, серьезно испробовать. Работа и здѣсь превосходна; очень много частицъ подлинныхъ, какъ напр. всѣ стекла и гранаты, овальныя подвѣски ожерелья, вѣроятно баранья головка; въ общемъ впечатлѣніе хорошее. Однако, есть многое и очень подозрительное. Прежде всего система ожерелья, точно какъ у всѣхъ фальшивыхъ; цѣпочки такія какихъ я никогда не видывалъ у насъ, ни въ какой древней вещи, гдѣ бываютъ или плетеныя, какъ коса и шнурокъ, или въ родѣ цѣпи Вокансона, здѣсьже употреблены подобныя обыкновенной цѣпи (якорной), именно такія и на нашихъ фальшивыхъ ожерельяхъ; наконецъ, изобиліе стекла и только два граната—столь легко доставаемаго въ Керчи—совершенно не вѣроятно въ такой драгоцѣнной вещи; всѣ эти тончайшія стеклянныя бусинки и подвѣски разлетѣлись-бы въ дребезги послѣ нѣсколькихъ дней ношенія ожерелья, которое только для этого и предназначалось. Въ объясненіе слышанныхъ мною возраженій прибавлю, что вставка древняго стекла въ новую вещь, повидимому, не представляетъ особыхъ затрудненій, такъ какъ именно этотъ способъ употребленъ въ весьма многихъ фальшивыхъ вещахъ, описанныхъ выше. Стиль и золото ожерелья не сходны съ тіарой и, кажется со словъ продавца, это объясняется полученіемъ вещей изъ двухъ различныхъ находокъ; тѣмъ болѣе удивительно, что мы здѣсь никогда, ни объ одной, ничего не слышали.

Съ большимъ сожалѣніемъ высказывая неблагопріятныя мнѣнія о подлинности Луврскихъ пріобрѣтеній, я радъ возможности взять назадъ одно изъ серьезныхъ доказательствъ ихъ поддѣльности, хотя и остающихся довольно: выше я говорилъ, что предлагается одному любителю второй экземпляръ тіары; полученныя объ этомъ, болѣе подробныя свѣдѣнія говорятъ иное; предлагается что то особенное и чрезвычайное, но, по краткому описанію, не сходное съ тіарой Сайтафарна и, повидимому, подлинное.

Доисторическіе памятники Болгаріи.

Часто повторяющіяся и притомъ вполнѣ основательныя сѣтованія на то, что почва Болгаріи въ археологическомъ отношеніи или слишкомъ мало или вовсе не изслѣдована[1]), побудили меня написать эту небольшую статью о доисторической эпохѣ Болгаріи. Первый опытъ составленъ на основаніи мнѣ лично извѣстныхъ находокъ, безъ всякихъ претензій на полноту относящихся сюда свѣдѣній, которая въ настоящее время еще невозможна. Для бо̀льшей наглядности будутъ включены въ текстъ изображенія нѣкоторыхъ находокъ. Въ статью не войдетъ описаніе искуственныхъ пещеръ и мегалитическихъ памятниковъ, находящихся въ Болгаріи, каковы дольмены, менгиры, жертвенные камни и пр.; о нихъ надѣюсь написать особое сообщеніе.

I.

Добываніе кремня.

Въ сѣверныхъ отрогахъ Балканскихъ горъ тянется узкая полоса мѣловаго известняка, въ которомъ кое-гдѣ попадаются залежи кремня, доставлявшаго первобытному человѣку самый удобный матеріалъ для изготовленія различныхъ орудій. Слѣды добычи этого минерала нашелъ я во многихъ мѣстахъ. Около деревни Мраморена, въ окрестностяхъ гор. Врацы, находится нѣсколько ямъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «рупи»: одна изъ нихъ круглая, имѣющая приблизительно три метра въ поперечникѣ и полъ метра глубины; другая яма имѣетъ дно, шириною въ четыре метра. Кремень встрѣчается здѣсь въ видѣ закругленныхъ камней различной величины.

[1]) См. напр. L. Niederle, Lidstvo v době předhistorické. Praha 1893. стр. 70. K. Sittl, Archäologie der Kunst. München 1895, стр. 98.

Недалеко отсюда, возлѣ дер. Чирена, въ мѣстѣ, называемомъ «Бухоня», находится нѣсколько такихъ-же ямъ. Далѣе къ востоку слѣды добыванія кремня замѣчаются около деревни Калена: въ мѣстѣ, извѣстномъ окрестнымъ жителямъ подъ названіемъ «кръсть», находятся три ямы; одна изъ нихъ имѣетъ въ глубину 4—5 метровъ, въ ширину около 15 метровъ. Вблизи этихъ мѣстъ расположена деревня «Кременна», которая уже своимъ названіемъ указываетъ на то, что въ ея окрестностяхъ попадается кремень. Въ восточной Болгаріи о подобномъ явленіи свидѣтельствуютъ турецкія названія холмовъ: Чакмакъ-Баиръ (у дер. Девна), Чакмаклакъ (у дер. Криварѣка) и Чакмакъ-лагюзу (у гор. Шумена): кремень по-турецки называется «чакмакъ».

Кремень встрѣчается въ большомъ количествѣ такими-же кругляками и въ окрестностяхъ Никополя (у Дуная), около устья рѣки Осмы и на берегахъ р. Вита у развалинъ Садовскаго монастыря (у дер. Сираково, Плевненскаго округа), гдѣ одинъ слой известняк переполненъ шарообразными кусками кремня; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ въ длину почти одинъ метръ. Находимый здѣсь кремень отличается пепельнымъ цвѣтомъ.

Упомянемъ еще о кремнѣ, встрѣчающемся въ наносной землѣ диловіальнаго періода, и назовемъ для примѣра Кремиковцы въ сѣверной части Софійской равнины и Локорско, гдѣ находится черный кремень, далѣе окрестности Мустафа-Паши, Кулели-Бургаса (въ Турціи), гдѣ находятся залежи кремня темно-желтаго цвѣта.

Около дер. Кривой-рѣки напали на засыпанныя ямы, въ которыхъ найдены обломки искусно отдѣланныхъ оленьихъ роговъ и каменный молотъ[1]). Камни первоначально отдѣлывались тутъ-же, на мѣстѣ находки, что доказываетъ множество осколковъ (тур. баклукъ), которые вмѣстѣ съ упомянутыми обломками оленьихъ роговъ наполняютъ древнія ямы. Находка роговъ свидѣтельствуетъ о томъ, что ямы были засыпаны еще въ то доисторическое время, когда человѣкъ работалъ костяными орудіями.

Не лишено интереса то, что у дер. Кривой-рѣки еще теперь добываютъ кремень для изготовленія такъ называемыхъ «дикановъ».

[1]) К. и Г. Шкорпилъ, Паметници изъ Българско. Отдѣлъ III, часть 1. София 1892, стр. 40—43.

Дикань – это первобытное орудіе, распространенное по всему Востоку, которымъ молотятъ хлѣбъ; оно состоитъ изъ широкой доски, въ нижнюю часть которой вбиты острые кремешки [1]. Кремни, необходимые для этихъ молотилокъ, достаютъ такимъ образомъ: сперва выкапываютъ ямы глубиною отъ 1 до 1,5 метра, послѣ чего разширяютъ ихъ уступами, чтобы удобнѣе было спускаться въ ямы и выбрасывать землю. Кремни находятся на глубинѣ 3—4 метровъ и имѣютъ форму круглышей. Величина ихъ неодинакова: попадаются камни такой величины, что трудно поднять ихъ обѣими руками. Камни обыкновенно покрыты слоемъ глины. Эти камни свозятся на ослахъ въ дер. Крива-рѣка (Ири-дере), гдѣ раскалываются обыкновенными молотами слѣдующимъ способомъ: сидя по-турецки, работникъ придерживаетъ камень лѣвою рукою и сильнымъ ударомъ молота разбиваетъ его на части; затѣмъ онъ смотритъ по излому, годится ли камень для дальнѣйшей разработки или нѣтъ. Если кремень годится, то работникъ по излому раскалываетъ его слабыми ударами на мелкіе куски и, смотря по качеству, величинѣ и цвѣту, распредѣляетъ его по кучкамъ, имѣющимъ разную стоимость. Камни эти продаются главнымъ образомъ въ гор. Шуменъ и Правадію, гдѣ сосредоточена главная фабрикація «дикановъ», которые вывозятся отсюда въ разныя мѣста Болгаріи и въ Румынію. Придерскій кремень отличается цвѣтомъ желтымъ, почти какъ медъ, и бываетъ покрытъ бѣлыми крапинками.

Мы нарочно описали современную обработку кремня въ Болгаріи, чтобы можно было хотя приблизительно составить себѣ понятіе о томъ, какимъ образомъ первобытный человѣкъ бралъ за изготовленіе необходимыхъ ему орудій.

II.

Неолитическіе курганы.

Во время нашихъ частыхъ экскурсій, предпринимаемыхъ при благосклонномъ содѣйствіи болгарскаго правительства, намъ удалось

[1]) Уже древніе египтяне и израильтяне молотили хлѣбъ подобнымъ орудіемъ. Виргилій (Georg. I, 164) называетъ такую доску tribulum, а Варронъ (R. R. I, 52, 1) описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: Tribulum fit e tabula lapidibus aut ferro asperata, quae imposito aurriga aut pondere grandi trahitur iumentis iunctis, ut discutiat e spica grana. (См. P. Vergili opera Edidit Alb. Forbiger. I. Editio quarta. Lipsiae 1872, p. 215 ad l. c.)

найти въ разныхъ мѣстахъ Болгаріи многочисленные неолитическіе курганы[1]), какъ напримѣръ на берегу Дуная около гор. Рущука, у подошвы Малыхъ Балканъ, у дер. Джулуницы (Терновскаго округа), въ восточной части Балканскихъ горъ, на берегахъ р. Луда-Камчіа, около дер. Керметлика (Чанакъ-тепесси и Аюгъ-тепе), во оракійской равнинѣ около Пловдива, Костева и Златаго-трана, у сѣверной подошвы Родопскихъ горъ, у Аликочова въ окрестностяхъ Пештеры и въ другихъ мѣстахъ.

Эти курганы выдаются своими большими размѣрами, преимущественно высотою, а затѣмъ неправильной формой; вверху они образуютъ довольно большую площадку, почему многіе изъ нихъ и носятъ названіе «Плоска могила» (тур. Яся-тепе), какъ напримѣръ одинъ курганъ у Пловдива и дер. Злати-транъ. Послѣдній тянется отъ сѣвера къ югу, имѣя въ длину около 100 метровъ, въ ширину 45 м.; самый высокій склонъ его на сѣверной сторонѣ (около 8 м.). Курганъ, лежащій у дер. Джулуницы, тянется отъ запада къ востоку на разстояніи 60 метровъ и имѣетъ въ вышину 8 метровъ; ширина кургана на одну треть меньше длины. Самой большой высоты достигаетъ и здѣсь сѣверная часть кургана. Что всѣ упомянутые курганы нужно отнести къ доисторическому періоду человѣчества, ясно доказываетъ ихъ содержаніе: они состоятъ изъ культурныхъ слоевъ, въ которыхъ находится зола, уголь, обожженная глина, кости животныхъ, множество черепковъ глиняной посуды, осколки кремня, каменныя орудія и пр. Обожженная глина кирпичнаго цвѣта образуетъ тонкіе слои, какъ напримѣръ въ курганѣ у Айюгъ-тепе, или, что бываетъ чаще, находится въ ямѣ, которая въ свое время была мѣстомъ для жертвоприношеній. По множеству черепковъ и обожженной глины народъ называетъ эти курганы «грънчарници» (гончарни).

Любопытно, что подлѣ нѣкоторыхъ кургановъ этого рода бьютъ ключи хорошей воды.

---

[1]) Послѣ раскопокъ гр. А. Бобринскаго близъ мѣстечка Смѣлы археологи считаютъ неосновательнымъ мнѣніе гр. А. Уварова, будто надъ неолитическими могилами не бываетъ насыпи (см. Л. Нидерле въ ук. соч., стр. 175).

III.

Неолитическія поселенія.

Во многихъ мѣстахъ Болгаріи, на берегу рѣкъ или по близости источниковъ, замѣтны слѣды поселеній неолитической эпохи: укажемъ на поселенія у Галаты (вблизи Варны), у Бухова и Локорска (въ Софійскомъ округѣ), у Калена и Бешовицы (къ с.-в. отъ Врацы), у Валково Слатины (въ окрестностяхъ Кутловицы), у Рашкова (къ с.-з. отъ Орханіи) и др. Въ этихъ поселеніяхъ можно встрѣтить тѣ-же явленія, которыми отличаются курганы неолитическаго періода: каменныя орудія, осколки кремня, черепки посуды, обожженную глину, кости домашнихъ и дикихъ животныхъ и пр. На кускахъ обожженной глины нерѣдко замѣчаются отпечатки стеблей. Часто попадаются плоскіе камни, которые служили для перемалыванія растительныхъ зеренъ. Въ поселеніи у Галаты, на берегу Чернаго моря, находятся въ большомъ изобиліи ракушки (Mytilus edulis).

Нѣкоторыя поселенія отличались удобнымъ стратегическимъ положеніемъ: прекраснымъ примѣромъ можетъ служить поселеніе «Тумба» (въ окрестностяхъ Годжинова), которое занимаетъ уголъ между двумя долинами. Удобное положеніе этого мѣста не осталось незамѣченнымъ жителями исторической Ѳракіи, что доказываетъ находка «ѳракійскаго всадника», изображеннаго на маленькой мраморной плитѣ. Защитой поселенія у Бухова служило такъ называемое «градиште», расположенное на вершинѣ, которая лежитъ къ с.-в. отъ Бухова, въ углу при сліяніи двухъ долинъ. Въ фундаментахъ этого поселенія нашли мы множество шлаковъ; шлаки эти представляютъ, повидимому, остатки укрѣпленій доисторическаго поселенія,—укрѣпленій, которыя принадлежатъ къ разряду такъ называемыхъ vitrified forts. Скала, на которой расположено городище, состоитъ изъ мягкаго шифера, который, по всей вѣроятности, казался первобытному человѣку мало надежнымъ фундаментомъ для укрѣпленія; поэтому-то онъ и старался дѣйствіемъ огня укрѣпить базисъ стѣнъ. Шлаки не представляютъ стекловиднаго вещества, но легкую, сильно пористую массу темносѣраго цвѣта. Въ этомъ поселеніи былъ найденъ топоръ длиною въ 0,03 м., сдѣланный изъ діорита. И это мѣсто приманило къ себѣ прекраснымъ стратегичес-

кимъ положеніемъ позднѣйшихъ завоевателей Мезіи и Ѳракіи: въ болѣе верхнихъ слояхъ найдены серебряныя римскія монеты.

Слѣды свайныхъ построекъ открыты въ Македоніи, въ Преспанскомъ озерѣ, недалеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ находится деревня Наколецъ и мѣстность Наколъ между дер. Макаріей и Туманцомъ. Въ водѣ озера ясно виднѣются сваи, вѣроятно, остатки древнихъ поселеній [1]). Что еще въ историческія времена во Ѳракіи существовали свайныя постройки, свидѣтельствуетъ слѣдующій разсказъ Геродота [2]): «По серединѣ озера (говорится о сооруженіяхъ на озерѣ Прасіадѣ) на высокихъ сваяхъ стояли бревенчатыя сооруженія, къ которымъ съ суши велъ узкій путь по одному мостику. Сначала вбиты были сваи, что̀ подъ бревенчатыми постройками, общими усиліями всѣхъ гражданъ пеоновъ (Παιόνων), а потомъ вошло въ обыкновеніе поступать такъ: каждый пеонъ по случаю своей женитьбы обязанъ вколачивать три сваи, добываемыя на горѣ Орбелѣ, а пеоны женятся на многихъ женщинахъ. Такъ они живутъ, при чемъ каждый изъ нихъ имѣетъ на бревнахъ хижину для жительства съ опускною дверью, ведущею черезъ бревна къ озеру; малыхъ дѣтей они привязываютъ за ногу веревкой изъ опасенія, какъ бы тѣ не скатывались внизъ». (По пер. Ѳ. Мищенка. Москва 1888, II, стр. 7).

IV.

Кремневыя орудія.

Въ неолитическихъ поселеніяхъ и курганахъ попадаются довольно часто кремневые ножи и скребки. Табл. I, рис. 3 изображаетъ скребокъ, найдѣнный въ курганѣ около деревни Керметлика. Куски кремня, отъ которыхъ откалывались осколки для разныхъ орудій (nucleus) встрѣчались тамъ только у Гюзельде-алана (Делиорманъ). Камни эти имѣютъ по бо́льшей части форму пирамидокъ шириною въ 0,05—0,06 м., вышиною въ 0,2 м.; на кремнѣ темножелтаго цвѣта кое-гдѣ замѣчаются бѣлыя пятна. Отъ одного такого камня отбито, какъ мы насчитали, 14 длинныхъ кусковъ для ножей.

---

[1]) Кънчевъ, Сборникъ Министерства Народн. Просв., издаваемый въ Софіи, т. IV, стр. 34.

[2]) Herod. V, 16.

Хорошую отдѣлку кремня видѣли мы на уцѣлѣвшихъ частяхъ двухъ кинжаловъ, найденныхъ у Керметлика и Горна-Бешовицы: оба куска замѣчательны своей тщательной ретушовкой. Кинжалъ, найденный у дер. Керметлика, изображенъ на табл. II, рис. 7; имѣетъ въ длину 0,08 м., въ ширину (въ самомъ широкомъ мѣстѣ) 0,04 м., толщина-же его не достигаетъ и половины одного сантиметра; орудіе сдѣлано изъ кремня желтоватаго цвѣта. Обломокъ кинжала, найденнаго у Бешовицы, имѣетъ въ длину 0,06 м., въ ширину 0,035 м., въ толщину только 0,005 м. Первоначальная длина его достигала, вѣроятно, 0,20 м. Кремень, изъ котораго это орудіе сдѣлано, нецельнаго цвѣта.

Табл. I.

V.

Костяныя и роговыя орудія.

Курганъ «Чанакъ-тепесси», насыпанный у Керметлика въ Айтосской части Балканъ, изобилуетъ орудіями, изготовленными изъ кости и рога. Здѣсь найдено, напримѣръ, нѣсколько костяныхъ шилъ (табл. II, рис. 2), сдѣланныхъ изъ овечьихъ и бобровыхъ (castor fiber) костей; шилья эти тщательно вырѣзаны кремневымъ орудіемъ.

Любопытно, что еще въ наше время пастухи въ Рыльской-Планинѣ и въ придунайской равнинѣ употребляютъ костяныя шилья и иголки, такъ называемыя «губерки». Пастухи шьютъ ими кожаныя вещи и предпочитаютъ ихъ желѣзнымъ иглamъ, потому что послѣднія скоро ржавѣютъ: пастухи проводятъ все лѣто въ горахъ, по большей части, въ прохладныхъ сырыхъ мѣстахъ. На Рыльской-Планинѣ мы видѣли у пастуховъ иглы, изготовленныя изъ костей

дикой козы и козули; для этой цѣли предпочитаются кости дикихъ животныхъ, потому что, по убѣжденію пастуховъ, эти кости тверже и прочнѣе костей домашнихъ животныхъ, напр., овецъ или козъ.

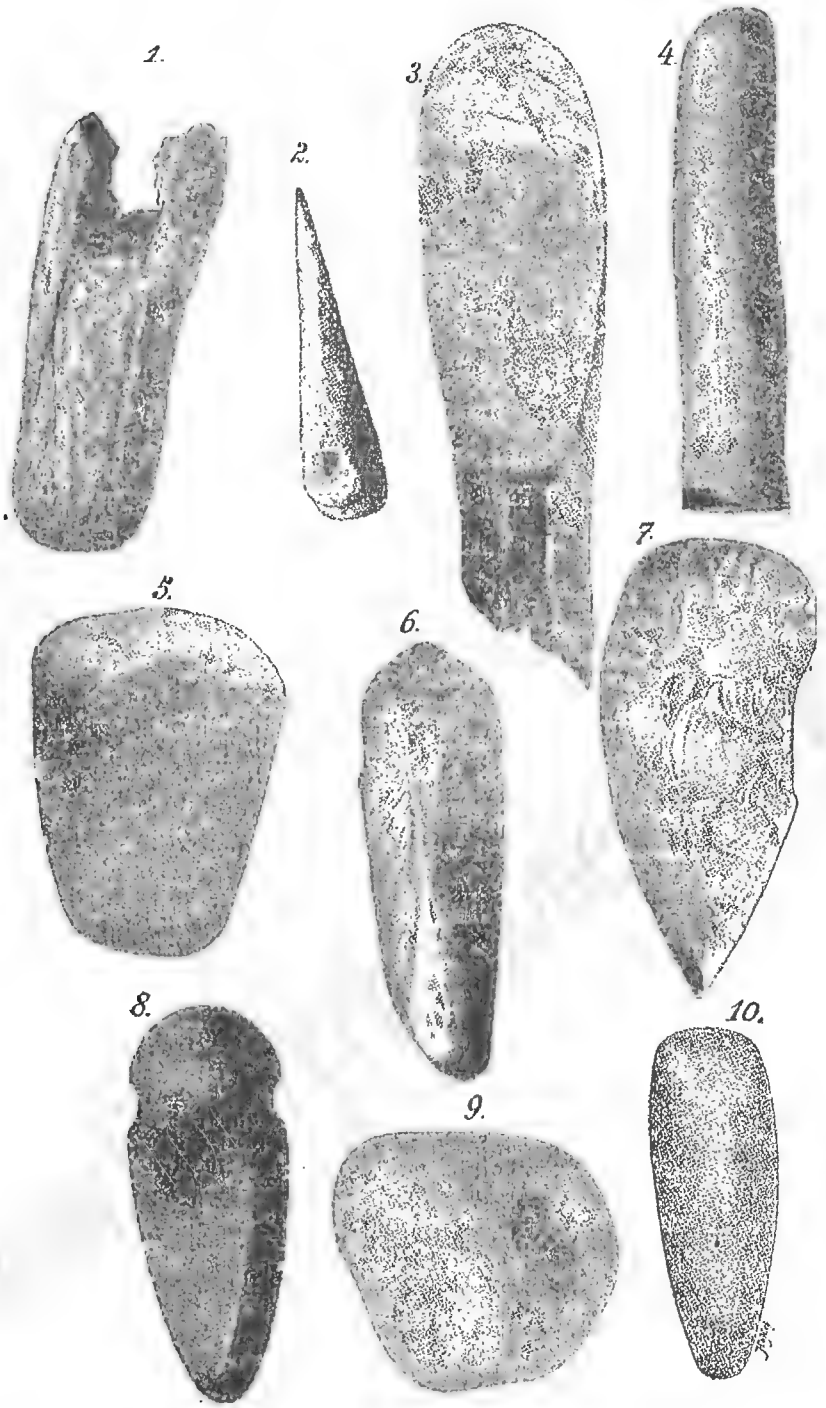


Табл. II.

По словамъ Димитрія Кукумѣшкова, проживающаго теперь въ Сливнѣ и бывшаго 40 -50 лѣтъ тому назадъ пастухомъ въ Добруджѣ, кочевые пастухи «Моканы»[1]), переѣзжающіе изъ Румыніи, употребляли костяныя иглы. Вырѣзывали ихъ изъ лошадиныхъ костей (находящихся подъ колѣномъ), которыя, по словамъ пастуховъ, обладаютъ замѣчательной твердостью. Эти кости они оттачивали на точильномъ камнѣ, а затѣмъ острымъ концомъ кремневаго осколка пробивали на болѣе толстомъ концѣ иглы отверстіе для вдѣванія нитокъ. Желѣзнымъ ножемъ они при этомъ не пользовались, потому что кость, по ихъ словамъ, очень тверда и поддается только давленію заостреннаго кремня.

Кстати помѣстимъ здѣсь любопытное сообщеніе одного пастуха на Мургатъ-Планинѣ (въ окрестностяхъ Софіи) относительно изготовленія роговыхъ ложекъ. Для этой цѣли кладутъ бараньи рога въ кипятокъ или держатъ ихъ надъ пламенемъ, чтобы они немного смягчились; затѣмъ, надавливая размягченное мѣсто закругленнымъ орудіемъ, напоминающимъ своей формой яблоко, дѣлаютъ соотвѣтствующее углубленіе; наконецъ, остальная часть рога срѣзывается по мѣрѣ надобности. Такой ложкой можно ѣсть только холодную или чуть-чуть теплую пищу, въ горячей пищѣ ложка становится мягкой и портится. Разсказчикъ добавилъ, что въ прежнее время пастухи брали съ собою такія ложки, когда отправлялись со стадами овецъ въ Константинополь.

Кромѣ пильевъ найдены были плоскія кости (ребра), съ одного конца закругленныя и съ обѣихъ широкихъ сторонъ полированныя (табл. II, рис. 4). Кажется, что это орудіе служило для полировки сосудовъ и звѣриныхъ шкуръ; по крайней мѣрѣ, еще теперь болгарскіе гончары (напр. въ Сливнѣ) пользуются подобными деревянными и костяными орудіями (по-болг. гладилки) для того, чтобы сглаживать шероховатую поверхность посуды. Для пунктира гончары пользуются острымъ шиломъ, сдѣланнымъ изъ дерева, кости или рога.

Любопытенъ другой видъ костяныхъ издѣлій, найденныхъ также

---

[1]) Ф. Брунъ. Черноморье II, Одесса 1880, стр. 345. Jireček, Das Fürstenthum Bulgarien. Prag 1891, стр. 186.

у дер. Керметлика (табл. II, рис. 3): это, кажется, молотки или набалдашники палокъ. Туной конецъ эллиптической формы имѣетъ въ діаметрѣ 0,06 м. и 0,37 м.; длина обломаннаго внизу орудія 0,07 м.; снизу орудіе снабжено четыреугольнымъ отверстіемъ. Орудіе это сдѣлано изъ ребра мамонта (elephas primigenius) или носорога (rhinoceros). Кости мамонта попадались во многихъ мѣстахъ Болгаріи, напр., въ окрестностяхъ Разграда, Ямболя и др.

Кромѣ вышеупомянутыхъ костяныхъ предметовъ у Керметлика найдены еще отдѣланные оленьи (cervus elaphus C.) рога: эти рога заострены на одномъ концѣ на подобіе долота, одинъ остроконечный рогъ съ отверстіемъ служилъ, вѣроятно, киркою. Интересенъ сверху отбитый молотъ съ отверстіемъ, сдѣланный изъ рога (табл. II, рис. 1). Кромѣ того былъ найденъ вырѣзанный изъ рога предметъ неяснаго для меня назначенія, имѣющій форму полумѣсяца съ вырѣзкою въ верхней части (поперечникъ—0,07 м.).

VI.

Каменныя орудія.

Каменныя орудія встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ неолитическихъ поселеніяхъ у подошвы Мургашъ-Планины, въ окрестностяхъ деревень Бухова и Локорска, у Керметлика, у Гюзельджеалана, въ Драгоманскомъ ущелін и въ другихъ мѣстахъ. Изготовлены они главнымъ образомъ изъ діорита, кремнистаго сланца и зеленоватаго минерала изъ породы нефритовъ.

Мы различаемъ нѣсколько типовъ каменныхъ орудій, найденныхъ въ Болгаріи:

1. Къ первому типу относимъ узкія орудія, имѣющія форму долота. Самый маленькій экземпляръ, длиною въ 0,03 м., шириною въ 0,015 м., толщиною въ 0,0075 м., найденъ въ Локорскѣ, къ с.-в. отъ Софіи. Немного больній найденъ въ Ильенцахъ Софійскаго округа: имѣетъ въ длину 0,04 м., въ ширину 0,01 м., въ толщину 0,015 м. Въ Буховѣ найдено подобное орудіе, длина котораго достигаетъ 0,0575 м., ширина—0,02 м., толщина—0,01 м. Въ Локорскѣ кромѣ вышеупомянутаго долота найдено другое орудіе, имѣющее въ длину 0,06 м., въ шир. 0,02 м., въ толщ. 0,015 м. Въ томъ-же мѣстѣ выкопали подобное орудіе, длиною въ 0,08 м., шириною въ 0,025 м.,

толщиною въ 0,015 м. Другія два экземпляра достигаютъ 0,09 м. длины, 0,025 и 0.02 м. ширины и 0,02 м. толщины (въ серединѣ). Образчикъ этого типа изображенъ на табл. II, рис. 6.

Остріе всѣхъ этихъ орудій съ одной стороны ровное, съ другой изогнутое. Всѣ издѣлія этого типа сдѣланы изъ кремнистаго сланца. Они служили, по всей вѣроятности, для обдиранія и очистки звѣриныхъ шкуръ: на это указываетъ, кажется, двойное неодинаковое лезвее, изъ которыхъ однимъ, а именно изогнутымъ легко проникать подъ кожу обдираемаго животнаго.

2. Второй типъ составляютъ плоскіе топорики, достигающіе 0,04—0,065 м. длины У дер. Керметлика найденъ топорикъ изъ зеленоватаго камня, длиною въ 0,065 м., шириною (въ серединѣ) въ 0,025 м. и (съ тупаго конца) 0,015 м., толщиною въ 0,015 м. Остріе съ одной стороны ровное, съ другой выгнутое (табл. I, рис. 2 и 4). Въ Локорскѣ найденъ топорикъ, имѣющій въ длину 0,24 м., въ ширину около 0,02 м., въ толщину 0,01 м.; топорикъ сдѣланъ изъ кремнистаго сланца и имѣетъ съ обѣихъ сторонъ одинаковое остріе, представляющее выгнутую линію. Въ Керметликѣ найденъ тоже топорикъ изъ кремнистаго сланца (табл. I, рис., 1); длиною въ 0,065 м., шир. въ 0,047 (у, остраго конца) и 0,025 м. (съ тупаго конца), толщ. въ 0,01 м. Подобный топорикъ выкопанъ и у Бухова, откуда привезено также нѣсколько неоконченныхъ топориковъ; это доказываетъ, что орудія эти изготовлялись изъ мѣстнаго матеріала, встрѣчающагося въ здѣшнихъ напосахъ. Подобные примѣры встрѣчались и у Керметлика.

При постройкѣ желѣзной дороги изъ Филиппополя въ Адріанополь, у Алмали, рабочіе наткнулись на семь топориковъ, длиною въ 0,03 и 0,04 м, изготовленныхъ изъ діорита и серпентина. Въ Софіи найденъ топорикъ изъ діорита, длиною въ 0,065 м., шир. около 0,05 м., толщ. 0,01 м., въ Локорскѣ топорикъ длиною 0,06 м., шир. 0,05 м. (возлѣ острія), 0,04 м. (въ серединѣ), 0,027 м. (на туномъ концѣ), толщ. 0,01 м., орудіе это сдѣлано изъ діорита. Въ Аликочовѣ попался обломокъ топорика, сдѣланнаго изъ мрамора, залежи котораго находятся въ недалекихъ отрогахъ Родопскихъ горъ, въ такъ-называемомъ «Баба-байрехъ». Находка этого мраморнаго топорика возбуждаетъ особенный интересъ тѣмъ, что служитъ дока-

зательствомъ, что доисторическій человѣкъ при изготовленіи необходимыхъ орудій перепробовалъ всевозможные камни, пока не остановился на самомъ пригодномъ матеріалѣ.

3. Къ третьему типу относимъ топоры бо́льшихъ размѣровъ, чѣмъ предыдущіе, длиною въ 0,07—0,1 м.; съ одной стороны они имѣютъ ровное остріе, а съ другой—выгнутое. Въ Локорскѣ найдены три орудія этого типа, длиною въ 0,08 м., шир. въ 0,05 м. (въ нижней части, гдѣ лезвее) и 0,03 м. (на тупомъ мѣстѣ), толщ. въ 0,015 м.; часть топориковъ сдѣлана изъ діорита, часть изъ кремнистаго сланца. Изъ Бухова былъ доставленъ одинъ экземпляръ, длиною въ 0,08 м., шир. 0,05 м. (у острія) и 0,03 м. (на противоположномъ концѣ), толщ. 0,015 м.; орудіе изготовлено изъ діорита. Въ Локорскѣ найдены три топорика, длиною въ 0,09—0,095 м.: одинъ изъ нихъ, сдѣланный изъ кремнистаго сланца, имѣетъ въ ширину 0,045 м. и 0,04 м., толщ. 0,017 м.; другой того-же матеріала имѣетъ въ толщину 0,02 м. и 0,017 м.; третій топорикъ шире: 0,047 м. и 0,03, толщ. 0,015 и 0,01 м. Остріе этого послѣдняго топорика изъ діорита съ обѣихъ сторонъ одинаково: образуетъ выгнутую линію.

4. Къ четвертому типу отнесемъ самые большіе топоры съ такимъ-же остріемъ, какъ предыдущіе, длиною въ 0,1—0,3 м.

Въ Локорскѣ найдены топоры изъ діорита и кремнистаго сланца, длиною въ 0,115—0,12 м., шир. 0,05 и 0,025 м., толщ. 0,015 м. Одинъ топоръ изъ кремнистаго сланца, длиною въ 0,12 м., шир. 0,0375—0,042—0,03 м.[1]), отличается отъ другихъ подобнаго рода орудій своей толщиной, которая достигаетъ 0,03 м. Одинъ экземпляръ, найденный тоже въ Локорскѣ, имѣетъ въ длину 0,165 м., въ шир. 0,06 и 0,05 м., въ толщ. 0,035 м. Самый большой топоръ, выкопанный въ Локорскѣ, имѣетъ въ длину 0,2 м., въ шир. 0,055 и 0,02 м., въ толщ. 0,04 (въ серединѣ); изготовленъ изъ діорита. Въ Катинѣ Софійскаго округа найденъ топоръ изъ діорита, длиною въ 0,115 м., шир. въ 0,0475—0,055—0,025 м.[1]), толщ. 0,02 (въ серединѣ) и 0,01 м. (внизу и вверху). Въ Буховѣ выкопали топоръ

[1]) Первая цифра обозначаетъ ширину въ серединѣ, вторая—у острія, третья—у противоположнаго конца.

изъ кремнистаго сланца, имѣющій въ длину 0,15 м., въ шир. 0,05 м. (въ серединѣ) и 0,04 (внизу) толщ. 0,03 м. (въ серединѣ). При постройкѣ желѣзной дороги изъ Софіи въ Царибродъ, у Драгомана, на 46,55 километрѣ, найдены на глубинѣ 1,50 м. подъ пахотной землей посреди большихъ камней около десяти каменныхъ топоровъ; самый большой изъ нихъ имѣлъ въ длину около 0,3 м., въ шир. 0,07 м., въ толщ. 0,05 м. (по серединѣ). Два топора изъ діорита имѣли въ длину 0,16 м., въ шир. 0,05 и 0,04 м., въ толщ. 0,04 м.; ретушовка замѣтна только на нѣкоторыхъ частяхъ орудія. Одинъ изъ этихъ топоровъ хорошо полированъ въ нижней части, гдѣ находится остріе, между тѣмъ какъ на остальной части нѣтъ ретушовки: это, вѣроятно, то мѣсто, за которое держали орудіе рукою, или которое вставлялось въ рукоятку. По сторонамъ, въ серединѣ, замѣтны узкія полированныя полоски, которыя ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что орудіе въ этихъ мѣстахъ было клиньями закрѣплено въ рукояткѣ. На другомъ топорѣ замѣтно подобное явленіе: полированная часть занимаетъ пространство въ 0,045 м., полированныя полоски съ обѣихъ сторонъ имѣютъ въ длину 0,05 м. Табл. II, рис. 10 изображаетъ одинъ изъ топоровъ, найденныхъ вблизи Драгомана: топоръ имѣетъ въ длину 0,145 м., въ шир. 0,05 м. (у острія) и 0,05 м. (по серединѣ), въ толщ. 0,035 м. (въ серединѣ). Вся поверхность этого орудія, сдѣланнаго изъ діорита, одинаково полирована.

5. Къ пятому типу относимъ болѣе усовершенствованныя орудія, которыя указываютъ на болѣе высокую степень развитія человѣчества (Лёббокъ).

На берегу р. Тунджи, у Казалагача Сливенскаго округа, найденъ молотъ (табл. II, рис. 8), длина котораго достигаетъ 0,14 м. Отверстіе, длиною въ 0,045 м., имѣетъ въ поперечникѣ 0,025 м. въ одномъ направленіи, въ другомъ только 0,015 м. Вся поверхность молота, сдѣланнаго изъ плотнаго песчаника, тщательно отполирована. Весьма похожій молотъ приходилось намъ видѣть въ горахъ у Срема Казалагачскаго уѣзда. Въ окрестностяхъ Борисова-града (Аджи-эллесъ) найденъ молотъ, у котораго одинъ край тупой, а другой заостренный. Длина его—0,12 м., ширина—0,055 м. (по серединѣ) и 0,35 м. (на туномъ концѣ), толщина—0,035 м. (въ серединѣ) и 0,02 м. (на туномъ краю). Дыра имѣетъ въ попереч-

никѣ 0,02 м., въ длину 0,035 м. Орудіе изготовлено изъ кремнистаго сланца. Молотъ (табл. II, рис. 9), найденный при постройкѣ желѣзной дороги въ Драгоманскомъ ущеліи, на 54 километрѣ, между Софіей и Царибродомъ, сдѣланъ изъ мелафира. Не полированная поверхность его имѣетъ въ длину 0,06 м. Это почти круглое орудіе, имѣющее въ діаметрѣ 0,06 м., служило, по всей вѣроятности, для разбиванія камней. Отверстіе имѣетъ съ одной стороны въ діаметрѣ 0,025 м., съ другой 0,03 м., длина его 0,04 м.

Весьма тщательно отдѣланный молотокъ изъ зеленоватаго камня, найденный въ Гюзельдже-аланѣ, имѣетъ въ длину около 0,2 м. при максимальной ширинѣ 0,05 м.; какъ внѣшніе края орудія, такъ и края отверстія аккуратно отдѣланы. Молотъ (табл. III) разбитъ на двѣ части. Деревня, въ которой былъ найденъ этотъ замѣчательный молотъ, лежитъ къ сѣверу отъ Разграда (на разстояніи 22 километровъ), въ долинѣ, по которой протекаетъ рѣчка Топчису. Въ самой деревнѣ возвышается большой неолитическій («плоскій») курганъ съ массою кремневыхъ осколковъ, среди которыхъ попадаются черепки глиняной посуды, оленьи рога и проч. Тутъ-же встрѣчаются въ изобиліи кремневыя «ядрища» (nuclei), что явно свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь когда-то находилась неолитическая мастерская. Кремень добывали, по всей вѣроятности, къ западу отъ близкой деревни Узунджe-аланъ, гдѣ на мѣстѣ, извѣстномъ подъ названіемъ «Чакмаклакъ», находятся залежи кремня.

Табл. III.

6. Къ послѣднему, шестому, типу мы относимъ ручные камни и жернова для перемалыванія растительныхъ зеренъ. Они встрѣчаются во всѣхъ неолитическихъ поселеніяхъ. Возлѣ Пловдива открыта доска изъ слюдянаго сланца, на верхней части которой тщательно выдолблено эллиптическое углубленіе съ гладкою поверхностью; доска имѣетъ въ длину около 0,35 м., въ шир. приблизительно 0,15 м. Табл. II, рис. 5 изображаетъ ручной жерновъ, найденный

въ Керметликъ. Для изготовленія этихъ орудій часто пользовались рѣчными голышами. Въ курганѣ у Златаго-трана найденъ жерновъ изъ діорита, полированный только на нижней сторонѣ, которой раздавливались зерна. Этотъ камень, вышиною 0,1 м., шир 0,06 и 0,05 м., имѣетъ форму четыреугольника. Полированная поверхность, предназначенная для раздавливанія зеренъ, имѣетъ въ ширину 0,04—0,055 м.

При постройкѣ желѣзной дороги между Пловдивомъ и Адріанополемъ въ 1870—1872 гг. возлѣ источника Карабунаръ, между Алмали, Идирли и Караорманомъ, найдено неолитическое поселеніе, гдѣ открыто множество жернововъ [1]). Одни изъ нихъ имѣютъ форму куба, длиною около 0,05 м., а другіе—форму конуса съ усѣченной вершиною, длиною въ 0,1 м. Орудія изготовлены изъ трахита, который въ изобиліи встрѣчается въ близкихъ Родопскихъ горахъ.

VII.

Народныя преданія о каменныхъ орудіяхъ.

Подобно другимъ народамъ болгаре вѣрятъ, что каменныя орудія падаютъ съ неба въ то время, когда ударятъ громъ; отсюда происходитъ ихъ названіе «гръмови камъни» (существуютъ также названія: громъ, стрѣлка, клинъ). Народъ убѣжденъ, что они при громовомъ ударѣ зарываются въ землю на сорокъ аршинъ глубины и что черезъ сорокъ дней выходятъ на поверхность земли, гдѣ ихъ и находятъ. Простонародье приписываетъ имъ цѣлебную силу и пользуется ими для излѣчиванія разныхъ болѣзней, въ особенности pleuritis pneumonia, думая, что остріе каменнаго топорика проколетъ и уничтожитъ болѣзнь. Съ камня наскребутъ немного порошку и даютъ его на водѣ больному. Когда кто-нибудь сильно испугается, даютъ ему тоже пить воду съ такимъ порошкомъ (въ окрестностяхъ Разграда). Каменными орудіями лѣчатъ также болѣзнь, называемую «клинъ» (enteralgia). Иногда согрѣваютъ камень и прикладываютъ его на больное мѣсто. Въ Брациловѣ жены, которыя часто выкидываютъ, носятъ такой камень подъ мышкой до наступленія родовъ;

[1]) См. статью инженера А. Пельца: «O starožitných nálezech v Thrákii» въ чешскомъ археологическомъ журналѣ: Památky archaeologické Praha 1878, стр. 775 и 776.

женщины эти называются «змѣйчеви жени». Въ окрестностяхъ Филиппополя лѣчатъ болѣзнь, называемую турецкимъ словомъ «уврама», слѣдующимъ образомъ: прежде чѣмъ приступить къ самому лѣченію, даютъ ребенку (но не взрослому) смоченные въ водѣ два камня, приказывая ему тереть одинъ камень о другой надъ сосудомъ, наполненнымъ водою. Если мутная капля упадетъ на дно сосуда, то думаютъ, что больной, имя котораго ребенокъ произноситъ, скончается, если же капля не опустится до дна, но остановится въ водѣ, думаютъ, что заболѣвшій пролежитъ нѣкоторое время, но въ концѣ концовъ поправится. Затѣмъ приступаютъ къ самому лѣченію: въ сосудъ, наполненный водою, кладутъ каменное орудіе и оставляютъ его въ лунную ночь подъ открытымъ небомъ, «да я гледатъ звѣздитѣ» (чтобы на него смотрѣли звѣзды); потомъ даютъ эту воду до восхода солнца больному. Это лѣченіе происходитъ только въ субботу. Упомянутый способъ лѣченія въ ходу въ окрестностяхъ Луковита Плевненскаго уѣзда. Въ деревняхъ, расположенныхъ вокругъ Филиппополя, это лѣченіе совершается нѣсколько иначе; сперва приготовляютъ такъ-называемую «медовину»: въ воду кладутъ немного меду, нѣсколько зеренъ чечевицы и ячменя, букетъ растенія Ocimum basilicum L., а затѣмъ ставятъ все это «на звѣзди», чтобы русалки («самовили») ночью наѣлись и освободили больнаго отъ его болѣзни.

Каменными орудіями лѣчатъ также скотину отъ болѣзни, называемой «устрелъ» (сильное колотье); въ рогахъ животнаго выдолбливаютъ маленькое углубленіе, кладутъ въ него порошокъ изъ каменнаго орудія и залѣпливаютъ чѣмъ-нибудь. Такъ дѣлаютъ у Рыльской-Планины, въ Стобѣ и другихъ мѣстахъ. Сверхъ того кладутъ порошокъ изъ «громовыхъ камней» въ кормъ, который даютъ больной скотинѣ. Для подобной цѣли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ употребляютъ такъ-называемый «обоенъ камъкъ» или «разбойны камъны»: это каменныя орудія, окрашенныя краснымъ желѣзнякомъ (гематитомъ).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. на горѣ Рылѣ, считаютъ за «громовые камни» кристаллы горнаго хрусталя, въ другихъ-же, какъ напр. въ Градцѣ у Софіи, придаютъ такое-же значеніе белемниту.

VIII.

Глиняныя издѣлія.

Кромѣ глиняныхъ сосудовъ, о которыхъ будетъ упомянуто ниже, въ неолитическихъ поселеніяхъ попадаются разные предметы, сдѣланные изъ обожженной глины.

Въ неолитическихъ курганахъ найдено изрядное количество маленькихъ глиняныхъ предметовъ, имѣющихъ форму усѣченнаго конуса, черезъ которые сверху до низу проходитъ отверстіе [1]): это кольца, которыя прикрѣплялись къ нижней части веретена, чтобы придать ему при верченіи больше устойчивости и болѣе правильное движеніе. Эти предметы (болг. прешленъ, по-чешски přeslen) до сихъ поръ въ Болгаріи въ большомъ употребленіи; продаются цыганками, которыя сами занимаются ихъ изготовленіемъ. Въ Садовѣ у Пловдива мы видѣли такіе «прешлены», вырѣзанные изъ мягкаго зеленоватаго камня (хлорита) и изъ другаго болѣе твердаго матеріала.

Въ неолитическомъ курганѣ у Олуклунова (въ окрестностяхъ Шумлы) найдены веретенныя кольца, имѣющія форму двухъ усѣченныхъ конусовъ, сложенныхъ вмѣстѣ; отверстіе проходитъ по оси конусовъ. Кольца имѣютъ 0,03 м. вышины при максимальномъ діаметрѣ въ 0,025 м. Подобныя вещицы найдены у Джулуницы и въ другихъ мѣстахъ. Въ Шуменѣ (Шумлѣ) найдено на глубинѣ четырехъ метровъ вмѣстѣ съ костьми животныхъ (Canis f. intermedius W.) и глинянымъ сосудкомъ нѣсколько веретенныхъ колецъ. Всѣ они имѣютъ форму шарика и плохо обожжены; одни снабжены отверстіемъ, другіе нѣтъ. Діаметръ ихъ—0,02 м.

Далѣе, въ неолитическихъ поселеніяхъ попадаются очень часто глиняные усѣченные конусы или пирамидки съ отверстіемъ въ верхней части; нѣкоторые археологи считаютъ ихъ за гирьки, другіе за грузила или вещицы, привѣшиваемыя къ пряжѣ на ткацкомъ станкѣ. Такія грузила найдены въ поселеніяхъ у Алмали, въ курганѣ у Олуклунова и въ другихъ мѣстахъ. Грузило, найденное въ послѣднемъ мѣстѣ, снизу закруглено (табл. IV, рис. III a и b);

---

[1]) См. Л. Нидерле, ук. соч. стр. 111, рис. 65.

въ вышину оно имѣетъ 0,10 м., въ ширину (въ самомъ широкомъ мѣстѣ) 0,0675 м., въ толщину 0,0375 м.

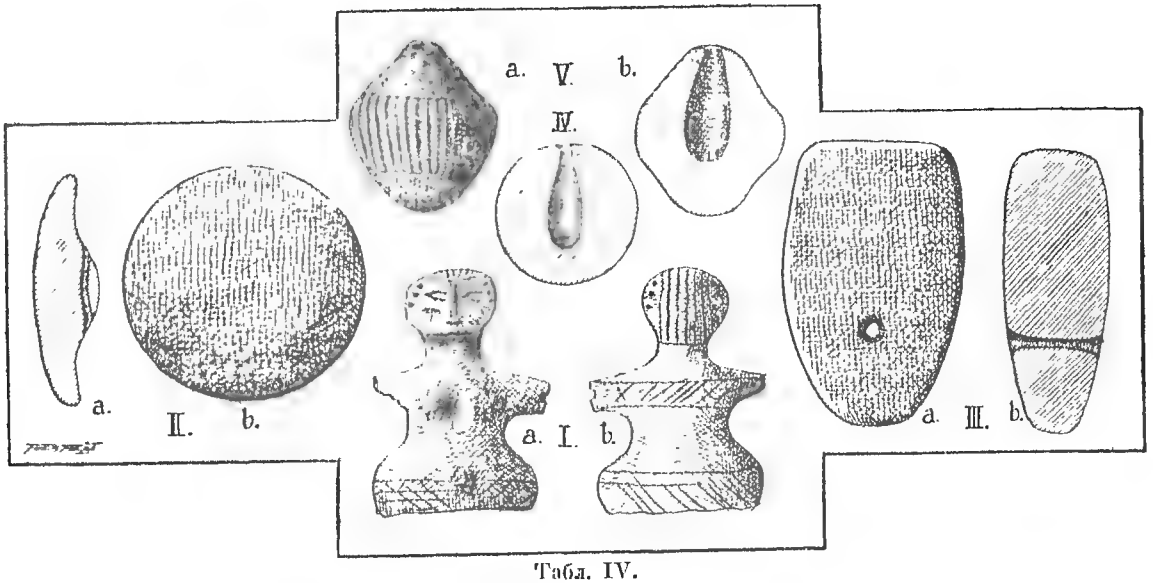


Табл. IV.

Нужно, конечно, упомянуть, что грузила попадаются и въ позднѣйшихъ поселеніяхъ оракійскаго, римскаго и даже средневѣковаго происхожденія. Подлѣ Быстрицы Софійскаго округа грузила найдены вмѣстѣ съ римскими монетами; грузила эти, вышиною въ 0,1 м., шириною въ 0,06—0,07 м, имѣютъ форму усѣченныхъ пирамидокъ; отверстіе имѣетъ въ діаметрѣ 0,01 м. У Кочерцова (въ окрестностяхъ Дунницы), въ поселеніи болѣе новаго происхожденія, найдено грузило, вышиною въ 0,09 м, шириною въ 0,07 м. (внизу) съ ромбоиднымъ отверстіемъ шириною въ 0,0175 м. Въ Габерѣ (окрести. Врацы) найдено въ римскомъ поселеніи сто штукъ въ одномъ мѣстѣ: здѣсь, по всей вѣроятности, находилась печка, куда онѣ складывались для обжиганія. Нѣсколько этихъ грузилъ мы видѣли у крестьянъ, которые пользовались ими для растиранія чеснока, перца и пр. Вышина нѣкоторыхъ экземпляровъ достигаетъ 0,15 м. Точно такія грузила найдены и во Оракіи у Дуганско-Конаре, въ окрестностяхъ Татаръ-Базарджика, гдѣ было прежде римское селеніе.

Любопытно, что въ Болгаріи эти издѣлія до сихъ поръ въ ходу, но они имѣютъ совершенно другое назначеніе: служатъ подставками для поддержанія горшковъ на очагѣ. Впервые пришлось намъ видѣть

это издѣліе, извѣстное въ Болгаріи подъ именемъ «поны», въ Видболѣ около Видина, а затѣмъ и въ часто упоминаемой нами деревнѣ Локорскѣ къ с.-в. отъ Софіи и въ другихъ мѣстахъ. Эти «поны» имѣютъ форму усѣченнаго конуса съ четырьмя отверстіями въ верхней части; они имѣютъ обыкновенно въ вышину 0,2 м., діаметръ дна—0,15 м. Дыры служатъ для того, чтобы можно было желѣзнымъ прутомъ передвигать ихъ на очагѣ съ одного мѣста на другое. Сверху находятся два желобка, пересѣкающіе другъ друга подъ прямымъ угломъ. Въ дер. Рылѣ мы видѣли такіе «поны» съ рядомъ дырокъ, идущихъ сверху внизъ: въ дырки засовывался острый конецъ желѣзной оси небольшаго барабана, въ которомъ жарятъ кофе. Въ другихъ мѣстахъ «поны» служатъ для поддерживанія рожна, на которомъ жарятъ мясо, поворачивая надъ огнемъ.

Въ неолитическомъ поселеніи у Олуклунова найдено нѣсколько терокъ, которыя имѣютъ форму большихъ губокъ и отчасти напоминаютъ греческіе диски. Табл. IV, рис. II, a и b, изображаетъ одну такую терку снизу и въ разрѣзѣ. Это глиняное издѣліе имѣетъ въ поперечникѣ 0,08 м. Въ верхней, выдающейся части находится отверстіе, которое, кажется, служило для прикрѣпленія терки къ ручкѣ. Другая терка имѣетъ діаметръ почти вдвое больше (0,15 м.).

Въ томъ-же поселеніи найдено нѣсколько глиняныхъ предметовъ или, лучше сказать, сосудиковъ, имѣющихъ видъ груши и украшенныхъ пояскомъ съ простымъ геометрическимъ орнаментомъ. Табл. IV, рис. V, a и b представляетъ этотъ сосудикъ снаружи и въ разрѣзъ; въ вышину онъ имѣетъ 0,055 м., въ ширину (на самомъ широкомъ мѣстѣ) 0,05 м. Пустота сосудика опускается немного ниже центра и разширяется на подобіе нѣкоторыхъ греческихъ алавастровъ. Найдено еще нѣсколько правильныхъ шариковъ съ гладкою поверхностью, пустота которыхъ также не доходитъ до нижней части (табл. IV, рис. IV). Эта вещица имѣетъ въ поперечникѣ только 0,05 м.

У Керметлика найденъ терракоттовый предметъ съ дырой въ серединѣ (ширина ея 0,01 м.), имѣющій въ діаметрѣ 0,07 м. (табл. I, рис. 5). Эта вещь имѣла, кажется, подобное назначеніе, какъ вышеупомянутые усѣченные конусы, и привѣшивалась къ рыболовнымъ снастямъ для погруженія ихъ въ воду. У Руссы на берегу

Дуная найденъ подобный предметъ, длиною въ 0,1 м., съ отверстіемъ, идущимъ по продольной оси.

Остается еще упомянуть о плоскихъ глиняныхъ колесцахъ, найденныхъ въ окрестностяхъ Филиппополя и въ другихъ неолитическихъ поселеніяхъ: они по большей части имѣютъ діаметръ въ 0,08 м. и толщину въ 0,02 м.; посерединѣ замѣчается отверстіе съ діаметромъ въ 0,015 м.

IX.

Глиняная посуда.

Цѣльные глиняные сосуды попадаются въ болгарскихъ неолитическихъ поселеніяхъ крайне рѣдко, но черепки встрѣчаются въ огромномъ количествѣ; поэтому-то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ называетъ эти поселенія «гончариями» (грънчарница), воображая, что здѣсь когда-то были мастерскія гончаровъ.

Неолитическія керамическія издѣлія можно раздѣлить на два разряда, а именно, на простую и на тонко отдѣланную посуду. Изъ перваго разряда особенно характерны большіе глиняные сосуды, которые обыкновенно внизу конусообразно съуживаются; они напоминаютъ большіе греческіе кувшины, извѣстные подъ названіемъ «πίθοι». Сосуды эти, называемые въ Болгаріи «кюпи» или «делви», дѣлались изъ кирпичной глины, смѣшанной съ пескомъ.

У Филиппополя сдѣлана весьма интересная находка: найдены глиняныя пробки отъ сосудовъ. Одна изъ нихъ имѣетъ форму конуса съ ручкой, прикрѣпленной сверху; въ поперечникѣ имѣетъ 0,11 м., вышина ея—0,1 м. Этой пробкой закупоривались сосуды, отверстіе которыхъ имѣло въ діаметрѣ 0,1 м.

Тонко отдѣланная посуда часто бываетъ покрыта графитомъ; съ такой окраской встрѣчались намъ не разъ блюдца въ 0,02 м. глубины, имѣющія въ поперечникѣ 0,15 м.; попадались также миски съ діаметромъ въ 0,2—03 м., глубиною въ 0,04 и 0,05 м., но краснаго цвѣта обожженной глины.

Цѣльные сосуды, какъ было уже выше сказано, встрѣчаются рѣдко: уцѣлѣвшіе экземпляры были найдены (по одному) у Гаджинова, Гюзельдже-алана, Шумена и въ другихъ мѣстахъ. Сосудъ, найденный у Гюзельдже-алана, имѣетъ въ вышину 0,07 м. при по-

перечникѣ верхняго отверстія въ 0,09 м. и при поперечникѣ дна въ 0,035 м.; своей формой напоминаетъ онъ сосудъ изъ Богеміи, изображенный у Л. Нидерле въ ук. соч. на стр. 195, рис. 130. Сосудъ, найденный у Шумена, вышиною 0,14 м., имѣетъ вверху въ поперечникѣ 0,1 м., внизу 0,04 м.

Довольно часто попадаются глиняныя ситечки, подобныя тѣмъ «рѣшеткамъ» или «цѣдилкамъ» которыя въ Болгаріи до сихъ поръ въ употребленіи. Въ Дерекіой, въ окрестностяхъ казалагача, выкопали сосудикъ изъ грубой кирпичной глины съ ручкой, сильно поднятой вверхъ, выш. 0,06 м, шир. (на верху) 0,05 м. и (внизу) 0,035 м. Подобные сосуды находятся въ итальянскихъ «террамарахъ».

Найдены также черепки какихъ-то большихъ сосудовъ, донья которыхъ имѣютъ въ толщину нѣсколько сантиметровъ; эти черепки напоминаютъ своей толщиной и своимъ матеріаломъ большія черепицы, находимыя въ Южной Россіи.

Въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ, какъ напримѣръ у Аликочова, нашли мы маленькіе сосудики, которые, кажется, были дѣтскими игрушками: горшочки, вышиною въ 0,055 м., которые имѣютъ въ поперечникѣ (и вверху и внизу) 0,03 м.; по бокамъ находятся небольшія ручки. Далѣе, нами была найдена чашка вышиною въ 0,03 м., имѣющая въ поперечникѣ 0,045 м. (вверху) и 0,02 м. (внизу).

Особеннаго вниманія заслуживаетъ сосудъ, найденный около дер. Калугерова, въ окрестностяхъ Орханіэ. Четыреугольный сосудъ, похожій на низкую коробку, имѣетъ въ длину 0,13 м., въ выш. 0,04 м.; толщина стѣнокъ—0,01 м. Сосудъ сдѣланъ самымъ первобытнымъ образомъ (руками) изъ глины, перемѣшанной съ пескомъ. На днѣ сосуда, въ одномъ углу находится маленькая ямка и 24 круглыхъ углубленій, которыя были вдавлены пальцемъ; каждое изъ этихъ углубленій имѣетъ 0,01 м. въ діаметрѣ. Углубленія расположены на днѣ сосуда пятью рядами. Сосудъ этотъ былъ назначенъ, кажется, для жертвоприношеній; по крайней мѣрѣ, у подошвы Балканъ, у дер. Митиризово (вблизи Карлова) намъ пришлось видѣть жертвенникъ, сдѣланный изъ гранита и снабженный круглымъ углубленіемъ, на днѣ котораго находится 26 круглыхъ ямокъ. Хотя недалеко отъ мѣста, гдѣ найденъ только-что упомянутый сосудикъ,

встрѣтились также римскія монеты и бронзовыя вещи, однако намъ кажется, что сосудикъ неолитическаго происхожденія.

X.

Орнаментъ на глиняной посудѣ.

Объ орнаментѣ, которымъ украшена посуда неолитическаго періода, можно составить себѣ понятіе по табл. V, гдѣ изображены черепки, найденные въ Керметликѣ. Орнаментъ исключительно гео-

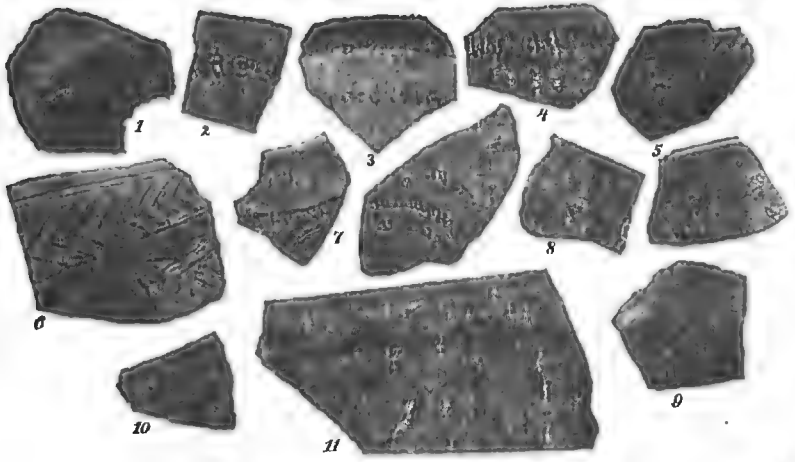


Табл. V.

метрическій, состоящій изъ точекъ, черточекъ, кружковъ и пр. Древніе гончары дѣлали этотъ орнаментъ, кажется, такимъ-же образомъ, какимъ его дѣлаютъ нынѣ болгарскіе гончары: для вдавливанія точекъ гочары пользуются, какъ уже выше было сказано, острымъ деревяннымъ или костянымъ шиломъ, для полировки такъ называемой «гладилкою», а для вдавливанія черточекъ — такъ называемымъ «пъстрило'мъ», которое состоитъ изъ маленькаго зубчатаго колеса, сдѣланнаго изъ дерева или кости и вращающагося на деревянной ручкѣ.

Однако, кромѣ геометрическаго орнамента, на издѣліяхъ неолитическаго періода встрѣчаются уже зачатки орнамента въ видѣ человѣческихъ фигуръ. Въ курганѣ у Олуклунова (Шумена) найдена глиняная статуэтка (идолче) крайне грубой работы, изображающая по поясъ обнаженную женщину; одежда обозначена на низу простыми, перекрещивающимися черточками (табл. IV, рис. I, a и b). На низкой, продолговатой головѣ черточками обозначены носъ, глаза

и ротъ. Съ обѣихъ сторонъ головы виднѣются по три дырочки, благодаря которымъ можно было носить фигурку въ родѣ подвѣски. На задней части головы волосы означены волнистыми черточками, доходящими до шеи. Поясъ и одежда, ниспадающая отъ пояся, обозначена линіями. Ногъ нѣтъ, бо́льшая часть рукъ отбита. Статуэтка имѣетъ въ вышину 0,08 м., въ ширину 0,06 м.

При постройкѣ желѣзной дороги въ 1870—1872 годахъ найдены подобныя глиняныя фигурки.

XI.

Фауна неолитическаго періода.

Во всѣхъ неолитическихъ поселеніяхъ попадаются кости домашнихъ и дикихъ животныхъ. Богатѣйшимъ мѣстомъ нахожденія является Керметликъ. Изъ породы собакъ встрѣчались: canis familiaris intermedius W, canis familiaris palustris (Rütim.) и canis familiaris (Spaletti Strobel). Далѣе попадались: sus scrofa palustris (Rütim), sus europaeus Pall., lepus timidus L., cervus elaphus L., bos brachyceros Rütim, bos taurus L. (найденъ у Рахова и Аличкова), bos primigenius (у Рахова), ovis aries L. и коза. Особенно интересна находка бобра (castor fiber L.) у Керметанка; это, насколько намъ извѣстно, только второй случай на Балканскомъ полуостровѣ; впервые нашли бобровыя кости въ Босніи, около Сараева [1]).

Неолитическій человѣкъ Болгаріи употреблялъ въ пищу, какъ можно судить по находкамъ, еще слѣдующихъ животныхъ: Mytilus edulis (у Галаты, недалеко отъ Варны), helix и unio sp. (у Рущука, Аликочова и Керметлика), cardium (у Керметлика), silurus glanis (у Руссы) и lucioperca (у Рахова).

XII.

Мѣдная и бронзовая эпохи въ Болгаріи.

Кажется, что и Болгарія пережила особенный мѣдный вѣкъ. Мѣдь добывали, по всей вѣроятности, въ очень раннее время въ той части Балканъ, гдѣ лежитъ гор. Враца: по крайней мѣрѣ, мы

---

[1]) Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und Herzegowina. Wien I, p. 53.

открыли старинныя рудокопни на вершинѣ «Мѣдна могила» въ окрестностяхъ деревень Горна-Бѣларѣчка и Долно Озирово. Изъ мѣдныхъ рудъ встрѣчаются боритъ и халкопиритъ. У Лютидоля найдены куски мѣди, добытой изъ руды. Семь мѣдныхъ орудій, найденныхъ въ Болгаріи, имѣютъ форму круглой лепешки, которая вверху ровная, а снизу выпуклая; вѣсомъ они отъ 5—13½ килограммовъ.

Приведемъ два образчика мѣдныхъ орудій, найденныхъ въ Болгаріи. У западной подошвы горы Рыла, въ дер. Смочево, найдена мѣдная сѣкира (по болг. брадва), длиною въ 0,175 м., шириною въ 0,05 м. (возлѣ отверстія), 0,045 (посерединѣ), 0,06 (у острія), толщиною въ 0,02—0,03 м. Дыра для ручки имѣетъ въ поперечникѣ 0,03 м. Судя по формѣ (табл. VI), топоръ этотъ привезенъ съ острова Кипра, а именно, съ Эгейскаго моря, изъ Орфанскаго залива по рѣкѣ Струмѣ къ Рыла-Планина, гдѣ былъ найденъ. Въ неолитическомъ поселеніи у Гюзельдже-алапа вмѣстѣ съ черепомъ человѣка и глинянымъ сосудикомъ найденъ мѣдный топоръ, изображенный на табл. VII; въ длину онъ имѣетъ 0,15 м, въ ширину (посерединѣ) 0,03 м.

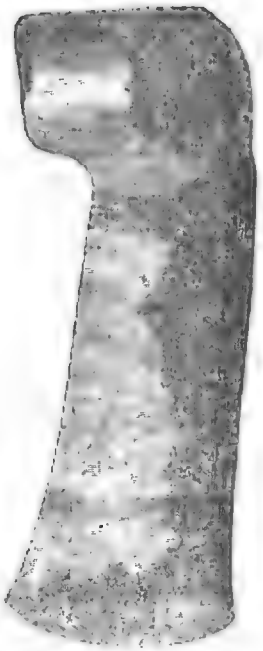


Табл. VI.

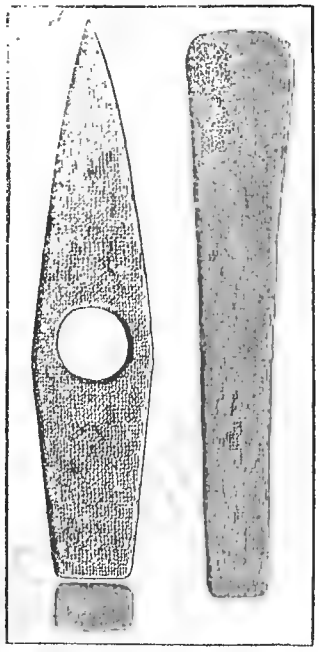
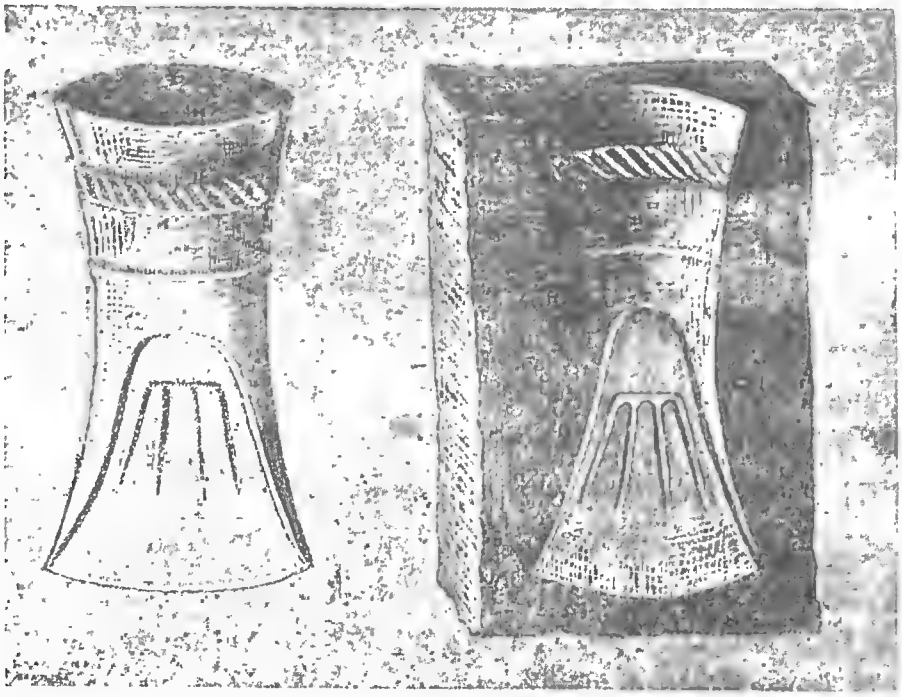


Табл. VII.

Для характеристики бронзоваго вѣка приведемъ форму для отливанія бронзовыхъ орудій, найденную у Карлукова, и бронзовый браслетъ, выкопанный въ курганѣ подлѣ Ишиклій. Отъ формы, предназначенный для отливки бронзовыхъ топоровъ, сохранилась одна половина (табл. VIII); форма, длиною въ 0,1 м., шир. въ 0,055 м., толщ. 0,03 м., изготовлена изъ зеленоватаго камня (хлорита), по внѣшней сторонѣ формы, въ длину, проходитъ желобокъ, глубиною и шириною въ 0,005 м.



Въ курганѣ у Ишиклій Казалагачскаго уѣзда найдены скелетъ и два браслета, изъ коихъ одинъ сдѣланъ изъ серебра, а другой изъ бронзы (табл. IX): первый имѣетъ въ поперечникѣ 0,04 м. и украшенъ конусообразными, дутыми выпуклостями. Бронзовое запястье, имѣющее въ поперечникѣ 0,05 м., составлено изъ тройной скрученной проволоки.

Табл. IX.

Дѣйств. члена Общ. Г. Шкорпила.

Г. Пловдивъ,
1-го іюня 1896 г.

Росписная ваза изъ Керчи.

Правленіе Одесскаго Общества Исторіи и Древностей пріобрѣло весной 1894 года изображенную на прилагаемой при семъ таблицѣ (I, 1 и 2) древнегреческую вазу, которая красуется теперь въ богатомъ памятниками древней керамики собраніи нашего музея.

Рѣшивъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ ежегодно издаваемыхъ Запискахъ Одесскаго Общества по мѣрѣ возможности опубликовать самые интересные предметы изъ этой коллекціи[1]), я для описанія въ XIX томѣ избралъ эту вновь пріобрѣтенную Керченскую вазу. Выборъ этотъ объясняется не какимъ-нибудь особеннымъ мастерствомъ внѣшней отдѣлки или выдающимся художественнымъ чутьемъ въ концепціи рисунка, въ этомъ отношеніи многіе номера нашего собранія далеко ее превосходятъ. Но я остановился на ней потому, что она въ другомъ отношеніи представляетъ большой интересъ— а именно, изъ сравнительнаго анализа украшающихъ ее фигуръ и композиціи изображенной на ней сценки можно вывести любопытныя заключенія относительно пріемовъ и образа работы представителей этой отрасли древняго художественнаго ремесла.

Эти заключенія не представляютъ правда собою какой-нибудь научной новости. Было уже не разъ въ современной литературѣ о греческой вазной живописи высказано положеніе, что гончары-живописцы работали по готовымъ шаблонамъ и типамъ, сложившимся въ стѣнной живописи и монументальномъ искусствѣ и сгруппированнымъ болѣе или менѣе умѣло смотря по свойству расписываемой плоскости и таланту даннаго художника.

[1]) Срв. «Алабастръ Пеіакса и Гилина» въ XVII томѣ и «Вновь найденная Керченская лекина съ изображеніемъ Діонисова тіаса» въ XVIII томѣ Записокъ Одесск. Общ. Исторіи и Древностей.

Но въ виду замѣтнаго въ послѣднее время стремленія слишкомъ выдвинуть на первый планъ творческую роль этихъ вазныхъ живописцевъ и приписать имъ изобрѣтеніе разныхъ сюжетовъ или, по крайней мѣрѣ, самостоятельное воспроизведеніе ихъ, является не лишнимъ обратить вниманіе какъ разъ на такіе вазные рисунки, по отношенію къ которымъ счастливый случай дастъ намъ возможность полнаго почти контроля работы художника.

Издаваемая здѣсь ваза или—правильнѣе сказать— пелика (πελική) найдена была разбитой на нѣсколько кусковъ; но всѣ фрагменты такъ хорошо сохранились, что легко удалось востановить ее цѣликомъ въ первоначальномъ ея видѣ. Она представляетъ собою весьма хорошій образецъ аттическаго[1]) гончарнаго промысла. Сдѣлана она изъ тонкой, хорошо обожженной глины и покрыта тѣмъ блестящимъ чернымъ лакомъ, который является характернымъ признакомъ аттическаго производства лучшихъ періодовъ. Край широкаго отверстія пелики окаймленъ орнаментомъ изъ такъ называемыхъ яйцевидныхъ листьевъ (Eierstockornament); такой-же орнаментъ окружаетъ изображенія на туловищѣ пелики сверху и снизу въ видѣ рамки. Подъ ручками, спускающимися далеко внизъ, нарисованы богатыя пальметты. Такъ какъ высота пелики равняется 29 см., то въ распоряженіи художника была довольно большая площадь туловища вазы для разукрашенія. На одной сторонѣ онъ нарисовалъ обычныя три фигуры въ длинныхъ мантіяхъ, на другой, лицевой, онъ изобразилъ миѳологическую сценку, толкованіе которой не представляетъ затрудненій.

Средину сценки занимаетъ фигура юноши, сидящаго на подостланномъ плащѣ или, вѣрнѣе, на львиной шкурѣ: тѣло его полно, члены мускулисты, плечи широки, голова сравнительно мала. Какъ по этимъ примѣтамъ, такъ и по палицѣ, на которую юноша опирается лѣвой рукой, не можетъ быть сомнѣнія, что художникъ изображалъ Геракла—и, какъ явствуетъ изъ всей осанки фигуры, именно «отдыхающаго Геракла». Противъ него сидитъ его покровительница Аѳина. Высокій шлемъ покрываетъ ея голову; щитъ

---

[1]) Что мѣсто фабрикаціи этой пелики Аттика, будетъ ниже доказано.

стоитъ на землѣ и своимъ верхнимъ краемъ прислоненъ къ лѣвому колѣну; одѣта богиня въ одинъ длинный хитонъ безъ рукавовъ, складки котораго мастерски переданы нашимъ художникомъ. Аѳина лѣвой рукой держится за верхнюю часть копья, вертикально установленнаго на землю, и нагибаясь впередъ, она естественнымъ образомъ и правой рукой должна дотрогиваться до копья. Эта поза Аѳины находитъ свое объясненіе въ томъ интересѣ, съ которымъ она слѣдитъ за главнымъ дѣйствіемъ сценки: прилетаетъ богиня Ника, чтобы побѣдоносному Гераклу положить вѣнокъ на голову въ знакъ признательности къ нему міродержца. На другой сторонѣ отъ Геракла стоятъ еще двѣ фигуры, вниманіе которыхъ также всецѣло поглощено только что описаннымъ чудеснымъ происшествіемъ. Одна изъ этихъ фигуръ, юноша съ вѣнкомъ на лбу, въ коротенькой хламидѣ и съ длиннымъ копьемъ въ лѣвой рукѣ, какъ-бы въ крайнемъ удивленіи собирается отступить шагъ назадъ и поднимаетъ правую руку съ жестомъ такъ называемаго «ἀποσκοπεῖν»; не трудно въ немъ узнать неразлучнаго товарища и вѣрнаго друга Геракла,—Іолая. За нимъ слѣдуетъ молодая женщина, одѣтая въ длинный, опоясанный хитонъ безъ рукавовъ; правая рука, большая часть которой закрыта фигурой Іолая, протянута впередъ; лѣвая опирается въ бокъ. Едва-ли ошибемся, если усмотримъ въ этой фигурѣ богиню вѣчной юности, Гебу, назначенную Гераклу въ супруги какъ вознагражденіе за успѣшное исполненіе порученныхъ ему работъ, какъ вознагражденіе за перенесенныя имъ во время земной жизни страданія.

При разсмотрѣніи этой жизненно скомпонованной сценки на первомъ мѣстѣ является вопросъ, къ какому періоду греческой вазной живописи слѣдуетъ отнести занимающую насъ работу. Отъ рѣшенія этого вопроса въ значительной мѣрѣ зависитъ опредѣленіе степени самостоятельнаго творчества нашего художника, опредѣленіе мѣста, которое принадлежитъ его картинкѣ въ средѣ воспроизведеній того-же самаго или однородныхъ сюжетовъ.

Внѣшнія свойства нашей пелики—хорошій матеріалъ, блестящій, тонкій, черный лакъ, красиво стилизованныя пальметты—не позволяютъ датировать ее позже, чѣмъ IV вѣкомъ; съ другой сто-

роны «бѣглый стиль» исполненія рисунка не допускаетъ ее отнести къ болѣе раннему періоду.

Вѣрность полученной изъ этихъ общихъ наблюденій датировки вполнѣ подтверждается еще слѣдующими соображеніями. Рисунокъ исполненъ въ такъ называемомъ «бѣгломъ стилѣ». Однако при всей небрежности работы—ноги и отчасти руки, напр. Ники, представлены въ самыхъ грубыхъ контурахъ безъ всякой отдѣлки—художникъ обнаруживаетъ полное господство надъ техническими пріемами своего искусства; нѣсколькими штрихами онъ мастерски распредѣляетъ складки одежды и характеризуетъ позы и особенности изображаемыхъ фигуръ. Это соединеніе техническаго умѣнья съ бѣглымъ, небрежнымъ исполненіемъ деталей рисунка особенно характерно для аттическаго вазнаго производства во второй половинѣ IV вѣка; о тщательной работѣ, объ углубленіи въ изображаемый сюжетъ и старательномъ его исполненіи въ то время уже рѣчи нѣтъ. Это—ловкое, фабричное производство, расчитанное на большой кругъ покупателей, у котораго вопросъ о цѣнѣ имѣлъ существенное значеніе. Въ аттической промышленности IV вѣка такимъ образомъ замѣчается уже тоже самое явленіе, которое составляетъ въ наше время настоящую злобу дня.

Дальше трактовка волосъ изображенныхъ на пеликѣ фигуръ подтверждаетъ правильность нашей датировки. Ибо въ аттической вазной живописи послѣдней четверти IV вѣка[1]) возникаетъ мода рисовать волосы въ видѣ маленькихъ, сильно закрученныхъ локоновъ, какъ мы это замѣчаемъ на нашей картинкѣ въ прическѣ особенно Аѳины и Геракла. Наконецъ типъ юнаго, нагого, безбородаго Геракла, вооруженнаго одной палицей, указываетъ также, что изображеніе на занимающей насъ пеликѣ принадлежитъ IV вѣку. Это послѣднее утвержденіе конечно не должно понимать въ томъ смыслѣ, будто этотъ типъ юнаго героя явился только впервые въ IV вѣкѣ и представляетъ собою какое нибудь крупное нововведеніе, результатъ начинающей господствовать въ греческомъ искусствѣ со средины V вѣка тенденціи изображать идеальные типы боговъ въ болѣе юномъ видѣ. Напротивъ, въ миѳахъ о Гераклѣ заключалось

[1]) Срв. A. Furtwängler: La collection Sabouroff, текстъ къ таблицѣ LXVII.

весьма много элементовъ, указывающихъ съ самаго начала на юношескую свѣжесть героя, такъ что, рядомъ съ типомъ статнаго, сильнаго мужа, типъ красиваго юноши является въ искусствѣ вполнѣ равноправнымъ. Однако, если обозрѣть всю массу дошедшихъ до насъ памятниковъ, представляющихъ изображенія Геракла, то можно установить извѣстные законы развитія и, такъ сказать, преемственнаго господства этихъ двухъ типовъ—законы, которые даютъ намъ право пріурочить типъ Геракла на нашей пеликѣ именно къ IV вѣку.

Я далеко отъ мысли представить здѣсь полностью исторію типовъ Геракла въ греческомъ искусствѣ: это отвлекло-бы меня слишкомъ въ сторону. Отсылая читателя къ собранному напр. въ словарѣ Рошера[1]) матеріалу, ограничусь здѣсь только немногими замѣчаніями.

Въ древне-архаическомъ искусствѣ Геракъ, на подобіе остальныхъ боговъ, изображается вполнѣ нагимъ. Греческая поэзія и отражающіеся въ ней миѳы въ значительной степени очеловѣчили образъ этого бога и, согласно съ этимъ рано распространившимся взглядомъ, Геракъ въ искусствѣ является одѣтымъ въ хитонъ смертныхъ людей, и ему придается панцырь и мечъ какъ оборонительное и наступательное оружіе. На юго востокѣ нагой богъ принимаетъ какъ постоянный аттрибутъ львиную шкуру. Этотъ типъ распространяется потомъ и тамъ, гдѣ уже привыкли изображать героя въ хитонѣ и полномъ вооруженіи, и оказываетъ здѣсь свое воздѣйствіе: на героя сверхъ обычной одежды надѣваютъ еще эту львиную шкуру. Такимъ образомъ возникаетъ тотъ костюмъ Геракла, который мы въ безсчетномъ числѣ повторенный видимъ на аттическихъ чернофигурныхъ и, относящихся еще по большей части къ VI вѣку, краснофигурныхъ вазахъ, «строгаго стиля». Между тѣмъ какъ въ архаическомъ искусствѣ рядомъ съ бородатымъ типомъ встрѣчается и типъ юнаго героя, въ древне-аттическомъ искусствѣ и спеціально въ древне-аттической вазной живописи настолько преобладаетъ типъ бородатаго мужа, что его смѣло можно считать господствующимъ[2]).

[1]) A. Furtwängler: «Herakles» въ Roscher's Ausführl. Lexicon der griech. u. röm. Mythol. S. 2147—2252.

[2]) Срв. Gerhard: Auserlesene Vasenbilder, томъ II; безбородый Геракъ на древне-аттическихъ вазахъ является рѣдкимъ исключеніемъ; срв примѣры, приведенные Furtwängler'омъ въ Roschers Ausführl. Lexicon der griech. u. röm. Mythol. стр. 2153.

Другое дѣло – іоническое искусство и искусство находящихся подъ его вліяніемъ странъ. Здѣсь наоборотъ, какъ и на островѣ Кипрѣ и въ Этруріи, Геракль въ соотвѣтственную эпоху изображается безбородымъ юношей.

Но возвратимся къ аттической вазной живописи, которая здѣсь насъ преимущественно интересуетъ. Въ переходное время отъ «строгаго» къ болѣе «свободному» стилю типъ Геракла въ общемъ остается неизмѣненнымъ, но замѣчается постепенно распространяющаяся тенденція представлять героя въ болѣе легкомъ костюмѣ и болѣе легкомъ вооруженіи Двѣ чаши знаменитаго живописца-керамиста Эвфронія могутъ служить наилучшей иллюстраціей этого измѣненія въ концепціи Геракла. Между тѣмъ какъ мы на его чашѣ съ изображеніемъ борьбы съ Геріономъ видимъ еще прежде обычный у вазныхъ художниковъ типъ Геракла, на чашѣ съ изображеніемъ укрощенія эриманоскаго вепря герой представленъ съ свободно висящей львиной шкурой и безъ меча. Большое вниманіе въ это время обращается на моделировку головы, особенно глазъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, во второй половинѣ этого періода, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ твореній Полигнота[1]), Фидія и другихъ представителей монументальнаго искусства, въ вазной живописи бородатый типъ отступаетъ передъ все болѣе и болѣе распространяющейся концепціей юнаго героя.

Этотъ типъ во время господства такъ называемаго «изящнаго стиля» аттической вазной живописи получаетъ широкое право гражданства, причемъ уже отмѣченное стремленіе облегчить костюмъ героя развивается дальше. Геракль изображается въ одной львиной шкурѣ, висящей на лѣвой рукѣ—впрочемъ его тѣло представлено въ идеальной наготѣ.

И въ вазной живописи IV вѣка направленіе предыдущаго періода въ изображеніяхъ Геракла послѣдовательно удерживается. Мечъ, лукъ и колчанъ почти вполнѣ исчезаютъ, и только палица и наброшенная на лѣвую руку или подостланная львиная шкура остаются единственными внѣшними характерными аттрибутами героя. Въ замѣнъ того, еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, замѣчается

[1]) Срв. Robert: Mon. dell' Inst. XI, 38/39.

тенденція посредствомъ тщательной выработки и моделировки чертъ лица выразить и передать характерныя его качества. Смотря по изображаемой ситуаціи мы видимъ въ чертахъ лица героя выраженіе необузданной силы, энергіи, самоувѣренности или-же выносливости, терпѣнія, состраданія. Хотя типъ бородатаго Геракла и въ этотъ періодъ конечно не вполнѣ изчезаетъ, но въ общемъ юный типъ пользуется несомнѣннымъ предпочтеніемъ, и только въ III столѣтіи въ этомъ отношеніи наступаетъ переворотъ.

Хотя я въ этомъ бѣгломъ обзорѣ исторіи типовъ Геракла въ аттической вазной живописи могъ отмѣтить только самые крупные фазисы и долженъ былъ отказаться, какъ отъ изложенія всякихъ подробностей, такъ и отъ разъясненія причинъ, обусловливавшихъ господство того или другаго типа въ извѣстный періодъ, однако, надѣюсь, сказаннаго здѣсь уже достаточно, чтобы довольно опредѣленно датировать типъ Геракла на нашей пеликѣ. Какъ вышеприведенныя техническія соображенія, такъ и характерныя особенности типа героя исключаютъ всякія сомнѣнія въ томъ, что занимающая насъ работа относится ко второй половинѣ IV вѣка до Р. Х.

Установленіе этого факта позволяетъ уже a priori полагать, что самостоятельная роль нашего художника въ концепціи сцены—не говорю уже въ созданіи типовъ—едва-ли могла быть выдающейся. Мотивы изъ жизни Геракла принадлежали къ излюбленнымъ сюжетамъ изображенія греческаго искусства; на тысячи ладовъ они разрабатывались и представлялись. Внести существенно новые элементы въ эти мотивы даже не суждено было послѣ Лисиппа представителямъ монументальнаго искусства этого времени: чего-же ожидать отъ представителя художественнаго ремесла, которое въ концѣ IV вѣка въ ущербъ своему внутреннему достоинству руководилось на первомъ мѣстѣ коммерческими соображеніями, и уже не расчитывая на избранный кругъ настоящихъ знатоковъ, шло на встрѣчу потребностямъ болѣе широкихъ слоевъ потребителей? Вѣрность этихъ апріорныхъ положеній въ данномъ случаѣ вполнѣ подтверждается, внимательнымъ разсмотрѣніемъ изображенной на пеликѣ сценки.

Изучивъ это изображеніе, мы положительно можемъ сказать что художникъ или не выяснилъ себѣ сюжетъ своей картинки, или

если постигъ его смыслъ, то во всякомъ случаѣ такъ небрежно отнесся къ его содержанію, какъ это немыслимо при предположеніи самостоятельнаго, сознательнаго участія въ разработкѣ даннаго мотива.

Суть всей сценки состоитъ въ томъ, что отдыхающему по окончаніи земныхъ страданій и тяжелыхъ работъ Гераклу богиня побѣды приноситъ заслуженную награду. Эта награда по представленіямъ древнихъ грековъ могла быть троякая: Ника приводитъ къ герою назначенную ему Зевсомъ супругу — Гебу, богиню вѣчной юности [1]); или она, прилетая, подноситъ ему чашу, наполненную нектаромъ, чтобы его подкрѣпить и подготовить къ вступленію на Олимпъ [2]); или-же наконецъ—Ника предоставляетъ герою высшее для грека отличіе—она увѣнчиваетъ его лавровымъ вѣнкомъ [3]). О первомъ мотивѣ, само собою разумѣется въ данномъ случаѣ по группировкѣ фигуръ не можетъ быть и рѣчи. Изъ остальныхъ же двухъ, только мотивъ увѣнчанія является здѣсь по положенію рукъ богини вполнѣ умѣстнымъ; но въ томъ то и дѣло, что художникъ оставилъ эти руки безъ всякаго аттрибута, что онъ или не счелъ нужнымъ, или забылъ нарисовать этотъ вѣнокъ и тѣмъ лишилъ свою картинку самаго главнаго, именно момента, на которомъ сосредоточено все вниманіе изображенныхъ фигуръ.

Еще и другія обстоятельства свидѣтельствуютъ о довольно безсознательномъ отношеніи нашего художника къ предмету изображенія. Оставляя пока фигуру Іолая въ сторонѣ—о ней будетъ болѣе подробная рѣчь ниже—укажу въ числѣ этихъ обстоятельствъ здѣсь только на положеніе правой руки самаго Геракла. Толковать этотъ жестъ героя какъ выраженіе удивленія въ данномъ случаѣ нельзя потому, что Гераклъ эту протянутую впередъ руку опираетъ на локоть

---

[1]) Этотъ мотивъ мы имѣемъ между прочимъ на одномъ мраморномъ рельефѣ изъ V вѣка, срв. Gazette archéol. 1875, pl. 10; texte p. 33—35 (Lenormant). Толкованіе этого рельефа, предложенное Lénormant'омъ, слѣдуетъ оставить въ сторонѣ.

[2]) Мы этотъ мотивъ видимъ напр. на одномъ мраморномъ рельефѣ V вѣка (срв. Archeol. Zeitung 1862, 163, 2), на саркофагахъ эллинистическаго періода (срв. Annali 1868, tav. F.) и, между прочимъ, на одной вазѣ IV вѣка, о которой будетъ рѣчь ниже.

[3]) Это весьма распространенный въ греческомъ искусствѣ мотивъ, срв. напр. Gerhard: Auserlesene Vasenbilder II, 143 и указанные у него въ текстѣ стр. 178—179 памятники; срв. вазу въ Эрмитажѣ (Stephani № 845), вазу въ Аѳинскомъ музеѣ (Collignon № 553) и Smith: De malede Vaser i Kjöbenhaven № 214. Въ соединеніи съ первымъ мотивомъ онъ встрѣчается, напр., на вышеупомянутомъ рельефѣ, Gazette archéol. 1875, pl. 10.

Такая поза, какъ и положеніе нижней части руки считая отъ кисти, понятны только при предположеніи, что Гераклъ держалъ что-нибудь въ рукѣ; а что именно, мы можемъ заключить изъ вазныхъ картинокъ строгаго краснофигурнаго стиля. Въ этомъ періодѣ вазной живописи весьма часто изображается идиллическая сценка[1]), какъ утомленному отъ всѣхъ своихъ трудовъ Гераклу его покровительница и спутница Аѳина протягиваетъ наполненный виномъ кубокъ или наливаетъ вино въ каноаръ, находящійся въ рукѣ героя. Итакъ мы видимъ, что нашъ художникъ удержалъ естественное при такомъ мотивѣ положеніе руки Геракла и примѣнилъ его въ своемъ изображеніи, мало заботясь о томъ, что оно при измѣненіи сюжета является довольно страннымъ и непонятнымъ.

Сказанное здѣсь, надѣюсь, достаточно, чтобы убѣдить насъ, съ какой безпечностью нашъ живописецъ-керамистъ пользовался для составленія своей картинки не только прежде выработанными типами, но и существовавшими уже композиціями этихъ типовъ.

Это заключеніе, выведенное пока изъ анализа фигуръ Ники и Геракла, вполнѣ подтверждается хотя бы самымъ бѣглымъ обзоромъ разработки того-же самаго сюжета въ греческомъ искусствѣ періодовъ, предшествовавшихъ времени дѣятельности нашего художника.

Главный моментъ нашей картинки, «отдохновеніе Геракла», пользовался въ греческомъ искусствѣ большою популярностью. Послѣ капитальнаго, хотя и не вполнѣ удачно расположеннаго изслѣдованія Stephani «Der ausruhende Herakles» [2]) распространяться объ этомъ нечего. Въ древне-аттической вазной живописи чернофигурнаго и строгаго краснофигурнаго стилей этотъ мотивъ передавался обыкновенно въ видѣ идиллической сценки [3]) между Геракломъ и Аѳиною:

---

[1]) Срв. Klein: Euphronios [2] S. 244; срв. Терракотовый акротерій изъ Церы, находящійся въ Луврѣ. Benndorf: Griechische u. Sicilische Vasenbilder 42, 4; чашу въ стилѣ Дуриса въ Wiener Vorlegeblätter A, 1; Jughirami, Monum. Ser. 5, 37; Gerhard: Antike Bildwerke, 47 и т. д.

[2]) Stephani: «Der ausruhende Herakles», Mémoires de l'Académie VIII, 1855.

[3]) Срв. Кувшинъ Никосѳена, Mon. ed. Ann. 1854. p. 47. tav. 5, 6. Gerhard: Trinkschalen, C. 9. Gerhard: Auserlesene Vasenbilder II, Taf. 132, 133, 3, 4. Gerhard: Antike Bildwerke, 47. Klein: Euphronios [2] S. 244. Furtwängler: Herakles въ Roschers Ausführl. Lex. der griech. und röm. Mythologie S. 2216. Welcker: Antike Denkmäler III, 37—41. Dumont: Ceramique I. p 281 и 323. Надѣлавшій прежде много шума вопросъ о «мистической свадьбѣ» Геракла съ Аѳиной я здѣсь оставляю въ сторонѣ. Срв. о немъ Stephani «Der ausruhende Herakles», S. 130 и 131.

герою, который либо сидитъ, либо стоитъ, опираясь на какой нибудь прислонъ, богиня преподноситъ цвѣтокъ, вѣнокъ, или вливаетъ ему вино въ его каноаръ Черезъ прибавленіе другихъ фигуръ въ эту идиллію потомъ вносится большее разнообразіе; изображаются напр. вмѣстѣ съ Аѳиной и Геракломъ, словно свидѣтели сердечныхъ отношеній между богиней и героемъ, то Гермесъ и Іолай [1]), то одинъ Іолай [2]), являющійся вообще постояннымъ сподвижникомъ Геракла въ художественныхъ воспроизведеніяхъ его многочисленныхъ трудовъ и приключеній.

Только легкое видоизмѣненіе этого главнаго мотива представляютъ тѣ случаи, въ которыхъ мѣсто Аѳины занимаетъ Ника (Αθηνα—Νικη). Она также подноситъ утомленному герою чашу божественнаго нектара или увѣнчиваетъ его въ знакъ его побѣды вѣнкомъ [3]).

Наконецъ, какъ мы выше видѣли, и Геба уже въ искусствѣ V вѣка пріурочивается къ мотиву окончившаго свои земныя страданія, отдыхающаго Геракла, хотя она конечно чаще является въ воспроизведеніи другаго сюжета—введенія Геракла на Олимпъ. О мраморномъ рельефѣ V вѣка, на которомъ изображена сцена, какъ Ника приводитъ Гебу къ спокойно стоящему герою [4]), мы уже говорили. На другомъ рельефѣ [5]), того-же періода, мы видимъ, какъ Геба вливаетъ въ каноаръ Геракла нектаръ, напитокъ боговъ; на вазныхъ рисункахъ строгаго краснофигурнаго стиля изображена Геба вмѣстѣ съ Геракломъ въ разныхъ ситуаціяхъ [6]) и т. д.

Итакъ мы видимъ, что всѣ типы встрѣчающихся на нашей пеликѣ фигуръ уже предыдущими поколѣніями были выработаны и

---

[1]) Benndorf: Griechische und Sicilische Vasenbilder 42, 4.

[2]) Jahn: Münchener Vasenkatalog № 145, 169. Furtwängler: Berliner Vasensammlung № 1689. Gerhard: Auserlesene Vasenbilder II, Taf. 144.

[3]) Ср. вазу въ Эрмитажѣ (Stephani № 845), вазу въ Аѳинскомъ музеѣ (Collignon № 553), Smith: De malede Vaser i Kjöbenhaven № 214. Furtwängler: Collection Saboroff pl. LXVII. и т. д. Ср. также монетные типы, приведенные у Stephani: Der ausruhende Herakles, S. 167 № 42.

[4]) Gazette archéol. 1875 pl. 10. Archeologische Zeitung 1869, Taf. 24, 1. Text S. 104 (Kekulé).

[5]) Archeologische Zeitung 1865, 163, 2, Kekulé, Hebe, Taf. 4, 1.

[6]) Archeologische Zeitung 1866, Taf. 209, 4. Text S. 560. Gerhard: Auserlesene Vasenbilder II, S 99, An. 6. S. 176, An. 62, S. 179, An. 10. S. 181, An. 5.

примѣнялись въ соотвѣтствующихъ композиціяхъ: на долю вазныхъ живописцевъ IV вѣка могла такимъ образомъ только выпасть задача углублять характеристику этихъ типовъ и составлять сообразно вкусу ихъ времени многофигурныя, оживленныя сценки. Какъ вообще сюжеты изъ легенды о Геракле въ этотъ періодъ пользовались извѣстнымъ предпочтеніемъ [1]), такъ и мотивъ отдыхающаго Геракла довольно часто повторялся [2]), причемъ художники свободно соединяли въ одну композицію вышеописанныя отдѣльныя сценки; мы встрѣчаемъ теперь Геракла въ обществѣ какъ Аѳины, такъ и Ники и Гебы вмѣстѣ.

Изъ всего только что изложеннаго ясно, что работа нашего художника представляетъ собою только повтореніе уже извѣстныхъ типовъ и не вноситъ, что касается композиціи, ничего существенно новаго въ разработку сюжета. Мы должны были-бы довольствоваться этой общей характеристикой его работы, еслибъ счастливая случайность не дала намъ возможность еще точнѣе судить о ея составныхъ частяхъ и о характерныхъ пріемахъ нашего художника.

Въ Берлинскомъ музеѣ хранится пелика, найденная въ Аттикѣ и пріобрѣтенная изъ бывшей коллекціи Сабурова; сопоставлять ее и сравнивать съ нашей заставляетъ меня давно уже признанная истина, что «σύγκρισις является наилучшей подпорой для κρίσις». При первомъ взглядѣ на ея изображеніе на прилагаемой при семъ таблицѣ (I, 1, 3) мы легко можемъ убѣдиться, что эта пелика если не родная сестра Одесской, то во всякомъ случаѣ ея весьма близкая родственница.

По высотѣ и формѣ эти вазы вполнѣ одинаковы; обѣ онѣ орнаментированы одинаковыми яйцевидными листьями и пальметтами; что же касается рисунковъ, то и на Берлинской пеликѣ мы имѣемъ также на одной сторонѣ три фигуры въ длинныхъ мантіяхъ, на другой тотъ-же самый мотивъ «отдыхающаго Геракла» въ тождественной обстановкѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь

---

[1]) Срв. Furtwängler: Berliner Vasensammlung № 2626, 3183 и т. д. Heydemann: Vasensammlung in Neapel, № 1927, 2408, 3250 и т. д.

[2]) Dumont, Ceramique II, pl. 15, texte I, p. 377.

сценка скомпанована изъ тѣхъ-же пяти фигуръ: Геракла, Аѳины, Ники, Гебы и Іолая [1]). Наконецъ объ вазы по техникѣ исполненія и стилю рисунка относятся къ одному и тому же времени. Furtwängler [2]) датируетъ Берлинскую пелику концомъ IV вѣка.

При этомъ поразительномъ сходствѣ и почти тождествѣ Берлинской и Одесской пеликъ существуютъ однако и пункты различія въ композиціи изображаемой сцены; и это различіе является въ данномъ случаѣ особенно поучительнымъ. Во первыхъ, распредѣленіе фигуръ на данной площади другое: между тѣмъ какъ на Одесской пеликѣ Аѳина и Ника занимаютъ, съ точки зрѣнія зрителя, лѣвую сторону отъ центра, а Іолай и Геба правую, на Берлинской мы имѣемъ обратное размѣщеніе фигуръ, причемъ кромѣ того непосредственно около героя стоитъ не Іолай, а Геба. Во вторыхъ-же, что касается типовъ и позъ отдѣльныхъ фигуръ, то въ этомъ отношеніи, несмотря на всю общность концепціи, преобладаютъ точки различія, а не совпаденія между рисунками обѣихъ пеликъ.

Фигура Аѳины представляетъ по костюму, вооруженію, осанкѣ и выраженію лица наибольшее сходство, но на Берлинской пеликѣ она держитъ копье въ косвенномъ направленіи на лѣвомъ плечѣ, а вслѣдствіе этого и наклоненіе фигуры должно было быть другое.

Въ остальныхъ фигурахъ различія существеннѣе. На Берлинской пеликѣ положеніе рукъ Ники другое, притомъ въ одной она держитъ чашу съ нектаромъ. Геаклъ, при полномъ тождествѣ костюма и аттрибута, изображенъ въ видѣ бородатаго мущины; кромѣ того его фигура представлена, согласно измѣненному размѣщенію Аѳины и Ники, въ полуоборотѣ на лѣво—въ весьма обычной для конца IV вѣка позѣ. Наконецъ Геба, держащая въ одной рукѣ

[1]) Furtwängler: La collection Sabouroff, текстъ къ LXVII таблицѣ, правда, обозначаетъ фигуру юноши на Сабуровской пеликѣ, сильно, впрочемъ, поврежденную, именемъ Гермеса; но такъ какъ у этой фигуры нѣтъ никакихъ аттрибутовъ, подтверждающихъ такое обозначеніе, то толкованіе Furtwängler'a является чистой догадкой. Фигура юноши на Одесской пеликѣ не можетъ быть признана за Гермеса; по аналогіи рисунка едва-ли можно сомнѣваться, что мы и въ юношѣ Берлинской пелики должны усматривать Іолая.

[2]) Furtwängler: La collection Sabouroff, текстъ къ LXVII таблицѣ.

кубокъ, а въ другой кувшинъ съ виномъ, и Іолай обнаруживаютъ наименьшее сходство съ соотвѣтствующими фигурами Одесской пелики.

Изъ сопоставленія этихъ двухъ вазъ и ихъ рисунковъ мы можемъ вывести слѣдующія заключенія:

Тождественныя по высотѣ, формѣ, орнаментамъ, и относящіяся къ одному и тому-же періоду времени пелики сработаны обѣ въ Аѳинахъ, можно полагать, чуть-ли не въ одной и той-же фабрикѣ. Расписаны онѣ, если и не однимъ и тѣмъ-же художникомъ, то, должно быть, вазными живописцами одной школы, пожалуй даже одной и той-же мастерской, исполнявшей художественную часть работы извѣстной фабрики. Сюжетъ рисунка и общая ситуація пяти фигуръ были даны — но въ отличіе отъ новѣйшаго фабричнаго производства предметовъ художественнаго ремесла, не останавливающагося передъ сто первымъ вполнѣ одинаковымъ повтореніемъ одного и того-же мотива, древній художникъ или художники старались вносить въ исполненіе одинаковаго мотива извѣстное разнообразіе.

Готовый, конечно, типъ юнаго отдыхающаго Геракла былъ уже разъ представленъ; въ виду этого для украшенія другой одновременно фабрикованной пелики избирается типъ бородатаго героя, сидящаго въ полуоборотѣ на лѣво; его поза и заставляетъ перемѣстить остальныя фигуры.

Въ первомъ случаѣ прилетающая Ника собирается увѣнчивать героя вѣнкомъ; вотъ почему во второй разъ представляется типъ подносящей нектаръ богини. Аѳина въ качествѣ покровительницы Геракла имѣетъ настолько канонически выработанный типъ, что большія отступленія отъ него были немыслимы; оттого и оба раза этотъ типъ имѣлъ весьма сходную концепцію, съ легкимъ только измѣненіемъ деталей и осанки фигуры. За то художники въ воспроизведеніи Гебы и Іолая не были стѣснены никакими рамками строгаго канона. Здѣсь они по своему усмотрѣнію могли выбирать изъ богатаго запаса готовыхъ типовъ женскихъ и мужскихъ фигуръ тѣ, которые имъ по своимъ позамъ, размѣрамъ или другимъ причинамъ казались болѣе пригодными. Что художникъ, расписавшій нашу пелику, такъ и не иначе работалъ и не долго задумывался

при этомъ выборѣ, можно положительно доказать. Изображая фигуру Іолая, онъ остановился на типѣ, который однимъ изъ его предшественниковъ или современниковъ примѣненъ былъ для фигуры товарища Ѳесея,—Перноя, въ картинкѣ, представляющей укрощеніе Марѳонскаго быка. Что эта фигура, встрѣчающаяся въ указанной композиціи на давно уже найденной Керченской пеликѣ[1]), служила прототипомъ для нашего художника при изображеніи Іолая, или правильнѣе сказать, что эти двѣ фигуры срисованы съ общаго, извѣстнаго и распространеннаго по мастерскимъ живописцевъ-керамистовъ образца, въ этомъ лучше всего можетъ насъ убѣдить представленное здѣсь ихъ сопоставленіе.

№ 1. Перноой на С.-Петерб. пеликѣ.

№ 2. Іолай на Одесск. пеликѣ.

Я старался по мѣрѣ умѣнья выяснить образъ работы и художественные пріемы живописца-керамиста, украсившаго Одесскую

---

[1]) Пелика эта была найдена при раскопкахъ Перовскаго въ 1843 году и хранится въ Эрмитажѣ (Stephani № 2012). Она изображена въ Antiquités du Bosphore Cimmerien Atlas, tav. LXIII. a, fig. 2 и 2a, текстъ томъ II, стр. 63—69; S. Reinach: Antiquités du Bosphore Cimmerien, p. 111, pl. 63a; Michaelis, Archeol. Zeitung 1877, S. 75. Дальнѣйшая, весьма пространная литература по поводу толкованія сюжета этой вазы приведена у S. Reinach'a. Antiquités и т. д. p. 112. Какъ видно изъ текста, я согласенъ съ тѣми учеными, которые толкуютъ сюжетъ какъ укрощеніе Марѳонскаго быка Ѳесеемъ. Пелика относится по стилю рисунка къ срединѣ IV вѣка. Особенно отмѣчаю, что ея высота (29 см.) вполнѣ равняется высотѣ нашей пелики—типъ Перноя могъ быть повторенъ нашимъ художникомъ безъ всякаго сокращенія или увеличенія.

пелику сценой изъ цикла легенды о Геракле. Я далекъ отъ мысли выводить изъ представленныхъ здѣсь наблюденій общіе законы объ образѣ работы всѣхъ аттическихъ вазныхъ живописцевъ; я конечно не отрицаю, что особенно у лучшихъ представителей краснофигурной вазной техники перваго періода есть своя индивидуальная физіономія, свой индивидуальный, строго опредѣленный стиль. Однако, если вспомнить, что уже у Псіакса и Эвфронія въ началѣ V вѣка установлено было нами [1]) тоже самое явленіе, которое мы встрѣчаемъ у нашего художника въ концѣ IV вѣка и которое вообще можно наблюдать много разъ[2]), а именно, что изображенныя на одной вазѣ фигуры въ весьма сходномъ исполненіи повторяются и на другихъ, то *одно* едва-ли возможно будетъ оспаривать: греческіе живописцы-керамисты работали по слагавшимся подъ вліяніемъ особенно стѣнной живописи образцамъ и шаблонамъ, ходившимъ по рукамъ въ ихъ мастерскихъ. Отъ художественнаго и умственнаго образованія отдѣльныхъ вазныхъ живописцевъ зависитъ индивидуализація и болѣе или менѣе удачный подборъ и композиція этихъ типовъ. Эти основныя положенія надо имѣть въ виду и при оцѣнкѣ тѣхъ вазныхъ картинъ, которыя очаровательной красотой своего исполненія зачастую заставляютъ насъ забывать, что мы имѣемъ въ нихъ дѣло все-таки только съ предметами художественнаго ремесла. Нашъ живописецъ-керамистъ къ этимъ избранникамъ своего сословія не принадлежитъ. Онъ, какъ громадное большинство его современниковъ-товарищей ловкій работникъ—и только.

Времена подъема аѳинскаго духа, отражающіяся въ вазной живописи краснофигурной техники строгаго стиля, и время высшаго умственнаго и художественнаго процвѣтанія Аѳинъ, находящее свой pendant въ вазной живописи свободнаго и изящнаго стилей, безвозвратно минули: медленно, но неудержимо солнце аттическаго величія склонялось къ заходу — и аттическая вазная живопись съ своимъ бѣглымъ стилемъ и фабричнымъ производствомъ служитъ опять вѣрнымъ выразителемъ духа и настроенія періода. Аттичес-

[1]) Срв. Записки Одесскаго Общества томъ XVII стр. 59.

[2]) Срв. В. К. Мальмбергъ: Записки Импер. Арх. Общ. IV, стр. 93—99 «О нѣкоторыхъ пріемахъ гончаровъ-живописцевъ».

кая ваяная живопись въ различныхъ фазисахъ ея развитія представляетъ такимъ образомъ важную и интересную главу культурной исторіи той страны, которая занимаетъ по своему значенію для умственнаго развитія человѣчества первое мѣсто между государствами древности. Надо только умѣть разобрать условный языкъ этой исторіи.

Д. ч. Э. фонъ-Штернъ.

Одесса,
22 октября 1896 г.

Ачуевъ 1697—1897 г.

Послѣ взятія Петромъ Великимъ въ 1696 году Азова турки начали укрѣплять берега Азовскаго моря, отъ низовьевъ Дона до низовьевъ Кубани, чтобы закрыть русскимъ путь съ Кубанской стороны къ главному стратегическому пункту Тамани, охранявшей переправу чрезъ Босфорскій (Керченскій) проливъ въ Крымъ.

Изъ показанія вышедшаго съ Кубанскаго края плѣннаго запорожца Степана Ковалева стало извѣстно, что въ числѣ турецкихъ укрѣпленій, по восточному берегу Азовскаго моря, турки, весною 1697 года, начали строить при устьѣ Черной Протоки, текущей изъ р. Кубани въ Азовское море, земляной городокъ, съ дубовымъ острогомъ, на 200 саж. въ длину, по 2 саж. въ вышину и по одной саж. толщины (стѣны), съ пушками на раскатахъ.

Названіе этому городу турки дали Ачуевъ.

Ачуевъ съ моря былъ открытъ, съ сухаго же пути мало доступенъ потому, что вокругъ него верстъ на сорокъ залегали топкія болота и непроходимые по плавнямъ густые камыши (тростникъ),—съ черною мѣстами лозою.

Во время турецкой войны, осенью 1739 года, тридцати тысячный русскій отрядъ двинулся изъ Азова въ походъ для разоренія турецкихъ городовъ Ачуева, Темрюка и Тамани. Генералъ-лейтенантъ Дебрилліе шелъ съ войсками моремъ на флотиліи, а донскіе казаки съ атаманомъ Ефремовымъ и калмыками сухимъ путемъ. При устьѣ рѣчки Челбаши, впадающей въ Азовское море Ефремовъ сошелся съ Дебрилліе и, по приказанію послѣдняго, пошелъ впередъ бе-

регомъ моря къ Актару-бактару (Ахтари), къ тамошнему городищу, откуда отправилъ легкій отрядъ изъ казаковъ и калмыковъ для обозрѣнія прохода къ Ачуеву, но окружающая этотъ городъ мѣстность до самой Кубани на столько была болотиста и покрыта камышами, что отрядъ никакихъ удобопроходимыхъ дорогъ не нашелъ. Тогда, по приказанію Дебриллі, Ефремовъ переправилъ свое войско на другую сторону Ахтарскаго залива на лодкахъ, а лошадей казацкихъ перевелъ вплавь, при чемъ изъ нихъ 27 штукъ затонуло. Далѣе казаки шли морскимъ берегомъ къ Ачуеву рядомъ съ регулярными войсками, двигавшимися на судахъ моремъ.

Турки, знавшіе о движеніи русскихъ войскъ, поджидали уже нашъ отрядъ и ночью на четырехъ башняхъ зажгли фонари. 18 Сентября русскіе приблизились къ Ачуеву и началось сраженіе съ турками. Турки не допускали русскихъ переправиться чрезъ р. Протоку, чрезъ которую происходила перестрѣлка съ обѣихъ сторонъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ; отъ перестрѣлки этой однако съ нашей стороны урону не было, такъ какъ русскіе стояли вдали отъ переправы. 20 числа Донцы подошли къ самой протокѣ и на паромѣ, устроенномъ на лодкахъ, подъ турецкими выстрѣлами переправили на Ачуевскій берегъ артиллерію и прочіе припасы. Ночью произошелъ на морѣ сильный штормъ. Вода въ Протокѣ высоко поднялась и бушующія волны разбили нашъ паромъ, суда выброшены на берегъ, а переправленныя на лѣвую сторону рѣки артиллерія, боевые и прочіе припасы были залиты водою. Отъ такого грознаго стихійнаго явленія войска наши пришли въ смятеніе и страхъ, каждый искалъ спасенія въ виду турецкой крѣпости. Казаки и солдаты, не смотря на близкое разстояніе отъ турокъ, сидѣвшихъ въ крѣпости, брели нѣсколько верстъ водою до сухаго мѣста, а нѣкоторые гренадеры въ ужасѣ взбирались на пушки и, тамъ стоя, ожидали конца своей жизни. Къ полдню штормъ на морѣ стихъ, вода начала входить въ берега, а къ вечеру наши войска оправились, подошли къ Ачуеву и начали его бомбардировать. Турки, съ своей стороны, на орудійные выстрѣлы блокирующихъ отвѣчали пушечнымъ огнемъ. Отъ пущенныхъ русскими бомбъ въ городѣ загорѣлись деревянныя строенія въ разныхъ мѣстахъ, но въ наступившую ночь вновь на морѣ поднялся штормъ, опять вода стала выступать изъ бере-

говъ и наши войска принуждены были оставить блокаду и бомбардировку Ачуева. Исправленный было на Протокѣ мостъ разнесло, флотилію разбило, припасы намочило. Далѣе держаться было невозможно. Грозная стихія заставила снять осаду Ачуева. Въ виду этого Дебрилліе по окончаніи шторма собралъ кой-какія недобитыя суда, починилъ поврежденныя изъ нихъ и 25 Сентября двинулъ свои войска изъ подъ Ачуева въ обратный путь.

Взятый въ это время калмыками въ плѣнъ татаринъ разсказывалъ, что, когда русскіе стали бросать бомбы и каркасы въ Ачуевъ и городскія постройки начали горѣть, устрашенные турки, линяясь своихъ жилищъ, выходили за городъ и гарнизонъ крѣпости въ скорости долженъ былъ бы драться безъ всякой поддержки со стороны городскаго населенія, но въ это время жители увидѣли, что пушечная пальба съ русской стороны прекратилась, и вновь начали собираться въ городъ Ачуевъ [1]).

Такъ неудачно окончился Ачуевскій походъ Дебрилліе, послѣ котораго этотъ генералъ не шелъ уже далѣе къ Темрюку и Тамани, а воротился въ Азовъ. Турки приписали такую неудачу карѣ Аллаха русскимъ за нападеніе ихъ противу правовѣрныхъ мусульманъ и воздали хвалу заступнику своему Магомету. Ачуевъ однако все таки получилъ значительныя поврежденія отъ этого бомбардированія.

По заключеніи съ турками мира разрушенный Ачуевъ въ 1647 году по распоряженію Оттоманской Порты былъ исправленъ Крымскимъ Ханомъ Солимъ-Гиреемъ, для чего мастеровые и матеріалы были доставлены изъ самаго Стамбула [2]).

По характеру сооруженія городъ Ачуевъ представлялъ собою небольшое укрѣпленіе, планъ котораго, вѣроятно сдѣланный во время бытности на Кубани Суворова, описанъ такъ: а) «Валъ деревянный насыпанный землею, у коего наружныя стороны на каменномъ фундаментѣ; приступъ насыпанъ землею; б) полисадъ вокругъ крѣпости прикрывающій наружныя стѣны фундамента; в) на бастіонахъ вмѣсто туровъ сдѣланы ящики изъ брусьевъ насыпанные землею; г) нижнія батареи при коихъ придѣланы платформы для постано-

[1]) Москов. Отд. Архивъ Главн. Штаба, Секр. повытья, оп. 47, кн. 130, по катал. № 148. Зап. Одес. Общ. Истор. и Древ. т. XV, Одесса, 1889, стр. 290.

[2]) Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн. т. XV, стр. 224—225.

вленія пушекъ; д) наклонившаяся стѣна, коя вскорости упасть можетъ; е) пороховые анбары; ж) анбаръ съ ядрами и картечами; з) мечеть; и) комендантскій домъ; і) бывшіе янычарскія казармы; к) кладбище; л) лавки; м) форштатъ обывательскій; н) небольшіе сады [1]).

Изъ этого описанія видно, что Ачуевъ не представлялъ изъ себя неприступной твердыни, но съ сухаго пути его трудно было взять изъ-за окружающихъ городъ болотъ, подсыхавшихъ только во время лѣта или замерзавшихъ зимою. Послѣднимъ временемъ воспользовался отложившійся отъ Турціи Крымскій ханъ Шагинъ-Гирей, когда, съ помощью русскихъ штыковъ, утверждалъ свое владычество въ Кубанскомъ краѣ.

Въ Январѣ 1777 года Шагинъ-Гирей, бывшій съ бригадиромъ Бринкомъ на Кубани для утвержденіи своей власти надъ Кубанскими жителями, возымѣлъ намѣреніе вмѣстѣ съ тѣмъ овладѣть и турецкими крѣпостями, находившимися въ этомъ краѣ. Съ этою цѣлью онъ склонилъ на свою сторону Ногайцевъ Бурлацкой орды и съ ними взялъ безъ боя Ачуевскую крѣпость, гдѣ нашелъ изъ военныхъ запасовъ 30 пушекъ и 40 бочекъ пороха. Тогда Бринкъ, не принимавшій участія въ занятіи Ачуева, ввелъ туда свой гарнизонъ изъ роты пѣхоты и Шагиновыхъ бешлеевъ, а находившихся тамъ турокъ вывелъ изъ крѣпости на форштадтъ. Въ это время Ачуевскіе жители, оставшись на мѣстѣ, принесли присягу на вѣрноподданство Крымскому хану Шагинъ-Гирею [2]).

Съ тѣхъ поръ Ачуевъ остался за Крымомъ вмѣстѣ съ другими крѣпостями турецкаго владѣнія, находившимися на Таманскомъ островѣ, изъ которыхъ одинъ Темрюкъ защищался только отъ Шагинъ-Гирея. Темрючане прежде изъявленія покорности этому хану требовали отъ него удостовѣренія объ утвержденіи султаномъ на Крымскомъ престолѣ и заявляли, что готовы скорѣе умереть всѣ на

---

[1]) См. планъ Ачуева музея Императорскаго Одес. Общ. Истор. и Древн. по каталогу 1888 г. № 97, табл. 2.

[2]) Дубровинъ. Присоед. Крыма къ Россіи 1885. Спб. т. I, акты № 119, 152. Сакович. Истор. обзоръ дѣятельн. гр. Румянцева и его сподвижниковъ. (Русск. Бесѣда 1858 т. II, кн. 10) стр. 53.

Темрюкскихъ воротахъ, чѣмъ сдать крѣпость непризнанному Крымомъ хану. Всѣ-ли они легли на Темрюкскихъ воротахъ или нѣтъ, но Темрюкъ Шагинъ-Гирсемъ былъ взятъ, а за нимъ сдалась и Таманская крѣпость.

Когда Шагинъ-Гирей отправился съ Кубани въ Крымъ, а русскія войска оставались еще въ Кубанскомъ краѣ, князь Прозоровскій, поручая бригадиру Бринку, находившемуся въ Копылѣ, присмотрѣть за Кубанскими народами, велѣлъ наблюдать и за крѣпостями Крымскаго хана, въ числѣ которыхъ значится и Ачуевъ[1]).

16 Января 1778 года прибылъ въ Копылъ на мѣсто Бринка генералъ Суворовъ и сряду же началъ укрѣплять форпостами Кубанскую кордонную линію, чтобы обезопасить Кубанскихъ жителей и свои войска отъ набѣговъ закубанскихъ горцевъ Вмѣстѣ съ тѣмъ Суворовъ для безопасности сообщенія съ Кубани въ Азовъ укрѣпилъ Азовскую береговую дорогу редутами, которые построилъ на Кирпиляхъ и Бейсугѣ, а крѣпость Ачуевъ, въ которой еще Бринкомъ былъ поставленъ постъ, занялъ русскимъ гарнизономъ[2]).

Такимъ образомъ весь Кубанскій край былъ въ русскихъ рукахъ.

Послѣ отъѣзда Суворова съ Кубани при войскахъ, здѣсь расположенныхъ, остался генералъ Райзеръ, который, по заключеніи съ Оттоманской Портой 10 марта 1779 г. конвенціи, былъ отозванъ съ Кубанскимъ корпусомъ въ предѣлы Россіи, при чемъ всѣ устроенныя въ Кубанскомъ краѣ укрѣпленія были разорены[3]).

Вслѣдъ за выходомъ русскихъ изъ Кубанской земли тамъ начались волненія, дошедшія въ 1781 году до открытаго бунта. Для усмиренія бунтовавшихъ въ Кубанскій край вновь были двинуты русскія войска съ двухъ сторонъ: туда выступили съ своими корпусами отъ Кавказской линіи генералъ Фабриціанъ, а изъ за р. Ея генералъ Пиль. Ногайцы, видя такое нашествіе русскихъ, въ неудовольствіи на нихъ и своего хана, начали по немногу уходить за Кубань на вольные черкесскія земли[4]).

---

[1]) Дубровинъ. Присоединеніе Крыма къ Россіи. т. I, Актъ № 166.

[2]) Саковичъ. (Рус. Бесѣда. 1858 г. т. III, кн. 11) стр. 121, 122, 126, 131; Дубровинъ. т. II, актъ 51.

[3]) Тамъ же (Саковичъ) т. IV, кн. 12. стр. 174, 200, 201, 302.

[4]) Тамъ же (Дубровинъ) т. III, актъ № 114.

За волненіями на Кубани послѣдовало возмущеніе и въ самой Тамани, поднятое братьями хана Батыръ и Арсланъ-Гирсями, а отсюда мятежъ еще больше распространился въ Кубанскомъ краѣ. Отъ такихъ волненій и вмѣшательства въ крымскія дѣла съ одной стороны Турціи, а съ другой Россіи ханъ Шагинъ-Гирей попалъ въ безвыходное положеніе. Ему оставалось одно изъ двухъ или покориться по прежнему Турецкому султану,—какъ главѣ всѣхъ мусульманъ или поддаться русской государынѣ,—постоянной его защитницѣ и покровительницѣ. Онъ избралъ послѣднее и манифестъ Екатерины II 8 Апрѣля 1783 года возвѣстилъ о присоединеніи Крыма и Кубанскихъ земель къ Россійской Имперіи [1]).

Отреченіе Шагинъ-Гирея отъ Крымскаго престола и поступленіе его владѣній въ составъ русскаго государства, по распоряженію князя Потемкина, было объявлено генераломъ Суворовымъ Нагайцамъ, на Кубанскихъ степяхъ, при Ейскомъ укрѣпленіи, въ 1784 году. Нагайцы дали присягу на подданство Россіи, но вслѣдъ за тѣмъ забунтовали, были разбиты Суворовымъ и ушли за Кубань, а Кубанскій край послѣ того совсѣмъ опустѣлъ; опустѣлъ тогда же и Ачуевъ, такъ какъ онъ, оставшись въ русскомъ владѣніи, за плечами Кубанской кордонной линіи, потерялъ всякое стратегическое значеніе крѣпости, а мѣстнаго населенія городского въ немъ уже не было. Договоромъ, заключеннымъ въ Константинополѣ 28 Декабря 1783 года, р. Кубань была признана границей между Россіей и Турціей, послѣ чего Кубанскій корпусъ занялъ лѣвую сторону этой рѣки русскими кордонами.

Кубанская граница еще разъ была подтверждена послѣ войны съ турками 1787—1791 г. договоромъ, заключеннымъ въ Яссахъ 29 Декабря 1791 года, а 30 Іюня 1692 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о предоставленіи Кубанскихъ земель съ Фанагорійскимъ (Таманскимъ) островомъ въ вѣчное владѣніе войску вѣрныхъ Черноморскихъ казаковъ, жившихъ въ то время на завоеванной у турокъ землѣ между Бугомъ и Днѣстромъ у Чернаго моря [2]).

---

[1]) Тамъ же. Акты 183, 184, 194. Полн. Собр. Зак. т. XXI, № 15708.

[2]) Полн. Собр. Зак. т. XXIII, № 17055.

Когда Кубанскій край вошелъ въ составъ Россіи и, за выходомъ туземныхъ жителей, совсѣмъ опустѣлъ, Императрица Екатерина Алексѣевна предоставила во владѣніе князю Григорію Александровичу Потемкину Ачуевскую дачу съ принадлежащими къ ней рыболовными мѣстами въ Азовскомъ морѣ и береговымъ лиманомъ, а также и соляныя озера, въ той дачѣ находившіяся. Всю эту дачу свѣтлѣйшій князь Потемкинъ подарилъ въ 1790 году Черноморскому войску, котораго былъ гетманомъ, на что далъ свой ордеръ 19 Апрѣля того года [1]). Въ ордерѣ этомъ Ачуевская дача просто именуется Таманскими рыболовными мѣстами, потому что она начиналась отъ Тамани и шла берегомъ Азовскаго моря, до р. Черной Протоки, гдѣ и былъ самый городъ Ачуевъ.

Вслѣдъ за этимъ всповельможный гетманъ Потемкинъ универсаломъ своимъ 26 Мая того-же 1790 года предписалъ Кошевому Черноморскаго войска послать своихъ старшинъ для осмотра означенныхъ рыболовныхъ мѣстъ и пригласить находившихся на таманскомъ рыболовствѣ «работниковъ изъ малой Россіи и Польши» записаться въ Черноморское войско [2]).

Посылать старшинъ Черноморскаго войска въ далекій Кубанскій край въ то время было крайне неудобно, потому что турецкая война была въ самомъ разгарѣ и Черноморское войско принимало дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ съ турками, при томъ же и далекое разстояніе Ачуева отъ мѣста расположенія сего войска на Днѣстрѣ, гдѣ оному свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ были отведены земли для поселенія [3]), мѣшало вести Черноморцамъ въ Кубанскомъ краѣ войсковое промысловое хозяйство. По симъ или по другимъ причинамъ Черноморское войско не воспользовалось сразу даромъ свѣтлѣйшаго своего гетмана, а въ слѣдующемъ 1791 году Ачуевская дача, по распоряженію Потемкина [4]), была отдана Донскимъ войсковымъ атаманомъ генераломъ Иловайскимъ въ откупное содержаніе того же войска казаку Селивестрову [5]).

---

[1]) Приложеніе I.
[2]) Приложеніе II.
[3]) См. Приложеніе I.
[4]) Приложеніе III.
[5]) Приложеніе IV.

Не смотря на это Ачуевскія рыболовныя мѣста все таки считались за Черноморскимъ войскомъ, такъ какъ объ отмѣнѣ дара оныхъ сему войску отъ князя Потемкина отказа не было и самое войско не отказывалось отъ принятія названныхъ рыболовныхъ промысловъ. Когда война съ Турціей окончилась, Кошевое Управленіе Черноморскаго войска воспользовалось своимъ правомъ и командировало въ Кубанскій край для осмотра тамошнихъ мѣстъ полковника Гулика съ старшинами и командою козаковъ, о чемъ заступившій мѣсто умершаго князя Потемкина генералъ Каховскій донесъ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ 15 Января 1792 года [1]).

Полковникъ Гуликъ, переправившись чрезъ Керченскій проливъ, сначала осмотрѣлъ тамошній полуостровъ, назначенный княземъ Потемкинымъ подъ поселеніе Черноморскаго войска, а затѣмъ, объѣхавъ вокругъ Кубанскую землю, добрался на Азовскомъ побережьѣ и до Ачуева. Мѣсто это Гуликомъ въ составленной имъ вѣдомости описано такъ: — «Надъ Черной Протокой и городъ Очуевъ, въ коемъ крѣпость земляная, но отчасти уже разорена и около оной двѣ канавы наведенныя полною водою; съ оныхъ полисадникъ вырубленъ; внутри города два запасныхъ каменныхъ погреба; на батареяхъ же девятнадцать пушекъ большихъ, въ томъ числѣ мѣдныхъ четыре, а прочія чугунныя . . . . Въ Очуевѣ есть часть садовъ». Кромѣ этого въ той же вѣдомости значится: — «отъ самаго Ахтарскаго залива на Ачуевской косѣ даже до Товгарскаго ерка все соляныя озера . . . Отъ Очуева по надъ моремъ и Темрюку нижеписанные есть лиманы: 1) Очуевскій соляной, 2) Сладкой, 3) Яневъ, 4) Курковской, 5) Темрюкской, 6) Кандаурской . . . Отъ Ахтарскаго гирла даже до Протока въ степь верстъ за 30 большія болота и камыши, а отсель вокругъ Очуева со всѣхъ опаго сторонъ за 40 верстъ вездѣ болота и камыши, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть черная лоза, а отсель по надъ моремъ даже до Темрюка таковые-жъ . . . земля способная». Далѣе упоминается за Темрюкомъ Песчаной ерокъ и балка Шумукой, за которой начиналась Сѣверная коса, называвшаяся *Еникольскою*, такъ какъ она, протягиваясь

[1]) Военно-историч. матеріалы Дубровина. Вып. VIII. Спб. 1885. № 356.

въ морѣ длиною около 70 верстъ подходитъ къ самому Еникалю. Въ ширину эта коса не обозначена и за Еникольской косой, отъ балки Шумукай верстъ за 15 значится и самая Тамань [1]).

Въ виду того, что Еникольская коса въ Ачуевской дачѣ занимала весьма большое пространство земли на Азовскомъ побережьѣ и къ ней прилегалъ г. Тамань, князь Потемкинъ въ означенномъ выше ордерѣ 19 Апрѣля 1790 года, какъ можно полагать, называлъ всю эту мѣстность съ рыбными ея ловлями, даримыми Черноморцамъ, —*Еникольскимъ округомъ съ Таманомъ.*

Въ то время какъ полковникъ Гуликъ скитался по Кубанской землѣ и описывалъ эту пустыню, другой полковникъ войсковой судья Черноморскаго войска Антонъ Головатый отправился въ Петербургъ хлопотать у престола Монархини о добавленіи къ Таманскому или какъ тогда писалось Фанагорійскому острову еще и Кубанской земли для поселенія Черноморскихъ казаковъ, предназначенныхъ тогда къ переводу изъ отданной было имъ земли между Бугомъ и Днѣстромъ.

Головатый успѣлъ въ своемъ ходатайствѣ. Просьба вѣрныхъ казаковъ войска Черноморскаго была уважена и Государыня Императрица Высочайше пожаловала этому войску въ вѣчное владѣніе островъ Фанагорію и Кубанскую землю, на что дала сему же войску всемилостивѣйшую грамоту 30 Іюля 1792 года, въ которой, между прочимъ, значится:—«Всѣ состоящія на помянутой нами пожалованной землѣ всякаго рода угодья на водахъ же рыбныя ловли остаются въ точномъ и полномъ владѣніи и распоряженіи войска Черноморскаго» [2]).

Въ эти угодья вошла цѣликомъ вся Ачуевская дача съ рыбными ловлями и соляными озерами, которыя раньше подарилъ Черноморскому войску князь Потемкинъ, а, до принятія этого дара Черноморцами, отдалъ въ оброкъ,—съ ассигнованіемъ дохода на университетъ [3]).

---

[1]) Кубанскій Войсков. Архив. Общ. атам. опись. Дѣло 1892 г. № 161.

[2]) Полн. Собр. Зак. т. XXIII. № 17055.

[3]) Вѣроятно, на тотъ, который онъ предполагалъ открыть въ Екатеринославѣ. Прим. редакціи.

Черноморское войско, переселившись въ 1792 году на вновь пожалованную Кубанскую землю, распорядилось чрезъ свое войсковое правительство принять въ свое вѣдѣніе всѣ рыболовныя мѣста Азовскаго побережья, а въ числѣ ихъ и Ачуевскую дачу съ соляными озерами, находившуюся тогда въ арендѣ у казака Селиверстова [1]). По этому распоряженію офицеръ Шепелевъ объѣхалъ всѣ рыболовныя мѣста и объявилъ всѣмъ частнымъ лицамъ, занимавшимся тамъ свободнымъ рыболовствомъ, чтобы они къ веснѣ 1793 года убрались съ войсковой земли съ своимъ имуществомъ, отъ арендатора же Селиверстова потребовалъ, чтобы и онъ къ тому же сроку удалился изъ Ачуевской дачи, заплативъ арендныя деньги за рыболовство и соляную промышленность за вторую половину 1792 года уже не генералу Иловайскому, а Черноморскому войску, которому та дача, по Высочайшей грамотѣ 30 Іюня того года, поступила во владѣніе [2]).

Казакъ Селиверстовъ къ указанному сроку съ Ачуева удалился, но требуемыхъ денегъ за аренду войску не заплатилъ, ссылаясь на контрактное условіе по которому срокъ аренды еще не кончился. Въ виду такого отказа, завязалась переписка съ Донскимъ войсковымъ атаманомъ Иловайскимъ, защищавшимъ права откупщика Селиверстова въ платежѣ денегъ за Ачуевскую дачу, по существовавшему контракту, ему Иловайскому. Дѣло дошло до военной коллегіи и предсѣдатель оной графъ Салтыковъ рѣшилъ спорный вопросъ въ пользу войска Черноморскаго [3]), вслѣдствіе чего въ Новочеркаскѣ генераломъ Иловайскимъ изъ Екатеринодара былъ вызванъ пріемщикъ, которому была вручена слѣдующая въ доходъ войска Черноморскаго сумма мѣдною монетою 2425 рублей, слѣдующая за второе полугодіе 1792 года съ Селиверстова за Ачуевское рыболовство, за соляныя же промыслы, по случаю недобора въ томъ году, въ дождливое лѣто, соли, арендныя деньги не взыскивались.

Войсковое начальство Черноморскаго войска съ 1793 г. устроило въ самомъ Ачуевѣ войсковый Ачуевскій Черноротоцкій рыболовный заводъ (существующій и до сего времени) и для завѣдыванія онымъ

---

[1]) Кубанск. Войсков. Архивъ. Общ. атам. опись. Дѣло № 204/1792 г.

[2]) Тамъ же. № 262/1794 г.

[3]) Приложеніе V.

назначило опытнаго стараго рыболова хорунжаго Дубчака, съ званіемъ *шанаря* (смотрителя) и съ содержаніемъ въ 300 руб. въ годъ [1]).

Съ тѣхъ поръ Ачуевъ сталъ приносить Черноморскому войску самые большіе со всѣхъ оброчныхъ статей доходы и имя князя Потемкина, перваго дарителя Ачуева Черноморцамъ и до смерти не отмѣнившаго своего дара, всегда было въ памяти благодарныхъ Черноморцевъ.

Съ развитіемъ Ачуевскаго рыболовства, старый турецкій городъ, давно заброшенный, принялъ новый видъ и оживился. Ачуевъ превратился въ богатый русскій торговый пунктъ, съ милліонными оборотами. Стеченіе народа въ Ачуевѣ съ года на годъ увеличивалось, удовольствій всякаго рода и увеселеній было вдоволь, но не было самаго важнаго для русскаго народа—храма Божьяго, гдѣ бы православное населеніе Ачуева могло приносить общую молитву за создателя Ачуевскаго рыболовства Григорія Александровича Потемкина, оставившаго въ наслѣдство войску Черноморскому богатѣйшее свое имѣніе на Кубанской землѣ, дававшее заработки тысячамъ бѣдныхъ людей. Войсковый протоіерей Черноморскаго войска Россинскій первый обратилъ вниманіе на Ачуевъ, гдѣ, по его словамъ, съ прилегающими къ Ачуеву прочими рыболовными заводами, въ извѣстные періоды лова рыбы скоплялось до 1000 человѣкъ.

Принимая во вниманіе, что въ Ачуевскомъ рыболовномъ заводѣ, при непмѣніи храма Божіяго и его служителей, всѣ духовныя требы исполняли церковнослужители ближайшей приходской Николаевской церкви куреня Ново-Нижестебліевскаго (онъ же Гривенскій), отстоящаго отъ Ачуева на разстояніи 60 верстъ, откуда по случаю наводненія и болотистыхъ мѣстъ вокругъ Ачуева сообщеніе крайне затруднительно, протоіерей Россинскій въ 1813 г. возбудилъ ходатайство по духовному вѣдомству чрезъ Екатеринославскую Духовную Консисторію о дозволеніи устроить въ Ачуевѣ отдѣльную церковь, отъ таковой Николаевской Ново-Нижестебліевскаго куреня, съ посвященіемъ новаго храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Архіепископъ Екатеринославскій, Херсонскій и Таврическій Іовъ, не

---

[1]) Тамъ же.

разрѣшая строить въ Ачуевѣ церковь, дозволилъ соорудить тамъ молитвенный домъ съ тѣмъ, чтобы онъ былъ снабженъ святымъ антиминсомъ для богослуженія, а производить таковое предоставилъ священно-церковно-служителямъ названной Николаевской церкви по очереди. По этому разрѣшенію молитвенный домъ въ Ачуевѣ былъ устроенъ и въ немъ производилось богослуженіе тогда только, когда можно было проѣхать чрезъ болото отъ куреня Ново-Нижестеблієвскаго до Ачуева, но въ 1841 году домъ этотъ, за совершенною ветхостію его, по распоряженію Черноморской войсковой канцеляріи, проданъ въ разобранномъ видѣ за 9 руб. 42¾ коп. серебромъ [1]).

Бывшій въ Ачуевѣ молитвенный домъ ни по размѣрамъ помѣщенія, ни по внутреннему украшенію своему не удовлетворялъ духовной потребности благочестивыхъ христіанъ, какъ постоянно, такъ и временно тамъ находившихся. Каждый смотрѣлъ на этотъ убогій храмъ какъ на временное помѣщеніе для общей молитвы и не старался объ украшеніи онаго; ко всему этому присоединялась еще у многихъ вѣрующихъ скорбь, что молитвенный домъ по долгу пустовалъ, по неимѣнію своего церковнаго причта. Другаго Россинскаго уже не было хлопотать объ устройствѣ въ Ачуевѣ церкви; да если бы и былъ подобный ему ревнитель христіанскаго благочестія, то едва ли бы достигъ разрѣшенія. Духовное вѣдомство считало для Ачуева достаточнымъ и одного молитвеннаго дома, такъ какъ постоянныхъ жителей въ этомъ мѣстѣ было не особенно много, но если духовная власть не заботилась объ Ачуевскомъ храмѣ, то свѣтское начальство взялось за это дѣло.

Еще во время существованія въ Ачуевѣ молитвеннаго дома наказный атаманъ Черноморскаго войска, генералъ Завадовскій, въ Іюлѣ 1835 года сдѣлалъ представленіе командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса барону Розену I слѣдующаго содержанія:—«Войсковой Ачуевскій рыболовный заводъ есть даръ принесенный войску Черноморскому отъ щедротъ покойнаго генералъ-фельдмаршала, свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго,

[1]) Кубанск. Войск. Архивъ. Оп. войсков. канцеляріи № 293/1813 г. 10 Оп. врем. отд. № 620/1841 г.

которому оный пожалованъ блаженныя памяти Государынею Императрицею Екатериною Алексѣевною. Его Свѣтлость предстательствуя у монаршаго престола о пользахъ Черноморскихъ казаковъ за ихъ вѣрныя службы изволилъ пожертвовать имъ заводъ сей въ вѣчную собственность, желая тѣмъ изъявить знакъ особеннаго вниманія Черноморцамъ такъ доблестно выполнявшимъ долгъ свой на разномъ полѣ подъ начальствомъ свѣтлѣйшаго князя. Войско Черноморское благоговѣя къ памяти знаменитаго вождя и взирая на даръ его какъ на памятникъ славы своей и вмѣстѣ какъ на источникъ вспомоществующій нуждамъ войсковымъ приносимыми имъ доходами давно желалъ увѣковѣчить память благотворительнаго князя построеніемъ въ Ачуевскомъ укрѣпленіи, гдѣ находится рыболовный заводъ каменной церкви, объ одномъ престолѣ, во имя Св. Григорія Богослова».

Такое представленіе атамана Завадовскаго, выражавшее общее желаніе Черноморцевъ почтить святымъ храмомъ память своего благодѣтеля Григорія Александровича Потемкина, доложенное Святѣйшему Синоду и Государю Императору Николаю Павловичу военнымъ министромъ графомъ Чернышовымъ, удостоилось синодальнаго одобренія и Высочайшаго разрѣшенія, по которому послѣдовало повелѣніе Его Величества въ 1838 году соорудить въ память фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго въ Ачуевскомъ укрѣпленіи каменную церковь во имя св. Григорія Богослова на войсковой счетъ для чего ассигновано изъ суммъ войска Черноморскаго 11791 р. 8 к. серебромъ [1]).

По Высочайше утвержденному плану церковь въ Ачуевѣ была выстроена подрядчикомъ купцомъ Степаномъ Еременкомъ и принята войсковою канцеляріею, чрезъ особую коммиссію, въ 1842 году [2]), и такимъ образомъ замѣнила тотъ убогій молитвенный домъ, который духовное вѣдомство разрѣшило имѣть въ Ачуевѣ, проданный на сломъ, какъ выше значится, за десять рублей съ копѣйками.

Въ построенную Ачуевскую войсковую церковь первоначально, по распоряженію войсковаго начальства, въ 1843 году, былъ по-

---

[1]) Кубанск. Войсков. Архивъ. Он. врем. отд. 5, № 620/1835 г.

[2]) Тамъ же.

ставленъ старый иконостасъ изъ войсковой богадѣльнинской церкви, а церковная утварь поступила изъ разобраннаго Ачуевскаго молитвеннаго дома, новый-же иконостасъ было поручено написать академику Черноморскаго войска сотнику Шамраю, но сдѣланныя имъ на полотнѣ иконы признаны были неудовлетворительными и не приняты.

На сооруженіе иконостаса въ Ачуевскую церковь была открыта подписка доброхотныхъ пожертвованій. Войсковое правительство съ своей стороны никакихъ заказовъ уже по изготовленію иконостаса не производило. Ачуевская церковь и безъ этого имѣла полную возможность украситься добровольными пожертвованіями своихъ прихожанъ, довольныхъ тѣмъ, что дождались имѣть у себя прекрасный каменный храмъ, въ которомъ началось уже постоянное богослуженіе назначеннымъ отъ духовнаго вѣдомства священникомъ.

Положеніемъ военнаго совѣта, Высочайше утвержденнымъ 16 Октября 1858 года, предоставлено Черноморскому войсковому начальству избирать ктиторомъ или церковнымъ старостой въ Ачуевскую войсковую церковь способныхъ и благонадежныхъ лицъ съ утвержденіемъ ихъ въ этомъ званіи епархіальнымъ начальствомъ, которому они и подчинены на общемъ основаніи.

Приближается 1897 годъ, а съ нимъ и 200 лѣтъ существованія Ачуева. Въ теченіе этихъ двухъ столѣтій Ачуевъ пережилъ много событій, имѣющихъ важное историческое значеніе для Кубанскаго края, но несомнѣнно нужно считать главнымъ то роковое время, когда Ачуевъ потерялъ свое стратегическое значеніе турецкой крѣпости, или правильнѣе уже Крымской, и русскаго укрѣпленнаго поста и совершенно опустѣлъ и развалился. Ачуеву грозило полное запустѣніе. Но въ это время всемогущій вельможа князь Григорій Александровичъ Потемкинъ Таврическій беретъ исчезавшій съ карты Россійской Имперіи Ачуевъ въ свои мощныя руки и превращаетъ не имѣвшія никакого значенія его развалины въ цвѣтущее промышленное мѣстечко, развивъ тамъ одно изъ лучшихъ въ цѣлой Россіи рыболовство.

Благодарное Черноморское войско, получивъ въ даръ отъ свѣтлѣйшаго князя Ачуевскую дачу, вошедшую въ черту Высочайше

пожалованной оному въ 1792 году земли, поддержало славу Ачусва, развернувъ въ немъ рыбопромышленные обороты на сотни тысячъ рублей и почтило своего благодѣтеля лучшимъ христіанскимъ памятникомъ, храмомъ Божіимъ, сооруженнымъ въ честь его имени въ Ачусвѣ, съ Высочайшаго соизволенія.

Честь Черноморцамъ, почтившимъ святымъ храмомъ въ Ачусвѣ память своего благодѣтеля князя Григорія Александровича, а Ачусву да будетъ слава.

Д. чл. П. П. Короленко.

16 Іюля 1896 года.
г. Екатеринодаръ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

(Списано съ засвидѣтельствованной копіи. Кубан. войск. Арх. Общ. оп. Дѣло 1790 г./№ 89.

ОРДЕРЪ.

Войска вѣрныхъ казаковъ черноморскихъ Кошевому Атаману Господину Бригадиру и кавалеру Чепеп Войсковымъ Старшинамъ и всему обществу.

Накинбургской сторонѣ земли непринадлежащія помѣщикамъ, а отъ Буга по морю до Днѣстра линіею на картѣ означенныя опредѣляются для войска Черноморскаго присовокупляется къ тому-же еще округъ Еникольской съ таманомъ, на которомъ отведенныя мнѣ мѣста съ рыбными ловлями самыми изобильными, любя войско, навсегда оному дарю. Для обозрѣнія тамошнихъ земель и водъ пошлите надежныхъ людей и донесите мнѣ о годности ихъ, я-же, съ моей стороны, дамъ вамъ землемѣра для снятія плана.

Князь Потемкинъ-Таврическій.

Апрѣля 19-го дня
1790 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

(Списано съ засвидѣтельствованной копіи. Кубан. войск. Арх. Общ. оп. Дѣло 1790 г./№ 89).

Мѣсто Императорскаго герба.

Графъ Григорій Потемкинъ-Таврическій Священныя Римскія Имперіи

Князь великій Гетманъ Императорскихъ казацкихъ войскъ Черноморскихъ и Екатеринославскихъ.

Войска вѣрныхъ казаковъ Черноморскихъ Коневому Атаману Господину Бригадиру и Кавалеру Чепегѣ, Войсковымъ Старшинамъ и всему обществу.

Я на готовѣ самъ быть въ Бендеры, и тутъ увидя васъ самолично о многомъ переговорить. Предварительно-же вамъ предписываю, чтобы чины къ Булавѣ Великаго Гетмана и бунчуковые товарищи, равномѣрно и полкъ конной лучшихъ казаковъ и добрыхъ конныхъ рады стражѣ моей были изготовлены.

Для осмотра мѣстъ и рыбныхъ ловлей у Еникола, а на Таманѣ отъ меня дарованныхъ, изберите знающихъ старшинъ, которые и отправлятся съ полковникомъ и кавалеромъ Тизенгаузеномъ, а какъ тамо на ловляхъ работниковъ изъ малой Россіи и польши, то и предпишите стараться приглашать ихъ въ войско

Князь Потемкинъ-Таврическій.

Мѣсто Его Свѣтлости Герба.

Мая 27 дня 1790 года
Кокотены.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

(Списано съ засвидѣтельствованной копіи. Кубанск. войск. Архивъ. Общ. оп. Дѣло 1792 г. № 9 по Войсков. Правит.).

Милостивый Государь мой

Алексѣй Ивановичъ!

Ачуевска моя дача съ рыбными ловлями и соляными озерами, тожъ и Ейскіе рыболовные участки приносили предъ симъ знатный доходъ, а теперь все то остается безъ призрѣнія и ничего не получается; по близкому сей дачи положенію къ мѣсту вашего пребыванія, прошу ваше превосходительство взять оную въ вашъ присмотръ и хозяйственное распоряженіе такимъ образомъ, чтобъ я могъ видѣть дѣйствительные отъ того доходы, стараніе ваше въ устройствѣ и пріобрѣтеніи сей пользы возспособствуетъ моимъ намѣреніямъ къ умноженію капитала университетской сум-

мы, сдѣлавъ мнѣ въ ономъ одолженіе можете быть увѣрены объ отличномъ моемъ къ вамъ почтеніи, съ коимъ пребуду,

вашего превосходительства
милостивый Государь мой
покорнымъ слугою
Князь Потемкинъ-Таврическій.

Февраля 8 дня
1791 года.
Яссы.

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

(Согласно съ засвидѣтельствованной копіи указа Черноморскаго Войсковаго Правительства Полковнику Бѣлому Куб. войск. Арх. общ. оп. Дѣло 1792 года № 204-й).

Выписки изъ контракта, заключеннаго Донскимъ Войсковымъ Атаманомъ Генералъ-Поручикомъ Иловайскимъ съ казакомъ Кирилломъ Селиверстовымъ въ 1781 году на Ачуевскую дачу.

«Покойный Его Свѣтлость Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ Таврическій, Ачуевскую дачу его съ рыбными ловлями и соляными озерами и Ейскія рыбныя ловли, по присланному отъ него въ минувшемъ 791 году письму, препоручилъ въ его, Иловайскаго, распоряженія и потому Ачуевскія ловли съ косами и соляными озерами въ томъ-же году на трехъ лѣтнее, а рѣка Ея съ затономъ сего года на двухъ лѣтнее содержаніе отданы имъ въ откупъ того войска казаку Кирилу Селиверстову....

1) Онъ Селиверстовъ у Господина Генералъ-Поручика и кавалера Иловайскаго взялъ на откупъ Ачуевскую Его Свѣтлости Князя Потемкина-Таврическаго дачу, которая простирается по берегу лѣвой стороны Азовскаго моря отъ Ейской косы, внизъ до устья Чернаго моря по рѣкѣ Кубани на нижеслѣдующихъ условіяхъ: 1) по всему тому берегу на косахъ и рѣчкахъ Челбаса и Бейсуга по лиманамъ тожъ и въ Черной протокѣ и въ принадлежащихъ къ нимъ рѣчкахъ и лиманахъ имѣть ему собственною посудою неводами, вентерями, волокушами и сѣтками рыбы ловъ отъ законченаго того контракта чрезъ три года, а именно 1794 г. Генваря по первое число; 2) въ каждый годъ платить въ доходъ Его Свѣтлости денегъ три тысячи рублей или деньги взносить вышеписанному Иловайскому или кому отъ него приказано будетъ ежегодно по окончаніи рыбнаго лова Декабря къ 15 числу непремѣнно мѣдною монетою или Государственными ассигнаціями; 3) соляныя озера въ дачѣ сей находящіяся чрезъ откупныя три года остаются также за нимъ, Селиверстовымъ, и ежели будетъ урожай и способы найдетъ брать оную и другихъ охотниковъ до того допускать станетъ, долженъ взносить съ каждаго пуда въ тотъ-же доходъ по двѣ копѣйки и сколько имъ и посторонними людьми съ озера

вывезено будетъ, въ томъ чрезъ повѣреннаго по совѣсти вѣрный отчетъ сдѣлать и подлежащее число денегъ къ первому числу Декабря уплатить долженъ оному-же Иловайскому; 4) при всѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ дачѣ Его Свѣтлости рыбный ловъ имъ производимъ будетъ, никому не отъ казенной стороны, ни портикулярнымъ людямъ продажи горячему вину не чинить, дабы отъ того рабочіе люди отъ работъ отставать и подрыва въ ловли и смѣты рыбы не могло происходить; 5) въ отвращеніе такого убытка всѣ суда къ заводамъ принадлежащіе ни по казеннымъ надобностямъ и ни подъ какимъ видомъ нигдѣ не удерживать; 6) продажу рыбы при всѣхъ пристаняхъ, какъ въ дачахъ войсковыхъ и въ другихъ мѣстахъ, но морскимъ косамъ, ежели иногда судно штурмомъ занесено будетъ не воспрещать; 7) будучи-жъ между продолженія въ дачи сего промысла въ какомъ году послѣдуетъ на заводы отъ Закубанцевъ нападеніе и грабительство, а онъ то вѣрнымъ свидѣтельствомъ докажетъ, въ такомъ случаѣ за тотъ годъ свободенъ отъ платежа, подлежащихъ за откупъ денегъ и отнюдь оныхъ съ него не взыскивать.

2) Ейскія рыбныя ловли, а именно — косы Ейскую долгую и Комышеватую на условіи слѣдующемъ: 1) чтобы Селиверстову по обоимъ сторонамъ трехъ упомянутыхъ косъ имѣть собственную его разнаго рода посудою рыбы ловъ черезъ три года, а именно: 794 года Января по 1-е число; 2) въ каждый годъ платить вышеписанную сумму тысячу четыреста пятьдесятъ рублей, и 3) рѣку Ею, протоку Пашковку и Ревнну косу съ тѣмъ, чтобы въ двугодовое время имѣть ему въ оныхъ ловъ рыбы въ рѣкѣ Еи вентерями, а на Ревнной косѣ и Пашковки неводами; ставку вентерей по рѣкѣ Еи простирать до верхняго моста, равно и въ Пашковкѣ и при Ревнной косѣ, кромѣ его никому волѣнопромышляющимъ отнюдь подъ опасеніемъ взысканія откупа на ловъ рыбы самовольно не имѣть и при устьѣ рѣки Еи и протокѣ Пашковкѣ сандольній рыбы не быть. За сіи мѣста въ каждый годъ платить денегъ по четыреста рублей къ тому-же числу Декабря вышеназванному Генералу Иловайскому».

ПРИЛОЖЕНІЕ V.

(Списано съ засвидѣтельствованной копіи. Кубанск. войск Архивъ. Общ. оп. 1792 г. № 9 по Войсковому Правительству).

Милостивый Государь мой
Алексѣй Ивановичъ!

На представленіе вашего превосходительства отъ 24-го минувшаго октября, относительно Ачуевской дачи, которая съ ея рыбными ловлями

и соляными озерами состояла на откупѣ у казака Селиверстова и на послѣдокъ поступила во владѣніе Черноморскаго войска, сообщить нахожу, что по мнѣнію моему всѣ тѣ доходы, которые со времени ея тому войску пожалованія, собраны, оному и отданы быть должны, прежніе-же употреблены такъ, какъ объ нихъ отъ покойнаго Генерала-Фельдмаршала и кавалера Князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, коему дача та принадлежала предполагаемо было.

Пребывающій съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью

вашего превосходительства

покорный слуга

Графъ Николай Салтыковъ.

№ 2109
Санктъ-Петербургъ
Ноября 23 дня
1795-го года
Его Превосходительству
Иловайскому.

Списокъ съ статейнаго списка подъячего Василія Аитемирева, посыланнаго въ Крымъ съ предложеніемъ мирныхъ договоровъ*).

$\frac{7200}{1692}$ февр. 8 — $\frac{7203}{1695}$ апр.

Августа въ 21 день пріѣзжал квасилю вжидовскои городокъ съ эски-юрта Ауджу баша сподводами и говорилъ, что прислалъ его кнему василю каимакан анкерим эфенде, чтобъ онъ згетманскимъ человѣкомъ которои сидитъ сним Василіемъ ѣхалъ хаимакану на эски юртъ въ домъ его для того что есть де смосквы и от гетмана къ нему писма,

І василеи взявъ ссобою гетманского человѣка василя велецкого да толмача полусхта того дни у каимакана на эски юрте вдому ево былъ

А какъ во оду кнему вошли и каимакан пообыкности своеи привѣтствуя велѣл василю сидѣт и говорил,

есть де изрусскои стороны пріѣзжеи человѣкъ слистами а сказываетца присланъ кнему василью а въ юртъ книмъ никакова дѣла ниписем ни от ково несказываетъ и таких де люде, которые къ юрту дѣла никакова не імѣютъ, у нихъ за посланных въ Крыму не имѣютъ, а почитаютъ их за лазутчиков і вмѣсто почитания таких людеи у них неволятъ.

І василеи говорил тот присланнои человѣкъ гдѣ ныне и чтоб ему василью ево видѣть.

И каимакан говорил, тотъ де человѣкъ здѣс толко де тѣ всѣ писма которые он везъ у него взяты і показывал онъ тѣ писма по одному всѣ роспечатаны и что вних писано о томъ спрашивал.

І василеи тѣхъ листовъ смотря ему каимакану сказывал что тѣ листы один проѣзжеи листъ от подданного ихъ Царского величества гетмана Івана Степановича Мазепы посланному от него вКрым Петру волошенину за ево гетманскою рукою и печатью даннои от батурина до сѣчи запорожскои, другои проѣзжеи же листъ запорожскои ему ж петру вКрымъ, третеи гетманскои листъ писанои кнему василью о посылке съево гетманскимъ листом кханову ближнему человѣку ево же петра и что ему всѣ писма что снимъ есть велено отдат вкрыму ему василю а неближнему человѣку нимеу каимакану а ближнему человѣку или внебытие ханское или ближняго ево человѣка вкрыму тотъ листъ вручить бы каимакану ему василью; четвертои листокъ генералного писаря василя кучюбѣя кгетманскому посланному квасилю велецкому писанои оздорове, пятои Гетманскои листъ писанъ кближнему ханскому человѣку да три писмеца малые приятелные писанные кнему василю испосолского приказу оздорове,

---

*) См. т. XVIII Зап. Имп. Од. Общ. Ист. и Древностей.

А обёртки всѣ вчемъ были великих Государеи грамоты и гетманскои листъ квасилю також обертка ж вчемъ был гетманскои же ближнему ханскому человѣку листъ изодрано.

А гетманскои присылщикъ вто время посажен былъ застороженю.

И каймаканъ тѣ всѣ выше писанные писма взявъ унего василья ксебѣ и перемѣчая тростію счерниломъ, у Василия и у Гетманскаго человѣка спрашивалъ, о вестих де каких въ тѣх писмах что есть ли чтоб ему о томъ сказат правду потому что есть ли что киим о вестях писано а они ему каймакану о томъ ныне необявять. Апосле просто будет вѣдомо і втомъ не былоб имъ какова стыда.

І василеи і гетманскои канцелярист ему каймакану говорили что никаких вестих кромѣ того очемъ они ему сказываютъ втѣхъ писмах киимъ неписано.

Потомъ каймаканъ обявилъ великих Государеи двѣ грамоты безпечатеи же и спрашивал хкому и каким писмом они писаны.

І василеи осмотря тѣ великихъ Государеи грамоты ему каймакану сказал что тѣ великих Государеи грамоты писаны кнему василью о их Государскихъ дѣлех.

И каймакан говорил чтоб он василеи ему объявилъ втѣх ихъ Царскаго Величества грамотах о чемъ кнему писано.

І василеи говорил о чемъ кнему въ тѣхъ великихъ Государеи грамотах писано о томъ ему василю ему каймакану вскоре обявит немочно потому что писаны тѣ грамоты незвычаиным русскимъ по особым приказным таиным писмомъ, для того что иногда вдороге какимъ либо ни есть случаемъ похочетъ хто здуровать и тѣ писма у посланного взять и прочесть и смуб о том о чем писано невѣдать потому что Государственные дѣла належатъ втаиности і всохранении быть у посланных людеи и кому об них тому посланному обявлять велено и тѣ великихъ Государеи грамоты пристоино отдать ему василью, а он тѣ великихъ Государеи грамоты у себя прочетъ и очемъ вних писано выразумѣвъ обявитъ ему каймакану выное время когда он каймаканъ похочетъ,

І каймакан великихъ Государеи грамоты помѣтил же и тѣ грамоты і всѣ писма василю отдал и говорил чтоб он василеи у у него подождалъ потому что будетъ у него нурадына Салтана ближнеи человѣкъ Агметъ Ага чтоб і он отомъ новоприбылом дѣле вѣдал же и донес до Нурадына Салтана.

А у гетманского канцеляриста у василя велецкаго каймаканъ спрашил для чего де от гетмана кнему ничем неписано,

І василеи Атемирев и канцелярист ему каймакану говорили что Гетману кнему посланному своему писать о ином нѣочемъ кромѣ того что о которых Государскихъ дѣлех писалъ онъ Гетман Царского Вели-

чества кгонцу кнему василью и послан он вкрымъ от гетмана неособымъ какимъ дѣлом но съ нимъ же Васильемъ,

І помѣшканъ сполчаса Нурадынов ближнеи человѣкъ хкаймакану пріѣхал.

І каймаканъ ему ближнему человѣку обнемъ василе и о присылке еруси писемъ обявилъ, и татар істон оды всѣх выслав василю говорил чтоб кближнему человѣку присланнои листъ ему каймакану и ближнему человѣку прочелъ,

І василеи оговаривался что ему того гетманского ближнему человѣку присланного листа чести непристоино а велѣлъ бы онъ каймаканъ тотъ листъ прочесть своимъ людемъ кто у нихъ прочесть умѣет.

І каймакан говорил что у них таких людеи ныне нѣтъ чтоб могъ тотъ листъ прочесть нѣтъ а чтоб прочелъ он василеи.

І василеи при многомъ упорствѣ будучи для прошения ево каймаканова тотъ листъ имъ чол а толмачил Полуехтъ Кучумов.

А какъ втомъ вгетманскомъ листу чтено о выдаче всторону Царскаго величества и отсылке к Гетману вора и ізмѣнника Петрушки. І вто время каймакан говорил какъ де тот их Гетманчикъ поидетъ когда на рус войною збелогородцкою ордою і ево де тамъ какъ хотятъ такъ себѣ емлютъ.

А какъ чтено что воиска татарские будучие снурадыномъ Салтаном зимою из руси возвратилис без пожитку и со стыдомъ избѣгомъ,

І против того Нурадынов ближнеи человѣкъ говорилъ какои де тостыд их и бѣгъ что набрали людеи столько что стого ясырю и посе время сав што есть десятины выбрать из воиска на салтана немогутъ.

А какъ тотъ гетманскои листъ весь прочтенъ и каймакан говорил что де от гетмана писано книмъ о добрых дѣлех и дайде Богъ чтоб междо государствы мир учинился и что де тепере слышимъ о томъ донесемъ Нурадыну Салтану, а что де великихъ государеи вграмотахъ писано кнему василю и он бы василеи тѣ грамоты прочетъ и переведчи пріѣхал кнему каймакану утре і о чемъ писано ему обявил і чаят де что будетъ он василеи завтра і у Нурадына Салтана.

Потомъ тутъ же хкаймакану вошли і спдѣли знатные люди:

Таманской кады Османъ эфенде

ваганъ эфенде

дербышъ Магметъ челеби

дербышъ Гѣда.

Да ево каймакановъ язычѣи Музаѳер мулла и каймаканъ отои присылке імъ сказывал же.

Потомъ каймакан велѣлъ привесть перед себя і гетманского присланного Петра волошенина, и василю ево обявил, а ему Петру говорилъ намѣренъ де ты было быть у насъ вневоле токмо ныне тебя уволняемъ.

І василеи каймакану говорилъ что такова посланного человѣка неволить и ничѣмъ ево труднить нѣзачто и нѣдлячего потому что посланъ он от іхъ Царского величества от подданнаго гетмана і ѣхалъ вкрымъ явно спроѣзжими листами а не лазутчикомъ.

Потомъ каймаканъ и ближнеи человѣкъ при василе же у него Петра спрашивали о воиска в украиных городѣх ныне Царского величества воиска накрымъ есть ли и многіе ли и кто над тѣми воиски бояря і воеводы,—и Петръ імъ говорил что он послан из батурина от гетмана вкрымъ Царского величества кгонцу слистами и смотрит своего дѣла, а о воиска мовсковскихъ гдѣ они есть ли или нѣтъ и кто спими бояри и воеводы он невѣдаетъ, а которымі городами ѣхал он всию посылку і втѣх городѣх для охранения отъ неприятелскихъ людеи опасные казацкие воиска есть.

Потомъ подчивано василя и прочих питемъ кагвою і отпущено вжидовскои городокъ попрежнему.

А августа въ 23 день сутра приѣзжалъ по василя от каймакана съ Эски юрта сподводами тот же Аужю баша.

І василеи того дни у каймакана былъ и ізграмотъ великихъ Государеи выписавъ ему каймакану говорил

Прѣсвѣтлѣишних и державнѣишних великих Государеи нашихъ Ихъ Царского величества вграмотах кнему василю писано велено говорить ханскому ближнему человѣку.

По одной грамоте которая писана въ мае мѣсяцѣ, а именно после выходу Гаджи Селим гирѣева ханова величества из бакчисарая на венгерскую воину на осмои день о томъ:

Впрошлое время писал книмъ великимъ Государемъ бывшеи саадетъ гирѣй ханъ згонцомъ своимъ Магметъ агою что крымскои юртъ великие и меншие карачѣи приговорили спими великими Государи быть вмиру і впокое по прежнему да и засалтана турского сторону всѣ дѣла перенимал на себя, и они великие Государи потому сво ханскому желанию ссалтаном турскимъ и скрымскимъ юртомъ вмиру быть изволяли и обоих сторон людемъ тишины и покоя желали, и того ради от ихъ великихъ Государеи он гонецъ и присланъ и ту их великихъ Государеи грамоту приняв у него гонца любовно Саѳатъ Гирѣи ханъ и у ближних сво ханских людеи у алишъ аги на разговорѣ былъ и статн начемъ миру быть ему отдалъ и для совершения тѣх договоров назначен былъ от него хана впослех къ Москвѣ мубарекша мурза Сулешев и тою междо Государствы пересылкою ворота кпокою отворятпе было начали и была надежда что то добро начатое дѣло доброи конецъ воспріимет, однако нечаянно явился вкрыму вор и ізмѣнникъ Петрушка, которои многую казну и писма у подданного их Царского величества гетмана покрал, и обявилъ вкрыму воровскимъ своимъ вымысломъ многие составные и лживые писма и рѣчи которыхъ і впомышленіи у подданных

іх Царского величества войска запорожского старшины и у полковников и у поспольства небывало и прежнеи ханъ і весь крымскои юртъ тому вору и ізмѣнинику повѣрили і о добрых дѣлех пересылку остановіли и тому великому дѣлу помѣшка и остановка учинилас скрымскои стороны, что повѣрено такому вору и ізмѣнинику худому человѣченку и гонецъ со всѣми людми вкрыму задержанъ и приходили прошлого лѣта калга салтанъ сордами под іхъ Царского величества малороссійские городы войною а какъ учинился на крымскомъ юрте ево Селимъ гирѣево хаиово величество, и онъ потому ж повѣря того вора воровскимъ и ложнымъ словамъ, такъ же и наговору нѣкоторых молодых людеи, крымского юрта началных людеи и мурзъ под украинные іхъ Царского величества городы посылал же нурадына салтана и дву сынов своих салтановъ же войною, однакож они желания своего неполучили толко недружбы прибавили и назадъ оттуду отошли свеликою нуждою и страхованиемъ, а тово вора и совѣтников ево тоесть товарищевъ дѣло и обманъ сталъ явен, і весь крымскои юртъ то увидел. И он ближней бы человѣкъ дохана донес для чего крымскои юртъ желая покою з Государствомъ іхъ Царскаго величества, и учиня добрую пересылку то намѣреніе свое отменили и тому измѣнинику повѣрили, і ввеликомъ собраніи на украинные городы двожды приходіли, і нынѣ сими великими Государи Селим гирѣево хаиово величество ту прежнюю о добрых дѣлех ссылку обновить и покои на обѣ стороны учинить хочет ли да ему ж гонцу велено говорить о выдаче и отсылке к Гетману вора и ізмѣнника Петрушки что онъ человѣкъ худои и невоеннои и незнатнои и мочно ево отдать безо всякаго жалѣния и повѣрено ему и орды на украину посыланы напрасно которая орда возвратилась вкрымъ сстыдомъ неубыткомъ, а напред сего крымскои юртъ вделахъ своих бывал постояненъ и такимъ ворамъ и ізмѣнникамъ невѣривали а буде ханъ сими великими Государи дружбы старые обновить не похочетъ и пословъ своих для договору о миру къ Москвѣ непошлетъ и он бы ханъ отпустилъ ево гонца къ Москвѣ скакимъ шесть своимъ ханскимъ і юртовскимъ отвѣтомъ беззадержания а взаимно и іх крымскои гонецъ магметъ отпущенъ будетъ безовсякаго задержания і остановки. Да что ближнеи человѣкъ противъ того о ханском намерении объявит и смуб гонцу отом книмъ великимъ Государемъ писать напред себя стѣмъ гетманскимъ человѣкомъ которои присланъ с сею іхъ великих Государей грамотою із Гетманскими листами.

И он бы капмаканъ о томъ о чемъ по указу великихъ Государей іхъ Царского величества от поддапного гетмана Івана Степановича кнему писано, также что и онъ васплеи из іхъ Государских грамотъ ему предложилъ учинил такъ чего они великие Государи требуютъ послалиб снимъ Васплемъ для договора о миру буде імъ тотъ мир надобенъ послов своих и учинить имъ тое посылку мочно и не тягостно для того хотя нынѣ ханова

величества вкрыму и нѣт однакож без него нынѣ такоп же Крыму владѣтель і вовсем ему хану пособникъ Пурадынъ Салтанъ, да на ханскомъ мѣсте он каймаканъ и крымского юрта началные бѣи и карачѣи вкрыму есть же і подумать о томъ есть скѣмъ и буде они пословъ своих снимъ васпльемъ к Москве пошлютъ и то доброе дѣло какъ на обѣ стороны потребно такъ і учинитца и совершитца и вскоромъ времяни, а буде они видя сстороны великихъ Государей кмиру и кпокою склонность и присылку себѣ добра не похотят пословъ своихъ книмъ великимъ Государемъ к Москве не пошлютъ а ево васпля искрыму неотпустят а орды и безбапи на русь воиною посылат непрестанутъ, и то дѣло бесконечное и не будетъ имъ истого никакова пожитка кромѣ того что отчасу недружба будетъ возрастат і умножатися.

А вдругои ихъ же великих Государей грамоте котораіа июня въ 29-й день после тои прежнеп грамоты спустя мѣсяца сполтора къ нему Василю писано о томъ:

Книмъ великимъ Государемъ писалъ ихъ Царского величества поддапнои гетманъ Іванъ Степановичъ Мазепа что онъ тое прежде обявленную великихъ Государей грамоту у себя задержалъ потому что Селимъ гиреи ево ханово величество искрыму пошол на венгры и ближпеи его человѣкъ которому о дѣлех междо государствы ему гонцу велено говорить пошол съ ханомъ. і он гетманъ просилъ о томъ от их Царского величества указу ему гетману стою великихъ Государей грамотою кнему к гонцу и слистом сво гетманскимъ вкрымъ послать от себя человѣка своего кближнему ли ханову человѣку вбелогородчину или вкрымъ к каймакану и они великие Государи стою прежнею и ссею ихъ Государскими грамотами и слистомъ своимъ указали ему гетману послать человѣка своего въ Крымъ кнему своего Царского величества гонцу, а ему василю тѣ грамоты и гетманскои листъ у того посланного гетманского человѣка приняв о их Государских дѣлех велено чинить такъ какъ ему по прежнеи Их великих Государей грамоте дѣлать велено которая писана кнему маия 8 дня а буде ближняго человѣка подлинно вкрыму нѣтъ, а увѣдомитца отоп присылке онъ каймаканъ и учнетъ отомъ человѣке спрашивать для чего онъ присланъ обявить и тот гетманскои листъ буде онъ каймаканъ похочетъ взят, отдать и ему каймакану и домогатися противъ того отвѣту и тому гетманскому посылщику немедленного у него отпуску, и буде онъ каймаканъ отвѣтнои листъ к гетману напишетъ и ему василю отдастъ и ему тогоб гетманского посылщика искрыму отпустит и снимъ Великимъ Государемъ и ему василью отъ себя писат велено.

И каймаканъ выслушав истѣх обоих Государскихъ грамоть васплью говорилъ что де втѣх грамотах писано дѣло одно тож что і вгетманскомъ листу, и отомъ онъ овсемъ слышитъ и выразумѣлъ и овсемъ отомъ доне-

сеть нурадыну салтану и поговорить и подумають крымского юрта сетарыми людми какъ о томъ без хана быть приговорять.

А что де орды их ходять на рус воиною и в безмирные времена у нихъ всегды такъ бываетъ, а есть ли де дастъ Богъ учинитца миръ тогда таких дѣлъ не будетъ. Анепобранис де и миритца нѣочемъ, токмо для чего де ихъ крымскои гонецъ карамагметъ на Москвѣ задержанъ, естьлиб де он вто время снимъ василемъ былъ отпущенъ тоб і вовсем дѣле иной былъ порядокъ и он бы василеи не держан былъ вкрыму нималого времини и меж Государствы былиб пересылки почасту и ордыб и безбаши на рус не ходили і есть ли де ныне нурадынъ салтанъ и юртовые люди похотят внебытие ханское послать ково посолствомъ кМоскве и тому их крымскому послу вдѣлех повѣрить ли потому что онъ посланъ без хана.

А василеи говорил буде Нурадынъ Салтан сприговору всего юрта кведикимъ Госадаремъ нашимъ о договорѣ о миру попрежнему намерению какъ о томъ писал къ их Царскому величеству Саадетъ Гирѣи ханъ пошлетъ ныне снимъ василемъ пословъ своих людеи породных исполною мочью і вѣры годных, и тот ихъ посол по их великихъ Государей указу принятъ будетъ. кМоскве сподобающею честию какъ пристоино і вдѣлех ему вѣра дастьси для того что он посланъ будетъ от всего юрта а не от одного хана, потому что хотя вкрыму і самъ ханъ былъ однакож без юртовых людеи такова дѣла одинъ собою учинить не можетъ.

И капмакан говорил правда де что ханъ без юрта никакова такого великово дѣла о чемъ междо государствы належит учинить неможетъ толко де то и юртовымъ людемъ і всѣмъ имъ видитца что с Московскои стороны нѣтъ книмъ ничего доброво что вначалѣ учинено гонцу ихъ на Москвѣ невѣдомо для чего задержание а он василеи присланъ вкрымъ о миру с статями имъ непотребными да сверхъ де того и еще ихъ посланого человѣка ибраима муллу (которои посланъ от калги салтана въ малороснiские городы) въ руси задержалиж и сидитъ он втюрмѣ сневолники.

А ныне де по грамотам великих Государеи он же гонецъ говоритъ прежде гонца ихъ себѣ об отпуске да сверхъ того и опослѣхъ домогаетца а естьлиб смосковскои стороны было что доброе и крымское де Государство небезголовное и мочно де было от великихъ Государеи грамоты прислать и къ хану и тогдаб хану и всему юрту показалас та присылка влюбов и тоѣб их Государскую грамоту послалиб они кхану сегож часа снарочнымъ посылщиком а то де пишут толко кнему гонцу и то о прежнихъ дѣлех, а гонца ихъ карамагмета держатъ на Москвѣ невѣдомо для чего.

І василеи говорил что великие Государи наши скрымскимъ юртом вмиру быть изволяют и междо государствы покоя и тишины людемъ желают и для того ево вгонцех прислать изволили а что встатях показуетца имъ непотребно, и для того и послат было имъ кМоскве послов своих потому

что тѣ стати присланы для обявления чего великие Государи стурскои и скрымскои сторонъ своеи Царского величества сторонѣ желают а невовсе сотказом чтоб без того миру быт не мочно.

А гонецъ их Магметъ позадержанъ было недлячего іного токмо для скорои искрыму снимъ васильемъ отповеди а хотя он задержанъ однакож он живетъ намоскве въ Государскои милости и поволности а не такъ какъ ему ихъ Царского величества гонцу вкрыму творится а что он каимаканъ говоритъ о задержаниі Ибраима муллы и тотъ мулла естьлибъ посланъ был здобрымъ дѣломъ и къ ихъ Царского величества подданному гетману такжеб от нихъ василья і от гетманского человѣка была кнему Гетману какая вѣдомость и тот бы мулла принятъ былъ за посланного и отпускъ себѣ получилъ безовсякаго задержания а то онъ мулла посланъ своровскаго совѣту Петрущки ізмѣнника знатно лазутчиком а не здобрыми дѣлами и уж для того он тамъ и задержанъ.

А грамоты великих Государеи кхану неприслано знатно для того что и на тоѣ их Царского величества грамоту которая прислана снимъ васильемъ нѣтъ искрыму никакие отповеди,—

И каимакан говорил великимъ де государемъ об отпуске ево васильеве и о посылке снимъ крымского посла кМоскве как он из грамоты ихъ Царскои ему каимакану обявляет і вгетманском листу писано почему вѣдомо знатно де что писали они василеи і гетманскои человѣкъ і таковых де писемъ утаикою воровски посланным людем писать негодитца и буде которые присланные люди такъ у нихъ вкрыму дѣлаютъ і втом де имъ бываетъ великои стыд и запосланных их непочитаютъ, а онъ де каимакан отом что они круси пишутъ вѣдаетъ и перенятые де их листы у них есть,—

І василеи говорил что они кМоскве о том и ни о чемъ нискѣмъ не писывали и писат имъ нѣскемъ. А знатно что извѣстно имъ великим Государемъ о томъ учинилось такъ же что здѣсь и ныне творитца чрез запорожцов или торговых людеи которые после задержания ево василева из руси вкрыму бывали или от взятых ихъ татарских языков а которое единожды писмо послали было они нѣкогда своеи стороны скупецкимъ человѣком і вкрыму перенято и то писмо писано тогда чаят они чли не озлых каких дѣлех но озадержаниі и онужномъ своемъ вкрыму житіи і о Государскомъ жаловане что имъ вкрыму ханскимъ жалованем самымъ малымъ поденнымъ кормомъ пропитаться нѣчемъ, а что было у нихъ съ собою привезено, а то все, а остатнее и кони ихъ испроданы и все съѣдено и изношено, а злаго никова дѣла и вѣдомостей о крымских поведенях писать имъ нечего потому что они сидя засторожею у жидов пипрочто невѣдаютъ, а хотяб имъ о нуждѣ своеи чрезъ толикое долгое время будучеи случилос скѣмъ что и отписать и тѣхъ писемъ воровскими ему каимакану и никому называт негодитца потому что против присылки ево нѣтъ искрыму кМоскве

никакие отповеді и для чего ево вкрыму держать толикое долгое время о томъ великимъ Государемъ неизвѣстно и которымъ пресветлѣйшим монархомъ великимъ Государемъ своим он василеи служить от них великихъ Государеи милости просить и что вто время нибыло то уж прошло нѣчего о том і вспоминат і чтоб онъ каймакан порадѣл междо Государствы о добрых делех о чемъ онъ василеи ему обявляетъ.

Да слышал онъ василеи что зграмотами великихъ Государеи присланной от гетмана человѣкъ поставленъ в бакчисарае и он бы каймаканъ велѣлъ того гетманского присылщика перевесть кнему василью вжидовской городок потому что он по указу великих Государеи присланъ кнему, а не особымъ дѣлом і велено ему быть при немъ василе.

И каймаканъ говорил что он о всемъ о томъ что от него василья слышал переговоритъ снурадыном салтаном и с старыми юртовыми людми и какъ нурадын и старые люди о томъ приговорятъ и он каймакан незамотчавъ и о гетманскомъ присылщике учинитъ ему василью отповедь;

И отпущены василеи съ прочими въ жидовской городок попрежнему.

Августа въ 27 день василеи посылал толмача полуехта к каймакану спросить о отповеди.

И толмачъ пришедъ от каймакана сказывал что де каймакан сиимъ приказывал кнему василею что они послали отомъ кхану какъ ханъ изволитъ, а юртовые де старые люди ево гонца и никово отпускать і своих людеи посылать безхана неприговариваютъ толко де они меж собою о том еще намѣрене непостановили а какъ постановятъ о том де ему василею впред будетъ вѣдомо.

Каймаканъ же спрашивал.

С 6 сентября въ 1 день толмачъ же полуехтъ посылан к каймакану вдругои рядъ спросит о отповеди и говорить о петре волошенине. Буде они ево василя безхана не отпустятъ и чтоб скакою ни есть отповедью отпустить того гетманскаго присылщика а буде и гетманского присылщика без хана неотпустят и евоб избакчисарая велѣл он каймакан перевесть кнему василью вжидовской городокъ.

И каймакан ему толмачу отказал ссерца что де безхана ничего не будетъ хотя де вы хотите крым обмануть чтобъ самимъ отсюду свободитца и чтоб і послов крымских кМоскве ссобою выманить толко де такъ не будет и крыму необманите потому что де их крымскому гонцу задержание учинилос смосковской стороны и ныне де что дѣлать они вѣдаютъ и будете де спдѣть вы закарамагмета, а новоприсланной гетманской человѣкъ за ибраима муллу и писать де ему каймакану невѣдая ханского намѣрения кГетману противъ листа его нѣчегож.

И Петръ волошенин свѣдома каймаканова квасилю вжидовской городокъ изБакчисарая перешол сентября въ 24-м числѣ,

А ноября въ 6 день по призыву был василеи у каимакана, и каимаканъ у него спрашивал о ханове де величествѣ гдѣ он ныне обретаетца он василеи вѣдаетъ ли.

І василеи ему каимакану сказалъ что онъ сидя засторожею что можетъ вѣдат а хотя объ ево ханове величествѣ кто избусурманъ или изжидовъ что искажетъ и тому вѣрит нѣчему. А желаетъ онъ что ниесть доброе отнего каимакана слышать, и каимаканъ василью сказывал.

Ханово де величество книмъ вкрым писал что он и принемъ обрѣтающееся воиско все здорово, а стурскимъ воискомъ свезиремъ будучим сошлис на моравѣ рѣке и хотѣли обще итит на эрделских венгеръ и із белаграда де квезирю турскому писано что цесарские воиска их облегли и добывают зѣло жестокими приступами и уж они приневолены блиско здачи. И чтоб имъ учинит посылокъ и турскои де везир подумав сханомъ послали напред себя подтѣ цесарские воиска ханского сына Саадетъ Гирѣя салтана а снимъ орды съ десять тысячъ человѣкъ а сами шли запимъ по волнымъ путемъ, і тѣ де воиска крымские у цесарскихъ воискъ отлучили нѣкоторую малую часть конских стад и слюдьми и когда де цесарские воиска крымские орды книмъ подшедшие увидѣли, а о турских воисках что идутъ от взятых языков увѣдали тогда болши того города недобывали и отступили через Саву реку учиненнымь ими жъ нѣмцами мостомъ и каюками и переправяс и тот мостъ зжегши пошли кварадыну гдѣ пасавинскои переправе и недошедъ до варадына воиска ихъ крымские и белогороцкие затѣми ихъ цесарскими воискамі идучи имѣли сними многие бои и набрали немецкого полону стриста человѣкъ и чаят де что и на обѣ стороны небез упадку, а из варадына де цесарские воиска вночи выбралися и оборонною рукою пошли к будину и какъ де бусурманские іхъ воиска увидели что цесарские воиска уже уступили тогда ханъ дѣтеи своихъ калгу и помянутаго саадетъ гирѣя салтанов послалъ ктемежвару для опасения чтоб не было от цесарскихъ воискъ туды наступления а самъ де ханъ остался при везире вбелиграде чтоб имъ тотъ городъ починить и укрепить попрежнему и когда де оттѣх салтанов вѣдомость подлинная придетъ что цесарские воиска отступили и болши того воевать небудутъ, тогда ханъ совсѣми ордами вкрымъ безовсякие межкоты возвратитца.

А предводителем де над цесарскими воиски былъ Генералъ Гезлеръ а вбелеграде де восаде былъ сераскѣр паша.

І василеи благодарствуя ему каимакану за тѣ вѣдомости говорил, ещеб ему василю лутче было то слышать и видеть когдаб ханово величество от туды вкрымъ пришол вдобром здорове и учинил доброе дѣло свеликими Государи нашими съ ихъ Царскимъ величествомъ.

И каимакан говорил даи де Богъ чтоб так сталос а они де всѣм юртом миру смосковским Государствомъ крѣпко желаютъ, и когдаб де мир и

дружба учинилас попрежнему какъ прежде сего бывало, тоб мочно учинить обще попекъ и над полшею разведе сними поляки остужатца нехотят для того что и они называютца христианамиж, а тоде послушали их поляковъ и нѣмцовъ и шертъ скрымомъ нарушили напрасно.

І василеи о полской сторонѣ сказал ему так что великие Государи наши скоролевствомъ полскимъ по договором пребываютъ впостоянной дружбе і во обоих сторонах есть и резиденты. А буде кМосковской сторонѣ учинитца сполской стороны какое миру нарушение или какое таиное лукавство, то великие Государи наши тому их непостоянству теряѣть неизволятъ. Потому что хотя они поляки и християне толко вѣра их сМосквою разная.

Потом каимакан говорил о задержанні намоскве іхъ крымского гонца а наіпаче от нурадына посланного Ибраима муллы и помногих разговорах сказал, такъ де он каимакан вѣдая юртовское намѣрение ему василю говорит: покое время небудетъ постановлено такова о миру договору начемъ было постановлено і шертовано при муратъ гирѣе хане; то у крыму смосквою миру а покое время неувидятъ они вкрыму посланныхъ своихъ Магмета и Ибраима муллы: то ему василью отпуску не будетъ

А ноябри въ 18 день каимакан василья кеебѣ призвавъ говорил: что гетманского посланца придумал онъ отпустить ик гетману от себя противъ ево листа писать то писалиб и он василеи и гетманскои человѣкъ о чемъ имъ надобно потому что он каимаканъ крѣпко о томъ желаетъ чтоб ему меж государствы радѣние свое показат.

І василеи говорил что он давно о том о чем онъ каимаканъ ему обявил желаетъ і просит і есть ли онъ каимакан вто дѣло вступитъ и междо государствы одобрыхъ мирных дѣлех радѣние свое покажетъ то он получитъ себѣ от Бога милость а от крымского юрта вѣчную похвалу и славу, а онъ василеи писать будетъ к великимъ Государемъ отом что он ноих великих Государеи указу и по грамотам учинил а къих Царского величества подданному гетману противъ его гетманского присланного к нему листа.

И каимакан говорил чтоб он василеи писал о всем о чем хочетъ а однакож имянно написал об отпуске гонцах их карамагметя, и ібраіма муллы очемъ и онъ отпишет влисту своемъ кгетману, а будетъ смосквы отпустят толко гонца ихъ Магметя а ибраима муллы снимъ неотпустят і они де скрыму отпустят толко ево василья.

А затово де ибраима будутъ вкрыму держат гетманского человѣка ево васильева товарыща,

а отпустя де ныне того гетманского посланца будемъ ждать подлинной вѣдомости о хане и буде де ханъ придетъ скоро вкрымъ то он будетъ промышлять об отпуске ево васильеве, а буде замѣшкаетца и будетъ зи.

мовать в аккермене тогда онъ каймаканъ подумавъ симъ васильемъ будетъ писать об немъ кхану и кближнему ево человѣку въ аккермень, а тепере де того посланца отпустит он без вѣдома ханского и от юртовых людеи тайно хтоб тому невоспретил,—

І василеи тотъ ево каймаканов совѣт похваляя ему говорил, что он квеликимъ Государемъ воизвѣстие о томъ о чемъ от него слышит писат будетъ и чтоб онъ каймаканъ листъ свои кгетману отдалъ ему василью а онъ стѣмъ листомъ и своими писмами того гетманского посланца отпустит от себя;

И каймаканъ тому соизволил и прислал тот листъ квасилю назавтреѣ ноября въ 19 день.

А гетманского канцеляриста василья белецкого втѣ по василя двѣ присылки ноября въ 6-мъ і въ 18-мъ числѣ каймаканъ к себѣ непмалъ и хотя василеи о томъ чтоб онъ симъ у каймакана былъ присланному от каймакана ауджу баше а потомъ и самому каймакану и говорилъ однакож он каймакан видѣть ево нехотѣлъ невѣдомо для чего, а только каймаканъ Василію и сказалъ, что де знаетъ онъ только одного его Царского Величества гонца азгетманскимъ человѣкомъ видетис ему нѣдлячего и говорит симъ нѣочемъ; а что отъ него каймакана слышит тоему скажетъ и он василеи,—

І василеи Актемиревъ того гетманского посланца Петра волошенина отпустил ноября въ 21 день на самый праздникъ Пресвятые Богородицы пречестнаго ея вцерковь Господню введенна и квеликим Государемъ писал і вышеписанную августа зъ 22 числа прошлого 201 году посеи отпускъ записку послал симъ Петром сотинскою своею.

Дастоюж записко послана отписка писанная августа 6-го числа тогож прошедшаго году.

Да и кГетману къ Івану Степановичу Мазепе василеи противъ ево гетманского квасилью писанного листа цисалъ же и на отѣзде того гетманского посланца посылал василеи ево столмачом сполуехтомъ кучумовымъ ккаймакану говорить ему посланцу о подводах да и для того что есть ли отнего каймакана кГетману будетъ какои словесноп приказъ и тотъ гетманскои посланецъ симъ толмачомъ перед нимъ каймаканом были.

И каймакан вподводах ему отказал, а толко Полуехту і сказал к кому де он посланецъ присланъ тот де какъ знаетъ такъ ево отъ себя и отпущаетъ и приказывалъ Василію, чтобъ тотъ гетманскій присыльщикъ ѣхалъ скоро для того, чтобъ не пришкодили той его поѣздки какіс вѣдомости, а къ Гетману ему каймакану кромѣ того что онъ писал влисту своемъ приказыват словесно нѣчегож.

І василеи тому посланцу (чтоб тою посылкою спешит а напачеб еѣ неостановить) купил свеликою нуждою коня от себя потому что накоторых

своих дву конехъ он Петръ самъ другъ счелядникомъ въ Крымъ приѣхал и істѣхъ коней одинъ повалился,

а отписку квеликимъ Государемъ писал василей такову: великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Іоанну Алексѣевичу Петру Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцемъ холопъ вашъ васка антемиревъ челом бьетъ впрошлом великие Государи въ 201 году августа въ 27 день ввашихъ великихъ Государей грамотахъ ко мнѣ холопу вашему вкрыму будучему вашего Царского величества подданного воиска запорожского обоихъ сторои Днепра гетмана Івана Степановича Мазепы спосланцом сПетромъ волошенином писано; впервои; велено мнѣ холопу вашему ханова величества крымского ближнему человѣку говорить о присылке квамъ великим Государемъ прежняго Саадетъ гирѣя хана гонца Магмета аги и онамѣрениі всего крымского юрта что они приговорили свами великими Государи быт вмиру і впокое попрежнему да и за салтана турского сторону всѣ дѣла перенимали на себя и о посылке моей холопа вашего вкрымъ свашею великихъ Государеи грамотою и озадержаниі моемъ и оизмѣне і о отѣзде вкрымъ вора и ізмѣнника Петрушки и ево воровскихъ замыслах и что вкрыму тому вору повѣрено а доброе дѣло отставлено и ходили воиною под ваши великихъ Государеи украиные городы прошлого лѣта прибывшем Саѳатъ гирѣе хане калга салтан а при нынѣшнем Селим гирѣе хане нурадын салтан, и тѣми ихъ походами того измѣнника Петрушки и совѣтников ево воровство и обманъ стал явенъ. І вес крымскои юртъ то увидели чтоб он ближнеи человѣкъ дохана донесъ, для чего крымскои юртъ желая покою згосударствомъ вашего Царского величества и учиня добрую пересылку то намерение свое отменили, итакому измѣннику и обманщику повѣрили икнему пристали, і ввеликом собраніи заобсылками и добромъ дѣле под ваши Царского величества украиные городы дважды приходили и ныне свами великими Государи нынешнеи Селим гирѣи ханъ ту прежнюю о дружбе ссылку обновить и покои на обе стороны учинить хочетъ ли да какъ мнѣ холопу вашему ближнеи ханов человѣкъ онамѣрениі ханском обявит и тѣмъ обнадежитъ что свами великими Государи і нынешнеи ханъ і вес крымскои юртъ вмиру и впокое быти хотят, и мнѣб холопу вашему ему ближнему человѣку о вашемъ великихъ Государеи намѣрениі и о миру и о статяхъ сомною холопомъ вашимъ посланныхъ и о посылке для тѣхъ договоровъ квам великимъ Государемъ пословъ іхъ и о своемъ искрыму отпуске говорить вовсемъ попрежнему вашему великих Государеи указу и понаказу каковъ мнѣ холопу вашему данъ ис посолского приказу да мнѣ жъ холопу вашему велено говорит о отдаче и отсылке ввашу Царского величества сторону вора и ізмѣнника Петрушки всякими мѣрами;

А вдругои вашеи великихъ Государеи грамоте ко мнѣж холопу вашему

писано буде вкрыму ханова ближнего человѣка нѣтъ а увѣдомитца о той посылке каймакамъ и учнетъ у меня холопа вашего спрашивать для чего ко мнѣ холопу вашему тотъ помянутой гетманской посыльщикъ присланъ и похочет тот гетманской листъ взять ксебѣ и тотъ листъ внебытне вкрыму ближняго ханского человѣка велѣно мнѣ холопу вашему отдать и каймакану и домогатца противъ того отвѣту и тому посыльщику гетманскому немедленного отпуску у него каймакана, и буде он каймакамъ против того соотвѣтствованной листъ киему гетману напишетъ и мнѣ холопу вашему отдастъ и мнѣб приняв тотъ листъ того гетманского посыльщика отпустит, и квамъ великимъ Государемъ писать симъ же о всемъ подлинно без мотчания, а о ваших великих Государех дѣлех по вашему великих Государех указу и повышепомянутой грамоте мая 8-го дня говорить ханову ближнему человѣку вто время какъ онъ сханомъ вкрымъ придетъ, и просить о томъ подлинного соотвѣтствования и мнѣ холопу вашему отпуску, какъ о томъ писано ввышепомянутой вашей великихъ Государех грамоте и каковым Государи поведеннемъ тѣ ваши великихъ Государех грамоты одержалъ и что по вашему великихъ Государеи указу и потѣмъ грамотамъ и холопъ вашъ учинил о томъ о всемъ записку написав образцовою азбукою квамъ великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Іоанну Алексѣевичу Петру Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцамъ сею отписко послалъ я холопъ вашъ вашего Царского величества подданного гетмана Івана Степановича спосланцомъ сПетром волошениной ноября въ 20-й день и велѣлъ подать ввашемъ Государственномъ посолскомъ приказе думному дьяку Емелияну Игнатьевичю Украинцову стоварыщи да ссею отписко послал я холоп вашъ отпискуж писанную в августе мѣсяце прошлого 201 году которая послана была сново взятым неволникомъ ватаги антона рудого станицы з запорожскимъ казакомъ с остапом кузем: и недошла для того что он поиман за Перекопомъ ажъ на каланчаке однакож Государи божіим хранениемъ соблюлас и досталас безбѣдно вмои холопа вашего руки попрежнему а какъ Государи хан вкрымъ придетъ и я холопъ вашъ по вашему великихъ Государеи указу о ваших Государскихъ дѣлех буду говорить и промышлять сколко Господь Богъ помощи подастъ (сполской Государи стороны кпересылкамъ скрымом отнюд неслышать и дербынъ мурза тамъ вполше живетъ попрежнему, а воръ и ізмѣнникъ Петрушка стоварыщи своими живетъ вбелогородчине накорму вволоских деревних а сханом он Государи небыл. И товарыщи ево всѣ разбежалис а толко отосмидесятъ человѣкъ осталос при нем съ десятъ человѣкъ).

А августа 6-го дня отписка писана такова:

Великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Іоанну Алексѣевичу Петру Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи само-

держцамъ холопъ вашъ васка антемиревъ челом бьетъ по вашему великихъ Государеи указу послан я холопъ вашъ сванею великихъ Государеи грамотою к крымскому хану вгонцехъ и обытні Государи своемъ стою вашею великихъ Государеи грамотою у Саоатъ Гирѣя хана напрѣзде и что о присланных статях о миру ближнеи сво человѣкъ аливи ага мнѣ холопу вашему говорилъ, такъ же и о задержанні моемъ вкрыму и о поведениях крымских вто время обращающихся квамъ великимъ Государемъ писалъ и холопъ вашъ з запорожскимъ казакомъ съ Яковомъ вороною изжидовского городка іюня въ 19-мъ числѣ прошлого 200-го году да и же холопъ вашъ к вамъ великимъ Государемъ писалъ о крымскихъ же поведенияхъ и о потребцых вѣдомостях и о бѣдномъ своемъ житні сентября въ 7-мъ числѣ нынешняго 201-го году сполтавскимъ купцомъ з Захаромъ Іаковлевымъ; по тоѣ Государи отписку да вашего Царского величества подданного гетмана Івана Степановича Мазепы посланного со мною канцеляриста василя велецкого киему гетману листъ, плутъ и измѣнникъ Петрушка стоварыщи будучи вперекопи перенял и обыскал и привел ево Захара совсѣмъ ибакчисараи, за что он Захар лишенъ всего имѣния своего и окованъ сидѣлъ многое время да и комнѣ холопу вашему бусурманские были многие приметки однакож Государи милосердием всемогущего Бога до сего времяни прошло безвредно потому что отписки прочесть никому невозможно а влисту кгетману противного татаром ничего ненаписано и живу я холопъ вашъ в жидовском городке совсѣми людми засторожею попрежнему і от убытковъ Государи утеснения ради, и малого и неповседневного корму уж приняли вкопечную нужду и отпуску отнодъ неслышим; ханомъ Государи учиненъ вкрыму прежде бывый Гаджи Селимъ Гирѣи. І в крымъ пришелъ декабря вятын день а калгою сынъ ево прежнеи же а нурадынов племянник родной а везиремъ Государи учиненъ шахъ булатъ ага; и и холопъ вашъ до него аги чтоб снимъ видетись и ovашихъ Государскихъ дѣлех ему предложить доступил свелнкою трудностию издачею и был у него дважды декабря въ 15-м да генваря въ 23-м числѣхъ и говорил; ханову величеству о присылке моей холопа вашего вкрымъ извѣстнол, и тоѣ от вашего Царского величества присылку примелетъ ли и свами великими Государи вмиру быт желает ли и какое ханское отомъ намѣреше такъ же говорил я холопъ вашъ озадержанні на рус вто время воискъ и о иныхъ пристопныхъ делех о чемъ по вашему великихъ Государеи указу мнѣ холопу вашему наказано и применяяс кздѣшним поведениям; и онъ ага выслушавъ тѣ мои холопа вашего слова мнѣ говорилъ что от вашего Царского величества о моеи холопа вашего присылке хан вѣдаетъ и чтоб междо московскимъ государствомъ и крымскимъ юртом былъ миръ ханъ і весь крымскои юртъ желают токмо де он хан пришедъ вкрымъ еще неосмотрился бѣп и карачѣи не сѣзжалис и думы о томъ не было а какъ съѣдутся и подумаютъ и начем

постановить тогда онъ ага мнѣ холопу вашему и объявить, а болши того никакие разговоры он некстунал и конечное слово сказал что всѣ мои предложения донесеть ханову величеству и учинить мнѣ холопу вашему скорую отповед, а о задержаном Государи намоскве крымском гонце ближние люди неупомянули мнѣ холопу вашему никогда ниедного слова. И крымскому Государи хану по салтанскому указу турского велено итит вешним временемъ на венгры и для того присланы от него салтана был чаушъ да з золотыми надачю каныкулом и семенямъ канычи кегаи. И я холопъ вашъ видя что от него ближняго человѣка нѣтъ никакова дѣла ни отповеди о ваших Государских дѣлех и об отпуске своемъ: а буде не отпустятъ и отом бы квамъ великимъ Государемъ мнѣ холопу вашему писать и послать от себя хотя человѣка своего до запорожи промышлял чрезъ размѣнного антемиръ бѣя Суленева и бѣи мнѣ холопу вашему самъ и чрезъ толмача говорил, хан де говоритъ, что я холопъ вашъ присланъ с Москвы книмъ вкрымъ нездобрыми имъ делами потому что поминковъ не прислано, і врозмѣнной казнѣ вовсе отказываютъ, и бѣи де и карачѣи приговорили что квамъ великимъ Государемъ ему хану писать и посла своего посылать и меня холопа вашего отпустит нѣдлячего. Потому что і их гонца на Москве держатъ. А о отписки де и о посылке мнѣ холопу вашему человѣка моего ханъ сказалъ такъ: что де одного человѣка кМоскве отпустить, что всѣх всѣ равно. И для того де меня холопа вашего неотпускать и приговорили что и сами они идутъ на воину: а напаче де всего всемъ дѣле помѣнка что вваших великих Государех грамоте къ ево ханскому имени написано нѣчто зѣло противное: и есть ли де Москве мир надобно и кнему де хану присланъ смосквы будетъ и еще кто ни есть. Или ваша великихъ Государех грамота сполском Государи стороны во вся жития моего въ Крыму дни присылки не бывало, и крымском Государи посланникъ дербышъ мурза, которои посланъ вполшу в апрѣле мѣсяце прошлого 200-го году посе время еще невозвращался, а очемъ Государи онъ посланъ того отпод провѣдать невозможно, а хотя Государи онъ тамъ и живетъ однакож белогороцкая орда вФевралѣ и вМарте мѣсяцех исполши навезли къ себѣ полону вовремя сенму мужеска полу и женска сорокъ тысечъ душъ да в апрѣле Государи мѣсяце нынешняго году были от калмыцкого аюки: одинъ человѣкъ скопским табуном напродажу, другои посланникъ и просил у хана салтана своиски татарскими чтоб сними итит воиною под казан и под іные по волге обрѣтающиися городы завоенную досаду отъ донских казаков имъ калмыком творимую, и імъ калмыком для венгерскои воины всалтане отказано, а сказано, что укажет ханъ спими итит исчеркесъ одному нѣкакому бѣю своиски пристоиными и отпущенъ тот посланник каюкѣ, а которои стабуном и тот поѣхал сханом, а ханъ Государи и калга вышли на венгры из бакчисарая мая въ 1-й день, а из белагорода тогож

мая въ 25 день, а для охранения крыму оставленъ пурадынъ салтан, а воиска Государи снимъ ханомъ стритцать тысечь избелогороцкими, а по настоящему Государи времяни как здѣсь обноситца, крыму совсѣх сторонъ добро и упатку ниоткуду нѣтъ нималого. И хотя Государи и трепещут и боятца они бусурманы вашихъ Государскихъ ратей насебя наступленія, однакож из украинных малороссийских городов сполъ непрестанно похищаютъ і волочатъ вкрымъ неволников. Милосердые Государи пожалуите насъ холопей своихъ призрите на насъ бѣдныхъ втерпѣнні крымском страждущих своею Государскою милостию какъ вамъ великимъ Государемъ Богъ известит, а сию Государи отписку й слезное челобитье наше послал я холопъ вашъ танно свеликою нуждою и не безпеченствомъ из жидовского августа въ 6-мъ числѣ подать вносолскомъ приказе думному дьяку Емельяну Игнатьевичю Украинцеву стоварыщи,

А кгетману Івану Степановичю листъ от василя писан таковъ:

Пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ Государей Божіею милостию Царей і великихъ князей Іоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича всея великия і малыя и бѣлыя росиі самодержцевъ и многих государствъ и земель восточныхъ и западныхъ і сѣверныхъ отчичей и дедичей и наслѣдниковъ и Государей и облаадателей Ихъ Царского величества подданному воискъ запорожскихъ обоихъ сторонъ днепра ясневелможному гетману Івану Степановичю моему премилостивому Государю и благодѣтелю от вседержителные и щедрыя десницы божіи доброго и многолѣтного вненарушимом здравиі пребыванія сщасливыхъ и благополучных поведении благовременныхъж і вѣчных утешенні получения усердно желаю.

Августа 22-го дня прошлого 201-го году одержалъ есмъ листъ велможности вашей Государя і великого благодѣтеля моего: вкоторомъ обрѣтох премногое іако отеческое милости вашеи любителное ко мнѣ присещание, закоторую велможности вашеи милость, велие и наипокорнѣйшее восписую благодарение. Да втом же листу изволяешъ велможность ваша мнѣ обявлят что свѣдома монаршеского ихъ Царского Пресветлого величества посылаешъ велможность ваша в крым нарочного своего посланца Петра толмача ко мнѣ слистом до везиря его ханскои милости от велможности вашеи писанным вкотором ваша милость докладает то что досего часу попредначатому добрых мирных дѣлъ отзыванию бывших их милостеи ханов крымских заночаткомъ и залживымъ предложением измѣнника и щонка Петрушки мнѣ и от вашеи милости со мною посланному человѣку нѣтъ отпуску и чтоб мнѣ отобравъ оттого посланца велможности вашеи листъ кпрежде реченному везирю надлежащеи отдать своими руками и просити на оны отвѣту и скорого тому посланцу и квелможности вашеи отпуску, а есть ли онъ везиръ пошол сханом его милостию навоину немецкую а увѣдомився о тои посылке похочетъ тотъ листъ изрукъ моихъ взять каимакан и мнѣб

тот вашеи велможности листъ отдать и каимакану и просити у него потомуж о отвѣте и о скором тому посланцу отпуске и снимъ до велможности вашеи и мнѣб очемъ надлежитъ писат а естьлиб онъ каимакан имѣлъ ево посланца предсебя звати и за ханом стѣмъ листом квезирю посылати, и томуб посланцу ни к каимакану ходить низавезирем ѣхать отнюд невелѣть токмо то дѣло и приѣздъ того велможности вашеи посланца Петра сталося нетакимъ поведением какъ тою листовною велможности вашеи наукою мнѣ такъж и ему Петру вкрыму поступить приказано: покогда приѣхал онъ вперекои потогда принятъ и припроваженъ вбакчисараи прежде до каимакана нежели домене а каимакан отобравъ у него всѣ присланные снимъ писма призвалъ нас ксебѣ, и грамоты великихъ Государеи, і вашеи велможности помянутыи ко мнѣ листъ принял я от рукъ каимакановых, а не оттого Петра итовсе снебреженіемъ отпечатано, сирѣчь и подрано и істѣх писемъ выпрашивал он каимакан у нас и у посланца овѣдомостях про воиска монаршеские, которыхъ якобы насебя начаютна, и какъ ему каимакану против вопросов ево пристоиные от нас, и оттого Петра отповеди сказаны, тогда он каимаканъ говорилъ, чтоб мнѣ листъ велможности вашеи квезирю писанной ему и нурадынову ближнему человѣку агметь агѣ прочитати, что я замногим спором (чего было мнѣ творить и неприлично) имѣлъ поволи ево учинити и тотъ листъ имъ читал, а о чемъ ему каимакану поуказу великихъ Государеи Наших поврученнои мнѣ инструкцыи, и понынешнимъ присланнымъ ко мнѣ ихъ Царского величества грамотамъ я предлагалъ и что влисту велможности вашеи квезирю писано отомъ овсемъ принялъ онъ кдоношенню Нурадыну Салтану и старымъ крымского юрта карачьбѣемъ, а потомъ нарекая о задержанні на Москвѣ гонца ихъ карамагметя и послетого от калги посланного ибраима муллы онъ каимаканъ соотвѣтствовал чрез толмача от меня кнему посылаемаго что послали они тотъ вашеи велможности квезирю писанной листъ до хана, а без хана о пересылке междо Государствы учинить имъ немочно: что подтверждая после того и сомною видевся он каимаканъ и об отпуске того велможности вашей посланца потомуж отговаривалъ а потомъ ноября въ 18-й день невѣдомо скаково случая онъ каимаканъ меня призвал и сказал что он и без ханского велѣния удумал того посланца петра отпустить и снимъ къясневелможности вашей писат и дабы и наши снимъ писма свои послать же а именноб писать квеликимъ Государемъ къихъ Царскому величеству и квашей велможности оботпуске гонца ихъ магметя, а наипаче ибраима муллы а есть ли де отпустятъ смосквы толко одного магметя а ибраима задержатъ то затого магметя отпустятъ искрыму толко меня а заибраима муллу будутъ держать вкрыму от велможности вашеи сомною посланного колегу моего господина василия велецкого что предложивъ велможности вашеи Государя и благодѣтеля моего яко напокорнѣише прилице земном моемъ

поклоненіи прошу благоволи велможность ваша премудрѣйшим своимъ промышлением какъ велможности вашеи всемилосердыи Господь Богъ известит онемедленном избавленні нашемъ отсюду восприяти попечение понеже от часу приходимъ вконечную нужду. и какъ мы вкрымъ потоварищески приѣхали такъбы некрыму свободитис неразлучно и стати пред очима велможности вашеи оглядаючи благополучное твое здравие, а каковъ листъ квелможности вашеи господинъ каимаканъ писалъ и тотъ листъ я у него принявъ посылаю квелможности вашеи чрезъ посланца вашеи милости Петра волошенина сеимъ моимъ писаниемъ; засимъ поручаю велможность вашу вовсецѣлое сохранение всемогущему Господу Богу и пребываю

Вашеи велможности всѣхъ благъ,
Усердный желатель
и нижайшеи слуга василеи Антемирев

Из жидовского городка Ноября 20-й день
1693 году.—

Да съ тѣмъ же згетманскимъ же посланцомъ отпущонъ къ Москвѣ будучеи при василье бывшеи житного двора подячеи Ромашка Григорьевъ и приказано ему явитца на Москвѣ в Государском посольскомъ приказе

И для свидѣтелство отпуску его данъ ему Ромашке отъ Василія проѣзжеи листъ, таковъ:

Пресветлѣйших и державнѣйших великих Государеи Ихъ Царского пресвѣтлого величества гонецъ василеи Антемиревъ всѣмъ вопще и кождому особно кому о томъ вѣдати надлежитъ; а имянно его милости господину атаману кошевому и всему низовому воиску а вмалоросійскихъ городѣхъ их милостямъ господам полковникамъ сотником атаманом и всякои старшинѣ обявляю симъ свидѣтелствованнымъ листомъ что будучи я в крыму отпущаю от себя при паланцѣ по милости господина гетмана ихъ Царского пресвѣтлого величества запорожских воискъ при Петре волошенине человѣка при мнѣ будучего Ромашку Григорьева до царствующаго града Москвы о чемъ покорно прошу извол ваша милость оного пропущати вездѣ безо всякаго задержания данъ вкрыму вжидовскомъ городкѣ Ноября 21-го дня 1693 году и приложена печать.

Ноября въ 24 день приѣхал вбакчисараи меретинскои земзи посланецъ самъ другъ столмачомъ. И по прилучаю того дни видевся набазаре столмачом сполуехтомъ Кучюмовымъ ему полуехту повопрошению ево сказывалъ что они присланы от Арчила Царя х крымскому хану с листомъ, а что де внемъ писано того онъ невѣдаетъ толко де чаетъ онъ что писано к хану спрошением о помощи против кизилбашцовъ потому что от них имъ меретинцомъ чинитца великая обида и разорение и ныне де когда хана вкрыму они неполучили то стѣмъ листом поѣдутъ они к нему хану и втурскую землю или гдѣ ево сыщут.

И онъ де полусхтъ ему посланцу говорилъ для чего де царь ихъ такъ дѣлаетъ что пребываетъ вподданстве у великих Государеи московскихъ а ссылку имѣетъ и помощи ищетъ себѣ у бусурмановъ;

И тотъ посланникъ говорилъ то де онъ посланецъ вѣдаетъ что царь ихъ вподданствѣ у великихъ государеи московскихъ и царица ихъ де и царевичи живутъ на Москвѣ, толко де от Москвы землѣ их меретинскои нѣтъ никакои пособи.

А какъ полусхтъ стѣмъ посланцомъ сперва сошлись и вто время притомъ ихъ сходѣ были бусурманъ Муктасивъ да два человѣка гречанъ: и он посланец въ то время имъ бусурману жъ и грѣкомъ помануль чтоб они ему вловах его непреслѣдовали, а токмо слушали и болши того врозговоры невдавалеи и імени своего ему Полусхту несказал.

И жили они вбакчисарае на своих проторяхъ, а корму ханского имъ недавано и із бакчисарая поѣхали втурскую землю Ноября въ 30 день.

Декабря 7 день былъ вжидовском городкѣ тохтамышъ гирѣя салтана (что бывал при Муратъ гирѣе хане калгою) сынъ Шагин гирѣи салтан которои имѣетъ себѣ от роду лѣтъ четырнатцать и живетъ вкрыму: блиско акъмечети вселѣ Іангурчю у талыка своего алказы имянемъ и приходилъ съ постоялого двора для погуляния квасилью, и аталыкъ ево салтанскои говорилъ что приполъ онъ Салтанъ его царскаго величества гонца посѣтить, а потомъ онъ же сказывалъ, что де дѣти ханские калга салтанъ збратьями и своиски крымскими сможарскои воины вкрымъ идутъ а ханово де величество часть исъ Бѣлаграда поидетъ къ турскому салтану въ Андріанополь и оттуду незабавяся вкрымъ будетъ вскорск и дай де Боже чтоб междо московскимъ государствомъ и крымскимъ іх юртомъ учинился миръ чего они всѣ желаютъ, и чтоб он василеи то его гусударичево посещение принялъ себѣ влюбовь а иногда ево спасливымъ приходомъ дастъ ему Богъ вскорѣ и отпускъ.

И Василеи благодаретвуя ему салтану за посѣщеніе его подчивалъ его виномъ.

Онъж салтанъ приходил квасилю и назавтрѣе рано часу напервомъ дни, і василеи за то ево посѣщение поблагодаретвовал и подчивал ево салтана и аталыска и людеи ево вином.

Декабря въ 10 день вѣдомо учинилос что крымскои посланникъ дербышъ мурза исполши отпущонъ, и от короля посланы снимъ ктурскому салтану цослы и пріѣхали в смаил.

А о селимъ гирѣе хане сказывалі что онъ по указу салтанскому от белагорода поѣхал кнему салтану в андрианопол, а ссобою взялъ толко двора своего чиновных да из знатных мурзъ і агъ нѣсколко человѣкъ да три билюка семенеи, адетеи своихъ калгу и саадетъ гирѣя иказы гирѣя

салтановъ и ближняго своего человѣка шагбулат агу и иных начальных скрымскимъ и белогородцким воискомъ отпустил подомомъ.

Декабря въ 22 день посылал василеи толмача полуехта хаимакану приказалъ ему говорить о нарочитом дворѣ кзимнему времени; а наіпаче провѣдать и разговоритца о хане и о иныхъ дѣлех что потребно кѣдомости;

И толмачъ пришед от каимакана василью сказывал, что он каимакана видѣл и о дворѣ и о иных делехъ спимъ говорил. И каимакан де ему сказывалъ что хану указал салтанъ турскои быть къ себѣ вадрианополь для полскихъ пословъ а полские де послы приняли вемалъ востеконехъ и просятъ миру токмо де имъ поляком вѣрить крѣпко сумнительно, потому что они эски велезина то есть старые шалбери; и ныне де чаят они присланы не для подлинного миру: но токмо де чтоб имъ задержать воиска наши нынешнюю зиму для того что де белогородцкие татары ходятъ книмъ и добываютца и зимою и услышимъ де вред что от них обявитца, и тѣх де пословъ велено припроводить изысмаіла вадрианопол, и послать книмъ для того от хана абдраманъ ага; и чтобъ онъ невелпкое время подождалъ, потому что де салтаны калга и іные своиски вкрымъ идутъ и ханскои ближнеи человѣкъ шахбулат ага ѣдетъж и будет вкрымъ скоро, а когда приѣдутъ: тогда он каимаканъ сшахбулатом агою поговоритъ и порадѣетъ и об отпуске сво васильеве, и тогда де и дворъ будетъ ему не надобен.

И калга салтанъ вакъмечетъ вжилище свое приѣхалъ Генваря въ 1-и день,

а братья его саадетъ гирѣи и казы гирѣи салтаны і ближнеи человѣкъ шахбулатъ ага вбакчисараи приѣхали Генваря въ 12 день. А замѣшкалпс в очакове зарекою Днепромъ что он еще льдомъ не укрепился, и которые татаровя хотѣлі переѣхать подду и их потонуло человѣкъ сполтораста да коней стриста и болши,

Генваря въ 16 день посылалъ василеи толмача полуехта хаимакану увѣдомитца любо приѣздомъ салтановъ и ближняго человѣка что обявилося, и чтоб он каимаканъ поволил ему василью ссобою видетис,

И толмачъ от каимакана пришед василью сказывал что каимакан ему говорил, что де онъ салтанов дѣтеи ханскихъ калгу и братьевъ сво и ближняго человѣка шахбулат агу видал: токмо об немъ Царского величества гонцѣ ханского указу и никаких слов от нихъ неслыхал, і чтоб де онъ василеи послалъ от себя кближнему человѣку спросить о здоровье и он бы ближнеи человѣкъ иногда что и скажетъ или велитъ и самому ему василью ссобою видѣтися а онъ де каимаканъ кханову величеству об немъ Царского величества гонцѣ писал статарином рахметелемъ имепем і то писмо пошло кхану вадрианопол а ближняго человѣка незастало для того

что он шахбулат ага от хана уж былъ отпущон и былъ вакъкермени и ожидаетъ он каимаканъ на то свое писмо отповеді от хана вскорыхъ днях а чтоб ему каимакану сним васильемъ видетис и ныне де при ближном человѣке ему Василію ѣхать кнему каимакану мимо ево подозрѣнно, а будетъ де и ближнеи человѣкъ велитъ ему василью ссобою видетис, и онъ бы василеи о том что онъ снимъ каимаканом видѣлся и о чем разговоръ имѣлъ и что онъ каимаканъ писалъ от себя Царского величества к подданному гетману спосланцомъ ево, ему ближнему человѣку довремени не сказывалъ: для того что онъ каимаканъ хотя снимъ шахбулатомъ и видѣлся, однако онъ отомъ еще ничего неговаривалъ.

И Генваря въ 17 день по тѣмъ ево каимакановымъ словамъ к ближнему человѣку шахбулату агѣ василеи толмача полуехта посылалъ приказавъ ему спросить о здоровье и обявить о присланных кнему василью великихъ Государеи іхъ Царского величества грамотахъ и чтоб онъ поволил ему василью ссобою видетис.

И толмачъ Полуехтъ пришед от него ближняго человѣка сказывал что ближнеи человѣкъ правомъ и поступкомъ и дѣлностью своею оказался истиннымъ подобиемъ таковъ же, каков былъ спервых днеи везирства своего толко что спросил о здорове. И чтоб имъ василью и прочимъ хотя они вкрыму живучи имѣютъ и нужду непечалитися, а чтоб ему съ васильемъ видетис и о дѣлех поговорить і то он шагбулат ага отложил до ханского вкрымъ приходу а потомъ сказал какъ де онъ шахбулат приѣхал извоеннои тяжести поотдохнетъ и онъ де чаять велить і ему Василію с собою видетис, и для того кнему василью кого ниесть от себя пришлетъ.

Генваря въ 23 день посылал василеи толмача полуехта въ Яшловъ ккемалу мурзѣ Сулешеву приказавъ ему провѣдать о хане гдѣ онъ обретаетца и розговоритца о воинском поведеніи, и для чего ближнеи ханскои человѣкъ приѣхал вкрымъ анеприхане, также и о полскихъ послѣхъ, потому что онъ кемел ввенграх сханом былъ и приѣхал свѣжо.

И толмачъ полуехтъ приѣхав оттуду василью сказывал что он кемала мурзу да и розмѣнного Аштемиръ бѣя видал и сними говорил, и онпде ему полуехту сказали что ханово величество водрпанополи, поѣхал туды посалтанскому указу турского для полскихъ пословъ і что тамъ учинится о том они вкрымъ ожидают скорои вѣдомости.

ашах булат де ага приѣхалъ вкрымъ для того что онъ провожалъ крымского юрта санджакъ потому что когда ханъ санджакъ отсебя вкрымъ отпустилъ и безнего хана при томъ санджаке кромѣ ближняго ево ханского человѣка быть нѣкому потому что салтаны калга и братья ево своиски своими ходили для добычи на эрдельских венгеръ особо и онъ кемал мурза былъ при калгѣ салтане. Ишли оттуду вкрымъ инымъ путемъ, истѣхъ де венгеръ привез онъ Кемал мурза ясырю себѣ осмъ душъ, а розбивали де

и добывалис орды ихъ (имѣя себѣ визиря турского, и ханское позволение) венграми турецкою ратию тѣми которые живутъ близко белиграда веслехъ і въ деревняхъ вверхъ дунаю, а цесарскими вонеки небютца, и белуграду нивчемъ непомогают.

а исполни де поѣхалі вадріанопол великие послы пехотного строю генерал стоварищи которые имѣютъ у себя корѣты и восмъ великихъ полубовъ і конеи состо і болши. И слышали де они подлинно что имъ полякомъ стурскимъ салтаном и скрымскимъ их ханомъ учинит мир и чтоб имъ поддашныхъ своих: то есть малороссіскои краи от московского государства подсебя подбить попрежнему, и для того крымские и белогороцкие орды быліб имъ поляком помощию, и потому де правда ихъ бусурманская пред христианы объявляетца что москва и полша иерть синми наруша-ютъ а ныне де они сами у нихъ татаръ миру просятъ, и что де учинитца впредь отомъ Богъ вѣсть.

оттѣхъ же де пословъ полских (онъ Кемалъ сказывалъ) въ Кіліи отсталъ и пріѣхал вкрымъ схапскимъ сыном сказы гирѣемъ салтаном; слуга пана синявского для покупки каѣтанов и бурокъ (чекменеи и епанечъ) черкѣских и иных крымскихъ вещеи что ему надобно, потому что казы гирѣи салтан живучи ваккермене синимъ синявскимъ имѣетъ дружбу і пересылки междо ими тамъ бываютъ непрестанные.

И после онъ василеи отомъ поляке провѣдал подлинно прозваниемъ называетца он мосци Бротцкіи а синявскои староста львовскіи живетъ вместечку своемъ именуемомъ брежанах и послал ево хказы гирѣю салтану сподарками; а подарковъ: часы столовые взолотомъ корпосс, сукна кармазину доброво четыре портища, да отласов и камокъ почетырех портища того ради, что он синявскои королю польскому есть противныи, и когда белогороцкие орды ходятъ вполшу, тогда при королевскихъ маетностях разоряютъ и плениютъ и ево синявского маетности, и чтоб онъ салтанъ самъ такъ нечинилъ и ордамъ заказ учинил чтоб впредъ маетности ево обходили гдѣ тот мосци бротцкіі, будучи нѣкогда у него салтана по-приказу пана своего политично яко-бы вжартах обявлялъ ему чтобъ тот подарокъ принялъ себѣ онъ влюбовь, а для лутчего пріятства желаетъ он синявскои синимъ казыгирѣем салтаномъ видетес и привитать его самъ на самъ когда дастъ Богъ ввоенномъ поле.

а посталленъ он мосци бротцои былъ вбакчисарае вармянскои слободѣ людеи синимъ было четире человѣка.

И кормъ ему съ людми поденои то есть хлѣбъ и мясо, водка и шарапъ і все что потребно и конемъ ихъ ячмень и сѣно давано здоволством.

И отпущои он въ свою сторону избакчисарая февраля въ 28-м числѣ.

а подарковъ от казы гирея салтана кнему синявскому противъ при-

сылки ево съ тѣмъ мости бродскимъ послано: конь со всѣмъ уборомъ, саадакъ да бурка (епанча) и платье черкѣское,

а неволников своеи земли никово на окупъ нипарозмѣну неуволнялъ, ни отарханех у салтана непросил и которые тарханы кнему вовремя бытия ево въ бахчисараѣ также и подчасъ выѣзду ево приходилі и копеи своих имѣли и о уволненіи своемъ ево просили и онъ имъ толко отговаривался тѣмъ что ему того чево неприказано собою дѣлать невозможно;

А полские де великие послы которые поѣхали ктурскому салтану (сказывал тот полякъ) панъ ревускиі староста хелмскиі стоварищи, и подлинно де он мосци бротцкіи вѣдаетъ что мир уних стурки и статары нынѣ неучинитца.

Онъже мосци бронкіи сѣтовалъ крѣпко отом какъ бы ему до пана синявскаго доѣхать вцѣлости неоттатар пооткоролевских людеи потому что де он посланъ тайно и есть ли де онъ впадет вруки ихъ то онъ конечно себѣ живъ быть ненадѣетца;

Марта въ 1 день вбахчисараи приѣхал от хана чюгодаръ которои посыланъ кхану от ханеі ево и сказывалъ что селимъ гирѣи ханъ изадреянополя оттурского салтана вкрымъ отпущои, и онъ чюгодар ѣхалъ принемъ хане четыре дни и ханъ де ево послалъ вкрымъ напред себя свѣдомостью тому посне марта 1 число осмнатцать днеи,

он же сказывал что полские послы изадрианополя отпущены и поѣхали прежде ханского выходу за три дни, а миру стурскимъ салтаном и сханом неучинили для того что миру хотятъ и каменца и иныхъ завоеваных своихъ мѣстъ себѣ просятъ также застороны союзниковъ своихъ тоесть, великихъ государеи московскихъ и цесарскаго величества римского чтоб втомъ же миру быть говорят аказны имъ вкрымъ давать нехотятъ.

И Марта въ 3 день василеи посылалъ толмача полуехта хкаимакану приказавъ ему отомъ провѣдать поподлиннѣе.

И каимакан ему полуехту сказывалъ что де селимъ гирѣи ханъ вкрымъ идетъ подлинно и чаятъ де что уж пришол онъ вакъкерменъ а Царского де величества о гонцѣ обнемъ василье отево ханова величества кнему каимакану противъ листа ево писано что учинено будетъ обнемъ что доведетца втовремя какъ он ханъ будетъ вкрыму,

А полские де послы оттурского салтана отпущены а миру стурки и скрымом неучинили потому что такие уних запросы великие чего турки и крымскои юртъ вовѣки неуступят и неучинять и къ миру уних поляковъ нѣтъ никаково приступу. А де напред сего еще сприѣзду ихъ познал очемъ и снимъ толмачом нѣкогда говорил, что они поляки древние шалбери и правды и добра от них никогда небудетъ, иныне де тѣ послы остановилис сами невѣдомо для какова дѣла вакъкермене и дожидаются ханова величества, а тѣмъ посолствомъ своимъ у нихъ бусурманъ зипунъ поте-

ряли, потому что вовремя приѣзду и бытия ихъ вадрианополи чая от них добра от хана белогороцкои ордѣ чтоб они воиною и на безбаши вполшу неходили было заказано; а москве де от нихъ учинилося небезубытку, потому что белогороцкие ихъ кочевые ногаицы без добычи на одномъ мѣсте сидѣть необыкли, і урмаметъ мурза згетманчиком Петрушкою и сними наганцовъ тысечи счетыре ходіли подперепсловъ івозвратилие оттуду снемалою добычью. И чаятъ де покое время тѣ полские послы ваккермене побудут, белогороцкие орды вполшу ударятьсяже,

Марта въ 13 день вѣдомость пришла что хан пришол впереконъ въ 11-м числѣ и нестояв тамъ кночи пришол всело абламъ которое обрѣтаетца закаменнымъ мостомъ от перекопи въ пятидесяти верстах.

Марта въ 14 день виделся свасилемъ ѣдучи збазару ханскои купчина Исакъ Челибѣи і сказал что присланъ отхана здороги татарии чтоб онъ Ісакъ изготовилъ ему хану того дня квечеру что ему хану въ сараи его потребно и спалную шапку потому что де кночи конечно онъ ханъ вбакчисараи придетъ,

Онъж Исакъ сказывал о полскихъ послѣх, что остановилис де было они дожидатца хана ваккермени и імѣли говорить до него хана нѣкакое слово. И ханъ де увѣдавъ отомъ ихъ намерение приказал абдраману агѣ которыи у нихъ пословъ былъ въ приставехъ изакъкерменя выслать прежде своего туды приходу и сказать: когда они того очемъ ныне хотят ему говорить необіавили вадрианополи когда онъ ханъ былъ при салтанове величествѣ іуних де уланчѣевъ и ныне слушать нѣчего потому что запросы свои обіавляютъ великие да еще изапосторонние то есть за московское и за цесарское государства говорятъ, аниоткоторого государства соизволения нато и листовъ у себя неімѣют и замосковскую де сторону говорить что имъ полякамъ пристало потому что Росніские Государи великие и сильные и самодержавные и что изволятъ чинить миръ лискѣмъ или воину отом нискоторыми Государствы неспрашиваютца;

Что подтвержая после того о полскихъ послѣх василею самому, такъже и толмачю і людем васильевымъ посылаему набазар, и бусурмане которые были сханомъ сказывали подлинно; и абдраман де ага которои у них пословъ был приставомъ провожал ихъ пословъ достолицы волоскои доясъ;

И Гаджи Селимъ Гирѣи ханъ вбакчисараи пришол тогож числа втретемъ часу ночи, а вовреміа входу ево стрелбы небыло;

А дѣти ево ханские и каимакаи и ближнеи ево человѣкъ встречали ево хана на Алмѣ реке от бакчисарая толко верстахъ вдесяти незболшимъ.

И Марта въ 16 день василеи посылал толмача полуехта кучюмова канкериму эфенди, и къ ближнему человѣку кшахбулату агѣ споздравлениемъ ханского приходу,

И анъкеримъ эфенди василью благодарствуя говорилъ ему толмачу

что он посвоему слову какъ преж сего ему василью говорилъ одобрых между Государствы дѣлех поботнуске сво васильеве всячески радѣть будетъ, токмо де добробы и то когдаб смосквы была книмъ въ Крымъ какая вѣдомость или присылка написма которые згетманскимъ посланцомъ искрыму посланы

А ближнеи человѣкъ потомуж затоѣ присылку поблагодаривъ и сказалъ что часть де (когда уж ханово величество пришол) онъ ага когда имеетъ снимъ васильемъ увидитца и очемъ надобно переговоритъ и чтобъ подождать анепечалитца ачтоденаперед сего он василеи киему шахбулату агѣ снимъ толмачом приказывалъ. Что имѣетъ он у себя Царского величества грамоту, потонде Царского величества грамоте ему вѣдомо, и чаять де потои грамоте говорить ему снимъ тѣ слова что и прошлого году видевся он снимъ шахбулатомъ василеи говорилъ;

Марта въ 25 день вбакчисараи пріѣхал изадрианополя наскоро оттурского везиря слистом кхану турчанинъ чтоб гаджи селимъ гирѣи ханъ памятуя ксебѣ сво везирскую дружбу что онъ отпущалъ его на крымское хомество причинился салтанову величеству турскому занего чтоб не преданъ онъ везиръ былъ смерти. Потому что он по сво салтанскому указу взятъ и посаженъ набашню и приговоренъ смертнои казни зато что он вовремя цесарскихъ воискъ приступу кбелиграду своискомъ турскимъ иол мешкотно. И тою сво мешкотою Белуграду учинилос отцесарскихъ воискъ великое разворение что мало невзятъ и чтоб тою сво хаискою причиною от смертнои казни он везир былъ свобожденъ а турскои де салтанъ прошения сво ханского послушаетъ, потому что у турков онъ ханъ (для древнихъ сво лѣтъ і вносных дѣлех искуства и что был у магметева гроба, ходилъ до Магометевы ксабѣ) имѣетца ввеликомъ почитании;

А казнадарде баша, и янычерскои ага турские втомъ же дѣле уже и казнены то есть вервомъ удавлены,

И ханъ ктурскому салтану о заступлении везирскомъ писалъ и стѣмъ листомъ послал от себя чюгодара своего которои чюгодар стѣмъ присланъным турчанином отправленъ и поѣхалъ избакчисарая марта въ 27-м числѣ.

Марта въ 28 день вбакчисараи пріѣхали калмыцкие послы: о своих улусных дѣлех і пригнан за ними конскои табунъ напродажу тысеч здватцать и болши которые отаюки тапши выѣхали прошлого году и зимовали стѣмъ табуномъ вчеркасех за азовомъ.

Марта въ 30 день ханъ выходилъ въ диванъ и была дума потому что калга и нурадынъ салтаны такъж бѣи и карачѣи вто время были вбакчисарае всѣ въ съѣзде,

И апрѣля въ 1 день истои думы учинилос вѣдомо что хкалмыкомъ назначены, для осторожности улусовъ ихъ калмыцкихъ от московскихъ

воискъ а именно от донскихъ казаковъ, знатные мурзы четыре человѣка, каптемир мурза карабѣевъ сынъ мансуровъ, Батырча мурза аргынской, дакатырча мурза уктемиръ бѣевъ сынъ Ширинской дасыдживуцкой мурза, статарскими і черкесскими воиски, для того что калмыцкой аюкатанна (говорили) издохъ и между ими калмыки невосталоб каково смятения. Потому что смоквы была де ким присылка нѣкакая;

И апрѣля въ 25 день вѣдомо учинилос из акъкермени что от турского салтана плетца счаушном вкрым для венгерские воины салтанская казна;

И та салтанская казна привезена весло алмакермень до бакчисарая верстъ за осмъ мая въ 1 день.

От Салтана присланъ стою казною чиновной человѣкъ эмир горь то есть конюшей і под везиремъ имѣетца третей человѣкъ и приемъ ему (сказали) будетъ въ Бакчисараѣ Мая въ 2 день.

У василеи того дни посылалъ приему и приѣзду ево присмотритіся толмача полуехта кучюмова да гречанина Дмитреи николаева.

И прием того турского эмиргоря был сицев:

1 утра часу напервомъ дни послан киему эмиргорю ссарачем ханской конь убран потурски срахтом издендыком;

2 помѣшкав часа здва, выѣхали из бакчисарая навстрѣчю ему ханскіе билюкъ баши всѣх семменских билюков

3 после них выѣхали ближней ханской человѣкъ да казнадаръ баша, и дожидалис ево эмиргора съ Альмы от бакчисарая верстъ против кудеяровы могилы;

4 выведено пѣших семменеи спицалми и стояли у самого вбакчисараи въѣзду пообе стороны дороги.

И какъ тотъ эмиргорь ближнимъ человѣкомъ и казнадаром башою принятъ,

І вбакчисараи напереd ѣхали семменские прежде помянутые билюкъ баши по два человѣка вряд.

За билюкъ башами везли турчане водин рядъ кафтанъ дасаблю каотан залотной холоднои завернутъ вбѣлои таютъ справую сторону а сабля обернута алымъ отласомъ толко видетъ было черенъ скаменемъ, слѣвую сторону, а спими поправую руку ѣхал казнадар баша;

А закаѳтаном і засаблею везен салтанскои кхану листъ вкрасномъ отласе,

А залистомъ ѣхал турчанин самъ эмиргорь вкаотане соболе подвишневымъ отласом, всарыке и присабле

От него поправую сторону ѣхал ханскои ближней человѣкъ Шахбулатъ ага.

А заними турки и татарове которые выѣзжали навстрѣчю тому турчанину збликним человѣком пеказнадаром.

А затѣми турки и татары везли турскую казну на трех арбахъ;

А от встрѣчного мѣста по обе стороны дороги стою совсѣю ѣздою или и іеницали стреляли семени.

А для станцыи изготовлена ему эмиргорю была ода на ханскомъ дворѣ;

И какъ онъ эмиргорь наханском двор вьзѣхал и сонедъ скоя попол вханскую одару уготованную ему тогда семени поздравляя турского салтана и хана и выналив изовсѣх пищален разошлис каждо восвояси,

Казны стѣмъ эмиргоремъ вкрым прислано сорокъ семь тысячь семь сотъ червонных золотыхъ турских авних левками цитая левокъ по 225 денегъ татарскихъ будетъ 107.325 левков;

И істого числа семенскимъ началнымъ людемъ и семенемъ роздано 60.000 левков; дача семенская была по сорокъ левковъ на человѣка

А осталные 47.325 левков роздано наханском дворъ и каныкуломъ;

У васплеп кближнему человѣку и к анкерим эфенди такъж и к розмѣнному бѣю когда он прилучитна на базаре, посылал многажды толмача полуехта наказывая ему накрѣпко кближнему человѣку толко о томъ чтоб онъ велѣл васплю ссобою видетис да смуж говорить оподсином корму хотя сво даютъ имало однакожбы приказал он давать без убавки потому что таничѣи сминъ и муктасынъ даютъ хлѣб и мясо снемалою убавкою и то съ непрестанною лаею и безчестиемъ а иногда і пичего недадутъ да еще и похваляютца впред что де по ханском изъ Крыму выходѣ и того де давать небудут.

Анкериму эфенди чтоб по словамъ своимъ, что внебытпе вкрыму ханское когда прпсылал ихъ Царского величества от подданного воискъ запорожскихъ гетмана посланецъ Истръ волошанинъ, и он анкеримъ будучи каймаканом при отпуске сво говорил васплю что отпустя сво посланца, будетъ ждать хана, а когда ханъ вкрымъ будетъ тогда он будетъ промышлять о добрых междо государствы дѣлех и об отпуске сво васпльсве и томуб любителному своему обещанию доволство учинил, и ханову величеству о тѣхъ дѣлех о чемъ по указу великихъ Государеи и поприсланым кнему васплю Ихъ Царского величества грамотам он васплеп ему каймакану предлагалъ, доложил и от ханского намѣрения на тѣ сво предложения подлинную отповедь учинил ему васплю, опъ анкеримъ эфенди потому что какъ ханово величество вкрымъ пришол, и он васплеп посылая кближнему человѣку кнахбулатъ агѣ многажды нетокмо что неполучилъ никакова кдѣлам приступу: но недомогся и того чтоб онъ ага велѣлъ ему ссобою і видетися;

а кромѣнному бѣю (по свож бѣсве засылке) чтоб и он междо государстны о добрых дѣлех радѣние свое приложил, и чтоб от хана послан былъ снимъ васплем къ Москвѣ посол. И естьлиб сво радѣнпемъ доброс и на обе стороны потребное мирное дѣло тою посолскою пересылкою учи-

нилос тогдаб и ему бѣю было небез прибыли, да і отомъ василеи велѣл ему бѣю для вѣдома говорить что къ ближнему человѣку онъ василеи посылал многажды чтоб он велѣлъ ему ссобою видетис и онъ ближнеи человѣкъ видетис ссобою недаетъ невѣдомо для чего, а что по указу великихъ Государеи по присланнымъ къ нему ихъ Царского величества грамотамъ говорил он василеи внебытие ханское вкрыму каимакану анкериму эоенди и он анкеримъ хотѣл дождався хана учинить ему василью подлинную отповедь і отнего анкерима потомуж нѣтъ никакова слова. И что он анкеримъ во время присылки іхъ Царского величества от подданного гетмана посланца снимъ васильемъ говорил і онъ василеи отомъ квеликимъ Государемъ а онъ анкеримъ кнему гетману писали итот гетманскои посылщикъ въ сторону Царского величества доѣхал ли и великимъ Государемъ их Царскому величеству о том извѣстно ли или нѣтъ, то Богъ вѣсть и ныне надобно бъ было чтобъ із них кому инесть ближнему человѣку, или ему бѣю когда онъ бѣи кделам московскои стороны имѣетъ присвоение об немъ василье припомнить и доложит ханову величеству и учинить подлинную отповедь при ево ханове величествѣ покое время онъ изъ крыму наможары на воину непошол.

И против тѣх посылок отповеди; ближнеи человѣкъ, что де он гонецъ спешит ведь де ханъ об немъ вѣдает і онъ ближнеи человѣкъ незабылъ и когда будетъ время тогда и без его гонецкои присылки он шахбулатъ понего василя пришлетъ и очемъ надобно переговорит и какои указъ ханова величества об немъ будет то учинитца во един день, а ныне де ему сним василем видетис недлячего, а кормъ де указныи таничѣямъ еминю и мухтасину он дават велит.

А анкеримъ аоенден сперва говорилъ что ищетъ он времени когда хану доложить со всякимъ радѣниемъ потому что без хана пересылку з гетманом онъ чинил онъж и об отпуске ево василеве окончение учинить подшитца. А потом до выходу ханского днеи за десят сказал что он хана докладывал при многих людех чтоб ево василья со всѣми будучими при немъ людми отпустит. И хан де выслушав у него того докладу против того ничего не сказал. И что де он будучи каимаканом писалъ кгетману спосланцом ево гетманскимъ того де вдѣло непоставлено, потому что слышно де вкрыму что руские воиска идут накрымъ, и буде воиска и небудут однакож ожидают они смосквы присылки,

а розмѣннои Аштемиръ бѣи сказал чтобъ онъ василеи отпуску ис крыму себѣ недожидался, разведе смосквы будетъ кхану какаи присылка, і вто де время іногда что переменитца.

І прежде помянутои турского салтана эмиргорь от хана отправленъ и ізбакчисарая поѣхалъ на козловъ июня въ 4-м числѣ аискозлова поѣдет до станбула кораблемъ;

а Селимъ гирѣи хан наможарскую войну ізбакчисарая вышел июня въ 11 день.

Вперекопъ пришол июня въ 20 день.

Перекопи пошол июня въ 22 день.

А какъ онъ ханъ былъ вперекопи тогда пріѣхал кнему хану калмычининъ аманомъ зовутъ Мазановъ сынъ (которои у него Селимъ гирѣи хана бывал въ неволе и научен побусурмански читат и писать и свобожен без розмѣны и без откупу за что он аманъ же хану заслуживал чинит о московских поведенних всякие вѣдомости) снемалымъ товариством и привел ссобою для можарскои воины виодарках хану тритцать, а калгѣ пятнатцат копеи добрых дапсамъ поидетъ сханом же.

Іюня съ 13-го числа вѣдомость почала быть, что крымскои гонецъ карамагметъ смосквы отпущенъ и обрѣтаетца задержанъ всѣче запорожскои да снимъ же де карамагметемъ есть и толмач московскои.

Июля въ 1 день посылан от василя набазар для провѣдыванья вестеи гречанин Дмитреи Николаевъ потому что онъ кромѣ природного своего греческаго рѣчения знаетъ нарочито турекои татарскои і волосскои языки и принед василю сказывал что он московского толмача видел набазаре и снимъ говорил. Пріѣхал он того дни ссалтаном сыном ханскимъ и сказнадаром башею и тогде толмачъ ему Дмитрею сказывалъ что он смосквы посланъ вкрымъ скарамагметемъ гонцомъ. Да снимиж отпущои и ибраим мулла и уѣхал у них напредъ еще от Диспра подгородками турецкими домои, а карамагмет де поѣхал неперекоп кхану.

И тогож дни после сво Дмитреи пріѣзжал квасилю Ибраимъ мулла свѣдомостью что де крымскои ихъ гонецъ смосквы и он мулла иссѣвскои тюрмы отпущены. Да снимиж пріѣхал зграмотами, великихъ Государеи и съих Царского величества жаловалемъ московскои толмачъ; но отперекопи караматметъ и тот толмачъ поѣхали поочаковскои дороге кхану и чтоб василеи даровал сво затакие добрые вѣдомости муштулукомъ.

І василеи затѣ вѣдомости поблагодарив говорил ему что онъ ибраимъ имѣетъ отнего василья доброи муштулукъ, ипутче всяких вестеи, потому что по его василеву квеликимъ Государемъ доношению пожалован онъ мулла вмѣсто смерти животом а вмѣсто погибели уволнением.

И он ибраимъ болши того муштулука непросил и поѣхал от василия свеликимъ благодаретвованиемъ.

Іюля въ 2 день после полудня пріѣзжал квасилю ханскои семенскои билюкъ баша шаганъ а сним пріѣхал Государственного посолского приказу толмач Іванъ Никитинъ, и тот билюкъ баша василю говорил прислалъ де сво шагана кнему василью ханова величества казнадар баша мердень али ага и снимъ прислалъ московского толмача которои пріѣхалъ смосквы вкрымъ згонцомъ ихъ крымскимъ скараМагметемъ агою и ска-

зываетъ у себя кнему Василю писма. і онъ бы василеи тѣ писма у него принявъ ему Шагану обявил, великихъ Государеи грамота къ хану есть-ли такъ же и кнему посланному их Царского величества указъ какои прислать-ли а он то ево васильево объявленіе донесетъ казнадару.

І василеи утолмача писма принял и осмотря ему билюкъ баше сказал что от великих Государеи от их Царского величества келим гирѣеву ханову величеству грамота есть и кнему василью ихъ Царского величества грамота прислапаж а что втои их Государскои грамоте кнему писано отом онъ Василеи ханова величества ближнимъ людемъ кому пристоино обявитъ.

И билюкъ баша говорил, чтоб он василеи для объявления тѣх дѣлъ очемъ кнему въ их Царского величества грамоте писано пріѣхан казнадар башѣ утре іюля въ 3 день рано потому что де онъ казнадар пріѣхал отхана вчераншего дни и чаятъ какои иесть ханскои и указ обнемъ василе имѣетъ,

А толмачъ Іванъ Никитин подопросу Василю сказал, что де всѣче запорожскои задержаны они скрымскимъ гонцомъ жили шестьдесит дней, и отпущены іюня въ 26 день, а вказыкермень пріѣхали іюня въ 27 день вперекопъ въ 28 день и крымском де гонецъ карамагметъ ходил кперекопскому каимакану один аево Івана ссобою не імал и припедъ отнего каимакана ему говорил чтоб он толмачъ отдал ему карамагметю великих Государеи кхану писанную грамоту потому что он Магметъ ѣдетъ къ хану вдорогу втѣ мѣста гдѣ он ныне своискомъ обрѣтаетца а он де Іванъ грамоты Великихъ Государей ему карамагметю неотдал, а сказал ему что тои великих Государеи грамоты не такмо ему магметю, но и никому кромѣ их Царского величества гонца василья Айтемирева вкрыму отдават не указано и карамагмет де хотѣл тоѣ Государскую грамоту у него отнить насиліемъ и говорил что такъ де и творитца, потому что когда де и онъ карамагмет кмоскве ѣхал и у него ханскои листъ посланнои квеликим Государемъ взятъ вдороге и онъ де Іванъ попол было снимъ карамагметем прото сво карамагметево насиліе пожаловаться и освидѣтелствовать перекопскому каимакану вгородокъ і втоде время сстепи въѣхали вперекопъ ханскои сынъ Каплацъ Гирси салтанъ которои возрастомъ лѣтъ двѣнадцать а снимъ казнадаръ баша да втож время выѣхал востретение тому салтану изгородка и перекопскои каимаканъ и карамагмет де и он Іванъ книмже подступил и казнадар баша велѣл карамагметю и ему толмачю ѣхать ссобою, и пріѣхав стали вниметах пахапскомъ лугу верстах вдвухъ отперекопи, и распрашивали карамагметя многое время, а потом и сво толмача спрашивали же счѣмъ и хкому он посланъ, и онъ де толмачъ имъ сказал что посланъ он смосквы скрымскимъ гонцомъ магметем и съ ібраимом муллою и імѣетъ у себя и писма, посланные къ их Царского вели-

чества посланному гонцу квасилю антемиреву а грамота великихъ Государеи кхану есть ли или нѣт того он толмач невѣдаетъ и кромѣ рукъ того их Царского величества гонца тѣх писемъ ему толмачю отнодь никому отдавать неуказано, і казнадар дебанка выслушав тѣ его толмаческие слова велѣлъ карамагметю тогожъ часа ѣхать наскоро кхану и сказал что де ему до московскаго толмача и до писемъ дѣла нѣтъ, а хана де они оставили ханскои сынъ и казнадар наурочище конкуюлар то есть многіе колодези, и карамагметъ де того часа кхану и поѣхал и даны ему для того подводы, а ему де толмачю велѣл онъ казнадар надобнѣишие писма держать при себѣ а сумки ево вкоторых была московская посылка и всякие ево дорожные дребязги велѣл посложит всвою телѣгу и тоѣ телѣгу замкнул самъ при себѣ і приказал того беречь накрѣпко людемъ своимъ и ему толмачю ѣхать при себѣ да емуж толмачю велѣлъ давать добакчисарая и подводы а ево толмаческие лошади оставил вперекопи и кормил ево толмача ссобою, а вбакчисаран пріѣхали они іюля въ 1 день. Авозы салтанские и казнадарские пришли іюля въ 2 день. И он де казнадар ево толмача кнему василью и прислалъ;

тогож числа ввечеру пріѣзжал квасплю откаймакана анкерима эфенде язычей музооер мулла испрашивал великих Государеи кхану о грамоте и ему язычѣю смосквы о присылке сказано тож что и выше писанному билюку баніѣ і спрашивал василеи у него муллы каймакан отхана вбакчисараи пріѣхал ли и язычеи говорилъ, что де каймаканъ въ Бакчасараи пріѣхалъ вчераншего дни и о пріѣзде того смосквы толмача увѣдавъ что он вбакчисарае прислал кнему василью и велѣл ему говорить, будетъ де есть какие слова по обявленію ему каймакану из Государскои грамоты о их Царского величества дѣлѣх, и он бы Василеи ему язычѣю теперс сказал, а он тѣ слова запишетъ для извѣстия хапову величеству, потому что есть де къ ево ханову величеству отъ каймакана скорая посылка;

І василеи говорилъ о чемъ вграмоте великих Государей кнему василью писано отомъ он обявитъ каймакану самому, а теперс ему язычѣю ничего ему сказать невозможно потому что та великихъ Государеи грамота (для дорожнаго охранения и их бусурманских правов что, они обыкли прежде времени писемъ пересматривать чего он язычеи и теперс домогастца) писала тайнымъ писмомъ і вскоре прочесть ему отнодь сѣ нѣмочно, а сверхъ того хотяб он тоѣ Государскую грамоту и прочелъ и ему язычѣю описаном въ нем невидѣвся скамаканом что и обявилъ то уж после того увидевся снимъ каймаканом что ему говорить имѣетъ, а то он василеи тоѣ их Государскую грамоту перепишетъ и очемъ вписи писано ему каймакану обьявитъ утре гдѣ он ксебѣ быть велитъ;

И язычѣй василью говорилъ чтобъ он для тѣхъ дѣлъ пріѣхал утре

рано хказнадару агѣ и безприсылки, а каймаканъ де будетъ тамже у казнадара.

И іюля въ 3 день василеи хказнадару вбакчисараи ѣздилъ и пріѣхавъ киему дожидался выходу его во одѣ часа стри; а какъ он казнадар вооду вошол тогда пообыкновенію своему привѣтствуя велѣл василью сидѣть и говорил,

от великих Государеи от их Царского величества счѣмъ киему василью толмачъ присланъ.

І василеи говорил, что присланъ тотъ толмачъ поуказу великихъ Государеи съ Москвы въ Крымъ киему василью и есть симъ их великих Государеи кханову величеству грамота да и киему Царского величества гонцу ихъ Царского величества грамота присланнажъ вкоторои писано. Велено ему василью тоѣ их Царского величества кхану писанную грамоту у того толмача принявъ вручить самому ево ханову величеству и приотданіі тои их Царского величества грамоты ево ханову величеству о подвыненіи ево нахаистве велено от них великихъ Государеи ево поздравит

И казнадар бана говорил, что де вѣдает онъ василеи что хановоо величество некрыму пошол своискомъ наможары и грамоты великихъ Государеи подать ему нѣкому, и чтоб онъ ему казнадару обявилъ отъ великихъ Государеи вграмоте кханову величеству о чемъ писано такъже ему василью сверхъ тои кханову величеству писанной грамоты о какихъ дѣлех их Царского величества указ есть ли и о чемъ говорить указано;

І василеи говорил, великихъ Государеи их Царского величества вграмоте кханову величеству очемъ писано, того онъ василеи подлинно неиѣдаетъ, токмо применяясь ктои их Царского величества грамоте которая писана киему часть он василеи что от их Царского величества кханову величеству писано о добрых и мирныхъ дѣлехъ потому что велено ему василю ханова величества ближнимъ людемъ говорит опрежде начатыхъ дѣлех что киимъ великимъ Государемъ къ ихъ Царскому величеству писалъ саадетъ гирѣи ханъ згонцом своимъ смагметъ агою, что он ханъ пожеланию всего крымского юрта збѣими и свеликими и меншими карачѣими и спородными людми придумал сними великими Государи быти вмиру і вокое попрежнему і естьлі они великие Государи изволятъ прислать вкрымъ пословъ своихъ, то скрымскои стороны та рѣчь перемѣнна небудетъ, такъж и салтанова величества турского за сторону всѣ дѣла и слова онъ саадетъ гирѣиханъ принималъ на себи і великие Государи наши ихъ Царское величество потому крымского юрта желанию і присылие, ссалтаномъ турскимъ и скрымским юртом, вмиру быть изволяютъ же и обоих сторон людямъ тишины и покои желаютъ и того ради от нихъ великих Государеи он гонецъ съих Царского величества грамотою и присланъ токмо он стою их Царского величества грамотою пріѣхал вкрым нексаадетъ гирѣю от

котораго учинилас кмоскве посылка по ксаѳатъ гирѣю хану ну ближнихъ людеи на розговорехъ былъ и назначенъ былъ книмъ великимъ Государемъ впослех мубарекша мурза Сулешевъ и припроваженъ онъ василеи стѣмъ мубарекшою для отпуску кнему Саѳатъ гирѣю былъ кперекопи токмо приѣздомъ вто самое время вора и измѣнника петрушки стоварыщи та кмоскве посылка и пременениемъ тѣх ханов то доброзачатое дѣло пресѣклося и он василеи збудучими снимъ людми вкрыму задержанъ, а какъ учинился накрымскомъ юрте нынешнеи гаджи селимъ гирѣи ханомъ аближнимъ у него человѣкомъ шах булат ага і он шах булатъ впрошломъ въ 201 году толко виделся снимъ здвожды и о какихъ междо Государствы добрых дѣлех по указу великих Государеи своихъ он василеи ему шагбулату агѣ предлагалъ о томъ он толко что слышал а ханову величеству о тѣхъ дѣлехъ доносил ли или нѣтъ отом отнюд неучинил ему василью никакие отповеди, а когда ханово величество пошол наможары і онъ ближнеи человѣкъ снимъж і внебытие ханское по указу великихъ Государеи от ихъ Царского величества подданнаго Гетмана Івана Степановича Мазепы присылан былъ кнему василью съих Царского величества грамотами и кближнему ханскому человѣку згетманским листомъ ево ханскои посланецъ тогда каимаканъ Анкеримъ Эфенде отои от гетмана присылке кханову величеству писал и по указу ево ханскому вразговорех снимъ васильемъ будучи озадержанні намосквѣ крымского гонца карамагмета и от калги салтана опосылщике о ібраиме муллѣ чтоб они смосквы были отпущены ему василю говорил и онъ василеи оботпуске их карамагмета и ибраима муллы потому ханскому желанию і по его каимаканскому предложению квеликимъ Государемъ своим къих Царскому величеству писал и потому ево васильеву доношению они великие Государи желан скрымскимъ юртом прежную дружбу обновить, і вмиру быть, а воину прекратит того их гонца карамагмета такъж и ібраіма муллу которои нетохмо годенъ был отпуску по повинен и смерти отпустить указали и для извѣстнѣишнеи кдружелюбию склонности свою Царского величества и грамоту прислать изволили, и онъ бы казнадар яко при ханове величествѣ вблизости пребывающеи і вдѣлех юртовских свѣдущеи и приѣхал от ево ханова величества ныне невдавных часех ему василью обявил стою великих Государеи грамотою какъ ему василью поступить пристоинее и уханова величества сними ближними людми оботпуске смосквы гонца их карамагмета такъж и ібраима муллы, и о присылке их Царского величества зграмотою нарочного посылщика, всловах что былоли потому что его ханову величеству оботпуске карамагметеве смосквы и овсемъ давно вѣдомо, и чаять и имъ казнадару или каимакану обнемъ василье что ни есть приказано;

И казнадар говорил, от ханова де величества никаково обнемъ василье приказу он неслыхал і в словахъ ни очемъ отом очемъ он василеи спра-

никакъ у него у хана сними небывало, а что де он василеи говоритъ ему изграмоты великихъ Государеи киему василью посланной о присылке кведикимъ Государемъ кмоскве от Саадетъ Гирѣя хана, гонца карамагмета и освоеи вкрымъ присылке и приѣзду ксаоатъ гирѣю хану и что от него саоатъ гирѣя хана назначенъ был кмоскве внослѣхъ снимъ васильемъ из сулешева роду мубарекша мурза, и от чего кмоскве та посылка переспѣклася и он василеи от перекопи возвращенъ і вкрыму задержанъ, отомъ он казнадар о всемъ вѣдает акогда де у них вкрыму селимъ гирѣи ханомъ учинился и ближнеи человѣкъ у него нах булатъ ага і видевся сним васильемъ о дѣлех у него толко слушал а отповеди отомъ никакои против того неучинил и ему де ближнему человѣку о тѣхъ ево васильевых предложениих какъ бы недонести его ханову величеству, токмо и отповедь от ханова величества какую ему василью чинить потому что присланы снимъ васильемъ статеи на чемъ они великие Государи скрымом мир учинит изволиютъ крымскому юрту крѣпко непотребные за что миру отнюд учинитися немочно потому что хотя де кведикимъ Государемъ от Саадет Гирѣя хана посылка о миру и учинилас толко де тѣ Саадетъ и Саоатъ гирѣи ханы от сего селим гирѣя хана молодшие и смолодых своихъ лѣтъ живали и взросли вдому у него хана акрымского юрта дела имъ невобычаи, и будетъ де его Селимъ Гирѣеву ханову величеству древнеи обычаи какъ у нихъ смосковскимъ Государствомъ обыкло то есть что припрежнех ханех и при нем хане присылано ихъ Царского величества бюлекъ (гостинецъ) ныне отставить и того бюлека московскому Государству уступить и ему де хану при прежних ханех будетъ великои стыдъ.

І василеи говорил предлагалъ де он василеи прежде сего ханскимъ ближнимъ людемъ будучи сними нарозговорех многажды такъж предлагаетъ ныне и ему казнадару о присланных снимъ о миру статех понеже великие Государи ихъ Царское величество тѣ снимъ о миру статьи противъ их крымскои присылки изволили послать толко для обявления чего они великие Государи своеи Царского величества сторонѣ стурскои и скрымскои сторонъ желают а не такъ чтоб естьли крымъ тѣх статеи не приметъ и без того миру не будетъ имѣющему доброи разумъ мочно о томъ разсудить свободно есть ли бы они великие Государи стурским Государством и скрымскимъ юртом миру не желали и тѣ статьи присланы были книмъ вкрым сотказом во все что без того миру не будетъ, то крымские их послы кМоскве для чего были потребны звычаино то на всемъ свѣте что добрые мирные дѣла междо Государствами и землями творятца договорами посолскими а неписмалною пересылкою а то они зато и взялис а пословъ кМоскве не шлютъ, а ево Царского величества гонца держатъ а для чего такъ чинятъ того необявляют и вед тѣмъ задержанием и продолжениемъ у Московского Государства прибыли они себѣ никакои недомогутца.

И казнадар говорил правда де то, что добрые и надобные дѣла творитца посольскими договорами и чтоб Богъ даровал междо Государствы мир того іимъ всѣмъ надобно да и начался де было мир чинитца въ то время когда московской таборъ приходил великимъ собраниемъ под перекопъ тогда присылано от московскихъ воискъ чтоб быть миру. И ханово де Величество поговоря съ юртовыми бѣями и карачеями, съ Московскими воиски миръ было учинить и похотѣли токмо де чернь вся крымская въ то время закричали, для чего де вы одни миритца хотите, а калмыковъ втомъ миру оставляете потому что де у крыму сними калмыкамі зашертовано на томъ что против всякого неприятеля имъ калмыкомъ быть заодно статары и когда они увидѣли что табор московской от нихъ отступил и они отом миру и умолчали и тѣм тогда тотъ миръ и пресѣкся и ныне де он казнадаръ ему василью говоритъ, буде Богъ дастъ учинитца смосковскимъ Государством учинит миръ то добро а ине учинитца миру и крымскому ихъ юрту убытку небудетъ потому что каковы орды их военны, и каковы их навеликои московскои идущеи их книмъ табор были напуски и сколко втомъ таборе людеи побито и вполои поимано и пушекъ взято а какъ де тотъ московскои табор отперекопи отшел и что де имъ идущим назад от татар было, отомъ де чаять вы и сами вѣдаете і можетъ де быт хотя они вкрыму втовремя видя на себя такие многие воиска наступающие и поіспужалис однакож надѣютца на волю Божию и разумѣютъ что то учинилос (что Московскихъ воискъ въ которых мѣстехъ никогда неслыхано, а ныне было тут і видимо также что і возвратилис они от крыму назад и отошли безовсякои себѣ прибыли) Божим изволениемъ а не человѣческим,

І василеи говорил чтоде без воли Божіи ничто насвѣте недѣиствуетца, токмо чтоб он казнадар ему василью сказал какие калмыки сними всоеди нение зашертованы и давноли.

И казнадар говорил давно де сними вдружбе і всоединениі калмыцкои аюка таиша совсѣми улусы своими

І василеи говорилъ а аюкѣ таишѣ докрыму икрыму до тѣх калмыков что дѣло потому что он аюка совсѣми своими улусы пребываетъ вподданствѣ подвысокодержавною рукою великихъ Государеи наших и кочуютъ на их Царского величества землѣ и поих великихъ Государеи указу съих Государскими воеводы вполкѣхъ противъ ихъ Государскихъ неприятелеи яко подчигиринымъ ивкрымских вынешніе времена вдву походех против их крымских ордъ были и бои многие съ ними имѣли і выных военныхъ оказиях бываютъ непрестанно такъ же и конские табуны кмоскве от себя гоняютъ напродажу повся годы;

И казнадар говорил, они де калмыки люди волные ни уково вподданствѣ небывали и живутъ собою и скѣмъ похотят стѣм и ходятъ да і ныне схановымъ величествомъ наможарскую воину пошли многие

А ограмоте великихъ Государей онъ казнадар василю говорил что поговорятъ и подумаютъ они о томъ скаимаканом и чаятъ де что отпустятъ де ево васильи кхану спровожатыми доказыкерменя, а от казыкерменя кочакову днепромъ и буде вочакове хана застанутъ то добро, аестьлі незастанут, и ему василью мочно будетъ кнему хану ѣхать і доакъкерменя водою и чтоб он василеи ѣхал от него хканмакану и о томъ снимъ поговорилъ, потому что внебытие ханское всѣ дела приналежат взавѣдываниі ему а он де казнадар скоро искрыму отѣзжаетъ вчеркѣсы сханскимъ сыном скапланъ гирѣемъ салтаном

Он же казнадаръ говорил скажетъ де он ему василю и то карамагметя де он казнадар омосковскомъ ево поведениі спрашивал и онъ де карамагметъ ему сказывал что перед отпускомъ ево съ Москвы призыван онъ ихъ Царского величества кближнему человѣку которои вѣдаетъ посолские дѣла и тотде ближнеи человѣкъ ему карамагметю говорил чтоб онъ ханову величеству донес чтоб ханъ кЦарскому величеству прислал для договору о миру пословъ своихъ и есть ли де ханъ пословъ пришлетъ, то подоговором учинен будетъ мир на томъ какъ было учинено смуратъ гирѣемъ ханом и онъде казнадар слышав от него тѣ слова тотъ же часъ послал ево карамагметя неперекопи кхану наскоро и мнит то что ему магметю чего неслышавъ собою такихъ словъ затѣять бы немочно.

І василеи говорил что же имъ уже болши того надобно и для чего хану пословъ своих кмоскве неносылать когда Карамагметъ имъ такъ сказываетъ и затѣять ему насебя такое великое дѣло чегоб он неслыхал возможноли, потому что посланнымъ междо Государствы людемъ надобно наказанное говорить и слышанное доносить правдою, а кто говоритъ ложно и тот творит себѣ безголовную беду.

И казнадар говорил чает де он что ханово величество услышавъ от карамагмета такие слова ково ни естъ снимъ васильемъ кМоскве пошлетъ

Потомъ подношено кагве, и от него казнадара поѣхали было ккаимакану на эски юртъ новдому ево незастали встрѣтились надороге;

І Василеи скаимаканом вто время виделся наханском дворѣ и говорил ему оприсылке великих Государей грамоты кхану. И что вграмотеж великих Государей писано кнему василью тож что и казнадару да и о томъ ему каимакану говорил василеи именно что поханскому желанию и пословам ево каимакановымъ а по ево васильеву квеликимъ Государемъ доношению крымскои іх гонецъ карамагметъ, такъж пібраімъ мулла смосквы вкрымъ отпущены, то потребно уж и ево василья совсѣми будучими снимъ людми искрыму отпустит кмоскве;

И буде свеликими Государи ханово величество с юртомъ вмиру бысть хотятъ то по желанию великихъ Государей посланъ бы был къ их Царскому величеству ево ханскои и посол снимъ васильем

И каймаканъ то выслушав у василя спрашивал сверхъ прежних дѣлъ вграмоте великихъ Государеи кхану что писаноли, и ему василью говорить о чемъ указаноли, чтоб он василеи обявилъ ему каймакану имянно;

І василеи говорил очемъ Царского величества вграмоте кханову величеству писано отом он василеи невѣдаетъ, а ему василью поихъ великихъ Государеи указу толко ханскому ближнему человѣку велено говорить чтоб он ханову величеству донес чтоб сними великими Государи онъ Селимъ Гирѣи хан прежнею одружбе ссылку обновил, и покои на обе стороны учинил послал бы книмъ великимъ Государемъ для договору пословъ своихъ честных и вѣрыгодных людеи исполною мочью которым прием іобыкновеная посолская учтивость учинитца и вопотребных делех скорое совершение; а буде сними великиі Государи ханъ вмиру быть нехочет и пословъ своих для договору омиру кмоскве непосылаетъ, и евоб ханово величество отпустил ево василья совсѣми будучими при немъ людми без задержания, нуж ему каймакану болшь того говорить нѣчего потому что прежде сего сколко он василеи ему каймакану о дѣлех и оботпуске своемъ искрыму виговаривал, а также сверхъ того поуказу великих Государеи писалъ отомъ же іх Царского величества и подданои гетман Іванъ Степановичъ мазепа; и он каймакан врозговорех тѣми словами ево василья і встрѣчаетъ что отпуску ему искрыму нѣтъ загонца их карамагмета. А теперь уже они видятъ что великие Государи наши оттого мирного дѣла отдалятися неизволяютъ, и что хану желаемо то есть чтоб гонецъ іхъ крымскои карамагмет и ібраим мулла были отпущены, такъ и учинить повелѣли, и по их великих Государеи указу онъ карамагметъ отпущен совсякою іх Государскою милостию и почитанием да снимъ же чрез надежду отпущон и ібраим мулла которои нетокмо отпуску но и живота негоденъ;

И каймакан говорил то де учинено добро что крымскои гонецъ и ібраимъ мулла смосквы отпущены то и онъ каймакан оботпуске ево васильеве пословам своимъ какъ ему василью обещался будетъ промышлять со всякимъ радѣнiемъ изграмотою великих Государеи которая кхану прислана, что ему василью дѣлать потому что де ханъ искрыму выпелъ и нынѣ обретаетца вдалных мѣстех, и он бы василеи отсвоего разсуждения ему каймакану сказал какъ бы імъ стою их великихъ Государеи зграмотою поступить пристоинеи нелутчели бы де чтоб тоѣ Государскую грамому отдал он василеи ему каймакану ио дѣлех очемъ наказано говорит объявил овсемъ ему подлино, и онъ каймаканъ послалъ бы тоѣ их великихъ Государеи грамоту кханову величеству ескорымъ посылщиком и овсемъ что он поуказу великих Государеи своих ему объявитъ кнему хану писалъ и ханскои бы указ противъ того (изволитъ ли квеликимъ Государемъ он ханъ ково от себя вослѣх послать или укажетъ отпустит толко ево василья совсѣми людми, а от себя никово не пошлетъ) былъ скорѣе;

І Василеи говорил, чтоб он каймакан великихъ Государеи зграмотою къ сво ханову величеству отпустил сво василья какъ великихъ Государеи вуказе киему писано что велено ему василью тоѣ их Государскую грамоту вручить самому ханову величеству и отних великихъ Государеи сво нахаиствѣ поздравить потому что ханъ открыму отшел сие недалече;

И каймаканъ говорилъ безуказу де ханова величества онъ сво василья киему хану отпустит несмѣетъ и есть ли онъ василеи тои Государскои грамоты ему неотдастъ, а емуб толко бы о объявленіі словъ сво васильевыхъ кхану писать и тотъ посылникъ когда дохана доѣдет и ханово величество велитъ ли ему василью ксебѣ быть или невелитъ а укажетъ тоѣ Государскую грамоту у него взять и ксебѣ прислать, и у него василья вто время ихъ Государская грамота возметца же и то дѣло пойдетъ впродолженіе потому что ханъ отчасу идетъ вдалные мѣста открыму а не покрыму.

І василеи стоял притом упорно многое время чтоб онъ каймакан зграмотою великих Государеи кхану отпустил сво василья, какъ ему василю говорил того дни и казнадар баши Мерденъ али ага что они подумаютъ симъ каймаканом отпустят сво василья кхану спровожатыми доказыкермеия, а отказыкермеии до джанкермеия или до того мѣста гдѣ хан будет водою; абуде сво василья он каймаканъ кхану неотпущаетъ и он бы писалъ киему хану от себя наскоро о его ханскомъ указе чтоб он ханъ указалъ ему василью Царского величества зграмотою быть ксебѣ;

И казмаканъ говорилъ, что ему того учинит чтоб безуказу ханского сво василья отпустит къ нему отнюдь нѣмочно аннисать де ему кхану о указе аиногда сво ханскои указъ по пріѣзде магметеве какои и есть нетъм сво посылщиком здороге гдѣ проминетъ тогда все то дѣло будетъ непорядочно;

И чтоб конечно тоѣ государскую грамоту он василеи ему отдалъ а буде отдать непохочетъ і онъ у него отыметъ насилно потому что хотя он Василеи указъ Государеи своихъ, и исполняетъ толко он вруках у них и імѣетъ учинить по их воли развѣ де крымское житие вамъ полюбилос, что не хочетъ тои Государскои грамоты ему дат і упрямшися і встав хотѣл тоѣ Государскую грамоту у василья из запазухи отнять;

І Василеи видя каймаканово таковое дерзновение и помысливъ что об отдаче тои Царского величества грамоты въ небытие ханское каймакану (хотябъ ханъ шелъ и въ крымъ) их великихъ Государеи указ у себи имѣет а ханово шествие невкрымъ повдалекие страны от крыму, грамоту великих Государеи потому принуждению ему каймакану отдалъ

и онъ каймакан приняв великихъ Государеи грамоту говорил, и де радѣю какъ бы наскорѣе дѣло совершить, а вамъ де знатно что еще крымъ ненадокучилъ и дѣломъ несмешить а намъ де и того жаль что вамъ

и кормъ дастца а что де ему василью говорилъ казнадар об отпуске до казыкермени, а от казыкермеия водою до хана и он де говорил такъ отпустить ево Василья вто время буде ханскои указъ придетъ чтоб быть ему у него хана, а небез указу, какъ онъ василеи хочетъ. А сверхъ де того возметъ онъ каимаканъ у него василья и толмача смоквы къ нему присланного и пошлетъ стою грамотою Государскою и своими письмами к хану.

І Василеи говорил что тому толмачю до хана и ни докого нѣтъ никакова дѣла и ѣхать ему до хана нѣдля чего и нѣочемъ потому, счѣмъ он толмачъ по указу великихъ Государеи кнему василю присланъ то все своихъ рукъ ему отдалъ то он каимаканъ говоритъ и хочетъ чинить не пристоиное дѣло, потому что по их великихъ Государеи указу велено их Царского величества грамоту вручить ханову величеству ему василью самому и онъ василеи кнему хану гдѣбъ онъ ханъ нибыл ѣхать готовъ а чтоб ему от себи толмача посылать и то дѣло нестаточное и непригожее и никогда того не будетъ, а когда уже великихъ Государеи грамоту он каимакан у него василья взялъ, и онъ бы посылал ее кхану своими людми скѣмъ хочетъ, толкоб онъ каимаканъ къ ево ханову величеству писал имянно онемедленномъ ево ханскомъ указе и ему василью об отпуске;

потомъ василеи подал ему каимакану гетманскои листъ;

и каимакан приняв тот листъ отдал емуж василью і говорилъ чтоб онъ василеи тот гетманскои листъ ему прочиталъ;

і василеи оттого отговаривался однакож для увѣдомления тотъ листъ ему каимакану читал а толмачил полуехтъ кучюмов, и что втомъ листу изображено и ему говорено о том онъ каимаканъ толко что слушалъ а немолвил противъ ево ни единого слова.

А потомъ спросил онъ у гетманского человѣка у василья велецкого от гетмана кнему василью писма какие есть ли;

и гетманскои человѣкъ каимакану сказал что от гетмана кнему ни о чемъ неписано;

и потомъ подношено кагве, и отпущены вжидовскои городокъ по прежнему.

Июля въ 4 день присылан квасилью от каимакана сеймень чтоб василеи ѣхал кнему каимакану на ханскои дворъ;

І василеи того дни у него каимака был. И каимакан говорил, вчерашнего де дни, что грамоту великих Государеи кхану присланную он каимаканъ у него василья взялъ, и онъ то учинил бутто вѣдая его ханскои указъ потому что вчерашнего де дня ввечеру присланъ кнему от хана слистом ево ханским человѣкъ і велено ему каимакану тоѣ великих Государеи грамоту у него Василія взять и прислать кхану, и он тоѣ их Царского величества грамоту посылает утре июля въ 5 день наскоро и при-

звалъ он каимаканъ ево василья для того чтоб онъ василеи ему конечное слово обявилъ, что ему сверхъ прежде обявленныхъ ево словъ еще говорить указано;

I василеи ему каимакану говорил, есть либ по указу великихъ Госудеи сверхъ того о чемъ онъ прежде сего ханскимъ ближнимъ людемъ также и ему каимакану предлагалъ было что иное наказано, и емуб василью для чегоб у себя хранить и помногимъ ево каимакановымъ вопрошениямъ того необявитъ и болши того чего уже ему каимакану у него василья домогатися, потому что он присланъ отъ Царского Величества въ Крымъ не въ посланникахъ, а въ гонцехъ, а гонцом звычайно великихъ дѣлъ нигдѣ не вручаетца

И каимаканъ говорил, что он кханову величеству от себя противъ вчерашних ево васильевых словъ, также и противъ гетманского кнему каимакану листа изготовил и листъ а что внемъ написалъ отом ему василью он и обявитъ, і взявъ уязычѣя листъ свои василью читал

вкоторомъ изображено:

— 1-е оприѣзде вкрымъ смосквы толмача и о отдаче писемъ василью;

— 2-е о обявленіи имъ каимакану и казнадару Государскихъ дѣлъ василью наказанных, а іменно о послѣ крымскомъ кМоскве;

— 3-е о листѣ гетманскомъ кнему каимакану писанвом что крымскои гонецъ карамагметь и ібраімъ мулла вКрымъ отпущены то і Царского величества гонецъ и ево гетманскои посланецъ отпущеныж изъ Крыму были Царского величества всторону и чтоб ханъ и ево каимакана волжи неучинил а указал бы ево василья спрочими кМоскве отпустить, безъ задержанія.

4-е из гетманскогож листа, о выдаче всторону Царского величества вора и ізмѣнника петрушки.

I василеи за обявление того поблагодарствуя ему каимакану у него спрашивал от ханова величества тотъ посылщикъ поѣхалъ искоторых мѣстъ;

И каимаканъ сказывал что тот посылщикъ от хана посланъ изочакова, и того де ради он каимаканъ тою посылкою обнемъ василье и спешитъ, чтоб ханскои указъ присланъ былъ напредложения ево покое время недошол онъ ханъ до акъкерменя, а тоде ныне вакъкермене ожидаютъ ево хана полские послы и іногда небылоб для них какои забавы;

I василеи ему каимакану сказал сполскими послы какъ они знаютъ такъ и дѣлают а ему Василію до них нѣтъ дѣла, а толко онъ василеи просит у него отомъ чтоб онъ каимаканъ по обещанию своему порадѣл междо московскимъ Государствомъ і крымскимъ юртомъ о добрых и мирныхъ дѣлех,

И каимаканъ говорил он де и такъ крѣпкое радѣние свое оботпуске ево васильеве имѣетъ толко де учинилас втомъ помѣшка от запорожцовъ

что они тоѣ смосквы посылку у себя задержали а есть либъ де та великихъ Государеи грамота хана вкрыму застала токопечнобъ все учинилос доброе; и отпущены вжидовскои городокъ;

А кхану великихъ Государеи зграмотою втотъ назначенныи июля въ 5 день посланъ ханскои чюгодаръ арыкъ агметь;

Июля въ 13 день вѣдомо учинилос вбакчисарае что казаки подшедъ сморя чаиками заарбаткомъ близко кчингарамъ выбрали двѣ татарские деревни и пошли оттуду снемалою (добычью; а какие тѣ казаки донские или запорожские того невѣдомо потому что хотя заними татарская погоня и была однакож языка невзято;

Июля въ 18 день посланъ от василья толмачъ полуехтъ хкаимакану для вѣдомостеи. И каимаканъ сму толмачу сказал: что помянутои великихъ Государеи зграмотою кхану посыльщикъ сво арыкъ агметь изочакопа поѣхалъ июля въ 14-м числѣ привоиску достальномъ идущим кхану а замѣшкался де онъ тамъ для того что вурочище на кучюбѣе по аккерменскои дороге от казаков великои калабалыкъ (многолюдство) малыми людми проѣхать отнюдь немочно и от хана де вкрымъ нѣтъ никакие вѣдомости;

Июля въ 22 день вѣдомо учинилос въ Бакчисараѣ от хана изаккермеия что турскои везир стоит своиском своим задунаемъ наурчюке и присылал кхану чауша чтобы шол кнему наскоро и ханде стѣмъ чаушом кнему и пошол, а ваккермене былъ онъ ханъ толко одни сутки, и полского посла взял онъ особою ж.

Августа въ 1 день вбакчисаран приѣхал от хана человѣкъ которои посылалъ кнему хану от сына сво от шабаз гирѣя салтана и сказывал что он от хана приѣхал вдевятои день везир де турскоц всофні а ханъ курбанъ баирамъ свои которои у них был июля въ 23 день, отправил замултянскою землею недошед рѣки Дуная въ ерыкугу, потпустил сво слистами назалтрѣе июля въ 24 день а самъ ханъ оттуду хотѣл подыматися въ предлежащіи свои путь июля въ 25 день.

И августа въ 3 день василеи посылал толмача Полуехта ккаимакану о томъ присыльщике провѣдать подлинно.

Икаимакан толмачю сказывал, что от хана слистами человѣкъ приѣхал и об немъ василье кнему писано чтоб вождать его ханского вкрымъ возвращения а печалитис акогда де дасть Богъ хан придет въ Крымъ тогда отпустит сво василья прі собѣ здобрымъ дѣломъ токмо де подождемъ от хана еще подлинои вѣдомости когда онъ ханъ увидитца свезиремъ турскимъ а прежеде сеи вѣдомости ханъ свезиремъ еще невидался а карамагметь де и арыкъ агметь, обрѣтаютца при хане а вкрымъ неотпущены,

Августа въ 10 день изакъкермеия приѣдучеи жидовскаго городка житель жидъ Шмоиль сказывал василью что ханъ пребывъ ваккермене

пощеденствие пошол оттуду сприсланнымъ кнему оттурского везиря чаушом именно, июля въ 10-м числѣ и полского посла взялъ ссобоюж;

а посланникъ полского короля сабѣжского толмачь панъ захеріяшъ людеи снимъ семь человѣкъ которого он жидъ самъ добре знаетъ потому что онъ от него короля сабѣжского преж сего вкрым почасту присылыванъ; а Петрушка де воръ и ізмѣнникъ живетъ попрежнему вбелогоротчине смалым своимъ товариствомъ переѣзжая для корму поволоских деревнях а ныне де имянно живетъ он вдеревне тылсызъ

Стогож июля съ 10-го числа вѣдомо учинилос что послѣ ханского изъ Крыму выходу от салтана турского присланъ въ Крымъ кораблемъ турскои паша, а снимъ прислано казны пять десят кисеи—левковъ настроене перекопского городка і всеи перекопи крымскими работниками;

Нурадынъ салтанъ изжилища своего скачи реки пошол вперекопъ июля въ 11 день исказывали что собрався тамъ своискомъ поидетъ на русь;

Да снимъж Нурыдыномъ для добычи пошли и кынкъ (дикихъ) салтановъ пять человѣкъ при которыхъ будутъ орды немалые;

Июля въ 19 день приѣхал отхана иномянутои арыкъ агметь о которомъ тогож дня видевся свасильемъ сказывал жид Исакъ Чилибиі, что он Исакъ слышал от самаго каимакана отпущенъ де онъ агметь от хана извидина за два днища от белиграда тому ныне семнатцать днеи и хотѣл де хан итит кБелиграду небавяся;

а турскои везирь стоить внисе;

А цезарского де воиска табору неслышать и чаетъ де и ханъ тамъ незамѣшкаетца и будетъ вкрымъ вскоромъ времени;

Августа въ 20 день слышал василеи отвѣдомых і вѣрных людеи что всих днях что от христиан бусурманом крымскимъ учинилос:

1-е

Палѣи подходил подочаковъ и подсылкою ево немногими людми посадъ очаковскои выбраи і вызжеи и спол жнецы и косцы поіманы и скотъ отогнаи, и погоня очаковская тоесть очаковскои бѣи Мустаѳа втрехсотъ конех самим палѣемъ розбитъ и ушел всамомъ малолюдствиі, толко самъ третей а достальные всѣ побиты и въ полонъ поиманы а спалѣем было воиска казацкого сдвѣ тысячи человѣкъ онъ же бѣи праненъ въ трехъ мѣстѣхъ копеиными рацами.

2-е

На чингарах городокъ и караулные башни разорены и ссожены и будучие люди внемъ побиты и побраны да втом же городке взято четыре пушки да втом же мѣсте неподалеку раззорено и вырублено двѣ деревни татарских конными казаками;

да за карасовымъ на устье карасовском подшедшими въ чапкахъ казаками выбиты и разореныж три деревни татарскихъ.

І вкрыму стого времени от каймакана розсыланы по всему крыму нарочитые люди непрестанно чтоб киерекопи на строение крѣпостей камене везли свеликимъ поспѣшеніемъ ананпаче грозя ослушником казнию і всяким разореніемъ;

І василеи потом арык магметеве пріѣзде просил каймакана чрез жидовского каныча чтоб он велѣл ему василью ссобою видетись самому и домогся того втри дни и былъ у него августа въ 22 день;

И каймаканъ василью по вопрошенію сво сказывал:

ханово де величество чаятъ уж принол вбѣлгород і везир турскои блискож белаграда; токмо де спимъ везиремъ ханъ еще невиделся, а вкотором мѣсте турское войско и откуду ханъ арыка агметя вкрымъ отпустил того да онъ каймаканъ сказать неуномнит, а обнемъ василье ханского указу стѣмъ арыкъ агметемъ неприслано, и карамагметъ де что был вамоскві при ханеж, а что де от ханова величества напред сего обнемъ ва василье писано то чрез толмача от него василья кнему присылаемаго ему вѣдомо и чтоб ему непечалитца пождать сво ханского вкрымъ пришествия а все де то продолжение учинилос от запорожцовъ;

І василеи говорил хотя от запорожцовъ такъ учинилос токмо повидимому знатно что свеликими Государи нашими сыих Царскимъ величествомъ ханово величество вмиру быть нехочетъ, потому что гонецъ их крымскои карамагметъ хотя смоквы и отпущенъ и кмоскве послонъ их крымскихъ великие Государи и желаютъ і вдружбе и вмиру быт изволяют, однакож они въ Крыму тѣх о миру пересылокъ вдѣло не ставятъ і воину творитъ непрестаютъ и ныне нурадынъ салтанъ пополъ нарус снемалыми ордами и от того кромѣ недружбы доброго ничего небудет;

и каймакан говорил, мы де онурадыпове походе что онъ киерекопъ попол вѣдаемъ, токмо де попол онъ туды внебытие ханское для крымскои осторожности, а на рус подет іли нѣт того де невѣдомо, такмо де покое время мир неучинитца і военного дѣла каждои своеи стороны неоставляетъ;

Потомъ при іѣхъ словах спрашивал василеи у каймакана слехка якоб неонадобномъ дѣле полские послы ныне у ханова величества тѣж что прошлого году спимъ ханом і вадрианополи были ими ныне ихто именемъ.

И каймаканъ говорил что де тѣ были исполни великие послы и многолюдные, а ныне де посланникъ человѣкъ среднеи всего вчеловѣках вдесяти а імени сво онъ каймаканъ неѣдаетъ; потомъ спрашивал и онъ каймаканъ, ана москвѣ де полские послы есть ли, и нѣтъ ли у московскаго Государетца ныне какие спими поляки недружбы і воины;

І василеи говорил что ему сидя вкрыму третеи годъ отомъ вѣдать нѣоткого, а толмачъ смоквы присланои отомъ невѣдаетъ, и нихто смоквы кнему отомъ неписал, да і писат нѣдлячего потому что ему василью обнихъ поляках уведомление ненужно; а прежде сего вообоих сторонах на-

москве і вполше живали резиденты и ныне ему василью оттого толмача вѣдомо что тѣ резиденты вообоихъ сторонах отправляютца по прежнему а хотя будет какая споляки поих зачатию умосковскаго Государства и недружба то полша и литва московскихъ воискъ крѣпкую силу і всеи литвы разорение и пленение (что имъ было от отца ихъ великихъ Государей Блаженные і вѣчно достоиные памяти отъ великаго Государя Царя і великаго князя Алексѣя Михаиловича всея великия и малыя і бѣлыя Росиі самодержца) знаютъ и помнятъ, потому что было то невдавних лѣтах всего доныне съ сорокъ лѣтъ когда литовские городы взяты были мало не всѣ;

И каимаканъ спрашивал, тѣ де заносваные литовские городы ночьимъ же ныне владѣнием.

І василеи говорил что преславнои и великои и стародавнои городъ смоленскъ і иные при границахъ обрѣтающияся городы задержаны при московскомъ государстве.

А вилня столичнои городъ литовскои сыными такъ же великими и малыми городами отданы подоговоромъ вполскую сторону попрежнему;

И каимакан говорил, какаяж де то воина что взято і назад оддано.

И ему сказано что пресветлейшіе монархи великие Государи наши самодержавные какъ изволяютъ такъ по данной имъ отъ Бога власти и творятъ, часть вѣдает он каимакан и самъ что прежде сего нѣкогда городазовъ взятъ утурского салтана был воиною, а отдан поизволению Царского величества подоговором же втурскую сторону а не военнымъ способомъ они турки тот городъ себѣ одержали.

К каимаканъ противъ того умолчалъ.

а потомъ каимаканъ говорил чаят де и москва бывала вбусурманских руках, а ныне живет христіанская попрежнему;

І Василеи ему говорил что того никогда ниоткого неслыхано. Нивкакихъ летописях ненаписано чтоб тот Богомъ хранимои і непреодолѣмои Царственнои град москва былъ когда вбусурманских руках.

И потом подношено кагве и отпущены вжидовскои городокъ попрежнему.

Августа въ 28 день приѣзжалъ квасилью татаринъ близ перекопскои жител сневолником московскимъ и сказывал что нурадын салтанъ неперекопи на русь пошол августа въ 21 день а орды снимъ и сыными салтанами пошло шестнадцать тысечь человѣкъ.

А 7203-го году сентября въ 1-х числѣх вБалаклаве пристали четыре катарги турские ідущие в азовъ сказною салтанскою из запасы янычаромъ нажалованье; і втомъ числѣ на однои пашинскои катаргѣ посаженъ былъ за пьянство на работу влопатную греблю размѣнной Аштемиръ бѣя сынъ Азаматъ мурза которои неволников катаржных наговорил чтоб нашу

и турковъ всѣх натон катарге побить и самим уволнитис и когда они от катарги были откопаны и перекованы были ногу а мурза былъ скован особо. А катарги починивали алементы и семмени поразошлис набазар и тогда они того пашу и жену и брата ево Иреиза побилиж такъже, и семменей и левентов убили сорокъ человѣкъ. Тогда натот бои збежалис сыных катаргъ семменижъ и левенты и постреляли и порубили ихъ неволников стритцат человѣкъ, а достальных похватали и перековали попрежнему, а толко сазамат мурзою ушло шесть человѣкъ и тѣх побитых неволников тела покиданы вморе и поберегу собакам наследение и наноказание инымъ погребат их заказано, для чего вседмомъ числѣ сентября ѣздилъ вБалаклаву изБакчисарая и каймакан и отпустил вазовъ тоѣ вышеномянутую казну натрехъ катаргах ата оставлена вБалаклавѣ;

Сентября въ 16 день опурадыне вѣдомость учинилас что онъ ходив на украину кгородомъ подонцу обретающимся и оттуду возвратился без добычи, потому что вѣдомо ему тамъ учинилося что под казыкермень идутъ казацкие воиска і он приседъ вкрымъ стоял для осторожности от тѣхъ россіскихъ воискъ вперекопи, а вкрымъ во все мѣста посылал чтоб татаре шли к нему вперекоп а вроссіскую сторону непрестанно посылал от себя для провѣдывания безбашеи.

Сентября въ 18-м да въ 19-м числѣх вБакчисарае по базару кликали деллилы чтоб всѣ военные люди шли наскоро кнурадыну салтану вперекоп грозя ослушникомъ раззорениемъ и смертною казнью.

А октября въ 3 день прислано неперекопи от нурадына вБакчисаран для высылкиж татар которые есть і впятнатцать лѣтъ иниже чтоб толко смогъ кто хотя понужде конем владѣть, а есть ли кто непойдетъ и тот ослушникъ (какъ деллялы непрестанно кликали) повещен будетъ наворотех своих, а для лутчего поспешения того военного збору чтоб наскоро ѣхал вперекопь хапскои и каймакан,

И із Бакчисарая де каймакан вперекоп поѣхал октября въ 4 день.

И успокоилас та тревога их и от перекопи воиска роспустя вдомы свои снемалою радостию пріѣхали каймакан въ 8-м, а нурадын въ 10-м числѣх потому что вѣдомость безбашами подлинная имъ принесена, что попскъ никаких к казыкермену нѣтъ ашол нѣкакои от переволочни кѣче запорожскои табор посоль;

Октября съ 12-го числа из белогородчины подлино вѣдомость карачѣими то есть извоциками і чрез вѣдовых жидовъ почала приходить, и такъ совершенно сталося что налѣи пришед тамъ сконными и пѣшими казацкими немалыми воиски ханскои кышлавъ то есть зимовс такъж по рекѣ Днестру обретающиеся городки и местечка, а имянно маякъ чеберчи, палонку; да села гаджи-асанъ, кизылбупаръ, корган и нѣсколко деревенъ

а всего говорили снятнатцат мѣстъ выплепил я разорил і выпалил и пошол свеликою добычью,

Октября въ 19-и день вбакчисараи от станбула кораблемъ печалная вѣдомость туркомъ пришла что славнои богатои и людной греческои на острову бѣлого моря обретающеися городъ именуемыи сакыз совсѣю околичностью исподтурского владенья поддался венецыяном за налогі і утесненне от турковъ таковые: когда они турки тот остров вовладѣние себѣ приобрѣтали тогда при здаче грекомъ тамошним жителемъ обещали что гарачю то есть подати никакие сних неімать, а потом какъ зачалас у них турковъ воина сримскимъ цесаремъ, тогда выпросили наплату воиску стри годы понѣскольку, і вменили то вподать, а потомъ для нынешнеи воины похотѣлі перед прежнимъ взять сирибавкою і втрое а вто время подошла книмъ венецыиская армата и они на их сторону и поддалися.

І венцѣи сакыз приняв турковъ осадныхъ служилыхъ людеи которые тамъ были неневолилі ничего имъ нечинили, а осмотряс какъ было пристонно нашу турского со всѣми бусурманы уволнили і отпустили их кто похотѣл въ Станбулъ, а сами осадя тутъ згалионовъ и скораблеи военных своих людеи опасную часть и выбравъ из грековъ немалое число что наилутчих людеи для лутчаго себѣ того полученнаго одержания отпровадили ихъ ксебѣ ввенецыю;

Туркомъ того города сакыза пожиток таков:

1-е наморе выходитъ изнего 20 катаргъ.

2-е околичности его ссорокъ великих селъ а все греки иных народовъ нѣтъ не единого;

3-е дерева сакызу (отчего тотъ постров именуетца) искотораго течетъ сакыз на подобіе ладону бѣлому сады великие. Употребляют ево турки врозных лекарственных потребах.

4-е жители тамошние около золотных и шелковых всякихъ матереи и кушаков художеством таковые что подобных имъ (сказываютъ) нѣтъ подовсѣмъ турецкимъ владѣниемъ;

5-е пристанище корабелное великое изо многих земел а наіпаче идущим из египта откуду у них лутчее выживение и удоволствование ѣдомых вещеи; а имянно масло деревянное, пшено сорочинское, ягоды всякіе и ленъ кстанбулу наполовине пути, такъже и із родоса гдѣ живетъ род крымскихъ хановъ гирѣевъ, минуть ево велми трудно.

Октября въ 21 день из белогородчины от ханского сына от шабасъ гирѣя салтана прислан кнурадыну салтану слистами татарин от которого вѣдомо подлинно учинилос что загере то есть запас которои тогож мѣсяца впервых числех исбелогородчины вкаменецъ подолскои провожал збелогороцкою ордою он шабас гирѣи вдороге полскими воиски разбитъ и орды

побито много и торговые люди и все что тамъ было запасов и товаров взято і онъ шабас гирѣи ханъ ушолъ всамомъ малолюдствіи;

Ноября въ 8 день каимакан сказывал посылаемому от василья Антемирева толмачю полуехту кучюмову что ханъ от венгерскои земли своискомъ возвратился исѣлъ надунае встругъ и чаят вбелогородчину будетъ вскоре токмо де подлинно о том невѣдомо потому что и отом увѣдомился он от тѣх людеи которые пришли ныне вкрым караблем раненые и болные а откуду и скоторых мѣстъ тѣ раненые и болные люди приѣхали и гдѣ у нихъ были бои того онъ каимакан несказал.

А после того вѣдомо учинилос от годных вѣры людеи что бои у них сцесарскими воиски были под варадыном и на тѣх бояхъ раненых такъж и болных привезено караблемъ вкрымъ х козловскои пристани здвѣсти семьдесятъ человѣкъ слышком а воиско крымское возвратившееся оттуду идетъ безовсякие себѣ добычи и крѣпко изнуждало и обесконело;

Ноября въ 25 день о хане вѣдомо учинилос что он возвратясь дошедъ встругу Дунаемъ до урусчука города пошел оттуду ктурскому салтану вадрианополь.

Да о венецыянех тогожъ числа сказывали свеликим всѣхъ подивлениемъ иставит товсе отъ нихъ ввеликое умышленне что из мисюря или из египта шолъ галионъ турецкои встанбул свеликими товарами и пристал ко обычнои сакызкои пристани и они венецыяне тот галионъ взявъ и началников хто имъ владѣетъ роспрося и увѣдав что они пристали кнему о взятие ево невѣдаіа неучинили имъ никакие обиды. І взявъ обыкновенную стоваров ихъ пошлину и отпустили ихъ встанбул безовсякого задержания;

Декабря въ 8 день каимакан анкерим эфенде исним муфти и кадыкиръ и знатные мурзы и аги которые живутъ вбакчисарае нізыныхъ мѣстъ по присылке отъ карачбѣенъ от шеринских имансуровых ѣздили книмъ подкарасов и была унихъ тамъ рада, скоторои рады каимакан и прочие вбакчисараи приѣхали декабря въ 16 день;

И изтои их рады вѣдомость произшла что говорилі они чтоб ханъ и воиско крымское было вкрыму і остерегали домов своихъ потому что ктурским воискамъ навспоможение походы их вдесяти летех по вся годы нетокмо безприбыльны но и субыткомъ и упадкомъ великимъ влюдех и въ конех чинилися хто побиты хто померли хто волочася втакову далную дорогу совсѣм оскудалі и обесконили. І всѣ крымцы от того пропадаютъ какъ и нынешняго лѣта внебытие крымских и белогороцких воискъ вдомех російские воиска казацкие донские и запорожские и палѣисколко вкрыму и вбелогородчине мѣстъ и селъ и деревень разорили і выпленили и выжгли и приговорили и постановили на томъ что для тѣх вышеписанных причин то есть безприбылныя навенгры и далекія волокиты и разорения от казаков впред ктурскимъ воискамъ ходить имъ нелзя. Да і вкуране де

уних бусурманов написано: Естьли де кто имѣетъ своего блисково неприятеля и іному помогать а своего терят тому ненадобно; и тотъ свои приговор написав послали кхану вадрианопол ево ханского двора счеловѣком згаджи ередженом іменем и чтоб он селимъ гирѣиханъ буде ему быть уних ханом ѣхал книмъ вкрымъ незамѣшкиваяс, а буде он уних быть ханомъ непохочетъ и они де себѣ вкрыму сыщут хана и іного:

А какъ тот гаджи эрезенъ избакчисарая отпусканъ итого декабря 21 дня попосылке от василья тамъ уканмакана прилучилса і тѣ писма видел толмачъ полуехтъ кучюмовъ кчему и каимакан ему толмачю сказывал что де писано кхану и о вашемъ некрыму отпуске;

На тоиже раде был уних карачбѣев и нурадын салтанъ и просил уних воискъ крымскихъ свеликимъ желаниемъ чтоб ему сходить (подчасъ праздничнаго рождества Христа Бога и Богоявленні времени) на рус до приходу вкрымъ ханского, токмо карачбѣи ему втом отказали исказали чтоб он буде для добычи итить хочетъ и он бы шол себѣ двором своим куды хочетъ і они ему втомъ невоспрещаютъ ниприговариваютъ а воискъ своих снимъ набезбашѣ непосылаютъ і воины згосударствомъ московским довремени імѣть нехотятъ,

И нурадын имъ говорил что когда они карачбѣи воискъ своих ему недадутъ и он вкрыму воиска себѣ сыщетъ и охочего и постановил себѣ конечно выитит Генваря впервых числех какъ нов мѣсяцъ настанетъ. Токмо Богъ милостивый дотого намѣренного ево злаго совершения не допустил.

Декабря въ 26 день вбакчисарая приѣхали запорожские казаки Іакон Коваленко стоварыщи три человѣка и поприлучаю виделися набазаре и напостояломъ их дворѣ столмачом сполуехтомъ кучюмовымъ. Исказывали, что присланы они от кошевого и отовсего воиска против присылки казыкерменскои и імѣли усебя два листа одинъ кбѣю казыкерменскому а другои кхану, отомъ чтоб сними казыкерменцы и згородками для звычаннои запорожцовъ рыбнои и солянои добычи и обоих сторонъ торговых людеи безбоязненного проѣзду замиритца и бѣнскои листъ отдали они ему бѣю и были снимъ бѣемъ и кхану листъ отдали нурадыну салтану и нурадынъ де приняв тот листъ нероспечатывал толко поговоря збѣемъ имъ сказал что де чаят васъ незадержимъ и отпустим искоре и отослалъ тотъ листъ і их казаковъ к каимакану, а каимакан велѣл их отвесть на постоялои двор і давать кормъ звычаннои,

і чтоб василью, и гетманскому снимъ будучему посланцу василью велецкому написав потребное какое вмосковскую сторону писмо послат сними а они де то сохранятъ вцелости.

І василеи Антемирев внадеждѣ і во уповавіи на всемогущего Бога

хотя у татар і вподозренні токмо служа великимъ Государемъ написавъ записку потребную образцовою азбукою і для всецѣлаго от злых людеи сохранения устроил еѣ вмалую обертку и подписав что подать впосолском приказѣ и запечатав сургучомъ поблагодарованному прилучаю ѣдучи к каимакану навстрѣче вбакчисарае имъ запорожцомъ Якову стоварыщемъ Ѳомою отдал своими руками і приказал имъ свеликимъ прилежаниемъ чтоб они ево василья а наипаче себя всоблюденні того писма всячески остерегали і вручили то писмо великих Государеи ихъ Царского величества подданному гетману Івану Степановичю.

А гетманскои канцеляристъ василеи велецкиі кгетману заподозрѣниемъ от бусурман звычаиным своимъ писмом писать непосмѣлъ и для таинои переписки от гетмана никакова знаку ему недано;

і Селимъ Гирѣи ханъ из андрианополя пришол вкрымъ вперекопъ Ѳевраля въ 7-м а вбакчисараи въ 11-м числѣхъ,

Снимъж ханомъ пришол накаѳинское нашество сакызскои паша, которои за здачю того города веницыяном имѣлъ быти удавленъ, но за упрошениемъ ево ханскимъ от того уволненъ і вкрым снимъ отпущенъ, и провожал ево честно от перекопи ханскои ближнеи человѣкъ Шагбулатага;

а когда ханъ былъ вдороге тогда вбелогородчину кнему вѣдомость прішла что турекои салтанъ умре; а на ево мѣсто учинен салтаномъ мустаѳа магметя салтана сынъ.

И какъ ближнеи человѣкъ вБакчисараи из Каѳы приѣхал тогда василеи кнему посылал толмачеи врозныхъ числех многажды, чтоб онъ велѣл ему василью онуждных какъ великихъ Государеи их Царского величества, такъж и о юртовых крымских делех ссобою видетис, всякими способы;

И онъ ближнеи человѣкъ вовся времена толмачом отказывалъ чтоб пообождать времяни покое время ханъ вдиванъ выидетъ, или доложа хана онъ шагбулатъ самъ понего василья пришлетъ иіными непотребными отговорками однакож никогда того неучинил и невиделся;

а Февраля въ 15 день прислалъ квасилью смуштулукомъ жида купчину своего розменнои бѣи аштемиръ что ханъ по ево доношению будучи еще вдороге намѣрил ево василья и снимъ будучих гетманского человѣка и прочих искрыму кмоскве отпустит и чтоб втом онъ имѣлъ совершенное надѣяние, что совершитца тотъ отпускъ вскоре;

а анкеримъ эфенде потомуж чрез толмачеи приказывал что он пообещанию своему оботпуске ево васильеве крѣпко радѣетъ токмо де чинитца медление потому ханские ради немощи, потому что он вдиван книмъ еще невыходилъ и они ево невидаютъ;

Февраля въ 16 день послано кширинскимъ и киным бѣямъ и карачѣямъ чтоб приѣхали кхану вбакчисараи втуму:

Февраля въ 26 день вѣдомость пришла хану от сына ево от шабас гирѣя салтана избелогородчины, что он скрымскою и белогородиною ордами проводя вкаменецъ загере то есть запас і возвратись оттуду ходили в полину и около лвова ніных окрестных гамошних городов набрали полону здвадцать тысячъ душъ:

Марта въ 2 день приѣхал вбакчисараи кхану со обявлениемъ ново учиненного салтана мустафы чаушъ и привез от него хану каотан золотнои Марта въ 7 день из станбула вѣдомо учинилос что сакызцы подвладѣниемъ турского салтана учинилися попрежнему. А какимъ способомъ того не сказано:

Марта въ 8 день посыланому от василя голмачю Івану Никитину розмѣнной бѣи ближнеи человѣкъ и бывшеи каимаканъ анкеримъ сказывали что де Царского величества присланному отпускъ у хана сними приговоренъ подлинно токмо без думы скарачѣями того небудетъ;

и бѣи и карачѣи вбакчисараи съѣхалис и у хана вдуме были марта съ 15 го числа дни по четыре и калга и нурадын былиж,

а из думы их вышло слово что на венгерскую воину постановлено уних итит ктурскому салтану вномощь самому хану да нурадыну салтану а калгѣ быть для осторожности юрту вкрыму и стѣмъ намерянием (а наіначе спрошениемъ чтоб ему хану самому остатис для ево старости вкрыму а навенгерскои воинѣ быть сордами калгѣ ніным дѣтямъ ево) посланъ анкеримъ эфенде которои, такъже и турскои вышеписанной чаушъ отпущены и поплыли вадріанополь кораблемъ апрѣля въ 5-м числѣ.

Даснимъже анкеримом посланъ нововзятои і привезенои ізъ азова апрѣля въ 6-м числѣ нужнои языкъ взятои надону которои імъ сказывал оноходе сего лѣта конечно великихъ Государей воискъ наазовъ скоторыми чают произволения и побѣдоносного шествия і самого великаго Государя Царя і великаго князя Петра Алексѣевича всея великия і малыя і бѣлыя росиі самодержца.

А оботпуске василя Антемирева втои ихъ думе карачбѣи приговаривали чтоб еще задержать и до удобного имъ времени не отпускат, и хану отомъ спрошениемъ говорил анкеримъ эфенде выводя себя от лжи пообещанию и по писму ево, что онъ писалъ кгетману кивану степановичю окрымскомъ гонцѣ карамагмете. Буде он такъже и ібраим мулла смосквы отпущены будутъ, то і онъ василеи и гетманскои посланецъ отпустятся же, і хан ктому ево предложению склонился;

Марта въ 29 день был василеи по призыву розмѣнного Антемиръ бѣя у него вбакчисарае нарозговоре гдѣ он бѣи обявилъ:

Ханову де величеству он бѣи о напрасномъ ево василеве задержанні докладывалъ совсякимъ радѣннемъ і потому ево докладу хан указал ево Василія отпустить, и къ Царскому величеству будет от себя снимъ василемъ писать;

і василеи благодарствуя ему зато отпуску обявление спрашивал у него бѣя своего посла пожеланию великихъ Государеи ханово величество къ их Царскому величеству послать изволитъли;

и бѣи говорил что посылки снимъ васильемъ крымского гонца ниносла небудет для того, что бѣи и карачбѣи будучи ныне вдуме тоѣ посылку отговорили потому нѣдают де они прислан онъ василеи зграмотою великих Государеи нестатьямі начем быть миру ксаѳатъ гирѣю хану крымскому их юрту зело сненадобными, которои грамоты и естатеи хан нехотѣл (по их словамъ) і слышать разведе от великихъ Государеи вграмотах писано окаких добрых дѣлех кнему василю, и есть ли что есть, і он бы василеи ему бѣю отѣхъ дѣлех обявилъ а онъ то донесетъ хану;

і василеи говорил о дѣлех указ великих Государеи имѣетъ онъ василеи сверхъ грамот их государских толко отомъ чтоб ханово величество ізволил старую дружбу которая імѣлас обновить і по присланнымъ снимъ статямъ для договору кмоскве послать пословъ знатных людеи і сполною мочью незаодинъ крымъ і поизатурскую сторону, очемъ онъ ханским ближним людемъ і ему бѣю объявлялъ уже неодиножды, аболши того никаких дѣлъ ни о миру договоровъ ниностановления чинить ему намосквѣ ненаказано нивграмотах неписано. А естьлиб ханово величество их Великихъ Государеи желание исполнил и кмирному дѣлу приступъ учинилъ и изволил бы кМоскве снимъ васильемъ послат ныне пословъ своих то он василеи указомъ великих Государеи своих смѣло их обнадеживает что учинилсяб междо московским государствомъ і крымским юртомъ такои мир какои обоим странам надобно;

а есть ли ханово величество намѣрил ево василя кмоскве отпустит а своих пословъ снимъ непосылает то знатно что крымскои юртъ конечно вмиру і вдружбе смосковскимъ государствомъ быть нехотятъ, и чтоб ханово величество указал ему совсѣми людми дать от Бакчисарая до сѣчи запорожскои подводы потому что своих конеи которых они василеи и прочие снимъ имѣли, тѣхъ давно продали и проѣли, анадѣялнея наобещание ханских ближних людеи и ево бѣиское, что они говорили, когда де отпускъ будетъ тогда безконеи небудете, а наіпаче всего чтоб ханово величество приказал ево василья из своих мѣстъ до руси проводит вцелости и неявилос бы втом пути от татар какие хитрости потому что по бакчисараю обносятца об них слова недобрые; и чтоб онъ бѣи о предложенні ево васильеве донес ханову величеству.

И бѣи говорил о посылке де кмоские посла их конечно отставлено и небудетъ потому что нѣдлячего, да и о подводах онъ от хана слышал что прежде сего московскимъ посломъ не бывало, то и ныне наудачно будетъ ли, а оцѣлости вдороге чтоб он василеи нивчѣмъ несумнивался и не имѣлъ никакова опасения велять проводит вцелости аскерхъ того ѣдетъ ныне некрыму казыкерменскои темирпа бѣи вказыкермень, и онъ василеи добро чтоб поѣхал снимъж и потому опасатие будет нѣчего, і отом онъ розмѣнпои бѣи снимъ казыкерменскимъ бѣемъ переговорит а слова ево васильевы что он ему говорил о послѣ и оподводах и овсемъ донесет ханову величе-ству совскимъ радѣниемъ сегож часа потому что междо московскимъ государством і юртом крымскимъ пересылки зело ему надобны;

и чтоб он василеи ѣхал ксебѣ на подворье а у него оставил толмача для того, какои ханскои указъ надоклада ево будетъ чтоб было скѣм прислат вѣдомость;

і василеи поѣхав от него бѣи вжидовскои городокъ оставил толмача полусхта кучюмова, которому он бѣи вышед изханских сараевъ сказал, что хан вовсемъ отказал; нипословъ кмоские снимъ васильемъ непошлетъ, ниподводъ недастъ, хотя де нѣши поидите, или коими промышляните какъ знаете;

а марта въ 30 день был василеи у него розмѣнного бѣи вдругои рядь и без описьлки, и говорил,

обіавилъ он бѣи по указу ханова величества ему василью кмоскве отпускъ когдаж ему для принятия киеликимъ Государемъ листа у него хана быть на отпуске;

и бѣи говорил, что указал хан отиравит ево совсѣм ближнему человѣку шагбулату агѣ; и листъ къ Царскому величеству уже готовъ, толко запечатать а у хана де ему василью наотпуске небыть;

і василеи говорил для чего ханово величество такое нелюбие і невзычаиои поступокъ къ их Царскому величеству показует что толикое долгое время продержав невелитъ у себя быть на отпуске, і велит отправить ближнему человѣку, а ему василью къ ихъ Царскому величеству листа ниоткого иного кромѣ самого ево хана принимать недостоино потому что прислань он василеи от пресвѣтлѣишихъ монарховъ великихъ Государеи своихъ, кгосударю же анекближнимъ ханским людемъ и іх Царского величества грамоту подал сафат гирѣю хану самому і вовсемъ порядокъ притомъ хане был пристоиной асне дѣло ныне творитца невѣдомо для чего потому есть ли бы великие Государи непмѣли кмиру склонности и грамоты ихъ Государскои кнему хану неприслано тоб отомъ всяко вменилося ато ныне конечно нѣчто уних начинаетца новое;

и бѣи говорил сколко де он василеи ниговори токмо болши того о чемъ он бѣи ему ноханскому указу объявил инако небудетъ, і чтоб он василеи ожидал об отпуске своемъ вѣдомости от ближняго человѣка отъ шахбулата аги:

Апрѣля въ 5 день василеи антемиревъ был у ближняго ханского человѣка на отпуске пополудни вдому ево:

и ближнеи человѣкъ говорил чтоб онъ василеи (хотя івидѣлъ ксебѣ будучи у них вкрыму какие случаи івзадержанні досадителства) предал забвению потому что втаковых междо государствы пересылкахъ бывающимъ людемъ много того случаетца, аныне де ханово величество указалъ ево василья совсеми принемъ будучими людми искрыму отпустит кмоскве і квеликим Государемъ посылаетъ сним васильемъ свои ханскои листъ ис которого листа он ага ему василью обявляетъ что писано къ ихъ Царскому величеству отом, буде великие Государи изволяютъ скрымскимъ ханом и совсем юртом быт вмиру и тот бы мир учинен был натом какъ бывало прежде сего и присланы бъ были для договору Царского величества послы вкрымъ да втом жеб договоре замирить и калмыцкого хана аюку.

І василеи ему агѣ опослѣ крымском кмоскве і объ отпуске своемъ что квеликимъ Государемъ листъ ханъ ему василью отдалъ самъ, и о подводах и обезопасномъ своемъ путя говорил тѣж вышеписанные слова что и бѣю розмѣнному и ближнеи человѣкъ говорил что у хана ему василью наотпуске быть нѣдлячего потому что от великих Государеи присылка ево вКрымъ безовсякаго добра чего хан с юртомъ и слышать нехотят, а отпускъ ему василью чинитца ныне для того что поего ханскому указу писал кгетману кивану степановичю мазепе каимакан Анкеримъ эфенде, буде отпустят смосквы крымского их гонца карамагметя тогда и он василеи іскрыму отпущенъ будетъ же, и потому и сеи ему василью отпускъ и творитца, а посолства никакова чинить ему хану нѣпротив чего для того хотя от великих Государеи грамота кнему хану и прислана, токмо дѣло внеи писано тож что и сним васильемъ, и кмиру нимало непотребное и чтоб онъ василеи квеликим Государемъ ханскои листъ у него принялъ; і василеи ханскои листъ у ближняго человѣка принял и отпущонъ вжидовскои городокъ;

а о подводах василью отказано, а толко дана одна подводка посланцу гетманскому.

А о провожатых он ближнеи человѣкъ сказал, что пошлетъ до перекопи сним одабашу да сеименя а от перекопи поѣдутъ они василеи до казыкерменя сказыкерменскимъ бѣемъ, а оттуду какъ ево василья допровадить до сѣчи ему бѣю по ханскому указу приказано.

И із жидовского городка василеи сиротчими поѣхал апрѣля въ 7 день

Вперекопь приѣхалі апрѣля къ 11 день і дожидалис казыкерменскаго бѣя апрѣля до 18-го дня василеи насвоем корму покупая і воду а гетманскому человѣку сказаками давалі кормъ пшено сорочинское масло брага и конскои кормъ.

А подтотъ час приѣзду василева пришли вперекои дѣти ханские,

Перекопскои бѣи саадетъ гирѣи салтанъ от очакова провожая втурскую землю кафинского нашу вышеписанного что приѣхал было сханом і взятъ чаушом для того что сего турского мустаоы салтана держит онъ себѣ зажену тетку ево родную отцову сестру, и сказываютъ что быть ему везиремъ.

Дашабас гирѣи салтанъ которои воевал вполше приѣхал скрымцы спетю сотъ человѣки избелогородчины, а ясырю ссобою привезли мужеска и женска полу стриста душъ;

а бѣи казыкерменскои заѣзжал вкозловъ для турскои казны левковои которая привезена исКилиі наполугодовое жаловане казыкерменскимъ бешлѣемъ пяти тысечамъ человѣком подватцати попяти левковъ начеловѣка, а всего имъ доходит попятидесятъ левков нагод человѣку.

А вперекои приѣхав апрѣля въ 18 день посылал вказыкермень по бешлѣевъ чтоб для провожанья тои казны приѣхали кперекопи.

И бешлѣевъ казыкерменских против 19-го числа вночи приѣхало и дожидалис ево бѣя на урочище конькую от перекопи вдесяти верстахъ три баирака втрехсотъ конех и болши,

а въ 18 день апрѣля василеи снимъ бѣемъ видѣлся и бѣи василью междо многими одорогѣ разговорами говорил, что де хану посолство кмоскве карачѣи отговорили для того, что против прежняго отмосквы кмиру нѣтъ склонения потому что засылка де прежде учинилас от гетмана присылан ксаадетъ гирѣю хану наптелеи радичъ и просил от него хана посла со обнадеживаниемъ таким какъ ныне і он василеи что учинитца доброе и хан де гетману повѣря гонца своего карамагметя кнему гетману дав ему листъ і квеликимъ Государемъ послалъ и тот де крымскои гонецъ от гетмана запроваженъ кмоскве и тамъ задержан былъ невѣдомо для чего, а онъ василеи прислан вкрым стаковым дѣлом что крымскому юрту отнюдъ непотребно и слышать ненадобно однакож когда Царское величество изволили гонца их крымского карамагметя отпустит то иханово де величество ево василья отпускает и приказал ему бѣю, от перекопи до казыкерменя и от казыкерменя до сѣчи запорожскои допровадить во всякои цѣлости потому что на тои дороге что от перекопи до городков бываетъ что иногда подбѣгаютъ калмыки и казаки и чинятъ шкоды великие, а от наших де

крымскихъ и белогороцких татар опасатис нѣчего, развеб де чего неучинилос от ваших.

І василеи хану за таковую добродѣтел что вручил цѣлость его вхранение такои честнои особе благодарствовал а ево бѣя просил чтоб онъ приказал ему василю выѣхат запереконь и стат гдѣ на кормъ потому что впереконн будучи конеи им кормить нѣчемъ. Купить неначто а каимакан переконскои вовсемъ отказал;

и бѣи говорил что за указом ханским не смѣетъ он ево василя без себя за переконь выпустить ни сажени, а поѣдемъ де дасть Богъ утре;

Апрѣля въ 19 день бѣи сказною а василеи слюдми выѣхали и почевали втомъ вышеписанномъ мѣсте гдѣ дожидалис бешлѣи,

а вказыкермень приѣхали въ 20 день после полудня.

А изказыкермени от бѣя счетырми человѣки провожатымі бешлѣями отпущенъ апрѣля въ 21 день;

всѣчю запорожскую приѣхали апрѣля въ 23 день

и просил василеи у кошевого атамана Петра Примы провожатых казаков до переволочни,

и кошевои провожатых недал и велѣлъ дожидатца вруские городы ватаги,

і ватага всѣче собралас і василеи стою ватагою из сѣчи поѣхал апрѣля въ 30 день.

К Днепру пришли и впереволочню перевезлись маия въ 6 день,

а от переволочни поѣхали мая въ 7 день и ѣхали нагороды насоколку, наповои санжаровъ, наполтаву, наопошное, назенков, налютенку, нагадачъ, наромен, насмѣлое, наконотои, набатурин;

а кбатурину приѣхав и у гетмана Ивана Степановича на оолварку ево был Василеи маия въ 16 день.

И гетман Іванъ Степановичъ василью говорилъ чтоб он василеи когда приѣдетъ кмоскве возвестил ближнему Царского величества боярину Лву Кириловичю Нарышкину и думному дьяку Емелину Игнатевичю Украинцову что он гетман поуказу великих Государеи на их Царского величества назначенную службу избатурина ужвыступил и поидетъ кпереволочне споспешением и рецменту своего всѣм полкомъ выходить велѣл, а киевскому слубенскимъ полкомъ тою стороною днепра велѣлъ онъ гетманъ итить и при помощи Божіеи ударить подъ городки и отогнать у нихъ конскія и животинныя стада, которыя у нихъ ходятъ ныне за миромъ съ запорожцы въ поляхъ безопасно, а самъ онъ гетманъ поидетъ съ переволочны съ поспѣшеніемъ толко ему ныне трудно і недадутъ поспѣшить днепровые и

іных рѣкъ полые воды великие да и пришедше кпереволочне пушечных тягостеи перевозит нѣначемъ всего тамъ возмъ нар линъ і то невеликие а струги изкиева небывали і втом от великих Государеи опасенъ он насебя ихъ Государского гнѣву;

А другое и то естьли сеи походъ и на азовъ Царского величества воискъ промыслъ и поісноздается то клутчеи бы вѣдомости и кнадежному на неприятеля наступлению когда вѣдомо будетъ что у цесаря стуркомъ будет чинитися и ханъ искрыму навенгры поидетли или непоидетъ.

Перевод статарского писма зграмоты какову квеликимъ Государемъ крымскои Гаджи Селим гирѣи ханъ писал згонцомъ посолского приказу сподячимъ свасилемъ антемиревымъ въ 203-м году маия въ 30 день.

вначале писано золотом сице;

Единъ Богъ.

дан лапе золотомже:

Гаджи селимъ гирѣи ханово величество слово наше,

а потомъ:

Божиею милостию великие орды великого юрта крымского престола кипчатцкие степи безщетных многих татар и безсмѣтных нагаи тацкие и тевкецкии и межгорскихъ черкѣс великиі Государь ханово величество свѣтлѣишии и храбрѣишии высочаишии я великиі Гаджи Селим Гирѣи ханъ от Бога созданныи, і величество наше всею великия и малыя и бѣлыя росиі восточных и западныхъ і сѣверныхъ стран христианскихъ и многих земел Государемъ и обладателем, братнамъ нашимъ великим Государемъ Царемъ і великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичю Петру Алексѣевичю величествам вашимъ любителное вдружбе премного много поздравление, а после поздравления нашего сею грамотою извѣстно чинимъ, что спосланнымъ бывшаго саадетъ гирѣя хана гонцомъ скарамагметемъ агою ксветлѣишему нашему ханову величеству влюбителнои вашеи грамоте писано, что гонца нашего карамагмете агу отпустили и отом намъ вѣдомо учинили и чтоб вашихъ братиіи нашихъ посланныхъ гонцовъ кбывшему саадетъ гирѣю хану ввашу сторону отпустит мы велѣли, и отомъ писали, и я ханово величество по желанию вас братиіи нашихъ ваших гонцовъ ввашу сторону отпустит повелѣлъ; а то вамъ братиіи нашимъ извѣстно что каимыцкои аюкаиханъ снашимъ хановымъ величеством вдружбе ивбратстве і вы братия наши буде желаете снами хановымъ величествомъ издругомъ нашим скалмыцкимъ аюкаемъ ханомъ вмиру быть и меж нашихъ трехъ Государствъ договоряс укрепитца о миру, прислатиб вамъ внашу сторону кнашему величеству посла и дастъ (Богъ) доброе междо вами великими Государи и нашим хановымъ величествомъ, и другомъ нашимъ аюкою дружба будетъ.

Писано впрестолномъ нашемъ Бакчисарае 116 году мѣсяца шабана впослѣднемъ числѣ.

Печать у тои грамоты чернилами авнен написано: Гаджи Селимъ Гирѣи ханъ.

А въ ярлыке тои грамоты написано:

великие орды великого юрта крымского престола кипчацкие степи безцетныхъ нагаи и безмѣтныхъ татар светлѣишаго Гаджи Селимъ гирѣя ханова величества россiискимъ межвосточных и западных странъ многих христиан Царемъ братием нашимъ великимъ Государемъ і великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичю Петру Алексѣевичю донести;

На томъ листу помѣта думного дiака Емеляна Игнатевича Украинцова такова:

23 июня въ.... день великимъ Государемъ извѣстно, и бояромъ чтено.

Сообщилъ дѣйств. членъ А. П. Маркевичъ.

Архива Сердара Малише и Капетана Бошка Буѣића-Никшића

у едно скупльена и изнова преписана сыномъ любительемъ старіехъ Требѣшана ради младежи Србске.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1842 г. въ Бѣлградѣ издана была книга: Казыванъ стары требѣшана и архива Сердара Малише и Капетана Бошка Буѣића-Никшића, заключающая, какъ это видно изъ заглавія, во первыхъ (стр. 1—94): исторію села Требѣса, находившагося въ Герцоговинѣ, частью по относящимся къ концу XVIII в. воспоминаніямъ старыхъ требѣшанъ, частью на основаніи документовъ; затѣмъ исторію переселенія требѣшанъ въ Россію, водворенія ихъ вблизи г. Одессы, гдѣ ими построено село Славяносербка, службы ихъ въ Россіи и призванія за ними россійскаго дворянскаго достоинства.

Во вторыхъ, въ книгѣ этой напечатано (стр. 95—302 и 305—306) собраніе актовъ, относящихся къ исторіи требѣшанъ, какъ на родинѣ, такъ и въ Россіи, изъ архива бывшихъ требѣшанъ же Сердара Малише и Капетана Бошка Буѣића-Никшића. Такихъ актовъ 95 (№№ 1—94 и 96), по времени отъ 1655 по 1824 годъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ и лишь № 96 находится не на мѣстѣ: ему слѣдуетъ быть между №№ 64 и 65; вѣроятно, онъ былъ найденъ позднѣе другихъ, когда тѣ уже были напечатаны. Въ большинствѣ случаевъ напечатанные въ книгѣ акты служатъ оправдательными документами къ сказанію.

Къ этому присоединены: № 95 (стр. 303—304)—изложеніе, по Хронологическому Обозрѣнію Исторіи Новороссійскаго Края А. Скальковскаго, обстоятельствъ поселенія требѣшанъ въ с. Славяносербкѣ, и № 97 (стр. 307—317)—составленный 15 марта 1841 г. списокъ лицъ изъ фамиліи Никшичей, которыя имѣли россійскіе ордена и знаки отличія, или служили въ россійской государственной службѣ.

Оканчивается книга спискомъ подписчикамъ на нее, преимущественно въ Бѣлградѣ и въ иныхъ, впрочемъ немногихъ, мѣстахъ. Повидимому,

книга была напечатана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ; изъ русскихъ мѣстностей упоминается лишь Одесса, подписавшаяся на 5 экземпляровъ; впрочемъ, по воспоминаніямъ живущаго нынѣ въ Одессѣ Г. Хр. Драгичевича-Никшича, книга была дана всякой семьѣ Никшичей въ с. Славяносербкѣ. Кажется, теперь книга эта уже рѣдка; по крайней мѣрѣ мы получили ее благодаря любезности В. П. Драгичевича-Никшича; по словамъ Г. Хр. Драгичевича-Никшича у самихъ Никшичей сохранилось не болѣе 2—3 экземпляровъ этой книги.

Посвящена книга извѣстному писателю черногорцу Георгію Милутиновичу.

Въ книгѣ нѣтъ никакихъ указаній на то, кто ее издалъ и даже кто ее составилъ, и лишь обиліе указаній, какъ въ исторіи, такъ и въ архивѣ, относительно фамиліи Никшичей, равно и находящійся въ книгѣ списокъ ихъ службъ и отличій съ очевидностью показывали, что она составлена по матерьяламъ, собраннымъ какимъ либо Никшичемъ, если даже не имъ написана; причемъ изъ обилія встрѣчающихся въ Исторіи мѣстъ на русскомъ языкѣ и даже русскихъ стиховъ видно, что составитель былъ требѣшанинъ уже въ достаточной степени обрусѣвшій.

Въ 1889 г. членъ нашего Общества А. А. Скальковскій передалъ въ мое распоряженіе записку, поясняющую исторію составленія и изданія книги. Составителемъ ея оказывается одесситъ, старшій адъютантъ корпуса жандармовъ, Иванъ Степановичъ Драгичевичъ-Никшичъ (р. 1804 † 1845 г.), а издателемъ сербскій литераторъ Тиролъ. Записка, о которой я говорю, составлена была тѣмъ же И. Ст. Драгичевичемъ-Никшичемъ для А. А. Скальковскаго 18 октября 1842 г., уже послѣ изданія книги въ Бѣлградѣ. Изъ записки же видно, что г. Драгичевичъ-Никшичъ и послѣ изданія книги продолжалъ собирать документы, относящіеся къ исторіи требѣшанъ, и собралъ ихъ немало еще. Въ виду нѣкотораго интереса, представляемаго запискою г. Драгичевича-Никшича, сообщаю здѣсь ее полностью:

Новыя примѣчанія къ сказанію старыхъ Требѣшанъ и къ архиву ихъ.

Старые Требѣшане въ Герцеговинѣ были очень богаты. До дня втораго разоренія Требѣсы они кромѣ, каменныхъ домовъ, существовавшихъ съ незапамятныхъ временъ *), огромнаго скотоводства и прочей движи-

*) Изъ развалинъ старой Требѣсы, въ послѣдствіи опять воздвигнутой и вновь Турки выстроили множество самыхъ лучшихъ домовъ въ своемъ городѣ Оногоштѣ. Въ развалинахъ этихъ камень былъ штучный, тесаный и большого размѣра, а известь такъ клейка, что остатки стѣнъ, сажени въ три величиною, падая съ высоты, нераздѣлились

мости, имѣли въ своемъ владѣніи собственномъ около 300 т. десятинъ земли. Да какой земли! красы и величія природы! земли, гдѣ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ вѣчныхъ снѣговъ растутъ самыя лучшія травы и душистые цвѣты; земли съ подоблачными горами и плодоносѣйшими долинами, гдѣ почти всѣ произведенія лучшихъ частей свѣта произбаютъ: земли съ превосходными пастбищными мѣстами, огромнымъ строевымъ лѣсомъ, звѣриною и рыбною ловлею: земли, обильной рѣками и источниками цѣлительныхъ водъ, камнемъ и всякаго рода угодьями; земли, лежащей въ самомъ лучшемъ благорастворенномъ климатѣ, гдѣ люди и въ преклонныхъ лѣтахъ сильны и духомъ и тѣломъ и гдѣ бодрыхъ столѣтнихъ старцевъ вы болѣе, нежели въ какой либо странѣ свѣта, встрѣтите. Такой земли у дѣдовъ старыхъ Требѣшанъ было въ четверо болѣе, нежели у внуковъ ихъ. Варварство и насиліе Турковъ присвоило ее себѣ. Я не въ состояніи описать удобствъ и всѣхъ красотъ ея. Скажу только (что впрочемъ и изъ послѣдствій видно), что обладаніе такимъ имѣніемъ поддерживало всегдашнюю благородную гордость, славолюбіе и замѣчательную высокость духа старыхъ Требѣшанъ и было причиною особенной къ нимъ ненависти Турокъ. Послѣдніе всегда и всѣми мѣрами старались истребить или вытѣснить первыхъ и овладѣть ихъ наслѣдственнымъ добромъ (въ чемъ наконецъ и успѣли), котораго старикамъ нашимъ жаль было и которое, имѣя съ Православною вѣрою и свободою, они, покуда у нихъ силъ хватало, защищали. Едва ли какая либо фамилія Сербская пострадала и потеряла столько своего прекраснаго имѣнія, сколько потеряли и пострадали старые Требѣшане. И что же? Простосердечные и славолюбивые, мы всѣ понли одною трудною военною дорогою и изъ всего этого немного извлекли для себя пользы, мы не удержали за собою даже и тѣхъ 12 т. десятинъ земли, которые намъ здѣсь отведены были для заселенія. Не знаю фамиліи, которая бы за такія огромныя жертвы такъ мало вещественныхъ воздаяній получила, въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ отцы и дѣды наши владѣли въ Требесѣ, близкой къ торговымъ портамъ Адріатики. Не знаю рода, которому бы свободное состояніе досталось толикою цѣною трудовъ и крови, коликою досталось оно намъ. Но вѣрно Богу угодно было ниспослать на насъ такое тяжкое испытаніе. Съ смиреніемъ покоряемся Его святой волѣ.

на части, но держались вмѣстѣ, какъ будто цѣльная масса. Даже топорами и ломами трудно было разбить одну штуку камня отъ другой. Изъ этого можно судить, каковы были дома и другія постройки въ Требесѣ, которой священное для насъ имя желалъ воскресить Богданъ нашъ, «подобнаго которому Сербка можетъ родить только въ 1000 лѣтъ одинъ разъ и то едвали такого рѣдкаго любителя рода своего, за который всегда готовъ былъ жертвовать всѣмъ, подвергая душу, тѣло, жизнь и имѣніе». Такъ о Богданѣ нашемъ отзывался одинъ человѣкъ, знавшій его коротко. По отзыва этого объ немъ изъ скромности я не рѣшился помѣстить въ сказаніи.

Временно пребывавшій въ Одессѣ. сербскій литераторъ Тиролъ, познакомившись здѣсь со мною, однажды спросилъ меня: не знаю ли я Богдана, Милована или кого нибудь изъ старыхъ Требѣшанъ? Отвѣтомъ было, что и на дочери перваго женатъ, второго родной внукъ и всѣхъ зналъ. Послѣ этого онъ разсказалъ мнѣ, что имѣетъ замѣтки и порученіе отъ Вука Стеф. Караджича собрать здѣсь всевозможныя свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ нашихъ и сдѣлать извлеченіе изъ архива нашего, которые, по словамъ Вука и еще нѣкоторыхъ отечестволюбцевъ нашихъ, знавшихъ старыхъ Требешанъ въ Требѣсѣ и въ Моравѣ, должны быть очень любопытны и интересны для Сербовъ. Когда, по требованію Тирола, я сообщилъ ему выписки изъ архива ст. Требѣшанъ и извѣстное мнѣ о прошедшемъ и настоящемъ ихъ, онъ произнесъ: «Грѣшно, чтобы такія любопытныя и интересныя для всѣхъ Сербовъ событія и факты объ нихъ, дѣлающія всѣмъ намъ честь, оставались *необълодвореними*, т. е. невынущенными въ свѣтъ! Сербія нынѣ возрастаетъ, она съ сердечнымъ удовольствіемъ приняла бы свѣдѣнія эти. Хотите, я напечатаю ихъ?»—Очень хотѣлъ бы; но они неполны и многіе изъ документовъ, по причинѣ *истребленія хрисовуля Агарянскими чады* и по другимъ случаямъ, утеряны. Поэтому непонятны будутъ промежутки, которые дополнить могло бы изложенное на письмѣ сказаніе стар. Требѣшанъ.—«Такъ напишите же его».—Немогу, ибо не обладаю нужными для этого свѣдѣніями, занятъ службою и невсегда воленъ располагать собою. Сверхъ того вы хотите, чтобы оно было написано по сербски; а я родился и взросъ въ Россіи, сербскому языку учился только отъ дѣда, отца да матери монхъ, хорошо его не знаю, а что и знаю, то и это выражаю не вашимъ, по моимъ природнымъ Герцеговинскимъ нарѣчіемъ, на которомъ печатать что либо запрещено типографіи Княжества Сербскаго.—«Ужъ какъ хотите, а я не отстану отъ васъ до тѣхъ поръ, пока вы, къ дополненіе къ архиву вашему, не доставите мнѣ описанія причинъ переселенія вашего сюда и дѣйствій предковъ и отцовъ вашихъ какъ въ Герцоговинѣ, такъ и здѣсь. Матеріалы у васъ подъ руками, а это суть—сказанія вашихъ столѣтнихъ стариковъ и архивъ. Пишите, какъ умѣете и можете, только непремѣнно пишите. Здѣсь я перепишу это на то нарѣчіе, которымъ говорятъ и на которомъ печатаютъ теперь книги въ нынѣшней Сербіи; а поѣхавши туда, сообрячу съ исторіею и географіею нашею, нужное исправлю и издамъ въ свѣтъ. Вы только дайте мнѣ замѣтки и на типографскія издержки 200 руб. ассигнаціями; остальное я беру на себя и даю вамъ слово, что черезъ годъ вы получите отъ меня 50 печатныхъ экземпляровъ сказанія и архива стар. Требѣшанъ. Вы ихъ, печатныя, будете съ большею легкостію и удовольствіемъ читать, нежели руконисныя». Такимъ то образомъ стала осуществлятся давнишняя мысль объ изданіи въ Сербскій свѣтъ сказанія ст. Требѣшанъ и архива ихъ. Я согласился

на всѣ требованія Тирола, надѣясь, что буду имѣть довольно свободнаго времени къ составленію и исправленію замѣтокъ. Между тѣмъ весною 1841 года Тиролъ неожиданно и вдругъ долженъ былъ выѣхать отсюда въ Бѣлградъ. Въ это же самое время и мнѣ встрѣтилась необходимая надобность отправиться въ Херсонъ. Поэтому и какъ мы оба торопились выѣздомъ на срокъ, сказаніе окончено на скорую руку, а потомъ и изъ печати вышло безъ оглавленія, предисловія, перемѣнъ (кромѣ нарѣчія, измѣненнаго однако же Тиреломъ) и безъ поправокъ, которыя, я полагалъ, Тиролъ напишетъ и сдѣлаетъ, какъ уполномоченный на это и получившій всѣ свѣдѣнія и деньги. Но онъ, какъ видно, не рѣшился или не успѣлъ этого сдѣлать, можетъ быть, по причинѣ происшедшихъ тогда въ Сербіи политическихъ переворотовъ, въ слѣдствіе которыхъ онъ и самъ перешелъ въ Австрію, довольный, вѣроятно, и тѣмъ, что и такъ могъ исполнить данное мнѣ обѣщаніе и напечатать эти домашнія мои замѣтки, писанныя болѣе для нашихъ дѣтей, нежели для ученыхъ людей. Впрочемъ, какъ ни плохо само по себѣ и какъ ни богато типографскими погрѣшностями сказаніе это, а за изданіе его я остаюсь очень благодарнымъ Тиролу. Мнѣ жаль только, что я не упомянулъ о границахъ, количествѣ и качествѣ земли, принадлежавшей старымъ Требѣвнанамъ. Это одна изъ важнѣйшихъ статей, но, признаюсь, что прежде, за поспѣшностію скорѣе окончить сказаніе, она мнѣ на мысль не пришла.

Послѣ выѣзда Тирола отсюда, я въ разныхъ мѣстахъ еще отыскалъ болѣе полусотни документовъ, касающихся исторіи старыхъ Требѣвнанъ. Изъ нихъ особенно любопытны:

1-е. Первая къ Сербамъ грамота Императора Петра Перваго, отъ 3-го Марта 1711 года, которою Великій приглашалъ Сербовъ поднять оружіе противу Турковъ и писалъ, что онъ и самъ «съ любезновѣрными и не«кусными войски своими самоперсонѣ противъ непріятеля онаго высту«паетъ, ... а поганина магомета наслѣдницы будутъ прогнаны въ «старое ихъ отечество, въ пески и степи Аравійскія».

2-е. Письма Владыки Черногорскаго къ ускокамъ, распорядительныя и уже ласковыя.

3-е. Письма Герцеговинскаго Митрополита Ананія, имѣвшаго, по Высочайшему повелѣнію Султана, вмѣстѣ съ Синанъ Пашею, порученіе, — убѣдить Требѣвнанъ возвратиться «на свою старину».

4-е. Письмо Бечиръ-Паши Ченчійча къ Сердарю Минѣ о назначеніи мѣста для ихъ свиданія и о намѣреніи Паши вручить Сердарю письмо для передачи дядѣ Бечира (понявшемуся къ Русскимъ въ плѣнъ при взятіи Очакова).

5-е. Письма Оногоштскихъ и Каланпискихъ Турецкихъ Капитановъ, которые суть тоже, что у насъ военные губернаторы городовъ и городскихъ общинъ, о заключеніи мира и о заложникахъ.

6-е. Краткія замѣтки Протоіерея Рафаила о разныхъ событіяхъ въ Герцоговинѣ, Албаніи и Черной горѣ съ 1687 года и о появившемся тамъ подъ именемъ Россійскаго Императора Петра 3 самозванцѣ Степанѣ Маломъ.

7-е. Пѣсня о сраженіи на Моравѣ въ 1795 году.

8-е. Отрывокъ краткаго топографическаго описанія Требѣсы и окрестностей ея, писаннаго собственною рукою Богдана въ 1813 году.

9-е. Письмо Мира Калабича о житьѣ и подвигахъ до 1814 года оставшихся въ Моравѣ Требѣпанъ и другихъ ускоковъ.

Я очень сожалѣю, что эти факты и любопытныя свѣдѣнія поздно отысканы и потому остались непапечатанными Также любопытны и анекдоты замѣчательнаго Богдана нашего, отличавшагося братолюбіемъ, чрезвычайными способностями на многое, удивительною смѣлостію въ опасностяхъ и примѣрнымъ величіемъ духа.

Еслибы сказаніе стар. Требѣпанъ было написано при жизни и со словъ Сердаря Мины, Протоіерея Рафаила, Воеводы Милована и Капитана Богдана, оно бы было и полнѣе и гораздо важнѣе и занимательнѣе нынѣшняго. Но этого я не могъ сдѣлать, потому что, за жизни этихъ славныхъ и доблестныхъ старцевъ, сперва былъ очень молодъ, а потомъ находился съ полкомъ въ походахъ. Теперь бы я дорого заплатилъ, еслибы хоть для этого только дѣла, на нѣсколько времени могъ воскресить ихъ. Имъ, великимъ труженикамъ, очень хотѣлось оставить по себѣ замѣтки о многомъ. На закатѣ дней своихъ, они часто многимъ изъ насъ говаривали: «Замѣтьте, дѣточки, то и то, или, въ противномъ случаѣ, послѣ будете жалѣть объ этомъ; но мы, тогда дѣти еще, не понимали важности ихъ словъ и потому не вполнѣ исполнили ихъ, о чемъ теперь сердечно сожалѣемъ! Прожившіи «въ вѣкъ бурный, дивный вѣкъ, громкій, величавый» по 75 и по 100 лѣтъ, они знали и своими глазами видѣли много важнаго и интереснаго и съ точностію могли намъ передать его. Теперь бы это вѣрное преданіе имѣло свою цѣну и было бы и пріятно и полезно, если не кому иному, то хоть намъ, потомкамъ старыхъ Требѣпанъ, обязаннымъ знать наше прошедшее для уразумѣнія и улучшенія нашего настоящаго и будущаго. Но старцы канули въ вѣчность и я, представляя любви вашей къ соотчичамъ моимъ слабый очеркъ о жизни и дѣйствіяхъ старцевъ этихъ, усерднѣйше испрашиваю благосклоннаго вниманія вашего къ ихъ памяти и милостиваго снисхожденія къ послѣднимъ трудамъ имѣющаго честь быть къ вамъ съ отличнымъ почтеніемъ, мало ученаго и простаго Серба и вашего покорнѣйшаго слуги Ивана Драгичевича-Никшича.—

Въ запискѣ этой авторъ между прочимъ выражаетъ сожалѣніе, что имъ недостаточно опредѣлены прежнія обширныя земельныя владѣнія требѣшанъ на родинѣ: въ 1844 г. ему и это нѣсколько удалось выполнить, почему онъ составилъ о томъ небольшую записку, тоже переданную имъ Г. Скалькопскому и нынѣ отданную мнѣ. Заключается въ ней слѣдующее:

«17-го Августа 1844-го года, въ день рожденія и именинъ сына моего Алимпія, будучи въ деревнѣ, я попросилъ къ себѣ на чай и ужинъ отца моего и дядей Вукелю и Мурата (Федора Петровича). Мнѣ хотѣлось угостить почтенныхъ старцевъ и побесѣдовать съ ними о ихъ житьѣ бытьѣ и имуществѣ въ Требѣсѣ; а дяди Вукели желалъ, чтобы, покуда онъ еще живъ, я сдѣлалъ со словъ его замѣтки, гдѣ именно и сколько земель было у старыхъ Требѣшанъ.

Жаль всего, что варварство и насиліе Турокъ отняли у отцовъ и дѣдовъ нашихъ, но наиболѣе жаль земель и угодій, которыми они изобиловали. Угодья эти заключались во множествѣ постоянно протекавшихъ чрезъ ихъ земли рѣчекъ и ручьевъ; въ источникахъ живыхъ цѣлительныхъ водъ; въ огромныхъ строевыхъ лѣсахъ, въ которыхъ водились разнородные животные и звѣри, и даже олени и медвѣди; въ прекрасномъ для зодчества и мельничныхъ жернововъ камнѣ и въ мраморѣ; въ произрастеніяхъ земли, которыми бы могъ гордится самый лучшій ботаническій садъ, и въ прочемъ. По словамъ дяди Вукели, которому теперь отъ роду болѣе девяноста лѣтъ, и по словамъ 70-ти лѣтняго отца моего и Федора Петровича, старые Требѣшане, въ день разорѣнія Требѣсы во второй разъ, 18-го Августа 1789 года, имѣли въ своемъ собственномъ владѣніи земли до 300 т. десятинъ. Земля эта была въ четырехъ, нѣсколько одинъ отъ другаго отдѣленныхъ кускахъ:

1) Подъ селеніемъ Требѣсою и вся лѣвая половина Никшичскаго поля до самой дороги, называемой Коловозъ и идущей изъ Требѣсы съ сѣвера на югъ. Дорога эта, какъ будто бы нарочно прорѣзанная и имѣющая ровную каменную подошву, почти на полсажени углублена въ землю. Она въ послѣднее время была межею между землею старыхъ Требѣшанъ и землею Турокъ въ Никшичскомъ полѣ. Такъ называемое Сливье и Студенцы съ водяными мельницами принадлежали Требѣшанамъ.

2) Лукавицу и въ кругу ихъ: Журимови (величественнаго вида горы съ 70-ю источниками цѣлительныхъ водъ), Штитово, Плочникъ, Ружинъ долъ до Црвенога Ждріела или Краснаго Прохода.

3) Трепча, Нѣгошъ, Сріеде Горнье и Долнье, Напратни Долови, Яворакъ, Жива и Градачка Поляна подъ Войникомъ.

4) Ластва у Рiечанима.

При всемъ желаніи, я никакъ не могъ опредѣлить количества Требѣсскихъ земель съ математическою точностію. Причиною этому «нетреб-

леніе агаринскими чады хрисовулъ» и старинныхъ записей, о чемъ имѣются два соборныя показанія въ Архивѣ Сердаря Мины. Однако же, чтобы подойти къ истинѣ сколь возможно ближе, я подробно спрашивалъ стариковъ: какъ бы великъ былъ кусокъ ихъ земель въ Лукавицахъ, если бы привести его въ ровный со всѣхъ сторонъ четвероугольникъ? Отвѣтомъ было: положи 20, но можно поручится что былъ бы и въ 25 верстъ съ каждой стороны. Въ 20-ти верстномъ квадратѣ выходитъ 41,666$^2/_3$ десятины. Какъ же Тренча, Пьегошъ, Сріеде и проч. были въ пять разъ болѣе, нежели Лукавицы, то и выходитъ, что отцы и дѣды наши, въ послѣднее время жительства ихъ въ Требѣсѣ, имѣли собственной земли до 300 т. десятинъ, не считая Никшичскаго поля, Сливля, Студенцовъ и Ластвы у Ріечанима.

Что, если бы такое количество земель и съ такими угодьями, будучи въ прекраснѣйшемъ и здоровомъ климатѣ, было еще въ просвѣщенномъ и въ благоустроенномъ государствѣ и, какъ въ Герцеговинѣ, принадлежало намъ? Мы бы нынѣ не терпѣли недостатковъ, мы бы благоденствовали, мы бы не упадали, но напротивъ того возвышались бы духомъ. Послѣ этаго понятно, отчего старые Требѣшане, одаренные высокими отъ природы чувствами, почти всегда бывало прослезятся, когда вспомнятъ о родинѣ своей и о имѣніи своемъ въ ней.

«О, край родной, поля родныя!
«Намъ васъ ужъ болѣ не видать!
«Васъ, гробы праотцевъ святые,
«Изгнанникамъ не обнимать!
«Горитъ напрасно пламень пылкій
. . . . . .

Понятно, отчего, когда старые Требѣшане, въ 1804-мъ году, со всѣмъ оставляли родную землю и, слѣдуя по пути въ Россію, были уже на Планинѣ Трубѣлѣ, Минованъ Динниħь, 70-ти лѣтній, но добрый и мощный еще тогда старецъ, немогши одолѣть чувствъ сердца, драматическимъ голосомъ воскликнулъ: «станте браħо, за Бога, да іоштъ погледамо на наше Журимове: веħь игъ никда више виħети неħемо!»

Упоминаемый въ запискѣ Алимпій Ивановичъ Драгичевичъ Никшичъ уже умеръ, но живъ иной сынъ И. Ст. Драгичевича Никшича—Василій Ивановичъ, отъ котораго я получилъ, какъ сказано выше, Казыванѣ стары требѣшана и пр.

Но И. Ст. Драгичевичъ Никшичъ представилъ въ распоряженіе А. А. Скальковскаго и свой архивъ, пополненный тѣми документами, о которыхъ онъ упоминаетъ въ запискѣ 1842 г. Это копіи съ актовъ, очень хорошо переписанныя; занимаютъ онѣ 138 полулистовъ.

Для болѣе точнаго опредѣленія, какіе изъ находящихся здѣсь матерья-

ловъ не вошли въ изданіе 1842 г., я произвелъ сличеніе, давшее слѣдующіе результаты:

Послѣ названія: Архива Сердара Малише и Капетана Бошка Буђиђа Никшића - слѣдуетъ какъ бы его окончаніе: у едно скупљена и изнова преписана сыномъ любительемъ старіехъ Требѣшана, ради младежи србске.

Затѣмъ два эпиграфа:

1) «Кровь во мнѣ течетъ изъ жилъ вашихъ предковъ» слова графа Милорадовича къ сербамъ.

2) «Лети душе по вѣцы старинства,
«Свудъ ћешъ виђетъ съ вѣнныма юнаке,
«Што родише старе србске майка».

Изъ пѣсни Драгоміра на Косову.

Потомъ слѣдуютъ самые акты:

Первые 10 номеровъ въ рукописномъ архивѣ тѣ же, что и въ книгѣ; но № 11 въ книгѣ нѣтъ. Это грамота Петра Великаго черногорцамъ отъ 3 марта 1711 г., списанная въ 1815 г. въ Цетиньскомъ архивѣ; о ней упоминаетъ составитель архива и въ своей запискѣ. Но она уже раньше была опубликована Милутиновичемъ въ соч. «Исторія Црне Горе одъ искони до новіега времене. Бѣоградъ 1835», стр. 35—44; откуда перепечатана въ статьѣ профессора Кочубинскаго «Сношенія Россіи при Петрѣ I съ южными славянами и румунами» (Чтен. Имп. Общ. Ист. и Древн. Р. при Моск. Универс. 1872 г., кн. 2), стр. 37—39. Такая же точно грамота и съ тою же датою напечатана была еще раньше Голиковымъ въ Дѣяніяхъ Петра Великаго т. XII, стр. 278—283, но съ значительными и любопытными разночтеніями; вѣроятно, Голиковъ имѣлъ въ рукахъ брульонъ грамоты, который при посылкѣ въ Черногорію былъ нѣсколько измѣненъ.

№№ 12—19 въ книгѣ есть, но означены тамъ №№ 11—18. № 20 рукописи опять отсутствуетъ въ книгѣ; это легендарный разсказъ лѣтописнаго характера о Никшѣ, очевидно—якобы предкѣ Никшичей, составленный въ половинѣ XVII вѣка и переписанный въ 1745 году.

№№ 21—32 снова есть въ книгѣ, гдѣ они означены №№ 19—30. Подъ № 33 находится очень длинная пѣсня О бою на Морачи 1795 г. Подъ № 34 Лѣтописныя замѣтки требѣскаго протопопа Рада (Рафаила) Симоновића Никшића, начинающіяся 1687 г. и оканчивающіяся 1796 г.

№№ 35—48 находятся въ книгѣ, означенные №№ 31—44. № 49 представляетъ отношеніе херсонскаго военнаго губернатора Беклешова отъ 16 іюня 1803 г. (Симферополь) Конторѣ Опекунства Новороссійскихъ Иностранныхъ Поселенцевъ, съ изложеніемъ соображеній о надѣленіи выходцевъ изъ Черногоріи и Герцеговины землею у Молочныхъ водъ въ размѣрѣ 120,000 десятинъ.

№№ 50—61 опять есть въ книгѣ подъ №№ 45—56.

№ 62—предложеніе херсонскаго военнаго губернатора Розенберга той же конторѣ отъ 24 октября 1804 г. (Херсонъ), въ которомъ сообщается о различныхъ просьбахъ прибывшихъ въ Россію герцеговинцевъ. Этого № въ книгѣ нѣтъ, равно и слѣдующаго № 63—раппорта конторѣ отъ товарища главнаго судьи Бригонци отъ 23 ноября 1804 г. (Одесса) о прибытіи въ Одессу славяно-сербскихъ переселенцевъ, списокъ которыхъ онъ при семъ представляетъ, и о возникшихъ по поводу назначенія имъ продовольствія недоразумѣній. И дѣйствительно далѣе—№ 64 слѣдуетъ указанный выше списокъ (подписанный Бригонци), изъ котораго видно, что Сердарь Мина Никшичъ съ товарищами прибылъ къ Одесскому порту на цесарскомъ суднѣ Ла Маниѳика, подъ управленіемъ шкипера Петра Юрасовича. Списка этого тоже нѣтъ въ книгѣ, а вмѣсто него помѣщенъ иной, о которомъ скажу нѣсколько ниже.

Точно также нѣтъ въ книгѣ и №№ 65—67, изъ коихъ № 65—предложеніе одесскаго военнаго губернатора герцога Де-Ришелье конторѣ отъ 21 декабря 1804 г. (Одесса) о состоявшемся Высочайшемъ повелѣніи принять переселенцевъ и съ распоряженіями относительно ихъ пріема; № 66—извѣщеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ графа Кочубея герцогу де Ришелье о состоявшемся относительно переселенцевъ Высочайшемъ указѣ и съ предложеніемъ извѣстныхъ мѣръ для ихъ пріема. Бумага помѣчена 26 ноября 1804 г., почему ей слѣдовало бы быть внесенною въ архивъ раньше предшествующей; очевидно, она была послана герцогомъ де Ришелье конторѣ, какъ приложеніе къ предшествующей, и въ такомъ порядкѣ снята была съ нихъ копія въ конторѣ; свѣрялъ копію съ оригиналомъ тотъ же Бригонци. № 67—извѣщеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ графа Кочубея герцогу де Ришелье отъ 21 февраля 1805 г. о Высочайшемъ повелѣніи относительно уплаты 500 червоныхъ за доставленіе въ Одессу переселенцевъ.

№№ 68 и 69 есть въ книгѣ—№№ 57 и 58; а затѣмъ снова нѣтъ документовъ, означенныхъ №№ 70—74; изъ коихъ въ № 70 заключается ходатайство предъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ герцога де Ришелье отъ 7 іюня 1805 г. о разрѣшеніи надѣлить переселенцевъ землею въ проэктированномъ имъ размѣрѣ въ томъ участкѣ, куда они уже отправлены, и деньгами на обзаведеніе. Въ № 71 заключается извѣщеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ герцогу де Ришелье отъ 13 іюля 1805 г. о состоявшемся Высочайшемъ утвержденіи проэктированныхъ герцогомъ де Ришелье мѣръ; въ № 72—предложеніе герцога де Ришелье конторѣ отъ 3 августа 1805 г. надѣлить переселенцевъ землею въ извѣстномъ размѣрѣ; въ № 73—выписка изъ раппорта конторѣ Бригонци отъ сентября 1805 г. о состоявшемся 28 апрѣля приведеніи къ присягѣ переселенцевъ на русское под-

дание. и въ № 74—извѣщеніе херсонской казенной палаты отъ члена конторы князя Мещерскаго отъ 14 ноября 1805 г. о томъ, что переселенцамъ земля отведена и они на ней поселены 5 мая 1805 года.

Вмѣсто этихъ документовъ въ книгѣ подъ № 59 напечатанъ списокъ выходцамъ изъ заграницы сербамъ, именуемымъ вообще Никшичами и поселившимся въ с. Славяносербскомъ; при немъ помѣта, что онъ составленъ въ январѣ 1807 г., а поданъ 5 февраля 1807 г., а куда—неизвѣстно. Это не тотъ списокъ, который въ рукописи помѣщенъ подъ № 64, и сличеніе показываетъ, что, независимо отъ разницы въ лѣтахъ, иногда фантастической (напр. матери Сердаря въ 1804 г. было 67 лѣтъ, а въ 1807 уже 77 лѣтъ, и такихъ примѣровъ много), есть разница и въ самыхъ упоминающихся лицахъ: напр. Сердарь Мина Никшичъ женился на русской дворянкѣ Маріи Дружининой и имѣлъ сына Николая и т. п. Въ общемъ число мущинъ переселенцевъ осталось одно и тоже—55, но число женщинъ увеличилось: по списку 1804 г. ихъ было 42, а по списку 1807 г.—46; почему и число лицъ вообще изъ 97 выросло до 101. Отчего г. Драгичевичъ Никшичъ не списалъ въ свой архивъ списка 1807 г., напечатаннаго въ 1842 г., не знаю; можетъ быть, считалъ его излишнимъ при существованіи болѣе ранняго; хотя, какъ видно изъ его приписокъ, онъ считалъ списокъ 1804 г. не совсѣмъ правильнымъ.

№№ 75—79 есть въ книгѣ—№№ 60—64; есть и № 80; но въ книгѣ онъ помѣщенъ въ концѣ, подъ № 96 (см. выше); также есть и №№ 81 и 82—въ книгѣ №№ 65 и 66. № 83 въ книгѣ нѣтъ; это положеніе Комитета Министровъ 11 сентября 1817 г., объявленное Сенату Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, объ обложеніи славяносербовъ, поселенныхъ въ Новороссійскомъ краѣ, податями и повинностями. Оно выписано изъ Полнаго Собранія Законовъ (27,092). №№ 84—89 снова есть въ книгѣ №№ 67—72, причомъ № 67 ошибочно датированъ 1818 годомъ.

Подъ № 90 находится письмо герцога де-Ришелье изъ Парижа 19/31 іюля 1818 г. Капитану Богдану Никшичу съ извѣщеніемъ о высылкѣ свидѣтельства о крещеніи сына его Матвея Никшича; № 91 и есть такое свидѣтельство, изъ коего видно, что крещеніе Матвея Никшича происходило въ Одессѣ въ 1804 г. и крестнымъ отцомъ былъ герцогъ де-Ришелье. Этихъ №№ въ книгѣ нѣтъ.

№№ 92—109 напечатаны подъ №№ 73—90; причемъ замѣчу кстати, что подъ №№ 95 и 107 (въ книгѣ №№ 76 и 88) находятся обстоятельныя родословія Никшичей: старое и новое.

№ 110 представляетъ Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ о разсрочкѣ казеннаго долга славяно-сербамъ и о перечисленіи ихъ изъ колонистскаго въ вѣдомство губернскаго начальства, съ ссылкою составителя на Полное Собраніе Законовъ. № 29, 287, гдѣ это поло-

женіе напечатано; вмѣсто того въ книгѣ напечатанъ (№ 91) Высочайшій указъ изъ Правительствующаго Сената Попечительному Комитету о колонистахъ южнаго края Россіи отъ 19 марта 1823 г. такого жъ точно содержанія.

№№ 111—113 снова есть въ книгѣ—№№ 92—94, которыми напечатанные акты и оканчиваются; въ рукописи же за ними слѣдуетъ № 114—Манифестъ Императора Николая I отъ 19 декабря 1825 г. о вступленіи на престолъ (См. П. С. З. Собр Второе № 6), внесенный, конечно, ради упоминанія о смерти гр. Милорадовича.

№ 115—выписка изъ сочиненія г. Скальковскаго, соотвѣтствующая № 95 книги (см. выше), а № 116—списокъ Никшичей, имѣющихъ ордена и пр.—№ 97 книги; только въ рукописи онъ кое въ чемъ пополненъ: иной изъ Никшичей имѣлъ умереть, тотъ изъ поднаручниковъ сталъ поручникомъ и пр.; а сверхъ того составитель узналъ и привелъ годы смерти нѣкоторыхъ Никшичей, прежде ему не извѣстные и въ книгѣ пропущенные. Лицо, означенное въ книгѣ № 16, въ рукописи почему то пропущено (вѣроятно оно попало сперва въ списокъ ошибочно), и потому число Никшичей стало однимъ меньше.

По за этимъ спискомъ въ рукописномъ архивѣ снова слѣдуютъ акты, числомъ 17; изъ нихъ 117—аттестатъ, выданный 12 іюля 1799 г. одному изъ Никшичей относительно обученія его въ Шкловскомъ благородномъ училищѣ; аттестату этому слѣдовало бы быть помѣщеннымъ между №№ 39 и 40.

№№ 118 и 119—письма оногоштскихъ и колашинскихъ турецкихъ капитановъ къ горнымъ морачанамъ и ускокамъ 1791—1792 г. о заключеніи перемирія и о заложникахъ.

№ 120. Письмо того же времени Бечиръ паши Ченчіича къ Сердарю Мишѣ о назначеніи мѣста для свиданія и пр. Этимъ 3 номерамъ слѣдуетъ быть между №№ 30 и 31.

№ 121. Указъ Императора Павла о разрѣшеніи Сердарю Мишѣ Никшичу выѣхать за границу, 19 мая 1798 г.; ему слѣдуетъ быть между №№ 34 и 35.

№ 122. Благодарственное письмо отъ герцоговинцевъ Императору Павлу за его грамоту и знаки его благоволенія, отъ 14 марта 1799 года.

№№ 123. Письмо къ Сердарю Мишѣ владыки Петра Петровича отъ 25 ноября 1799 г. съ извѣщеніемъ о полученіи имъ письма Сердаря и пр. Эти №№ слѣдуетъ помѣстить между №№ 39 и 40, раздѣливъ ихъ № 117.

№ 124. Письмо Черногорскаго владыки Петра отъ 28 ноября 1799 г. къ ускокамъ распорядительное; оно должно слѣдовать за № 123.

№ 125. Письмо Герцоговинскаго Митрополита Ананія къ ускокамъ требѣшанамъ отъ 8 сентября 1801 г.; оно должно слѣдовать за № 124.

№ 126. Тоже отъ 20 сентября 1801 г.

№ 127. Письмо того же Ананія къ морачанамъ отъ 20 сентября 1801 г.

Въ письмахъ своихъ Митрополитъ Ананія уговариваетъ требѣшанъ и пр. не уходить съ родины. Послѣднія два письма должны слѣдовать за № 40: причемъ № 127 есть оригиналъ письма, помѣщеннаго подъ № 41 въ русскомъ переводѣ.

№ 128. Письмо владыки Петра отъ 6 декабря 1803 г. къ ускокамъ такое же, какъ и подъ № 124: ему слѣдуетъ быть между №№ 49 и 50.

№№ 129 и 130. Письмо Османа Капитана Муиовича и другихъ турецкихъ администраторовъ къ Сердару Малише; время ихъ необозначено, но судя по инымъ помѣщеннымъ въ архивѣ письмамъ этого самого Османа, равно и писемъ къ нему (См. №№ 42, 54, 55, 57), видно, что вся эта переписка относится приблизительно къ 1804 году (см. примѣчаніе въ книгѣ на стр. 203).

№ 131. Письмо Графа Ивлича къ тому же Осману отъ 15 мая 1804 г.

и №№ 132 и 133—опять письма того же Османа къ Сердарю Малише съ необозначенными датами; см. выше.

Найти соотвѣтствующее мѣсто въ архивѣ №№ 129—133 трудно, ибо датъ, какъ и сказалъ, нѣтъ, а помѣщенныя въ архивѣ иныя письма Османа, тоже лишенныя датъ, находятся въ различныхъ его мѣстахъ.

Составитель рукописнаго архива оставилъ при немъ нѣсколько полулистовъ чистой бумаги, перемѣтивъ ихъ (138—142), и даже ясно, что онъ хотѣлъ написать здѣсь. Это: 1) Отрывокъ краткаго топографическаго описанія Требѣсы и окрестностей ея, писаннаго собственною рукою Богдана (Бучича Никшича, конечно) въ 1813 г. и 2) Письмо Мира Калабича о житьѣ и подвигахъ до 1814 г. оставшихся въ Моравѣ требѣшанъ и другихъ ускоковъ. Объ этихъ матерьялахъ, какъ о находящихся у него, говоритъ П. Ст. Драгичевичъ Никшичъ въ запискѣ, отданной имъ А. А. Скальковскому; но почему то они въ архивъ внесены не были.

Наконецъ, при рукописномъ архивѣ приложено оглавленіе къ нему, въ которомъ однако названо всего 117 номеровъ; номера же 118—133 не указаны, хотя почеркъ, которымъ написано оглавленіе (не самого составителя, а переписчика), тотъ же, какимъ писаны и пропущенные въ немъ номера. Очевидно, составитель отдалъ г. Скальковскому свою работу почему то еще неоконченною.

Въ печатномъ изданіи оглавленія нѣтъ вовсе.

Отмѣтимъ еще, что въ напечатанныхъ актахъ кое гдѣ есть пропуски, не находящіеся въ рукописи; они составляютъ мѣста, враждебныя туркамъ. Такъ въ № 5 на стр. 104 напечатано: принужденные повиноваться сему... владѣнію; изъ рукописи видно, что слѣдуетъ быть: тиранскому. Подобные же пропуски есть въ № 11 (по рукописи № 12), гдѣ напр. пропущено

названіе турокъ непріятелемъ, гонителемъ (вѣры), погаными мусульманами и т. п.; также въ №№ 12, 13, 14, 15 (по рукописи №№ 13, 14, 15, 16), 24 (въ р. 26—особенно много), 26, 27 и 29 (въ р. 28, 29 и 31). Пропуски въ № 35 есть и въ самой рукописи—№ 39.

Въ запискѣ, отданной г. Скальковскому, составитель жаловался на опечатки въ книгѣ; таковыя дѣйствительно есть, напр. въ одномъ мѣстѣ Императрица Екатерина II вмѣсто непобѣдимой названа необходимой и пр. Отмѣтимъ, пожалуй, и слѣдующее разночтеніе въ № 5, гдѣ (стр. 105) напечатано: Вице-Комитрарія въ Каторе; въ рукописи же: Вице-Коллетрарія въ Катаро. Въ № 8 второе лицо, подписавшее грамоту, названо просто: Антоній, въ рукописи стоитъ за нимъ несовсѣмъ ясное для меня слово: Emoul. Не значитъ ли оно, что здѣсь была печать? Въ № 55 пропущена подпись: Впрочемъ остаемъ вашъ доброжелатель Владыка Петаръ. На Станьевиће 27 Генкаря 1799 г.

Болѣе подробнаго сличенія я не дѣлалъ.

Въ заключеніе скажу еще нѣсколько словъ о припискахъ къ актамъ составителя архива; нѣкоторыя сдѣланы были еще до 1842 г., почему и были своевременно напечатаны; точно такими же приписками сопровождаетъ составитель и акты, вновь внесенные имъ въ свой архивъ; онѣ и были переписаны вмѣстѣ съ актами, тѣмъ же самымъ почеркомъ. Но составитель кое что привнесъ уже послѣ переписки архива; такія его замѣтки всегда писаны сбоку, карандашомъ, или обыкновеннымъ, или краснымъ, т. е. значитъ внесены все же въ разное время; одинъ разъ онъ написалъ замѣчаніе на особой бумажкѣ чернилами и засунулъ въ актъ. Сообщаю нѣсколько болѣе или менѣе интересныя приписки, причемъ, гдѣ не указано, что приписка сдѣлана карандашемъ, значитъ она внесена въ самый текстъ архива.

При № 5 есть приписка карандашемъ: Изъ черногорскаго архива. Кажется, она сдѣлана Скальковскимъ—судя по почерку.

При № 17 (въ книгѣ № 16) объяснено карандашомъ же, что золотыя персоны означаютъ медали съ портретами.

При № 20 (въ книгѣ пѣтъ), гдѣ говорится о происхожденіи Никшичей отъ Краля Стефана, сына Вилнкаго Князя Влкна, сдѣлана на боку краснымъ карандашемъ приписка: «по исторіи Рапча сынъ Вулкановъ не былъ королемъ сербскимъ. Кому вѣрить? Рапчу, или сей записи». Затѣмъ въ этомъ же актѣ сбоку приписаны годы отъ Р. Х. въ римскихъ цыфрахъ, соотвѣтствующіе помѣщеннымъ въ текстѣ годамъ отъ С. М., писаннымъ церковно-славянскими цыфрами; одна цыфра въ текстѣ писана по подчищенному мѣсту.

Къ этому же номеру составитель прибавилъ въ текстѣ большое примѣчаніе: «Противу лѣта отъ сотворенія міра 7308 стоитъ лѣто отъ Рожде-

ства Христова 1800-е; поэтому можно разечесть сдѣлать. Замѣтка сія списана мною съ таковой же, писанной въ 1745 году собственною рукою покойнаго протоіерея нашего Рафаила. Неожиданное появленіе факта этого въ историческомъ отношеніи такъ было пріятно сербскому литератору Димитрію П. Тиролу, что, по его убѣдительной просьбѣ, я долженъ былъ отдать ему его. Онъ хотѣлъ по пріѣздѣ своемъ изъ Одессы въ Бѣлградъ отлитографировать съ него снимки и пустить ихъ по всеобщее извѣстіе сербовъ, которые вообще думаютъ, что родъ Нѣманичей, какъ по мужской, такъ и по женской линіи совершенно пресѣкся и которыхъ на послѣдней мысли должны остановить доселѣ неизвѣстныя исторіографамъ сербскимъ, но имѣющія всю вѣроятность историческую замѣтки, въ первобытной простотѣ своей сохранившіяся почти сто лѣтъ въ частныхъ рукахъ. По мнѣнію Тирола, замѣтки эти заслуживаютъ особенное вниманіе и прилежное изслѣдованіе любящихъ отечественную исторію ученыхъ сербовъ».

Однако—скажемъ мы уже отъ себя—Тиролъ не помѣстилъ этихъ замѣтокъ въ книгу, изданную имъ въ Бѣлградѣ.

При № 27 (въ книгѣ № 25) есть небольшая приписка о находящихся при этомъ воззваніи печатяхъ.

Послѣ № 40 (въ книгѣ № 37) карандашомъ написано, что раньше № 41 (въ книгѣ № 38) слѣдуетъ помѣстить два акта, находящіеся въ концѣ тетради (№№ 126 и 127), найденные составителемъ гораздо позже составленія архива въ домѣ дочери Сердара Мины—Надежды.

Къ № 64 (въ книгѣ пѣтъ) есть нѣсколько приписокъ карандашемъ: при имени дочери Сердара Уліаны приписано: Дюка; въ другомъ мѣстѣ указано, что Бригонци перепуталъ: младшую дочь написалъ старшею и наоборотъ; въ третьемъ поправлено число лѣтъ и замѣчено, что Роза Драгичевичъ 8 лѣтъ отъ роду не могла быть матерью.

Въ № 73 (въ книгѣ пѣтъ) при извѣстіи, что присяга переселенцевъ славяносербовъ происходила въ Николаевской церкви, приписано: вѣроятно, въ Одессѣ.

Послѣ № 73 (въ книгѣ пѣтъ) приписано слѣдующее примѣчаніе: Всѣ въ сей тетради заключающіяся бумаги (конечно, рѣчь идетъ о №№ 70—73, а можетъ быть и о № 74; всѣхъ ихъ въ книгѣ пѣтъ) выписаны изъ дѣла о славяно-сербахъ подъ № 4, бывшаго въ конторѣ Опекунства Новороссійскихъ поселенцевъ, а нынѣ находящагося въ Попечительномъ Комитетѣ объ иностранныхъ поселенцахъ. Одесса 23 февраля 1842 г.

Это показаніе слѣдовало, конечно, внести; но переписчикъ, хорошо неразобравшись, внесъ и еще дополненіе, не назначавшееся для опубликованія: Выписаны Иваномъ Любопытнымъ для одного лишь свѣдѣнія о достойныхъ примѣчанія дѣлахъ отцовъ и праотцовъ нынѣшняго поколѣнія Никшичей. О, переселившіеся въ вѣчность старцы-многотерицы, мы не

услышимъ болѣе вашего голоса лебединаго; но сіи и другія бумаги будутъ и отдаленнымъ потомкамъ вашимъ свидѣтельствовать о вашемъ нѣжномъ попеченіи объ нихъ и о дѣлахъ вашихъ, преисполненныхъ величія, и душевнаго и тѣлеснаго... Я благоговѣю передъ вами...

Составитель зачеркнулъ это дополненіе, приписавъ карандашемъ: Это моя замѣтка. Ты вѣрно забылъ, а вѣдь я говорилъ тебѣ, что ея не надобно въ архивъ вносить.

При № 85 (въ книгѣ № 68), гдѣ рѣчь идетъ о причисленіи переселенцевъ славяно-сербовъ къ податному сословію, приложена записочка: Я бы желалъ знать, что при чтеніи сего предписанія роилось въ головѣ нашего славолюбиваго Богдана, главнаго предетавителя Общества, принимавшаго на свой щитъ всѣ стрѣлы, пускаемыя въ его однофамильцевъ. Не смотря на все величіе его духа, я думаю, что въ несчастьи, гдѣ страдали его сердце и душа, и онъ плакалъ, какъ обыкновенный человѣкъ. Да! «Робствю тужно, робство клето! Никоме мило быти неможе, а особито Србима».

Въ этомъ же актѣ упоминается печать славяносербскаго сельскаго приказа. Къ этому составитель сдѣлалъ краснымъ карандашомъ примѣчаніе: какъ сей печати гармонировала другая, имѣвшаяся у нашихъ стариковъ печать съ надписью: «сія печать народа сербскаго и паденія онаго». Послѣднюю въ 1841 году подарилъ Одесскому Обществу Исторіи и Древностей.

При № 105 (въ книгѣ № 94) приписано краснымъ карандашомъ при имени Богдана Никшича: образецъ любви къ своимъ однофамильцамъ: ничего для себя, но вездѣ и все онъ для нихъ испрашивалъ. Ихъ благополучіе было верхомъ его желаній, ихъ слава — цѣлью всѣхъ его долголѣтнихъ трудовъ. Исполинъ духомъ, онъ многаго хотѣлъ, и въ 70 лѣтъ отъ роду чертилъ огромные для славы планы. Такихъ людей природа не часто производитъ: они принадлежность славы и лучшихъ вѣковъ, краса человѣчества.

Въ № 116 (въ книгѣ № 97) списокъ Никшичей—краснымъ карандашомъ исправлено нѣсколько ошибочныхъ датъ.

Въ дополненіе къ этому списку (тоже и въ книгѣ) показаны потомки Никшичей по женской линіи, бывшіе на государственной службѣ (Якунины, Княжевичи и др.); составитель прибавилъ краснымъ карандашомъ, что при переписке пропущено два Левандовскихъ и три Мартыновича.

При № 118 сдѣлана карандашомъ приписка, что это и слѣдующія за ними письма (вѣроятно, всѣ остальные документы; въ книгѣ ихъ нѣтъ) нашлись на Христово Воскресеніе 1842 г. у г. Якунина, внука Малиши по матери.

При № 121—разрѣшеніе Императора Павла Сердарю на выѣздъ за

границу—сдѣлано примѣчаніе, что такихъ отпусковъ сохранилось еще два: Императрицы Екатерины II отъ 15 мая 1795 г. и Императора Александра I отъ 27 іюня 1803 года, послѣдній съ небольшими, указанными здѣсь, отличіями.

При № 126 при словѣ: ускоки — сдѣлано краснымъ карандашомъ указаніе на родство ихъ съ моравчанами, съ ссылкою на Сербіанку С. Милутиновича.

Наконецъ, примѣчанія къ №№ 132 и 133 печатаются при актахъ.

Многіе Никшичи (Драгичевичи) и понынѣ еще владѣютъ землею въ с. Славяносербкѣ, Одесскаго уѣзда; но земли другихъ непереходили къ инымъ владѣльцамъ, къ сосѣднимъ крестьянамъ, нѣмцамъ-колонистамъ и пр.

Хотя книга Тирола, какъ сказано выше, давно стала библіографическою рѣдкостью, тѣмъ не менѣе нѣтъ цѣли ее перепечатывать въ Запискахъ Общества, ибо достать ее все же возможно и притомъ она значительнаго размѣра. Поэтому я ограничиваюсь печатаніемъ лишь тѣхъ документовъ Архивы Сердара Малише и Капетана Бошка Буѣка Никшића, которые у Тирола не сообщены, выпуская, впрочемъ, и тѣ, которые позднѣйшій составитель архивы взялъ изъ полнаго собранія законовъ, а равно и № 11, который легко найти въ сочиненіи профессора Кочубинскаго (см. выше). Такъ какъ вся архива будетъ храниться въ Одесскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей, то, если-бы кто либо, не найдя книги Тирола, желалъ познакомиться со всѣми актами или, наоборотъ, захотѣлъ бы провѣрить документы у Тирола по Архивѣ, тотъ можетъ это легко сдѣлать.

Печатаю изъ Архивы я №№ 20, 33, 34, 49, 62—67, 70—74, 90, 91 и 117—133, которые, повидимому, еще не были опубликованы.

Ал. Марковичъ.

№ 1 (по архиву № 20)[1].

Ва шесто тысящное ѱн лѣто бысть Краль Стефанъ, велики Господаръ всей Сербстей земли, восточнымъ и западнымъ странамъ. *Сей же Стефанъ бысть сынъ Великаго Князя Влкана,* внукъ светаго и великаго Краля Симеона Нѣманѣ. Той Влканъ велики Князь роди два сына, Димитрія, Великаго Жупана, и Стефана, Великаго Краля, иже сагради Морачу, и роди едину дащеръ, Ефросиму. И вадана бысть Иліону воеводи ва Грбаль. И отъ нея бысть Никша и Бранлуста. Сей же Стефанъ бысть неплоды, яко небыти ему сыновъ и дащерей. И вазымае ва мѣсто сына Никшу, сестричика своего. И та Любимъ бѣше ему, яко превазыти ему васехъ сущихъ ва полатѣ своей лѣпотою и добротою и храбростію и мудростію. И ваданъ бысть ва наученіе Божественнымъ книгамъ. Сей же Никша, цѣломудрію сіяя, извиче всу граматику, исторію и риторикію. И обрѣте его Боголюбиви Краль яко сосудъ освещенъ, и ваземъ ему жену отъ Виническіе земли, дащеръ Леонову, и возведе на санъ презвитерства и бысть први васехъ[2]) сущихъ ва царствіи его. И посему васему Боголюбивому же Кралю отшедшу и наслѣдника ему небысть, неимущу ему никоему благословенія оставити, сей же умысли ва Боголюбивемъ сердце своемъ иного никого наслѣдника благословити, точію Никшу попа благословеніемъ оградивъ, яко же древле Израиль благословляя сыны своя, васехъ благословляя, но Іуда васехъ превизыде, и еще сихъ прежде, благославляя Богъ Авраама, глагола: благословлящи тя благословенъ, клнущи тя-проклятъ, и къ симъ прилагая умножая умножу тя, яко звѣзды небесныя, яко песокъ васкрай моря и мнози языцы да поработаютъ тебе. Тѣмъ же образомъ сей Боголюбиви краль Никшу благословляя, да умножисе яко же древни Израиль, многая племена да поработаютъ ти, рече, и буди господствуя ими. Сей же Никша благословенія нелишенъ бысть, яко же сынъ благословенія отча и да суть васи ва послуженіе. И та вся сбышася. И

---

[1]) См. предисловіе о приписках.

[2]) Въ ркп. всехъ.

паки по маломъ времену, яко быти вещше Т И лѣтъ, и вся сія ва забвеніи быша, умаленіемъ хрисоволъ Агарянскими чады; но точію единаго благословенія дѣло извѣщено являвшесе. И воздиже Господь Богъ ва раде семъ благовѣрна мужа и славна господина именемъ хощу рещи Воеводу Петра Гавриловића отъ Оногошта, и возжеле отъ средъ сердца увѣдѣти племени своего начало. И Богъ безначальный дае различная желанія любящимъ. Сущу же лѣту ҂зрнѕ приде по обычаю прародитель и родителей своихъ ва праздникъ Успенія все монастиръ Морачу, обрѣте тамо многіе сродники свое и, желаніе сердца своего повѣсти, нача искати хрисовуле Краля Стефана Уроша. Служителіе са радостію и съ васею душею любовно изобрѣтше ва древнихъ книгахъ васе со истиною извѣстиша яже отъ начала отъ лозы Светаго Симеона Сербскаго, отъ сродства и племене кесара Августа, бывшаго въ лѣта оная, въ няже избавлены быхомъ отъ адовыхъ нерѣшимыхъ узъ, сирѣчь: отъ Рождества Христова. И сіе колѣно до здѣ изобрѣтохомъ. Сіе писася ва Морачи Монастиру на всему собору, любве ради воеводе Петра Гавриловића, тогда лѣта текуща ҂зрнѕ рукою Іова Лазаровића винотара. Второе же преписасе ва лѣта ҂аѱме, при игумену киръ Максиму, ва Грбальскомъ монастире, сущемъ ва Приморіи подъ Ластву [1]).

№ 2 (по архиву № 33).

ПѢСНА.

О бою на Морачи 1795 год.

Біела е кликовала вила.
Са Ліевна, високе планине.
Зове вила у Морачу Горню,
А на име Бошка Арамбаше:
«Зло ти ютро Бошко Арамбашо!
«Ако піешъ, зло попіо вино!
«Это войске одъ Пикшића на те,
«Одъ Пикшића и одъ Колашина.
«Оће войска на те ударити,
«Оће войска са четири стране:
«Една войска низъ Кану плинину,
«Друга войска низъ Рзачу равну,
«Трећа войска низъ Льевиштске стране,
«Колашинци оће на ждріело.
«Коя войска низъ Кану планину,
«Предъ ономъ е Мекићь Османъ-ага,

[1]) Есть приписка, о которой см. выше на стр. 14—15.

«Барьякъ носи Париповићъ Зуко,
«Калаузи Риковићъ Пауне.
«Коя войска низъ Рзачу равну,
«Предъ ономъ е юса и Авдія.
«Коилъ войска низъ Љевишитске стране,
«Предъ ономъ е Османъ Капетане,
«Не уздайсе Бошко Арамбаша:
«Издаше те Брда сваколика,
«Издало ихъ лъето и година».
Бошко на то вили одговара:
— Фала тебе на дозиву вило,
Алъ не фала на твоіой бесѣди.
Што ми войску кажемъ одъ Никшића,
Одъ Никшића и одъ Колашина;
Небоимсе войске одъ Никшића
Одъ Никшића и одъ Колашина.
Я самъ юче на Баре одіо,
Съ Колашиномъ вѣру уватіо.
Штолъ ми войску кажешъ одъ Никшића,
Я самъ добре растуріо страже:
У Кани е Риковићъ Радое
Съ његовіе тридесетъ старчана;
У Рзачи Іокановићъ Марко
И делія Пеіовићу Драго;
У мене у Љевишитске стране
Два Костића и два Вуяћића;
На Ждріелу Дуро и Станиша
И делія Міятъ Милетићу,
Съ њіовіе тридесетъ Сврчана.—
У рієчи, кою бесѣћаху,
У то доба пушке запуцаше,
Дочека ихъ Іокановићъ Марко
И делія Пеіовићу Драго.
На Морачу войска ударила.
Коя удри низъ Кану планину,
Она войска Старче [1]) поарала
До біеле Сердареве куле;
А барјактаръ Париповићъ Зуко,
Томаневу Плану уватіо,

[1]) Село

Закла Плани чедо у наручъю
Ного Плана Томашева виче:
А Ћеси ми Драговићь Томашу.
А Ћеси ми ниће те не было!
А то Томашъ и слуша и гледа,
Раньенъ яданъ, васъ крвлю обливенъ
На букву е пушку наслоніо
Танкой пушци жину ватру даде,
Те погоди Париновићь Зуко.
Посріеди паса свиленога—
Паде Зуко у траву на главу.
Кадъ то Плана Томашева виће
Зукова е ножа извадила,
Те му русу одсіече главу,
Па му узе свіетло оружье,
Съ ньимъ побѣже у гору зелену
По су Турци таборъ учинили
Кодъ біеле Сердареве куле.
Али виче Іокановићь Марко:
«Ће си брате, Бошко Арамбаша?
«Ће си брате? да пратимо Турке,
«Наше, брате, пріятелье, старе
«Пріятелье, а нове крвнике,
«Кои су намъ много яда дали»!
Одговара момче одъ Турака:
— А нелудуй Іокановићь Марко:
Ютросъ ти е Бошко погинуо.
Ево главе Бошка Арамбаше
У рукама Мекићь Османъ-аге.—
По то слуша Бошко Арамбаша,
Па изъ свега онъ повикну гласа:
«А небойсе Іокановићь Марко!
«Ніе тебе Бошко погинуо,
«По ево га у животу тврду
«По милости Бога великога.
«Има са мномъ неколико друга:
«Его, брате, са мномъ Бућићь Лука
«И діете Вуячићу Симо.
«Но, за Бога, да пратимо Турке,
«Наше, брате, пріятелье, старе
«Пріятелье, а нове крвнике,

«Кон су намъ доста ида дали»!
Удрише се огньемъ изъ пушака,
Поѣсраше узъ Љевишта Турке.
Да е коме стати, те гледати,
Како ускочки ножи сіеваю,
Турске мртве главе зіеваю.
Кадъ е Бошко бію на Яворью,
Зове Бошко Османъ Капетана:
«Добро ютро Османъ Капетане»!
Одговара Мекићъ Османъ-ага:
— Ніе, Бошко, нама добро ютро;
Нога ютросъ велико зло ютро.
Но, Бога ти, Бошко Арамбаша,
Кажи право, тако бы здраво,
Немой криво, тако бію живо:
Колико сте одасѣкли глава,
Уватили живіе колико?
Њему Бошко Арамбаше вище:
«Ћу право Мекићъ Османъ-ага,
«Ћу право, тако бію здраво.
«Ево са миомъ тридесетъ юнака,
«Свакъ по едногъ посѣче Турчина,
«А неки су и више посѣкли.
«Мога Луку забольеше руке
«Сіекући узъ Љевишта Турке.
«За више ти кизатъ неуміемъ,
«Јошитъ нісамъ дружства покуніо.

№ 3 (по архиву № 34).

Собственноручне замѣтке Требѣсскога Протопопа Рада (Рафаила) Симоновића-Никшића.

Узе Приницић Млетачки нови на . . . . . 1687 год.

Погину Баіо Пивљанинъ одъ Сулеманъ-паше Бушатліе, на Вртіельку су многа друга на . . . . . 1699 год.

Дође Банъ Михаилъ Милорадовићъ на Никшиће и на мостъ Златички више Подгорице стаде, да куши войску, да иде на Подгорицу и на Ерцеговину, и не учини ништа, но се врати . . . . . 1711 год.

Серашћеръ Сари Ахметъ паша удари на Црну-Гору и срамотно се врати на трагъ и много му войске погибе у Царевъ-Лазъ и на друга ждріела . . . . . 1712 год.

Дође велики везиръ Ћуприлићь са силномъ войскомъ царевомъ и пóара Црну-Гору и попали и пороби и много зла учини . . 1714 год.

Скуписе сва Ерцеговина и Босне неколико, да се не дају крѣпити Црной-Гори и разбише ихъ Црногорци, и сву главну господу пофаташе, и посѣкоше и жалости осветаше . . . . . 1716 год.

Бы войска на Улцинъ и на Баръ и не учини ништа . 1717 год.

Дође Топалъ паша съ ферманомъ царевіемъ и све Пипере-пóара . . . . . 1732 год.

Дође войска на Куче, и Кучи ихъ разбише и изсѣкоше и у кулу Рашковића изгорѣше 70 биране Подгоричане. . . . . 1739 год.

Дође Ћехая паша Босански са своимъ Босномъ и Ерцеговиномъ на Црну-Гору, и Ћехаю ранише и войске му много побише и срамотно се натрагъ врати . . . . . 1756 год.

На 1762 би гладна година и на . . . . . 1763 год.

На 1767 указасе Шћепанъ мали у Црну-Гору и принише га Црногорци за цара Руссійскога и то бы за велико зло христіянско; и дођоше два везира одъ Урумелiе и везиръ Босански са своимъ Босномъ и Ерцеговиномъ на Црну-Гору и попалише Бѣлопавлиће и Плѣвиваце Сентембра 1-го и погибоше многи и Турци и Брђани. Сентембра 4 ударише на Пипере и попалище и у кули у Петровиће 72 посѣкоше биране юнаке, пакъ пођоше на Кчево и на Црницу, и тамо кормоти немаше, но се вратише натрагъ.

На 1773 попалише Турци Ровца и Ровчани посѣкоше войску Спужску. Везиръ Мехмедъ паша пóара Куче и разагна Дрекаловиће и посѣче 62 и Турске войске погибе много.

И тое све было у Шћепана малога доба.

На 1775 побисе Бушатлія са Авдулахъ пашомъ Пармаковићемъ. Паша окупи Дрекановиће све опетъ у Куче.

На 1780 Сентабра 10 бы потресъ велики.

На 1785 Іюля 17 Махмутъ паша Бушатлія везиръ прими Црну-Гору, издаше главари Црногорски, да су проклети! и узъ путъ пóара и посѣче Паштровиће и озлоби цркве и манастире.

На 1787 мѣсеца Іюля дође войска царева на Махмутъ пашу Бушатлію и на Скадаръ, везиръ са своимъ Урумелiомъ и везиръ Босански, са своимъ Босномъ и Ерцеговиномъ, и бише га мѣсеца 5, и дође Капетанъ паша одъ мора, и разби ихъ Бушатлія, и уфати везира Босанскога, Селимъ-пашу, жива и узе му топове и цебхану, а везира пушти жива съ войскомъ, срамотно, безъ ништа, а Скадрани посѣкоше Мехмедъ пашу чаушъ-агића, и погибе Ахметъ паша Бушатлія, братъ Махмутъ паше.

На 1788 Махмутъ паша уби Тахиръ-агу Паруцу, и посѣче Ибрахимъ пашу у Подгорицу.

На 1788 дође Филипић у Црну-Гору и удари съ Брђанима на Спужъ и не учини ништа, но се врати.

На 1789 год. Августа 18 Требѣшани ускочише у Брда и съ Турцима бој учинише и убише Бећиръ-агу Мекића и Авдъ-агу Шаинагића и друге Турке многе, и погибе Рипћана Требѣшана и другіехъ Никшића и Брћана много.

На 1793 дође опетъ војска царева на Скадаръ, везиръ са својъ Урумелiомъ съ великомъ снагомъ и пети братъ Ибрагимъ паша и синовацъ Мехмедъ паша дођоше съ војскомъ; а Махмутъ паша затворисе у Скадаръ и немогоше му ништа, но срамотно се натрагъ вратише и много војске погибе подъ Скардомъ и захвру сву узе, а до мало времена синовца помилова и прими къ себе.

На 1795 Іюня 30, удрише Никшићи сви Турци и наћераше раю сву на Горню Морачу, а Колашинъ съ друге стране, и Никшићи опалише до воде сва села и побараше и плѣнише и неколико роба заробише; а Колашинце дочекаше на брду, недаше имъ ульезти у Морачу, но их вратише, а съ Никшићима се поћераше, и плѣна много вратише, и главе многе посѣкоше Турске, и рас погибе и уфатише неколико Турака, те мѣняше роблье, и неколико аспри узеше[1]).

На 1796 Іюля 10 Махмутъ паша скупи сву сплу његову и другу Арбанію и пође на Пипере и на Бѣлопавлиће. Каде чу владика, посла молбену књигу паши, да се проће Брда, да их не ара, за што му царъ рекао ніе. За то паша немысли, но дође и учини таборъ кодъ Спужа. А владика скупи Црну-Гору, оно што нераћаше о издаи, и оде у Бѣлопавлиће, и дочекаше војску кадъ упали Мартиниће, и војску разбише и посѣкоше пашине војске 800 све бираше господе и паша едва утече; но удрише Бѣлопавлићи и Пипери и Црногорци сви единодушно на пашу предъ црквомъ Св. Архангела, ће бијше на оку съ господомъ, и мало ко утече.

Махмутъ паша скупи војску на Црну-Гору и дође съ војскомъ Септембра 22 на 1796 год. Бѣше војске 27 илиа. Авладика скупи сву Црну-Гору и сва се заклеше, даће крвъ пролити единодушно, за вѣру, и дочоше на Крусе и дочекаше пашу и његову силу, и војску му разбише и паши главу, и бы и Турске војске множество погибе. А другу војску бѣше

[1]) Ови је догађай бијо узрокомъ извода пѣсне о бою Требѣшана и другіе ускока съ Никшићима и Колашинцима на Морачи. Сердаръ с Малина у ово вріеме бијо у Петарбургу.

послао одъ Гусина и одъ Бихора и Бѣло поље и Колашинъ на Морачу. И дочекаше ихъ ихъ Требѣшани, Морачани и Ровчани, те се побише, и би погибіе много, и Турске и Рашканске, и Турке срамотне вратише, и побѣгоше у градъ Колашинъ, мото побіени и раньени.

№ 4 (по архиву № 49).

Отъ Херсонскаго Военнаго Губернатора Бекленова 2-го.

Въ Контору Опекунства Новороссійскихъ Иностранныхъ Поселенцовъ.

Отъ 30-го минувшаго Маія удостоился я получить приплагаемый у сего въ копіи Высочайшій Его Императорскаго Величества рескриптъ (см. у Тирола подъ № 41) о Всемилостивѣйшемъ позволеніи депутатамъ отъ Славянъ, населяющихъ Черную гору и область Герцеговинскую, Сердарю Минѣ Никшичу и Оберъ Воеводѣ Тюти поселиться съ семействами ихъ въ Россіи, для чего и повелѣно мнѣ отыскать и отвести имъ во владѣніе нужное съ семействами ихъ количество земли изъ пустопорожнихъ, въ здѣшнемъ краѣ быть могущихъ. Я полагаю мнѣніемъ своимъ, что удобнѣйшія къ тому, какъ по близости, такъ и по добротѣ, могли бы быть земли у Молочныхъ водъ, найденныя нарочно посыланными отъ Конторы въ числѣ 120,000 десятинъ; а потому, естьли Контора не предполагаетъ тѣхъ переселенцовъ водворить гдѣ либо въ выгоднѣйшихъ мѣстахъ, то съ полученія сего не оставитъ увѣдомить о томъ Г-на Таврическаго Гражданскаго Губернатора, коему отъ меня дано предписаніе, чтобы по отзыву оной немедленно отведено было на сей конецъ изъ тѣхъ 120,000 десятинъ такое количество и при такихъ урочищахъ, какъ Контора назначеніе свое сдѣластъ; что же по тому учинено оною будетъ, мнѣ донести, изъяснивъ подробно всѣ обстоятельства, естьли Контора съ мнѣніемъ моимъ сообразиться не можетъ.

Подлинное подписалъ: Беклешовъ второй.

№ 1354.

Симферополь.

16 Іюля 1803 года.

№ 5 (по архиву № 62).

Конторѣ Опекунства Новороссійскихъ Иностранныхъ Поселенцовъ.

Предложеніе.

Высочайшимъ Его Императорскаго Величества рескриптомъ отъ 30 Маія прошедшаго 1803, на имя предмѣстника моего послѣдовавшимъ, по прошенію депутатовъ отъ Славянъ, населяющихъ Черную гору и область Герцеговинскую, Сердаря Мины Никшича и Оберъ Воеводы Тюти, пожe-

лавшихъ поселиться съ семействами ихъ въ Россіи, повелѣно: отыскать и отвести имъ во владѣніе нужное съ семействами ихъ количество земли.

Контора сія, въ слѣдствіе отношенія предмѣстника моего, предположила было поселить означенныхъ Славянъ близъ Одессы на землѣ, отъ Капитана Вуковича отобранной; но, когда землю сію потомъ особымъ Высочайшимъ рескриптомъ повелѣно было отвести подъ Греческій дивизіонъ, то Контора Опекунства назначила для Славянъ земли въ Ольвіопольскомъ уѣздѣ изъ участковъ на уѣздномъ планѣ подъ № 101, 102, 105, 180, 181 и 182.

Для показанія сихъ земель Сердарю Никшичу, въ здѣшнемъ краѣ тогда находящемуся, отряженъ былъ отъ Гражданскаго Херсонскаго Губернатора особый чиновникъ, которому и велѣно отыскать Никшича въ Одессѣ. Чиновникъ сей, однакожъ, тамъ его не нашолъ, а по полученнымъ тогда свѣдѣніямъ извѣстно стало, что Сердарь Никшичь отъ Одесскаго порта отправился въ Тріестъ.

Вчерашняго числа получилъ я отъ означеннаго Сердаря Никшича просьбу, что онъ, съ семнадцатью фамиліями Славяно-Сербовъ, въ девяти десяти шести душахъ, прибылъ въ Одессъ и выдерживаетъ карантинъ. Онъ какъ для сихъ, такъ и для имѣющихъ прибыть еще семействъ, просилъ отвести землю близъ дачи помѣщика Куриса въ количествѣ до двѣнадцати тысячь десятинъ. Такъ же проситъ объ отпускѣ: *первое:* назначенныхъ по именному повелѣнію на каждое семейство по двадцати червонныхъ, *второе:* на заплату по приложенному при томъ прошеніи контракту за доставленіе прописанныхъ семействъ пяти сотъ червонныхъ, *третье:* по настоящему холодному времени отвести имъ, когда карантинъ выдержатъ, квартиры и *четвертое:* по новости сихъ посленцовъ отпустить топливо.

Увѣдомивъ о семъ Одесскаго Г. Военнаго Губернатора, на котораго Высочайше возложено попеченіе за водвореніемъ въ Новороссійскомъ краѣ поселенцовъ, препроводилъ на разсмотрѣніе его просьбу Никшича и оригинальный контрактъ, по силѣ котораго Славяно-Сербы въ Одесскій портъ доставлены.

Нужнымъ почитаю дать знать о всемъ вышеписанномъ и Опекунской Конторѣ для зависящаго отъ нея распоряженія.

Подлинное подписалъ: Генералъ Аншевъ

Розенбергъ.

№ 2559
24 Октября 1804
Херсонъ.

№ 6 (по архиву № 63).

Въ Контору Опекунства Новороссійскихъ Иностранныхъ Поселенцовъ

Товарища Главнаго Судьи
Надворнаго Совѣтника Бригонци

Представленіе:

Представляя при семъ Конторѣ о прибывшихъ въ Россію изъ Герцоговины къ Одесскому порту въ прошедшемъ Октябрѣ мѣсяцѣ Славяно-Сербскихъ дворянахъ (такъ себя называемыхъ) именной списокъ, имѣю честь объяснить, что въ слѣдствіе указа Конторы Опекунства отъ 31 Октября подъ № 1584, симъ Славяно Сербамъ объявлено было отъ меня о продовольствіи ихъ кормовыми деньгами по 5 копѣекъ въ сутки, наравнѣ съ прочими Болгарами и Греками, переселяющимися изъ Турціи въ Россію; но оные Славяно-Сербы, считая таковое назначаемое имъ продовольствіе не согласнымъ съ ихъ состояніемъ и роду жизни, отъ онаго отказались.

Подлинное подписалъ: Надворный Совѣтникъ Бригонци.

№ 578
23 Ноября 1804.
Одесса.

№ 7 (по архиву № 64[1]).

Списокъ переселившимся изъ Герцоговины въ Россію Славяно-Сербскимъ дворянамъ подъ руководствомъ Сердаря Мины Никшича, привезеннымъ къ Одесскому порту на Цесарскомъ Суднѣ, именуемомъ Ла Манифика, подъ управленіемъ шкипера Петра Юрасовича.

Число семействъ		ЛѢТА мужск.	женск.
1	Сердарь Мина Никшичъ	49	—
	Мать его Гошна Ивановна	—	67
	У него дочери: Роза.	—	15
	Уліана.	—	11
2	Братъ его Богданъ Никшичъ.	44	—
	Жена его Стоя Петровна	—	31
	Ихъ сыновья: Сава	12	—
	Христофоръ	11	—
	Стефанъ.	7	—
	Матвѣй	1	—

[1]) См. приписки въ предисловіи.

Число семействъ.		ЛѢТА мужск.	женск.
	Дочери ихъ. Петронія	—	14
	Сава	—	4
3	Иванъ Юрковичъ	27	—
	Братъ его Тодоръ Юрковичъ	25	—
4	Протопопъ Рафаилъ Семеновичъ	65	—
	Жена его Симіона	—	60
5	Василій Семеновичъ	37	—
	Жена его Марія	—	20
6	Михайло Семеновичъ	22	—
	Жена его Февронія	—	19
	Сынъ ихъ Иванъ Семеновичъ(?)	4	—
	Племянникъ ихъ Георгій	6	—
7	Вдова Росанда Комадинская	—	28
	Сынъ ея Янко	8	—
	Дочери ея: Марія	—	10
	Ангелина	—	7
8	Милованъ Драгичевичъ	57	—
	Жена его Луція	—	50
9	Стефанъ Драгичевичъ	26	—
	Жена его Роза	—	19
	Дочери ихъ: Сава	—	11
	Стана	—	8
10	Николай Драгичевичъ	23	—
	Жена его Сава	—	19
	Сынъ ихъ Драго	3	—
11	Лука Ивановичъ Бучичъ	38	—
	Жена его Марія Стояновна	—	27
	Сыновья ихъ: Петръ	9	—
	Иванъ	5	—
	Дочь ихъ Видасава	—	3
12	Драго Ивановичъ Бучичъ	26	—
	Жена его Милица	—	27
	Дочери ихъ: Живка	—	3
	Аксенія	—	1
13	Вукота Яковичъ	45	—
	Жена его Симіона	—	34
	Сыновья ихъ: Георгій	12	—
	Сава	15	—
	Христофоръ	3	—

Число семействъ		Л Ѣ Т А мужск.	женск.
	Дочь ихъ Митра	—	9
14	Христофоръ Ивановъ	51	—
	Жена его Анделія	—	38
	Сыновья ихъ: Новакъ	22	—
	Николай.	18	—
	Георгій	12	—
	Милованъ	8	—
	Дочери ихъ: Стана	—	11
	Марія	—	10
15	Андрей Драгичевичъ.	42	—
	Жена его Анделія	—	28
	Сынъ ихъ Илія	7	—
	Дочери ихъ: Анна	—	7
	Марія	—	1
16	Стоянъ Митревичъ.	45	—
	Жена его Анна.	—	35
	Сыновья ихъ: Стоянъ	18	—
	Лука	14	—
	Радіонъ	2	—
	Дочери ихъ: Милица	—	12
	Роза.	—	8
	Мать Стоянова Роза	—	65
17	Максимъ Княжевичъ	30	—
	Жена его Стана	—	22
	Сынъ ихъ Федоръ.	2	—
	Дочь ихъ Сара	—	4
18	Живко Княжевичъ	47	—
	Жена его Марія	—	40
	Сыновья ихъ: Антоній	18	—
	Вукота	12	—
	Иванъ	8	—
	Дочери ихъ: Анна	—	5
	Базелина	—	2
19	Петръ Николаевичъ	22	—
	Мать его Анна.	—	45
	Братъ ихъ Христофоръ.	17	—
20	Иванъ Юровичъ	40	—
	Жена его Ризна	—	32

Число семействъ		Л Ѣ Т А мужск.	женск.
	Сыновья ихъ: Миро	12	—
	Христофоръ	8	—
	Петръ	5	—
	Петружаръ	5	—
21	Николай Радоничъ	16	—
	Мать его Анделія	—	46
	Неимѣющіе никакого родства:		
1	Иванъ Ивановичъ	20	—
2	Михайло Мавровичъ	18	—
	Служители Сердаря:		
1	Марко	18	—
2	Коста	17	—
	Итого	55	42
	А всего обоего пола душъ .	97	

Подлинный подписалъ: Надворный Совѣтникъ Бригонци.

№ 8 (по архиву № 65).

Новороссійской Опекунской Конторѣ Иностранныхъ Поселенцовъ.

Господинъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, въ отношеніи своемъ ко мнѣ отъ 28 Ноября подъ № 818, которое въ копіи у сего прилагается, извѣщаетъ меня о Высочайшемъ Его Императорскаго Величества повелѣніи: принять Черногорцовъ, прибывшихъ къ Одессѣ, подъ призрѣніе Опекунской Конторы и выдать имъ обѣщанныя за путевыя издержки по двадцати червонныхъ на семью, исключая требуемые ими пяти сотъ червонныхъ за провозъ. Въ слѣдствіе сего, предлагая Конторѣ Опекунства взять къ своему исполненію содержаніе выше помянутаго Высочайшаго повелѣнія, даю ей знать, что находящемуся при мнѣ члену Конторы Опекунства Надворному Совѣтнику Бригонци отъ меня предписано удовлетворить Черногорцовъ выдачею имъ по 20 червонцовъ на семью, имѣть въ виду ихъ водвореніе и, удостовѣрясь объ ихъ подлинныхъ нуждахъ и недостаткахъ, снабдѣвать ихъ мѣсячными кормовыми деньгами наравнѣ производимымъ нѣмецкимъ колонистамъ, найдя дѣйствительнымъ объявленіе ихъ въ разсужденіи продовольствія ихъ подобно Болгарамъ, что оно несообразно съ ихъ родомъ жизни, поручивъ ему же

узнать, какимъ бы образомъ произвели они уплату 500-тъ червонныхъ шкиперу за привозъ свой въ Одессу.

Подлинное подписалъ: Г. Л. Дюкъ де-Ришелье

№ 1473
21 Декабря 1804 года.
Одесса.

№ 9 (по архиву № 66).

М. В. Д.
1 Экспедиція
1 Отдѣленіе
2 Столъ.
Съ изображеніемъ Высочайшей воли, относительно прибывшихъ къ *Одессѣ Черногорцовъ*.
28 Ноября 1804
№ 818.

Господину Генералъ-Лейтенанту Одесскому Военному Губернатору Эмануилу Осиповичу Дюку Ришелье.

Имѣвъ счастіе представлять Его Императорскому Величеству письмо ко мнѣ Вашего Сіятельства отъ 19 Октября о проэктѣ Господина Миллера объ овцеводствѣ и о прибывшихъ къ Одессѣ Черногорцахъ, я принялъ Высочайшее повелѣніе:

1-е. Чтобы проэктъ взять въ соображеніе, когда по части овцеводства окончательное положеніе сдѣлано будетъ.

2-е. Чтобы Черногорцовъ принять подъ призрѣніе Опекунской Конторы, такъ какъ необходимо нужно, чтобъ кто нибудь имѣлъ о нихъ попеченіе, соотвѣтственно тому, какъ пріемлется оно о всѣхъ иностранцахъ въ Россіи водворяющихся, почему и нужно, чтобъ Опекунская Контора обратила вниманіе свое о водвореніи ихъ.

3-е. Соотвѣтственно данному имъ обнадеживанію въ пособіе за издержки, въ пути сдѣланныя, выдать имъ по двадцати червонныхъ на каждую семью.

4-е. Касательно пяти сотъ червонныхъ, за привозъ ихъ требуемыхъ, сообщить Вашему Сіятельству, что издержка сія отнюдь не была въ виду, когда на испрошенное ими дозволеніе прибыть въ Россію обѣщано только было имъ по двадцати червонныхъ на семью, и что потому, не имѣя они на удовлетвореніе оныя никакого права, должны были на собственномъ своемъ иждивеніи прибыть въ Одессу. Впрочемъ, еслибъ Ваше Сіятельство найти изволили не возможнымъ, чтобъ они сами издержку сію вынесли, и признали нужнымъ, чтобъ оказано было имъ и въ семъ случаѣ Монаршее благотвореніе, то Его Величеству угодно, чтобъ Вы, Милостивый Государь мой, меня о томъ увѣдомили, для испрошенія Высочайшаго по предмету сему повелѣнія.

Подлинное подписалъ: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ
Графъ Викторъ Кочубей.

Съ подлиннымъ копію скрѣплялъ: Надворный Совѣтникъ Бригонци.

№ 10 (по архиву № 67).

М. В. Д.
1. Экспедиція.
1. Отдѣленіе.
2. Столъ.

Отвѣтъ на № 5.

Съ изображеніемъ Высочайшаго повелѣнія о уплатѣ 500 червонныхъ за доставленіе въ Одессу Черногорцовъ.

21 Февраля 1805.
№ 95.

Господину Генералъ-Лейтенанту, Одесскому Военному Губернатору, Эмануилу Осиповичу Дюку Ришелье.

Имѣвъ счастіе докладывать Его Императорскому Величеству по отношенію Вашего Сіятельства отъ 25 числа прошедшаго Января, касательно 500 червонныхъ, нужныхъ на заплату за привозъ прибывшихъ въ Одессу Черногорцовъ, такъ какъ они сами уплатить ихъ не въ состояніи, я принялъ Высочайшее повелѣніе, чтобы деньги сіи, кому слѣдуетъ, были отъ казны выданы.

Въ слѣдствіе чего и прошу Васъ, Милостивый Государь мой, приказать выдачу оныхъ запмодавцу ихъ произвесть изъ имѣющейся въ распоряженіи Вашемъ суммы, на водвореніе иностранныхъ выходцовъ отпущенной, внушивъ при томъ имъ, что правительство отнюдь не обязывалось удовлетворять подобныхъ ихъ требованій, предоставивъ имъ принять переселеніе собственно на себя и давъ одинъ разъ обѣщаніе отпустить въ пособіе за издержки въ пути только по 20-ти червонныхъ на всякую фамилію, и что заплата теперь за фрахтъ судна 500 червонныхъ есть одно лишь дѣйствіе Высоко Монаршаго милосердія къ ихъ неимуществу.

Подлинное подписалъ: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ
Графъ В. Кочубей.

№ 11 (по архиву № 70[1]).

М. В. Д.
1. Экспедиція.
1. Отдѣленіе.
2. Столъ.

О полученіи предписанія Вашего Сіятельства отъ 27 Апрѣля подъ № 283 съ прошеніемъ разрѣшенія, какое количество десятинъ земли отвесть Славяно-Сербину Сердарю Никпичу и сколько выдать ему денежной ссуды. Отъ Генералъ-Лейтенанта Херсонскаго Военнаго Губернатора Дюка де-Ришелье.

7 Іюня 1805 года.
№ 689.

Господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

На отношеніе ко мнѣ Вашего Сіятельства отъ 27 Апрѣля, касательно водворенія выпедшихъ въ Россію Славяно Сербовъ, имѣю честь донести, что по прежнему моему распоряженію назначено ихъ поселить на казенномъ пустопорожемъ участкѣ, находящемся въ Тираспольскомъ уѣздѣ, примыкающемъ къ Тилигулу и означенномъ на уѣздномъ планѣ подъ № 59, куда они уже отправлены и приступили къ обстройкѣ себя на урочищѣ Балаѣ, гдѣ удобнѣе нашлось основать имъ деревню.

[1]) Относительно №№ 70—74 см. предисловіе.

Славяно-Сербы состоятъ изъ 22-хъ семействъ, которыя, по ихъ объявленію, всѣ изъ дворянъ. Руководствуясь Высочайшимъ повелѣніемъ объ ихъ состоявшимся, полагаю я достаточнымъ нарѣзать каждому семейству ихъ по 150 десятинъ земли и сдѣлать имъ ссуду на хозяйственное обзаведеніе наравнѣ съ произведенною нѣмецкимъ здѣшнимъ переселенцамъ. Въ разсужденіи одного Сердаря Никшича, который проситъ сдѣлать ему особенную помощъ и награжденіе, представить я долженъ Вашему Сіятельству и просить Вашего разрѣшенія, во сколькихъ десятинахъ отвесть ему участокъ земли и какое ему дать денежное вспомоществованіе.

Подлинное подписалъ: Г. Л. Дюкъ де-Ришелье.

Съ подлиннаго копію скрѣпилъ: Правитель Канцеляріи
Иванъ Выводцовъ.

№ 12 (по архиву № 71).

М. В. Д.
1. Экспедиція.
1. Отдѣленіе.
2. Столъ.

Отвѣтъ на № 689.

Касательно отвода Славяно Сербамъ подъ поселеніе земли и ссуды на хозяйственное ихъ обзаведеніе.

13 Іюля 1805 года.

№ 536.

Господину Генералъ-Лейтенанту, Одесскому Градоначальнику Эммануилу Осиповичу Дюку Ришелье.

Въ слѣдствіе отношенія Вашего Сіятельства отъ 7-го числа прошлаго Іюня, касательно отвода вышедшимъ въ Одессу Славяно Сербамъ земли, ссуды на хозяйственное ихъ обзаведеніе и особеннаго вспомоществованія Сердарю Никшичу, я входилъ съ докладомъ къ Государю Императору, и Его Величество, утвердивъ предположеніе Ваше о нарѣзкѣ каждому ихъ семейству по сту пятидесяти десятинъ земли и о произведеніи имъ ссуды на обзаведеніе наравнѣ съ тою, какая дается нѣмецкимъ переселенцамъ, Высочайше повелѣть при томъ соизволилъ; Сердарю Никшичу отвести пятьсотъ десятинъ земли, а на обзаведеніе его выдать въ ссуду отъ пяти сотъ до тысячи рублей, по Вашему усмотрѣнію.

Сообщая о сей Высочайшей волѣ Вашему Сіятельству, я прошу Васъ, Милостивый Государь мой, сдѣлать нужныя къ исполненію оной распоряженія; сколько же Вами назначено и выдано будетъ Сердарю Никшичу въ ссуду денегъ изъ суммы на водвореніе колонистовъ отпущенной, меня увѣдомить.

Подлинное подписалъ: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ
Графъ В. Кочубей.

Съ подлиннаго копію скрѣпилъ: Коллежскій Регистраторъ Смолодовскій.

№ 13 (по архиву № 72).

Контора Опекунства Новороссійскихъ Иностранныхъ Поселенцовъ.

Предложеніе.

Препровождая при семъ для свѣдѣнія Конторы Опекунства копію съ отношенія ко мнѣ Господина Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 13 Іюля послѣдовавшаго, извѣщаю Контору, что въ слѣдствіе онаго предписалъ Члену ея, Г-ну Надворному Совѣтнику Бригонци, совмѣстно съ землемѣромъ Шаржинскимъ, отвесть Славяно-Сербамъ по полутораста десятинъ земли и произвесть имъ ссуду наравнѣ съ тою, какая дѣлается Нѣмецкимъ колонистамъ; Сердарю же Никшичу, нарѣзавъ 500 десятинъ земли, выдать на обзаведеніе тысячу рублей.

Подлинное подписалъ: Г. Л. Дюкъ де-Ришелье.

№ 1000.
5-го Августа 1805 года.
Одесса.

№ 14 (по архиву № 73[1]).

Выписки

Изъ рапорта Товарища Главнаго Судьи, Надворнаго Совѣтника Бригонци, въ Контору Опекунства Иностранныхъ Поселенцовъ отъ Сентября (числа не выставлено) 1805 года № 737.

Славяно-Сербы прибыли въ Одесскій Карантинъ 6-го, а выпущены оттуда 24 Октября 1804 года. Присягнули на вѣрность подданства Всероссійскому Императору: Иванъ Юрковичъ, Протопопъ Рафаилъ Семеновичъ, Василій Семеновичъ, Михаилъ Семеновичъ, Степанъ Драгичевичъ, Николай Драгичевичъ, Лука Ивановичъ Бучичъ, Драго Ив. Бучичъ, Вукота Яковичъ, Андрей Драгичевичъ, Стоянъ Митревичъ, Живко Княжевичъ, Петръ Николаевичъ, Иванъ Ивановичъ Мавровичъ и Христофоръ Ивановичъ, всего 15 человѣкъ.

Къ присягѣ на вѣрность подданства ихъ приводилъ Священникъ Іоаннъ Воронічъ, въ Николаевской (вѣроятно въ Одессѣ) церкви 28-го Апрѣля 1805 года. При приведеніи къ присягѣ присутствовалъ Губернскій Секретарь Калининъ.

Пресяжный листъ представленъ Бригонцемъ въ Контору въ Сентябрѣ 1805 года при рапортѣ за № 737.

---

[1]) См. предисловіе.

На этомъ рапортѣ Бригонци положена слѣдующая резолюція: «присяжный листъ со спискомъ представить Министерству Внутреннихъ Дѣлъ при рапортѣ».

Примѣчаніе: всѣ въ сей тетради заключающіяся бумаги выписаны изъ дѣла о Славяно-Сербахъ подъ № 4, бывшаго въ Конторѣ Опекунства Новороссійскихъ Иностранныхъ поселенцевъ, а нынѣ находящагося въ Попечительномъ Комитетѣ объ Иностранныхъ поселенцахъ. Одесса. 23-го Февраля 1842 года.

№ 15 (по архиву № 74).

Въ Херсонскую Казенную Палату.

Отъ Члена Новороссійской Опекунской Конторы Иностранныхъ Поселенцовъ Камеръ-Юнкера Князя Мещерскаго.

Послѣ донесенія моего Херсонской Казенной Палатѣ отъ 14 Августа за № 211, на какомъ именно участкѣ поселены Славяно Сербы, Новороссійская Опекунская Контора требовала указомъ доставить сей Палатѣ свѣдѣніе, по чьему повелѣнію и когда именно прописанный участокъ поступилъ въ вѣдомство оной Конторы подъ населеніе иностранныхъ выходцовъ и кто со стороны Губернскаго начальства здалъ оный, кому изъ чиновниковъ сей Конторы, котораго года, мѣсяца и числа, равно и есть ли на ономъ населеніе какое и съ котораго времени пришли на оный колонисты; въ слѣдствіе чего прилагаю при семъ списокъ съ представленія ко мнѣ по сему предмету Г-на Тираспольскаго уѣзднаго землемѣра Шаржинскаго, изъ котораго явствуетъ, что участокъ на уѣздномъ планѣ подъ № 59 означенный, въ числѣ 12 т. десятинъ при оврагѣ Балаѣ, отданный сею Палатою въ оброкъ Поручику Швидкому, на которомъ нынѣ поселены Славяно Сербы, поступилъ въ вѣдѣніе Конторы Опекунства по ордеру Г-на бывшаго Херсонскаго Гражданскаго Губернатора Окулова, отъ 15-го Февраля 1804 году къ нему Г-ну Шаржинскому послѣдовавшему, при формальномъ отводѣ для поселенія Болгаръ и Грековъ 9 т. десятинъ земли бывшей Генералъ-Лейтенанта Платова и въ присутствіи Господина Главнаго Судьи той Конторы, Статскаго Совѣтника и кавалера Контеніуса, указанъ имъ Шаржинскимъ, но снятіемъ неокончанъ, за исполненіемъ другихъ по сей части порученностей, о чемъ и рапортовано отъ него Іюля 2-го Г-ну Гражданскому Губернатору и 31-го Декабря того же года Херсонскому Губернскому Правленію,—отправлены же на оный участокъ для поселенія Славяно Сербы въ числѣ 22-хъ семействъ, въ 96-ти обоего

пола душахъ, 10-го Маія 1805 года, о чемъ симъ Казенную Палату извѣщаю.

Съ подлиннаго копію скрѣпилъ: Губернскій Секретарь Аншенковъ.

№

14-го Ноября 1806 года.

№ 16 (по архиву № 90).

Милостивый Государь мой!

Письмо Ваше изъ Петербурга отъ 5-го Іюня я получилъ. Сожалѣю весьма, что прежде посланное отъ васъ не дошло до рукъ моихъ, и для того, дабы вознаградить сколько можно потерянное время, спѣшу препроводить вамъ просимое свидѣтельство о крещеніи сына Вашего Матѳѣя. Желаю, чтобы оно послужило согласно съ намѣреніями Вашими и чтобы мой крестникъ имѣлъ всевозможные успѣхи въ наукахъ и службѣ, которую ему назначаете. Затѣмъ прошу васъ принять увѣреніе въ томъ почтеніи, съ коимъ навсегда пребываю:

Милостиваго Государя моего

покорнѣйшимъ слугою

Е. Дюкъ де Ришелье.

Въ Парижѣ
19/31 Іюля 1818 года.
Г-ну Капитану Б. Никшичу.

№ 17 (по архиву № 91).

Дано мною сіе свидѣтельство Господину Капитану Богдану Никшичу въ томъ, что по переселеніи его изъ Сербіи въ Россію и въ бытность прошедшаго тысяча восемъ сотъ четвертаго года въ городѣ Одессѣ (Херсонской губерніи) родился у него сынъ, нареченный Матѳѣемъ. Обрядъ крещенія сего ребенка въ Греко-Россійскую вѣру совершенъ былъ покойнымъ Протоіереемъ Самбурскимъ; воспріемникомъ же былъ я, а воспріемницею Госпожа Генералъ-Маіорша Попандополо. Въ чемъ симъ и удостовѣряю подписомъ моимъ, съ приложеніемъ герба моего печати.

Е. Дюкъ де Ришелье.

Въ Парижѣ
Іюля 19/31 дня.
1818 года.
(М. П.)

№ 18 (по архиву № 117).

Аттестатъ.

Объявитель сего изъ Сербскихъ дворянъ Михаило Афонасьевъ сынъ Никшичь съ 1796 года Ноября 26 дня, обучался въ Шкловскомъ благородномъ училищѣ катехизису, Греческаго исповѣданія, Россійскому чтенію, чистописанію, грамматикѣ и ариѳметикѣ, Нѣмецкому чтенію и писанію; сверхъ того военной экзерциціи, верховой ѣздѣ и фехтовать; находясь въ ономъ велъ себя званію благороднаго соотвѣтственно; а отъ 18-го Іюня сего года по Всевысочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, на представленіе онаго училища Главнаго Директора Господина Генералъ-Лейтенанта и разныхъ орденовъ кавалера Семена Гавриловича Зорича, произведенъ чиномъ Прапорщика мушкатерскаго пѣхотнаго полка, въ чемъ при увольненіи его Никшича и данъ сей за подписаніемъ того училища Господъ чиновниковъ и съ приложеніемъ печати. Въ Шкловѣ 1799 года, Іюля 12 дня.

Подлинный подписали: Инспекторъ Подполковникъ Иванъ Фливеренъ, Надзиратель Маіоръ первый Александръ Ридерсъ. Надзиратель Маіоръ Егоръ Твардовскій. Capitaine Baron d. Elsner maitre de la Fortification (Капитанъ Баронъ Эльснеръ, учитель фортификаціи). Учитель математики Поручикъ Николай Петровъ. Учитель ариѳметики Подпоручикъ Степанъ Райковичъ. За секретаря училищнаго, учитель Иванъ Богоявленскій.

(М. П.)

№ 19 (по архиву № 118[1]).

Пишемо одъ насъ Капетана и Зеннилъ-аге и Омеръ-аге и Ярсланъ-аге и свіехъ агахъ и одъ свега кула Колашина града поздравъ Сердару Мини и Кнезу Станиши Пскову и Кости Боиħу, и свіема горньо-Морачанима и ускоцима.

А потомъ: да ви е на знанье што ви пишемо, како уфатисмо тврду Божію вѣру на Гркову за годину и да ульеземо у Морачу на тврду Божію вѣру и да дате читлукъ сахибіяма, што е ко кадаръ и на вашу ріечъ ускочку и Морачку читлукъ Сахибіе ульегоше, ви ихъ не прифатисте нити имъ што дасте. Ако имъ ніесте дали читлукъ, Сахибіе што дали, да имъ даду: на ньихъ стои дугъ на вратъ у царево здравлье. Ако шħену даватъ, могу датъ кадъ гоħь хоħе. А кадъ сте се состали съ Турцима у Морачу, рекли сте: питайте Капетана и виласть, ели вѣра вѣромъ? Капетанъ и виласть е рскао: како сте уфатили на Грково тврду Божію вѣру

[1]) О №№ 118—133 см. въ предисловіи.

и кадъ сте уфатили, и ми сви држимо, да е за годину тврђа Божія вѣра одъ камена и Морачанима и ускоцима. А што недаю чинчіе читлукъ Сахибіима, ми поради тога вѣру иштетитъ нећемо, а они ћесе наизадъ хесанитъ, кои е коме што дужанъ и наплачиватъ. И ту намъ кньигу одпишите но здраво, докъ ніе ко коме што учиніо: еръ има рђавіехъ люди и тамо и амо, да знамо на чему смо, и дасте здраво.

Примѣчаніе. На врху свіе писамо, писаніе одъ Турака ускоцима и Морачанима, приложено е одъ 5 до 10 Турскіе печата; но време, укое су писана, ни на едному обильежено ніе. Вѣроятно е таки обычай у Турака. Ово писмо, но прилици, писано е 1791 или 1792 год. Преписатель.

№ 20 (по архиву № 119).

Пишемо одъ насъ Капетана и Зеинилъ-аге и Омеръ-аге и свіе агахъ и одъ свега кула града Колашина поздравъ: Кнезу Станиши Пекову и Кати Бонћу; одъ ускока. Сердару Малиши и Бошку, и свіема горньо Морачанима и ускоцима.

А потомъ како прольетосъ уфатисмо тврду Божію вѣру, да немамо међу собомъ никакве преузмице, ни ви одъ насъ, ни ми одъ васъ. Ни ми ніесмо каили иштетити тврду Божію вѣру, да вама одъ насъ една газета, да вамъ е штете одъ насъ,—па се ніесмо ни ми чували одъ васъ, но смо држали, да е и одъ васъ тврда Божія вѣра, те се одъ васъ ми нечувамо. Чусмо, да су не какви Морачани на Божію вѣру стишли у Прошћенье и узели четворо коня. Тіи су коньи: еданъ Капетановъ, доратъ великъ, еданъ мркъ, кобила ђогатаста, подъ самаромъ, и друга доратаста. Ако хођете, да е међу нама она тврда Божія вѣра, како смо прольетосъ уфатили, те намъ коньe, ако се нађу, вратите, ако хођете, да смо у любави; ако ли нећеме вратитъ, ту намъ кньигу одпишите, да знамо али ћете вратитъ, али нећете, и да намъ кажется: за што нећете. И дасте здраво.

Одъ мене Османъ Капетана и Османъ аге Мекића и осталіехъ агахъ и свега кула Оногоштскога, Сердару Малиши и Кнезу Станиши и Кости Бонћу и осталіемъ Морачанима и ускоцима драги поздравъ.

Потому: разумѣсмо што пишете за састанакъ. Это насъ, ако Богъ да, у уторникъ на Лолу (планина). Но и ви изидите одтудъ, е ћемо ми изиђь. И свакоме вѣра и миръ, да се нико небои до состанка. И дасте здраво.

№ 21 (по архиву № 120).

Пишемъ я, Бећиръ паша Ченгићь, Малиши Сердару поздравъ.

Како я пођохъ у Пиву и каза ми Іованъ Ћорломанъ, куђь си ишао по Московіи, и каза ми Станко чавићь, како си се съ ньимъ састаяо, па си опетъ каилъ у Московію. Но дођи су три четири друга, да се саста-

немо на Божію вѣру на Горанско ово до неђелье Божія ти е вѣра: како дођемъ, тако ђемъ и пођи. А я ћу стремити во тебе едну кньигу моше амиџи (стрицу) у Московію. Ако ли ти никако дођи неможемъ, а ти пошльи кога вѣрна, да се са мномъ састане. И чуемъ има ту кодъ тебе добаръ конь. Пошльи ми га, да га видимъ. Ако буде за мене, аспре ћу ти за пьега, пиши, послати, исто гођь речемъ: ако не бегенишемъ, а онъ ће га одвести. И да си здраво.

И пишемъ ти за Петра Ћорломана: врати га амо, нека иде и онъ амо.

(М. П.)

№ 22 (по архиву № 121).

Божіею Милостью

МЫ, ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ

Всероссійскій

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявитель сего, находившійся при Высочайшемъ дворѣ Нашемъ, депутатъ жительствующихъ въ Морачѣ старшинъ Сербовъ Герцеговинскихъ, Сердарь Мина Лазаревъ Никшичь-Требѣшанинъ, отпущенъ отъ Насъ заграницу обратно въ Морачи, съ племянникомъ его Иваномъ Юрковичемъ Требѣшаниномъ же. Почему и повелѣваемъ Нашимъ военнымъ и гражданскимъ начальникамъ, нетокмо ему Сердарю въ пути заграницу свободный пропускъ чинить, но и показывать ему всякое въ дорогѣ вспоможеніе. Во свидѣтельство того и данъ ему сей паспортъ изъ Нашей Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ съ приложеніемъ Нашей Государственной печати. Въ С-т Петербургѣ. Маія 19 дня 1798 года. По Его Императорскаго Величества указу подписалъ: Князь Александръ Куракинъ.

(М. П.)

Примѣчаніе. Іоштъ има овака два, дана Сердару Мини пасоша, еданъ у вріеме царствованія у Руссіи Императрице Екатерине Второе, одъ 15 Маія 1795 год, за подписомъ Графа Ивана Остермана, а други у вріеме Императора Александра Првога, одъ 27 Іюня 1803 год, за подписомъ Графа Александра Воронцова. Разлика е у ньима само та, што е Императоръ Александръ и друге све државе дружебно моліо и одъ ньихъ пріятно желіо, да Сердара Мину Никшића не толико слободно и безъ задржаня

скуђь изъ Руссіе и у Руссію пропуштаю, но да му и свако благоволеніе и вспоможеніе показую. Преписатель.

№ 23 (по архиву № 122).

Всемилостивѣйшій Императоръ

и

Самодржацъ Всероссійскій!

Прими смо чрезъ руке нашега Депутата, Сердара Мине Лазаревића Пикшића-Требѣшанина, любезливу и милостиву Вашега Императорскога Величества Грамоту и различне знаке Вашега Императорскога благоволенія, коју слушали есмо сердца нашего со сльзами.

Благодаримо Всемогућаго Бога, что Онъ возліяль по Ваше Императорское Величество любовъ къ намъ и нашему народу! Благодаримо още Всевышняго створителя и Ваше Императорское Величество, что подали жребій нашему православноме и христіянскоме народу прегнути! Како смо учинили Великому Императору Петру Первому: такожде и нынѣ учинисмо законно духовну клетву, служити и быти вѣрными подданными до посльедње наше капље крови Вашему Императорскому Величеству.

Иванъ Пвчевићь, Стоянъ Дмитровићь (Карарићь) Томо Љешевићь, Ево Копривица, Іоко Буланићь, Бранић Булатовићь.

Примѣчаніе. На другой страни написано е: «копія, што е слата Императору благодарность». Преписатель

1799 год. Марта 14.
У Рагузи.

№ 24 (по архиву № 123).

Глагородни Господине Сердару!

Примію самъ твое писмо, изъ коега разумѣмъ, да си дошао у Которъ здраво и да ти пошльемъ слободително писмо, да овамо дођемъ. Ти знашъ, ако нѣсси заборавіо, да ти ніе ни кадъ забрањено было овде доходити, нако кадъ нѣсси самъ бегенисао. Дакле, это Протопопъ Раде иде тамо, съ коіемъ можемъ доћи, естли хоћемъ. Впрочемъ остаемъ.

Твой доброжелатель

Владыка Петръ Петровићь.

На Станьевиће.
25 Носм. 1799 год.

№ 25 (по архиву № 124).

ПЕТРЪ,

Божіею Милостію

Православни Митрополитъ

и

Кавалеръ Россійскій.

(Овде е на подлинноме мѣсто Владычина Великогъ печата).

Благороднимъ Кнезономе, Барьяктаромъ и прочимъ духовнога и мірскога чина главаромъ и старѣшинамъ и всѣмъ у Ровца, и у Горню и Доню Морачу и у Лѣшню и Дубоко живущимъ христіяномъ, миръ и милость одъ Бога Спаса Нашего Іисуса Христа да будетъ.

Съ овіемъ писмомъ нашіемъ даемъ ви на знанье, како се повратіо Сердаръ Малиша изъ Беча и дошао кодъ мене, коега я, по договору Господе Главарахъ, шиљемъ тамо къ вама на прво његово мѣсто, препоручујући свіема, да га примите и дочекате како брата и старѣшину съ оном љубовью, кою сте и прије къ њему имали. А сто тамо и отацъ архимандритъ Авксентіе, коега самъ пріедъ тамо послао, пакъ они двоица нека живе лѣпо и мирно у љубавъ међу собомъ, а съ вама осталіема Главарима, и ви такођеръ съ њима, удоговоръ и слогу, безъ инада и кавге. Што е потребито судитъ, или миритъ, или вѣру уфатитъ; то чините согласно и договорно ви главари, кои сте одъ народа изабрани. Оставите хилу, лукавство и мерзостъ. Пазите што е Богу мило и што е свему народу користно и поштено и што ће быти нашему честитому Цару Павлу угодно, да неизгубите његову милостъ и обрану, и да се послѣ некаете и не погинете.

Прођитесе свиколици одъ сиротиње хришћанске, коя живи у Херцеговини подъ Турскіемъ тежкіемъ зулумомъ; вѣру тврдо држите, съ кимъ е уфатите. Зле люди ћерајте, глобите и кастигајте и зломе чоеку руку и хајтаръ недржите. Сироту и сиромаха браните и право судите. Главаре и Старѣшине почитуйте и слушајте, неможете свиколици главари быти,— а ће ніе послуха, ту ніе никаква добра, нако свака несрећа. Молитесе Богу и лѣпо, како браћа хришћани, мирно у праву љубавъ живите: за што инако неможете быти ни Божіи, ни Цареви, ако нећете примити како ви пишемъ. Садъ размыслите, што се одъ вашега непослуха догодити може и не-ка се сваки спомене, да ће се каяти, кои неће у дружину быти мранъ и погоданъ.

А што е убіо Марко Пауновъ изъ Ровцахъ брата Сћепана Радивоева, на правди Божіой, тога убойцу не држите међу собомъ, да ви ніе

просто ни благословено, но га пѣшерайте, да се уклони и не пріеча и спредъ Сѣепана и ньегове браће, коіема е заклао брата.

А послаћемо тамо людихъ одъ кулука земальскога, да виде ваше после и начине, и да знамо чисто ко е у нашъ колъ и договоръ, и подъ честито крило нашега Цара, и ко слуша Цареве заповѣди и наше наредбе и главаре, али кои нити е нашъ ни нашега Цара да познамо, пакъ ће быти како Богъ да. И дасте здраво.

Владыка Петръ, вашъ доброжелатель, са свіемъ главарима и кулукомъ одъ Црне Горе и одъ Брдахъ.

На Станьевиће
28 Ноем. 1799 год.

№ 26 (по архиву № 125).

Пишемъ я, Херцеговачки митрополитъ Ананія, вама ускоци Требѣшани и остали, кои су съ вама одъ наше епархіе. Да знате: я самъ оће дошао и пуно се лютимъ на вашу кньигу, што сте писали Господару наши. Видимъ, да сте много..... Ніе иктиза, да паша васъ пите у владике црногорскога ни да га ви питате. А я самъ васъ многе сѣтовао и садъ васъ сѣтуемъ: дошао е вакатъ, приклоните главе честитому цару, кои е рап пунъ милости обрести миръ и намѣстити на свою старину. Безъ свакога сумнѣнія дођите Господару наши и господи одъ града и свему кулу, зашто вамъ я много добра хоћу, како свему христіянлуку. Одъ насъ ће васъ Турци примити и по царской заповѣди примити, и сва зла опростити и на ваша добра намѣстити, да се неима ни едно зло поменути у вѣкъ, и датъ вамъ тврче какве хоћете; но се разумійте. Да насъ, ако хоћете, можете дочи, еръ васъ зову, а може дођи вакатъ потлѣ и да бы сте хоћели дођи, нећете моћи. Но васъ сѣтуемъ што ви е за болѣ: пошльите четворицу, да съ пашомъ и съ господомъ проговоре и са свіемъ градомъ, како ће васъ примити и како ће васъ намѣстити. Но тако послушайте, како вамъ пишемъ, а ево самъ я оће у граду и са мномъ ћете проговорити кои дођете.

1801 год.
Септемврія 8.

№ 27 (по архиву № 126).

Пишемо ми, владыка и митрополитъ Ананія Херцеговачки, ускоцима свіемъ, кои су одъ Никшића, одъ Колащива, одъ Дробняка и изъ преко-Таре и окле-гођь кои ускокъ. Нека знате по истини, што гођь вамъ кажу ови люди, што сте послали амо, и што вамъ пише Господаръ паша и остала господа и градъ васъ, да е истинно и тврдо. Тога ради и ми пи-

шемо вама свакому окле гођь кои ускокъ, да немысли ни зашто и да се небои никаква зла: што е гођь ко учинію, опроштено му е прво одъ честитога цара, и одъ ньеговіе већила, и одъ све господе мале и велике и одъ све Херцеговине, него хайдете слободно,—безъ никаква страха, нити тко шта да помысли. Тако пишемо и Малиши и онъ, ако хоће, нека зна, да му нико ни зашто неће поменути ни кадъ ва вѣкъ. А што му говоре, да ће га Турци корити, што е ишао у Московію и што су му дали неке дарове, нека зна, да ће тіемъ сербесніи (слободніи) быти и стиманіи; еръ море рећи: мене су прифатали и у друге кральевине, ама я нешћехъ, него подъ скутомъ мога честитога цара. Вайстину тіемъ ће стиманіи быти што е ишао, него да ніе отишао; еръ знаду Турци, да е шћео, имао бы ће и тамо, нека неима никаква сумнѣнія. Тако и Перо Поповъ, ни онъ да неима никакве помысли ни зашто. Тако свакому пишемо, да неима нико никакавъ страхъ. Тако да знате и молитва наша и благословъ, да буде, съ вама; и немойте ихмалитъ, него ходите часъ пріе, за васъ Ће болѣ быти. Тако знайте. 1801 год. Сентемврія 20.

Примѣчаніе. На ова обадва писма Влад. Ананія, печатъ е ньеговъ притиснутъ озгоръ, а подписъ учиньенъ оздо, но е подписъ тако замршенъ и тако су слова едно за друго заплетена, да се, безъ антикварія и микроскопа, ни едно слово разабрати неможе. Преписатель.

№ 28 (по архиву № 127).

Пишемо ми, владика и митрополитъ Херцеговачки Ананія у Морачу доню и Горню, перво Кнезовима и поглаварима и свему народу малому и великому. Нека знате, како великая милостъ бысть и одъ честитога цара и одъ ньеговіе већила и одъ све господе Херцеговачке и Бочанске тіемъ ускоцима, кои су међу вама были, и опроштено имъ е свако зло, што е ко учиніо, и оће да се врате. Него пишемо вама: што ньимъ остане, те немог-будну дигнутъ у еданъ путъ и у два пута, чувайте да кому што, не погине. Друго вамъ пишемо, како смо вамъ и лѣтосъ писали, ако хоћете свому добру, састанитесе съ вашіема Агама, те будите како сте и пріе были. Ако тако учините и зовнете међу себе харачліе и вама ће быти опроштено, што сте гођь учинили, ако ли тако не учините како ви пишемо, вайстину нека знате, да ћете дочекати силну войску (како) први сніегъ пане и да ћете быти поробльени и посѣчени и ђеца ваша у Турске руке. Него послушайте како вамъ пишемо и приклоните главе милостивѣйшему честитому цару нашему и ньеговіемъ већилима, коя милостъ велика ньегова, не само трильети толико година што сте главе окренули одъ ньегова Величества, него іогитъ опрощаетъ што сте до до насъ чинили. Видите колика е милостъ милостивѣйшаго и многолѣняго и держав-

наго и кротчайшаго честитаго цара нашего, его же сохранитъ Богъ царство его во вѣкъ и подложитъ подъ ноге его свакога врага и супостата. Съ тога вамъ пишемо Тако знайте, молитва наша да буде съ вама.

Ананія.

1801 год.
Сентемврія 20.

№ 29 (по архиву № 128).

Одъ насъ Владыке Петра. Благороднымъ Главаромъ и Старѣшинамъ и свіема Ровчанима, Морачанима и ускоцима драги поздравъ и благословеніе.

А при томъ нека знате, како се составасмо съ Турцима одъ Оногошта, те уфатисмо вѣру за годину и стависмо стотину цекинахъ незера. За то ви даемъ на знанье, да се чувате што не бы кои ову вѣру поколебао, да неплати незеръ и да зло на себе не наведе, за кое, како е сва наша земля вѣру уфатила, тако ће сва земля ћерати онога чоека, кои бы вѣру преметнуо. А казаће ви изъ устахъ и Крсто Вуячићь-Требѣшанинъ, кои све зна како е было. Впрочемъ остаемъ вашъ доброжелатель.

Владыка Петръ.

На Стубицу.
Декемвр. 6. 1800 г

(М. П.)

(№ 30 по архиву № 129).

Одъ насъ Османъ Капетана Мушовића и Османъ аге Микића и диздара Шахинагића и осталіехъ агахъ и свега кула Оногоштскога, Сердару Малиши, игумну Никодиму, архимандриту Авксентію и Кнезовима Ровачкіемъ и свіемъ осталіемъ драги поздравъ.

По тому: прими смо вашу кньигу и разумѣ смо што пишете, да е вѣра и миръ свакоме крозъ васъ, како и у нашу чаршію, до ђурђева дне. Тако и мы вама пишемо: вѣра и миръ свакоме вашему чоеку, кои иде правіемъ путемъ, свакоме вѣра и миръ до ђурђева дневи. Тако знайте и дасте здраво. С. Р. П. С. М.

№ 31 (по архиву № 130).

Одъ насъ Османъ Капетана и диздара, и Османъ-аге Мекића, и осталіехъ агахъ, и свега кула Оногоштскога, нашему пріятелю, Сердару Малиши Лазаревићу, пріятельско поздравленіе.

По тому: прими смо вашу пріятельску кньигу, у коіой се разумѣ смо што пишемъ за миръ. Мы смо каилъ, али е много смршено съ обадвіе стране. Но ето е прошао Бошко къ тебе, пакъ кадъ дођешъ у Морачу ты

или Бошко, нека намъ доће кньига изъ Мораче изъ договора свіехъ. Дотленъ ћемо мы састатсе и утвердить мећу собомъ миръ тврдъ; пакъ ћемо се састатъ ће речемо и миръ свезатъ, ако Богдъ да, за свіехъ, и одовудъ и одтудъ за свіехъ: а лани е было по башка, пакъ е было наопако и плѣньивали люде праве. У мирнике валя да наредишъ, да се та малъ врати Марашевића и Зека Субашина, кои е узетъ на миръ. И до тога состанка одъ насъ Божія вѣра и миръ свакомъ. Тако знай и дасте здраво.

С. Р. Поздравляемъ васъ милостиво, молимъ те, Христа ради, проговори Г-ну Графу Марку за ту нашу свиту у Парчаняхъ; онъ може ми наплатитъ, а онъ мене зна, я самъ Божіи и вашъ.

№ 32 (по архиву № 131).

Одъ мене Московскога Генералъ-Лейтенанта и разныхъ орденовъ кавалера, Графа Марка Ивелића, моіемъ старіемъ пріятельима: Османъ Капетаим Мушовичу и свіемъ осталіемъ агама одъ града Огоношта пріятельско поздравльеніе.

А потомъ: како намъ дође кньига, у коіой ми дае то на знанье, да су ускоци-Требѣшани съ вама се умирили, ето ми е много мило; и они су ви казали да ньихъ я зовемъ къ себе, да иду съ Малишомъ у Московію, они су вамъ рекли истину: — за што ми е заповѣдіо честитіи и великіи мой Царъ Московскій, кои ньима е даровао землю у Кримію. За то я самъ каилъ, да ньима у ову згоду учините добро, да ньимъ не бы ко на путъ стао и зулума учиніо. Я ћу на Граово послатъ моега чоека съ писмомъ, да не бы ко кога задіо. И радъ самъ, ако хоћете, да васъ съ Граовлянима помиримъ, да можете трговиномъ и безъ трговине долазитъ на Рисанъ.

И ово ви пишемъ: да душманинъ вашъ, кои се находи за море, бью се у крцао на сто и недесетъ бродова, да прейђе на ову страну, али се препадоше одъ московскіехъ бродовахъ и опетъ назадъ сву войску изкрцали на су во има мѣсецъ дана, и несміо послiе тога опетъ укрцатисе. И докле ће овако быти Богъ еданъ зна. И дасте здраво.

Маія 15 данъ 1804 год.

У. Котору. (М. П.)

№ 33 (по архиву № 132).

Одъ мене Османъ Капетана и осталіехъ агахъ, Сердару Малиши Лазаревићу драги поздравъ.

Прими смо твою кньигу, у коіой се разумѣ смо за све. Али што говорите, да ніесмо на ріечъ, то ніе истина. Нама е найпріе ценера Марко писао и моліо, да се съ ускоцима помиримо. И мы се составасмо и едномъ и другомъ и помири смо. И Бошко насъ моли, да му дамо одъ седамъ кабилахъ по два чоека, да сѣде у Рисанъ докле мы челядъ пропратимо.

И мы укабули смо, и люде на-ђо смо, и нописа смо и писа смо ценералу Марку на његовъ образъ и на његову вѣру да пошљемо нашу браћу у Рисанъ. А кадъ намъ дође договоръ, цепера намъ не писа, да пошљемо нашу браћу, заръ ви не бѣше за пресну. Тадаръ се люди разметнуше по трговини и по послу своме. А ви отворите путъ други, немојте на насъ метатъ кривицу, но кудіенъ гођъ хођъ хоћете: преко Брдахъ ли, преко насъ ли пољенъ, одъ насъ ви запреке нема кадъ гођъ хоћете и кудіенъ гођъ хоћете, одъ насъ ви е мирно. Тако знајте и дасте здраво. С. Р. П.

Примѣчаніе. Слова: С. Р. П. С. М.,—С. Р. и С. Р. П., постављена на три Турска писма къ Малиши, вѣроятно, означую име познатога њему Турчина или Рипћанина изъ Оногошта, и, како се види, пріятеля његова, што доказую рѣчи: «я самъ Божіи и ванъ». Но како су се ова любопытна писма изнашла и допала нама у руке преко 33 године послѣ смрти малишине, мы саде неможемо објаснити, ко е именомъ та Іероглифически Оногоштанинъ было. Преписатель.

№ 34 (по архиву № 133).

Одъ насъ Османъ Капстана и осталіехъ агахъ одъ града Оногошта и свега кула, пишемо Сердару Малиши и Јпцару Мусину драги поздравъ.

По тому: како дођоше ови наши граћани съ Рисна, а Јпцаръ остаде тамо, и говоре да ће ходитъ съ Требѣшанима моремъ. За то дођоше кнезови и рая Жупљани и Јпцарова браћа Феризовићи, те насъ замолише, да пишемо Ценералу Ивелићу. И ево смо писали и молили, да га пропратите до селамета, да иде овамо: за што се насатъ безъ њега Жупска рая насатъ неможе. И тебе пишемо Сердару и молимо те: не мој га водитъ тамо за садъ, но га испратите за садъ, а други путъ како му драго како буде суђено. Хеле садъ Јпцаре ходи дома, друго не учини. И дасте здраво.

С. Р. Поздравлямъ свехъ мило и драго и дасте здраво.

Примѣчаніе. Стари Требѣшани казую, да су они, будући іопитъ у Рисну, чули, да су Турци Јпцара, како се е къ њима вратіо, убили и вѣроятно за преданостъ къ каурима. Эво примѣръ, како се чоекъ ніе свагда могао ослонити на рѣчъ ондашње Эрцеговачкіе Турака! Преписатель.

Акты 1787—1791 годовъ,

извлеченные изъ дѣлъ Кубанскаго Войсковаго Архива и сообщенные дѣйств. чл. Е. Д. Фелицынымъ [1]).

Акты эти расположены въ хронологическомъ порядкѣ, согласно датамъ въ нихъ находящимся; но вѣрны-ли эти самыя даты и нѣтъ-ли гдѣ ошибки или описки, сказать, безъ спеціальнаго изслѣдованія, трудно.

№ 1.

Повелѣніе князя Потемкина-Таврическаго отъ 12 октября 1787 г., за № 2664, изъ Елисаветграда.

Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской Всемилостивѣйшей Государыни моей Генералъ-Фельдмаршалъ, Главнокомандующій всею легкою кавалеріею регулярною и нерегулярною, флотомъ Черноморскимъ и многими другими сухопутными и морскими военными силами, Государственной военной коллегіи президентъ, Екатеринославскій, Таврическій и Харьковскій Генералъ-Губернаторъ, Ея Величества Генералъ-Адъютантъ, дѣйствительный камергеръ, войскъ Генералъ-Инспекторъ, Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку подполковникъ, корпуса кавалегардовъ, Екатеринославскаго кираспрскаго, Смоленскаго драгунскаго и Екатеринославскаго гренадерскаго полковъ шефъ, мастерской Оружейной палаты верховный начальникъ и орденовъ: Россійскихъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго, военнаго Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, и Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра большихъ крестовъ, Королевскихъ—Прусскаго Чернаго Орла, Датскаго Слона, Шведскаго Серафимовъ, Польскихъ: Бѣлаго Орла, Св. Станислава и великокняжскаго — Голштинскаго Св. Анны Кавалеръ и Князь Потемкинъ-Таврическій.

Объявляя чрезъ сіе всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что по случаю учиненнаго турками разрыва мира съ Имперіею Всероссійскою и открывшихъ нынѣ военныхъ дѣйствій господинъ капитанъ Захарій Чепѣга, исполненъ будучи похвальной ревности и усердія къ службѣ Ея Императорскаго Величества и пользуясь случаемъ въ изъявленіи противъ

[1]) Значеніе этихъ актовъ для исторіи Новороссійскаго края выяснено въ докладѣ Е. Д. Фелицына. Засѣданіе 291. Протоколъ, стр. 28.

праговъ христіанскихъ мужественныхъ подвиговъ своихъ, предъявилъ желаніе собрать волонтеровъ и съ оными употребленъ быть при арміи, моему начальству вѣренной, а потому и дозволяю ему набрать охотниковъ изъ свободныхъ людей, съ казеннымъ, доколѣ на сей службѣ пребудутъ, пропитаніемъ, повелѣвая съ набранными людьми являться къ командующему генералитету и ко мнѣ рапортовать. Въ удостовѣреніе-жъ даннаго дозволенія утверждая сіе рукою и печатію герба моего

Князь Потемкинъ-Таврическій.

(Дѣло по общей описи № 3, 1787 г., связка 1, страница 1).

№ 2.

По указу Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны Самодержицы Всероссійской,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявителю сего, команды капитана Чепѣга волонтеру Андрею Бѣлому, копію съ будущими при немъ слѣдующему Таврической области въ разныя мѣста для приглашенія изъ бывшихъ Запорожцевъ въ конные и пѣшіе волунтеры, по повелѣнію Его Свѣтлости князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, которымъ по надлежащему путп чинить свободный и безпрепятственный пропускъ, во увѣреніе чего сей за подписаніемъ и приложеніемъ герба моего печати данъ въ благополучномъ городѣ Херсонѣ. Ноября 25 дня 1787 года № 652.

Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей Государини моей, отъ арміи Генералъ-Порутчикъ и ордена Свитыя Анны Кавалеръ,

Еремей Бибиковъ.

(То же дѣло, стр. 4).

№ 3.

Ордеръ Капитана Харитона Чепѣги Команды его Атаману Волонтеристу Андрею Бѣлому, отъ 27 ноября 1787 г.

Прилагая при семъ съ даннаго мнѣ отъ Его Свѣтлости высокоповелительнаго Господина Генералъ-Фельдмаршала, Государственной военной коллегіи президента и разныхъ орденовъ кавалера Князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго открытаго листа посылая копію, рекомендую по полученіи сего слѣдовать въ Таврическую область въ разныя мѣста для приглашенія бывшихъ Запорожцовъ въ конную и пѣшую службу въ волонторы; обявлясь тамошнему начальству, стараться сколько возможно приглашать таковыхъ и, буди сыщутся охотники, отправлять ихъ

партіями ко мнѣ съ именными списками, при вашемъ рапортѣ, гдѣ я находиться буду.

Капитанъ Харитонъ Чепѣга.

(То-же, стр. 2; къ этому приложенъ актъ № 2).

№ 4.

Рапортъ отъ вольной Запорожской команды Его Пр—ву г.-м. Шевичу.

За силу велѣнія В. Пр—ва сего декабря 15 числа съ всею командою и артиллеріею съ Прогноевъ въ урочище Васильково благополучно прибылъ, гдѣ и нынѣ команда состоитъ. О чемъ В. Пр—ву вольная запорожская команда рапортуетъ.

(То-же, стр. 6).

№ 5.

Ордеръ Кн. Потемкина-Таврическаго Войска вѣрныхъ козаковъ г. Атаману Сидору Бѣлому, отъ 2 января 1788 года за № 12, изъ Елисаветграда.

Употребляйте возможное стараніе о пріумноженіи козаковъ и, принимая ихъ, снабжайте оружіемъ; въ случаѣ, когда все оружіе будетъ въ раздачѣ, представляйте ко мнѣ, почему я и прикажу вновь еще онаго вамъ отпустить.

Наблюдать по всей возможности, чтобы козаки вашей команды люди были хорошіе, къ войнѣ склонные и умѣли стрѣлять; не умѣющихъ-же обучать, — ибо я, избравъ время, каждаго буду смотрѣть, какъ кто изъ ружья стрѣляетъ.

Князь Потемкинъ-Таврическій.

(Дѣло по общ. оп. № 11, 1788 г., св. 1, стр. 1).

№ 6.

Ордеръ г.-м. Голенищева-Кутузова г. сек.-майору и полк. вѣрнаго казацкаго войска Чепѣгѣ, отъ 26 Генваря 1788 г., № 180.

Врученную отъ меня Вамъ булаву или перначъ, присланную отъ Его Свѣтлости Главнокомандующаго Екатеринославскою арміею Фельдмаршала, рекомендую Вашему Высокоблагородію оную, какъ знакъ даннаго Вамъ начальства, имѣть всегда при себѣ.

(Дѣло по общ. оп. № 26, 1788 г., св. 1, стр. 1).

№ 7.

Ордеръ Ген.-Анш. А. В. Суворова Коша вѣрнаго Запорожскаго войска г. атаману Бѣлому, отъ 28 Генваря 1788 г., № 155.

При семъ препровождаю сигналы для произвожденія въ командѣ вашей вѣрному запорожскому войску.

Александръ Суворовъ.

Сигналы 1788 года на Февраль мѣсяцъ: 1-го числа—звѣзда, 2-го—молнія, 3-го—малиновка, 4-го—кедръ, 5-го—сталь, 6-го—прикладомъ въ грудь, 7-го—чистое поле, 8-го—стерлядь, 9-го—макъ, 10-го—штыкъ въ брюхо, 11-го—кленъ, 12-го—медвѣдь, 13-го—въ куски бусурмана, 14-го—плеть, 15-го—канарейка, 16-го—дави невѣрнаго, 17-го—столпъ, 18-го—карась, 19-го — зеленъ виноградъ, 20-го — шило, 21-го — полынья, 22-го — зоря, 23-го—бѣлка, 24-го—пуля въ грудь, 25-го—гвоздь, 26-го—піонъ, 27-го—быстрой орелъ, 28-го—храброй ленъ, 29-го—утка.

Когда окажется невѣрныхъ:	СИГНАЛЫ	
	Пушечн. выстрѣловъ	Ракетъ
до 250	—	—
до 500	—	1
до 750	—	2
до 1000	—	3
до 1500	1	—
до 2000	1	—
до 2500	2	1
до 3000	3	—
до 3500	3	1
до 4000	4	—
до 4500	4	1
до 5000	5	—

И такъ далѣе.

Сіи сигналы исправлять рѣдко, чтобъ были примѣтнѣе.

Весьма примѣчать, отъ которой стороны сигналъ произведенъ.

Распространять сигналы на оба крыла.

Коли по произведеніи сигнала еще толпа невѣрныхъ окажется въ приближеніи, то, выждавши, чтобы первые сигналы вездѣ кончены были, произвесть другіе сигналы, такъ случиться можетъ и третіи, и далѣе.

Что же до маяковъ, то ихъ содержать всегда исправными, и зажигать по одному, но только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ невѣрные будутъ близь берега. Ежели въ одномъ мѣстѣ, то маяка не зажигать, ежели въ двухъ мѣстахъ, зажечь оба маяка и между ними средніе маяки по одному; ежели въ трехъ мѣстахъ, то въ каждомъ зажечь по одному маяку и между ими средніе по одному и такъ далѣе. Впротчемъ зажеганіе маяковъ отнюдь ненужное, ибо по нимъ сигналы пушечные и ракетные, которые начальникамъ и всѣмъ нижнимъ чинамъ затвердить.

Второе зажженіе маяковъ точно производить; сказанное можетъ быть тогда, когда невѣрные побиты, потонтаны, въ полонъ взяты, дѣло кончено, одержана побѣдою; козаки въ скорости захотятъ съ другими свѣжими попытаться, чего неуповать.

Нигдѣ ни малѣйшей тревоги производить не осмѣливаться; въ войскахъ знакъ одинъ—бой, и игра марша;—развѣ коли не голосомъ, то одно колѣно сборъ. Всякой торопливости крайне остерегаться; учреждать себя благовременно и быть ежевременно готовымъ къ сильному преподѣянію варваровъ. Согласнаться въ диспозиціяхъ гг. командующимъ по дистанціямъ между собою, регулярнымъ и нерегулярнымъ. Толковать объявивъ и затверживать тѣ диспозиціи нижнимъ чинамъ, дабы каждый по намѣренію выше него свою должность исполнить съумѣлъ. Окружное мѣсто положено начальникамъ опознавать и подробно разумѣть прикосновенности, дабы въ сильномъ ударѣ на варваровъ марша размѣръ времени знать.

Отъ стороны эскадровъ можно подъѣхать судами, Черное-жъ море ни когда не мерзнетъ.

По прошлогодней жестокой зимѣ лиманъ весь замерзалъ, кромѣ одного необширнаго мѣста на дядинѣ (?) ближе къ Очакову. Ежелибъ и нынѣ то случилось, то къ невѣрнымъ окружностью по льду отъ Очакова къ здѣшнему берегу итти не меньше двадцати пяти верстъ на пунктъ Константиновскаго редута, почему ихъ очень усмотрѣть можно и потому гг. начальникамъ свои дѣйствіи соразмѣрять и, въ которую сторону стремленіе варварскаго набѣга, туда съ войсками и загибаться для междуусобнаго успленія.

Противостоять варварскимъ набѣгамъ ежесуточное, по ночамъ, положеніе льда. Гг. командующимъ въ укрѣпленіяхъ согласиться между собою о дистанціяхъ и въ томъ за оныя отвѣчать; всякій день по утрамъ каждому свою дистанцію посылать нарочнаго осматривать, какъ и самимъ, вездѣ ледъ исправно-ли прочищенъ; а чтобъ для того было довольное число козаковъ, соглашаться съ г. Полк. Орловымъ и протчими частными козачьими начальниками.

Отъ стороны Херсона къ Каиру на Олешки до Кинбурна разстояніе очень пространно, чего ради его подѣлить на двѣ дирекціи: 1-ю отъ Кин-

бурна до Александровскаго редута вѣдать г. Ген.-М. и кавалеру Репнинскому; 2-ю отъ Александровскаго редута до черты праваго крыла и Херсона вѣдать г. Ген.-М. и кавалеру Исленьеву, которые въ потребностяхъ сносятся по Херсону для кониской предосторожности.

Сіе положено на случай, только лиманъ укрѣпится льдомъ, такъ что невѣрные одною пѣхотою или съ конницею или съ пушками по немъ надежно перейти могуть; тако г. Г.-М. Исленьевъ долженъ тогда въ командѣ Орловскій и Шлиссельбургской полки; по сему послѣднему надлежить принимать и на лѣвое крыло: въ дирекціи г. Г.-М. и кавалера Репнискаго въ могущихъ быть обстоятельствахъ войска усиливать; до тогожъ времени, пока лиманъ незамерзнетъ, быть всему на прежнемъ основаніи.

(Дѣло по общей описи 1788 года № 10, св. 1, стр 2, 3, 4).

№ 8.

Ордеръ Г.-М. Бугскаго Егерскаго корпуса шефа и кавалера Голенищева-Кутузова г. подполк. Бѣлому, отъ 7 Февраля 1788 г. за № 17, изъ Николаева.

По неимѣнію въ командѣ вѣрныхъ козаковъ, находящейся подъ предводительствомъ Сек.-М. Чепѣги, Есаула, Хорунжаго и Атамановъ, опредѣлилъ я въ тѣ званія бывшихъ прежде въ войскѣ запорожскомъ, именно: въ Есаулы — Алексѣя Письменнаго, въ Хорунжіе — Алексѣя Высочина, Лукьяна Тиховскаго и въ Атаманы: Гаврила Чуприну, Андрея Чепѣгу, Степана Канивца, Козьму Бѣлаго и Харька Малаго, а потому и вамъ о семъ даю знать съ тѣмъ, дабы благополили показанныя чины отъ себя имъ объявить.

Генералъ-Маіоръ Голенищевъ-Кутузовъ.

(Дѣло по общ. оп. № 11, 1788 г., св. 1, стр. 16).

№ 9.

Ордеръ Г.-Аншефа А. Суворова вѣрнаго Запорожскаго войска г. Атаману Кошевому Бѣлому, отъ 27 Февраля 1788 года № 314.

Вслѣдствіе Высочайшаго Ея Императорскаго Величества указа о всемилостивѣйшемъ благоволѣніи къ вѣрнымъ казакамъ отъ Его Свѣтлости Главнокомандующаго Арміею г. Г.-Фельдмаршала и многихъ орденовъ кавалера Кн. Гр. А. Потемкина-Таврическаго листъ при семъ слѣдуетъ таковъ: знамя войсковое бѣлое большое; малыя для куреней, которыхъ по умноженію людей Его Свѣтлость прибавлять будетъ впредь, булава Атамана Кошеваго и другіе перначи.

Изображеніе на оныхъ креста съ сіяющимъ въ срединѣ солнцемъ представляетъ привязанность войска къ вѣрѣ христіанской: на другой сторонѣ въ звѣздѣ надпись ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго означаетъ храненіе имъ вѣры, проповѣдуемой симъ апостоломъ въ странахъ по Днѣпру лежащихъ, и вѣрность къ Государю и отечеству.

Сколь сіи отличности для войска знамениты, столь да умножатъ свою ревность къ службѣ и окажутъ храбрость въ военныхъ подвигахъ.

Александръ Суворовъ.

(Дѣло по общ. оп. № 26, 1788 г., св. 1, стр. 2).

№ 10.

Ордеръ изъ коша вѣрнаго Запорожскаго войска конной команды г. Полк. Харитону Чепыги, отъ 4 Марта 1788 г. № 141.

Съ полученнаго прошлаго Февраля 27 о всемилостивѣйшемъ Ея Императорскаго Величества благоволеніи къ вѣрнымъ сего войска казакамъ препровожденной отъ Его Свѣтлости главнокомандующаго Арміею г. Г.-Фельдмаршала и многихъ орденовъ кавалера кн. Гр. А. Потемкина-Таврическаго, при Ордерѣ Его Высокопревосходительства г. Г.-Аншефа и разныхъ орденовъ кавалера А. В. Суворова въ семъ кошѣ листа, чрезъ г. Полк. Головатаго въ команду Вашу справочная копія препровождается съ тѣмъ, чтобы за полученіемъ при собраніи всей команды публиковать, а по опубликованіи въ знакъ радостнаго удовольствія и благодарности трекратной холостыми патронами съ ружья всей командѣ вашей выстрѣлъ сдѣлать приказать, а по исполненіи репортовать въ кошъ.

Войсковой Атаманъ Сидоръ Бѣлый.

(Тоже, стр. 4).

№ 11.

Рапортъ въ коша вѣрнаго Запорожскаго войска конной Запорожской команды полковаго есаула Писменнаго, отъ 18 Марта 1788 года № 6.

Получено всей командѣ чрезъ г. полк. Головатаго ордеръ и при оном приложеніе о всемилостивѣйшемъ Ея Императорскаго Величества благоволеніи къ вѣрнымъ сего войска казакамъ, препровожденное отъ Его Свѣтлости г. Главнокомандующаго Арміею Г.-Ф. и многихъ орденовъ Кавалера кн. Гр. А. Потемкина-Таврическаго, при ордерѣ Его В—ва г. Г.-Анш. и разныхъ орденовъ Кавалера А. В. Суворова двѣ справочныя копіи, при распущенномъ значкѣ, за собраніемъ всей команды, съ оружейною стрѣльбою сего Марта 16 публиковано. О чемъ въ кошъ вѣрнаго Запорожскаго

войска рапортую за отсутствіемъ полковника полковой есаулъ Александръ Письменный.

(Тоже, стр. 5).

№ 12.

Прошеніе жительствующихъ Новомосковскаго уѣзда, въ дачѣ Граф. Скавронской, Г.-Майора Левашилова и Майора Федоровскаго бывшихъ Запорожскихъ козаковъ Ивана Бѣлицкаго, Максима Леды, Антона Карабута и 61 человѣка товарищей, въ Кошъ вѣрнаго Запорожскаго войска, отъ 30 Апрѣля 1788 г.

По симъ объявленнаго во всенародно изданнаго отъ Его Свѣтлости высокоповелительнаго г. Г.-Фельдм. Екатеринославскаго, Таврическаго и Харьковскаго Г.-губернатора и многихъ орденовъ кавалера Кн. Гр. А. Потемкина-Таврическаго открытаго листа возымѣли мы желаніе вступить въ службу вѣрнаго Запорожскаго войска въ разсужденіи, что мы и прежде въ оном служили; но вышеизъясненныхъ дачъ управители, дознавъ въ томъ нашемъ намѣреніи, претятъ намъ къ тому путь и удерживаютъ все безъ остатка имущество и дѣлаютъ угнетѣніе; почему, будучи мы тѣмъ крайне обидимыми, онаго коша покорно просимъ о печиненіи намъ отъ владѣльцевъ нашихъ препятствія и о неудержаніи женъ, дѣтей и имѣнія, куда слѣдуетъ, не оставить сдѣлать представленіе. Къ сему прошенію Иванъ Бѣлицкій, Максимъ Леда, неграмотные и за себя Антонъ Карабута 61 человѣкъ товарищи подписался.

(Дѣло по общ. он. № 11, 1788 г. св. 1, стр. 79).

№ 13.

Ордеръ Г. Анш. и кав. Суворова въ Кошъ вѣрныхъ козаковъ, отъ 6 Мая 1788 г. за № 554.

На рапортъ сего коша, ко мнѣ донедшей Маія отъ 2 числа за № 339 предлагаю вновь прибывшихъ въ кошъ и впредь будущихъ казаковъ на вѣрность службы Ея Императорскаго Величества къ присягѣ приводить при кошѣ въ присутствіи Кошеваго и по немъ другихъ старшихъ, для чего и присяжный листъ слѣдуетъ присемъ.

Александръ Суворовъ.

(Тоже, стр. 90).

№ 14.

Ордеръ Кн. Потемкина-Таврическаго отъ 13 Мая 1788 г. № 2659 года. Елисаветградъ.

Отъ Г. Ф. и т. д. Кн. Потемкина-Таврическаго Войска вѣрныхъ казаковъ Кошевому Атаману Г. Подп. Сидору Бѣлому, старшинамъ и всему войску.

По Высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію сдѣланную для сего войска войсковую печать къ надлежащему онаго употребленію при семъ препровождаю. На подлинномъ написано: Князь Потемкинъ-Таврическій.

(Дѣло по общ. оп. № 26, 1788 г. св. 1, стр. 8).

№ 15.

Письмо Г. Ант. Суворова Кошевому Атаману Бѣлому, отъ 20 Мая 1788 г. Кинбурнъ.

Сидоръ Игнатьевичъ! Сближите ко мнѣ сюда подъ Кинбурнъ вашихъ Запорожскихъ двѣ малыхъ лодки и одну побольше съ добрыми молодцами; тѣ, которые были изъ Глубокой, отпустилъ я назадъ!

Александръ Суворовъ.

(Дѣло по общ. оп. № 10, 1788 г. св. 1, стр. 21).

№ 16.

Письмо Г. Ант. Суворова Кошевому Атаману Бѣлому, отъ 22 Мая 1788 г. Кинбурнъ.

Сидоръ Игнатьевичъ! Принцъ Нассау требуетъ вашихъ пятнадцать запорожскихъ лодокъ; извольте ихъ къ нему съ полученія сего отправить, и подтвердите, чтобъ были въ полномъ его послушаніи на всякую морскую Ея Императорскаго Величества службу.

Александръ Суворовъ.

(Тоже, стр. 25).

№ 17.

Секретный ордеръ Кн. Потемкина-Таврическаго Коша вѣрныхъ казаковъ Г. Атаману Подполк. Бѣлому, старшинамъ и войску, отъ 22 Мая 1788 г. № 240, изъ г. Елисаветграда [1]).

Мужественные подвиги, оказанные симъ войскомъ въ теченіе послѣдней войны, и ревностное къ службѣ Ея Императорскаго Величества усердіе обнадеживаютъ меня, что и нынѣ не упустите вы воспользоваться всѣми случаями къ отличенію себя поисками надъ непріятелемъ. Онъ теперь въ глазахъ вашихъ, и такъ искусство и особливая расторопность въ почныхъ

[1]) Ордеръ этотъ послѣдовалъ предъ началомъ наступательныхъ дѣйствій нашихъ войскъ и когда «вѣрные казаки» съ ихъ гребной флотиліей вступили въ составъ 2-й дивизіи подъ команду Ген. Аншеф. Суворова. Ф.

покушеніяхъ, всегда для васъ удачныхъ, можете вы теперь новыми возобновить опытами, нужна тутъ только извѣстная ваша неустрашимость. Я же съ моей стороны увѣряю, что, если таковое предпріятіе ко вреду непріятеля съ успѣхомъ вами произведено будетъ, то я всемѣрное употреблю стараніе доставить вамъ выгоды и преимущества, каковыхъ не представляете.— Сіе утверждаю моимъ словомъ.

Князь Потемкинъ-Таврическій.

(Тоже, стр. 27).

№ 18.

Ордеръ Принца Нассау-Зигена коша вѣрныхъ козаковъ войсковому Атаману г. Подп. Сидору Бѣлому, отъ 28 Мая 1788 года.

Съ полученія сего въ возможнѣйшей скорости рекомендую Вашему Высокоблагородію прибыть сюда со всѣмъ кошемъ состоящихъ подъ начальствомъ вашимъ козаковъ, снабженныхъ провіантомъ и должнымъ образомъ вооруженныхъ; вы имѣете присовокупиться съ ними къ флотиліи моей, состоящей нынѣ при рѣкѣ Буга [1]).

Принцъ Нассау-Сигенъ.

(Тоже, стр. 31.)

№ 19.

Ордеръ Пр. Нассау-Зигена войска вѣрныхъ козаковъ войсковому Атаману г. Подп. Сидору Бѣлому, отъ 29 Мая 1788 г.

Вы прибыли со всѣмъ кошемъ уже, то посему предписываю вамъ во первыхъ остановиться тамъ гдѣ благоразсудите при берегѣ Кинбурнскомъ и чтобъ не въ дальнемъ разстояніи отъ флотиліи, чтобы видѣть могли даваемые отъ меня сигналы, для полученія конхъ завтра пришлю писаря; и притомъ отправить какъ можно скорѣе десять изъ тѣхъ лодокъ, кои были уже прежде съ брандерами, для приведенія изъ Станиславска ко мнѣ въ флотилію въ порядкѣ,, какъ будетъ вами приказано о томъ г. Подполк. Гентаму; также прислать ко мнѣ двѣ малыхъ лодки для посылокъ

Принцъ Нассау-Сигенъ.

(Тоже, стр. 34).

[1]) Казачья гребная флотилія 3 іюня присоединилась къ флоту Принца Нассау-Зигенъ, стоявшему въ разстояніи около 50 веретъ отъ Очакова, выстроилась въ первой линіи и съ этого дня казаки стали производить на своихъ лодкахъ разъѣзды для наблюденія за непріятелемъ. Ф.

№ 20.

Ордеръ Пр. Нассау-Зигена вѣрнаго Запорожскаго войска г. войсковому Атаману отъ арміи подп. Сидору Бѣлому, отъ 3 Іюня 1788 г.

Изъ коша вашего посылать запорожскія лодки въ почное время въ разъѣздъ впереди нашего флота до самаго турецкаго берега, и буде что примѣчено будетъ отъ непріятеля противное, то тотъ часъ выстрѣлить изъ пушки или ружья три раза, и потомъ всѣмъ лодкамъ, вооружа себя, становиться позади нашего флота.

Принцъ Нассау Сигенъ.

(Тоже, стр. 42).

№ 21.

Ордеръ Кн. Потемкина-Таврическаго войска вѣрныхъ козаковъ г. войсковому Атаману подп. Сидору Бѣлому, старшинамъ и всему обществу, отъ 8 Іюня 1788 г. Въ главномъ стану Екатеринославской арміи на рѣкѣ Бугъ при Новогригоревскѣ.

Всякой опытъ ревностнаго вашего къ службѣ Ея Императорскаго Величества усердія, всякой подвигъ, означающій ваше мужество и не устрашимость, производятъ во мнѣ истинное удовольствіе и такъ теперь чувствую оное въ полной мѣрѣ, услышавъ о храбрыхъ вашихъ дѣяніяхъ во вчерашнемъ съ флотомъ турецкимъ сраженіи [1]), сего я ожидалъ отъ васъ и вы совершенно оправдали мои заключенія о подвигахъ, вѣрою православною и любовію къ отечеству проявленныхъ, и объявляю всѣмъ вамъ мою благодарность и непремину о заслугахъ вашихъ засвидѣтельствовать предъ Монаршимъ престоломъ.

Князь Потемкинъ-Таврическій.

(Тоже, стр. 53).

№ 22.

Ордеръ Г. Пор. Потемкина Г. Подп. Скаржинскому, отъ 9 Іюня 1788 г. № ; лагерь противъ Кинбурна.

Съ особеннымъ удовольствіемъ получилъ и рапортъ в. высокоблагородія отъ вчерашняго дня то есть 8 числа; исполненіе похвальнаго поиска вашего представлю для донесенія Его Свѣтлости. Г. Маіору Чепѣгѣ извольте объявить, что неоставлю донести о немъ Его Свѣтлости; войску вамъ подчиненному и съ рѣченнымъ Чепѣгою казакамъ извольте объявить мое удовольствіе, и что объ нихъ Его Свѣтлости донесено, плѣнныхъ доставьте ко мнѣ скорѣе.

---

[1]) Подъ Очаковомъ.—Въ этомъ дѣлѣ «вѣрные козаки» оказали особенное отличіе. Ф.

Естьли еще вы не выступили по вчерашнему предписанію моему, явитесь ко мнѣ скорѣе и съ маіоромъ Чепѣгою.

Генералъ Порутчикъ Потемкинъ.

(Тоже, стр. 54).

№ 23.

Рапортъ Коша вѣрныхъ козаковъ Его Свѣтлости Кн. Потемкину-Таврическому, отъ 17 Іюня 1788 г. за № 503.

При нынѣшнемъ съ туркомъ сраженіи [1]) коша войска вѣрныхъ козаковъ войсковаго Атамана Пендора Бѣлаго и рядовыхъ козаковъ восемь человѣкъ чувствительно ранено, такъ что при крайнемъ изнеможеніи находятся, двухъ въ смерть убито, въ плѣнъ турокъ взято 135 человѣкъ, да россійскихъ матросовъ, бывшихъ у нихъ въ полонѣ на кораблѣ Маріи Магдалина—Ивана Длюбыкова и Ивана Лужевскаго освобождено отъ непріятеля.—О чемъ вашей Свѣтлости рапортую.

Правящій Кошемъ Полковникъ Антонъ Головатый.

(Дѣло по общ. оп. № 21, 1788 г. св. 1, ст. 1).

№ 24.

Рапортъ Коша вѣрныхъ козаковъ. Его Пр—су г. Ген.-Анш. и разныхъ орденовъ кавалеру А. В. Суворову, отъ 19 Іюня 1788 г. за № 507.

Вчерашняго числа при сраженіи съ непріятелемъ ранено полковаго Асаула и трехъ козаковъ и одну лотку, да сего числа войсковой Атаманъ Сидоръ Бѣлый умре; о чемъ вашему В—ству коштъ сей рапортуетъ.

Правящій кошомъ полковникъ Антонъ Головатый.

(Тоже, стр. 3).

№ 25.

Ордеръ Г.-Пор. Потемкина г. Кошевому Атаману вѣрныхъ козаковъ Сек.-М. Чепѣгѣ, отъ 7 Іюля 1788 г. № 949.

Предписываю Вашему Высокоблагородію нарядить до трехъ сотъ козаковъ на мысъ, гдѣ находится главная квартира Его Свѣтлости, предписавъ, чтобъ оная команда въ теченіе ночи надзирала, не будутъ-ли гдѣ приближаться къ берегамъ непріятельскія суда; чего для дѣлать разъѣзды весьма частые. Естьли непріятельскія суда приближутся къ берегу, тотъ

[1]) У Кинбургскихъ береговъ, 11 Іюня, въ морскомъ сраженіи съ турецкимъ флотомъ подъ командою адмирала Гасанъ-паши. Ф.

часъ рапортовать начальнику, а прибывъ на мѣсто явиться къ Его Сіятельству Кн. Николаю Васильевичу Рѣпнину.

Завтре предпишу я в. высокоблагородію со всею командою слѣдовать за Березань, чего для извольте быть готовы.

Генералъ-Порутчикъ Потемкинъ.

(Дѣло по общ. оп. № 10, 1788 г. св. 1, стр. 75.

№ 26.

Ордеръ войскового Атамана Черныя войски вѣрныхъ козаковъ полк. отъ арміи Пр.-Майору Головатому.

Его Свѣтлость высокоповелительный г. Г.-Ф., Государственной военной коллегіи президентъ, Екатеринославскій, Таврическій и Харьковскій Г.-Губернаторъ и разныхъ орденовъ кавалеръ кн. Гр. А. Потемкинъ-Таврическій опредѣлилъ меня въ войско вѣрныхъ козаковъ войсковымъ Атаманомъ, на что изъ выданнаго мнѣ состоявшагося въ 3 день сего Іюля открытаго листа въ копіи на оборотѣ сего посылаемаго, рекомендую в. высокоблагородію объ ономъ всѣмъ на лоткахъ находящимся казакамъ при собраніи же ихъ оповѣстить и затѣмъ имѣть вамъ надъ всѣми руководство и распоряженіе и содержать всехъ ихъ во всякой войску благосмысленности, дабы каждый начальству былъ въ повиновеніи и подчиненъ. Находящіяся подъ вѣдомствомъ вашимъ и кошу принадлежащія регаліи имѣете представить ко мнѣ при вашемъ рапортѣ.

Лотокъ никогда къ берегу не припускать, а приказуйте стоять въ отдаленности.

(Дѣло по общ. оп. № 11, 1788 г., св. 1. стр. 119).

№ 27.

Ордеръ Г.-Пор. Потемкина, г. Кошевому Атаману вѣрныхъ козаковъ Сек.-М. Черныя, отъ 1 Августа 1788 г. № 647. Лагерь при Метеляхъ.

Предлагаю в. высокоблагородію отправиться съ командою вѣрныхъ козаковъ переправиться за Березань и, расположась тамо, надзирать не будутъ ли гдѣ покушаться пристать къ берегу непріятельскія суда, для чего поставить въ нужныхъ мѣстахъ пикеты, имѣть частые разъѣзды и, что будетъ примѣчаемо, ежедневно меня рапортовать.

Генералъ-Порутчикъ Потемкинъ.

(Дѣло по общ. оп. № 10, 1788 г. св. 1, стр. 83).

№ 28,

Ордеръ Г.-Пор. Потемкина Г. Кошевому вѣрныхъ козаковъ С.-М. Чепиг, отъ 1 Августа 1788 г. № 652. Лагерь подъ Очаковомъ при Метеляхъ.

Ваше Высокоблагородіе по переходѣ за Березань извольте расположиться на устьи Телегула, имѣть разъѣзды впереди къ сторонѣ Аджибея, примѣчать по берегу моря о движеніи непріятельскаго флота и отправлять ежедневно разъѣзды вверхъ по Телегулу, который будетъ съѣзжаться съ разъѣздомъ донскихъ козаковъ, въ командѣ Пр.-Маіора Орлова состоящихъ. Рапортовать ко мнѣ обо всемъ.

Генералъ-Порутчикъ Потемкинъ.

(Тоже, стр. 84).

№ 29.

Ордеръ Г.-Пор. Потемкина Г. Кошевому Атаману войска вѣрныхъ козаковъ С. М. Чепиг, отъ 5 Августа 1788 г. за № 672; лагерь при Метеляхъ.

Отъ флота Турецкаго многія суда отправились къ сторонѣ Аджибея; рекомендую в. высокоблагородію надзирать прилежно по надъ морю, куда оные пошли и остановятся-ли близъ Аджибея, или пойдутъ далѣе, и мнѣ рапортовать.

Генералъ-Порутчикъ Потемкинъ.

(Тоже, стр. 89).

№ 30.

Ордеръ Г.-Пор. Потемкина Г. Кошевому вѣрныхъ козаковъ С. М. Чепиг отъ 5 Августа 1788 г. за № 677; лагерь при Метеляхъ.

Съ самаго утра сего дня ожидалъ я отъ в. высокоблагородія рапорта, котораго однакожъ и по сей часъ не имѣю, а потому обстоятельства требуютъ, чтобъ давали вы мнѣ знать часто, что вами будетъ какъ на берегахъ, такъ и къ сторонѣ Аджибея замѣчено; рекомендую присылать ко мнѣ рапорты каждый день два раза и отправлять на первозъ Березанской дабы скорѣе ко мнѣ были доставляемы.

Я же предписалъ вамъ, что изъ флота турецкаго нѣсколько судовъ отправилось въ море, а къ сторонѣ вашей предъ вечернею зарею несколько было слышно выстрѣловъ пушечныхъ; рекомендую дать мнѣ знать какъ найскорѣе, видны-ли къ сторонѣ Аджибея суда и слышны-ли были у васъ выстрѣлы пушечные, и въ которой сторонѣ, чего съ нетерпѣніемъ ожидаю.

Генералъ-Порутчикъ Потемкинъ.

(Тоже, стр. 90).

№ 31.

Ордеръ Г.-П. Потемкина, г. Кошевому войска вѣрныхъ козаковъ С.-М. Чепиг отъ 6 Августа 1788 г. за № 686; лагерь при Метеляхъ.

Съ удовольствіемъ получаю я рапорты в. высокоблагородія, обстоятельно извѣщающіе меня, о примѣчаніяхъ, кои разъѣзды ваши испол-

нноть; рекомендую ежедневно давать мнѣ знать, а найпаче примѣчать какъ о томъ, для чего суда непріятельскія подъѣзжаютъ къ Аджибею, такъ равно, не покусятся-ли они гдѣ на берегъ выходить, и о всемъ, что будетъ видимо, меня рапортовать.

Генералъ-Порутчикъ Потемкинъ.

(Тоже, стр. 91).

№ 32.

Ордеръ Г.-Пор. Потемкина г. Кошевому войска вѣрныхъ козаковъ С.-М. Чепеп отъ 6 Августа 1788 г. за № 680; лагерь при Метеляхъ.

Рапортъ в. высокоблагородія отъ 5-го, то есть вчерашняго дня, получилъ сего утра; но полѣ Его Свѣтлости отправленъ съ симъ капитанъ Чорба, которому приказано примѣтить какъ о числѣ судовъ, близъ Гаджибея находящихся, такъ и разсмотрѣть, по колику возможно, что на мелкихъ судахъ непріятель въ Аджибеѣ или оттуда перевозитъ; для чего рекомендую дать помянутому капитану Чорбѣ прикрытіе не менѣе ста человѣкъ, приказавъ старшинѣ, которой съ той командой пойдетъ, чтобъ они со всей должной осторожностію были, не подвергаясь опасности, ибо нужно въ семъ случаѣ осмотрѣть, а не драться.

Генералъ-Порутчикъ Потемкинъ.

(Тоже, стр. 92).

№ 33.

Ордеръ Г.-Пор. Потемкина Г. Кошевому войска вѣрныхъ казаковъ С.-М. Чепеп отъ 7 Августа 1788 г. № 688.

Рапортъ в. высокоблагородія я получилъ исправно, весьма доволенъ я тѣми примѣчаніями, кои дѣлали вы осудахъ непріятельскихъ; рекомендую и впредь, что будетъ вами примѣчено, ежедневно мнѣ присылать рапорты.

О провіантѣ по рапорту вашему представлено отъ меня вашей командѣ и, какъ на оной получу рѣшеніе, дамъ вамъ знать.

Генералъ-Порутчикъ Потемкинъ.

(Тоже, стр. 93).

№ 34.

Ордеръ Г.-П. Потемкина Г. Кошевому войска вѣрныхъ козаковъ С. М. Чепеп, отъ 9 Августа 1788 г. за № 699; лагерь при Метеляхъ.

Капитанъ Чорба въ сію ночь возвратился къ корпусу благополучно; за усердное наше препровожденіе его къ сторонѣ Аджибея изъявляю мое удовольствіе.

По сдѣланному примѣчанію заключить должно, что всегда, когда отъ васъ разъѣзды отправляются къ сторонѣ Аджибея, съ непріятельскихъ судовъ даются выстрѣлами сигнали, по коимъ о приближеніи сихъ разъѣздовъ

въ Аджибеѣ всѣгда бываетъ извѣстно; чего для рекомендую вашему высокоблагородію разъѣздамъ, къ Аджибею посылаемымъ, приказать, чтобъ они ходили не надъ самимъ берегомъ и чтобъ съ судовъ немогли въ прочемъ видить, какъ и нынѣ на берегахъ пикеты, дабы всякое движеніе непріятельскаго флота было свѣдомо, и мени рапортовать.

Прибывшаго въ кошъ вѣрнаго войска подпорутчика Рохмановскаго съ сорока однимъ человѣкомъ козаковъ здѣсь препровождаю, рекомендую, когда онъ прибудетъ, прислать ко мнѣ рапортъ, а также и о числѣ всего войска командѣ вашей состоящаго.

Генералъ-Порутчикъ Потемкинъ.

(Тоже, стр. 94).

№ 35.

Письмо Г.-Пор. Потемкина Кошевому вѣрнаго войска козаковъ Чепѣг, отъ 11 Августа 1788 г.

Желалъ-бы я, мой любезный Захарій Алексѣевичъ, чтобы вы постарались сколь возможно схватить или съ судовъ приходящихъ къ берегу или отъ Аджибея человѣкъ двухъ, а хотя и одного, ежели можно гдѣ сдѣлать засаду, или какъ вы за лучшее найдете. Доставши языка, угоду сдѣласте Его Свѣтлости и мнѣ много пріятнаго.

Усердный Вашъ слуга Павелъ Потемкинъ.

(Тоже, стр. 95).

№ 36.

Приважный Господинъ войсковой Атаманъ Захарій Чепѣга. Сего Августа 11-го предъ вечеромъ за три или четыре часа прибылъ. Сего Августа 12 по полудни во 2 часу съ партіею благополучно привезли изъ города Аджибея двухъ турковъ: Первому имя Ибрагимъ Касабъ, другому Агметъ Пашанилъ—Джерукъ Байраторъ, которые показали, что въ городѣ Аджибеи войска якобы болѣе не имѣется (конницы до 200 человѣкъ); съ кораблей ежедневно за водою пріѣзжаютъ и покупаютъ овощи; ожидаются на сихъ дняхъ измѣнщики козаки Турецкіе съ Япчаръ Адая—Гасаномъ 300 да съ 600 турками.

Рапортъ писалъ и отправлялъ Августа 12 [1]).

(Тоже, стр. 96)

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Рапортъ безъ подписи — одного изъ Черноморскихъ старшинъ, посланнаго въ Хаджибей для исполненія желанія генер.-пор. П. Потемкина, выраженнаго въ документѣ № 34. Ф.

Мысъ „Зюкъ" и сдѣланныя на немъ археологическія находки.

Мысъ Зюкъ представляетъ собой небольшой холмистый полуостровъ, десятинъ 25—30, который въ недалекомъ прошломъ былъ, вѣроятно, островомъ, такъ какъ всего только 15 лѣтъ тому назадъ двѣ узкихъ полоски песку (едва существовалъ проѣздъ) соединяли его съ землей. На берегахъ его возвышаются группы скалъ, изъ которыхъ одна, самая большая и безусловно неприступная со стороны моря (а со стороны суши на нее можно пройти узенькой крутой тропинкой), была обнесена каменной стѣной, валомъ и выкопаннымъ ровомъ. Валъ и ровъ ясно видны, стѣна же, или, вѣрнѣе, фундаментъ стѣны лѣтъ 15 тому назадъ разобранъ селившимися здѣсь рыбаками.

Изъ разсказовъ разбиравшихъ ее людей мнѣ удалось узнать слѣдующее. Стѣна была сложена изъ твердаго и мягкаго камня (известняка), большей частью обтесаннаго, тщательно залита известью, смѣшанною съ пескомъ и измельченной обожженой глиной. Заливка эта почему то яснаго розоваго тона. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ камни были скрѣплены желѣзными прутьями, задѣланные концы которыхъ были залиты для прочности свинцомъ. Въ одномъ мѣстѣ стѣна прерывалась приблизительно на одну сажень, и по бокамъ ея были выкопаны 2 деревянныхъ истлѣвшихъ бруска, очевидно, служившихъ для воротъ.

Такъ какъ фундамента стѣны на нужды поселянъ не хватило, то они начали искать камня въ разныхъ мѣстахъ полуострова и вездѣ натыкались на остатки стѣнъ построекъ, но за трудностью извлекать камни изъ глубокихъ ямъ (глубже 2 аршинъ) не копали, что позволяетъ надѣяться на существованіе какихъ либо цѣлыхъ памятниковъ при основаніи стѣнъ. Послѣ моего обѣщанія заплатить за древнія вещи, находимыя на этихъ мѣстахъ, мнѣ была принесена античная статуэтка, изображающая двухъ борцевъ, изъ которыхъ одинъ Геракл. Статуэтка плохо сохранилась, повидимому обмыта водой; найдена на берегу (см. табл. III). Кромѣ того въ мои руки попали слѣдующіе предметы: пантикапейская монета съ изображеніемъ на одной сторонѣ головы Пана, на другой грифона (бронз.); пантикапейская серебряная монета,—на одной сторонѣ голова, на другой

колчанъ, стрѣла и надпись Παντικαπαιων; нѣсколько мѣдныхъ монетъ Рискупоридовъ; 2 каменныхъ ящика для урнъ; нѣсколько кусковъ большой терракоттовой маски съ изображеніемъ виноградныхъ листьевъ и кистей.

Поселяне разсказывали, что, когда они строили хаты, то находили гробницы, покрытыя плитами, изъ которыхъ нѣкоторыя были съ надписью; въ гробницахъ глиняные красные, черные полированные и стеклянные сосудики.

Къ сожалѣнію, плиты самымъ добросовѣстнымъ образомъ ими разбивались и употреблялись для построекъ или для «сапура» (тяжесть для крючьевъ, которыми ловятъ красную рыбу).

Одинъ разсказывалъ, что нашелъ сосудикъ, покрытый лакомъ, съ разными рисуночками, но, сообразивъ, что это татарскій, служащій для омовенія, тутъ же хватилъ его о камень.

Лѣтомъ 1894 года, при постройкѣ одной хаты, натолкнулись при мнѣ на каменную гробницу, которая была мною раскрыта. По устройству своему она интересна, поэтому прилагаю ея рисунокъ (табл. IV, рис. 6).

Въ гробницѣ этой, ориентированной съ сѣвера на югъ, оказались 1 мужскій, 1 женскій и 1 дѣтскій скелеты. Благодаря тому, что она была наполнена мокрой глинистой землей, и по моей тогдашней неопытности въ этомъ дѣлѣ, она не была тщательно разобрана (пересмотрѣна), и оказавшіеся тамъ стеклянные сосудики и слезницы были разбиты неопытными же случайными рабочими такъ сильно, что нельзя было ихъ реставрировать, дабы составить представленіе объ ихъ формѣ. Сосудики были съ массивными ручками. Изъ глиняныхъ вещей найденъ свѣтильникъ обыкновенной формы съ простенькимъ выдавленнымъ орнаментомъ. На рукѣ женскаго скелета серебряный браслетъ простой работы. Возлѣ мужскаго скелета большой широкій прямой мечъ и нѣсколько серебряныхъ пряжекъ. Возлѣ череповъ золотые листики, 2 золотыхъ индикаціи съ изображеніемъ Константина Великаго и мѣдная монета, плохо сохранившаяся.

Черезъ нѣсколько дней послѣ открытія этой гробницы въ 3-хъ верстахъ отъ мыса «Зюкъ», къ юго-западу отъ него и въ 2-хъ верстахъ отъ берега моря, мною былъ раскопанъ маленькій курганчикъ (діаметромъ 2 сажени, насыпной земли на материкѣ $1^1/_2$ аршина), въ западной полѣ котораго найдена ограбленная въ древности каменная гробница. Найдены въ ней сердоликовая буса (табл. VI—р. 1, 6-я буса 1-ой нанизки) и обломки серебряной вещицы,—серьги или фибулы. Интересна эта гробница тѣмъ, что обнесена сложенной изъ дикаго камня стѣной шириной въ 1 аршинъ, вышиною 1 аршинъ, врытой въ материкъ и не возвышающейся надъ нимъ. Гробница опущена въ материкъ на $1^1/_2$ аршина.

Возлѣ первой гробницы, открытой на мысѣ Зюкъ, бывшимъ въ это время въ Керчи проф. Ю. А. Кулаковскимъ были произведены рас-

копки, результатомъ которыхъ явились двѣ земляныя гробницы, покрытыя небольшими неправильными плитками, на глубинѣ полутора аршина. Въ нихъ найдены глиняные сосуды (табл. V, р. 5, 6, 7 и др.), мѣдное зеркальце, мѣдныя фибулы и еще какія то мелкія вещицы, которыхъ не помню.

Лѣтомъ 1895 года я производилъ раскопки на этомъ мѣстѣ; нашелъ одну гробницу такого же типа, какъ первая, но ограбленную, и около шестидесяти гробницъ 3-хъ типовъ, перемѣшанныхъ между собою. Изъ нихъ самыя глубокія (3 — 4 арш. до плитъ, которыми накрыты гробницы) каменныя, устроенныя изъ обдѣланныхъ дикарныхъ и мягкихъ (известковыхъ) плитъ, такъ что 4 плиты составляютъ ящикъ гробницы, сверху накрытый правильными 3—4 плитами. Ни одна изъ нихъ (найдено ихъ было 9) не оказалась цѣлой; по всему видно, что онѣ были ограблены вскорѣ послѣ погребенія, такъ какъ скелеты, хотя лежатъ неправильно, иногда скорчены или подвинуты къ боковой стѣнкѣ гробницы, но костяки рукъ, ногъ и позвонки тѣсно прижаты другъ къ другу, что доказываетъ, что ихъ потревожили, когда они еще не истлѣли. Въ этихъ гробницахъ находились куски черныхъ полированныхъ сосудиковъ: въ одной найдена черная полированная чашка такого типа, какъ на табл. V, рис. 17, только немного меньше, бусы изъ стеклянной массы (табл. VI, р. $14_{,5}$) похожей работой и красками на массу, изъ которой дѣлались такъ-называемые финикійскіе сосудики, находимые въ древнихъ греческихъ гробницахъ, 2 бусы (табл. VI, р. $14_{,4}$) бѣлой массы, сравнительно очень тяжелой и похожей на фарфоръ, двѣ серебряныхъ серьги со вставленными сердоликовыми камешками (табл. VI, рис. 10). Въ гробницу эту было вторично положено тѣло, такъ какъ скелетъ имѣлъ видъ сравнительно болѣе свѣжій, т. е. кости не такъ сильно истлѣли, какъ въ другихъ гробницахъ такого типа, и подъ однимъ скелетомъ были остатки другаго сильно истлѣвшаго. Вѣроятно, нѣкоторыя вещи, взятыя у перваго, были поставлены обратно, какъ напр. полированная чашка.

Въ остальныхъ 8 гробницахъ цѣлыхъ вещей не найдено, попадались куски терракоттъ, полированныхъ сосудовъ и обломки мѣдныхъ вещицъ. Расположены головами къ востоку.

Другаго типа гробницы: узкое земляное помѣщеніе для гроба, остатки котораго находятся въ нѣкоторыхъ гробницахъ, накрыто неправильными дикарными и мягкими плитками. Разстояніе отъ плитокъ до дна отъ полутора до трехъ аршинъ, тѣла лежатъ головой къ сѣверу, въ ногахъ сосудики красной глины (т. V, р. 5, 21 и т. п.), рѣдко стеклянныя слезницы; въ одной найденъ стеклянный сосудикъ (стаканчикъ) Въ нѣкоторыхъ мѣдныя и серебряныя кольца и серьги простой работы. Самая лучшая гробница изъ найденныхъ та, въ которой погребена женщина; найдено въ ней 2 золотыхъ серьги (табл. VI, рис. 4), 15 изящныхъ граненыхъ бусъ сердоликовыхъ (табл. VI, р. $1_{,7}$), 2 золотыхъ (табл. VI, р. $15_{,1}$), нѣсколько стеклянныхъ по-

золоченныхъ (табл. VI, р. $1_{,1}$), серебряное кольцо съ грубой рѣзьбой на вставленномъ сердоликовомъ камешкѣ, изображающемъ рака, въ ногахъ слезница стеклянная и глиняный кувшинчикъ (табл. V, р. 7-й). До плитъ 3 арш. Вплотную съ этой гробницей дѣтская гробница, суди по длинѣ костей, ребенка лѣтъ 6—7, съ сильно деформированнымъ черепомъ. Черепъ этотъ съ костями рукъ находится у преподавателя московскаго университета, доктора медицины Алтухова.

Третьяго типа гробницы, расположенныя къ юго-западу и сѣверо-востоку,—*подбойныя* (табл. IV, рис. 5), глубиной $2—2^1/_2$ арш. Изрѣдка попадаются въ нихъ стеклянныя бусы (табл. VI, р. $1_{,1}$; $3_{,1,8}$), мѣдныя фибулы, пряжки и стеклянныя слезницы, поставленныя въ ногахъ. Головой лежатъ къ юго-западу.

Въ одной верстѣ отъ мыса Зюкъ, къ юго-востоку, въ полуверстѣ отъ моря, найдено небольшое кладбище, на которомъ открыто 15 гробницъ, ограбленныхъ и вторично наполненныхъ трупами. Вещей никакихъ не найдено, вторично похороненные положены безъ гробовъ, такъ какъ нигдѣ не попадается даже слѣда дерева, несмотря на то, что кости имѣютъ видъ не очень давнихъ (200—300 л.). Расположены гробницы съ востока на западъ, когда то были накрыты плитами, до которыхъ $1^1/_2$ — 2 аршина, теперь уже плиты разбиты, часть валяется на верху, часть въ гробницахъ.

Въ нѣсколькихъ саженяхъ найдена группа въ 5 гробницъ и 1 катакомба (табл. IV, рис. 2) съ двумя комнатками, изъ которыхъ одна цѣлая, другая ограблена въ древности. Въ неограбленной комнаткѣ катакомбы стояли три деревянныхъ гроба, дерева очень похожаго на сосну; въ двухъ, судя по величинѣ скелетовъ, были взрослыя женщины (найдено возлѣ головъ по двѣ мѣдныхъ серьги грубой работы изъ проволокъ, на рукахъ по мѣдному браслету, возлѣ плечъ по мѣдной фибулѣ). Въ третьемъ гробѣ, въ которомъ, суди по величинѣ скелета, похоронена дѣвочка лѣтъ 11—12, такія же вещи. Часть головы до переносицы прекрасно сохранилась вмѣстѣ съ волосами, благодаря слѣдующей случайности: потолокъ отъ времени обвалился, и большимъ комомъ земли разбило крышку гроба такимъ образомъ, что кусокъ доски, лежа однимъ концомъ на краю гроба, другимъ отдѣлилъ нижнюю часть головы, верхнюю же накрылъ такъ хорошо, что ни одной песчинки на нее не попало, хотя поверхъ гробовъ насыпалось на 1 арш. земли. Волосы прекрасно сохранили свой темно-каштановый цвѣтъ; они—вьющіеся, длиной 3—4 вершка; поверхъ нихъ была надѣта или шапочка, или повязка, сохранившаяся небольшими кусочками, прилипшими въ разныхъ мѣстахъ головы. Если взять и отвернуть такой кусочекъ, то видна мелкая ткань, производящая полное впечатлѣніе шелковой лоснящейся матеріи пріятнаго пепельнаго тона. Черепъ этотъ (деформированный, долихо-

кефалическій) былъ подаренъ мною знакомому и, если не ошибаюсь, отосланъ имъ профессору Таранецкому.

Другіе два скелета сильно истлѣли, черепа разсыпались, такъ что нельзя судить, были ли они деформированы. Гробы стояли женскій и дѣтскій (крайніе) головой къ югу, средній женскій—головой къ сѣверу. Въ гробахъ (не саркофагахъ), сколоченныхъ изъ досокъ на деревянныхъ шпинахъ, насыпаны стружки, волошскіе орѣхи, каштаны, лавровые листья; подъ головами скелетовъ подушечки изъ черной грубой шерстяной ткани, наполненой такой же свернутою тканью. Возлѣ сѣверной стѣны комнатки стояло 5 стеклянныхъ сосудовъ, изъ нихъ 1 блюдо, разбитое въ куски, ньедесталомъ котораго служилъ дутый ободокъ. Въ коридорчикѣ, въ восточной стѣнѣ, на полъ-аршина отъ подошвы, высѣчена ниша по длинѣ и вышинѣ гроба, въ которомъ лежалъ мужской скелетъ головой къ югу. Найденъ при немъ желѣзный ножъ и мѣдная пряжка. Въ головѣ сосудъ стеклянный. Ниша заставлена довольно правильными, но необтесанными плитками дикаря. Въ ограбленной комваткѣ, которая нѣсколько больше (нельзя рѣшить, сколько было гробовъ, такъ какъ куски досокъ и костей были перемѣшаны) найденъ разбитый на двѣ части сосудъ (стеклянный) и обломки мечей, сложенныхъ въ кучу.

Катакомба вырыта въ естественномъ холмѣ, увеличенномъ выброшенною изъ нея землей. Коридоръ съ сѣверной стороны холма (на рис. справа). Къ югу отъ нея, на вершинѣ этого холмика, найдена группа въ 5 гробницъ одного типа. Гробницы эти неглубокія (до плиты $1^3/_4$ арш.); узкое неглубокое ($^1/_2$ арш.) помѣщеніе для гроба закрыто плитками дикаго камня, довольно правильными, но необтесанными, въ ногахъ плитка лучше другихъ, какъ будто обтесанная, поставлена стойми (во всѣхъ 5 гроб.)—особенность, ни до того, ни послѣ нигдѣ мною не встрѣченная. Четыре гроба были ограблены въ древности. Въ неограбленной гробницѣ за головою стеклянный сосудъ, возлѣ лѣвой руки остатокъ мѣдной вещицы, сильно разрушившейся, такъ что нельзя судить, что это могло быть. Черепъ сильно деформированъ, равно какъ и въ одной изъ ограбленныхъ гробницъ, въ которой найдены куски разбитаго стекляннаго съ гранями сосуда. Въ остальныхъ 3 гробницахъ ничего не найдено и черепа не сохранились.

Этимъ покамѣстъ были закончены раскопки въ этихъ мѣстахъ. Къ юго-западу отъ мѣста, гдѣ найдены катакомбы, верстахъ въ четырехъ, на плоской вершинѣ горы Ташъ-Аллахъ разбросаны группы холмиковъ, числомъ 20—25, вышиною отъ 1—3 арш., діаметръ $1^1/_2$—2 сажени. Нѣкоторыя изъ нихъ обставлены большими и малыми кусками дикаго камня неправильной формы. Въ каждомъ холмикѣ, большей частью въ юго-зап. полѣ, находилась гробница, высѣченная въ слоѣ известковой скалы. Гробницы эти были описаны Вл. Вич. Шкорпиломъ. Прилагаю рисунки

нѣкоторыхъ вещей, найденныхъ на этомъ некрополѣ: табл. V, рис. 17, 18 и 23; терракотовая группа Амура и Психеи табл. III; бусы, табл. VI, рис. 1, 1, 3, 7, 8, 9, 11; 2, 2, 6; 3, 1, 2, 8; 4, 2; 13, 2, 3, 4, 5; 14, 1, 2, 6. Этимъ некрополемъ были пока закончены раскопки въ моемъ имѣніи и начаты въ имѣніи Куль-Тэпэ, принадлежащемъ мурзакамъ, по фамиліи Чингизъ-Ханъ. Имѣніе это тянется по холмистому, усѣянному большими скалами берегу Азовскаго моря, поросшему мѣстами густыми кустарниками, преимущественно шиповникомъ, терномъ и глодовымъ деревомъ; изрѣдка попадаются небольшія деревца одичавшихъ грушъ, а въ одномъ мѣстѣ есть небольшая густая группа фиговыхъ деревьевъ (винныхъ ягодъ). Противъ деревни Куль-Тэпэ, раскинувшейся недалеко отъ моря и прилегающей къ южной сторонѣ скалистой гряды, тянущейся надъ моремъ, среди скалъ лежатъ большіе холмы пепла, въ которыхъ много черепковъ (попадаются куски, покрытые чернымъ лакомъ) битыхъ стеклянныхъ сосудовъ и, по разсказамъ, много монетъ. Мнѣ удалось найти только одну; найдена на поверхности. Холмы эти вышиной отъ 2—6 саж. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось разыскать некрополь существовавшаго здѣсь, судя по этимъ остаткамъ, большаго поселенія. Можетъ быть, въ этомъ году я буду счастливѣе, и тогда сочту долгомъ описать подробно это мѣсто и находки, сдѣланныя тамъ.

Въ 5 верстахъ отъ деревни Куль-Тэпэ найденъ былъ некрополь, гдѣ я и началъ производить раскопки. Такъ какъ о находкахъ было вкратцѣ записано мною тогда же, то приведу здѣсь записанное, не измѣняя.

Некрополь въ 200 саж. отъ берега (приблизительно). Ближе къ морю, въ 50 саж. отъ берега, остатки построекъ изъ дикаго камня; нѣсколько въ сторонѣ отъ нихъ впадины, обложенныя камнями, повидимому искуственно сдѣланныя для стока воды. На отлогомъ берегу моря груды золы, въ которой много черепковъ, обломковъ статуэтокъ и битаго стекла. Подъ золой найдено было нѣсколько ямъ для хлѣба и стѣны построекъ изъ смѣшаннаго камня.

14 августа 1895 г. Съ 5 по 14 августа открыто 22 гробницы. Всѣ расположены одинаково,—по компасу вост.-зап. Высѣчены въ известковой скалѣ, накрыты плитами, грубо обтесанными, толщ. 18—24 сант., 150—200 сант. шир. и 100—150 длин. Швы между плитами тщательно забиты мелкими камнями и замазаны глиной. До плитъ 120—165 сан. Сегодня открыта гробница, въ которой найденъ деревянный саркофагъ. До плитъ 165 сант. Высота гробницы 146 сан., шир. 81 сан., длина 235 сант. Расположена отъ в.-зап. Саркофагъ сдѣланъ изъ дерева,—мнѣ кажется, изъ кипариса, хорошей сохранности. Въ немъ скелетъ мущины (вѣроятно); вещей никакихъ нѣтъ, исключая свѣтильника, поставленный въ высѣченномъ въ стѣнкѣ склепа маленькомъ углубленіи въ ногахъ скелета. На свѣтильникѣ изображеніе кентавра. Рядомъ съ этой гробницей другая, тоже съ саркофагомъ (Табл. IV рис. 9).

Въ саркофагѣ, суди по найденнымъ вещамъ, покоились женщины, числомъ семь, лежавшія головами къ востоку, одна на другой, лицами вверхъ. На саркофагѣ изображенія черной краской и слѣды разсыпавшихся гипсовыхъ украшеній. Каждый трупъ былъ обернутъ въ шерстяную матерію кофейнаго цвѣта; на головѣ одного плотно надвинутъ на лобъ деревянный обручъ и голова какъ бы обмотана соломой. Подъ головой каждаго остатки подушечки черной матеріи, набитой соломой, похожей на солому ржи. Дно саркофага посыпано стружками и покрыто тканью кофейнаго цвѣта. Между стѣнкой саркофага и скелетами — стеклянный сосудъ Въ западной сторонѣ на высотѣ 100 сант. отъ пола гробницы и въ 40 сант. отъ западной стѣны высѣчено маленькое неправильное углубленіе (длин. 15, выш. 10, глуб. 8), въ которомъ стоялъ свѣтильникъ съ изображеніемъ головки (см. табл. III). На ногахъ каждой женщины деревянныя круглыя коробочки съ остатками мази желтаго цвѣта, а одна наполнена розовымъ порошкомъ. Коробочки поставлены такимъ образомъ: у нижняго скелета нѣсколько выше ступни, у слѣдующаго еще выше и т. д.; кромѣ нихъ между скелетами найдено: куски деревяннаго квадратнаго ящика, деревянное блюдце, наполненное волошскими орѣхами и сушеными грушами, маленькое деревянное блюдце, деревянное блюдо сильно испортившееся, такой же величины и формы, какъ и найденное на этомъ некрополѣ глиняное блюдо, деревянное веретено, на обѣихъ рукахъ каждаго скелета по бронзовому браслету, бронзовыя и серебряныя кольца, бронзовыя серьги простой работы, много бусъ стеклянныхъ позолоченныхъ, изъ сердолика, красной массы, черной (такъ называемой египетской), горнаго хрусталя (Таб. VI, рис. 1, 2, 3, 4, 5, 6; 2, 1 и почти всѣ прочіе виды бусъ изобр. на рис. за исключеніемъ рис. 13, 4; 14, 3, 4). На этомъ, къ сожалѣнію, кончается записанное мною.

Въ открытыхъ раньше 20 гробницахъ находились отъ 1 до 5 скелетовъ; головами лежали въ разныя стороны, но преимущественно — къ востоку: такъ напр. изъ 5 скелетовъ 2 лежали головой къ западу, 3 къ востоку; если въ гробницѣ лежалъ 1 скелетъ, то былъ обращенъ всегда головой къ востоку. Сосуды въ большинствѣ случаевъ глиняные (см. таб. V рис. 5, 6, 7, 13, 14, 15, 16, 19, 20, 21, 22), часто деревянныя коробочки съ остатками розоваго порошка и мази, деревянныя блюдца, обиліе бусъ и бронзовыхъ браслетовъ, колецъ, серегъ и т. п.; въ головахъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ скелетовъ всегда бронзовая вещица, похожая на иглу, съ ямкой въ концѣ. Полное отсутствіе пряжекъ и мечей, равно терракоттъ, хотя въ пепелищѣ, находящемся недалеко отъ некрополи, находились куски терракоттъ. Описанныя гробницы расположены группой, очень близко одна къ другой; рядомъ съ ними, къ востоку, открыты группы (около 20 гробницъ) другаго типа. Расположены онѣ сѣв.-ю.; костяки лежатъ головой къ сѣверу; всѣ гробницы подбойныя (Таб. IV, рис. 5) отъ 2 до $3^1/_2$ арш. глубиною.

Одна глубиной 2 сажени. Въ ней одинъ скелетъ, возлѣ головы стоялъ 1 стеклянный сосудъ и 1 глиняный (Таб. V, № 14). На каждой рукѣ по одному золотому кольцу со вставленнымъ сердоликовымъ камешкомъ, безъ рѣзьбы. Въ остальныхъ гробницахъ глиняные сосудики такого же типа, какъ въ гробницахъ 1-ой группы (см. рис.), одинъ черной глины съ вырѣзаннымъ узоромъ (см. рис.), мѣдныя и серебряныя пряжки грубой работы, въ одной мечъ прямой, стеклянныя бусы и мѣдныя кольца.

Вдоль описанной 2 группы тянутся нѣсколько десятковъ катакомбъ, входы въ которыя ложѣе гробницъ, а комнатки ихъ расположены подъ гробницами, такъ что напр. найдены случайно, благодаря провалившимся въ нихъ поламъ гробницъ, двѣ же были открыты со входа. Высѣчены онѣ въ известковой скалѣ и открытыя четыре ограблены, повидимому, въ древности (см. катак. таб. IV, рис. 3). Въ одной изъ нихъ 4 ниши,—2 ниши въ боковыхъ стѣнкахъ, по одной въ каждой, въ стѣнкѣ же напротивъ входа 2—одна надъ другой, что мнѣ пришлось увидѣть въ первый разъ. На полу много кусковъ разбитыхъ сосудовъ, между которыми попадаются сосуды очень толстаго стекла, мѣдныя и серебряныя пряжки. Въ одной скелетъ лошади; при немъ найдены желѣзныя стремена (катакомба эта не пересмотрѣна до сихъ поръ). Въ этомъ году я думаю открыть всѣ катакомбы этого некрополя, которыхъ тамъ по нѣкоторымъ признакамъ отъ 30—40; поэтому не описываю теперь ихъ подробно.

Къ востоку отъ второй группы гробницъ, саж. въ 15—20, открыта группа гробницъ (15—20) по всему тождественныхъ съ гробницами 1-й группы; только похоронены въ нихъ, повидимому, болѣе богатые. Бусы были лучше, сравнительно большіе сердолика, горнаго хрусталя, 2 льва изъ египетской массы, подвѣски съ изображеніемъ человѣческаго лица, также изъ египетской массы (табл. VI, рис. 9, 3), золотая серьга (таб. VI р. 7) золотое кольцо съ рѣзьбой на вставленномъ въ него гранатѣ, изображающей полу-рака, полу-козла, рѣзной каменекъ сердоликъ, выпавшій изъ кольца, съ изображеніемъ двухъ женскихъ фигуръ, глиняное блюдо, стеклянный сосудъ и много вещицъ такихъ, какъ гробницѣ 1-й группы, какъ-то позолоченныя стеклянныя бусы, свѣтильникъ, поставленный въ нарочно выдолбленное углубленіе въ стѣнкѣ гробницы, глиняные сосуды, мѣдные браслеты, деревянныя коробочки и т. д.

Этой группой были закончены раскопки на Сюръ-Ташѣ и начаты къ югу отъ деревни Куль Тэпэ, въ 1-й верстѣ, на вершинѣ проходящей здѣсь небольшой горы. Открыто тамъ 12—15 каменныхъ гробницъ, сложенныхъ изъ дикарныхъ плитъ и накрытыхъ такими-же плитами. Гробницы эти устроены настолько неглубоко, что верхнія плиты нѣкоторыхъ изъ нихъ совершенно обнажены. Каждая гробница обнесена кругомъ неправильнымъ дикимъ камнемъ. Тѣ, которыя побогаче по количеству сосудовъ,

устроены на полъ-аршина или на 1 арш. подъ землею и поверхъ плиты завалены дикимъ камнемъ. Въ каждой отъ 1—3 костяковъ, причемъ если три, то два взрослыхъ и одинъ дѣтскій. Расположены отъ в —з , головой къ в. Въ каждой полированные сосуды, въ большинствѣ случаевъ раздавленные, такъ какъ гробницы затекли грязью. Во многихъ разсыпаны мѣдныя стрѣлы. Въ одной найдены куски маленькаго сосудика изъ такъ называемой финикійской массы.

Опишу лучшую изъ открытыхъ.

До плитъ 1 арш. Устроена изъ 4 большихъ дикарныхъ плитъ, накрыта 3 дикарными плитами, обдѣланными. Завалена двумя рядами большихъ неправильныхъ камней. Костяковъ оказалось 3, два взрослыхъ, 1 дѣтскій. Въ плечахъ стояли полированные сосуды. За головой мѣдная ложка (табл. V р. 9) и куски желѣзной вещи, сильно испортившіеся, такъ что нельзя рѣшить, что это было. Мѣдное зеркало и по всей гробницѣ мѣдныя стрѣлы. Костяки всѣ лежали головами къ в. Рисунки вещей, найденныхъ на этомъ некрополѣ, прилагаю (таб. V р. 1, 4).

По вершинамъ горъ (преимущественно) и небольшихъ холмиковъ, разсыпаны группами (5—20) гробницы описаннаго типа. Еще 15—20 гробницъ было мной открыто въ разныхъ мѣстахъ; въ каждой изъ нихъ находились полированные сосуды, во многихъ мѣдныя стрѣлы, изрѣдка мѣдныя кольца, ни въ одной ни бусъ, ни стеклянныхъ сосудовъ, изъ чего я заключаю, что гробницы эти очень древнія. Большинство изъ нихъ ограблено благодаря отсутствію золотыхъ вещей.

На землѣ «Чигинэ», смежной съ Куль-Тэпэ, принадлежащей Ильинымъ, тянутся отдѣльными группами (отъ 15—25) такого типа гробницы на протяженіи 2—3 верстъ. Къ сожалѣнію, нельзя достать у Ильиныхъ разрѣшенія производить раскопки, такъ какъ они копаютъ иногда сами въ надеждѣ найти «кладъ», и всѣ «не золотыя вещи», которыя только и попадались имъ, безжалостно выбрасывались, за весьма рѣдкими исключеніями, которыя составили разрисованное глиняное блюдо и амфора съ нѣсколькими буквами. Несмотря на всѣ старанія, вещей этихъ мнѣ не удалось видѣть до сихъ поръ, но при первой возможности постараюсь увидѣть и срисовать ихъ. По вершинѣ горы, тянущейся вдоль берега моря саж. въ 200, попадаются гробницы, сложенныя изъ правильныхъ плитъ и накрытыя плитами. Поверхъ гробницъ насыпаны небольшіе холмики. Ни одной гробницы (открыто ихъ 8 — 10) не найдено цѣлой, въ нѣкоторыхъ слѣды двойнаго погребенія. Находили въ нихъ бусы стеклянныя, изъ смальта, сердоликовыя, въ одной найдена глиняная чашка съ рельефнымъ орнаментомъ и осколокъ сосуда изъ синяго стекла съ эмалевыми выпуклыми украшеніями (табл. VI, р. 16), въ нѣкоторыхъ куски терракоттъ грубой работы, въ одной такъ-называемая погремушка.

Этими гробницами закончились раскопки въ 1895 году.

Г. Керчь, 15-го Мая 1896 г.

Дѣйств. чл. Общ. А. А. Дирин.

Примѣчанія къ таблицамъ III—VI.

Табл. III. Терракоттовыя фигуры, найденныя на мысѣ Зюкъ и Сюръ-Ташѣ.

Табл. IV. Рис. 1. Гробница на Ташъ-Аллахѣ.

Рис. 2. Катакомба на мысѣ Зюкъ.

Рис. 3. Катакомба на Сюръ-Ташѣ (разрѣзъ); вверху косыми штрихами обозначенъ слой известковаго щебня.

Рис. 4. Видъ гробницы на Сюръ-Ташѣ.

Рис. 5. «*Подбойная*» гробница тамъ же.

Рис. 6. Общій видъ гробницы на мысѣ Зюкъ, справа изображена сѣверная (противоположная входу) стѣна гробницы съ маленькою нишею надъ головою похороненнаго.

Рис. 7. Деревянный сосудъ (въ натуральн. велич.). изъ числа найденныхъ при раскопкахъ на Сюръ-Ташѣ (см. стр. 127).

Рис. 8. Наружное дно сосуда, изображеннаго на предыдущемъ рисункѣ.

Рис. 9. Саргофагъ (см. стр. 126 сл).

Рис. 10—11. Деревянная чаша и наружный видъ ея дна (натуральн. велич.).

Рис. 12. Боковая сторона деревяннаго ящичка (см. стр. 128).

Рис. 13—14. Деревянные сосуды (см. тамъ же); уменьш. въ $^1/_2$.

Табл. V. Рис 1. Черный полиров. глинян. сосудъ, найденный близъ Куль-Тепе (умен. въ $^1/_2$). Къ нему деталь см. рис. 4.

Рис. 2 и 3. Серебряные сосуды со снимающеюся крышкой.

Рис. 4. Дно сосуда, изображ. на рис. 1 (внутренняя сторона); естественной величины.

Рис. 5. Сосудъ глинян.; выш. 19 с.; Сюръ-Ташъ.

Рис. 6. Тоже; выш. 14 с.

Рис. 7. Тоже; выш. 14 с.

Рис. 8. Чернолаковый сосудъ, умен. въ $^1/_2$; близъ Куль-Тепе.

Рис, 9. Мѣдная ложка съ ручкою въ видѣ змѣиной головки; дл. 36 с.

Рис. 10. Бусы изъ черной массы (вродѣ камен. угля). См. рис. 12.

Рис. 11. Стеклянныя бусы (см. рис. 12).

Рис. 12. Сосудъ изъ красной глины съ крышкою (умен. въ $^1/_2$); внутри былъ найденъ разбитый стеклянный сосудикъ съ остатками разнаго порошка и бусы, изображенныя на рис. 10—11.

Рис. 13. Глин. сосудъ; чашка 4 с. выш.; блюдце въ діам. 11,5 с.

Рис. 14. Черный глин. сосудъ; 10 с. Сюръ-Ташъ.

Рис. 15. Тоже; 11,5 с. Сюръ-Ташъ.

Рис. 16. Тоже; 13 с. Сюръ-Ташъ.

Рис. 17. Чернолаковый сосудъ; въ немъ бычачья кость; при ней найденъ желѣзный ножъ, изображенный на рис. 23. Ташъ-Аллахъ.

Рис. 18. Фрагментъ чернолаковаго сосуда. Ташъ-Аллахъ.

Рис. 19. Глин. сосудъ; 7,5 с. Сюръ-Ташъ.

Рис. 20. Тоже; 10 с.

Рис. 21. Тоже; 4,5 с. выш.; діам. 5 с.

Рис. 22. Тоже; 9 с.

Рис. 23. См. рис. 17.

Табл. VI. Рис. 1. Бусы: 1 стекл.; 2 горн. хрусталь; 3, 8, 10 стекл.; 4, 6, 7 смальта; 5, 7, 10 сердоликъ.

Рис. 2. Бусы: 1, 3, 4, 5, 6, 7 смальта; 2, 8, 9 стекло.

Рис. 3. Бусы: 1, 10, 11 смальта; 2, 4, 7, 8 позолоч. стекло; 3, 9 горн. хрусталь; 6 халцедонъ.

Рис. 4. Золотая серьга со стеклышкомъ; м. Зюкъ.

Рис. 5, 6, 8. Золотыя вещи изъ гробницы, найденной близъ Керчи на землѣ А. А. Талалаева.

Рис. 7. Золотая серьга со вставнымъ серебр. шарикомъ; Сюрь-Танъ.

Рис. 9. Бусы: 1, 3, 4 смальта; 2 камен. уголь.

Рис. 10. Серебр. серьга съ сердоликомъ; м. Зюкъ.

Рис. 11. Бусы: 1, 4 стекло; 2 кам. уголь; 3 сердоликъ; 5 смальта; 6 серебр.

Рис. 12. Бусы: 1, 2 камен. уголь; 3, 5 смальта; 4 стекло.

Рис. 13. Бусы: 1, 3, 5, 7 стекло; 3, 6 смальта; 4 кость.

Рис. 14. Бусы: 1 мѣдь; 2, 3, 6 стекло; 4 фарфоровидная масса; 5 финикійская масса.

Рис. 15. Бусы (найдены въ гробницѣ на землѣ А. А. Талалаева, близъ Керчи): 1, 2, 6 золото; 3, 5, 7 сердоликъ; 4 гранатъ въ золотой оправѣ.

Рис. 16. Кусокъ стекл. сосуда; Куль-Тепе.

Рис. 17—19. Чернолаковые сосуды, найденные въ Куль-Тепе: 17 умен. въ $^1/_2$, 18 умен. въ $^1/_4$, 19—въ естеств. величину.

Смѣсь.

Поѣздка на нижній Днѣстръ

(въ село Троицкое).

Во исполненіе постановленія Общества отъ 25 апрѣля о предварительныхъ археологическихъ развѣдкахъ относительно мѣстности села Троицкаго Одесскаго уѣзда на Маломъ Турунчукѣ, у Днѣстра, и открытыхъ тамъ въ началѣ нынѣшняго года нѣкоторыхъ предметовъ древности я имѣю честь предложить у сего краткій отчетъ о сдѣланной мною въ тѣ мѣста поѣздкѣ.

Въ среду, 21-го іюня, въ 9¼ час. утра, я выѣхалъ изъ Одессы и въ 11 былъ въ Большой Вакаржѣ (колонія Гроссъ-Либенталь), на рѣчкѣ того же имени[1]). Названіе колоніи старое и распространенное, еще изъ времени турецко-татарскаго. Уже на «Картѣ географической, изображающей область Озу или Едизанъ», сдѣланной майоромъ Деволантомъ, вѣроятно, до подписанія Ясскаго мирнаго договора въ день 25 декабря 1791 года, ибо обозначенъ мѣсяцъ декабрь, но не проставлено число (она издана покойнымъ нашимъ неутомимымъ сочленомъ В. И. Григоровичемъ, за немного мѣсяцевъ до смерти, въ его богатой данными «Запискѣ о пособіяхъ къ изученію южно-русской земли», къ XX томѣ «Записокъ Император-

[1]) Я пользуюсь обстоятельной картой Одесскаго уѣзда, составленной въ 1890 году по распоряженію Одесской земской Управы землемѣромъ Веберомъ и изданной на средства Управы. (Экземпляръ карты былъ любезно присланъ мнѣ изъ Управы). Къ сожалѣнію, карта издана не вполнѣ правильно — ошибки въ мѣстныхъ названіяхъ: стоитъ Кармозы вмѣсто Каркмазы. Бабей вм. Бебей, Сеймяны вм. Сеймены, Кривдо вм. Кривда, Сычавка вм. Сичавка (въ связи съ Запорожскою *Сичью*). Шамія вм. Шамье, островъ Березинъ вмѣсто Березань и друг.

скаго Новороссійскаго Университета) — мы находимъ и поселокъ *Акаржа*, и балку того же имени.

О распространенности, относительной, имени Вакаржа (Акаржа) можно судить изъ появленія того же имени въ мѣстности значительно къ Сѣверу. На губернской земской дорогѣ, за Дальникомъ, на Сѣверо-Западъ, мы имѣемъ село *Вакаржаны* и тутъ же Балку Вакаржанскую

Еще не доѣзжая Вакаржи, сейчасъ же за 16-ой верстой, съ-права отъ дороги, на возвышенности балки, по которой расположено селеніе Татарка, подымается первый *курганъ*. На верху она съ выемкою или ложбинкою. По какого происхожденія? Рылись ли тутъ уже раньше добровольцы археологіи, или углубленіе образовалось само собой—отъ пониженія внутри кургана? На лѣво отъ этой точки дороги, на глазомѣръ, въ верстѣ $1^1/_2$—2, видвѣлся второй курганъ. Такимъ образомъ, первые встрѣтившіеся курганы указывали на попарность ихъ расположенія.

Слѣдующая возвышенность балки версты чрезъ $1^1/_2$, и—новые курганы, цѣлый рядъ ихъ. Они образовывали какъ бы большой полукругъ, но въ значительномъ разстояніи одинъ отъ другаго.

Наконецъ, третья балочная возвышенность, обрамляющая самое поселеніе Большую Вакаржу, и по ней ясно намѣчался новый рядъ большихъ кургановъ и также съ большими промежутками.

Такимъ образомъ, на незначительномъ пространствѣ 6—7 верстъ (балка села Татарки и балка Большой Вакаржи) курганы расположены концетрически или параллельными кругами, что обусловливается, вѣроятно, соотвѣтствующимъ направленіемъ балокъ, т. е. ложъ повысохшихъ ручьевъ, рѣченокъ[1]). Это обстоятельство наводитъ на мысль о сторожевомъ значеніи кургановъ, встрѣтившихся по пути.

Отъ Вакаржи дорога пошла въ западномъ направленіи, съ малымъ уклономъ на Сѣверъ, чрезъ «*овраг* Вакаржанскій» и долинку или балку рѣчки Барабой: и здѣсь объ возвышенности идутъ нѣсколько параллельно. На шестой верстѣ объявился новый рядъ кургановъ, вправо, въ числѣ 4.

---

[1]) Огромные каменные мосты на пути отъ Одессы до Овидіополи, на высокихъ быкахъ съ большими пролетами, воздвигнутые въ годахъ 20-хъ—30-хъ, теперь почти заброшенные, за ненужностью, ибо никакой воды нѣтъ и ихъ просто объѣзжаютъ, свидѣтельствуютъ, что тамъ, гдѣ теперь почти что и слѣда нѣтъ воды, раньше были дѣйствительно рѣчки и довольно широкія. Въ годы моей юности, въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ, мнѣ часто приходилось проѣзжать по этому пути, и я хорошо помню, что рѣчка Барабой у большаго моста, на право отъ моря, была обильна водой и меня даже поражала своей шириной; случалось, что въ лѣтній зной и воду и пилъ изъ нея. А теперь? Высохшее ложе, а жиденькая верба, мѣстами ленточкой, указываетъ, что на глубинѣ почва еще съ нѣкоторой влагой... Что-же ждетъ впереди наши благодатныя степи?!... Лѣсъ, лѣсъ можетъ спасти нашу природу, тогда и хищническій инстинктъ потребителей престанетъ.

На лѣво, въ далекой перспективѣ, намѣчалась низменность Днѣстровскаго Лимана.

У поселенія Маріенталь я поднялся на возвышенность Барабои и сцена измѣнилась: передо мною, какъ коверъ, разстилалось ровное, громадное плато, настоящая степь; курганы видѣлись лишь далеко въ синевѣ горизонта. Когда я уже приближался къ Маякамъ (перегонъ отъ Большой Вакаржи до мѣстечка Маякъ, что у самаго устья Днѣстра, въ 24 версты), ихъ я насчиталъ 7, налѣво, къ Лиману. Наконецъ, на 20-й верстѣ, у самой почтовой дороги, гдѣ начинается спускъ въ долину Днѣстра, къ Маякамъ, стоитъ одиноко курганъ, уже перенаханный: это—часовой, поставленный отъ вѣка.

Нестерпимый зной заставилъ меня на нѣсколько часовъ остановиться въ Маякахъ—жалкомъ, но старомъ, мѣстечкѣ (оно на картѣ Деволанта и въ множ. числѣ). Земскій почтарь, мѣстный уроженецъ, лѣтъ за 50, оказался внимательнымъ и словоохотливымъ хозяиномъ. На мои вопросы о предметахъ древности на мѣстѣ онъ, между прочимъ, такъ мнѣ говорилъ: «самъ не видѣлъ, но другіе говорили, что на Поповой дачѣ (это по дорогѣ къ Васильевкѣ, на сѣверъ отъ Лимана, у т. наз. Гайдамацкаго оврага) когда-то рыли въ курганѣ (я было при этомъ замѣтилъ—въ *могилѣ!* но онъ сейчасъ же меня поправилъ: «въ курганѣ, а не въ могилѣ») и нашли: плиту, скелетъ, кости и глиняные черепки съ толстыми ушками, отъ посудины, которая употреблялась за туреччину, а можно что и раньше—высокіе кувшины, съ узкими донъями».

Скудный дорожній обѣдъ нашелъ я въ жалкомъ трактирчикѣ нѣкоего Франца, нѣмца. Здѣсь въ моей компаніи очутился полупьяный, но толковый мѣщанинъ, и изъ мѣстныхъ, занимающійся извозомъ, а мальчикомъ служившій въ Одессѣ. Онъ между прочимъ мнѣ говорилъ, что когда то самъ, проѣздомъ въ Васильевку, въ мѣстности подъ «большимъ курганомъ» видѣлъ плиту и еще свѣжія ямы, видѣлъ и черепъ. «Это—пояснялъ онъ—было на Поповой дачѣ». Изъ дальнѣйшей бесѣды съ полупьянымъ маякскимъ жителемъ объяснилось, что въ самыхъ Маякахъ—«у стрѣлки» (такъ называется мѣсто недалеко отъ выѣзда въ мѣстечко съ одесской дороги) видѣлъ онъ, лѣтъ десять тому назадъ, *кучи* битыхъ черепковъ отъ большой глиняной посуды съ толстыми ушками. «Черепки эти, прибавилъ онъ, были изъ ямъ, что были видны тутъ-же, а посуда еще за туреччину». Далѣе, онъ указалъ, что прежде очень часто искали клады, иногда этимъ занимаются и теперь, но никогда ничего не находили, ниже монетъ. Наконецъ, онъ сдѣлалъ не лишенное интереса признаніе, что, по словамъ стариковъ, на курганахъ (разсказчикъ именно употребилъ это слово и понималъ его значеніе) турки ставили *маяки*—знаки.

Итакъ, изъ сопоставленія показаній земскаго почтаря и маяцкаго вощика—очевидца, ясно, что въ Маякахъ вообще, особенно же на близкой къ нимъ Поповой дачѣ, отыскивались археологическіе предметы—именно кувшины, много черепковъ, и что эти кувшины были однообразной формы—съ толстыми ушками, высокіе и, вѣроятно, съ тонкими донышки, какъ показывалъ почтарь. Въ этомъ показаніи обоихъ свидѣтелей вполнѣ согласны. Согласно оба полагали, что тѣ кувшины изъ времени турокъ. Конечно, это мнѣніе ихъ особеннаго значенія имѣть не можетъ.

Въ 4 часа я оставилъ Маяки.

Первое село на пути было Бѣляевка, на озерѣ того же имени. Село старое, такъ какъ оно уже на картѣ Деволанта, но его имя иное—Головкан, хотя названіе самаго озера тоже, какъ и сегодня и, понятно, уже издавна село русское. Предъ Бѣляевкой, налѣво и направо по кургану, за Бѣляевкой опять два кургана, но оба вправо отъ дороги; вдали же намѣчались контуры новыхъ кургановъ. Дорога пошла долиной Днѣстра, по довольно возвышенному здѣсь его лѣвому берегу.

Слѣдующее село, Ясски, оставалось влѣво отъ дороги, на самомъ берегу Днѣстра. И это поселеніе старое: оно на картѣ Деволанта. Едва ли можно сомнѣваться, въ виду формы имени, что оно—прилагательное имя, отъ существительнаго *Ясы*—названія столицы Молдавіи. Воскресенская лѣтопись въ извѣстномъ перечнѣ городовъ *русскихъ* знаетъ *Ясскій* торгъ: вѣроятно, это и есть наши Ясски. Изъ настоящаго примѣра мы видимъ, какой глубокій научный интересъ имѣетъ изученіе мѣстныхъ именъ нашего края, и это изученіе тѣмъ важнѣе, чѣмъ скуднѣе представленъ край въ исторической топографіи[1]).

[1]) Только съ прискорбіемъ туземному жителю можно видѣть, какъ даже въ настоящее время нѣкоторые изъ сообитателей нашего края спѣшатъ обезсмертить свои имена насильственно накладывая имъ, эти новые, дешевые ярлыки, на землю и подмѣняя ими насиженныя, вѣковыя топографическія названія. Коснувшись въ настоящую минуту названій что при устьѣ Днѣстра, считаемъ не лишнимъ отмѣтить слѣдующее. При наборѣ этой статейки мы получили очередный, пятнадцатый годъ, «Sitzungsberichte der königl. Böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften, Classe für Philosophie, Geschichte und Philologie» за 1895 годъ (Praha 1896), и здѣсь нашли любопытный докладъ д-ра I. *Метелки* «О картѣ кардинала Николая Кусы изъ середины XV вѣка»; къ докладу приложена и самая карта, сдѣланная по рѣдкому экземпляру изданія ея отъ 1491 года изъ Веймара. Куса, богословъ и знаменитый математикъ (1401—1464), составлялъ свою карту—*первую* карту Средней Европы—около 1457 года, а вѣроятнымъ поводомъ къ составленію ея послужилъ приготовлявшійся Крестовый походъ противъ турокъ, готовыхъ взять уже самый Константинополь. Самъ кардиналъ (родомъ нѣмецъ) проповѣдывалъ походъ въ Германіи въ 1452 году. Въ виду этого понятно, почему относительно больше топографическихъ именъ на *Балканскомъ* полуостровѣ: авторъ долженъ былъ имѣть подъ руками

Параллельно Іессокъ, въ долинѣ Днѣстра, влѣво отъ дороги, два крупныхъ кургана, одинъ подлѣ другаго. Ямщикъ, родомъ изъ Троицкаго, ничего не могъ мнѣ сказать на мой вопросъ—что говорятъ въ народѣ объ этихъ курганахъ—близнецахъ, поставленныхъ нѣсколько необычно—уже въ долинѣ, хотя и возвышенной, рѣки. Направо отъ дороги шли высоты; на нихъ вдали мѣстами слабо виднѣлись курганы, а въ головѣ ихъ тотъ, что у села Троицкаго и который составлялъ предметъ главнаго интереса моей поѣздки. Мой ямщикъ назвалъ его Спасскимъ и, конечно, неправильно, такъ какъ курганъ и на земской картѣ, и на мѣстѣ именуется Вознесенскимъ, точнѣе, Вознесенскою *могилою*. Но о происхожденіи названія ямщикъ поменялъ, что курганъ названъ по празднику и потому, что въ праздникъ Вознесенія (Спаса) на курганѣ кокотъ молебенъ, пригнавъ предварительно туда скотину, и затѣмъ уже гонятъ ее на пастьбу. Спросъ на мѣстѣ подтвердилъ это, т. е. этотъ обычай. На картѣ Деволанта показаны четыре кургана, одинъ подлѣ другаго, и второй—нѣсколько большій. Какъ увидимъ позже, дѣйствительно, Вознесенскій курганъ не одинъ, а находится въ центрѣ расположенныхъ около него полукругомъ мѣньшихъ кургановъ.

II.

Въ $8^1/_2$ часовъ вечера я прибылъ въ Троицкое (72 версты отъ Одессы).

Село казенное, съ церковью Св. Троицы, отчего его и названіе. Оно расположено на крутомъ берегу необыкновенно широкой здѣсь долины Днѣстра, верстъ въ 9. Самый Днѣстръ отходитъ къ Бессарабіи; село на протокѣ Маломъ Турунчукѣ (на земской картѣ онъ названъ Большимъ); въ серединѣ цѣлый рядъ озеръ; ближайшее—Караулъ и Свиное; въ озерныхъ промежуткахъ плавни. Вдали къ сѣверу виднѣется мысъ—начало Кучурганскаго или Граденицкаго Лимана, съ селомъ Граденицей; еще далѣе—село Незавертайловка, Нездвертай (!) на картѣ Деволанта, сосѣдъ историческаго Корытна. На противуположномъ, бессарабскомъ, берегу, который на столько выше херсонскаго (одесскаго), что, по словамъ жителей, съ высоты его

обильные источники. Вмѣстѣ съ тѣмъ достоинство *первой* карты Средней Европы заключается и въ томъ, что старыя названія Птолемеевы замѣнены новыми — *живыми, обычными* въ XV вѣкѣ. Среди этихъ «живыхъ» топографическихъ названій (иногда, впрочемъ, нековерканныхъ рѣзчикомъ, какъ замѣчаетъ чешскій изслѣдователь) отмѣтимъ у устья Днѣстра («Nester flu»—молдавская и мѣстныхъ грамотъ форма славянскаго названія рѣки, ср. и «Nepcr flu»): на правой сторонѣ *Album Castrum*, съ знакомъ крѣпости, это нашъ Бѣлъ-Городъ или Аккерманъ (турецкій переводъ), а на лѣвой сторонѣ, напротивъ, *Nigrum Castrum*, съ знакомъ крѣпости и высокой колокольни съ крестомъ. Послѣднее мѣсто гдѣ нынѣ Маяки. *Nigrum Castrum* формально тоже что *Maurocastron*. При впаденіи (неправильномъ) Днѣпра показано *Zescum*. Ошибка? Вм. *Lescum=Алешки, Олешье?*

видно пространство верстъ на 12 за Троицкимъ, расположено село Ологенты. Троицкому принадлежитъ около 9 тысячъ десятинъ, но вся эта масса главнымъ образомъ подъ плавнями.

Село Троицкое, въ 800 домовъ (усадьбъ) съ 4 тысячами жителей, состоитъ изъ двухъ неравныхъ и разновозрастныхъ частей: изъ старѣйшаго поселенія, русскаго, у берега, и новаго, съ конца 50-хъ годовъ, молдавскаго—на возвышеніи. Эти молдаване — выходцы изъ-за Прута, тогда какъ въ главной части села — населеніе теперь великорусское и зажиточное: рыба и хлѣбопашество; на рѣкѣ цѣлая флотилія челноковъ. Пришлые молдаване симпатіей не пользуются у своихъ односельчанъ.

Но великорусское населеніе теперь, оно, при основаніи Троицкаго, было смѣшанное, по крайней мѣрѣ—изъ мало- и великорусовъ, если не изъ однихъ малорусовъ (запорожцевъ, гайдамакъ?). Къ этому предположенію наводитъ слѣдующее обстоятельство.

Настоящая церковь села новая, но воздвигнутая въ 1818 году; старая была на самой крутизнѣ берега и существовала уже до 1800 года, какъ это мы увидимъ сейчасъ. Благодаря любезному вниманію священника, о. Михаила Загоруйченки, я имѣлъ возможность осмотрѣть нѣкоторые не безъ интереса предметы въ церкви. Такъ, въ звонарнѣ по стѣнѣ расположены выцвѣтшія иконы изъ старой церкви; хорошо сохранился образъ святителя Николая. Но самый интересный предметъ изъ старины, это — старое, напрестольное евангеліе, въ металлическомъ переплетѣ, московской печати 1791 года, въ листъ. Этотъ интересъ заключается въ томъ, что евангеліе имѣетъ слѣдующую вкладочную запись по листамъ (начиная отъ перваго):

«1800 года стараніемъ троицкимъ жителемъ Максимомъ Бойкою и Федоромъ Пирогомъ и Павломъ Билозоромъ, Иваномъ Пироженкомъ въ Троицкою церковъ куплено евангеліе на века ни продать, никому подарить, а буди кто дерзнетъ кому продать или подарить, да будетъ на томъ святыхъ Отецъ триста и осми на десетъ также иконостасъ заведенъ сими страрателями (!) и ризница, при священику Артемію Телятникову, дабы на немъ правили и насъ грѣшныхъ поминали».

Фамиліи: Бойко, Пирогъ, Билозоръ, Пироженко, говорятъ о малорусскомъ происхожденіи благочестивыхъ жителей села Троицкаго 1800 года. По словамъ о. Михаила, и сейчасъ есть въ селѣ потомки вкладчика Пироженки, но уже называются Пироженковыми. Фамилія приходскаго священника 1800 года, о. Артемія Телятникова, указываетъ на его великорусское происхожденіе. Вѣроятно, ранѣе 1800 года старая церковь была еще бѣдна церковною утварью, вѣроятно, недавно была и построена, а, вѣроятно, и самое поселеніе съ церковью въ честь святыя Троицы основалось незадолго до 1800 года — напримѣръ, сейчасъ послѣ мирнаго договора у насъ съ Турціей

въ 1791 году. Шатавшіеся послѣ сербскаго разгрома запорожцы и бѣглые крѣпостные изъ Сѣвера могли составить его первое населеніе.

Но теперь, какъ сказано, населеніе великорусское: платье, рѣчь. Отмѣчу нѣкоторыя слова изъ мѣстнаго языка:

Глекъ = малорусское *глечикъ*, посудина, горшокъ.

Метликà — метлица.

Прýдко — быстро.

Течéй — теченіе.

Перехожу къ главной точкѣ моей задачи—къ разспросамъ о предметахъ древности и къ личному осмотру мѣстъ недавнихъ тайныхъ раскопокъ.

Такъ какъ уже былъ поздній вечеръ, то я остался въ земскомъ домѣ и вошелъ въ бесѣду съ хозяиномъ усадьбы.

На мой вопросъ, что онъ знаетъ о недавнихъ раскопкахъ на улицѣ села, хозяинъ объяснилъ, что на «нашей» же улицѣ, но въ гору, гдѣ уже молдаванская часть села, былъ всегда горбокъ; однажды, послѣ сильнаго дожди, верхушка горбка нѣсколько осѣла; «хлопцы» рѣшили тогда прокопать горбокъ и откопали кувшинъ, «турецкій»: на тонкой ножкѣ, широкій и высокій, съ двумя толстыми ушками, и ничего больше не нашли.

О Вознесенской «Могилѣ» онъ показывалъ, что вскорѣ послѣ того и ее рыли, но немного и ничего-де не нашли. Онъ ясно понималъ, что курганы насыпались. Когда одинъ изъ надошедшихъ сосѣдей, вмѣшавшись въ нашу бесѣду, замѣтилъ, что, по его мнѣнію, курганы сами собою образовались—земля-де поднялась, хозяинъ сейчасъ же его остановилъ, что какъ пороешь, такъ сейчасъ и на материкъ попадешь, слѣдовательно, курганъ—насыпь, отъ рукъ человѣческихъ. Наконецъ, хозяинъ замѣтилъ, что никогда никакихъ монетъ въ землѣ не попадалось.

На слѣдующій день утромъ я посѣтилъ священника и вмѣстѣ въ экипажѣ отправились на Вознесенскую «Могилу». Сообщеніе ямщика о церковномъ значеніи кургана вполнѣ подтвердилъ о. Михаилъ: на Вознесеніе всегда молебенъ на немъ, почему на маковкѣ его водруженъ деревянный крестъ. Теперь новый крестъ, поставленный недавно. По словамъ о. Михаила, когда онъ 8 лѣтъ тому назадъ прибылъ на приходъ въ Троицкое, то старый деревянный крестъ на курганѣ былъ высокій; но затѣмъ онъ сильно погрузился въ землю, почему и былъ замѣненъ новымъ, поставленнымъ нѣсколько въ сторону, какъ оказалось при осмотрѣ «Могилы».

Село довольно растянутое и «Могила» веретахъ въ 2-хъ отъ края села. Курганъ расположенъ на высокой площади и подъемъ къ нему настолько крутъ, что слабыя лошади не могли вынести моего довольно легкаго эки-

пажа, и на высоту втораго береговаго плоскогорья мы должны были идти пѣшкомъ.

Уже сейчасъ за селомъ «Могила» величественно возвышалась впереди насъ. Издали она кажется одиноко стоящей; но на самомъ дѣлѣ не то, какъ это и отмѣчено на картѣ Деволанта 1791 года, гдѣ указанъ рядъ кургановъ. Именно, когда я поднялся на высоту, то предо мною развернулась такая картина: въ центрѣ высокая, увѣнчанная крестомъ, «могила», а вокругъ нея цѣлая группа меньшихъ кургановъ, расположенныхъ болѣе или менѣе въ одинаковомъ разстояніи. Это расположеніе приблизительно и указано на картѣ Деволанта—рядомъ могилъ, тогда какъ на современной картѣ Одесской Земской Управы «Могила» отмѣчена неправильно—одинокой.

Съ высоты плоскогорья Вознесенскаго кургана видны: съ одной стороны, величественно возвышающійся, какъ бы царственный, берегъ Бессарабіи, съ значительнымъ числомъ кургановъ, расположенныхъ вдоль Днѣстра; съ другой, въ сѣверо-восточномъ направленіи открылись новыя высоты или третье плоскогорье, верстъ за 8—10, съ новыми, немногими, но, вѣроятно, грандіозными курганами, едва виднѣвшимися въ далекой синевѣ горизонта. Этихъ кургановъ я отмѣтилъ два: одинъ на востокъ, другой—на сѣверъ, къ станціи Раздѣльной юго-западной желѣзной дороги.

Прежде всего сдѣланъ былъ осмотръ «Могилы».

Курганъ этотъ, у подошвы, имѣетъ 387 шаговъ въ окружности и 62 шага — отъ основанія къ вершинѣ. Самая же маковка кургана представляетъ голую площадку, т. е. лишенную всякой растительности, въ 36 шаговъ въ окружности, со впадинкой въ серединѣ: здѣсь и было мѣсто стараго креста, небольшой, сгнившій кусочекъ котораго и лежалъ тутъ же. Поверхность «Могилы» поросла низкою травой, съ слѣдами рытья во многихъ мѣстахъ, въ направленіяхъ: съ Запада на Востокъ и съ Сѣвера на Югъ. Несомнѣнно, эти попытки проникнуть въ соблазнительную «Могилу» были давно: религіозное значеніе кургана едва ли дозволило бы производить ихъ въ эпоху современную.

Таковъ внѣшній характеръ центральнаго, и уже не дѣвственнаго, кургана. Перехожу къ меньшимъ курганамъ, «пузырямъ», какъ они удачно называются на языкѣ мѣстныхъ жителей.

Нѣсколько «пузырей» разрыто разновременными добровольцами. При осмотрѣ одного изъ нихъ было видно, что самая насыпь изъ чернозема, какъ будто съ слѣдами травы, въ видѣ почернѣвшихъ многочисленныхъ волосковъ или волоконъ. Конечно, самый интересный изъ раскопанныхъ «пузырей» былъ бы тотъ, который былъ тайкомъ раскопанъ въ минувшую зиму и въ результатѣ каковой раскопки было открытіе мины въ видѣ склепа, а въ ней находка большаго глинянаго кувшина съ двумя ушками и остроконечнымъ дномъ, какъ сказано въ отношеніи Императорской Археологической Коммиссіи. Но увы!

осмотрѣть этотъ склепъ стало дѣломъ невозможности не только мнѣ, спеціально прибывшему на мѣсто для этой цѣли, но и никому на долгое время, конечно, не на вѣки. Дѣло въ томъ, что, за нѣсколько дней до моего пріѣзда въ Троицкое, рачительныя полицейскія власти остановились на оригинальномъ пріемѣ, чтобы отъучить крестьянъ отъ дальнѣйшихъ попытокъ проникнуть въ тайники соблазнительнаго кургана, и сохранить тайну земли на долго-долго отъ глаза и научнаго изслѣдованія. За нѣсколько дней до моего пріѣзда открылся въ Троицкомъ санъ на лошадяхъ, надо днѣ лошади и онѣ были, по приказанію начальства, отвезены на Вознесенскую Могилу, брошены въ разрытый склепъ «пузыря» (онъ первый отъ дороги), зарыты, и пузырь такимъ образомъ принялъ свой старый видъ. Теперь уже опасно его трогать... Пришлось ограничиться разспросами немногихъ свѣдущихъ людей, что это былъ за склепъ? Тутъ былъ полезенъ сельскій полицейскій стражникъ, сопровождавшій меня на курганъ, бойкій, грамотный отставной солдатъ, накрывшій хищниковъ изъ молдавской части села.

По его словамъ, открытая въ пузырѣ мина была сдѣлана сводомъ, въ ростъ невысокаго человѣка и шла въ направленіи отъ Сѣвера на Югъ. Одну любопытную подробность припоминалъ солдатъ и въ виду моего сомнѣнія настаивалъ на своемъ показаніи, что на одной вещи была короткая надпись и онъ самъ прочелъ въ ней букву *К*. Если это да, то надпись могла быть скорѣй всего *греческая*. Хозяинъ лошадей, привезшій насъ, что то припоминалъ, что будто были найдены и «косточки». Это послѣднее показаніе согласно подтверждали позже женщины на селѣ, при осмотрѣ ямы на улицѣ, въ молдавской части.

Такимъ образомъ, если «Могила» и окружающіе ее «пузырьки»— скрываютъ внутри себя покойниковъ, то всю эту совокупность кургановъ можно бы почесть за небольшой некрополь, ивпвшійся за одинъ разъ. Но кто скажетъ—когда и чьи, какого племени, руки дѣлали эти черноземныя насыпи, кого торжественно погребали на высокомъ плато въ виду быстро несущагося, блестящаго бѣлизной своихъ водъ Днѣстра?...

Добытъ небольшой запасъ свѣдѣній, и мнѣ пришлось разстаться съ интересной «Могилой». Спускаясь съ плато, я взялъ въ право, чтобы въѣхать въ улицу молдаванской части, расположенной по неровной мѣстности, въ улицу, гдѣ открыта была вторая мина и съ такимъ же кувшиномъ въ результатѣ.

Тотчасъ же по въѣздѣ въ молдаванскую часть села, я, съ указанія моего спутника-стражника (онъ на селѣ съ 1878 года), остановился у вѣтряной мельницы и попросилъ изъ нея хозяина. Хозяинъ поясилъ, что въ 1881 году, еще тогда на выгонѣ, рабочіе стали было вбивать въ бугорокъ основный столбъ мельницы, но земли провалилась, столбъ былъ поднятъ и утвер-

ждень въ другомъ мѣстѣ, саженяхъ въ 8 — 10 ближе къ селу (здѣсь и стоитъ теперь мельница). Провалъ произошелъ отъ того, что попали на мину; открывши мину, нашли въ ней «глекъ» съ двумя ушками, но безъ костей или какихъ-либо вещей. Вѣроятно, этотъ «глекъ» такой же кувшинъ, какъ и вырытые въ «нузырѣ» и на улицѣ. За этотъ глекъ полу чено 3 рубля, но отъ кого, не помнитъ. Мой стражникъ все это подтвердилъ, съ своей стороны.

Черезъ нѣсколько шаговъ мы въѣхали въ главную улицу, отъ церкви къ выѣзду къ Граденицѣ, и остановились у засыпанной мины. Она приходится между домами Максима Карпецова и Дмитрія Тони, ближе къ дому перваго—въ 12 шагахъ. Самая же закрытая яма была въ 5 шаговъ. По показанію собравшихся сосѣдокъ-женщинъ (мужья ихъ еще подъ слѣдствіемъ за раскопку), копало 15 «лопатъ», а не 2, какъ-де показано въ протоколѣ (вспомнимъ вчерашнее сообщеніе хозяина земской квартиры о «хлопцахъ»), что въ минѣ, которая шла на Востокъ (ходъ въ нее былъ отъ Запада) были найдены два «глека»: большой и малый; послѣдній въ видѣ «коганца», что въ мину едва пролѣзли. «Никакихъ вещей, никакихъ костей не было вовсе въ минѣ, не то, что тамъ на горѣ, у Вознесенской Могилы», прибавили въ заключеніе женщины, еще и теперь крайне встревоженныя за участь своихъ мужей, копавшихъ яму и попавшихъ подъ судъ.

Этимъ окончился мой объѣздъ открытыхъ «минъ» и разспросы о нихъ. Любезный священникъ пригласилъ къ себѣ отобѣдать. За столомъ почтенная супруга о. Михаила сдѣлала новыя сообщенія, что вообще почва, что подъ усадьбами села, необыкновенно богата сосудами съ ушками, что какъ только начнутъ копать новый погребъ, такъ и найдутъ такой сосудъ, но ничего болѣе, что на кладбищѣ, расположенномъ при выѣздѣ въ Троицкое со стороны Ясекъ, при рытьѣ могилы нашли однажды покойника въ *лодкѣ*, конечно, совсѣмъ истлѣвшей.—Когда, на возвратномъ пути, я проѣзжалъ мимо кладбища, на немъ ясно обрисовывался контуръ кургана, убраннаго могилами.

Въ 6 часовъ я оставилъ гостепріимное и любопытное село Троицкое, покончившееся на курганахъ. Сосѣднее село Ясски лежитъ на томъ же береговомъ плато Днѣстра, что и Троицкое; его два береговые кургана—на той же площади, что и отмѣченные курганы въ Троицкомъ: на улицѣ, забронированный въ 1881 году, и на кладбищѣ. Такимъ образомъ, на пространствѣ 4—5 береговыхъ верстъ имѣется пять кургановъ; вѣроятно, раньше ихъ было много больше; но они сравнены, отопли, напримѣръ, подъ усадьбы села Троицкаго

Въ виду *обще-курганнаго* характера всей осмотрѣнной мѣстности, въ виду открываемыхъ, хотя и однообразныхъ, находокъ, въ виду близости историческаго Корытна, я полагалъ бы, что курганы у Ясекъ и Троиц-

...аго заслуживаютъ вниманія русской археологіи, особенно же величественная Вознесенская Могила. Раскопки могутъ дать, пожалуй, богатые предметы древности, во всякомъ же случаѣ могутъ пополнить наши историческія свѣдѣнія изъ любопытной мѣстности нижняго Днѣстра...

Въ заключеніе считаю долгомъ просить Общество не отказать въ заявленіи признательности: г. предсѣдателю Одесской Земской Управы, В. В. Якунину, одесскому предводителю дворянства А. Ѳ. Сухомлинову и предсѣдателю Земскаго Банка Н. Ѳ. Сухомлинову, оказавшимъ мнѣ свое любезное содѣйствіе при поѣздкѣ.

Д. членъ А. Кочубинскій.

Одесса, 31 августа
1895 года.

Некрологи.

I.

ПАМЯТИ

Карла Матвѣевича Котруцы [1]).

(1821 — 1893).

Ришельевскій лицей, основанный популярнымъ іезуитомъ, аббатомъ Николемъ, въ 1817 году, въ дополненіе, а, можетъ быть, и съ мыслью о противудѣйствіи «Благородному пансіону», открытому знаменитымъ нашимъ іерархомъ, митрополитомъ Гавріиломъ Банулеску[2]) въ его Кишиневѣ

[1]) Въ Бессарабіи очень распространено, очень модно личное имя Карлъ, но среди дворянскаго сословія. Въ православныхъ святцахъ этого имени нѣтъ, но оно всегда въ Бессарабіи замѣняетъ имя *Карпъ*. Вотъ почему уже въ студенческихъ спискахъ бывшаго Ришельевскаго Лицея Котруца обозначается то Карпомъ, то Карломъ. Такъ въ «Исторической Запискѣ Ришельевскаго Лицея за 1813—44 учебный годъ» Котруца названъ Карпомъ, но въ «Годичномъ актѣ въ Ришельевскомъ Лицеѣ 17 іюня 1845» — въ году выпуска—онъ названъ Карломъ. Намъ думается, что мѣстный обычай изъ греч. *Скарлатъ* сдѣлалъ Карла и уравнялъ его съ Карпомъ. Также точно въ православныхъ святцахъ нѣтъ и женскаго имени *Роксандры;* но сестра извѣстнаго члена-основателя нашего Общества, Александра *Скарлатовича* Стурдзы, граф. Этлингъ, называлась *Роксандрой*, иначе Александрой. Вѣроятно, этотъ мѣстный бессарабскій обычай—отголосокъ фанаріотскаго управленія нижнедунайскими господарствами, слѣдствіе греческаго вліянія. Въ старыхъ грамотахъ южнославянскихъ имя Карла встрѣчается слишкомъ рѣдко, да и сомнительно его славянское происхожденіе. Такъ, въ сербской грамотѣ 1368 г.: «идѣху на Карла» (Даничић, «Рјечник из кн. старина српских»); авторъ видитъ здѣсь имя князя *албанскаго*. Впрочемъ, вспомнимъ городъ *Карловцы* въ Сремѣ; имя его уже въ XV столѣтіи. Изъ старыхъ молдаво-валашскихъ грамотъ имя Карла неизвѣстно, что, конечно, вполнѣ понятно.

[2]) Странно, что покойный нашъ вице-президентъ, Н. Н. Мурзакевичъ, объявилъ митрополита Гавріила незнающимъ русскаго языка (см. «Записки Имп. Од. Общ.», т. IX, 301, прим. 18). Его соблазнило его происхожденіе изъ Трансильваніи... Но велика была объединяющая сила православія въ тѣ времена — и румынъ хорошо зналъ славянскій языкъ. Митрополитъ Гавріилъ былъ 5 лѣтъ митрополитомъ самаго Кіева. Ему ли было не знать нашего языка, который онъ называлъ своимъ, отечественнымъ?!...

(«Кишла-Ноу», т. е. новый хуторъ уже въ началѣ XVIII вѣка), въ 1813 году, при Духовной Семинаріи, для дѣтей мѣстныхъ дворянъ и при общемъ руководствѣ перваго піонера нашей науки за Днѣстромъ, архимандрита Иринея Нестеровича, былъ въ теченіе уже первыхъ лѣтъ желаннымъ пріютомъ для молодежи Бессарабіи. Но особенно близокъ сталъ Лицей для нея съ открытіемъ въ Кишиневѣ въ 1833 году, первой свѣтской школы—гимназіи: она была естественною ступенью въ Лицей. Дѣйствительно, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ бессарабскій контингентъ Лицея занималъ непослѣднее мѣсто, какъ по числу, такъ и по достоинству его членовъ. Среди него, среди этого заднѣстровскаго контингента, въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ мы находимъ и К. М. Котруцу, питомца кишиневской гимназіи ея первыхъ лѣтъ: онъ окончилъ курсъ въ ней въ 1842 году.

К. М. Котруца, средній изъ трехъ братьевъ (остальные два—Викторъ и Александръ), происхожденіемъ кровный бессарабецъ, не грекъ, не армянинъ, вышелъ изъ среды мелкихъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, среди которыхъ, какъ и среди резеней—дворянъ еще меньшаго калибра—интересы школы, образованія рано стали потребностью, благородной традиціей. Туземность нашего покойнаго сочлена свидѣтельствуется его фамиліей: въ молдавскомъ языкѣ слово *котруцэ* — значитъ припечекъ, печурка. К. М. Котруца родился 6 января 1821 года въ вотчинѣ Миченахъ Оргѣевскаго уѣзда и 21 года поступилъ въ студенты Ришельевскаго Лицея по юридическому факультету, вмѣстѣ съ другими бессарабцами-товарищами: Суручаномъ Дмитріемъ, Дынгою Александромъ, Богатновымъ Самуиломъ.

Въ Лицеѣ онъ пробылъ три года и окончилъ курсъ въ 1845 году, въ составѣ 18-го выпуска, вмѣстѣ съ одесситами: Полетаевымъ, Григ. Скаржинскимъ, Ал. Романенко, съ извѣстнымъ русско-болгарскимъ дѣятелемъ и писателемъ Найденомъ Геровымъ и другими.

40-ые годы—лучшая пора въ жизни покойнаго Ришельевскаго Лицея, этого іезуитскаго порожденія, но тѣмъ не менѣе скоро ставшаго честнымъ и заслуженнымъ орудіемъ Русскаго Государства для сѣянья просвѣщенія на обширномъ Югѣ, своемъ и зарубежномъ (болгаре). Въ 1842 г.—новый Уставъ.

Не говоря о профессорахъ только-что открытаго отдѣленія восточныхъ языковъ, пріобрѣвшихъ солидное имя въ наукѣ, какъ Григорьевъ, мы отмѣтимъ лицъ, читавшихъ лекціи на юридическомъ отдѣленіи. Сюда принадлежали: еще пребывающій, къ нашему душевному удовольствію, среди насъ, многосторонне образованный духовный витія Одессы, протоіерей М. К. Павловскій, и давно отшедшіе отъ насъ наши сочлены: Ф. К. Брунъ, К. В. Беккеръ, О. Г. Михневичъ, И. В. Мурзакевичъ, К. П. Зеленецкій, спеціально юристы: В. И. Пахманъ, читавшій римское право, Лиховскій, профессоръ гражданскаго судопроизводства и д-ръ Рафаловичъ, читавшій судебную медицину.

Естественно, если при такомъ составѣ, Лицей жилъ, а не прозябалъ, перебиваясь съ года на годъ старыми, полуистлѣвшими тетрадками своихъ профессоровъ, и являлся готовымъ съ отвѣтомъ на запросы мѣстной жизни. Укажу, какъ на примѣръ послѣдняго, на замѣчательное изслѣдованіе проф. Липовскаго въ его актовой рѣчи 1842 года—«О мѣстныхъ бессарабскихъ законахъ». Тема эта и сейчасъ неисчерпана и имѣетъ самый живой интересъ. Бодрый духъ преподаванія не могъ не отражаться благотворно на юныхъ членахъ Лицея, и мы видимъ, какъ живо пробуждается испытующая мысль въ молодежи, и юристъ является серьезнымъ словесникомъ. Такъ, старшій сотоварищъ К. М. Котруцы, сынъ профессора-романиста Нахмана, что нынѣ нашъ знаменитый цивилистъ-ветеранъ, С. В. Нахманъ, получилъ медаль за курсовое сочиненіе о размѣрѣ русской народной пѣсни. Вполнѣ понятно, что и нашъ талантливый бессарабецъ сейчасъ же окунулся въ научную атмосферу, именно въ сферу мѣстныхъ интересовъ, благодаря руководству профессора русской исторіи, П. И. Мурзакевича, который умѣлъ понять значеніе мѣстныхъ молодыхъ силъ для научной работы. По указанію Мурзакевича, студентъ Котруца разбиралъ получавшіяся изъ разныхъ мѣстъ и отъ отдѣльныхъ лицъ только-что появившимся тогда на свѣтъ Божій нашимъ Историческимъ Обществомъ (оно въ 1839 году) молдаво-валашскія грамоты. Онѣ позже были напечатаны въ «Запискахъ» нашихъ[1]).

По окончаніи курса въ Лицеѣ, Котруца возвратился въ родную Бессарабію и ея интересамъ посвятилъ свою дальнѣйшую, почти полувѣковую дѣятельность, состоя то на коронной службѣ, то по выборамъ по администраціи, земству, суду и, пользуясь общею извѣстностью, былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ мѣстныхъ земскихъ интересовъ. Кто изъ бывавшихъ въ Кишиневѣ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ не слыхалъ имени Котруцы?

Но, при всей своей разнообразной служебной дѣятельности, К. М. Котруца не прерывалъ никогда связей съ нашимъ Обществомъ: онъ не забылъ, а продолжалъ свое старое студенческое дѣло, какъ, съ другой стороны, и наше Общество не забывало никогда научнаго значенія интересовъ, къ которымъ былъ приставленъ Котруца еще студентомъ: свидѣтельствуюсь «Отчетомъ» Общества за 1859 годъ — о заботахъ его по пріобрѣтенію молдаво-валашскихъ грамотъ въ Бессарабіи. Котруца въ Кишиневѣ приготовлялъ для «Записокъ» нашего Общества грамоты молдавскихъ господарей, отыскивавшихся въ разныхъ архивахъ Бессарабіи,

[1]) Грамоты мы находимъ во всѣхъ первыхъ томахъ «Записокъ» нашего Общества но всюдѣ съ подписью П. Мурзакевича, такъ что сотрудничество Котруцы было анонимное. Тоже и позже.

почему Общество, въ признаніе заслугъ своего стараго сотрудника, 26-го сентября 1874 года избрало его своимъ сочленомъ (дипломъ отъ 30 декабря 1874 г. № 256, за подписью гр. Строгонова и Мурзакевича), а прекрасная библіотека историческихъ сочиненій въ его родовомъ помѣстьѣ служила лучшимъ доказательствомъ неизмѣнности научныхъ интересовъ стараго ришельевца, вынесенныхъ въ юности.

Карлъ Матвѣевичъ умеръ 16 января 1893 года (въ мѣсяцѣ своего рожденія), въ должности мироваго судьи по Оргѣевскому уѣзду, въ имѣніи своей жены (урожд. Доника-Іордакеско), Росноленахъ (того же уѣзда), но похороненъ тамъ, гдѣ и увидѣлъ свѣтъ, въ своихъ Миченахъ.

Съ признательностью памятуя память дѣльнаго ришельевца и одного изъ старѣйшихъ сотрудниковъ нашего Общества, пожелаемъ, чтобы и современные и всѣ будущіе бессарабцы, земляки усопшаго нашего сочлена, не забывали на своей университетской скамьѣ стараго примѣра, стараго Котруцы[1]).

Д. члена Александръ Кочубинскій.

3 іюня 1896 года.

[1]) За сообщеніе біографическихъ датъ мы обязаны признательностью любезности зятя покойнаго, члена Одесской Судебной Палаты, д. с. с. В. К. Губера.

II.

ПАМЯТИ

Василія Андреевича Дашкова.

(1819 — 1896).

Почетное имя Дашковыхъ не сходитъ уже болѣе столѣтія со страницъ исторіи отечественнаго просвѣщенія, роднаго литературнаго слова.

Немного недѣль тому назадъ покончившій свое земное странствіе въ Москвѣ, въ бодрой старости, почетный членъ нашего Общества (имъ онъ съ 1882 г.), В. А. Дашковъ, достойно завершаетъ рядъ Дашковыхъ, который открытъ былъ исторической сотрудницей Великой Императрицы и первымъ президентомъ Россійской Академіи, Е. Р. Дашковой, и продолжался арзамасцемъ Д. Дашковымъ, однимъ изъ первыхъ русскихъ путешественниковъ (въ 1820 году) въ Грецію и на Аѳонъ, позже министръ юстиціи (1838). Интересы роднаго слова, научной мысли стали благородной традиціей Дашковыхъ, и чѣмъ рѣже это симпатичное культурное явленіе въ обществѣ, скудномъ добрыми привычками, тѣмъ цѣннѣе оно въ глазахъ лѣтописца, какъ почтенный навыкъ, связывающій насъ съ культурными обществами.

Питомецъ Петрозаводской гимназіи, потомъ экстернъ, выдержавшій экзаменъ по юридическому факультету нашего верховнаго университета, Московскаго, въ 1841 году, т. е., въ эпоху только что свершившейся его чистки и освѣженія гр. Строгоновымъ, юный Дашковъ сейчасъ же посвящаетъ себя интересамъ науки и въ 1842 году издаетъ въ Петербургѣ «Описаніе Олонецкой губерніи». Здѣсь и исторія, и статистика, и этнографія губерніи, управлявшейся тогда его отцемъ.

Разнообразная учебно-административная дѣятельность отрываетъ Дашкова на нѣкоторое время отъ науки; но въ половинѣ 60-хъ годовъ онъ является въ благородной роли мецената русскаго просвѣщенія въ Москвѣ.

Кто изъ москвичей того любопытнаго времени не помнитъ дней Всероссійской этнографической Выставки въ Москвѣ, дней, полныхъ тревожнаго ожиданія, какого-то темнаго, радостнаго чувства? Ждали какихъ-то невѣдомыхъ «Славянъ», въ дѣтской наивности ждали какихъ-то особен-

ныхъ послѣдствій... Громко, и впервые громко, залепетали тогда о всеславянствѣ, открылись живыя пересылки воспрянувшей Москвы съ самыми отдаленными, медвѣжьими уголками Славянскаго міра по собиранію и изготовленію славянскаго этнографическаго матеріала, составленію коллекцій одеждъ, убранства жилья и т. п. На мѣстѣ изготовлялись манекены, а затѣмъ громадный этнографическій матеріалъ, съ всеславянствомъ въ миніатюрѣ, умно и со вкусомъ размѣщался въ величественной залѣ экзерциегауза. Наканунѣ открытія Выставки, постомъ 1867 года — чтеніе публичныхъ лекцій, въ числѣ 14, лучшими силами Университета, затѣмъ торжество открытія, и въ заключеніе многочисленный всеславянскій Съѣздъ, впервые на русской землѣ. Какъ современникъ и нѣсколько участникъ тѣхъ интересныхъ дней весны 1867 года, я живо помню всѣ тѣ, уже давнія, картины, безконечные встрѣчи, пріемы, обѣды—обѣды, рѣчи—рѣчи безъ конца .. Конечно, при новизнѣ отношеній, было не безъ комическихъ моментовъ, какъ напримѣръ, когда нашъ уважаемый старикъ—ректоръ, криминалистъ С. И. Баршевъ, въ привѣтѣ своемъ къ славянскимъ гостямъ, перечисливъ представителей славянскихъ племенъ, варіировалъ слово Славяне до невозможности, все мѣняя гласные звуки: Славяне, Славене, Слановы, Славуны... Было, далѣе, въ этомъ первомъ совокупленіи Славянъ отъ всѣхъ странъ свѣта и нѣчто дѣланное, неискреннее... Но все забывалось интересомъ освѣжающей новизны, искупалось тѣмъ молодящимъ духомъ, который вѣялъ отъ внезапнаго всеславянскаго Съѣзда. Это были минуты нашего политическаго романтизма, минуты, о которыхъ и подъ старость лѣтъ дозволительно вспомнить не лихомъ.

Конечно, горячая, почти устали не знавшая дѣятельность по Выставкѣ и Съѣзду уже почившихъ знаменитыхъ профессоровъ Московскаго университета: А. П. Богданова и Н. А. Попова, вынесла на себѣ всѣ труды незауряднаго дѣла, исторической Московской затѣи 1867 года. Но, при всемъ ихъ хотѣніи, что-бы они сдѣлали, если бы не присоединился къ ихъ благородному товариществу по предпріятію третій членъ, нашъ В. А. Дашковъ, если бы онъ не предложилъ имъ на благое образовательное дѣло изъ своего кармана 40 тысячъ?.. Не многіе о томъ знали — не было еще тогда обычая доводить до свѣдѣнія о каждомъ принесенномъ грошѣ и искать обязательнаго удовлетворенія своему личному чувству. Такимъ образомъ, удача Выставки обусловлена была незауряднымъ участіемъ Дашкова, его особеннымъ отношеніемъ къ успѣхамъ отечественнаго просвѣщенія. Но и по закрытіи Выставки этнографическіе интересы, сильно оживленные у насъ ею, нашли въ томъ-же щедромъ меценатѣ, Дашковѣ, своего теплаго приспѣшника.

Прежде всего всѣ предметы Выставки: коллекціи костюмовъ, манекены, положили основаніе первому этнографическому Музею, будучи пере-

везены въ Румянцовскій Музей, какъ это было условлено у Дашкова съ устроителями Выставки при самомъ пожертвованіи 40 тысячъ. Приведеніе въ порядокъ матеріаловъ потребовало новыхъ издержекъ отъ Дашкова. Въ мѣсяцъ Выставки, въ маѣ, Дашковъ сталъ директоромъ Румянцовскаго Музея, который въ это время — въ теченіи пяти лѣтъ своего пребыванія въ Москвѣ—еле-еле жилъ, находясь въ вѣдѣніи Учебнаго Округа, а новое этнографическое отдѣленіе получило имя «Дашковскаго». Объ этомъ новомъ образовательномъ учрежденіи справедливо замѣчено въ первомъ «Отчетѣ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ», что оно по богатству драгоцѣннаго матеріала для отечественной исторіи и этнографіи получаетъ важное значеніе въ дѣлѣ народнаго развитія[1]). Затѣмъ, при посредствѣ Дашкова, открылись изданія и ученыя экскурсіи.

Чтобы дать понятіе и внѣ Москвы о новомъ собраніи, на средства Дашкова былъ изданъ альбомъ рисунковъ, 6 таблицъ изящно исполненныхъ хромолитографій лучшихъ типовъ въ костюмахъ (изданъ въ свѣтъ позже), а затѣмъ на его же средства было открыто при «Императорскомъ Обществѣ любителей естествознанія» новое повременное изданіе, посвященное этнографіи, подъ заглавіемъ: «Труды этнографическаго отдѣла», и первый томъ его вышелъ подъ именемъ «Сборника антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ», въ 1868 году (иначе VII томъ «Извѣстій» Общества), гдѣ были помѣщены публичныя, что̀ предъ Выставкой, лекціи. Наконецъ, для усиленія успѣховъ этнографическихъ занятій, Дашковъ основалъ при томъ же Обществѣ и тогда же двѣ преміи по 500 рублей: одну за библіологическіе обзоры по славянской и русской этнографіи, другую—по изученію инородческаго элемента въ Россіи. Эти новые знаки любви Дашкова къ отчизновѣдѣнію вызвали впервые съ нашей стороны серьезное изученіе латышей: на премію Дашкова въ 1869—70 годахъ ѣздилъ въ латышскій край Трейландъ и собиралъ матеріалы по программѣ, выработанной П. А. Поповымъ. Въ результатѣ этихъ поѣздокъ было прекрасное изданіе, подъ редакціей неутомимаго Трейланда латышскихъ народныхъ пѣсенъ, что̀ составило второй томъ «Сборника антропологическихъ и этнографическихъ статей» (М. 1873) и опять на средства Дашкова. Въ приложеніи—указанный выше альбомъ[2]). Вторая дашковская премія была присуждена К. Попову, за его «Зыряне и зырянскій край» (въ XIII-мъ томѣ «Извѣстій Императорскаго Общества любителей естествознанія»).

[1]) Москва, 1871 г., стр. 194.

[2]) Г. Трейландъ изданіемъ въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Общества любителей естествознанія», т. 40, М. 1881, втораго громаднаго тома своихъ латышскихъ этнографическихъ матеріаловъ только продолжалъ первую работу, такъ что косвенно и второй томъ обязанъ Дашкову.

Такимъ образомъ, Дашковъ съ половины 60-хъ годовъ является въ роли энергическаго блюстителя интересовъ русской этнографіи и можно сказать, что и въ могилу сходилъ съ тѣмъ же горячимъ чувствомъ къ этой наукѣ. Говоря это, мы имѣемъ въ виду изданіе заслуженнаго помощника по музею Дашкова, извѣстнаго профессора В. Ѳ. Миллера: «Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго Этнографическаго Музея», въ четырехъ книгахъ, изъ которыхъ послѣдняя вышла только въ 1895 году, изданіе, исполненное на средства Дашкова. Нѣсколько ранѣе тотъ же Миллеръ издалъ на средства Дашкова «Сборникъ матеріаловъ по этнографіи», три выпуска (М. 1886—1888).

Не забудемъ, что современный ветеранъ русской исторической науки, И. Е. Забѣлинъ, свой монументальный трудъ — «Исторію русской жизни» (два тома)—издалъ на средства Дашкова, что на его же средства изданы «Матеріалы для историческаго описанія Румянцовскаго Музея», что, наконецъ, ко дню пятидесятилѣтія Музея Дашковъ принесъ въ даръ ему галлерею портретовъ русскихъ дѣятелей кисти лучшихъ русскихъ художниковъ, которая образовала второе Дашковское собраніе, снова обогатилъ Музей.

Наконецъ, щедрый хозяинъ Румянцовскаго Музея, какъ бы припоминая завѣты его основателя, канцлера Румянцова, не оставлялъ своимъ вниманіемъ и иныхъ сторонъ дѣла. Такъ, Дашкову должна быть вмѣнена въ заслугу новая организація Музея — онъ вывелъ его изъ его жалкаго положенія своимъ горячимъ предстательствомъ. Такъ, цѣлыя отдѣльно и въ приложеніяхъ къ «Отчету по управленію Музеями» сжатыя ученыя описанія рукописей изъ главнѣйшихъ пріобрѣтеній Музея, особенно, выходившія изъ-подъ пера знаменитаго помощника Дашкова, А. Е. Викторова (наприм., описанія рукописей Григоровича, М., 1879, Бѣляева, М., 1881), были для русскаго общества новымъ средствомъ къ усиленію въ немъ научной пытливости—они упрочали въ немъ уваженіе къ родной старинѣ.

Такимъ образомъ, въ недавно усопшемъ почетномъ членѣ нашего Общества, Василіи Андреевичѣ Дашковѣ, имя Дашковыхъ нашло энергическаго подражателя своей благородной традиціи. Будемъ надѣяться, что стезя не заглохнетъ...

4 іюня 1896 г.

III.

ПАМЯТИ

барона Ѳеодора Андреевича Бюлера.

(1821 — 1896).

10 мая скончался въ Москвѣ, въ преклонной старости, другой почетный членъ нашего Общества (съ 24 января 1880 года), радушный хозяинъ нѣкогда мрачной, но теперь радостной храмины знаменитаго бессарабца, Бантыша-Каменскаго, директоръ Московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, этой неисчерпаемой хранительницы родной старины, и всегда любезный, отзывчивый посредникъ между этими сокровищами и спросами русской науки, дѣйств. тайн. сов. бар. Ѳ. А. Бюлеръ.

Да, кто изъ русскихъ молодыхъ и немолодыхъ ученыхъ, ученыхъ заграничныхъ, напр. румынскихъ, мадьярскихъ, съѣзжавшихся въ теченіе двухъ послѣднихъ десятковъ лѣтъ въ Москву, въ знаменитый Архивъ на Вздвиженкѣ, не проронитъ слезы надъ свѣжей могилой на видъ сухаго, чопорнаго, но въ душѣ добрѣйшаго старика, который широко на-стежь, во имя науки, открылъ двери Архива для всѣхъ, для малыхъ и великихъ, для всѣхъ, жаждавшихъ воды отъ источника, послѣ того какъ онѣ раньше заботливо закупоривались — его предшественникомъ, кн. М. Оболенскимъ, ревниво оберегавшимъ сокровища даже предъ знаменитымъ авторомъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ»? Кто не возблагословитъ памяти директора и не произнесетъ съ теплою признательностью имени Бюлера, иногда оригинальнаго, но симпатичнаго дѣйств. тайнаго совѣтника—«сына и внука дѣйств. тайныхъ совѣтниковъ», какъ отмѣтилъ старикъ о себѣ въ своемъ послужномъ спискѣ[1])?

---

[1]) Печатный экземпляръ этого послужнаго списка, до 1887 года, на 15 листахъ, въ нашей библіотекѣ. Имъ мы пользуемся въ статьѣ.—Одинъ изъ этихъ двухъ дѣйств. тайн. совѣтниковъ въ 1792 году участвовалъ въ первомъ устроеніи Новороссійскаго края, въ дѣлѣ тайнаго перевода «тысячныхъ» выходцевъ изъ Подоліи, изъ-за польскаго рубежа, въ нын. Херсонскую губернію — въ образовывавшіяся казенныя поселенія по Ягорлыку и Днѣстру, пока еще расхитительныя домогательства Стурдзы, Ромара изъ молдавскихъ «бояръ» и разныхъ, разныхъ охотниковъ на «лучшія дачи», успѣхомъ не увѣнчивались (Зап. Имп. Од. Общ., XII, 342, 359). Раньше онъ интендантомъ на Югѣ, при осадѣ Очакова, изъ сотрудниковъ кн. Потемкина, а не изъ прихвостней (ib. XI, 380 и др.).

Изъ рязанскихъ дворянъ, но безъ родоваго состоянія, покойный, по окончаніи курса въ Училищѣ правовѣдѣнія, гдѣ онъ былъ въ товарищахъ съ И. С. Аксаковымъ, отношеніями съ которымъ онъ всегда дорожилъ, первыя десять лѣтъ провелъ на службѣ по министерству юстиціи. Эта служба дала ему возможность побывать въ Астраханской губерніи на сенаторской ревизіи, вмѣстѣ съ И. С. Аксаковымъ, и познакомиться внимательно съ бытомъ калмыковъ. Но въ 1850 году онъ былъ назначенъ секретаремъ генеральнаго консульства въ Валахіи и Молдавіи и на службѣ по министерству иностранныхъ дѣлъ оставался по смерть.

Особенно крупнымъ событіемъ въ жизни покойнаго барона было назначеніе его въ январѣ 1873 года директоромъ Московскаго Архива. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ новаго хозяина въ храминѣ стараго Бантыша было оставленіе, по ея крайней непригодности—темнота, сырость—исторической храмины на Солянкѣ и построеніе на мѣстѣ запустѣнія—на развалинахъ изъ XVII столѣтія — нынѣшняго величественнаго зданія Архива, со всѣми приспособленіями для удобнаго занятія гостей, о какихъ нижѐ мечтать самимъ профессорамъ нашихъ университетовъ, не имѣющимъ подъ-часъ гдѣ главы приклонить.

Но внѣшнее освѣженіе Архива шло объ-руку съ оживленіемъ внутреннимъ.

Не строго ученый по профессіи, что̀ не мѣшало однако написать цѣнное изслѣдованіе по обычному праву у калмыковъ и нѣсколько монографій изъ русской исторіи XVIII столѣтія для «Русскаго Вѣстника», Бюлѐръ всѣмъ сердцемъ любилъ ученыя занятія, и сейчасъ же по вступленіи въ Архивъ воскрепилъ румянцовскія традиціи—обновленіемъ издательской дѣятельности Архива, знаменитой румянцовской Коммиссіи печатанія. Было сдѣлано новое изданіе изв. сборника Кирши Данилова, изданы Документы объ Иверской иконѣ Божьей Матери (1879), Renseignements sur les Archives de Russie, Посольство кн. Прозоровскаго въ Англію (1880), Снимки печатей (1884). Затѣмъ подъ личнымъ руководствомъ Бюлера былъ напечатанъ 48-й томъ «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», съ политическою перепиской Императрицы Екатерины II (1885). Наконецъ, для ознакомленія большой публики съ матеріалами Архива, а также для усиленія научной пытливости среди молодыхъ людей, пошедшихъ теперь съ охотою на службу въ Архивъ и воскрепившихъ при новой обстановкѣ «архивскихъ юношей» эпохи Бантыша, А. Ѳ. Бюлеръ открылъ повременное, внѣ сроковъ, ученое изданіе, подъ именемъ «Сборника Московскаго Главнаго Архива», первый выпускъ котораго вышелъ въ 1880 году. Уже во 2 и 3-мъ выпускахъ этого «Сборника» появилось громадное спеціальное

изслѣдованіе уважаемаго В. А. Ульяницкаго (нынѣ профессора Императорскаго Московскаго Университета) на основаніи матеріаловъ Архива — «Очерки дипломатической исторіи Восточнаго вопроса. Дарданелы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ» (1883), съ важными для исторіи ранней южнорусской торговли многочисленными приложеніями. Слова ученаго автора въ предисловіи, что его настоящій трудъ своимъ появленіемъ «обязанъ просвѣщенной иниціативѣ и благосклонному содѣйствію» директора Архива, въ должномъ свѣтѣ представляютъ значеніе симпатическаго замѣщенія бар. Бюлеромъ кн. Оболенскаго, этого сказочнаго оберегателя сокровищъ Архива за запорами, блювшаго ихъ, словно купецкихъ женъ у Спаса на Болвановкѣ или на Болотѣ.

Радушно шедшій на встрѣчу своимъ многочисленнымъ гостямъ (нерѣдко и столовъ не хватало), А. Ѳ. Бюлеръ не могъ быть инымъ и относительно своихъ юныхъ сотрудниковъ, и молодое населеніе Архива, въ свою очередь, съ тѣмъ же радушіемъ и предупредительностью, по примѣру своего старика, относилось къ обращеніямъ, подъ-часъ весьма скучнымъ и надоѣдливымъ, посѣтителей Архива, въ большинствѣ случаевъ недостаточно подготовленныхъ. Даже самые унтеры, обычно изъ-подъ лобья глядящіе на каждаго переступающаго порогъ учрежденія, и тѣ научены были вѣжеству и людкости, были вышколевы въ новомъ направленіи. Да, нельзя было не научиться этимъ художествамъ и унтерамъ, когда хозяинъ своею особой подавалъ строгій примѣръ для обязательнаго подражанія. Не могу не вспомнить здѣсь въ своей признательной памяти одинъ случай рѣдкой любезности покойнаго барона, когда мнѣ приходилось оставлять Москву, а мои дѣла въ Архивѣ были еще не у конца: Бюлеръ предоставлялъ мнѣ по субботамъ и воскресеньямъ (Архивъ закрытъ въ эти дни) свой кабинетъ въ квартирѣ; туда приносились связки, и я могъ окончить. Часто ли встрѣчается такое теплое отношеніе къ интересамъ науки?...

Московскій Главный Архивъ, помимо безцѣнныхъ хартій старины владѣетъ еще замѣчательною картинною галлереею русскихъ историческихъ лицъ, главнымъ образомъ, съ конца XVII столѣтія. Здѣсь есть портретъ матери Императора Петра Великаго, Н. К. Нарышкиной (и великій сынъ — портретъ матери), царевны Софьи и др. Въ той же цѣли ознакомленія публики съ содержаніемъ Архива, А. Ѳ. Бюлеръ рѣшилъ одновременно съ «Сборникомъ» сдѣлать фотографическое изданіе и портретной галлереи. Начало было положено изданіемъ снимковъ съ портретовъ французской королевы Анны Ярославны и царевны Софьи, съ объяснительными записками (1883). Сняты были и другіе портреты, но, за ограниченностью средствъ, прекрасное дѣло подвигалось медленно.

Благодаря своему любезному характеру, А. Ѳ. Бюлеръ всегда былъ и радушнымъ посредникомъ между учеными учрежденіями Имперіи и своимъ Архивомъ. Всегда держался правила — не закапывать таланта въ землю. Такъ, наше первенствующее ученое учрежденіе, Императорская Академія Наукъ неоднократно свидѣтельствовала барону (онъ ея почетный членъ съ 1878 года) свою глубокую признательность за любезныя услуги по посредничеству: въ 1876 году за доставленіе автографовъ Ломоносова, въ 1878 году за доставленіе метеорологическихъ наблюденій Энгеля (1776 — 1783), въ 1880 году за доставленіе Отдѣленію русскаго языка и Словесности Хроники Малалы, за цѣнными отмѣтками изв. А. Е. Викторова, въ 1883 году за доставленіе писемъ бар. Гизена къ гр. Головкину и бар. Шафирову и др. Съ тою же готовностью А. Ѳ. Бюлеръ откликался на обращенія Императорскаго Географическаго Общества, Императорскаго Московскаго Общества любителей естествознанія. Забудемъ ли мы, члены Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи, о предсмертномъ къ нашимъ нуждамъ вниманіи нашего почетнаго сочлена, о пополненіи для нашего изданія въ «Запискахъ» крымскаго статейнаго списка Айтемирова?...

Съ тѣмъ-же сердечнымъ участіемъ относился покойный А. Ѳ. Бюлеръ и къ судьбѣ нашихъ Археологическихъ Съѣздовъ, такъ что и его имя не сойдетъ со страницъ ихъ будущей исторіи. Такъ, на Съѣздѣ въ Тифлисѣ (1881) онъ былъ лично делегатомъ Архива и представилъ на выставку Съѣзда архивскіе документы и карты, относящіеся къ Кавказу, а по поводу Съѣзда въ Ярославлѣ (1887) самъ министръ иностранныхъ дѣлъ писалъ Бюлеру, что «ему весьма пріятно видѣть, что Московскій Главный Архивъ такъ плодотворно участвуетъ въ русскихъ научныхъ Съѣздахъ и тѣмъ содѣйствуетъ распространенію свѣдѣній о хранящихся въ Архивѣ сокровищахъ». Въ послѣдній разъ мы видѣли его живымъ участникомъ на международномъ антропологическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ, въ 1892 году. Въ Сборникѣ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, посвященномъ памяти знаменитаго основателя Общества, гр. А. С. Уварова (М., 1885), перу барона принадлежитъ статья: «Воспоминанія о гр. Уваровѣ и его отношеніяхъ къ русскимъ архивамъ».

Но и въ свои старые годы своимъ личнымъ ученымъ трудомъ А. Ѳ. Бюлеръ участвовалъ въ развитіи русской науки. Такъ, въ 1883 году Императорская Академія Наукъ благодарила его за содѣйствіе при разборѣ книги г. Собко объ изображеніяхъ русскихъ царей и ихъ посольствъ, участвовавшей въ уваровскомъ конкурсѣ на тотъ срокъ.

Наконецъ, поставивъ свой Архивъ такъ высоко въ современной русской исторической наукѣ, А. Ѳ. Бюлеръ ему же принесъ въ даръ и свою библіотеку (1882)—своему любимому дѣтищу.

Дай Богъ, чтобы благородный образъ дѣятельности усопшаго хозяина Московскаго Архива, главнаго не по одному историческому моменту, остался на-всегда живымъ примѣромъ соревнованія въ будущихъ судьбахъ нашей, единственной въ своемъ родѣ, хартофилакіи, которая и послѣ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» представляется полемъ, лишь мѣстами вскопаннымъ.

Д. членъ Александръ Кочубинскій.

5 іюня 1896 г.

IV.

ПОМИНКИ

по Вл. Ал. Яковлевѣ.

Среди утратъ, понесенныхъ въ послѣднее время Императорскимъ Одесскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей, безъ сомнѣнія, самою тяжелою представляется утрата Вл. Ал. Яковлева и, нестолько какъ дѣйствительнаго члена этого Общества и его секретаря въ теченіи 12 лѣтъ, сколько какъ выдающагося изслѣдователя судебъ г. Одессы. Не чуждый занятіямъ тѣмъ же предметомъ и связанный съ покойнымъ свыше, чѣмъ 20 лѣтними близкими отношеніями, я не иначе какъ съ благодарностью отношусь къ Совѣту Общества, возложившему на меня хотя и печальную, но и почетную обязанность—вспомнить Вл. Ал. Яковлева въ настоящемъ засѣданіи Общества. Но считаю долгомъ оговориться, что недостатокъ времени съ одной стороны и близость къ намъ того времени, въ которомъ пришлось жить и дѣйствовать Вл. Ал. Яковлеву, поневолѣ дѣлаютъ мои поминки по немъ не полными и не точными.

Отецъ Вл. Ал. Яковлева былъ небезызвѣстный одесскій общественный дѣятель, о которомъ неоднократно были уже напечатаны воспоминанія одесскихъ старожиловъ. Весьма гостепріимный, любившій широко пожить, хорошо поѣсть, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ человѣкомъ суровымъ въ семьѣ и мало покладистымъ. Кажется, въ этомъ сказались семейныя традиціи, ибо онъ былъ (что мнѣ извѣстно и отъ покойнаго Вл. Ал.) побочнымъ сыномъ извѣстнаго сибирскаго генералъ-губернатора временъ Императора Александра I — суроваго Пестеля и братомъ еще болѣе знаменитаго сторонника декабристовъ. Зато мать Вл. Ал., происходившая тоже изъ популярной въ Одессѣ, хотя и итальянской, но достаточно обрусѣвшей фамиліи Перозіо, была женщина необыкновенной доброты и веселости, что несомнѣнно отразилось, вмѣстѣ съ наружностью, на ея старшемъ сынѣ Вл. Ал.

Родился Вл. Ал. Яковлевъ въ Одессѣ въ 1840 г. и первоначальное образованіе получилъ въ Одесской 2 гимназіи, о которой сохранялъ наилучшее воспоминаніе, тѣмъ болѣе, что пребываніе въ ней совпало съ оживленіемъ, наступившемъ въ педагогическомъ мірѣ при попечительствѣ Н. И.

Пирогова. До самой смерти сохранялъ Вл. Ал. близкія отношенія къ своимъ товарищамъ по 2-ой гимназіи, не безызвѣстнымъ одесскимъ дѣятелямъ преимущественно въ сферѣ педагогіи. Окончивъ въ 1857 г. гимназію, Вл. Ал. поступилъ сперва на юридическій факультетъ Ришельевскаго Лицея, изъ профессоровъ котораго онъ всегда съ особенною симпатіей отзывался объ А. М. Богдановскомъ, а затѣмъ въ 1860 г., передъ окончаніемъ курса, увлекаемый желаніемъ заняться исторіей русской литературы, перешелъ въ С.-Петербургскій Университетъ на историко-филологическій факультетъ, гдѣ занимался главнымъ образомъ подъ руководствомъ профессора Срезневскаго, слушая, конечно, также профессора М. И. Сухомлинова, Н. И. Костомарова и другихъ выдававшихся тогда профессоровъ университета. Хорошія стороны характера Вл. Ал. сказались и здѣсь, такъ какъ многіе тогдашніе товарищи и знакомые его, ставшіе впослѣдствіи видными научными дѣятелями (А. И. Никитскій, Л. Н. Майковъ), навсегда сохранили съ нимъ дружескія отношенія. Случайное закрытіе С.-Петербургскаго Университета заставило Вл. Ал. въ 1864 г. отправиться держать экзаменъ на кандидата въ Кіевскій Императорскій Университетъ Св. Владиміра. По полученіи этой степени онъ поступилъ въ 1865 г. на службу преподавателемъ русскаго языка и словесности въ гимназію Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, преподавая въ тоже время въ Николаевскомъ инженерномъ, Константиновскомъ военномъ, Николаевскомъ кавалерійскомъ училищахъ и лучшихъ учебныхъ заведеніяхъ и занимаясь даваніемъ частныхъ уроковъ. Мнѣ приходилось встрѣчаться съ учениками и ученицами Вл. Ал., и всѣ они сохранили о немъ самое благодарное воспоминаніе.

Стремясь заняться университетскимъ преподаваніемъ, Вл. Ал. много трудился надъ изученіемъ русской литературы, работая преимущественно надъ сокровищами Императорской Публичной Библіотеки. Тогда же онъ примкнулъ къ тому кружку, который сгруппировался около Н. И. Костомарова и въ составъ котораго входили А. И. Никитскій, С. В. Максимовъ, Д. Е. Кожанчиковъ, позднѣе А. А. Котляревскій и др.; дружественныя отношенія связывали его съ А. и Л. Николаевичами Майковыми, поэтомъ Л. А. Меемъ, Рехневскимъ и т. д. Къ этому же времени относятся и первые его ученые труды, состоявшіе въ изданіи Домостроя (Спб. 1867 г.) и Сказанія о Царьградѣ (Спб. 1868 г.) и переведеннаго подъ его редакціей сочиненія Томка Исторія Чешскаго Королевства (тоже) и въ помѣщеніи библіографическихъ статей въ «Книжномъ Вѣстникѣ» (времени редакторства П. А. Ефремова) и «Голосѣ». Извѣстность его была уже настолько значительна, что, когда за смертію академика Билярскаго и уходомъ профессора Полевого Императорскій Новороссійскій Университетъ искалъ профессора на каѳедру Исторіи русской словесности, Вл. Ал. явился въ числѣ кандидатовъ на нее, онъ былъ рекомендованъ еще академику Билярскому,

высоко цѣнившему его занятія, и извѣстенъ многимъ профессорамъ, ибо часто наѣзжалъ къ семьѣ въ Одессу; но стать здѣсь профессоромъ довелось ему гораздо позже.

Въ 1869 г. Вл. Ал. былъ избранъ, по предложенію профессора А. А. Котляревскаго, переѣхавшаго тогда въ Кіевъ, и. д. доцента по каѳедрѣ «Славянскихъ нарѣчій вообще и русскаго языка въ особенности» въ Дерптскомъ Университетѣ. Не только отъ Вл. Ал., но и отъ профессора Котляревскаго довелось мнѣ слышать о печальномъ положеніи преподавателя русскаго языка въ Дерптскомъ Университетѣ. Въ то время студенты не желали заниматься этимъ предметомъ и по разнымъ причинамъ неудобно было и требовать отъ нихъ этого; поэтому лекцій они не посѣщали. Обязательное знаніе въ извѣстномъ размѣрѣ русскаго языка выражалось въ подачѣ сочиненій на этомъ языкѣ на произвольную тему, а это сводилось чуть ли не къ подачѣ лоскутка бумажки съ написаннымъ на ней произвольнымъ наборомъ русскихъ словъ, и профессора одобряли такой «трудъ». Какъ ни фантастичны кажутся такія свѣдѣнія, но повторяю, они извѣстны мнѣ не изъ одного источника, и я не имѣю основанія сомнѣваться въ ихъ правдивости. Они объяснютъ, разумѣется, почему такъ охотно мѣняли желавшіе дѣйствительно взять на себя трудъ профессорскаго преподаванія русскіе профессора Дерптскій Университетъ на всякій иной. Вслѣдъ за Котляревскимъ уѣхалъ въ 1871 г. въ Варшаву и Вл. Ал. на каѳедру русскаго языка и словесности, затѣмъ, по выдержаніи экзамена на степень магистра и защитѣ въ 1875 г. диссертаціи, удостоенъ былъ Императорскимъ Варшавскимъ Университетомъ степени магистра русской словесности и въ 1876 г. назначенъ здѣсь-же экстраординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ каѳедрѣ; диссертація его посвящена была анализу древне-кіевскихъ религіозныхъ сказаній и до сихъ поръ цѣнится въ наукѣ, особенно та часть ея, которая посвящена общей характеристикѣ древнихъ житій святыхъ, византійскихъ и западно-европейскихъ. Вл. Ал. одинъ изъ первыхъ выказалъ себя здѣсь сторонникомъ того взгляда, который видитъ въ древне-русской искусственной литературѣ отраженіе или даже подражаніе аналогичной византійской и поэтому не рѣшается пользоваться сюжетами нашихъ древнихъ памятниковъ, какъ былевымъ историческимъ матеріяломъ. Ещe раньше Вл. Ал. издалъ Патерикъ Печерскій (Спб. 1872 г.), но, согласно цензурнымъ требованіямъ, назвалъ свое изданіе «Памятники русской литературы XII и XIII в., въ чемъ его впослѣдствіи даже упрекали лица, незнавшія о причинѣ измѣненія названія. Тогда-же напечатана была имъ въ мѣстныхъ изданіяхъ масса небольшихъ статеекъ и тоже издано нѣсколько переведенныхъ подъ его редакціей сочиненій, относительно чего см. мое Двадцатипятилѣтіе Императорскаго Новороссійскаго Университета, стр. 227—228. Изъ числа учениковъ Вл. Ал. по Варшавскому Университету можно ука-

зать такихъ почтенныхъ тружениковъ, какъ наши сочлены, Х. И. Яцуржинскій, Арс. И. Маркевичъ и мн. др.

Къ этому-же времени относится и мое знакомство съ Вл. Ал—чемъ: сперва оно было случайнымъ: Вл. Ал. ѣхалъ на Археологическій съѣздъ въ Кіевъ въ 1874 г. и въ вагонѣ познакомился съ моею семьею, которую обворожилъ своимъ въ высшей степени общительнымъ характеромъ. Хотя мы другъ о другѣ тогда навѣрное еще ничего не слыхали, но одинаковое положеніе, одинаковыя стремленія насъ въ Кіевѣ сблизили. Въ это время Вл. Ал—чъ былъ молодымъ, статнымъ, очень красивымъ, энергичнымъ человѣкомъ, жизнь била въ немъ ключомъ; онъ постоянно волновался, всякому готовъ былъ возражать, дѣлать какія-либо замѣчанія, даже не прочь былъ и поругаться. Онъ читалъ какой-то рефератъ изъ области народной словесности, но я плохо помню его и припоминаю лишь, что онъ передалъ извѣстному южно-русскому этнографу Чубинскому нѣсколько памятниковъ этой словесности (заклинаній, кажется), записанныхъ въ Одессѣ, а Чубинскій напечаталъ ихъ въ своемъ знаменитомъ сборникѣ; такимъ образомъ Вл. Ал—чъ раньше, чѣмъ я, началъ заниматься изученіемъ одесской народной литературы, хотя, къ сожалѣнію, не продолжалъ занятій въ этомъ направленіи.

Года черезъ 4, въ Одессѣ является ко мнѣ какой-то господинъ съ наружностью человѣка, которому остается прожить всего нѣсколько дней. Я не могъ его узнать и, когда онъ назвалъ себя, я только ахнулъ. Это былъ Вл. Ал—чъ; но въ какомъ ужасномъ видѣ. Высохшій, еле движущійся, безъ голоса. Не знаю, видалъ ли я болѣе поразительную метаморфозу. Вл. Ал—чъ разсказалъ мнѣ что онъ все время былъ профессоромъ въ Варшавѣ, затѣмъ тяжко заболѣлъ, вышелъ въ отставку съ пенсіей въ 1300 р.; но жить онъ уже не разсчитывалъ и пріѣхалъ на родину умирать. Съ большимъ юморомъ онъ относился къ своему положенію, хотя легко было почувствовать сквозь видимый смѣхъ невидимыя слезы человѣка, оставляющаго семью очень плохо обезпеченною. Болѣзнь подкосила его матеріальныя средства, втянула его въ долги, изъ которыхъ онъ не могъ выбраться до самой смерти, и заставила его въ тихомолку распродавать любителямъ лучшія книги изъ своей библіотеки, которую онъ собиралъ съ такою любовью, какъ истинный библіографъ и библіофилъ.

Не скрою, что въ то время я считалъ Вл. Ал. человѣкомъ погибшимъ, и въ душѣ его оплакивалъ; видѣлся я съ нимъ тогда не часто: я занятъ былъ магистерскою диссертаціей, потомъ наступило лѣто и я, по обычаю, уѣхалъ въ Малороссію. Когда я возвратился осенью въ Одессу, я спросилъ кого-то изъ знакомыхъ о Вл. Ал., и узналъ, что онъ не только не умеръ, но на родинѣ сталъ поправляться. Правда, поправлялся онъ съ большимъ трудомъ, не разъ былъ на волосъ отъ смерти, переносилъ труднѣйшія

операціи но все-же оставался живъ, и часами какъ будто даже и выздоравливалъ: очевидно его выручалъ замѣчательно крѣпкій отъ природы организмъ, не скоро разбивающійся отъ долгихъ и постоянныхъ тѣлесныхъ и другихъ невзгодъ.

Въ теченіи первыхъ лѣтъ своей одесской жизни Вл. Ал. приходилось не мало бѣдствовать и однимъ изъ источниковъ для извлеченія средствъ явились литературныя занятія; но работать ему было трудно и поэтому онъ печаталъ въ мѣстныхъ газетахъ («Правда», «Новороссійскій Телеграфъ», «Одесскій Вѣстникъ», позднѣе «Одесскія Новости») лишь небольшія статьи, преимущественно по исторіи Новороссійскаго края, на основаніи матеріаловъ, извлеченныхъ имъ изъ архива Новороссійскаго генералъ-губернатора; посылалъ онъ корреспонденціи въ «Новое Время» и иныя столичныя газеты, но тоже небольшія; къ этому же времени относится и попытка его издавать журналъ Югъ, кончившаяся для него тоже неблагопріятно въ матеріальномъ отношеніи, хотя въ вышедшихъ номерахъ было не мало интересныхъ статей, особенно самого редактора, въ томъ числѣ большой и цѣнный трудъ «Печать въ Новороссійскомъ краѣ», матеріалъ для котораго онъ собиралъ въ теченіи долгаго времени.

Такъ какъ здоровье Вл. Ал., казалось поправившимся, то онъ сталъ искать какихъ либо посторонннихъ занятій съ опредѣленнымъ вознагражденіемъ. Ученая извѣстность его вмѣстѣ съ одесскими связями были причиною, что онъ былъ избранъ въ 1883 г. завѣдующимъ Одесскою Городскою Публичной Библіотекою, въ каковомъ званіи оставался и до самой смерти. Въ настоящее время эта библіотека представляетъ едва-ли не лучшій памятникъ покойному; онъ увеличилъ ее чуть-ли не вдвое: съ 50,000 томовъ она возросла до 90,000 томовъ и стала одною изъ самыхъ крупныхъ въ Россіи. И этотъ громадный ростъ ея потребовалъ отъ города весьма немного расходовъ; библіотекарь, пользуясь связями съ ученымъ міромъ, безпрерывно обращался къ самымъ разнообразнымъ ученымъ и общественнымъ учрежденіямъ и гдѣ только могъ выпрашивалъ книги для библіотеки; и случалось такъ, что всякій охотно давалъ ему сочиненія, иногда цѣнныя. Между прочимъ, при немъ состоялось огромное пожертвованіе книгъ Н. О. Бурачковымъ, на пожертвованія же образованъ Борзенковскій отдѣлъ и расширилось и самое помѣщеніе библіотеки на средства, жертвуемыя Г. Г. Маразли. Любилъ свою библіотеку Вл. Ал. чрезвычайно, чуть не каждая пріобрѣтенная сюда книга была имъ пересмотрѣна, онъ постоянно обращался къ спеціалистамъ съ просьбами разсмотрѣть существующій составъ книгъ по ихъ спеціальностямъ и указать необходимыя дополненія; имъ составлены и новые каталоги этой библіотеки и напечатано нѣсколько цѣнныхъ статей о ней. Только тогда, когда съ одной стороны ухудшеніе здоровья сдѣлало для него занятія въ ней затруднительными и доктора требовали его

пребыванія въ деревнѣ на чистомъ воздухѣ, а съ другой онъ подготовилъ въ библіотекѣ кадръ опытныхъ помощниковъ, на которыхъ онъ могъ вполнѣ положиться, позволилъ онъ себѣ по нѣсколько дней не посѣщать библіотеки. Припоминаю и отношенія Вл. Ал., какъ библіотекаря, къ профессорамъ и вообще къ людямъ занимающимся; онъ предоставлялъ имъ всѣ способы пользоваться его книгами, давалъ драгоцѣнныя указанія и т. п. Не будетъ неумѣстнымъ напомнить, что тѣ профессора, которые были обязаны ему въ этомъ отношеніи, почтили его обѣдомъ, по случаю исполнившагося 10-лѣтія служенія въ званіи библіотекаря, во многихъ рѣчахъ охарактеризовали его полезную дѣятельность и благодарили его за помощь въ занятіяхъ Нельзя не пожелать, чтобы Городское Управленіе, зная, какъ много обязанъ городъ Вл. Ал—чу и какъ библіотекарю, и какъ историку, ознаменовало его память ассигнованіемъ средствъ на переизданіе тѣхъ его работъ, которыя касаются исторіи Новороссійскаго края и въ частности Одессы; среди друзей Вл. Ал—ча, безъ сомнѣнія, найдутся такіе, которые охотно возьмутъ на себя трудъ редактированія этого сборника.

Если я распространился о дѣятельности Вл. Ал—ча, какъ библіотекаря, то потому, разумѣется, что она имѣла очень большое значеніе въ его жизни въ то время, когда я особенно съ нимъ сблизился. Самъ будучи страстнымъ (я готовъ сознаться—до маніячества) библіофиломъ и отчасти библіографомъ, я ни съ кѣмъ такъ охотно не дѣлился радостью по поводу пріобрѣтенной мною книги или прочитанной интересной библіографической статьи; въ немъ я всегда могъ найти отзвукъ своему увлеченію. Припомню кстати, что Вл. Ал—чу случалось пріобрѣтать для библіотеки на толкучкѣ принадлежавшія мнѣ и зачитанныя кѣмъ либо книги; меня это разумѣется огорчало (хотя я и создалъ на утѣшеніе себѣ особую теорію) а Вл. Ал—чу доставляло удовольствіе дразнить меня; хотя и его книги, и гораздо чаще, попадали на толкучку, а оттуда въ мое книгохранилище.

Но завѣдываніе городскою публичной библіотекой было не единственнымъ занятіемъ Вл. Ал—ча въ 80-хъ и 90-хъ годахъ. Въ 1883 г. онъ былъ избранъ въ секретари нашего Общества. Не хочу погрѣшать противъ истины и потому не стану утверждать, чтобы его дѣятельность въ этомъ отношеніи была очень полезна для Общества. Но позволю себѣ обратиться ко всѣмъ присутствующимъ, хорошо знавшимъ теченіе дѣлъ въ Обществѣ, съ вопросомъ: можно-ли его винить въ этомъ отношеніи? И не такъ-ли поступилъ-бы всякій изъ насъ на его мѣстѣ, разъ дѣла Общества находились въ искушенныхъ долгимъ опытомъ и умѣлыхъ рукахъ нашего уважаемаго вице-президента, фактически исполнявшаго всѣ обязанности по Обществу, даже до писца включительно! Во всякомъ случаѣ Общество не ставило въ упрекъ Вл. Ал—чу его секретарскую дѣятельность, избирало его въ секретари неоднократно, и притомъ всегда единогласно закрытою

баллотировкою; онъ сложилъ съ себя эту обязанность лишь тогда, когда болѣзнь не позволила ему даже посѣщать засѣданія Общества.

Но Вл. Ал—чъ тѣмъ не менѣе былъ весьма полезнымъ дѣятелемъ нашего Общества; нѣтъ тома Записокъ, гдѣ бы не было напечатано его статей или опубликованныхъ имъ чрезвычайно интересныхъ матерьяловъ; достаточно указать на статьи о Хаджибейской старинѣ (онѣ частью печатались и въ мѣстныхъ газетахъ), напр. о Хаджибейской кофейнѣ, о похищеніи русскими солдатами женщинъ въ окрестностяхъ Хаджибея, о Кесьоглу, о заселеніи Хаджибея, о постройкѣ первыхъ церквей въ Одессѣ біографіи Де-Рибаса, Герцога де-Ришелье, кн. Воронцова и т. д. и т. д. Всѣ эти небольшія статьи, собранныя вмѣстѣ, составили-бы хорошій томъ и послѣ извѣстной книги А. А. Скальковскаго были-бы лучшими трудами по исторіи Одессы; причемъ, какъ написанныя гораздо позже, онѣ внесли въ сочиненіе Скальковскаго не мало дополненій и поправокъ; и имя профессора Яковлева всегда будетъ вспоминаться, послѣ именъ Ф. К. Бруна и А. А. Скальковскаго, какъ имя одного изъ выдающихся бытописателей Одессы. Наконецъ, Вл. Ал—чемъ составлено для Записокъ Общества и большинство некрологовъ его членовъ, скончавшихся во время секретарства Вл. Ал—ча; причемъ некрологи лицъ, связанныхъ своею дѣятельностью съ Новороссійскимъ краемъ, представляютъ не малый интересъ.

Университетскій Уставъ 1884 г. далъ возможность Вл. Ал—чу сдѣлаться приватъ доцентомъ по русской словесности въ Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ, чего, впрочемъ, достигъ онъ не безъ труда, но сообщеніе относящихся сюда фактовъ представляется нѣсколько преждевременнымъ, хотя они составляютъ въ сущности секретъ полишинеля. Почти въ одинаковыхъ обстоятельствахъ въ этомъ отношеніи находился тогда и я и это вызвало между нами близость, превратившуюся съ теченіемъ времени въ тѣсную дружбу. Помню я хорошо его вступительную лекцію на тему объ исторіи преподаванія русской литературы въ нашихъ университетахъ. Время было какое-то смутное, слабый голосъ и не вполнѣ вразумительное произношеніе лектора были извѣстны, лекція состоялась въ небольшой аудиторіи, гдѣ могло помѣститься, кромѣ собравшихся на лекцію членовъ историко-филологическаго факультета, не много слушателей-студентовъ; ходили какіе-то слухи, чего-то опасались. Мало того, прочтена была лекція дѣйствит льно не важно — и тѣмъ не менѣе по окончаніи ея раздались единодушные и долго несмолкавшіе аплодисменты: содержаніе ея оказалось чрезвычайно интереснымъ и я, напр., не помню, понравилась-ли мнѣ такъ чья либо другая вступительная лекція, хотя, разумѣется, пришлось ихъ въ свое время выслушать не мало, и весьма содержательныхъ, даже ученыхъ, и очень эффектныхъ и пр. Сюжетъ лекціи Вл. Ал—ча былъ очень простъ: излагалось, кто и какъ читалъ у насъ въ университетахъ

литературу. Тенденціознаго подбора не было ни малѣйшаго—и впечатлѣніе тѣмъ не менѣе получилось удручающее: читали у насъ въ университетахъ исторію литературы что угодно и какъ угодно. Читали ее и математики, и ботаники, преподносили подъ видомъ ея то исторію церкви, то археологію, то «взглядъ и нѣчто», то занимались элоквенціей; но читалась-ли когда нибудь у насъ въ университетѣ *исторія литературы*, указать было му, рено.

Съ 1884 г. формальное теченіе жизни Вл. Ал—ча было слѣдующее: въ 1893 г. онъ защитилъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ на степень доктора русской словесности сочиненіе объ Измарагдѣ; въ 1894 г. сталъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ, а въ началѣ 1896 г здѣсь-же и ординарнымъ. Въ эти годы ему особенно часто приходилось хворать, возвращалась прежняя болѣзнь, но онъ все таки поправлялся и, лишь захворавъ осенью 1895 г., встать уже не могъ. Не оставляя еще профессуры, онъ все-же сталъ подготовлять свою отставку, сложилъ съ себя званіе секретаря въ нашемъ Обществѣ, пересталъ посѣщать библіотеку. Борьба его организма съ болѣзнью была упорная, не разъ близкимъ къ нему людямъ казалось, что онъ можетъ еще разъ поправиться. Повидимому, и онъ самъ на этотъ разъ не ожидалъ столь скорой кончины, хотя, вообще говоря, давно къ ней подготовился и ждалъ ее довольно спокойно. Уже въ началѣ весны почувствовалось у него такое оскудѣніе силъ, которое дѣлало предстоящій исходъ не подлежащимъ сомнѣнію, и 10 апрѣля Вл. Ал—ча не стало.

Въ бытность преподавателемъ, Вл. Ал—чъ, не смотря на болѣзнь, не переставалъ работать. Важнѣйшимъ трудомъ его за это время было сочиненіе объ Измарагдѣ; но я уклоняюсь отъ оцѣнки его, во-первыхъ, потому, что не чувствую себя вполнѣ компетентнымъ въ этомъ отношеніи судьею; а во-вторыхъ, существуютъ уже обстоятельныя рецензіи этой книги, сдѣланныя авторитетными учеными, придавшими ей большое научное значеніе. Затѣмъ, Вл. Ал—чъ продолжалъ трудиться надъ исторіей Одессы, составлялъ біографическіе очерки ея дѣятелей для Словаря Венгерова, а потомъ для Словаря издаваемаго Русскимъ Имп. Историческимъ Обществомъ. Необходимо отмѣтить также и нѣсколько изданныхъ имъ работъ, относящихся до пребыванія Пушкина на югѣ Россіи; на біографіи Пушкина онъ останавливался всегда съ особеннымъ вниманіемъ, такъ какъ это былъ его любимый поэтъ, чуть не всѣ стихи котораго онъ зналъ наизустъ.

Удивительное дѣло! Всѣ мы, конечно, помнимъ Вл. Ал—ча, какъ человѣка чрезвычайно легковѣрнаго; склоннаго къ метафорамъ и преувеличеніямъ, накладывавшаго краски очень густо, особенно если при этомъ представлялся случай высказать свое остроуміе; въ чемъ сказывалась, конечно, его южно-европейская кровь. «Яковлевская новость» было техничс-

своимъ выраженіемъ среди его товарищей. И тотъ же самый проф. Яковлевъ въ своихъ сочиненіяхъ отличался чрезвычайною документальностью, безупречною точностью, крайнею осторожностью и не рѣшительностью въ дѣлаемыхъ выводахъ, почти не позволялъ себѣ выставлять гипотезъ, работалъ онъ медленно, основательно, что составляло рѣзкій контрастъ съ его устною бесѣдою. Въ виду такихъ свойствъ ученые труды его надолго сохранятъ свое значеніе и въ иныхъ случаяхъ могутъ замѣнить источники.

Въ былое время Вл. А—чъ былъ блестящимъ чтецомъ и преподавателемъ; Новороссійскій Университетъ уже не зналъ его таковымъ; его подкосила болѣзнь. Но и въ позднѣйшее время проф. Яковлевъ былъ популяренъ среди студентовъ, охотно занимавшихся подъ его руководствомъ и пользовавшихся его громадными библіографическими свѣдѣніями, а также обширнымъ знаніемъ новѣйшей русской литературы, особенно въ біографіяхъ ея даже весьма не выдающихся представителей; я полагаю, что равнаго проф. Яковлеву въ этомъ отношеніи знатока не было въ Россіи.

Въ свою очередь и онъ любилъ студентовъ и вѣчно возился съ ними, вѣчно хлопоча за нихъ и помогая имъ изъ своихъ скудныхъ средствъ; даже въ разгарѣ предсмертной болѣзни онъ все еще хлопоталъ о томъ, какъ бы помочь своимъ бывшимъ слушателямъ, и въ предсмертномъ бреду говорилъ о студенческихъ диссертаціяхъ.

Для профессоровъ Вл. Ал—чъ былъ отличнымъ товарищемъ; ему можно поставить въ вину развѣ излишнюю доброту, если доброта можетъ быть излишнею. Я не говорю уже, что онъ охотно со всѣми и каждымъ дѣлился имѣющимися у него свѣдѣніями (это между профессорами провинціальныхъ университетовъ нормальное явленіе); но онъ всегда готовъ былъ помочь дѣломъ и совѣтомъ; куда угодно писать, гдѣ угодно хлопотать. Да развѣ можно себѣ вообразить теперь Вл. Ал—ча за кого нибудь не хлопочущимъ? Это было его нормальное состояніе.

Поразительно, какъ много было въ немъ вѣры въ прогрессъ, жизнерадостности, а въ примѣненіи къ университетской жизни вѣры въ жизненность прежнихъ добрыхъ университетскихъ традицій, заглушенныхъ, но не вытравленныхъ. Какъ онъ умѣлъ успокоить, утѣшить и ободрить каждаго. Бывало, въ тяжелую для тебя минуту поговоришь съ нимъ, и онъ, самъ страдающій и тѣломъ и духомъ, сумѣетъ тебѣ внушить увѣренность, что все скоро преходяще, наступятъ красные дни, засіяетъ солнце; онъ вольетъ въ тебя запасъ новой энергіи, не дастъ успокоиться на формулѣ «будь, что будетъ», заставитъ снова дѣйствовать; словомъ, подыметъ въ тебѣ бодрость духа, именно въ такихъ случаяхъ особенно необходимую.

Остроумный собесѣдникъ, Вл. Ал—чъ очень популяренъ былъ своими, иногда очень ядовитыми, насмѣшками, которыми не щадилъ и самыхъ близкихъ къ нему людей, но сердиться на него за это было невозможно;

всякій могъ разсчитывать, что на дѣлѣ Вл. Ал—чъ сдѣлаетъ ему только добро; а остроуміе все же имѣетъ свои права; притомъ Вл. Ал—чъ хохоталъ прежде всѣхъ и такъ искренно, можно сказать дѣтски радостно, если кому либо удавалось высказать свое остроуміе относительно его самаго.

Упомянемъ еще о томъ, что Вл. Ал—чъ былъ однимъ изъ усердныхъ дѣятелей Историко-филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ, а также и безсмѣннымъ членомъ коммиссіи, оцѣнивавшей пьесы, представляемыя на премію, учрежденную нашимъ почтеннымъ сочленомъ И. Ю. Вучиною; въ послѣднее время имъ были написаны всѣ рецензіи тѣхъ пьесъ, за которыя эта премія была выдана.

Не считаю умѣстнымъ говорить здѣсь о Вл. Ал. какъ о семьянинѣ или родственникѣ, хотя я и въ этомъ отношеніи могъ бы привести извѣстный мнѣ благодарный матеріялъ; но все же не могу не остановиться на одной, хотя и частной сторонѣ его дѣятельности, однако бывшей весьма замѣтной въ послѣдніе его годы—его деревенской жизни. Не знаю почему: въ силу-ли прежнихъ воспоминаній (у отца его, кажется, былъ въ Одессѣ домъ съ большимъ садомъ), или вслѣдствіе того, что онъ чувствовалъ себя въ деревнѣ гораздо здоровѣе, но Вл. Ал—чъ чрезвычайно любилъ деревню. Пробовалъ онъ сперва жить на дачѣ, но это его не удовлетворяло, да и стоило слишкомъ дорого и вотъ онъ беретъ въ долгосрочную аренду у Министерства Государственныхъ Имуществъ $11^1/_2$ дес. земли съ полуразрушеннымъ домомъ и заглохшимъ садомъ около деревни Куртовки, недалеко отъ Одессы. Трудно себѣ представить, какъ онъ любилъ свой хуторокъ, въ сущности далеко не идеальный; возможность потери его или переселенія оттуда буквально выводила его изъ себя. Чуть только чувствовалось дыханіе весны, уже его тянуло въ Куртовку и оставался онъ тамъ, пока это было возможно. Хорошо исправить домъ было ему трудновато, средства не позволяли, но садъ онъ выростилъ и взлелѣялъ, отовсюду доставая фруктовыя деревья или сѣмена, и, какъ ребенокъ, радуясь, когда онъ могъ получить плоды своего сада. Но этого мало; здѣсь у него были и коровы, и индюки, и куры, и все это казалось ему какимъ-то необыкновеннымъ. Съ упоеніемъ говорилъ онъ о Куртовкѣ, гдѣ, отказавшись отъ городской цивилизаціи, онъ наслаждался чувствомъ своего единенія съ космосомъ, становился такимъ же феноменомъ природы какъ свѣжій воздухъ, зеленѣющая травка. Это было предвкушеніе того блаженства не бытія (по выраженію одного изъ любимыхъ его поэтовъ), которое наступило для него въ настоящее время.

Но его куртовская роль далеко не исчерпывалась такимъ растительнымъ наслажденіемъ; у него были сосѣди — куртовскіе крестьяне, которые хотя и огорчали его подчасъ обычными у насъ сосѣдскими отношеніями (рвали фрукты въ его саду, да еще и незрѣлые! Ломали плетень, сдирали крышу съ дома на кормъ скоту и т. п.), но для которыхъ онъ то былъ

незамѣнимымъ сосѣдомъ. Онъ вѣчно хлопоталъ о помощи крестьянамъ, выпрашивалъ для нихъ деньги въ минуту нужды, а для крестьянскихъ сиротъ гдѣ только могъ платье и бѣлье; былъ попечителемъ школы въ Куртовкѣ; пріобрѣтя практикою кое какія юридическія и медицинскія свѣдѣнія, онъ вѣчно являлся ходатаемъ по куртовскимъ крестьянскимъ дѣламъ и цѣлителемъ крестьянъ отъ невозможныхъ болѣзней, рѣшаясь даже на операціи. Не сомнѣваюсь, что куртовскіе крестьяне не скоро забудутъ о своемъ сосѣдѣ и, вспоминая о немъ, будутъ говорить: онъ былъ добрый человѣкъ! Присоединимся же и мы къ такому народному сужденію и пожалѣемъ и о томъ, что однимъ добрымъ человѣкомъ на свѣтѣ стало меньше, и о томъ также, что въ лицѣ Вл. Ал. Яковлева сошелъ въ могилу самый крупный въ настоящее время работникъ по исторіи Одессы, а чтобы наше *Одесское* Общество Исторіи и Древностей скоро дождалось другого подобнаго Вл. Ал. Яковлеву, позволительно усомниться.

Д. чл. Общ. Ал. Марковичъ.

23 Мая 1896 года.
Одесса.

ПАМЯТИ

Дмитрія Александровича Ровинскаго.

11 іюня 1895 года въ маленькомъ городкѣ Вильдунгенѣ, недалеко отъ Франкфурта-на-Майнѣ, скончался дѣйствительный членъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, сенаторъ Дмитрій Александровичъ Ровинскій. Этотъ выдающійся знатокъ гравюры и особенно русской, знатокъ исторіи искусства вообще, этотъ усердный и щедрый собиратель и издатель гравюрныхъ произведеній, достигшій, правда, почтеннаго возраста, но еще полный духовныхъ силъ и жажды знаній, погибъ жертвой своего неустаннаго стремленія къ работѣ: сгорая нетерпѣніемъ воспользоваться лѣтними каникулами и заграничнымъ отпускомъ не только для лѣченія серьезной болѣзни, но и для научныхъ работъ въ Парижѣ по изученію на этотъ разъ офортовъ Ванъ-Остада, онъ не имѣлъ терпѣнія высидѣть дома послѣ серьезной операціи камнесѣченія, поспѣшилъ выйти для приготовленія къ отъѣзду въ Парижъ, гдѣ ждала его эта интересная работа, простудился и слишкомъ рано для всѣхъ цѣнившихъ его и его работы сошелъ въ могилу, оставивъ послѣ себя славное имя на вѣчную память всѣмъ любящимъ искусство.

Родомъ Дмитрій Александровичъ былъ москвичъ, въ Москвѣ провелъ онъ и большую часть своей жизни, однако образованіе свое получилъ онъ въ Петербургѣ въ только-что основанномъ тогда училищѣ правовѣдѣнія, по окончаніи котораго въ 1844 году былъ назначенъ на службу въ Москву. Здѣсь онъ былъ душой товарищескаго правовѣдскаго кружка, а внѣ этого кружка особенно близкія отношенія у него складывались только съ людьми, такъ или иначе интересовавшимися искусствомъ. Среди такихъ лицъ первое мѣсто принадлежало И. Е. Забѣлину, нынѣ знаменитому археологу, тогда молодому маленькому чиновнику Оружейной Палаты, самому усердному работнику по изученію ея сокровищъ. Забѣлинъ въ это время занимался собираніемъ матеріала по исторіи царскаго быта XVII вѣка, а обстановка древней царской жизни вызывала весьма широкую художественную дѣятельность, знаніе и пониманіе которой необходимо было для пониманія самаго быта. Ровинскій часто посѣщалъ Оружейную Па-

лату и въ ней въ первое время особенное вниманіе обращалъ на памятники западнаго искусства, поднесенные царямъ въ даръ отъ иностранныхъ государей. По поводу этихъ то предметовъ между молодыми людьми и шли самыя оживленныя бесѣды, производились кропотливыя справки о западныхъ мастерахъ всякаго рода, особенно о чеканщикахъ и рѣзчикахъ.

Интересъ, возбужденный въ Ровинскомъ произведеніями иностранныхъ мастеровъ, подъ вліяніемъ частыхъ посѣщеній Оружейной Палаты и бесѣдъ со страстнымъ поклонникомъ русскаго искусства П. Е. Забѣлинымъ, распространился мало по малу и на русское искусство. Этому не мало содѣйствовало и знакомство Дмитрія Александровича съ М. П. Погодинымъ и его древнехранилищемъ. Какъ разъ въ 1844 году древнехранилище это обогатилось случайнымъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ, художественнымъ и литературнымъ наслѣдствомъ академика Штелина, много видѣвшаго и слышавшаго на своемъ вѣку и оставившаго послѣ себя въ своихъ коллекціяхъ и запискахъ много любопытнаго и историческаго. Среди этого наслѣдства, разборъ котораго достался Дм. Алекс. Ровинскому, послѣдній нашелъ много лубочныхъ (народныхъ) картинокъ и портретовъ, гравированныхъ въ XVIII вѣкѣ при Академіи, въ первыхъ и рѣдчайшихъ оттискахъ, часто вовсе до тѣхъ поръ нигдѣ неизвѣстныхъ. Здѣсь найдены были и въ высшей степени интересныя и важныя записки Штелина о русскихъ художникахъ и русскомъ художествѣ XVIII вѣка. На разборѣ этой коллекціи Дм. Ал. многому научился и сильно подвинулъ свои художественно-историческія познанія относительно стараго русскаго искусства и особенно гравюры.

Полюбивъ русское искусство, Ровинскій не могъ ограничиться Оружейной Палатой и Погодинскимъ древнехранилищемъ. Вмѣстѣ съ Забѣлинымъ онъ усердно посѣщалъ московскіе соборы, церкви, монастыри, гдѣ было что-либо интересное въ художественномъ, археологическомъ отношеніи, а по праздникамъ, въ той же компаніи, обязательно отправлялся за городскія стѣны въ окрестности Москвы и даже очень отдаленныя, при чемъ эти экскурсіи всегда дѣлались пѣшкомъ, такъ какъ кошельки молодыхъ людей были далеко нетуго набиты. Пѣшкомъ съ пятью рублями на брата была совершена ими въ тѣ годы и двухнедѣльная экскурсія въ Ростовъ Великій, при чемъ за всѣ 14 дней обѣдала компанія только разъ, а бѣлье стирала обыкновенно при купаньѣ въ рѣкѣ и сушила на палкѣ во время ходьбы. Къ экскурсіямъ этимъ Дм. Алекс. обыкновенно приготовлялся по печатнымъ источникамъ. Близкое знакомство съ русской литературой въ области искусства убѣдило молодыхъ людей въ неудовлетворительности ея, а накопившіяся за эти экскурсіи и изъ усерднаго чтенія иностранныхъ произведеній свѣдѣнія образовали уже достаточный матеріалъ, которымъ хотѣлось бы подѣлиться съ другими; возникла мысль основать съ этой цѣлью журналъ, но отъ этой мысли скоро пришлось

отказаться, равно ея осуществленія прежде всего изъ опасенія завалить себя непосильной срочной работой.

Рядомъ съ поклонниками русскаго искусства у Ровинскаго были пріятели и среди лицъ, интересовавшихся преимущественно европейскимъ искусствомъ и особенно гравюрой, къ которой Дм. Ал. былъ рѣшительно неравнодушенъ съ юныхъ лѣтъ, такъ что къ началѣ 50-хъ годовъ М. П. Погодинъ могъ назвать его уже знатокомъ гравюры. Среди такихъ лицъ мы видимъ Евгенія Ивановича Маковскаго, отца знаменитыхъ нынѣ живописцевъ, Семена Николаевича Мосолова и Александра Владиміровича Новосильцева; послѣдніе двое были выдающимися любителями и коллекціонерами гравюрныхъ произведеній.

Среди этихъ то всѣхъ лицъ въ Дм. Ал. Ровинскомъ созрѣвала серьезная любовь къ искусству, накоплялись знанія, въ соревнованіи съ нѣкоторыми изъ нихъ составлялись коллекціи, на которыя Дм. Алекс., всегда крайне расчетливый во всѣхъ расходахъ на себя, не жалѣлъ денегъ даже и въ періодъ неособенной обезпеченности, хотя и тутъ не любилъ переплачивать лишнее и почти никогда не отступалъ отъ правилъ благоразумія и расчета. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи дѣлалось имъ для коллекціи гравюръ Рембрандта: на нее въ его копелькѣ былъ открытъ неограниченный кредитъ; тутъ деньги не считались, лишь бы пріобрѣсти желанное; иногда за листочекъ величиной не болѣе ладони руки платилось по тысячѣ и болѣе рублей и въ этихъ случаяхъ Ровинскій самъ говорилъ, что за подобныя покупки слѣдовало бы сажать въ сумасшедшій домъ. Съ неутомимымъ терпѣніемъ, съ необыкновеннымъ жаромъ розыскивалъ Ровинскій всякій рѣдкій или даже только неимѣвшійся у него листъ; онъ постоянно принималъ участіе въ большихъ аукціонахъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, предпринималъ въ лѣтніе вакаціонные мѣсяцы для поисковъ этого рода заграничныя поѣздки, велъ дѣятельную переписку съ важнѣйшими иностранными торговцами эстампами, и плодомъ такого многолѣтняго усерднаго, умѣлаго собиранія гравюръ Рембрандта явилась въ рукахъ Ровинскаго такая коллекція произведеній этого величайшаго офортиста всѣхъ временъ, которая могла, по полнотѣ своей и по множеству въ ней рѣдкихъ и рѣдчайшихъ по красотѣ оттисковъ и сохранности листовъ, занять одно изъ первыхъ мѣстъ между всѣми извѣстными значительнѣйшими частными собраніями этого рода, а по богатому подбору въ ней оттисковъ одного и того же эстампа съ досокъ разнаго состоянія, рѣшительно превосходила всѣхъ ихъ Эта коллекція можетъ выдержать сравненіе съ богатѣйшими европейскими публичными и государственными коллекціями геніальныхъ произведеній голландскаго мастера. Неудивительно, что при такомъ состояніи коллекціи, при безграничной любви къ произведеніямъ Рембрандта, Ровинскій первый задумалъ и осуществилъ планъ изданія въ

фототипіяхъ безъ всякой ретуши полнаго собранія гравюръ Рембрандта со всѣми разницами въ отпечаткахъ. Осуществилъ онъ этотъ планъ такимъ образомъ. При помощи извѣстнаго московскаго дома Шерера и Набгольца онъ изготовилъ фототипіи со всѣхъ разновидностей Рембрандтовскихъ гравюръ своей коллекціи въ количествѣ болѣе 600 штукъ и съ этимъ пособіемъ осмотрѣлъ въ лѣтніе свои заграничныя поѣздки всѣ богатѣйшія собранія Рембрандтовъ въ Европѣ; со всѣхъ найденныхъ разновидностей, которыхъ у него не было, заказывались имъ фотографическія копіи, по которымъ потомъ изготовлялись въ Москвѣ фототипіи. Такъ составилось изданіе, выпущенное въ свѣтъ Ровинскимъ въ 1890 году подъ названіемъ *«Полное собраніе гравюръ Рембрандта со всѣми разницами въ отпечаткахъ»*. Изданіе это состоитъ изъ текста и 3 томовъ атласа, въ которомъ представлено полное собраніе твореній Рембрандта, какъ гравера; 395 эстамповъ въ точности воспроизведены во всѣхъ разновидностяхъ оттисковъ автоматическими способами на 1000 листахъ. Этотъ колоссальный трудъ, три года спустя, былъ дополненъ еще изданіемъ *«Полнаго собранія гравюръ учениковъ Рембрандта и мастеровъ, работавшихъ въ его манерѣ»* съ двумя томами атласа, состоявшаго изъ 478 фототипій безъ ретуши. Эти два изданія неоспоримо составляютъ эпоху въ изученіи великаго голландскаго мастера.

Однако, говоря о Ровинскомъ, какъ о коллекціонерѣ, я слишкомъ далеко ушелъ впередъ и пропустилъ цѣлый періодъ его жизни, цѣлый рядъ трудовъ, предшествовавшихъ его изданію Рембрандтовскихъ гравюръ. Всѣ труды Дм. Ал. посвящены русскому искусству и большинство гравюръ, исключеніе составляютъ только три первыхъ его труда. Въ 1853 году имъ напечатанъ въ Отечественныхъ Запискахъ весьма основательный разборъ сочиненія И. Е. Забѣлина *«О металлическомъ художественномъ производствѣ въ древней Руси»*, свидѣтельствовавшій о познаніяхъ самого Ровинскаго. Въ 1855 году тамъ же онъ помѣстилъ и свою статью *«Академія Художествъ до время Екатерины II»*, составленную преимущественно по записямъ и бумагамъ Штелина. Наконецъ, въ 1856 году было напечатано его большое изслѣдованіе—*«Исторія русскихъ школъ иконописанія до конца XVII вѣка»*, написанное на тему, предложенную Императорскимъ Археологическимъ Обществомъ еще въ 1853 году, но послѣ обстоятельной передѣлки удостоенное Уваровской преміи отъ Академіи наукъ.

Въ отзывѣ объ этой работѣ, составленномъ по порученію Академіи, Погодинъ въ яркомъ свѣтѣ выставилъ крупныя достоинства книги и требовалъ для нея Уваровской преміи, но въ тоже время за многое онъ и сильно нападалъ на Ровинскаго. Сочиненіе Ровинскаго, по словамъ Погодина, начато имъ задолго до задачи Археологическаго Общества, по собственному влеченію, и сюда онъ положилъ много труда, совершалъ даже

разныя путешествія, чтобы осмотрѣть главные памятники нашего иконописанія собственными глазами. Съ неутомимостью завзятаго охотника Ровинскій дѣлалъ свои поиски по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ оказывалось какое-либо собраніе иконъ или находилась икона, прославившаяся своимъ письмомъ. Москва въ этомъ отношеніи представляла обширное поприще и великія сокровища, но ограничиться одною Москвою онъ не могъ и для этой цѣли побывалъ въ Новгородѣ и во всѣхъ другихъ городахъ, славившихся своими иконами и особенностями иконописанія. Вездѣ его изслѣдованія проводились съ удивительною методичностью: каждую достойную примѣчанія икону онъ тщательно измѣрялъ и записывалъ ея мѣру съ подробною характеристикою письма. Съ нѣкоторыхъ наиболѣе замѣчательныхъ иконъ онъ заказывалъ прориси и платилъ за нихъ по 25 рублей за листъ. Главное достоинство этой работы заключается въ совершенной точности большей части свѣдѣній и основательности выводовъ: извѣстія о строгоновскихъ и московскихъ мастерахъ совершенно новы. Еще новѣе и замѣчательнѣе описаніе технической части иконнаго производства. При составленіи его авторъ пользовался совѣтами опытныхъ иконниковъ, выписками изъ подлинниковъ и рукописей и собственными наблюденіями надъ древними иконами. Къ изслѣдованію своему Ровинскій присовокупилъ обширный атласъ старыхъ и новыхъ прорисей съ иконъ, 43 рисунка и 10 снимковъ съ подписей иконописцевъ.

Къ сожалѣнію въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества за 1856 годъ это изслѣдованіе Ровинскаго было странно опустошено. Опустошеніе это отчасти было произведено по цензурнымъ соображеніямъ, но также и по чьему то произволу, позволявшему себѣ не только немѣрно сокращать, но и по своему передѣлывать текстъ изслѣдованія. Повидимому, стремились скрыть фактичныя данныя, приводимыя авторомъ о заимствованіяхъ нашей иконописью рисунковъ у западныхъ извѣстныхъ мастеровъ и вообще о нѣкоторомъ соотношеніи нашей иконописи съ западной. По соображеніямъ, вѣроятно, экономическимъ не былъ данъ и атласъ рисунковъ, собранныхъ Ровинскимъ. Не смотря на всѣ эти искаженія, этотъ трудъ Дм. Ал. Ровинскаго и до сихъ поръ является лучшимъ сочиненіемъ о нашемъ древнемъ иконописаніи и приходится только сожалѣть, что въ продолженіи 40 лѣтъ, прошедшихъ со времени изданія его, не нашлось возможности его передѣлать, дополнить или, въ крайнемъ случаѣ, хотя-бы вновь переиздать въ полномъ, а не обрѣзанномъ видѣ и съ атласомъ.

Слѣдующая большая самостоятельная работа Дмитрія Александровича, посвященная уже гравюрѣ *«О русскомъ гравированіи на металлѣ и деревѣ съ 1564 года»* была, по примѣру первой, представлена на премію въ Императорское Русское Археологическое Общество въ 1857 году, но была

возвращена автору. Въ 1858 году, нѣсколько переработалъ это изслѣдованіе, Дм. Ал. представилъ его въ Академію Наукъ на Уваровскую премію. но и Академія Наукъ, по отзыву В. В. Стасова, не нашла возможнымъ удостоить автора чего либо, болѣе почетнаго отзыва. Въ своей рецензіи В. В. Стасовъ указывалъ на тотъ существенный недостатокъ работы Ровинскаго, что послѣдній въ ней обнаруживаетъ только знакомство, правда прекрасное, съ тѣмъ матеріаломъ, который былъ въ Москвѣ, но что онъ совершенно не знакомъ со множествомъ наиважнѣйшихъ собраній Петербургскихъ, каковы собранія книгъ и гравюръ Академіи Наукъ, Генеральнаго Штаба, Эрмитажа, Академіи Художествъ, частныя коллекціи: графа Уварова, Яковлева, Шишкина, Каратаева и др., а собранія Императорской Публичной Библіотеки и Румянцевскаго, тогда находившагося еще въ Петербургѣ, музея зналъ только поверхностно. Рядомъ съ этими пропусками Ровинскій совершенно опустилъ наши лубочныя (или народныя) картинки и работы старинныхъ русскихъ граверовъ-серебряниковъ. Сверхъ того сочиненіе его было полно небрежностей, неаккуратностей, неточностей, чѣмъ вообще тогда сильно страдали всѣ работы Ровинскаго.

Этотъ суровый, но справедливый отзывъ В. В. Стасова нисколько не испортилъ товарищескихъ отношеній автора и рецензента. «Справедливость раньше всего,—таковъ былъ у Равинскаго всегда законъ», говоритъ г. Стасовъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Ровинскомъ. «Широта душевная, великодушіе было у него непоколебимо,—онъ первый написалъ мнѣ письмо съ горячею благодарностію, а вскорѣ затѣмъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, первымъ дѣломъ повидался со мною и чуть не со слезами на глазахъ благодарилъ меня за *правду*, за то что я ему раскрылъ глаза и не поощрилъ его». Дружба старыхъ товарищей только еще болѣе окрѣпла, довѣріе другъ къ другу тоже и съ тѣхъ поръ между ними никогда не прекращался обмѣнъ мыслей, знаній и наблюденій.

Еще въ Москвѣ Дм. Ал. принялся за исправленіе своего сочиненія о русской гравюрѣ, но только послѣ того, какъ въ началѣ 60-хъ годовъ, вызванный въ Петербургъ, какъ выдающійся юристъ, для участія въ коммиссіи по составленію новыхъ судебныхъ уставовъ, прожилъ въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ, докончилъ онъ эту передѣлку и въ 1864 году вновь представилъ этотъ новый, до неузнаваемости переработанный трудъ въ Академію Наукъ на Уваровскую премію уже подъ новымъ заглавіемъ: «*Русскіе граверы и ихъ произведенія*». На этотъ разъ, по отзыву того-же В. В. Стасова, Академія присудила Дм. Ал. Ровинскому большую премію, а графъ Уваровъ напечаталъ сочиненіе его на свой счетъ. Впослѣдствіи, въ 1886—89 годахъ Ровинскій еще разъ переиздалъ это сочиненіе уже на свой счетъ, увеличивъ его текстъ вчетверо и украсивъ его 700 фототипическими портретами, небольшими, но настолько точными и изящными,

что они живо выставляютъ на глаза всѣхъ недавно прошедшее наше время, всѣхъ нашихъ государей и государынь съ XVI в., всѣхъ замѣчательныхъ, выходящихъ изъ ряда вонъ простолюдиновъ, сдѣлавшихся историческими лицами, всю старую и новую нашу интеллигенцію, писателей, ученыхъ профессоровъ, художниковъ, музыкантовъ, актеровъ, всѣхъ лучшихъ благодѣтелей нашей родины и всѣхъ ея работниковъ на пути къ свѣту, правдѣ и величію, а также и всѣхъ старыхъ и новыхъ ея обскурантовъ, масоновъ, крѣпостниковъ, юродивыхъ. Тутъ есть и портреты Стеньки Разина и Пугачева, и Ваньки Каина, и множество другихъ совершенно исключительныхъ людей. Текстъ Ровинскаго тоже своего рода энциклопедія. Что только долженъ былъ прочитать Ровинскій на своемъ вѣку, историческихъ сочиненій, мемуаровъ и проч., чтобы написать свои біографіи, часто коротенькія, но полныя энергіи, силы, мѣткости и рѣшительности.

Въ 1870 году Дмитрій Александровичъ, назначенный сенаторомъ, переѣзжаетъ на постоянное жительство въ Петербургъ и съ этихъ поръ начинается особенно кипучая издательская дѣятельность его.

Въ 1872 году онъ печатаетъ «*Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ*», составленный на основаніи всего, что видѣлъ онъ въ большихъ и малыхъ собраніяхъ цѣлой Россіи. Въ 1881 году имъ было выпущено въ свѣтъ удивительное изданіе: «*Русскія народныя (лубочныя) картинки*» — 5 томовъ текста въ 8° и 4 громадныхъ тома рисунковъ in folio. Это изданіе явилось результатомъ почти 20-ти-лѣтнихъ неустанныхъ трудовъ, такъ какъ для него Ровинскій просмотрѣлъ и изучилъ всѣ отдѣльныя небольшія собранія этихъ картинокъ, скупилъ со всей Россіи все, что только можно было добыть (иногда за большія деньги) по этой части, и въ немного лѣтъ сдѣлался собственникомъ такой коллекціи русскихъ лубочныхъ картинокъ, какой не существовало у насъ съ самыхъ тѣхъ временъ, какъ пошли эти картинки; онъ изучалъ для сравненія всѣ лубочныя картинки нѣмецкія, французскія, голландскія, англійскія, совершилъ большія путешествія на востокъ, въ особенности въ Китай и Индію, отыскивая тамъ прототипы нашихъ русскихъ народныхъ картинокъ, и только послѣ этого написалъ свое поразительное изслѣдованіе. Въ 1882 году появился въ свѣтъ огромный томъ in folio его изданія «*Достовѣрные портреты Московскихъ государей*», а отъ 1884—1889 года двѣнадцать огромныхъ томовъ in folio «*Матеріаловъ для русской иконографіи*».

Эти три послѣднія изданія образуютъ, по словамъ В. В. Стасова, истинную художественную русскую энциклопедію въ рисункахъ; тамъ можно найти «*все русское, что можетъ интересовать русскаго*», по собственнымъ, по всей справедливости, горделивымъ словамъ самого Ровинскаго. Виды мѣстностей, городовъ, архитектура, костюмы, сцены жизни, священныя изображенія, картинки сатирическія и юмористическія, картинки, выпуска-

емыя правительствомъ для цѣлей политическихъ или общественныхъ и къ pendant къ нимъ, картинки, созданныя самимъ народомъ въ минуты тягости и скорби или негодованія и злости («Мышки кота погребаютъ», «Бабаиха», «Быкъ захотѣлъ сдѣлаться мясникомъ») или же счастія, радости, ликованія и удивленія; все это, соединенное вмѣстѣ, рисуетъ такую картину древней и новой Россіи, которая не имѣетъ себѣ у насъ подобнаго.

Смерть застала Дмитрія Александровича за изданіемъ переработки его перваго труда о русскихъ граверахъ, вышедшей уже послѣ его смерти подъ заглавіемъ: «Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI — XIX в.» съ 720 фототипіями и 210 цинкографіями. Спб. 1895 г.

Страстный коллекціонеръ Дмитрій Александровичъ съ необычной ясностью мысли понималъ значеніе вещи въ ея отношеніи къ остальной коллекціи и великодушно готовъ былъ поступиться своимъ дорогимъ пріобрѣтеніемъ, если его только и недоставало общественной, въ обиемъ отличающейся полнотою коллекціи. Лучшимъ доказательствомъ являются тѣ пожертвованія, которыя были сдѣланы имъ, еще при жизни, Императорской Публичной Библіотекѣ. Не смотря на то, что онъ самъ собиралъ портреты Петра Великаго, онъ поступился тремя наиболѣе рѣдкими портретами этой коллекціи Императорской Публичной Библіотекѣ для пополненія единственной въ свѣтѣ по полнотѣ коллекціи портретовъ этого государя этой библіотеки. Въ теченіи болѣе 20 лѣтъ Ровинскій со вниманіемъ и интересомъ слѣдилъ за пополненіемъ этой коллекціи, какъ вообще радовался всякимъ новымъ пріобрѣтеніямъ этой библіотеки и усердно хлопоталъ о пріобрѣтеніи для нея всего, что могло пополнить отдѣленіе иностранныхъ писателей о Россіи. Благодаря только его стараніямъ, Императорская Публичная Библіотека получила отъ Висбаденскаго музея единственную въ своемъ родѣ гравюру (шіспа), изображающую посольство князя Сугорскаго отъ царя Іоанна Васильевича Грознаго къ Германскому императору Максимиліану II на Регенсбургскій сеймъ въ 1576 году. Эти пожертвованія Ровинскаго въ Публичную Библіотеку были не единственными, но я не буду говорить о другихъ, менѣе цѣнныхъ, полученныхъ еще при жизни его.

Заботясь о сохраненіи своихъ коллекцій послѣ смерти своей въ полнотѣ и неприкосновенности, Дм. Алекс. Ровинскій въ завѣщаніи распредѣлилъ ихъ между общественными учрежденіями. Собраніе оригинальныхъ гравюръ Рембрандта, «которое онъ пополнялъ въ теченіи всей своей жизни и которое, безъ всякаго преувеличенія, можетъ быть поставлено въ ряду съ самыми полными собраніями офортовъ этого великаго мастера», онъ просилъ Государя Императора принять для Императорскаго Эрмитажа; городу Москвѣ, для храненія въ Румянцевскомъ музеѣ, завѣщалъ онъ свое русское собраніе портретовъ, гравюръ и народныхъ картинокъ; Императорской Публичной Библіотекѣ оставилъ онъ собраніе до

50.000 иностранныхъ портретовъ и полный (личный) экземпляръ всѣхъ своихъ изданій; Императорской Академіи Художествъ—собраніе мѣдныхъ гравированныхъ досокъ и иностранныхъ гравюръ; училищу правовѣдѣнія—всю свою научную библіотеку. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ учредилъ премію съ капитала въ 40.000 р для выдачи, попеременно, за лучшія сочиненія по художественной археологіи и за лучшую картину; послѣдняя должна быть, въ пользу автора, воспроизведена рѣзцомъ на $^1/_3$ часть выдаваемой преміи. Наконецъ свой хуторъ на Сѣтуни онъ завѣщалъ Московскому Университету съ тѣмъ, чтобы изъ доходовъ съ него ежегодно выдавалась премія за лучшее иллюстрированное научное сочиненіе для народнаго чтенія.

Д. чл. А. А. Наволовскій.

Александръ Ризо Рангави.

(† $^{10}/_{23}$ янв. 1892 г.).

Въ недавнее время появились въ свѣтъ интересные мемуары одного весьма замѣчательнаго, но доселѣ недостаточно оцѣненнаго дѣятеля новой Греціи,—умершаго около четырехъ лѣтъ тому назадъ греческаго дипломата и писателя Александра Ризо Рангави, бывшаго дѣйствительнымъ членомъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Пользуемся опубликованіемъ этихъ мемуаровъ какъ поводомъ сказать нѣсколько словъ о ихъ авторѣ, память котораго до сихъ поръ не была еще въ Россіи почтена некрологомъ. Александръ Рангави былъ не только живымъ свидѣтелемъ, но и близкимъ участникомъ всего того, что пережила Греція за время своего независимаго существованія,—съ самаго момента освобожденія ея отъ чужеземнаго владычества вплоть до нашихъ дней. И подобно многимъ грекамъ своего поколѣнія онъ видѣлъ единственную цѣль и задачу жизни въ беззавѣтномъ и безкорыстномъ служеніи своей многострадальной родинѣ, только въ ея интересахъ находя существенные мотивы для индивидуальной дѣятельности. Правда, онъ не нашумѣлъ на весь міръ своими подвигами: въ этомъ скромномъ труженикѣ не было ничего импонирующаго, внушительнаго, героическаго. Когда онъ выступилъ впервые на общественномъ поприщѣ, періодъ борьбы за освобожденіе уже закончился и наступило время внутреннихъ неурядицъ и волненій въ молодомъ государствѣ, — время, когда въ морѣ мелкихъ козней, взаимныхъ подкоповъ, личныхъ счетовъ и эгоистическихъ стремленій тонули высшіе интересы, когда недовѣріе, зависть, измѣна, соперничество разъединяли союзниковъ и превращали недавнихъ друзей въ заклятыхъ враговъ, —словомъ, когда возрожденной Греціи болѣе всего нужны были *герои мира*, мужи совѣта и разума. Неподкупно честный, энергичный, безраздѣльно преданный дѣлу греческой націи, соединявшій съ обширнымъ, европейски-образованнымъ умомъ изумительное трудолюбіе, одаренный отъ природы необычайно разносторонними талантами, Александръ Рангави былъ однимъ изъ этихъ героевъ мира,—однимъ изъ тѣхъ людей, усиліями которыхъ разоренная и одичавшая страна, покрытая грудами дымившихся развалинъ, кишѣвшая разбойниками, лишенная самыхъ элементарныхъ условій политическаго общежитія, была превращена въ благо-

устроенное европейское государство. Дѣйствуя на всевозможныхъ поприщахъ,—то какъ дипломатъ и государственный мужъ, то какъ педагогъ, то какъ ученый, то какъ поэтъ и романистъ,—Рангави оставилъ по себѣ примѣтный слѣдъ въ исторіи своего отечества и признательную память въ потомствѣ. А высокія достоинства его литературныхъ произведеній, переведенныхъ на многіе языки, но, къ сожалѣнію, совершенно неизвѣстныхъ у насъ, по моему мнѣнію даютъ ему съ другой стороны право и на почетное мѣсто среди лучшихъ современныхъ писателей Европы.

Александръ Рангави принадлежалъ къ старинной греческой фамиліи, считавшейся родствомъ съ знатнѣйшими фанаріотскими семействами и возводившей линію своихъ предковъ къ одному изъ византійскихъ императоровъ. Онъ родился 26 декабря 1809 года въ Константинополѣ, гдѣ частью въ самомъ городѣ, частью по Босфору, на живописныхъ берегахъ Ѳерапіи, протекло и его раннее дѣтство. Невеселы и тягостны были впечатлѣнія этого дѣтства. Семейная хроника Рангави была полна ужасныхъ воспоминаній. Дѣдъ ребенка поплатился жизнью за свои симпатіи къ Франціи, и злополучная семья его только тогда узнала о своей утратѣ, когда палачъ доставилъ ей въ мѣшкѣ тѣло несчастнаго, изрубленное въ мелкіе куски. Родной дядя Александра былъ схваченъ и замученъ по подозрѣнію въ томъ, что имъ были скрыты значительныя богатства. На каждомъ шагу безсмысленная и безпощадная тиранія невѣжественныхъ деспотовъ сказывалась въ тысячѣ мелочей далеко не всегда безобиднаго свойства. Ребенокъ напр. неоднократно бывалъ свидѣтелемъ того, какъ его доброму и благородному отцу приходилось трепетать и унижаться предъ какимъ нибудь чваннымъ и наглымъ бостанджибашемъ. Однажды только что отстроенный и отдѣланный домъ семейства Рангави сдѣлался жертвою ужаснаго пожара, поглотившаго множество греческихъ домовъ и нѣсколько человѣческихъ жизней, и это бѣдствіе, описанное въ мемуарахъ, о которыхъ мы говоримъ, съ потрясающими подробностями, отнюдь не было исключительнымъ явленіемъ: кварталы, заселенные христіанами, сплошь и рядомъ выгорали до тла, такъ какъ вѣчная боязнь измѣны заставляла турокъ строго возбранить райямъ постройку каменныхъ домовъ, дабы таковые не обратились при случаѣ въ укрѣпленія. Ребенокъ выросталъ въ нездоровой атмосферѣ смѣшанныхъ проявленій затаенной ненависти и презрѣнія къ притѣснителямъ и униженныхъ заискиваній и раболѣпныхъ ползаній предъ этими притѣснителями.

Воспитаніе Александра Рангави началось рано и происходило подъ ближайшимъ и непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ его отца, прекраснаго семьянина и горячаго патріота, старавшагося внушить и дѣтямъ чувство патріотизма и постепенно ознакомить ихъ съ исторіею ихъ родины, съ ея преданіями, съ ея славою и ея униженіемъ, съ ея скор-

биями и ея упованіями. Преклоняясь предъ высокими образцами древне-эллинской доблести, Рангави-отецъ старался подавать дѣтямъ живой примѣръ самообладанія, воздержности и твердости. Будучи самъ одаренъ недюжиннымъ поэтическимъ талантомъ, онъ развивалъ въ нихъ любовь къ поэзіи и рано началъ учить ихъ древне-греческому языку. Маленькій Александръ и его сестра Эвфросина, сверстница и подруга его игръ, заучивали наизусть стихотворенія отца и разыгрывали цѣлыя піесы его сочиненія съ сюжетами, заимствованными изъ библейской исторіи. Эти драматическія упражненія увлекали не только маленькихъ актеровъ, но и взрослаго автора, страстно любившаго театръ, хотя и имѣвшаго о немъ смутное представленіе, такъ какъ въ Константинополѣ, гдѣ онъ проживалъ, настоящаго театра никогда не было. Отъ отца страсть къ театру унаслѣдовалъ и Александръ, впослѣдствіи много для него писавшій и вмѣстѣ съ братьями Сутцо и Валаоритомъ положившій основаніе для новогреческой драмы.

Для фанаріота описываемой эпохи вѣнцомъ всѣхъ вожделѣній были Придунайскія государства, и когда сверхъ всякихъ ожиданій Александръ Сутцо, родной дядя нашего героя, былъ вдругъ назначенъ господаремъ Валахіи, то ликовалъ не онъ одинъ,—ликовали всѣ его родственники и друзья. Назначеніе это, состоявшееся благодаря ходатайству сильнаго въ то время при русскомъ дворѣ графа І. Каподистріи, открывало для многихъ желанную перспективу болѣе независимаго и обезпеченнаго положенія, не говоря уже о преимуществахъ жизни въ странѣ, болѣе близкой къ культурнымъ центрамъ Европы. Въ особенности заманчива была такая перспектива для семьи Рангави, и немудрено, что новый господарь поспѣшилъ оправдать ожиданія этой семьи, съ которою былъ связанъ узами сильной родственной привязанности. Яковъ Рангави, отецъ Александра, получилъ въ свое завѣдываніе важную отрасль внутренняго управленія Валахіи и переселился въ Бухарестъ, резиденцію господаря.

Съ переселеніемъ изъ Константинополя въ Бухарестъ начинаются годы скитаній всѣхъ Рангави. То было время, когда въ воздухѣ давно уже носилась гроза революціонныхъ идей и среди грековъ происходило сильное броженіе. Такимъ пылкимъ патріотамъ, каковъ былъ Яковъ Рангави, казалось, что желанная пора освобожденія отъ турецкаго ига близка, — что она уже наступила. Греки глубоко вѣрили въ силу своей любви къ свободѣ, въ силу ненависти къ порабощителямъ и надѣялись, что въ случаѣ открытаго возстанія всѣхъ христіанъ оттоманской имперіи въ защиту поруганной вѣры и попранныхъ правъ могущественныя державы Европы будутъ на ихъ сторонѣ. Особенно сильно уповали они на помощь Россіи, которая въ началѣ XVIII стол. открыто взяла на себя роль защитницы православныхъ христіанъ въ Турціи.

Неудачная попытка знаменитаго клефта Ригы, организовавшаго первое

революціонное общество среди грековъ, не убила надеждъ греческихъ патріотовъ. Былъ составленъ новый тайный союзъ, разсчитанный на поддержку французскаго правительства, которое, владѣя тогда островомъ Корфу, дѣйствительно обѣщало греческимъ инсургентамъ помощь и собрало 25000 ружей. Новый планъ былъ обставленъ надежно и, еслибы французы успѣли осуществить свое намѣреніе и произвести высадку въ Албанію,—кто знаетъ? быть можетъ, освобожденіе Греціи совершилось бы нѣсколькими годами раньше. Но вступленіе союзниковъ въ Парижъ въ 1814 г. разрушило предпріятіе греческихъ патріотовъ.

Однако уже въ томъ же 1814 г. нѣкій Николай Скуфа, прикащикъ одесской купеческой конторы, въ союзѣ съ лучшими представителями одесскихъ и константинопольскихъ грековъ положилъ начало новому, по счету третьему греческому клубу,—знаменитому «обществу друзей», φιλικὴ ἑταιρία, болѣе извѣстному подъ общимъ названіемъ *этеріи*. Въ короткое время общество это, стремившееся сплотить во имя свободы всѣхъ христіанъ турецкой имперіи, безъ различія народностей, и произвести поголовное возстаніе христіанскихъ райевъ, успѣло опутать своими сѣтями не только все пространство порабощенной Греціи до самыхъ сокровенныхъ уголковъ ея, но распространить свое вліяніе и на государства западной Европы, гдѣ оно находило поддержку и сочувствіе среди всѣхъ греческихъ эмигрантовъ и многочисленныхъ филелляновъ. Успѣхамъ этеріи много содѣйствовало невысказанное предположеніе, что во главѣ ея стоитъ нѣкій могущественный покровитель,—быть можетъ, самъ русскій императоръ Александръ I. Яковъ Рангави вступилъ въ сношенія съ этеристами еще въ бытность свою въ Константинополѣ. Еще до переѣзда въ Бухарестъ отъ времени до времени получалъ онъ какія то таинственныя письма, которыя приводили его въ сильное волненіе и которыя онъ никогда не забывалъ сжигать тотчасъ же по прочтеніи,—обстоятельство, не укрывшееся отъ наблюдательности его маленькаго Алеко. Въ Бухарестѣ же его иногда посѣщали неизвѣстные люди, одѣтые въ національныя фустанеллы, съ которыми онъ долго совѣщался, запершись въ кабинетѣ, а на любопытные разспросы дѣтей отвѣчалъ, что эти люди—герои Эллады, ея надежда, новые Мильтіады и Ѳемистоклы. Въ то время онъ уже находился въ прямыхъ сношеніяхъ и съ Ипсиланти,—будущимъ вождемъ греческаго движенія, а тогда еще генераломъ русской службы.

Самъ господарь несомнѣнно также сочувствовалъ замысламъ этеристовъ, хотя прямого участія въ союзѣ друзей Греціи, повидимому, не принималъ. Это былъ человѣкъ очень сдержанный, осторожный, чуждый всякой экспансивности, дальновидный и умѣвшій не терять головы ни при какихъ обстоятельствахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не менѣе горячій патріотъ, чѣмъ его «постельникъ». Яковъ Рангави не будучи лишенъ литературнаго вкуса и даже по-

этическаго дара, Александръ Сутцо умѣлъ привлечь въ Валахію многихъ представителей греческой науки и литературы, между которыми находились между прочимъ памятные и Одессѣ Геннадій и Вардалахъ. При помощи этихъ послѣднихъ создана была въ Бухарестѣ греческая гимназія, скоро пріобрѣвшая громкую извѣстность, а по иниціативѣ Якова Рангави устроенъ былъ и греческій театръ. Оба учрежденія эти были призваны служить идеѣ греческаго возрожденія и развивать и укрѣплять въ сознаніи грековъ чувство національнаго единства.

Несмотря на свой нѣжный возрастъ, не соотвѣтствовавшій учебной программѣ бухарестской гимназіи, Александръ Рангави сталъ посѣщать уроки Геннадія и подъ его руководствомъ читать древнихъ авторовъ. Какъ происходило это чтеніе,—о томъ даетъ понятіе слѣдующій небезъинтересный эпизодъ. Однажды Геннадій объяснялъ мѣсто изъ плутархова жизнеописанія Перикла. Блестящая картина славнаго прошлаго Греціи невольно напрашивалась на сравненіе съ ужасною дѣйствительностью, и учитель не пожалѣлъ красокъ для того, чтобы сдѣлать этотъ контрастъ еще ярче. Двери класса были притворены, рѣчь закончилась горячею молитвою о возрожденіи обездоленной страны, и изъ глазъ оратора полились слезы, вызвавшія среди юныхъ слушателей взрывъ неудержимаго энтузіазма.

Поколѣнія, воспитываемыя такимъ образомъ, были хорошо подготовлены къ борьбѣ съ поработителями, и вотъ наступила минута, когда всѣ силы угнетеннаго народа были призваны къ этой борьбѣ. Въ своихъ мемуарахъ А. Рангави живо описываетъ то смятеніе, которое было вызвано извѣстіемъ о возстаніи въ Морѣ и о томъ, что Ипсиланти сталъ во главѣ движенія и съ войскомъ двинулся черезъ Молдавію. Многіе съ нетерпѣніемъ ожидали его прибытія въ Бухарестъ и серьезно полагали, что достаточно одного рѣшительнаго сраженія, и надъ Элладой вновь засіяетъ яркій день свободы. Яковъ Рангави поспѣшилъ отправить свою семью въ Трансильванію, куда долеталъ лишь слабый отголосокъ военнаго шума, и поселилъ ее въ Кронштадтѣ. Здѣсь ей пришлось переносить страшныя лишенія, такъ какъ все имущество ея осталось въ Бухарестѣ. Но что значили эти лишенія въ тотъ патетическій моментъ общаго патріотическаго одушевленія? Всѣ съ сердечнымъ трепетомъ со дня на день ожидали извѣстія о торжественномъ вступленіи Ипсиланти въ Константинополь. Время однако проходило, а желанной вѣсти не было. Напротивъ, изъ Румыніи доходили безотрадные слухи. Ипсиланти оказался совершенно неспособнымъ руководить поднявшимся движеніемъ. Лишенный какого бы то ни было организаторскаго таланта, онъ не умѣлъ воспользоваться даже тѣми средствами, которыя были въ его рукахъ, и своимъ безтактнымъ и высоко-

мѣрнымъ поведеніемъ отталкивалъ отъ себя какъ румынъ, такъ и грековъ. Яковъ Рангави, пытавшійся вначалѣ съ нимъ сблизиться, понялъ всю безплодность этихъ попытокъ и, совершенно отчаявшись въ успѣхѣ предпріятія, возвратился къ семьѣ. Вскорѣ затѣмъ Ипсиланти былъ разбитъ на голову близъ монастыря Драгошъ, неподалеку отъ Крайовы, бѣжалъ въ Австрію и былъ засаженъ австрійцами въ мункачскую крѣпость. Турки заняли Бухарестъ и всю Валахію.

Между тѣмъ, несмотря на столь неудачное начало, несмотря на противодѣйствіе всѣхъ европейскихъ державъ, подъ вліяніемъ Меттерниха связывавшихъ греческое дѣло съ дѣломъ итальянскихъ карбонаріевъ,— греки, предоставленные собственнымъ силамъ, продолжали вести отчаянную борьбу со своимъ исконнымъ врагомъ. Яковъ Рангави лелѣялъ въ душѣ страстное желаніе принять въ этой борьбѣ непосредственное активное участіе и съ этою цѣлью задумалъ устроить свою семью въ Одессѣ. Русское правительство въ то время радушно принимало греческихъ бѣглецовъ, многимъ изъ нихъ оказывало щедрую поддержку и для греческихъ дѣтей широко открывало двери своихъ учебныхъ заведеній, воспитывая ихъ на казенный счетъ. Что же касается Одессы, то по своей близости и удобству сообщенія съ главною ареною военныхъ дѣйствій она съ началомъ греческаго возстанія переполнилась греческими эмигрантами до того, что скорѣе походила на греческій, нежели на русскій городъ. Въ виду наплыва учениковъ-грековъ при Ришельевскомъ лицеѣ былъ открытъ даже особый классъ, въ которомъ этихъ учениковъ подготовляли къ поступленію въ высшіе классы лицея, упражняя ихъ преимущественно въ русскомъ языкѣ. Кромѣ того въ Одессѣ уже въ то время существовало особое греческое купеческое училище, Ἑλληνεμπορικόν, которое было основано и содержалось на средства купеческаго сословія. Здѣсь дѣйствовали знакомые уже намъ Геннадій и Вардалахъ, а Георгій Клеовулъ, извѣстный въ то время педагогъ, впервые примѣнившій на греческой почвѣ ланкастерскій методъ обученія, состоялъ директоромъ этого училища. Руководимое такими преданными дѣлу патріотами воспитаніе греческаго юношества, разумѣется, было поставлено въ этомъ училищѣ на подобающую высоту. Центромъ преподаванія служилъ языкъ,—и ученики не только читали древнихъ авторовъ, но упражнялись и въ стихосложеніи, и въ ораторскомъ искусствѣ. Яковъ Рангави почему то предпочелъ отдать сперва своего сына въ лицей, но уже черезъ три мѣсяца взялъ его оттуда и помѣстилъ въ греческое училище. «Сынъ мой, говаривалъ онъ, долженъ быть воспитанъ въ греческомъ духѣ и для Греціи, которая болѣе нуждается въ работникахъ, нежели могущественная Россія».

Пребываніе семейства Рангави въ Одессѣ затянулось на цѣлые годы. Недостатокъ средствъ не позволялъ главѣ семейства осуществить свое перво-

начальное намѣреніе и отправиться къ единоплеменникамъ, продолжавшимъ вести самоотверженную борьбу. Томясь въ бездѣйствіи, онъ принужденъ былъ проживать въ городѣ, въ которомъ находилъ по крайней мѣрѣ нравственную и матеріальную поддержку и со стороны представителей высшей администраціи, и со стороны членовъ греческой колоніи. Въ составѣ послѣдней было не мало его родственниковъ, и это облегчало для злополучной семьи тяжесть разлуки съ привычною обстановкою, это скрашивало жизнь ея на чужбинѣ. Останавливаться на многихъ подробностяхъ этой жизни, небезъинтересныхъ для историка нашего города, я здѣсь, конечно, не могу. Читатель найдетъ ихъ въ мемуарахъ Александра Рангави. Отмѣчу лишь нѣсколько такихъ моментовъ, которые имѣли прямое отношеніе къ дальнѣйшей его судьбѣ и дѣятельности.

Въ Одессѣ Александръ Рангави началъ систематически заниматься новыми языками, особенно французскимъ, и съ увлеченіемъ принялся за чтеніе Расина, съ которымъ былъ нѣсколько знакомъ по образцовымъ переводамъ своего отца, и Вольтера. Эти занятія привели даровитаго мальчика и къ самостоятельнымъ литературнымъ попыткамъ. Дѣло, какъ всегда бываетъ, началось съ подражаній и переводовъ, но уже и эти первые шаги на поприщѣ литературной дѣятельности, эти подражанія и переводы свидѣтельствовали о громадномъ и разносторонненъ талантѣ молодаго автора. Піеса Вольтера «Магометъ» въ стихотворномъ переводѣ Александра была разыграна любителями въ 1823 году, когда переводчику было не больше 13 лѣтъ. За нею послѣдовалъ переводъ одного вольтеровскаго стихотворенія, предпринятый имъ въ виду замѣчательной для 13-лѣтняго мальчика цѣли выяснить для себя и для другихъ сущность религіозныхъ воззрѣній Вольтера. Этотъ переводъ, нѣсколько, правда, сглаженный впослѣдствіи, свидѣтельствуетъ уже о той легкости, съ которою давалась Рангави стихотворная форма.

Увлеченіе театромъ, поддерживаемое отцомъ и подогрѣтое первымъ знакомствомъ съ драмами Шекспира во французской передѣлкѣ *Ducis*, заставляло начинающаго поэта отдавать предпочтеніе драматической поэзіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рано сталъ принимать участіе и въ любительскихъ спектаклихъ и такимъ образомъ ближе ознакомился съ технической стороною сцены и ея внѣшними условіями.

Между тѣмъ время шло, и назрѣвалъ серьезный вопросъ о дальнѣйшемъ образованіи Александра. Вопросъ этотъ при стѣсненномъ матеріальномъ положеніи семьи, не допускавшемъ осуществленія какихъ либо болѣе широкихъ плановъ, представлялъ серьезныя затрудненія. Но затрудненія эти были устранены счастливымъ случаемъ. Знаменитый поборникъ греческой идеи, нѣмецкій филологъ Тиршъ, случайно познакомился

съ одною родственницею молодаго Рангави, узналъ отъ нея о выдающихся способностяхъ юноши и охотно принялъ на себя заботы о его воспитаніи. Вниманіе Тирша къ мальчику встрѣтило сочувствіе и со стороны баварскаго короля Людовика, въ свою очередь обѣщавшаго ему и его двоюродному брату, сыну валашскаго господаря Скарлату Сутцо, свое высокое покровительство. Молодые люди были зачислены въ мюнхенскій кадетскій корпусъ и послѣ непродолжительной подготовки, осенью 1825 года, облеклись въ мундиръ этого заведенія.

Въ литературныхъ занятіяхъ А. Рангави произошелъ перерывъ. Самъ онъ въ глубокомъ сознаніи своего невѣжества смотрѣлъ на нихъ, какъ на безполезную трату времени, и съ увлеченіемъ, которое принадлежало къ отличительнымъ чертамъ его натуры, принялся работать надъ своимъ образованіемъ. Его воспоминанія объ этомъ знаменательномъ періодѣ его жизни полны глубокаго, захватывающаго интереса и способны возбудить удивленіе самаго предубѣжденнаго читателя. Имѣя въ виду высокую цѣль служенія своей многострадальной родинѣ, Александръ Рангави вмѣстѣ со своимъ двоюроднымъ братомъ работалъ безъ устали, работалъ въ часы рекреацій и въ теченіе каникулярнаго времени, въ учебномъ заведеніи и въ домѣ Тирша, куда по временамъ отлучался, и успѣлъ къ неописанному изумленію своихъ учителей въ продолженіи одного года основательно пройти курсъ трехъ классовъ, такъ что уже въ 1827 году онъ и товарищъ его, старавшійся отъ него не отставать, съ блестящимъ успѣхомъ окончили курсъ. Ничто не мѣшало теперь молодымъ людямъ приложить къ дѣлу пріобрѣтенныя познанія, вступивъ въ ряды греческаго войска. Это было какъ разъ въ то время, когда среди вліятельнѣйшихъ вождей эллинскаго возстанія возникла мысль созвать въ Тризинѣ народное собраніе и вѣрить верховную исполнительную власть въ странѣ одному лицу съ званіемъ ея президента. Продолжительная борьба грековъ за независимость успѣла принести уже свои плоды: доблестный Георгій Караискаки очистилъ отъ турокъ почти всю сѣверную Грецію, другой даровитый полководецъ Колокотрони завоевалъ Пелопоннисъ, въ Архипелагѣ хозяйничалъ греческій національный флотъ, и только Аттика находилась еще во власти турокъ, утвердившихся въ Акрополѣ. Все такимъ образомъ сулило въ недалекомъ будущемъ геройскому народу окончательное торжество.

Какое же самообладаніе нужно было имѣть молодымъ патріотамъ, чтобы въ эту рѣшительную минуту не поддаться искушенію примкнуть къ борцамъ за свободу! Александръ Рангави и Скарлато Сутцо чувствовали однако себя далеко еще неготовыми для этого великаго дѣла и, чтобы ближе ознакомиться съ военною службою, рѣшились зачислиться въ баварскій

артиллерійскій полкъ. Въ то же время имъ дано было королемъ разрѣшеніе посѣщать университетскіе курсы для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ. При этомъ каждому изъ нихъ было положено жалованіе по 62 драхмы, т. е. около 15 руб. на наши деньги, въ мѣсяцъ. Это ничтожное жалованіе, не избавлявшее ихъ отъ многихъ лишеній, дало молодымъ людямъ возможность отказаться отъ всякихъ субсидій со стороны родственниковъ, а самыя лишенія способствовали отрадному сознанію, что въ то время, какъ многимъ изъ ихъ единоплеменниковъ негдѣ было преклонить голову, судьба не отказала и имъ самимъ въ счастьѣ приносить жертвы на пользу отечества. На свои занятія въ Мюнхенѣ они оба смотрѣли, какъ на исполненіе гражданскаго долга, и, горя нетерпѣніемъ посвятить свои силы общему греческому дѣлу, старались развить и укрѣпить эти силы.

Пребываніе въ мюнхенской университетской средѣ не осталось безъ вліянія на развитіе литературнаго вкуса въ нашемъ героѣ. Посѣщая отъ времени до времени театръ, онъ ближе ознакомился съ корифеями англійской и нѣмецкой драмы. Увлеченіе представителями французскаго ложноклассическаго направленія мало по малу уступило мѣсто преклоненію предъ нѣмецкими романтиками. Основная тенденція романтизма,—этотъ призывъ къ единенію жизни и поэзіи въ смыслѣ идеализаціи дѣйствительности, это обращеніе къ патріотическимъ чувствамъ, этотъ поворотъ въ сторону средневѣковаго религіознаго міросозерцанія, это стремленіе къ изученію родной старины и народности,—все это вполнѣ отвѣчало симпатіямъ молодаго греческаго патріота. Подъ вліяніемъ своихъ новыхъ образцовъ А. Рангави задумалъ написать драму съ сюжетомъ, заимствованнымъ изъ исторіи и жизни своего народа, и остановился на трагической судьбѣ Фросины,—прекрасной эпиротки, ставшей жертвою безчеловѣчной жестокости Али-паши Янинскаго.

Отъ этого юношескаго произведенія его вѣетъ свѣжестью и непосредственностью молодого таланта. Нѣкоторыя сцены,—хотя бы напр. сцена въ тюрьмѣ между Фросиною и только что подписавшею ея смертный приговоръ Эминѣ, — задуманы и выполнены съ большимъ искусствомъ, съ большою теплотою и граціей. Къ этому присоединяются и достоинства формальныя: звучный, колоритный языкъ, богатый и разнообразный ритмъ, легкій и изящный стихъ.

Въ 1829 году, когда судьбы греческаго народа находились въ рукахъ графа Іоанна Каподистріи, избраннаго президентомъ Греціи на семь лѣтъ, Александръ Рангави разстался наконецъ съ Мюнхеномъ и вмѣстѣ съ отцомъ черезъ Венецію и іоническія острова отправился въ Пелопоннисъ. Вотъ какъ описываетъ онъ свое прибытіе къ берегамъ отчизны: «когда

мы сошли на берегъ, уже темнѣло; преклонивъ колѣна и осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, мы поцѣловали землю. Это не удивило нашего капитана,—онъ былъ островитянинъ и считалъ такое проявленіе энтузіазма вполнѣ умѣстнымъ и естественнымъ. Ночью я долго не могъ уснуть, сердце билось, разгоряченная фантазія то рисовала образы прошлаго, унося меня либо къ далекимъ временамъ древности, либо въ Германію, къ друзьямъ, съ которыми я только что разстался, то манила меня впередъ, къ неясному будущему, къ свободной Элладѣ моихъ юношескихъ сновъ, стремленій и надеждъ, къ битвамъ, лаврамъ, трофеямъ».

Рангави желалъ присоединиться къ отряду Димитрія Ипсиланти, который продолжалъ бороться съ турками на континентѣ. Съ этою цѣлью онъ предварительно отправился въ Навплію, въ тогдашнюю резиденцію графа Каподистріи, чтобы, заручившись его разрѣшеніемъ, спѣшить къ мѣсту дѣйствія отряда въ Віотію. Но президентъ удержалъ его при себѣ и опредѣлилъ въ навплійскій кадетскій корпусъ преподавателемъ черченія, назначивъ вмѣстѣ съ тѣмъ состоять при арсеналѣ подъ начальствомъ капитана Пуршетта. Вскорѣ затѣмъ въ Навплію возвратился и самъ Ипсиланти, распустивъ свое войско. Будучи недоволенъ своимъ бездѣйственнымъ положеніемъ и тѣми отношеніями, въ которыя греческій президентъ сталъ къ нему съ самаго начала, Рангави рѣшился выйти въ отставку, какъ только представится къ тому удобный случай, и дѣйствительно уже черезъ три мѣсяца послѣ вступленія на службу возвратился къ частной жизни. Тогда то задумано и начато было имъ новое замѣчательное драматическое произведеніе—«*Канунъ*» (παραμονή). Піеса живописуетъ то настроеніе, въ которомъ находился греческій народъ наканунѣ освобожденія. Центральною фигурою ея является молодой грекъ Флоръ, одинъ изъ членовъ революціоннаго общества, основаннаго клефтомъ Ригою въ концѣ прошлаго столѣтія. Вся пьеса проникнута возвышеннымъ паѳосомъ, и нѣкоторыя сцены производятъ потрясающее впечатлѣніе. Мѣстами замѣтно вліяніе шиллеровскаго Вильгельма Телля, мѣстами есть длинноты, замѣченныя самимъ авторомъ и исключенныя имъ въ изданіи для сцены, но искренность и сила патріотическаго одушевленія искупаютъ эти недостатки, а мастерская композиціи и высоко-художественная форма побуждаютъ насъ отнести «Канунъ» Рангави къ числу лучшихъ піесъ европейскаго репертуара въ этомъ родѣ.

Въ Навпліи проживали въ описываемую пору братья Александръ и Панагіотъ Сутцо, находившіеся подобно нашему поэту не у дѣлъ и, подобно ему, всецѣло отдавшіеся литературной дѣятельности. Въ общеніи съ этими даровитыми молодыми людьми А. Рангави почерпалъ новые стимулы для своего творчества, а ихъ доброжелательная критика немало со-

дѣйствовала развитію и углубленію его таланта. Такъ напр. подъ ихъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ была написана нашимъ поэтомъ на народномъ греческомъ языкѣ большая поэма подъ названіемъ «Димъ и Елена». Не мѣшаетъ замѣтить, что однимъ изъ самыхъ важныхъ вліяній, подъ которыми находилось греческое юношество въ мрачную эпоху турецкаго владычества, было вліяніе древнихъ традицій о славномъ прошломъ Эллады, а тѣмъ животворящимъ духомъ, которымъ были одушевлены подвижники великой идеи національнаго возрожденія, былъ духъ преклоненія передъ великими именами героевъ древней Греціи. Въ силу этого изученіе древняго языка и памятниковъ древне-греческой литературы было положено въ основу школьнаго воспитанія, и молодые люди такимъ образомъ мало по малу усвоивали особый искусственный говоръ, представлявшій странную смѣсь древнихъ и новыхъ элементовъ, — нѣчто въ родѣ того «высокаго штиля», который когда то царилъ и въ нашей литературѣ. Таковъ былъ языкъ греческаго клира, таковъ былъ языкъ и фанаріотской аристократіи. Само собою разумѣется однако, что народу, массѣ, тѣмъ элементамъ греческаго населенія, которымъ долго оставались чужды блага культурной жизни, чуждъ былъ и этотъ пышный, величаный языкъ образованныхъ классовъ. Говоръ народа, сохранившій еще, правда, въ своей сокровищницѣ значительную долю старыхъ лексическихъ и формальныхъ запасовъ, подвергся однако многоразличнымъ измѣненіямъ подъ перекрестнымъ огнемъ разноплеменныхъ и разноязычныхъ вліяній. Это былъ съ точки зрѣнія пуристовъ языкъ полуварварскій, вульгарный, γυδαϊκὴ, μιξοβάρβαρος γλῶσσα,— и права его на литературное развитіе разъ навсегда были отвергнуты греческими учеными. Но народу мало было дѣла до приговора педантовъ: онъ сдѣлалъ этотъ опальный говоръ органомъ своего нѣсенотворчества, а чары поэзіи мало по малу разсѣяли предубѣжденіе, и въ эпоху возрожденія Греціи стали громче раздаваться голоса въ пользу введенія народныхъ элементовъ въ обиходъ художественной литературы. А. Рангави остался до конца дней своихъ вѣрнымъ направленію пуристовъ; но ему дѣлаетъ большую честь то, что онъ не сталъ въ ряды ожесточенныхъ противниковъ противоположнаго,—если можно такъ выразиться, *народническаго* направленія, и его поэма «Димъ и Елена» была написана имъ именно въ духѣ послѣдняго. Въ граціозномъ стихотвореніи этомъ вѣрно схваченъ и переданъ характеръ народной баллады,—литературной формы, къ которой нашъ поэтъ вообще питалъ большую склонность.

Между тѣмъ освобожденная Эллада была ареною непрерывныхъ раздоровъ, партійной розни и борьбы страстей. Эрупція партикуляризма находила могущественную поддержку со стороны хозяйничавшихъ въ странѣ западно-европейскихъ эмиссаровъ, и искорѣ отношенія обострились до такой степени, что можно было опасаться трагическаго конца. Въ воздухѣ но-

сплась гроза. Въ теплой интимной бесѣдѣ со своимъ старымъ другомъ, профессоромъ Тиршемъ, посѣтившимъ въ это время Грецію, Рангави высказалъ тяжелыя предчувствія грядущаго бѣдствія. Эти предчувствія оправдались: 27-го сентября 1831 года графъ Іоаннъ Каподистрія палъ подъ руками убійцъ. Вслѣдъ затѣмъ вспыхнула междуусобная война, возбужденная мелкимъ соперничествомъ различныхъ областей Греціи между собою.

Смерть президента, въ личности котораго Рангави видѣлъ залогъ порядка и мира, заставила его наконецъ нарушить свою политику невмѣшательства и выступить снова въ роли общественнаго дѣятеля. Онъ примкнулъ къ абсолютистамъ, стоявшимъ на сторонѣ Августина Каподистріи, брата убитаго президента, и занялъ мѣсто секретаря при единственномъ правительственномъ министрѣ Христиди. Все помѣщеніе министерства состояло изъ одной просторной, но запущенной комнаты, въ которой стоялъ большой сундукъ, служившій и архивомъ, и письменнымъ столомъ, и мѣстомъ полуденнаго отдохновенія. То было время полной анархіи, къ счастью для истерзанной, опустошенной и обезлюдѣвшей страны—время непродолжительное. 7-го мая 1832 года представители великихъ державъ, участвовавшіе въ лондонскихъ конференціяхъ, подписали наконецъ протоколъ, которымъ опредѣлялось окончательное устройство Греціи на будущее время, а принцъ Фридрихъ Оттонъ баварскій избранъ былъ наслѣдственнымъ королемъ этой страны. Въ январѣ 1839 года онъ прибылъ въ Навплію.

Исторія дальнѣйшей дѣятельности Александра Рангави есть исторія развитія государственныхъ учрежденій греческаго королевства и его дипломатическихъ сношеній. Рангави былъ хорошо извѣстенъ молодому королю по Мюнхену и пользовался его довѣріемъ и расположеніемъ. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что уже съ самаго начала на его долю стали выпадать важныя и отвѣтственныя порученія, соединенныя съ должностью совѣтника министерства народнаго просвѣщенія, которую онъ тогда занималъ. Такъ уже въ 1834 году на него возложено было порученіе составить проектъ коренной реформы образовательныхъ учрежденій, возникшихъ при Каподистріи, и однимъ изъ результатовъ этого порученія была мысль объ основаніи въ Аѳинахъ университета по типу университетовъ германскихъ. Мысль эта, встрѣтившая полное сочувствіе короля и его полномочнаго министра графа Армансперга, вызвала громадный приливъ пожертвованій со стороны греческихъ патріотовъ, и съ поистинѣ сказочною быстротою, втеченіе какихъ нибудь четырехъ лѣтъ, въ Аѳинахъ возникъ университетъ съ четырьмя факультетами, 27 профессорами и сотнею студентовъ. Это скромное число преподавателей и студентовъ вскорѣ затѣмъ стало быстро возрастать, а семь лѣтъ спустя

въ составъ профессорской коллегіи вступилъ и самъ Рангави, открывшій курсъ по каѳедрѣ археологіи.

Ученыя работы Рангави давно стяжали ему почетную извѣстность среди спеціалистовъ классической филологіи, и многія изъ нихъ не утратили своего значенія и доселѣ. Съ поразительною неутомимостью онъ даже въ періодъ усиленныхъ занятій по администраціи учебнаго дѣла находилъ время собирать надписи, изучать исторію классическаго искусства, предпринимать археологическія экскурсіи и участвовать въ производствѣ раскопокъ, писать учебники для школъ и гимназій, обогащать греческую литературу художественными переводами образцовыхъ произведеній западной словесности и метафразами древнихъ авторовъ, а въ часы досуга — заниматься поэзіей. Какъ извѣстно, въ народномъ просвѣщеніи Греціи играютъ важную роль разныя ученыя и литературныя «общества» и «дружества»,— *силлоги* и *этеріи*. Рангави и на этомъ поприщѣ развернулъ неутомимую дѣятельность. Ставъ главнымъ секретаремъ основаннаго въ Аѳинахъ «Греческаго археологическаго общества», онъ принялъ на себя редакцію его ученыхъ записокъ. Въ то же время ему принадлежало завѣдываніе и другими періодическими изданіями, изъ которыхъ ученo-литературный сборникъ «Пандора», въ которомъ работали Напарригопуло, Драгуми и др., заслуживаетъ особаго упоминанія. Словомъ, не только обозрѣть, но даже перечислить всѣ работы Александра Рангави въ предѣлахъ настоящей статьи нѣтъ никакой возможности, и остается только удивляться этому гигантскому трудолюбію, этой изумительной плодовитости. И нужно замѣтить, что кабинетныя занятія не мѣшали ему играть въ тоже время видную вліятельную роль на политическомъ поприщѣ, быть однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ всѣхъ перипетій, пережитыхъ греческимъ королевствомъ въ трудные первые годы его существованія, и упрочить за собою репутацію дальновиднаго и мудраго государственнаго мужа, — репутацію, которую онъ сохранилъ до конца своей долгой жизни. Въ 1856 году онъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и въ этомъ званіи подписалъ договоръ съ Турціею о подавленіи пограничныхъ разбоевъ. Это былъ первый актъ, которымъ онъ заявилъ о своихъ дипломатическихъ способностяхъ, и съ тѣхъ поръ участіе Рангави было неизбѣжно въ рѣшеніи всѣхъ дипломатическихъ вопросовъ болѣе или менѣе щекотливаго свойства. Онъ былъ представителемъ греческихъ интересовъ на парижской конференціи 1869 года, когда поддержка, оказанная греческимъ правительствомъ критскимъ инсургентамъ повела къ открытому разрыву между Турціею и Грецією. Ему же пришлось дѣйствовать отъ имени послѣдней и на берлинскомъ конгрессѣ 1878 года.

Необходимо сказать о наиболѣе выдающихся литературныхъ произ-

веденіяхъ Александра Рангави,—о его романахъ, поэмахъ, драмахъ и лирическихъ стихотвореніяхъ.

Романъ, занимающій нынѣ первенствующее мѣсто во всѣхъ европейскихъ литературахъ, наименѣе культивируется именно въ той странѣ, гдѣ онъ первоначально возникъ,—въ Греціи. До послѣдняго времени Рангави былъ едва ли не самымъ крупнымъ представителемъ новогреческой художественной прозы, но и онъ подвизался болѣе на поприщѣ новеллы, и только одно изъ его произведеній—«Князь Морей» можетъ быть отнесено къ области романа, притомъ романа историческаго, съ сюжетомъ, заимствованнымъ изъ одной средневѣковой византійской хроники, повѣствующей о приключеніяхъ французскаго рыцаря Жоффруа Вильгардуина. Впрочемъ, хотя дѣйствіе романа и относится къ XIII столѣтію, все же историческаго въ немъ мало. Преслѣдуя и здѣсь, какъ въ большинствѣ своихъ произведеній, патріотическую тенденцію, панъ авторъ до такой степени мало заботится объ исторической истинѣ, что не только свободно видоизмѣняетъ засвидѣтельствованные исторіей факты и отношенія, но не слишкомъ старается и въ общемъ выдержать тонъ и колоритъ описываемой эпохи, и его герои и героини, его франкскіе рыцари и византійскіе приматы цѣликомъ выхвачены изъ окружающей поэта дѣйствительности,—они такъ же мало принадлежатъ среднимъ вѣкамъ, какъ и самъ Рангави. Несмотря однако на эти недостатки романъ представляетъ большой литературный интересъ и написанъ мастерски. Онъ полонъ движенія, многія сцены дышатъ жизненностью, описанія отличаются яркостью, фабула развивается естественно и стройно. Рангави — большой мастеръ композиціи и справляется со своимъ матеріаломъ всегда съ присущимъ греку чувствомъ мѣры. Эти качества свойственны въ высокой степени и его многочисленнымъ новелламъ, собраннымъ въ три увѣнстыхъ тома. Изъ нихъ особенно можно рекомендовать повѣсть «*Нотаріусъ*» съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ уголовной хроники.

Но не въ области художественной прозы является Рангави во всеоружіи своего яркаго таланта, его стихія—драма и лирика.

Здѣсь на первомъ мѣстѣ можно поставить трагедію подъ названіемъ «Тираны», οἱ τράκοντα. Въ этой піесѣ классическій сюжетъ трактованъ въ духѣ того же греческаго романтизма, представителемъ котораго А. Рангави является и въ прочихъ своихъ произведеніяхъ. Смѣсь паооса и сентиментальности, страсти и рефлексіи, патріотической декламаціи и лиризма — вотъ характерныя черты этого направленія, усвоеннаго греческою литературою подъ вліяніемъ великихъ идей, осуществленныхъ въ борьбѣ за независимость. Этотъ общій тонъ нивеллируетъ индивидуальныя черты, скрадываетъ оттѣнки, сглаживаетъ различія и сообщаетъ новогреческой литературѣ слиш-

комъ однообразный колоритъ. Рѣзко бьющая въ глаза тенденція умаляетъ поэтическія достоинства произведенія, какъ бы они ни были высоки, и ограничиваетъ интересъ къ нему кругомъ тѣхъ людей, которыхъ эта тенденція болѣе или менѣе близко задѣваетъ. Не въ томъ ли кроется разгадка и того равнодушія, съ которымъ на западѣ и въ особенности у насъ публика относится къ современнымъ писателямъ Греціи?

Оставляя въ сторонѣ драму «Δοῦκας», сюжетъ которой заимствованъ изъ эпохи Комниновъ и завоеванія Константинополя крестоносцами, нельзя не упомянуть о комедіяхъ Александра Рангави, изъ коихъ одна — «*Женитьба Куторули*» написана въ стилѣ Аристофана съ сохраненіемъ всѣхъ формъ древне-аттической комедіи. Этотъ остроумный фарсъ интересенъ между прочимъ своими хорами, въ которыхъ выступаютъ передъ нами представители различныхъ соперничествующихъ другъ съ другомъ политическихъ партій,—русской, англійской и французской.

То, что составляло главную силу Рангави, — истинная виртуозность формы, отличающейся неподражаемымъ изяществомъ, и неподдѣльная теплота и задушевность чувства, — эти качества особенно свойственны его лирической поэзіи. Его стихъ энергиченъ и, если не чуждъ иногда реторики, составляющей истинный бичъ греческихъ писателей вообще, то подкупаетъ яркостью образовъ и чарующею гибкостью образцоваго языка. Настроеніе автора съ удивительною легкостью и быстротою переходитъ отъ глубокой грусти къ добродушному юмору, рѣдко впадая впрочемъ въ сарказмъ или въ тонъ мрачнаго отчаянія. Это настроеніе—свѣтло и ясно, какъ ясенъ прозрачный воздухъ Эллады. Особенно удачными слѣдуетъ признать небольшія лиро-эпическія стихотворенія Рангави, напр. его баллады «Плаваніе Діониса» и «Быстролетный коршунъ», которыя могутъ съ полнымъ правомъ быть поставлены въ уровень съ лучшими образцами этого рода.

Рангави слишкомъ долго жилъ въ Россіи, слишкомъ часто соприкасался съ русскими для того, чтобы обойти молчаніемъ наше отечество въ своихъ многочисленныхъ произведеніяхъ. Сюжетъ изъ русской исторіи заимствованъ имъ для большаго стихотворнаго романа «Самозванецъ». Но, оставляя въ сторонѣ поэтическія красоты отдѣльныхъ мѣстъ, нужно ли говорить, какъ мало авторъ церемонился съ малоизвѣстною ему исторіею нашего народа? Въ его романѣ напр. Пугачевъ превратился въ греческаго клефта,—вмѣстѣ съ палликарами кераунскихъ горъ онъ сражается противъ турокъ, затѣмъ появляется въ московскомъ кремлѣ на балу, даваемомъ Екатериною II, и наконецъ умираетъ анахоретомъ въ одномъ изъ отдаленныхъ монастырей.

Александру Рангави суждено было большую часть жизни провести за предѣлами отчизны. Какъ человѣкъ съ широкимъ европейскимъ обра-

зованіемъ и большими дипломатическими способностями, онъ много лѣтъ подъ рядъ стоялъ во главѣ греческаго посольства то во Франціи, то въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, то въ Турціи, но дольше всего (1874 — 1886) при берлинскомъ дворѣ; остатокъ своей жизни онъ однако провелъ въ Аѳинахъ, гдѣ и умеръ на восемьдесятъ третьемъ году отъ роду, 16 Января 1892 года.

Д. чл. А. Деревицкій.

Л. Т. Бельграно

(историкъ и археологъ).

Профессоръ Л. Т. Бельграно, одинъ изъ старѣйшихъ дѣйствительныхъ членовъ Одесскаго Императорскаго Общества Исторіи и Древностей, внезапно скончался на своей родинѣ, въ Генуѣ, 14/26 декабря 1895 г.

Онъ, какъ и здравствующій еще нынѣ коллега его, аббатъ Амедей Винья, былъ принятъ въ члены Общества 3-го февраля 1871 г.

Историческія науки теряютъ съ нимъ одного изъ наиболѣе ревностныхъ, свѣдущихъ и дѣятельныхъ приверженцевъ своихъ, ибо смѣло можно сказать, что его жизнь была всецѣло посвящена дорогимъ ему историческимъ и археологическимъ наукамъ.

Профессоръ Бельграно родился въ Генуѣ 2-го февраля 1838 г. Съ раннихъ лѣтъ, онъ выказалъ большую наклонность къ изученію исторіи и историческимъ изслѣдованіямъ.

Онъ былъ еще очень молодъ, когда учредилось въ Генуѣ *Лигурійское Общество Отечественной Исторіи*, котораго онъ избранъ былъ немедленно членомъ, затѣмъ вице-секретаремъ и наконецъ генеральнымъ секретаремъ.

Карьеру свою онъ началъ въ государственномъ архивѣ въ качествѣ вице-архивариуса 1-го разряда, и, когда въ 1873 г. основанъ былъ при архивѣ курсъ палеографіи и дипломатики, то преподаваніе этихъ наукъ было ввѣрено ему Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

По открытіи въ Генуѣ второй классической гимназіи, профессоръ Бельграно былъ назначенъ директоромъ ея и въ этомъ званіи онъ управлялъ ею нѣсколько лѣтъ, пока не занялъ каѳедру исторіи при Генуэзскомъ Университетѣ, будучи уже адъюнктъ-докторомъ въ факультетѣ философіи и словесности.

Въ 1890 г. Генуэзское городское управленіе предложило ему мѣсто старшаго библіотекаря городской библіотеки, во главѣ которой онъ оставался до своей кончины.

Какъ геральдикъ и родословъ онъ пользовался большой извѣстностью, такъ что онъ состоялъ корреспондентомъ Государственнаго Совѣта Геральдіи и членомъ-секретаремъ Лигурійской Геральдической Коммиссіи.

Профессоръ Бельграно былъ удостоенъ итальянскимъ правительствомъ орденовъ Итальянской короны и Св. Маврикія и Лазаря, Командорскаго Креста, а также имѣлъ многіе другіе иностранные ордена. Онъ, кромѣ того, состоялъ почетнымъ членомъ и корреспондентомъ многихъ итальянскихъ и иностранныхъ академій и ученыхъ Обществъ.

О его дѣятельности можно судить по многочисленности его сочиненій:

Онъ былъ основателемъ и директоромъ «Лигурійскаго Журнала Археологіи и Исторіи», находящагося нынѣ въ 20-мъ году своего существованія.

Въ 1859 г. онъ издалъ сочиненіе: «О жизни и дѣятельности Маркиза Іеронима Серра», затѣмъ: «Иллюстрацію генуэзскаго архіепископскаго реестра», «Частная жизнь генуэзцевъ», «Генуэзскій хартейникъ» (драгоцѣнное собраніе документовъ X, XI и XII вѣковъ).

Не менѣе важные труды его суть: «Генеалогическія таблицы графскаго дома Лаванья», «Изслѣдованія и документы о генуэзской колоніи въ Перѣ», «Родъ де-Феррари», «Документы испанско-генуэзскіе, касающіеся заговора Фіески», «Объ открытіи останковъ Христофора Колумба въ Санъ-Доминго», «Годовые отчеты Лигурійскаго Общества Отечественной Исторіи» со дня его учрежденія и наконецъ, начатая по порученію Министерства Народнаго Просвѣщенія, Исторія Христофора Колумба, которую онъ неуспѣлъ привести къ концу.

Торжественныя похороны профессора Бельграно были устроены городскимъ управленіемъ съ большой пышностью и въ погребальномъ шествіи участвовалъ, въ числѣ представителей разныхъ ученыхъ Обществъ, и членъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, маркизъ І. Ѳ. Де-Феррари, который по просьбѣ Общества и сообщилъ эту біографію.

Д. членъ Общ. І. Ѳ. Де-Феррари.

Эрнстъ Курціусъ.

11 Іюля новаго стиля 1896 года въ Берлинѣ скончался дѣйствительный членъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, извѣстный археологъ, историкъ и филологъ Эрнстъ Курціусъ.

Родился онъ въ Любекѣ въ 1814 году; университетскіе курсы слушалъ въ Боннѣ, Гёттингенѣ и Берлинѣ. Въ 1837 году съ боннскимъ профессоромъ Брандисомъ, призваннымъ королемъ Оттономъ на службу въ Грецію, Курціусъ уѣхалъ въ эту классическую страну, гдѣ и провелъ 1837 — 1840 года. Большую часть этого времени онъ жилъ въ Аѳинахъ, но также совершилъ и нѣсколько большихъ путешествій по странѣ: вмѣстѣ съ своимъ учителемъ, оказывавшимъ на него всегда большое вліяніе и передавшимъ ему свои традиціи К. О. Миллеромъ онъ объѣхалъ и изучилъ Пелопоннесъ и побывалъ въ Дельфахъ. Это долгое пребываніе въ Греціи въ юныхъ годахъ дало Курціусу не только глубокій интересъ и симпатіи къ этой странѣ, но и солидное знакомство съ ней, а общеніе на почвѣ ея съ К. О. Миллеромъ дало и тонкое пониманіе ея духа. Ближайшимъ результатомъ этого пребыванія въ Греціи и изученія этой страны явились: его промоціонное сочиненіе *De portubus Athenarum* Halle 1842, эпиграфическія работы: *Anecdota Delphica* Berlin 1843, *Inscriptiones atticae nuper repertae XII* Berlin и его публичныя чтенія: *Die Akropolis von Athen* Berlin 1845; *Naxos* Berlin 1846 и *Olympia* ibidem 1852 [1]), но самымъ блестящимъ образомъ обнаружилась солидность вывезенныхъ имъ изъ Греціи знаній въ его первомъ большомъ трудѣ «*Peloponnesos*» *Eine historisch-geographische Beschreibung der Halbinsel.* 2 Bände. Gotha 1851 — 1852, до сихъ поръ являющемся краеугольнымъ камнемъ всякой топографической работы по древней Греціи.

Послѣ этого капитальнаго труда по греческой топографіи, Эрн. Курціусъ на долгое время сосредоточиваетъ свои занятія на историче-

[1]) Эти чтенія вмѣстѣ съ рядомъ другихъ въ томъ-же духѣ, произнесенныхъ Э. Курціусомъ на университетскихъ торжествахъ, были перезданы въ сборникѣ его «Alterthum und Gegenwart» 2 Bände.

скихъ изслѣдованіяхъ, преимущественно въ области культурной исторіи, вопросы которой постоянно трактуются имъ въ торжественныхъ академическихъ рѣчахъ, публикованныхъ затѣмъ въ программахъ. Здѣсь мы находимъ умныя, мѣткія, тонкія, изящныя картинки исторіи культуры Греціи, а кто имѣлъ когда-либо наслажденіе слушать его, тому невольно представляется и увлекательность этихъ рѣчей при необыкновенномъ для ученыхъ изяществѣ слова, картинности рѣчи и подъемѣ настроенія оратора, сохранившихся у Курціуса до глубокой старости. Эти же достоинства присущи и его большому труду «*Griechische Geschichte*» (первое изданіе 1856 — 57 г.), обнимающему въ 3 томахъ всю исторію Греціи до потери самостоятельности, т. е. до Херонейской битвы. Это была первая попытка изложенія въ связи исторіи политической и культурнаго развитія греческаго народа, исполненная необыкновенно талантливо, живо, увлекательно, такъ что книга эта, не смотря на рѣзкую критику, быстро пріобрѣла блестящій успѣхъ и сдѣлала имя Курціуса популярнымъ не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ, на языкъ которыхъ была переведена. (Русскій переводъ изданіе Солдатенкова). Этотъ блестящій успѣхъ объясняется пониманіемъ Курціусомъ исторіи, какъ изображенія внутренняго и внѣшняго развитія націи, умѣніемъ группировать массы, въ которыхъ главнѣйшія стороны народнаго характера выступаютъ въ яркомъ свѣтѣ, и картинностью, свѣжестью и живостью изложенія. Однако рядомъ съ этими достоинствами въ этомъ трудѣ нельзя не отмѣтить и весьма существеннаго недостатка, а именно слишкомъ большой свободы фантазіи въ изображеніи такихъ эпохъ, для которыхъ нѣтъ еще достаточно положительныхъ фактовъ, въ созданіи слишкомъ смѣлыхъ, мало, иногда совсѣмъ не обоснованныхъ гипотезъ. Къ такимъ слишкомъ смѣлымъ гипотезамъ надо причислить его увлекательную теорію іонійскихъ переселеній, подробно развитую еще раньше въ его изслѣдованіи *Die Ionier vor der ionischen Wanderung*, Berlin 1853. Эрнстъ Курціусъ считаетъ, что колонизація іонійская на берегахъ М. Азіи является только возвращеніемъ этого племени назадъ, туда, гдѣ оно нѣкогда сложилось изъ пеласгійскаго племени въ смѣси съ туземными древними племенами; въ общеніи съ морскими предпріимчивыми народами, это новое племя быстро развилось культурно, вытѣснило своихъ учителей съ острововъ Эгейскаго моря и съ побережьевъ Балканскаго полуострова, гдѣ осѣло само до тѣхъ поръ, пока, подъ натискомъ съ сѣвера пришедшихъ дорійскихъ греческихъ племенъ, не принуждено было искать поселеній на старой родинѣ. Въ связи съ этимъ вопросомъ много фантастическаго является и вообще въ изложеніи Курціусомъ древнѣйшаго періода греческой исторіи, но несомнѣнно, что у большой публики еще долго «Греческая Исторія» Курціуса будетъ пользоваться прежнимъ успѣхомъ, такъ какъ слишкомъ ярки кар-

тивы ея, яникомъ увлекательно и стройно изложеніе ея, такъ что эту книгу читаютъ съ такимъ же наслажденіемъ, какъ какую либо великую эпопею.

Въ 1862 году Э. Курціусъ вмѣстѣ съ K. Böttcher'омъ отправляется вновь въ Грецію, и именно въ Аѳины, съ научнымъ порученіемъ Прусскаго Правительства. Результатомъ этой ученой экспедиціи является цѣлый рядъ топографическихъ работъ, исполненныхъ Курціусомъ однимъ или вмѣстѣ съ техниками и молодыми учеными. Такими работами являются его «*Attische Studien*», содержащія статьи о Пниксѣ, о направленіи аѳинскихъ городскихъ стѣнъ, о Керамикѣ и по исторіи Агоры. Здѣсь сказалось стремленіе и топографическія изслѣдованія освѣтить съ исторической точки зрѣнія и городъ разсматривать не какъ нѣчто данное, но какъ слагающееся, растущее, преобразовывающееся въ продолженіи вѣковъ. Ближайшимъ результатомъ научной экскурсіи 1862 года явилось изданіе: *Sieben Karten der topographie von Athen mit erläuternden Text von E. Curtius, Gotha 1868* (Карты этого изданія исполнены маіоромъ прусскаго генеральнаго штаба *C von Strantz*), но это изданіе было только началомъ, за которымъ послѣдовалъ цѣлый рядъ все болѣе и болѣе обстоятельныхъ топографическихъ работъ, въ которыхъ Э. Курціусъ игралъ видную роль: *Atlas von Athen im Auftrage des kaiserl. deutschen archäol. Instituts, herausgegeben von E. Curtius und J. A. Kaupert, Berlin 1878*, содержащій 3 плана Аѳинъ, 9 фотографическихъ видовъ, и 9 листовъ текста и 2 тетради «*Karten von Attika*» *auf Veranlassung des kaiserl. d utschen archäologisch. Instituts und mit Unterstützung des kgl. Preussischen Ministeriums der geistlichen Unterricht und Medicinal Angelegenheit ausgeordn. durch Offiziere und Beamten der kgl. Preuss. Gross Generalstabes mit Erläuternden Text herausgegeben von E. Curtius und J. A. Kaupert*, Berlin 1881—1882 съ текстомъ Э. Курціуса, Г. фонъ Альтена и А. Мильхгофера. Конечнымъ результатомъ работъ Курціуса въ области топографіи является его капитальный трудъ *Die Stadtgeschichte von Athen*, Berlin 1891. Здѣсь находимъ мы картину развитія Аѳинъ съ древнѣйшихъ временъ до временъ Павсанія во взаимодѣйствіи почвы, климата, туземнаго и пришлаго населенія, причемъ необыкновенно творческая фантазія автора помогаетъ ему въ изображеніи этого развитія. Книга поражаетъ ученостью, массой знаній самыхъ детальныхъ, мыслимыхъ только для автора «Исторіи Греціи», по отношенію къ топографіи, миѳологіи, праву, религіознымъ и политическимъ древностямъ и фактамъ историческимъ. Эта книга, какъ и Курціусовскій «Пелопоннесъ», является краеугольнымъ камнемъ всякихъ серьезныхъ изслѣдованій въ области топографіи и исторіи Аѳинъ; съ нея надо теперь начинать всякую работу.

Преимущественно работая по топографіи древней Греціи Балканскаго полуострова, Курціусъ не оставлялъ безъ вниманія ни острововъ Архи-

пелага, ни городовъ М. Азіи, о чемъ свидѣтельствуютъ его разборъ книги Росса «Die Inselreisen» и ученая экскурсія предпринятая имъ вмѣстѣ со многими другими учеными въ М. Азію въ 1871 году, результаты которой опубликованы въ «*Beiträge zur Geschichte und Topographie Kleinasiens (Ephesos, Pergamon, Smyrna, Sardes), in Verbindung mit Major Regely, Baurath Adler, Dr. Hirschfeld und Dr. Getzer herausgegeben von E. Curtius.* Berlin 1872.

Работалъ Э. Курціусъ, по примѣру своего учителя К. О Müller'а, и въ области художественной археологіи, по предмету которой написалъ цѣлый рядъ небольшихъ статей (*Zwei Giebelgruppen aus Tanagra*; *Ueber Wappengebrauch und Wappenstil im griech. Alterthum*; *Die Plastik der Hellener an Quellen und Brunnen* и многія другія), но въ этой области особенная заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ съумѣлъ возбудить интересъ къ древности въ обществѣ и въ своемъ воспитанникѣ кронпринцѣ Фридрихѣ, благодаря участію котораго Прусское Правительство дало крупныя средства на первыя обширныя и систематическія раскопки въ Греціи на мѣстѣ древней Алтиды, въ священной округѣ храма Зевса въ Олимпіи. Для заключенія договора съ греческимъ правительствомъ по вопросу объ этихъ раскопкахъ отъ Прусскаго Правительства ѣздилъ въ Аѳины Эрнстъ Курціусъ. Наблюдала за раскопками, вырабатывала общій планъ ихъ особая коммиссія въ Берлинѣ и въ этой коммиссіи не послѣднюю роль игралъ Э. Курціусъ, сами же раскопки велись молодыми археологами и техниками. Результаты этихъ раскопокъ немедленно публиковались. Подъ наблюденіемъ Э. Курціуса были изданы первые 2 вып. *Mittheilungen über die Ausgrabungen von Olympia.* Имъ была устроена выставка вывезенныхъ слѣпковъ (*Olympia Austellung in Berlin* 1879) и издана вмѣстѣ съ F. Adler'омъ «*Olympia und Umgegend, zwei Karten und ein Plan mit Text.* Berlin 1882».

Весь античный греческій міръ во всей его совокупности, во всѣхъ его проявленіяхъ интересовалъ Курціуса, являвшагося представителемъ того поколѣнія нѣмецкихъ классиковъ, которые всецѣло жили жизнью древнихъ грековъ и до того проникались духомъ античнаго міра, что чутьемъ предугадывали многое изъ того, что подтвердили послѣдующія раскопки и находки. Имя Курціуса должно быть отнесено къ сонму именъ Росса, Миллера и Ленормана. Намъ удалось видѣть Э. Курціуса уже на закатѣ его дней, когда онъ почти ослѣпъ, но этотъ и полуслѣпой старецъ своимъ образнымъ языкомъ, яркими живыми картинами древней жизни, своимъ увлекательнымъ словомъ, своимъ паѳосомъ невольно напоминалъ великаго слѣпца Греціи, творца эпоса. Миръ праху твоему несомнѣнный вдохновитель юности!

Служебная карьера Курціуса была такова: въ 1844 году онъ былъ назначенъ экстра-ординарнымъ профессоромъ Берлинскаго университета, а въ октябрѣ того же года былъ приглашенъ воспитателемъ кронпринца

Фридриха, въ послѣдствіи императора германскаго. Въ 1849 году онъ сопровождалъ принца въ Бонпъ, но въ 1850 уже вернулся въ Берлинъ, гдѣ оставался до 1856 года, когда перешелъ ординарнымъ профессоромъ и содиректоромъ филологическаго семинарія въ Гёттингенъ. Въ 1853 г. еще Курціусъ былъ избранъ членомъ Берлинской Академіи Наукъ, а въ 1863 г., когда онъ вернулся въ Берлинъ ординарнымъ профессоромъ университета, сдѣлался и постояннымъ секретаремъ ея и директоромъ антикваріума Берлинскаго Музея. Въ этихъ должностяхъ онъ и умеръ съ чиномъ тайнаго совѣтника.

Д. члена А. А. Павловскій.

289 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

16-го Сентября 1895 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице-президента *В. И. Юргевича*, при исправл. обязан. секретаря дѣйств. чл. *А. А. Кочубинскомъ*, гг. дѣйствительные члены: *А. И. Кирпичниковъ*, *Э. Р. фонъ-Штернъ*, *Л. Ф. Брунъ*, *М. П. Истоминъ*, *А. А. Павловскій*, *П. Ѳ. Красносельцевъ*, *А. В. Никитскій*, *А. И. Маркевичъ*, *А. В. Лонгиновъ*, *С. Д. Пападимитріу*, *А. И. Алмазовъ*, *Х. И. Ящуржинскій*, *Е. И. Перетятковичъ*, *А. И. Деревицкій* и *С. В. Петровскій*.

Слушали:

Отношеніе управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Товарища Министра, отъ 12 Іюля сего года, на имя Президента Общества, съ увѣдомленіемъ о томъ, что представленный для утвержденія проэктъ новаго устава Общества переданъ былъ на разсмотрѣніе Ученаго Комитета Министерства, который сдѣлалъ по содержанію его нижеслѣдующія замѣчанія:

1) Въ § 2 говорится, что въ кругъ занятій Общества входятъ, между прочимъ, учрежденіе коммиссіонерствъ имени Общества, какъ внутри Имперіи, такъ и заграницею; между тѣмъ, въ дальнѣйшихъ параграфахъ проэкта объ этихъ коммиссіонерствахъ и отношеніи ихъ къ Обществу, объ ихъ правахъ и обязанностяхъ не говорится ничего.

2) Въ § 18 сказано: «Почетные и дѣйствительные члены пользуются равными правами во всѣхъ обстоятельствахъ». Послѣднія слова, какъ мало вразумительныя, слѣдовало-бы исключить.

3) Въ § 23 слова: «за исключеніемъ лѣтнихъ мѣсяцевъ» слѣдовалобы замѣнить словами: «за исключеніемъ Іюня, Іюля и Августа».

4) Въ § 35 слѣдуетъ оговорить, что денежныя суммы Общества могутъ быть обращаемы въ процентныя бумаги только правительственныя, или гарантированныя правительствомъ.

5) Въ § 39 къ словамъ: «могутъ быть соединяемы съ другой должностью» слѣдуетъ прибавить: «по Обществу».

6) Въ § 42 говорится: «Въ случаѣ болѣзни или временнаго отсутствія секретаря, казначея, библіотекаря и хранителей музеевъ исполненіе обязанностей каждаго изъ нихъ возлагается Совѣтомъ Общества на одного изъ членовъ по взаимному съ нимъ соглашенію». При семъ не излишне было-бы упомянуть, что казначей сдаетъ должность своему временному замѣстителю при документѣ, удостовѣряющемъ состояніе кассы Общества, и при подобномъ-же документѣ принимаетъ оную обратно.

7) Въ § 44 говорится, что «постановленія Совѣта считаются дѣйствительными при участіи въ засѣданіи не менѣе четырехъ членовъ». При семъ не излишне было-бы прибавить, что, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ этихъ членовъ долженъ быть непремѣннымъ, т. е. или президентомъ, или вице-президентомъ, или секретаремъ, или казначеемъ (ср. § 43).

Вполнѣ раздѣляя изложенныя выше замѣчанія Ученаго Комитета, г Товарищъ Министра съ своей стороны считаетъ не лишнимъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что въ § 24 проэкта устава, опредѣляющемъ предметы занятій очередныхъ собраній, и въ § 45, въ которомъ изложены обязанности Совѣта, предѣлы власти упомянутыхъ двухъ органовъ управленія Общества разграничены недостаточно ясно, послѣдствіемъ чего могутъ оказаться нѣкоторыя недоразумѣнія въ теченіи дѣлъ Общества.

Что-же касается до § 59 проэкта устава, предоставляющаго Обществу право безплатной пересылки его корреспонденціи по почтовымъ трактамъ внутри Имперіи, то по содержанію сего § Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія сдѣлано было надлежащее сношеніе съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, которое нынѣ сообщило, что по вопросу о предоставленіи состоящему подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Государя Императора Императорскому Одесскому Обществу Исторіи и Древностей права безплатной пересылки по почтѣ корреспонденціи было сдѣлано сношеніе съ Министерствомъ Финансовъ, но тайный совѣтникъ Витте, имѣя въ виду, что журналомъ Соединенныхъ Департаментовъ Государственной Экономіи и Законовъ 16 Апрѣля 1890 года, за № 186 постановлено, между прочимъ, предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ приступить къ разработкѣ вопроса объ отмѣнѣ льготъ по безплатной пересылкѣ корреспонденціи, не нашелъ возможнымъ изъявить свое согласіе на предоставленіе названному Обществу означенной льготы.

Опредѣлили: сдѣланныя замѣчанія Ученаго Комитета и самого г. Министра на проэктѣ новаго Устава передать для надлежащаго измѣненія

редакціи онаго проэкта въ коммиссію изъ гг. дѣйств. членовъ: А. В. Лонгинова, А. А. Павловскаго, Э. Р. фонъ-Штерна и А. Л. Бертье-Делагарда, прося ее представить свой докладъ къ слѣдующему очередному засѣданію.

II. Представленное Обществу дѣйствительнымъ членомъ В. В. Шкорпиломъ описаніе трехъ открытыхъ, въ нынѣшнемъ году, воспорскихъ надписей, изъ коихъ двѣ, №№ 2 и 3, куплены для Мелекъ-Чесменскаго музея, а № 1 подаренъ сыномъ извѣстнаго фабриканта Григ. Конст. Месаксуди, обѣщавшимъ, сверхъ того, дарить Мелекъ-Чесменскому музею всѣ камни съ надписями, которые найдетъ при затѣваемыхъ имъ постройкахъ.

1. Разбитая пополамъ мраморная плита съ сохранившеюся незначительною частью надписи, изсѣченной при Тиверіѣ Юліѣ Котисѣ въ 354 г. воспорской эры=57 г. по Р. Х.

ΒΑΣΙΛΕΥοΝΤοΣΒΑΣΙ	Βασιλεύοντος βασι
ΛΕΩΣΤΙΒΕΡΙοΥΙοΥΛΙ	λέως Τιβερίου Ἰουλί
οΥΚοΤΥοΣΦΙΛοΚΑΙΣΑ	ου Κότυος φιλοκαίσα
ΡοΣΚΑΙΦΙΛοΡΩΜΑΙοΥ	ρος καὶ φιλορωμαίου
ΕΥΣΕΒοΥΣ.ΤοΥΣ	εὐσεβοῦς (ἔ)τους
ΔΝ̄ΤΜΗΝοΣΔΑΕΙΣΙ	δν̄τ μηνὸς Δαεισί
οΥ.ΔΕΙΑΝ ΣΤΕ. . .ΓΥ	ου. . . . . γυ
ΝΗΙοΡ . . . . .Φ.	νὴ
ΝΤ. . . . . .ΣΘΕ. .ΗΝ	χτλ.
ΠΡο . . . . . .οΙ	
Π. . . . . .Σ	
. . . . .	
Α	
Α	
. . . . . .Ο .	

2. Известковое надгробіе, найденное на Глинищѣ въ Керчи:

ΡΩΜΗΓΥΝΗ	Ῥώμη γυνὴ
ΣΑΤΤΙΩΝοΣ	Σαττίωνος
ΧΑΙΡΕ	χαῖρε.

3. Надгробіе, найденное въ томъ-же дворѣ на Глинищѣ:

ΚοΛΙΔΙΩΝΚΑΙΓΥΝΗ	Κολιδίων καὶ γυνὴ
ΧΑΝΙΚΑΚΑΙΥΙοΣ	Χανίκα καὶ υἱ(ι)ός
ΔΗΜΗΤΡΙοΣ	Δημήτριος
ΧΑΙΡΕΤΕ	χαίρετε.

Опредѣлили: напечатать въ «Запискахъ Общества».

III. Письмо В. В. Шкорпила, отъ 28 Іюля, на имя вице-президента съ препровожденіемъ на разсмотрѣніе предлагаемыхъ для покупки торговцемъ древностями С. Головлевымъ восемнадцати терракоттовыхъ медузъ трехъ разныхъ видовъ: 1) четырехъ медузъ, имѣющихъ въ діаметрѣ по 0,15 м.; 2) восьми—имѣющихъ квадратную форму (каждая сторона 0,06 м.) и 3) шести также квадратной формы (0,035 м.), найденныхъ всѣхъ въ одной гробницѣ, которая еще въ древности была ограблена. При этомъ вице-президентъ заявилъ, что, такъ какъ медузы второго и третьяго вида имѣются въ нашемъ музеѣ, а экземпляръ перваго вида превосходной сохранности и не клееный изъ кусковъ, подобный предлагаемымъ четыремъ, приносится въ даръ почетнымъ членомъ А. Л. Бертье-Делагардомъ, то присланныя медузы онъ отослалъ обратно въ Керчь. Тотъ-же г. Шкорпилъ прислалъ особой посылкой два человѣческихъ черепа и нѣсколько бусъ отъ ожерелья, не сообщивъ о мѣстѣ находки.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

IV. Докладъ вице-президента о сдѣланной имъ покупкѣ для музея четырехъ воспорскихъ надгробныхъ камней съ надписями, изъ коихъ два №№ 1 и 2 принадлежатъ, по всей вѣроятности, умершимъ членамъ одной семьи—мужу, по имени Γάστεις, котораго имѣемъ родительный п. Γάστεως и звательный Γάστεϊ, и женѣ, съ именемъ Χρήσιον, еще не встрѣчавшимся, если не считать эту форму опиской составителя надписи или мраморщика вмѣсто Χρύσιον, у Латышева Inscr. II, 66. Не встрѣчалось также въ Воспорѣ имя Μοιραγένης. На двухъ другихъ имѣемъ имена Ῥόδων и Χρηστίων, извѣстныя первое изъ надписей танаисскихъ и анапской (у Латышева въ Inscr. часто) и одной воспорской, изданной въ Запискахъ т. XVIII д. ч. Шкорпиломъ, второе изъ нѣсколькихъ воспорскихъ. Кромѣ того, имя Μάης, извѣстное изъ воспорской и двухъ танаисскихъ у Латышева №№ 172, 427, 453. Родительный п. Μαέους на нашей № 4 имѣемъ на ольвійской у Латышева Inscr. 1, № 86 и у него-же 1. II, № 427 другую форму этого падежа Μάη, которую можемъ сравнить съ формою Γάστεϊ, также родительнаго въ Inscr. II, №№ 267, 402, 403, объясняя ее произношеніемъ η и двугласной ει какъ ι. Этимъ-же произношеніемъ можно, кажется, объяснить и звательный Μάη въ нашемъ № 4, сравнивая его въ Γάστεϊ въ № 1.

1.	ΓΑΣΤΕΙ	Γάστει
	ΜΟΙΡΑΓΕΝΟΥ	Μοιραγένου
	ΧΑΙΡΕ	Χαῖρε.
2.	ΧΡΗΣΙΟΝΓΥΝΗ	Χρήσιον γυνὴ
	ΓΑΣΤΕΙΟΣ	Γάστειος
	ΧΑΙΡΕ	Χαῖρε.
3.	ΡΟΔΟΝΥΙΕ	Ῥόδων υἱὲ
	ΧΡΗΣΤΙΩΝΟΣ	Χρηστίωνος
	ΧΑΙΡΕ	Χαῖρε.
4.	ΜΑΝΙΜΑΕΟΥΣ	Μάνι Μαέους
	ΧΑΙΡΕ	Χαῖρε.

Опредѣлили: напечатать въ «Запискахъ Общества».

V. Докладъ дѣйств. члена А. А. Кочубинскаго о поѣздкѣ, по порученію Общества, въ село Троицкое.

Опредѣлили: о результатѣ поѣздки сообщить въ Императорскую Археологическую Коммиссію, а самый докладъ помѣстить въ «Запискахъ Общества».

VI. Письмо Маріи Дмитріевны Княжевичъ, одной изъ учредительницъ преміи имени Дмитрія Максимовича Княжевича, отъ 4 Іюля, въ которомъ, благодаря вице-президента за присланный отчетъ Общества, пишетъ слѣдующее: «Въ главѣ: Изданія Общества первымъ стоитъ Торжественное Собраніе Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 4 Февраля 1840 г., а въ самый день полученія отчета читали мы переписку отца нашего съ младшимъ братомъ своимъ, бывшимъ Предсѣдателемъ Таврической Казенной Палаты. Тутъ отъ 6 Февраля 1840 года пишетъ онъ, извиняясь, что цѣлую недѣлю не писалъ къ нему, «только теперь немножко поотдѣлался: во первыхъ, подписалъ отчетъ за вчерашній годъ по управленію округомъ, а во вторыхъ спустилъ третьяго дня съ рукъ Торжественное Собраніе Общества Древностей, которое много меня занимало, тѣмъ болѣе, что Стурдза, который было взялся приготовить для него рѣчь, вдругъ отказался и поручить было больше некому. Это отняло у меня много времени, пока приготовился, собралъ матеріалы и написалъ. Собраніе было блистательно и превзошло наши ожиданія. Вотъ ужь четвертый день ни о чемъ больше не говорятъ въ городѣ, какъ о нашемъ собраніи и куда ни покажешься, всякій встрѣчный и поперечный или благодаритъ, или изъявляетъ сожалѣніе, что не могъ быть въ собраніи. Въ самомъ дѣлѣ, рѣчь Надеждина была превосходна. Графъ Воронцовъ отъ нея въ восхищеніи; даже графиня (которая и не была въ собраніи) когда Надеждинъ былъ у графа,

нарочно выходила къ нему, чтобы наговорить множество комплиментовъ. Графъ открылъ и ему и мнѣ свою библіотеку и даже свое хранилище манускриптовъ, между которыми есть чудесныя рѣдкости, только нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, не позволилъ брать на домъ, а читать у него, прочіе же и на домъ. Рѣчи, читанныя въ Торжественномъ Собраніи, вскорѣ будутъ напечатаны для представленія Наслѣднику». Я выписала эти строки, какъ маленькій комментарій къ сухому заглавію въ изданіяхъ Общества.

Опредѣлили: благодарить г-жу Княжевичъ при просьбѣ—посодѣйствовать передачѣ въ Общество корреспонденціи ея отца, находящейся у ея племянника г. Княжевича въ Крыму, а самое сообщеніе помѣстить въ «Смѣси» «Записокъ Общества».

VII. Отношеніе Императорской Археологической Коммиссіи, отъ 21 Іюля, № 1199. при которомъ она возвращаетъ съ благодарностью принадлежащій музею Общества сборникъ рисунковъ и литографій пантикапейскихъ древностей.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

VIII. Отношеніе редакціи Одесскаго Альманаха, отъ 1 Іюля, № 29, съ просьбой о сообщеніи свѣдѣній, о времени учрежденія Общества, числѣ членовъ его, личномъ составѣ Правленія, капиталахъ, а также о дѣятельности Общества въ 1894 году и мѣстопребываніи Правленія. При этомъ вице-президентъ заявилъ, что онъ послалъ Редакціи отчетъ за прошлый годъ и пятидесятилѣтіе Общества.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

IX. Отношеніе Публичной библіотеки въ г. Самарѣ, отъ 21-го Іюля, № 15, съ принесеніемъ благодарности за заказъ и доставку для Самарскаго музея копіи, съ имѣющейся въ музеѣ Общества, иконы Святителя Алексія, Митрополита Московскаго, покровителя г. Самары и просьбой почтить сообщеніемъ, не имѣется-ли свѣдѣній, по какому случаю, когда именно и отъ кого получена Обществомъ данная икона, чьего она письма и къ какому времени относится ея происхожденіе? По заявленію вице-президента ни одного изъ этихъ свѣдѣній нѣтъ въ каталогахъ и при дѣлахъ Общества, что и послано въ отвѣтъ Библіотекѣ.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

X. Письмо дѣйств. члена А. Л. Крылова, отъ 22 Августа, съ увѣдомленіемъ о полученіи диплома и обѣщаніемъ по мѣрѣ силъ и возможности принять участіе въ трудахъ Общества.

Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, отъ 3 Іюля, № 969, съ препровожденіемъ Обществу I-го тома Трудовъ IX Археологическаго Съѣзда въ Вильнѣ и II тома VIII Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ.

Отношеніе Общества Нестора Лѣтописца, отъ 7 Іюня, № 59, съ препровожденіемъ новоизданной IX книги своихъ «Чтеній».

Письмо дѣйств. члена Андрея Александровича Титова, съ препровожденіемъ своихъ изданій: 1) Указателя къ неоффиціальной части Ярославскихъ Губернскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, 2) Указателя къ Тверскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ, 3) Авраміевъ Богоявленскій монастырь въ Ростовѣ и 4) Описаніе его рукописей.

Отношеніе Императорской Археологической Коммиссіи, отъ 2 Іюня, № 923, съ увѣдомленіемъ о полученіи съ искреннѣйшей благодарностью экземпляра XVII тома Записокъ Общества.

Письмо д. ч. графа А. А. Бобринскаго съ увѣдомленіемъ о томъ-же.

Отношенія попечителя Одесскаго Учебнаго Округа Х. И. Сольскаго, Одесскаго Городскаго Головы В. П. Лигина, предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, поч. члена графини П. С. Уваровой, почетнаго члена В. А. Дашкова, попечителя Кавказскаго Учебнаго округа К. П. Яновскаго, вице-директора Департамента Народнаго Просвѣщенія академика В. В. Латышева, ректора Университета Св. Владиміра Ѳ. Фортинскаго, Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи, Ростовскаго музея церковныхъ древностей, Казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи, Западно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества и Императорскаго Харьковскаго Университета, съ увѣдомленіемъ о полученіи, съ благодарностью, отчета Общества за 1894 годъ.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

XI. Отношеніе Одесскаго Полиціймейстера, отъ 25 Августа, съ просьбой о доставленіи свѣдѣній, означенныхъ въ препровожденномъ приложеніи, о должностныхъ лицахъ Общества и ихъ адресѣ, для помѣщенія въ Адресъ-Календарѣ Одесскаго Градоначальства.

Опредѣлили: передать секретарю для исполненія.

XII. Вице-президентъ предъявилъ принесенные въ даръ для музея членомъ-сотрудникомъ В. В. Фармаковскимъ три роспись ныя вазы, двѣ изъ Віотіи и одну изъ Аѳинъ, и купленныя для музея гипсовыя украшенія древнихъ греческихъ саркофаговъ изъ Керчи.

Опредѣлили: благодарить жертвователя.

XIII. Исп. обяз. секретаря предъявилъ принесенныя въ даръ Обществу д. ч. А. В. Лонгиновымъ «Aanteekeningen gehouden op eene Reize door Turkqijen, Natolien de Krim en Rusland in de J. 1784—89, 2 части Met Plaaten. (Constantinopolen, van de Hegira MCCVI) и присланные для библіотеки Общества книги: Записки Императорской Академіи Наукъ т. 75, кн. I; Акты Московскаго государства т. II 1635—1659; Mémoires de

l'Académie т. XLII, № 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12; Византійскій Временникъ, издаваемый Академіей, т. I, вып. 1, 2, 3, 4; Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1892 г.; Православный Палестинскій Сборникъ, вып. 41, 42; Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества за Апрѣль, Іюнь и Августъ 1895 г.; Акты Холмогорской и Устюжской епархіи, кн. II; Русская Историческая Библіотека т. XV; Книга бытія моего дневникы и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго ч. II, годы 1844 — 1845; Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца кн. IX; Труды восьмого Археологическаго Съѣзда, въ Москвѣ, 1890, т. II; Труды девятаго Археологическаго Съѣзда, въ Вильнѣ 1893, т. I; Στέφανος, сборникъ статей въ честь Ѳедора Ѳедоровича Соколова, 1895; Словарь Росийсько-украінський, т. перший и т. другий, А—К и К—П, Львівъ 1893 и 1895; Bulletin de numismatique III vol. 3 et 4 livraison; Mélanges d'Archéologie et d'histoire XV année, Fascicule 1, Juin 1895; Revue numismatique deuxième, troisième trimestres 1895; Bulletino di Archeologia e storia dalmata №№ 6, 7, 8; Starohrvatska Prosvieta god. 1. Br. 3, 1895; Lietopis jugoslavenske Akademije znanosti i umietn za godinu 1894; Rad jugoslav. Akademije knjiga CXIX и CXXI; Sbornik jugoslavenskich umjetnih spomenika prvi svezak; The numismatic chronicle 1895 part. II. Berliner Münzblätter von A. Weyl № 177 и 178 за Май и Іюнь 1895; Numismatische Correspondenz № 144 bis 146; Kwartalnik historyczny Rocznik IX, zeszyt III 1895; Annual Report of the Smithsonian Institution July 1891, Juli 1893; Die griechischen Personennamen nach ihrer Bildung erklärt von August Fick, zweite Auflage Göttingen 1894; Terres cuites d'Asie mineure par Froener (оба предыдущія сочиненія выписаны для библіотеки вице-президентомъ Общества). Этнографическое Обозрѣніе, изданіе Общества любителей Естествознанія и проч. при Московскомъ Университетѣ 1895, № 2; Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ т. XIII, вып. 1 и 2; Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества томъ XXXI, 1895, выпускъ I и II; Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, годъ LXII, книги 5, 6, 7, 8; Варшавскія Университетскія Извѣстія 1895, V; Обозрѣніе лекцій въ Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ, семестръ II 1894, семестръ I 1895, Личный составъ Университета; La loi fondamentale de la vie. Discours prononcé à l'occasion de la célébration de l'anniversaire de la fondation de l'université de Jourieff, par. Wl. Tchisch 1895; Циркуляръ по Одесскому Учебному Округу №№ 6, 7; Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи № 22; Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи т. X, вып. 1; Исторія князей Орбельянъ, перев. съ армянскаго Х. Іоаннесова, Москва, 1883; Описаніе славянорусскихъ рукописей А. А. Титова; Ростовскій Богоявленскій Авраамієвъ

монастырь; Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости (списокъ и указатель статей 1860—1892); Тверскія Епархіальныя Вѣдомости (списокъ и указатель статей 1877 — 1893); Отчетъ Подольскаго Епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета за 1894 г.; Приложеніе къ брошюрѣ 30-лѣтіе дѣятельности Одесскаго Болгарскаго Настоятельства 1854—1884 г.; Отчетъ о дѣятельности Одесскаго отдѣла Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства за 1894 г.; четыре №№ Кіевской газеты «Жизнь» съ помѣщенной въ ней статьей Турк. Кибальчича «Объ уничтоженіи древняго вала великаго князя Ярослава (1019—1054)».

Опредѣлили: благодарить д. ч. Лонгинова, а книги передать въ Библіотеку Общества.

XIV. Докладъ казначея о поступившихъ въ кассу Общества деньгахъ: причитающіеся Обществу въ пособіе за Сентябрьскую треть 833 р. 34 коп.; отъ дѣйств. члена Арсенія Ивановича Маркевича, членскій взносъ 5 руб. и за дипломъ 10 руб.; отъ дѣйств. члена Евг. Дм. Фелицына 5 руб. за высланныя ему «Записки».

XV. Отношеніе Аккерманскаго полиціймейстера, отъ 12 Сентября, № 4283, въ которомъ сообщаетъ, что на берегу Днѣстровскаго лимана, на дачѣ, принадлежащей Аккерманскому мѣщанину Ицкѣ Вольфовичу Зисьману, при расконкѣ имъ песчанаго кургана, на глубинѣ $1^1/_2$ сажени, обнаружена полуразрушенная катакомба, которая, по мнѣнію профессора Новороссійскаго Университета Кочубинскаго, бывшаго случайно въ городѣ Аккерманѣ, относится къ періоду времени до Р. Х. При ближайшемъ осмотрѣ этой катакомбы оказалось, что катакомба эта сооружена изъ весьма крупныхъ камней (твердаго известняка), внутреннія стѣны ея оштукатурены и разрисованы арабесками. Заднюю стѣну катакомбы составляетъ одинъ цѣльный, полукруглый камень шириною (въ цвѣту) 4 аршина и 5 вершковъ и вышиною 3 аршина 15 вершковъ. Стѣна эта обращена къ западу. Къ этой задней стѣнѣ пристроена арка шириною въ полтора аршина, длина-же всей катакомбы $5^1/_2$ аршинъ. Въ катакомбѣ, въ каменномъ полу (природная скала) высѣчены двѣ гробницы размѣрами въ длину 3 аршина 4 вершка и глубиною 13 вершковъ каждая. Верхнія части стѣнъ съ застарѣлою поверхностью и обстоятельство это, въ связи съ отсутствіемъ какихъ-либо выемокъ или ямъ въ скалѣ, указываетъ на то, что катакомба эта открыта въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ она находится въ данное время. При томъ одна изъ гробницъ на половину прикрыта камнемъ. Сообщая объ этомъ Обществу для соотвѣтствующихъ распоряженій, г. полиціймейстеръ увѣдомляетъ, что къ охраненію въ цѣлости означенной катакомбы впредь до распоряженія Общества, приняты имъ охранительныя мѣры. При этомъ вице-президентъ заявилъ, что до полученія увѣдомленія Аккерманскаго полиціймейстера, узнавъ отъ дѣйств. члена А. А. Кочубин-

ского объ открытіи катакомбы, онъ предложилъ ему отправиться съ дѣйствительнымъ членомъ Э. Р. фонъ-Штерномъ въ Аккерманъ для осмотра и изслѣдованія катакомбы.

При этомъ д. ч. А. А Кочубинскій представилъ черепъ изъ одного изъ гробокъ, что въ гробницѣ Аккерманскаго кургана, а относительно самаго отношенія пояснилъ, что расхищенная каменоломщиками камера съ двумя каменными гробами открыта имъ, Кочубинскимъ, 10-го Сентября, передъ отъѣздомъ въ Одессу, случайно, что немедленно онъ обратился въ полицію съ настоятельною просьбою принять мѣры охраны замѣчательнаго памятника древности отъ дальнѣйшаго уничтоженія и произвести разслѣдованіе о самомъ открытіи рабочими памятника и его расхищеніи, такъ какъ тогда уже обѣ гробницы были рачительно очищены до послѣдней, такъ сказать, песчинки; вечеромъ того-же дня онъ сообщилъ объ открытіи г. вице-президенту, а на другой день протелеграфировалъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію, съ просьбой о дальнѣйшихъ мѣрахъ охраны. Черепъ—почти единственный спасенный предметъ.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

XVI. Вице-президентъ доложилъ о смерти дѣйств. члена, извѣстнаго собирателя древностей, пожертвовавшаго свою богатую коллекцію Церковно-Археологическому Обществу при Кіевской Духовной Академіи, Николая Александровича Леопардова.

Память усопшаго сочлена Собраніе почтило вставаніемъ.

XVII. Заявленіе г. Секретаря Общества, В. А. Яковлева, 16-го Сентября 1895 года, о томъ, что по окончательно разстроенному здоровью онъ вынужденъ отказаться отъ должности секретаря, которую онъ занималъ въ теченіи 12 лѣтъ.

Опредѣлили: благодарить профессора Яковлева за понесенные труды по исполненію обязанности секретаря и назначить избраніе новаго секретаря въ слѣдующемъ засѣданіи Общества.

XVIII. Вице-президентъ представилъ Обществу заявленіе, при чемъ самъ удалился изъ Собранія, слѣдующаго содержанія: «Съ глубокою признательностью за оказанное мнѣ Обществомъ вниманіе и высокую честь двукратнымъ избраніемъ секретаремъ и троекратнымъ, затѣмъ, единогласнымъ избраніемъ вице-президентомъ и сохраняя въ душѣ неизгладимую память о высокой наградѣ, которой удостоило меня Общество причисленіемъ къ своимъ почетнымъ членамъ и помѣщеніемъ моего портрета въ залѣ музея, я не могу не заявить, по поводу оканчивающагося въ будущемъ Октябрѣ мѣсяцѣ третьяго четырехлѣтія моей настоящей должности о необходимости отдыха въ мои пожилыя лѣта. Приближающійся чрезъ два года 80-тый годъ моей жизни не только даетъ мнѣ право, но и налагаетъ на меня обязанность уступить мѣсто другому, со свѣжими силами и

энергіей, болѣе способному руководить, за отсутствіемъ Президента, Обществомъ, при его значительно усилившейся въ послѣдніе годы ученой дѣятельности. По этой причинѣ, не отказываясь служить глубокоуважаемому Обществу остаткомъ силъ и принимать посильное участіе въ его ученыхъ трудахъ, имѣю честь покорнѣйше просить приступить къ избранію вице-президента, а также и директора музея, такъ какъ и эта должность, требующая частаго присутствія въ минцъ-кабинетѣ для пріема посѣтителей, желающихъ ознакомиться съ нашими коллекціями монетъ и медалей, была съ самаго начала возложена на меня. Прошу принять пожеланіе успѣха въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи исторіи и древностей Новороссійскаго края, начатомъ 56 лѣтъ тому назадъ и продолжаемомъ съ возрастающимъ рвеніемъ и научною пользою».

Опредѣлили: такъ какъ г. вице-президентъ, послѣ подачи заявленія, удалился изъ Собранія, то избрать депутацію къ нему изъ гг. дѣйств. членовъ: А. А. Кочубинскаго, Э. Р. фонъ-Штерна и А. И. Маркевича, для выраженія просьбы Общества о взятіи имъ обратно его заявленія, при полной готовности Общества всячески облегчить его труды тѣми мѣрами, которыя онъ самъ найдетъ удобными для себя.

290 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

16-го Октября 1895 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице-президента *В. И. Юргевича*, при почетномъ членѣ *А. Л. Бертье-Делагардѣ* и секретарѣ *В. А. Яковлевѣ*, гг. дѣйствительные члены: *А. А. Кочубинскій*, *А. И. Кирпичниковъ*, *Е. И. Перетятковичъ*, *А. А. Павловскій*, *А. И. Алмазовъ*, *Л. С. Мацьевичъ*, *А. И. Маркевичъ*, *А. И. Деревицкій*, *Э. Р. фонъ-Штернъ*, *С. Д. Пападимитріу*, *Л. Ф. Брунъ*, свящ. *С. В. Петровскій*, *А. В. Никитскій*, *П. Ѳ. Красносельцевъ*, *М. П. Истоминъ*, *Х. П. Ящуржинскій*, *С. А. Селивановъ*, *П. Ю. Вучина* и *А. В. Лопгиновъ*.

Вслѣдствіе сдѣланнаго въ прошломъ засѣданіи г. секретаремъ Общества В. А. Яковлевымъ заявленія о томъ, что, по окончательно разстроенному здоровью, онъ вынужденъ отказаться отъ должности секретаря, Общество, выразивъ ему единогласно искреннѣйшую благодарность за понесенные труды, приступило къ избранію новаго секретаря и избрало большинствомъ голосовъ А. А. Павловскаго.

Опредѣлили: принять всѣ бумаги отъ бывшаго секретаря.

Согласно съ просьбой г. вице-президента Общества объ освобожденіи его отъ должности директора музея, Обществомъ былъ избранъ большинствомъ голосовъ Э. Р. фонъ-Штернъ.

Опредѣлили: предложить принять отъ вице-президента музей.

Слушали:

I. Докладъ коммиссіи изъ гг. дѣйств. членовъ А. В. Лопгинова, А. А. Павловскаго, Э. Р. фонъ-Штерна и поч. члена А. Л. Бертье-Делагарда, по

поводу замѣчаній Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія и г. Товарища Министра на представленный для утвержденія проэктъ новаго устава Общества. Докладъ на особомъ листѣ.

Опредѣлили: докладъ коммиссіи представить въ Министерство.

Отчетъ проф. А. А. Кочубинскаго и проф. Э. Р. фонъ-Штерна о поѣздкѣ въ Аккерманъ:

«14-го Сентября 1895 года, мы, нижеподписавшіеся, отправились по порученію Одесскаго Императорскаго Общества Исторіи и Древностей въ городъ Аккерманъ для осмотра и изслѣдованія древняго склепа, открытаго въ курганной насыпи, вблизи города. Курганъ этотъ находится на городской землѣ, версты двѣ отъ центра города, по правой сторонѣ новой дороги, идущей вдоль по берегу лимана изъ Аккермана въ колонію-посадъ Шабо, и составляетъ частную собственность еврея Ицки Зусмана. Владѣлецъ устроилъ на своемъ участкѣ каменоломню и, съ цѣлью добыванія камня, снесъ лѣвую сторону большого кургана. Въ срединѣ кургана и открытъ былъ упомянутый древній склепъ. (Прилагаемые при семъ рисунки и фотографіи иллюстрируютъ лучше всего теперешній видъ склепа). Между тѣмъ, какъ окружающая его земля спереди, съ лѣвой стороны, и сзади почти совсѣмъ снесена, наружная часть правой стороны прилегаетъ къ нераскопанной правой части кургана. Склепъ построенъ былъ на сплошной горизонтальной скалѣ и надъ постройкой сдѣлана была насыпь, считая отъ фундамента, вышиной въ 5 метровъ 32 см. Склепъ состоитъ изъ двухъ правильныхъ прямоугольниковъ, изъ которыхъ первый представляетъ собою переднюю комнатку, второй — камеру для гробницы. Отъ передней остались 4 стѣны въ одинъ слой камней; длина этихъ стѣнъ (двухъ боковыхъ съ востока на западъ) 2 м. 10 см., (двухъ поперечныхъ съ юга на сѣверъ) 1 метръ 4 см. Ширина кладки этихъ стѣнъ 59 и 51 см. Между передней и порогомъ въ камеру оставлено свободное отъ всякой фундаментировки пространство въ 35 см. шириной; такъ какъ недалеко отъ склепа лежитъ громадная плита 33 см. въ толщину, то можно предполагать, что она впущена была въ этотъ фальцъ, чтобы закрыть камеру. Порогъ въ камеру состоитъ изъ одной большой плиты длиной въ 1 м. 62 см. и шириной въ 77 см.; съ обѣихъ сторонъ порога сохранились стѣны — каждая длиной въ 1 м. 19 см., считая снаружи. Камера внутри имѣетъ длину въ 3 м. 90 см. и ширину въ 3 м. 4 см.; въ ней высѣчены параллельно съ востока на западъ въ скалѣ пола двѣ могилы, длиной въ 2 метра 20 см. и шириной 74 см. каждая; вмѣстѣ съ фальцомъ, сдѣланнымъ, чтобы большія плиты плотно закрывали могилы, длина ихъ 2 метра 42 см. и ширина 1 м. 6 см. Одна изъ этихъ плитъ лежитъ теперь еще на лѣвой могилѣ; длина этой плиты 1 м. 10 см., ея ширина 1 метръ 3 см. Надъ этой каме-

рой построенъ былъ склепъ; постройка сдѣлана изъ тщательно обтесанныхъ плитъ твердаго мѣстнаго хорошаго известняка; цоколь состоитъ изъ трехъ слоевъ соединенныхъ цементомъ изъ извести и красной глины камней, въ высоту 1 м. 29 см., если считать съ внутренней стороны; съ внѣшней стороны видны только 2 слоя, такъ какъ тамъ не вся земля снесена до самой скалы.

Надъ этимъ цоколемъ поднимался весьма правильно составленный сводъ изъ семи рядовъ клинообразно обтесанныхъ плитъ; отъ свода этого вполнѣ сохранился только одинъ рядъ его, въ задней части склепа; на лѣвой боковой стѣнѣ, во всю длину ея, первый слой свода еще уцѣлѣлъ; онъ состоитъ изъ двухъ громадныхъ блоковъ, длиной въ 3 м. 11 см. и 1 м. 90 см. и вышиной въ 90 см.; на правой боковой стѣнѣ сводъ повалился. Длина боковыхъ стѣнъ равняется 5 метрамъ, ширина кладки этихъ стѣнъ не одинаковая; между тѣмъ, какъ она при лѣвой стѣнѣ въ задней части равняется 52 см., она расширяется въ передней части до 59; соотвѣтствующія мѣры правой стѣны составляютъ 69 см. и 44 см. Задняя стѣна длиной въ 4 метра; она состоитъ изъ вышеупомянутаго цоколя (1 м. 29 см.) большой полукруглой плиты, вертикальный радіусъ которой=1 м. 41 см. и свода въ 69 см., такъ что высота на этомъ мѣстѣ вполнѣ уцѣлѣвшаго склепа составляетъ 3 м. 39 см. Какъ уже сказано, пространство между цоколемъ и сводомъ сзади закрывается одной громадной плитой, имѣющей форму почти правильнаго полукруга; ея радіусы 1 м. 41 и 1 м. 44; такъ какъ между находящимися около склепа плитами есть остатокъ одной (длина 1 м. 64 см., высота 1 м. 86 см.), которая по углу и дугѣ совершенно соотвѣтствуетъ этой задней плитѣ, то можно предполагать, что и спереди надъ порогомъ подобная плита служила подпорой для свода, оставляя свободнымъ для входа въ камеру только отверстіе въ высоту цоколя, которое потомъ, послѣ погребенія труповъ, закрывалось спускомъ большой плиты въ фальцъ въ 35 см., находящійся между фундаментомъ передней комнаты и лицевой стѣной камеры.

Внутренняя сторона этихъ, весьма тщательно, какъ-бы по лоту, построенныхъ стѣнъ и свода, покрыта известковой штукатуркой, въ которую какимъ-то острымъ инструментомъ врѣзаны очень своеобразные, неправильные орнаменты; это ни геометрическая орнаментика, ни подражаніе мотивамъ изъ царства растеній или животныхъ; въ сравненіи съ этимъ орнаментомъ способъ древнѣйшей Троянской (Dörpfeld Troja, S. 110) и Микенской орнаментаціи является гораздо развитѣе. Орнаментъ въ нашемъ склепѣ скорѣе всего похожъ на подражаніе узору древесины. Навѣрное можно сказать, что этотъ орнаментъ не греческаго происхожденія. Склепъ, такимъ образомъ, принадлежитъ народу, который, судя по отличной кладкѣ

и отдѣлкѣ камней, по правильности свода, по хорошей цементировкѣ и изящности штукатурки, имѣлъ въ строительномъ дѣлѣ большую опытность или могъ пользоваться услугами хорошихъ иностранныхъ архитекторовъ. Съ этой опытностью въ воздвиженіи каменныхъ построекъ рѣзко контрастируетъ своеобразность орнаментики, которая свидѣтельствуетъ о мало развитомъ художественномъ вкусѣ или, по крайней мѣрѣ, о нежеланіи отступить, при украшеніи склепа, отъ унаслѣдованныхъ и освященныхъ обычаемъ образцовъ. При большомъ научномъ интересѣ, который представляетъ этотъ великолѣпный склепъ и его орнаментировка, слѣдуетъ особенно сожалѣть, что гробница расхищена и что не осталось ни малѣйшаго предмета, по которому можно было-бы хоть приблизительно опредѣлить народность похороненныхъ въ ней лицъ и время, къ которому относится сооруженіе этого важнаго памятника. Конечно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ этомъ склепѣ похоронены были весьма знатныя особы и что, по обычаю всѣхъ живщихъ въ древностя на нашемъ Черноморскомъ прибережьи племенъ и народовъ, вмѣстѣ съ трупами положены были въ могилы разныя драгоцѣнности и предметы домашняго обихода. Все это безслѣдно пропало. Если вѣрить результатамъ полицейскаго допроса, то слѣдуетъ думать, что могила ограблена была уже въ древности. Однако это предположеніе является мало вѣроятнымъ. Если допустить, что весь этотъ громадный курганъ былъ раскопанъ въ старину, то однако совершенно непонятно, почему онъ былъ снова засыпанъ и такъ тщательно возстановленъ въ первоначальномъ видѣ, что онъ снаружи являлся вполнѣ цѣлымъ и нетронутымъ. Но и кромѣ того есть основаніе сомнѣваться въ правдивости допрошенныхъ полиціею свидѣтелей. Въ протоколѣ сказано, что съ правой стороны свода не было, что лѣвая стѣна находилась вполнѣ въ томъ видѣ, какъ она раскопана и что вся внутренность камеры наполнена была только однимъ пескомъ. Однако въ недалекомъ разстояніи отъ склепа лежатъ теперь 30 камней, принадлежащихъ по штукатуркѣ и орнаменту къ своду правой стороны; они должны были находиться внутри камеры, и владѣлецъ участка и десятникъ рабочихъ не могли отрицать этого очевиднаго факта; дальше на лѣвой стѣнѣ видны ясные слѣды свѣжей ломки перваго слоя свода; значитъ, здѣсь стѣна при раскрытіи цѣльнѣе была, чѣмъ въ теперешнемъ видѣ; наконецъ профессору Кочубинскому еще 10 Сентября при его первомъ посѣщеніи склепа однимъ мальчикомъ доставленъ вполнѣ сохранившійся черепъ, который найденъ былъ въ могилѣ и зарытъ въ другомъ мѣстѣ. Это несоотвѣтствіе протокола съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что вся внутренность камеры и могилъ самымъ тщательнымъ образомъ очищены отъ всякаго песка, возбуждаютъ сильное подозрѣніе, что ограбленіе гробницы относится не къ глубокой старинѣ, а къ ближайшему прош-

лому. Кромѣ названнаго черепа, нами собраны въ склепѣ еще нѣсколько костей и притомъ, въ окружности склепа, нѣсколько черепковъ сосудовъ, сдѣланныхъ изъ весьма плохой и грубой глины. Кромѣ того, профессоромъ Кочубинскимъ былъ найденъ вблизи склепа, въ мусорѣ мелкихъ камней, разбитый греческій свѣтильникъ. Такъ какъ нельзя установить, находились-ли эти черепки въ самомъ склепѣ, или вообще въ одномъ изъ нижнихъ слоевъ кургана, то они не могли быть привлечены къ рѣшенію вопроса о періодѣ сооруженія гробницы даже въ томъ случаѣ, если-бъ они представляли какіе-нибудь характерные признаки. Но эти черепки почти ничего не говорятъ; можно только сказать, за исключеніемъ свѣтильника,— что это не остатки отъ греческихъ сосудовъ и что ихъ фабрикантамъ техника глазировки отчасти извѣстна. Въ виду изложеннаго, воздерживаемся пока отъ всякой гипотезы насчетъ народа и времени, которому принадлежитъ этотъ единственный въ своемъ родѣ древній памятникъ. Надежды, что наши старанія напасть на слѣдъ расхищенныхъ вещей будутъ увѣнчаны успѣхомъ, не особенно велики; но, кажется, преждевременно было-бы отчаяваться въ возможности точнаго рѣшенія занимающаго насъ здѣсь вопроса: недалеко отъ раскрытой гробницы находится такой-же громадный, до сихъ поръ нетронутый курганъ; весьма вѣроятно, что въ немъ мы найдемъ рѣшеніе загадки и вслѣдствіе этого намъ казалось-бы весьма желательнымъ и важнымъ, если-бы Археологическая Коммиссія могла приступить къ раскопкѣ именно этого кургана».

Предложеніе казначея Общества Э. Р. фонъ-Штерна объ употребленіи оставшейся въ распоряженіи Общества невыданной преміи имени Д. М. Княжевича на ученое изданіе, согласно положенію о преміи. Согласно предложенію д. ч. фонъ-Штерна составлена коммиссія для выработки плана изданія болѣе интересныхъ предметовъ музея. Въ коммиссію избраны: вице-президентъ, поч. членъ А. Л. Бертье-Делагардъ, дѣйств. члены Э. Р. фонъ-Штернъ и А. А. Павловскій.

Отношеніе члена-секретаря Подольскаго Статистическаго Комитета, отъ 12 Октября, на имя секретаря Общества, съ просьбой выслать ему экземпляръ XVII тома Записокъ Общества въ обмѣнъ за его трудъ «Памятники старины въ Подоліи», который онъ не замедлитъ выслать по выходѣ изъ печати.

Опредѣлили: выслать XVII т. Записокъ Общества.

Письмо дѣйств. члена проф. Московскаго Университета Ив. Андр. Линниченко съ выраженіемъ глубочайшей признательности за принятіе его въ число членовъ Общества и обѣщаніемъ быть дѣйствительнымъ членомъ, на сколько позволятъ силы и знанія.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

Вице-президентъ предъявилъ: 1) Купленныя имъ у Аккерманскаго крестьянина монеты:

Æ Тиры. Юліи Домны. Обр. стоящая Домна съ оливковой вѣткой и посохомъ (миръ).

Æ. Валентиніана.

R M. Антонина Авг. Сов. III, Concordia tr. XVI.

— Маленькую турецкую.

— Маленькую молдавскую Стефана В. Обр. бычья голова и между рогами звѣзда.

— Польскую Сигизмунда 3 (grossus tripiex).

2) Купленную казначеемъ Общества Э. Р. фонъ-Штерномъ тирасскую М. Аврел. Антонина, представляющую неизданный варьянтъ.

3) Принесенныя въ даръ дѣйств. членомъ Александромъ Васильевичемъ Никитскимъ:

Æ Полирриніевъ (Критъ).

— Коринѳа. Тріумфальныя ворота. М. Авр. Антонина (Элагабала).

— Ахейскаго союза (Элиды).

— Римскихъ фамилій Juliae, Marciae, Thoriae (3 экз.).

— Аріобарзана I Каппадокійскаго.

— Сикіона.

— Селге (въ Писидіи).

— Александр. Мак. тетрадрахма.

— Ѳазосская съ сатиромъ и нимфой.

— Мѣдная грузинская.

— 5 коп. 1758 г.

4) Принесенные въ даръ почетн. членомъ А. Л. Бертье-Делагардомъ предметы и монеты:

А. Монеты:

R Ольвіи. Аполлонъ и лира.

Æ Деульта. Ю. Мамея и Артемида.

— Плотинополь. Каракалла и Гиген (рѣдкая).

— Мессемвріи. Филиппъ младшій и Асклепій.

— Одисса. Гордіанъ III, Транквиллина и Немезида.

— Id. Елагабалъ и Сераписъ.

— Анхіала, Гордіанъ, Транквиллина и Сераписъ.

Æ Анхіала. Гордіанъ, Транквиллина и Тихе.
— id. id. Сераписъ, иначе.
— id. id. и Тихе, иначе.
— Томи. Гета и Зевсъ.
— » Филиппъ младшій и Деметра.
— » Деметра и колосья.
— » Зевсъ и орелъ.
— Каллатіи Деметра и вѣнокъ (неиздана).
— Діонисополя. Гордіанъ и Тихе.
— Маркіанополя. Каракалла, Домна и Тихе.
— id id. и Тихе, иначе (рѣдкая).
— Маркіанополя. Каракалла, Гета и Тихе.
— id. Элагабалъ, Юлія Меза и Согласіе.
— Маркіанополя. Гордіанъ и Деметра.
— id. id. и Зевсъ.
— id. id. и Аѳина.
— id. id. и Тихе.
— Аполлоніи Оракійской Галліенъ и рѣка (чрезвычайно рѣдкая, неиздана).
— Перинѳа. Поппея и знаки Изиды, (чрезвычайно рѣдкая).

R Маронеи. Конь и лоза.
— Абдеры, Аполлонъ и грифонъ.

Æ Визіи. Антониніъ, Гигея и Асклепій (рѣдкая).
— Адріанополя. Гета и Гераклъ.

ÆR Спарадока. Конь и орелъ (очень рѣдкая).

Æ Мостиса. Зевсъ и получье (чрезвычайно рѣдкая, неиздана).

Æ Лизимаха. Статеръ, чеканенный въ Одессѣ, (чрезвычайно рѣдокъ, неиздана).

Æ Лизимаха. Аѳина и голова льва.
— id. id. и левъ.
— id. Лизимахъ и Аѳина.
— id. Гераклъ и вѣнокъ.
— Вѳѳціи. Адріанъ и храмъ, съ фигурами.
— Тій.

ÆR Синопа. Нимфа и орелъ на дельфинѣ.

Æ Никея. Діогенъ и ѳирсъ.
— id. Макріанъ и стѣны (рѣдкая).
— id. Максимъ и Аѳина.
— Никомедія. Зевсъ и Римъ.

Æ Апамея-Мирлея Аполлонъ и лира (рѣдкая).
— Керасосъ. Элагабалъ и Тихе (очень рѣдкая, неиздана).
Æ Гераклея. Геракл ъ и Діонисъ (чрезвычайно рѣдкая).
Æ Гераклея. Септ. Северъ и Тихе (рѣдкая).
— id. Гета и Тихе (рѣдкая).
Æ id. Геракл ъ и Тихе (рѣдкая).
Æ Амасія. Амасія и волчица.
— id. Траянъ и храмъ.
— id. Каракалла и Асклепій.
— Пруза ad Olympum. Гета и Тихе (рѣдкая).
— id. Отакилла и Посейдонъ.
— id. Ю. Домна и Тихе.
— Амастрія. Максимъ и Геракл ъ.
— id. Зевсъ и орелъ.
— id. Аѳина и Персей.
— Неокесарея. Гета и храмъ (рѣдкая).
— id. Транквиллина и урна (очень рѣдкая).
— Амисъ. Арей и мечъ.
— id. тоже, иначе.
— id. Веспасіанъ и вѣнокъ (рѣдкая).
— id. Персей и кадуцей (рѣдкая).
— id. Тихе, Асклепій и Гигея (рѣдкая).
— id. Максимъ и Афродита (чрезвычайно рѣдкая, не издана).
— Амисъ. Филиппъ и Посейдонъ (очень рѣдкая).
Æ id. Адріанъ и Гермесъ.
— id. id. и Аѳина.
— id. Сабина и Гермесъ.
— Никомеда II. Тетрадрахма (рѣдкая).
Æ Пруссія II. Аполлонъ и лира.
— Самоса. Гера и голова льва.
Æ Лампсака. Двойное лицо и Аѳина.
— Кесарея (Каппад.) Траянъ и воинъ.
— id. М. Аврелій и гора Аргей.
AV Никифора Фоки. Спаситель, Богородица и царь (рѣдкая).
— Исаакъ I. Спаситель и царь (очень рѣдкая).
Æ Іоаннъ Цимисхій. Царь и надпись.
AV Петра I. Двухрублевикъ 1723 г.
— Елисаветы. Полуимперіалъ 1757 г.
— Павла I. Полуимперіалъ 1799 г.

— Анны. Рубль 1731 г.
— Елисаветы. Полтина 1756 г.
— id. Полтина 1761 г. (рѣдкая).
— id. Полтина 1751 г.
— Екатерины II. Рубль 1776 г.
— id. Полтина 1763 г.
— Николая I. Пять злотыхъ 1829.

А всего монетъ:

Золотыхъ.	6
Серебряныхъ	22
Мѣдныхъ.	62
Всего . .	90 шт.

Всѣ такія, которыхъ не было въ собраніи Общества, и большая часть изъ отдѣла наиболѣе интереснаго Обществу—прибрежья Чернаго моря.

Б) Разные предметы:

1) Чернолаковая росписная ваза.
2) Такая-же маленькая амфора.
3) Красной глины сосудъ съ тисненными узорами.
4) Блюдце изъ красной глины съ тисненнымъ изображеніемъ.
5) Такое-же, иное изображеніе и размѣръ.
6) Чашка темной глины съ тисненными узорами.
7) Чернолаковый, не росписной, сосудикъ съ тисненнымъ узоромъ.
8) Терракоттовый большой медальонъ, голова Горгоны.
9) Такой-же, маленькій.
10) Терракоттовая статуэтка Эротъ и Тихея.
11) Такая-же, Діонисъ (кусокъ отбитъ).
12) Такая-же, сидящая женщина.
13) Такая-же, идущая женщина.
14) Такая-же, голова Діониса съ уцѣлѣвшею раскраскою.
15) Такая-же, форма для выдѣлки статуэтки Эрота.
16) Такая-же, комическая фигура игрока на трубѣ.
17) Такая-же, комическая фигура мужчины съ ребенкомъ.
18) Такая-же лампочка, съ изображеніемъ стада рыбъ (очень рѣдкая)
19) Такая-же лампочка, съ изображеніемъ Кентавра.
20) Разбитая и склеенная (безъ ногъ по колѣни) большая статуэтка. Астарты, покрытая зеленой (египетской) поливой (очень рѣдкая).

21) Тринадцать разныхъ пряжекъ, обтянутыхъ золотомъ, отъ конской сбруи.

22) Большое бронзовое зеркало съ ручкой (сломано).

Всѣ эти предметы изъ Керчи.

23) Бронзовая фигура, точное подобіе каменныхъ бабъ, изъ Екатеринославской губерніи.

24) Пять различныхъ свинцовыхъ фигурокъ изъ Ольвіи.

25) Серебряная пластинка съ тисненымъ изображеніемъ Богородицы съ Младенцемъ и ангела, изъ Керчи.

26) Два крестика изъ Херсонеса.

27) Дарохранительница въ видѣ маленькой церковки изъ камня, изъ Ѳеодосіи.

28) Глиняный свистокъ въ видѣ птички, съ слѣдами зеленой поливы, изъ Ѳеодосіи.

29) Шесть каменныхъ пуль, изъ Ѳеодосіи.

30) Игральная кость изъ мрамора, изъ Ѳеодосіи.

31) Шесть различныхъ мѣдныхъ крестиковъ, изъ Ѳеодосіи.

32) Мѣдный образокъ Спасителя, изъ Ѳеодосіи.

33) Мѣдныя бляшки съ генуэзской монограммой, изъ Ѳеодосіи.

34) Лошадь въ видѣ грубаго складня, изъ Ѳеодосіи.

35) Шея и голова лебедя изъ кости, изъ Ѳеодосіи.

Опредѣлили: благодарить почетнаго члена А. Л. Бертье-Делагарда и А. В. Никитскаго, а вещи и монеты передать въ музей.

Секретарь предъявилъ присланныя, для библіотеки Общества книги: Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, томъ XXXI в. 3. Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго этнографическаго музея, в. IV. Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, т. III, № 1 и 2 Іюнь и Сентябрь 1895. Византійскій Временникъ, т. II, в. III. Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета ч. LXII, кн. 5, Ученыя Записки Юрьевскаго Университета 1895, № 3. Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи т. X, в. 2. Циркуляръ по Одесскому Учебному Округу, № 8. Sitzungberichte der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst 1894. Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia für das 49 und 50 Vereinsjahr 1893—1894. Berliner Münzblätter № 179 Juli 1895. Bulletino di Archeologia e storia Dalmata anno XVIII Spalato 1895. Отъ Смитсоніанскаго института Chinook texts by Fr. Boas и The Sivuan tribes of the east by Z. Moohey.

Опредѣлили: книги передать въ библіотеку Общества.

Вице-президентъ предложилъ въ дѣйствительные члены Общества члена Одесскаго Статистическаго Комитета (съ 1868 года), ст. сов. Ивана Федоровича Федорова, представивъ списокъ напечатанныхъ имъ статей. Къ предложенію присоединились В. А. Яковлевъ и А. И. Маркевичъ.

Вице-президентъ и дѣйствительные члены А. В. Лонгиновъ, А. А. Кочубинскій и А. И. Маркевичъ—Гарольда Рудольфовича Шмидта.

Опредѣлили: баллотировать въ слѣдующемъ засѣданіи.

291 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

27-го Ноября 1895 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице-президента *В. Н. Юргевича* и при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, гг. дѣйствительные члены: *А. Л. Кочубинскій*, *А. И. Маркевичъ*, *А. В. Лонгиновъ*, *Л. С. Мацѣевичъ*, *А. В. Никитскій*, *Х. П. Яцуржинскій*, *А. И. Кирпичниковъ*, *Э. Р. фонъ-Штернъ*, *А. И. Деревицкій* и *М. П. Истоминъ*.

Слушали:

I. Отношеніе Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 16 ноября № 24395, по Высочайшему повелѣнію, на имя президента Общества, съ увѣдомленіемъ, что отчетъ Общества за минувшій 1894 годъ былъ имъ представленъ Государю Императору и удостоенъ благосклоннаго принятія.

II. Отношеніе Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 18 ноября 1895 года за № 24700 на имя президента Общества, съ увѣдомленіемъ, что имъ были представлены экземпляры отчета за 1894 годъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Михаилу Николаевичу, Сергію Александровичу, Константину Константиновичу и Георгію Михаиловичу и Ихъ Высочествамъ благоугодно было благодарить Общество.

III. Докладъ коммиссіи, изъ вице-президента, почетнаго члена А. Л. Бертье-Делагарда, казначея Э. Р. фонъ-Штерна и секретаря А. А. Павловскаго, избранной Обществомъ 16 октября сего года для обсужденія предмета изданія на средства, накопившіяся изъ процентовъ съ капитала преміи Дмитрія Максимовича Княжевича (см. протоколъ 290 засѣданія).— Исходя изъ сознанія научной цѣнности многихъ предметовъ музея Общества и важности надлежащаго опубликованія ихъ для широкаго научнаго пользованія, коммиссія посмотрѣла на предложенную ей общимъ собраніемъ задачу болѣе широко и остановилась на мысли начать на эти сред-

ства изданіе въ отдѣльныхъ выпускахъ, выходящихъ въ свѣтъ безъ опредѣленныхъ сроковъ, наиболѣе цѣнныхъ съ точки зрѣнія изученія нашего края и общаго археологическаго интереса предметовъ музея. Въ выпускѣ группируются предметы по возможности одного общаго характера. Форматъ изданія долженъ быть таковъ, чтобы таблицы его значительныхъ размѣровъ допускали изображенія и крупныхъ предметовъ съ надлежащею детальностію, и въ то-же время, чтобы пользованіе этимъ изданіемъ было удобно. Такимъ форматомъ коммиссія признала форматъ большаго кварта. Предметы музея воспроизводятся въ таблицахъ этого изданія наиболѣе пригоднымъ для ихъ полной характеристики способомъ. Текстъ изданія долженъ представлять мотивированное описаніе изображенныхъ на таблицахъ его предметовъ съ введеніемъ ихъ въ общій кругъ однородныхъ имъ и указаніемъ литературы, буде она есть, посвященной предметамъ выпуска, и общее предисловіе. Текстъ сопровождается переводомъ его на одинъ изъ иностранныхъ языковъ en regard. Стоимость каждаго выпуска не должна превышать 400 — 500 рублей. Количество таблицъ будетъ въ зависимости отъ этой общей суммы и стоимости воспроизведенія каждой изъ нихъ въ способѣ, наиболѣе пригодномъ для изображаемыхъ въ выпускѣ предметовъ, въ количествѣ ста пятидесяти экземпляровъ. Первый выпускъ этого изданія коммиссія предлагаетъ посвятить изданію терракоттъ музея, дать въ немъ десять фототипическихъ таблицъ и 3 — 4 листа текста и на изданіе его употребить средства, накопившіяся изъ процентовъ съ капитала преміи имени Д. М. Княжевича, послѣдующіе-же выпуски издавать по мѣрѣ накопленія необходимыхъ средствъ изъ процентовъ съ капиталовъ премій, изъ пожертвованій и изъ ежегодныхъ небольшихъ отчисленій изъ суммъ общества.

Опредѣлили: считать изданіе отдѣльнымъ отъ Записокъ и предоставить пріобрѣтеніе его членамъ Общества на льготныхъ условіяхъ.

IV. Письмо д. ч. В. В. Шкорпила отъ 15 октября, на имя вице-президента, съ сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о двухъ человѣческихъ черепахъ, бусахъ и стрѣлкахъ, предъявленныхъ въ засѣданіи 16 сентября (см. протоколъ 290). Вещи эти были найдены на южномъ склонѣ горы Ташъ-Аллакъ, которая возвышается къ юго-западу надъ Чокракскимъ озеромъ. Весь этотъ склонъ былъ покрытъ небольшими буграми, которые при раскопкахъ оказались древними курганчиками. Всѣ гробницы высѣчены въ скалистой почвѣ, на разной глубинѣ, смотря по тому, на какой глубинѣ начинается скала ($^1/_2$—$1^1/_4$ аршина). Самая большая гробница имѣетъ длины 2,45 метра, ширины 1,50 и глубины 0,55. Всѣ гробницы имѣютъ направленіе отъ востока къ западу и покрыты большими плитами изъ того-же камня, изъ котораго состоитъ почти вся гора. Одна только гробница оказалась неограбленной: она не была наполнена землею, какъ всѣ

прочія, и «швы» или промежутки между стѣнками «ящика» и плитою, лежавшей сверху, были замазаны глиною. Всѣ прочія могилы были ограблены еще въ древности: всѣ были наполнены землею и въ нихъ замѣтны слѣды двойнаго погребенія. Кажется, это были первоначально греческія гробницы, которыми въ послѣдствіи воспользовался другой болѣе бѣдный и менѣе образованный народъ. Въ неограбленной гробницѣ найденъ только одинъ «прахъ», между тѣмъ какъ въ прочихъ найдено отъ 30 до 35 труповъ въ каждой. Въ неограбленной гробницѣ найдено: въ каждой рукѣ трупа по черной лакированной чашечкѣ, куски поломанныхъ мѣдныхъ колецъ, мѣдныя бусы и 27 стрѣлокъ, изъ которыхъ 20 сдѣланы изъ мѣди, а 7 изъ желѣза; сверхъ того маленькая амфора безъ ручекъ и желѣзный ножъ. Въ ограбленныхъ-же гробницахъ среди множества мужескихъ, женскихъ и дѣтскихъ труповъ попадались на ряду съ хорошо сохранившимися терракоттами (Амуръ и Психея прекрасной работы) разбитыя терракотты, куски разбитой глиняной посуды, мѣдныя и желѣзныя стрѣлки, стеклянныя и сердоликовыя бусы и между прочимъ серебряная, въ одномъ мѣстѣ позолоченная серьга. Стекла не было. Въ одной гробницѣ можно было ясно замѣтить два слоя, изъ которыхъ каждый указывалъ на другое погребеніе. Раскопки эти производилъ въ маѣ и іюнѣ этого года здѣшній помѣщикъ А. А. Диринъ, которому принадлежитъ Чокракъ и Ташъ-Аллакъ. Я воспользовался любезнымъ приглашеніемъ Александра Алексѣевича и присутствовалъ въ теченіи нѣсколькихъ дней на раскопкахъ. Считаю нелишнимъ сообщить обществу, что А. А. Диринъ производилъ въ этомъ году раскопки еще въ своемъ имѣніи Мамà и въ имѣніи Мамбета Чингисханова Куль-тепе (оба эти имѣнія находятся на берегу Азовскаго моря) и что онъ намѣренъ послать подробный докладъ объ этихъ раскопкахъ или Одесскому Обществу, или археологической коммиссіи.

Опредѣлили: благодарить и просить прислать докладъ въ Общество.

V. Письмо В. В. Шкорпила, отъ 21 октября, съ препровожденіемъ при немъ, по порученію братьевъ его Германа Шкорпила, преподавателя въ Филиппополѣ и Карла, преподавателя въ Варнѣ, изданныхъ ими пяти археологическихъ и географическихъ сочиненій на болгарскомъ языкѣ (см. ниже списокъ присланныхъ для библіотеки Общества книгъ) и сверхъ того одной, объяснепной К. Шкорпиломъ, до сихъ поръ неизданной, греческой надписи изъ древняго Діонисополя (теперешній Бальчикъ къ сѣверу отъ Варны на Черномъ морѣ. Эта надпись будетъ началомъ цѣлаго ряда надписей, которыя удалось найти въ древней Мизіи и Оракіи и которыя будутъ постепенно отправляемы въ Одессу. Братья Карлъ и Германъ Шкорпилы издавали надписи въ вѣнскомъ журналѣ «Archäologisch-epigraphische Mittheilungen» (т. XV, стр. 91 и 204, т. XVII, стр. 170), а теперь, по совѣту В. В. Шкорпила, будутъ присылать Одесскому Обществу, которое

какъ они надѣются, не откажется печатать ихъ въ своихъ протоколахъ и Запискахъ, такъ какъ оно интересуется всѣмъ черноморскимъ побережьемъ. Въ городѣ Бальчикѣ (въ древности Κρουνοί, Διονυσόπολις) на морскомъ берегу, въ кварталѣ, называемомъ «Аязма Махалеси», на кладбищѣ около бывшей греческой церкви, лежитъ мраморная плита съ греческою надписью. Эта плита, какъ разсказывали г. Шкорилу, находилась прежде въ церкви, разрушенной два года тому назадъ, но откуда она была туда перенесена, неизвѣстно. Плита имѣетъ форму продолговатаго четыреугольника; правая сторона ея отбита. Вышина камня 0,202 м., длина сохранившейся части 0,59, толщина 0,46. На камнѣ, на которомъ нѣтъ никакихъ украшеній, вырѣзано красивыми буквами (выш. 0,02 м.) пятистрочная надпись, которую читаетъ г. Шкорилъ:

Α]ὐτοκράτορι Τίτῳ Καίσαρι Σεβα[στῷ Αὐτοκρά-
το]ρος Οὐεσπασιανοῦ υἱῷ, ἀρχι(ι)ερ[εῖ μεγίστῳ,
δη]μαρχικῆς ἐξουσίας, Ἡρακλέων[τοῦ δεῖνος
ἱερεὺς ἐκ τῶν ἰδίων τὸν ἀνδρια[ντα χαλκοῦν? ἀν-
έ]στησεν δοὺς καὶ νομὴν πολείταις μ[?.....

Судя по оставшемуся слѣду, въ концѣ третьей строки было названіе отца Геракліона, начинающееся съ одной изъ трехъ буквъ: Α, Λ и Χ (?). Въ концѣ пятой строки былъ, по убѣжденію г. Шкорила, обозначенъ размѣръ подарка (νομὴ - congiarium), который вышеупомянутый жрецъ роздалъ своимъ согражданамъ, когда воздвигъ статую императора Тита. Въ отбитой части, гдѣ помѣщалось 9 — 11 буквъ, могло быть и слово μεγαλοφρόνως, которое часто прибавляетъ историкъ Геродіанъ, говоря о подаркахъ, раздаваемыхъ римскими императорами народу (II, 14, 5: νομὰς ἐπιδοὺς τῷ δήμῳ μεγαλοφρόνως III, 8, 9, 10, 2. II, 4, 1). Но въ данномъ случаѣ такая прибавка была-бы крайне неумѣстна.

VI. Письмо В. В. Шкорила отъ 10-го ноября съ препровожденіемъ, по порученію его брата Карла, второй надписи, найденной въ древнемъ Діонисополѣ и кромѣ того двухъ фотографическихъ снимковъ обѣихъ надписей, а также фотографіи рельефа, найденнаго въ Бальчикѣ, съ изображеніемъ танцующихъ женщинъ. Надгробіе съ латинскою надписью найдено въ центрѣ города Бальчика, гдѣ теперь находится домъ городской управы. Оно имѣетъ форму продолговатой плиты изъ известняка, выш. (въ срединѣ) 2,00 м., шир. 0,72 и толщ. 0,27. Верхняя часть плиты украшена фронтономъ, имѣющимъ форму треугольника, основаніе котораго 0,535 м., а высота 0,19. Поле этого треугольника занято барельефнымъ изображеніемъ круглаго щита, надъ которымъ горизонтально положено копье съ остріемъ. Подъ фронтономъ находится продолговатое углубленіе выш. 0,33 м., шир. 0,21 и глуб. 0,021; въ этомъ углубленіи, судя по подобнымъ на-

ходкамъ въ Асарджикѣ и Девнѣ (Marcianopolis) была, по всей вѣроятности, мраморная доска съ рельефнымъ изображеніемъ «оракійскаго всадника», которое такъ часто встрѣчается на мизійскихъ и оракійскихъ памятникахъ (см. A. Dumont, Inscript. et monum. figurés, de la Thrace. Paris, 1876 pp. 70, 71; К. и Х. Шкорпилъ Сѣверо-восточне България. Софие, 1892 с. 67—81. Доска эта была прикрѣплена къ надгробію съ трехъ сторонъ (кромѣ верхней) какъ указываютъ сохранившіеся до сихъ поръ слѣды. Еще ниже высѣчена площадь, окруженная съ четырехъ сторонъ простою каменною рамою, ширина которой колеблется между 0,065 и 0,085 м. Площадь, занятая латинскою надписью, имѣетъ ширины 0,37 и выш. 0,64; вышина буквъ неодинакова: 0,64—0,37 м. Послѣдняя строка, состоящая изъ одной буквы P вырѣзана между двумя листьями на нижней рамѣ. Десятистрочную латинскую надпись, которую мнѣ впервые сообщилъ инспекторъ училищъ г. А. Явашевъ, К. Шкорпилъ читаетъ слѣдующимъ образомъ:

D(is) M(anibus)
Val(erius) Hercu(les)
Val(erii) Silva-
ni vet(erani) f(ilius)
vix(it) an(nis) XII
mc(nsibus) VI.
Cl(audius) Secun(dus)
Ma(rci)f(ilius) b(eatus) h(e)r(es)
Firmi vic(o)
ϕ p(osuit). ϕ

Со временъ Александра В., который далъ своему сыну имя Ἡρακλῆς, послѣднее часто встрѣчается какъ имя людей. (Fr. Bechtel und Aug. Fick, Die griech. Personennamen, 2 Aufl. Göttingen 1894 p. 300. Pape-Benseler s. v.) Также римляне, какъ напр. императоръ Адріанъ и Коммодъ, прибавляли къ своимъ именамъ прозвище Hercules. Букву B въ восьмой строкѣ г. Шкорпилъ пополняетъ въ beatus, имѣя въ виду недавно изданную надпись изъ Херсонеса Таврическаго (В. В. Латышевъ, греч. и лат. надписи, найд. въ Южной Россіи въ 1892—1894 годахъ. Спб. 1895 N. 16 = Sitzungsberichte der K. preuss. Akademie der Wissensch. zu Berlin, 1895, XXVII p. 520). Послѣдняя буква девятой строки, судя по оставшемуся слѣду, можетъ быть только O: по этому мнѣ кажется, что слова Firmi vico (sc. ortus; ср. Cato ortus municiplo Tusculo. Corn. Nep. Cato) означаетъ родину Клавдія, который соорудилъ этотъ памятникъ. Если мое чтеніе правильно, то останется открытымъ еще тотъ вопросъ, означаютъ-ли слова Firmi vicus деревню (ср. vicus Alexandri. Amm. Marc. 17, 4, 14) или предмѣстіе и гдѣ эта деревня или предмѣстіе находились.

Опредѣлили: благодарить и напечатать въ протоколѣ, а поэтому поводу постановили измѣнить форматъ протоколовъ на форматъ Записокъ и прилагать къ каждому тому Записокъ всѣ протоколы за время отъ выхода въ свѣтъ одного тома до выхода новаго.

VII. Письмо дѣйств. члена Е. Д. Фелицына на имя вице-президента съ препровожденіемъ «Матеріаловъ для исторіи войны съ Турціею 1788—1791 года», хранящихся въ Кубанскомъ войсковомъ архивѣ, и съ изъяснительнымъ предисловіемъ для указанія ихъ нѣкотораго значенія для исторіи Новороссійскаго края: «Въ Кубанскомъ войсковомъ архивѣ, въ городѣ Екатеринодарѣ, въ числѣ прочихъ дѣлъ имѣются дѣла бывшаго Черноморскаго войска, образовавшагося въ 1787 году изъ остатковъ Запорожскаго войска, которое, какъ извѣстно, 5 Іюня 1755 года фактически закончило свое существованіе и манифестомъ Императрицы Екатерины II отъ 3-го Августа того-же года объявлено было уничтоженнымъ. Мы знаемъ, что послѣ разоренія Запорожской Сѣчи генералъ-поручикомъ Текели, часть казаковъ, въ числѣ около 5000 человѣкъ, отправилась въ Турцію и вступила въ подданство турецкаго султана, остальные-же разошлись по разнымъ мѣстамъ Южной Россіи и сдѣлались мирными поселянами. (Казаки служащіе распредѣлены были въ регулярные полки, жители-же селеній и хуторовъ обращены въ казенныхъ поселянъ Екатеринославскаго намѣстничества). Условія мирнаго быта далеко не отвѣчали свободолюбивому и воинственному складу характера запорожцевъ и въ нихъ возродилось стремленіе къ возстановленію своего войска, неожиданное уничтоженіе котораго было для нихъ тѣмъ болѣе тяжкимъ ударомъ, что они никакъ не могли примириться съ своимъ новымъ положеніемъ. Поэтому когда Императрица Екатерина II предприняла въ 1787 году путешествіе по Южной Россіи, наиболѣе предпріимчивые запорожскіе старшины, съ Сидоромъ Бѣлымъ во главѣ, пользуясь этимъ случаемъ, поднесли Государынѣ въ Кременчугѣ адресъ, въ которомъ отъ имени казаковъ бывшаго Запорожскаго войска выражено было желаніе вступить вновь на службу подъ знамена Россіи. Адресъ этотъ былъ принятъ Императрицею весьма благосклонно и при содѣйствіи могущественнаго князя Г. А. Потемкина-Таврическаго желаніе запорожцевъ было удовлетворено. Въ томъ-же году по случаю разрыва дружественныхъ отношеній съ Турціею князь Потемкинъ, по предложенію капитана Захарія Чепеги, приказалъ вызвать и собрать казаковъ бывшаго Запорожскаго войска для участія въ предстоявшей войнѣ съ Турціею. Собранные такимъ образомъ сѣчевики получили названіе «Войска вѣрныхъ казаковъ» въ отличіе отъ тѣхъ, кои находились въ Турціи и считались «невѣрными». Первымъ коневымъ атаманомъ этого войска назначенъ былъ старшина, арміи подполковникъ Сидоръ Игнатьевичъ Бѣлый и войску возвращены были бывшія въ Запорожьи регаліи: большое бѣлое знамя съ

андреевской звѣздою, малыя знамена для куреней, булава для кошеваго атамана, печати и печать. Войсковый кошъ основанъ въ устьѣ рѣки Буга, при урочищѣ Васильково, и въ немъ введено было кошевое управленіе по примѣру существовавшаго въ Запорожскомъ войскѣ. «Вѣрные казаки» въ лицѣ князя Потемкина пріобрѣли себѣ могущественнаго покровителя, который всячески способствовалъ ихъ лучшему устройству и благосостоянію. Онъ обѣщалъ отвести казакамъ подъ поселеніе земли въ Керченскомъ кутѣ или на Таманп, подарилъ имъ свои богатыя рыбныя ловли на Агуевской косѣ, при Азовскомъ морѣ, снабдилъ казаковъ для войны съ Турціею артиллеріею, огнестрѣльнымъ оружіемъ и боевымъ припасомъ, гребной флотиліею и исходатайствовалъ выдачу имъ отъ казны жалованія и провіанта. Въ 1790 году «вѣрнымъ казакамъ» отведена была для поселенія земля между рѣками Бугомъ и Днѣстромъ и они получили названіе «Черноморскаго казачьяго войска». Но черезъ два года войско это переселено было на рѣку Кубань и существовало подъ именемъ Черноморскаго до 1860 года, когда оно, съ присоединеніемъ къ нему шести бригадъ бывшаго Кавказскаго линейнаго войска, получило носимое имъ нынѣ названіе Кубанскаго казачьяго войска. Черноморцы подъ начальствомъ своихъ доблестныхъ старшинъ Сидора Бѣлаго, Захарія Чепеги и Антона Головатаго принимали дѣятельное участіе почти во всѣхъ дѣлахъ турецкой кампаніи 1788—1791 годовъ и мужественно раздѣляли съ другими войсками русской арміи всѣ труды и опасности при завоеваніи Новороссійскаго края. Де-Рибасъ съ черноморцами взялъ островъ Березань и овладѣлъ хаджибейскимъ замкомъ. Въ достопамятномъ морскомъ сраженіи у Кинбурнскихъ береговъ черноморцы на своихъ маленькихъ лодкахъ разбили грозный турецкій флотъ, но лишились при этомъ своего храбраго кошеваго атамана Сидора Бѣлаго. Не менѣе славными воинами заявили они себя и въ сраженіяхъ подъ Бендерами, Очаковомъ, Аккерманомъ, Килісю, Бабадагомъ и при штурмѣ крѣпости Измаила. Императрица Екатерина II, князь Потемкинъ и его знаменитые сподвижники: Суворовъ, Кутузовъ, Гудовичъ и де-Рибасъ высоко цѣнили заслуги черноморцевъ и оцѣнка эта запечатлѣлась отчасти въ нѣкоторыхъ документахъ, хранящихся въ дѣлахъ Кубанскаго войсковаго архива. Изъ сказаннаго видно, что первые годы исторической жизни Черноморскаго войска, проведены были въ предѣлахъ Новороссійскаго края, въ войнѣ за обладаніе этой богатой провинціею. Но дѣятельность черноморцевъ въ означенное выше время, равно какъ и нѣкоторыя обстоятельства, сопровождавшія возрожденіе этого войска изъ остатковъ упраздненаго войска запорожскаго далеко еще не выяснены въ нашей исторической литературѣ и многіе сырые матерьялы, касающіеся этого предмета, остаются пока нетронутыми. Къ числу такихъ матеріаловъ принадлежатъ между прочимъ предлагаемые документы, найденные мною въ дѣлахъ Кубанскаго

войсковаго архива. Заключая въ себѣ свѣдѣнія о сформированіи Черноморскаго войска и участіи его въ турецкой войнѣ 1788—1791 годовъ, документы эти представляютъ нѣкоторый интересъ и для исторіи Новороссійскаго края».

Опредѣлили: благодарить и передать въ издательную коммиссію.

VIII. Отношеніе директора Русскаго Общества пароходства и торговли, отъ 23 октября, № 421, съ просьбой о разрѣшеніи ему пользоваться для цѣлей Общества пароходства и торговли прибрежной полосой земли, принадлежащей Императорскому Обществу Исторіи и Древностей въ мѣстечкѣ Судакѣ.

Опредѣлили: составить для выработки условій договора коммиссію изъ А. Л. Бертье-Делагарда и А. В. Лонгинова подъ предсѣдательствомъ вице-президента Общества.

IX. Отношеніе предсѣдателя Кенигсбергскаго Общества древностей «Пруссія», проф. д-ра А. Бецепбергера съ выраженіемъ благодарности за избраніе его дѣйствительнымъ членомъ.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

X. Отношенія: почетнаго члена высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, директора Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ, почетнаго члена В. А. Дашкова, попечителя Одесскаго учебнаго округа Х. П. Сольскаго, предсѣдателя Церковно-археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи, ректора Академіи Сильвестра, проф. Кіевской Дух. Академіи Н. Петрова и Эстляндскаго Губернскаго Статистическаго Комитета съ выраженіемъ благодарности за доставленный имъ XVIII томъ Записокъ, и Императорскаго Томскаго Университета—за Отчетъ за минувшій годъ.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

XI. Отношеніе Одесскаго Городскаго Головы В. Н. Лигина отъ 22-го Ноября № 833 съ препровожденіемъ сборника подъ заглавіемъ «Одесса 1794—1894», изданнаго Городскимъ Общественнымъ Управленіемъ по случаю истекшаго столѣтія существованія города.

Опредѣлили: благодарить.

XII. Отношеніе Подольскаго Епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета отъ 7 Ноября, № 158, съ препровожденіемъ 7 выпуска своихъ «Трудовъ» и просьбой обмѣна изданіями.

Опредѣлили: вступить въ обмѣнъ.

XIII. Секретарь предъявилъ присланныя для библіотеки Общества книги: Извѣстія Императорской Академіи наукъ т. III, №№ 3, 4; Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества т. XXXI вып. IV; Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи ч. IX, № 23; Варшавскія университетскія извѣстія 1895—VI, VII; Уч. Записки Императорскаго Казанскаго Университета, т. LXII, кн. 10; Сообщенія Имп. православнаго

Палестинскаго Общества, Октябрь 1895; Труды Подольскаго Епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета, вып. VII, 1895; Записки Крымскаго Горнаго Клуба, 1895 года, №№ 1—10 и Уставъ Горнаго Клуба; Циркуляръ по Одесскому учебному округу №№ 9 и 10; Выставка древностей, представляемая Имп. Археологическою Коммиссіей на воззрѣніе Государя Императора 1894 г.; Охранный каталогъ славяно-русскихъ рукописей А. А. Титова, 1895; Етнографічний збірник товариства імени Шевченка у Львові, 1895; Записки науковаго товариства імени Шевченка, т. VII, 1895; Kwartalnik historyczny, rocznik IX, zeszyt IV—1865; Bulletino di archeologia e storia dalmata, anno XVIII; The numismatic chronicle 1895 — Part III, third series—№ 59; Bulletin de Numismatique, 3 vol. 5 livraisons; Revue du Droit public Janvier-Février 1895 (specimen); изданія Х. и К. Шкорпиловъ; Паметници изъ Българско отъ братия Шкорпилови, Дѣлъ 1, часть 1. Тракия 1888; Паметници изъ Българско-черноморското крайбрѣжие въ Южне България 1890; Паметници изъ Българско сѣвероисточна България 1892; Паметници изъ Българско сѣвероисточне България і искуственни издлъбнатини (excavations) 1892; Географія и статистика на княжество България 1892; три номера газеты «Жизнь и Искусство» со статьей Кибальчича противъ Антоновича по поводу вала Ярославова; три отдѣльныхъ оттиска изъ Журнала Министерства Нар. Просв. рецензіи Н. П. Кондакова на книги Мальмберга «Метопы древн. греч. храмовъ» и Бертье-Делагарда «Древности Южной Россіи.—Раскопки Херсонеса» и некрологъ П. И. Савваитова.

XIV. Предложенные въ прошломъ засѣданіи въ дѣйств. члены: членъ Одесскаго Статистическаго Комитета, ст. сов. Ив. Ѳеод. Федоровъ и Гарольдъ Рудольфовичъ Шмидтъ были баллотированы и были избраны: первый большинствомъ, второй единогласно.

XV. Вице-президентъ, секретарь и д. ч. А. А. Кочубинскій предложили въ дѣйствительные члены: преподавателя гимназіи въ Филиппополѣ *Германа Шкорпила* и преподавателя въ Варнѣ *Карла Шкорпила.*

Опредѣлили: баллотировать въ слѣдующемъ засѣданіи.

XVI. Дѣйствительные члены В. А. Яковлевъ, А. И. Кирпичниковъ и вице-президентъ предложили въ дѣйствительные члены экстраорд. проф. Императорскаго Новороссійскаго Университета *В. Н. Мочульскаго.*

Опредѣлили: баллотировать въ слѣдующемъ засѣданіи.

XVII. Секретарь и дѣйств. члены: А. И. Кирпичниковъ и Э. Р. фонъ-Штернъ предложили въ дѣйствительные члены члена сотрудника *М. Ю. Попруженко.*

Опредѣлили: баллотировать въ слѣдующемъ засѣданіи.

XVIII. Секретарь доложилъ о полученіи 10 рублей за дипломъ отъ д. чл. Петра Титовича Коломойцева и о присылкѣ имъ выписи изъ дѣла

Измаиловской Градской думы объ учрежденіи въ городѣ Измаилѣ цеха вольныхъ матросовъ за 1830 годъ и двухъ мѣдныхъ монетъ: копѣйки Екатерины II 1766 г. и мѣдной византійской.

Опредѣлили: деньги передать казначею, выписку изъ дѣлъ—въ издательную коммиссію и монеты въ музей.

XIX. Вице-президентъ доложилъ о предложеніи капитана Давида Дмитріевича Радецкаго (Николаевъ, собственный домъ) произвести раскопки въ имѣніи матери его, Петровкѣ, въ 30 верстахъ отъ г. Вознесенска. Преданіе говоритъ о казацкихъ кладахъ въ той мѣстности; находятся тамъ древности, напр. римскія монеты.

Опредѣлили: благодарить, а сужденіе о предложеніи отложить до весны.

XX. Вице-президентъ предъявилъ: А) принесенныя въ даръ Обществу: отъ инженеръ-полковника Карла Ипполитовича Баранецкаго медаль и театральную афишу въ дни коронаціонныхъ торжествъ 1883 года. Отъ почетнаго члена А. Л. Бертье-Делагарда: а) фрагментъ византійской ткани XIV вѣка съ изображеніемъ Пантократора, изъ Ѳеодосіи; б) небольшую греческую вазочку оригинальной формы, и В) пріобрѣтенныя на средства Общества: 1) большую терракоттовую статуэтку Аѳродиты, выжимающей волоса; 2) 6 терракоттовыхъ рельефовъ, вѣроятно украшавшихъ нѣкогда саркофагъ: двѣ мужскихъ фигуры, три женскихъ и одна группа: спящая женщина прикрываетъ плащемъ ищущаго у нея защиты мальчика; 3) гипсовые рельефы съ саркофага, маленькіе: три мужскихъ бюста, маска Гипноса, львиная головка, Эротъ на дельфинѣ, Эротъ на птицѣ; большіе: бородатый геній съ крыльями; мужская фигура, напоминающая раненнаго въ спину Ніобида; три женскія фигуры, при чемъ двѣ изъ нихъ несутъ человѣческія фигуры; 4) небольшая терракоттовая статуэтка Эрота; 5) терракоттовая маска молодаго Сатира; 6) глиняный сосудикъ въ формѣ женскаго бюста; 7) маленькая амфора и 8) янтарный амулетъ въ формѣ человѣческаго бюста.

Опредѣлили: вещи передать въ музей.

292 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

22-го Января 1896 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице-президента *В. П. Юргевича* и при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, гг. дѣйствительные члены: *А. В. Лонгиновъ*, *Х. П. Ящуржинскій*, *С. В. Петровскій*, *С. Д. Пападимитріу*, *П. В. Эрдели*, *Л. С. Мацѣевичъ*, *Э. Р. Фонъ-Штернъ*, *П. Ѳ. Красносельцевъ*, *Г. П. Перетятковичъ*, *М. П. Истоминъ*, *А. П. Маркевичъ* и *Л. Ф. Брунъ*.

Слушали:

I. Отношеніе Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 24 Декабря 1895 г., № 27597, на имя президента, съ увѣдомленіемъ по Высочайшему повелѣнію, что экземпляръ XVIII тома Записокъ Общества былъ имъ представленъ Государю Императору въ 19-й день Декабря и удостоенъ Его Императорскимъ Величествомъ благосклоннаго принятія.

II. Отношеніе управляющаго дѣлами Великаго Князя Георгія Михайловича отъ 11 Декабря, № 862, съ увѣдомленіемъ, что Его Высочество получилъ XVIII томъ Записокъ Общества чрезъ посредство г. Министра Народнаго Просвѣщенія и искренно и сердечно благодаритъ Общество за любезное подношеніе.

III. Отчетъ казначея Общества Э. Р. фонъ-Штерна о приходѣ и расходѣ суммъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей за истекшій 1895 годъ.

Опредѣлили: отчетъ утвердить и напечатать въ общемъ годовомъ отчетѣ, а для провѣрки его и наличности кассы въ ревизіонную коммисію избрать дѣйств. членовъ: Г. И. Перетятковича, А. И. Маркевича, А. В. Лонгинова и П. Ѳ. Красносельцева.

IV. Смѣта прихода и расхода денежныхъ суммъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей на 1896 годъ.

Опредѣлили: утвердить.

V. Отчетъ о состояніи Ѳеодосійскаго музея древностей за истекшій 1895 годъ, представленный директоромъ названнаго музея О. Ф. Ретовскимъ.

Опредѣлили: утвердить и напечатать въ общемъ годовомъ отчетѣ.

VI. Статью «Южная Русь и Византія, въ ихъ сношеніяхъ въ XI столѣтіи», представленную учителемъ Кѣлецкой женской гимназіи (въ Царствѣ Польскомъ) Гавріиломъ Ласкинымъ.

Опредѣлили: передать въ издательный комитетъ.

VII. Работу «Историко-этнографическое изученіе русскаго черноморскаго побережья въ VIII, IX и X вв.», представленную на премію почетн. члена А. Л. Бертье-Делагарда, подъ девизомъ: «Scientiae et patriae».

Опредѣлили: принять къ разсмотрѣнію и въ коммисію для разсмотрѣнія ея избрать 3-хъ членовъ: Г. И. Перетятковича, вице-президента и Ѳ. И. Успенскаго.

VIII. Статью дѣйств. члена В. В. Шкорпила съ описаніемъ камней съ надписями, купленныхъ для Мелекъ-Чесменскаго музея въ 1895 году.

Опредѣлили: помѣстить въ «Запискахъ», а въ протоколѣ дать только описаніе камней и чтеніе надписей на нихъ въ транскрипціи.

1. Плита изъ твердаго известняка (0,52 м. шир.; 0,20 м. толщ.; 1,39 м. выш. съ правой стороны и 1,37 м. съ лѣвой), найденная въ Сентябрѣ 1895 года въ саду керченскаго мѣщанина Абдулъ-Керима (противъ городскаго сада), даетъ 9 слѣдующихъ строкъ надписи, начертанной по линейкамъ крупными (0,057 м. выш.) буквами римскихъ временъ:

[πα|ραφι]λάγ[α0]ον Θε|δ]τειμο[ν καὶ] γρα|μματέα Δημ|ήτριον καὶ τῶν|λοιπῶν θιασ|ειτῶν Πάπα(ν)|Δημητρίου τοῦ|Μονοχόρδου μνήμης χάριν.

Подъ надписью находится монограмма, подобная той, которая помѣщена на камнѣ, изданномъ В. В. Латышевымъ подъ № 9 Мат. по арх. Россіи, стр. 63.

2. Надгробіе изъ известняка (0,94 м. выш. въ срединѣ и 0,70 съ лѣвой стороны; 0,57 м. шир. и 0,16 м. толщ.), обломанное снизу, сверху украшено фронтономъ съ большими выдающимися акротеріями, на которыхъ видны слѣды окраски. Камень этотъ, купленный у торговца древностями С. Головлева, имѣлъ слѣдующую надпись:

Μητρόβιος|Βουλίο(υ).

Она по характеру письма и по правописанію двугласной ου, можетъ быть отнесена къ IV вѣку до Р. Хр.

3. Плита, найденная въ саду С. П. Чиликина на Глинищѣ въ Октябрѣ 1895 г., отбита снизу; она украшена выдающимся карнизомъ безъ всякихъ рельефныхъ изображеній. Форма памятника та-же, что форма над-

гробія коллекціи И. К. Суручана, изданнаго В. В. Латышевымъ и И. К. Суручаномъ, № 15. Размѣры камня слѣдующіе: 0,64 м. выш. съ правой стороны, 0,52 м. съ лѣвой; 0,62 м. шир. карниза, 0,54 м. ширина того мѣста, гдѣ находится надпись; толщина 0,21 м. На камнѣ аккуратно вырѣзана надпись (выш. буквъ 0,035 м.):

Πατροφίλη | Ταπερεσαίο(υ).

По характеру буквъ и правописанію втораго имени она принадлежитъ къ IV в. до Р. Х.

4. Внизу обломанная плита изъ твердаго известняка (шир. 0,58 м.; толщ. 0,20 м.; выш. съ лѣвой стороны 0,77, въ серединѣ 0,70 и съ правой стороны 0,60) безъ всякихъ украшеній, найденная въ Ноябрѣ 1895 г. на Глинищѣ, во дворѣ В. О. Баранова, недалеко отъ новаго кладбища, даетъ 4 строки надписи:

Ἰούλιος Ἴλιτ | τας Φαρνάκην | Ἀθηνοδώρου | μνήμη[ς χάριν].

5. Надгробный памятникъ изъ твердаго известняка (выш. 1 м.; шир. 0,58 м. и толщ. 0,24 м.), украшенный на передней сторонѣ большимъ горельефомъ, представляющимъ женщину en face, опирающуюся локтемъ лѣвой руки на колонну (выш. 0,41 м.); кисть правой руки женщины покоится на той-же колоннѣ. Одѣяніе женщины обычное: длинный до земли ниспадающій хитонъ и сверху наброшенный на голову гиматій. Весь рельефъ и даже лицо хорошо сохранились. Внизу камень съ обѣихъ сторонъ срѣзанъ для вставки въ постаментъ. Памятникъ этотъ, купленный въ Октябрѣ 1895 г. у Ерм. Запорожскаго, имѣетъ подъ горельефомъ двѣ строки греческой надписи мелкими (выш. 0,011 м.) буквами римскихъ временъ:

Χρύσιον Ἡρακλείδου θυγάτηρ, Διονυσίου
δὲ γυνή, χαῖρε.

6. Сверху отбитая плита изъ «дикаря» (шир. 0,48 м., толщ. 0,13; выш. съ лѣвой стороны 0,63, съ правой — 0,58). Съ правой стороны сохранилась нижняя часть пилястры (0,185 м.), съ лѣвой-же только незначительная часть базы колонны; между линіями уцѣлѣли только нижнія части двухъ ногъ. Внизу камень отесанъ для вставки въ постаментъ. Найдена плита эта въ Октябрѣ 1895 года въ саду Керченскаго мѣщанина Ив. Абрамова на Глинищѣ. Надпись:

Ἀλκί[ω]ν Θεοδώρου | χαῖρε.

7. Въ саду А. Тумковскаго на Глинищѣ въ первыхъ числахъ Декабря 1894 года найдено въ землѣ хорошо сохранившееся надгробіе изъ мягкаго известняка (выш. 0,96 м., шир. 0,45—0,40 м., толщ. 0,14 м.), украшенное сверху рельефнымъ фронтономъ съ акротеріями и тремя розетками и подъ нимъ рельефнымъ изображеніемъ всадника на спокойно

стоящей лошади, обращенной направо отъ зрителя, и за нимъ стоящаго юноши. Подъ рельефомъ надпись:

Ἔρως Φλώνος. | χαῖρε.

8. Со всѣхъ сторонъ обломанная известковая плита (шир. 0,56 м., толщ. 0,20, выш. 0,40—0,41 м.) съ остаткомъ рельефнаго изображенія «погребальнаго пира». Куплена въ Маѣ 1895 г. у Ерм. Запорожскаго. Надпись, по характеру письма, изъ римскихъ временъ:

Γά]στει υἱ[ὲ |..ονος, χαῖ[ρε.

IX. Сообщенный д. ч. А. А. Кочубинскому д. ч. Ѳ. Е. Коршемъ изъ Москвы текстъ привѣтствія, съ которымъ онъ, во исполненіе порученія Общества, обратился къ бывшему въ Москвѣ Съѣзду русскихъ художниковъ.— «Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, хотя дѣятельность его направлена къ разработкѣ вопросовъ науки, а не искусства, тѣмъ не менѣе, по самому своему топографическому положенію находясь въ безпрерывномъ соприкосновеніи съ античнымъ міромъ, имѣетъ дѣло большею частью съ памятниками, такъ или иначе состоящими въ связи съ областью художества, это Общество привыкло смотрѣть на искусство, какъ на сферу, ему близкую, и, услышавъ о первомъ съѣздѣ русскихъ художниковъ, рѣшило привѣтствовать этотъ желанный починъ, въ надеждѣ на то, что выясненіе общихъ нормъ художественнаго творчества окажется плодотворнымъ не только для эстетики, но и для археологіи».

Опредѣлили: помѣстить въ Отчетѣ.

X. Отношеніе вице-предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества отъ 20 Декабря 1895 г. съ увѣдомленіемъ, что празднованіе полувѣковаго юбилея Географическаго Общества имѣетъ быть 21-го Января 1896 года. При этомъ вице-президентъ заявилъ, что имъ послана 19 числа слѣдующая поздравительная телеграмма: «Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей шлетъ Императорскому Русскому Географическому Обществу душевное поздравленіе съ полувѣковою дѣятельностію, желая ему продолжать ее съ такою-же, какъ до сихъ поръ, энергіею и научной пользой».

XI. Отношеніе Императорской Археологической Коммиссіи отъ 18-го Декабря, съ препровожденіемъ изданныхъ ею Матеріаловъ по археологіи Россіи, №№ 16, 17 и 18 и Отчета о дѣятельности ея за 1893 годъ.

XII. Отношеніе директора Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ д. т. с. В. А. Дашкова, почетнаго члена Общества, отъ 13 Декабря, съ препровожденіемъ Отчета музеевъ.

XIII. Отношенія директора Императорской публичной библіотеки, почетнаго члена Ав. Ѳ. Бычкова, Московскаго публичнаго и Румянцовскаго

музеевъ и Ростовскаго музея церковныхъ древностей съ выраженіемъ благодарности за присланный XVIII-й томъ Записокъ Общества.

XIV. Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 14 Января, № 61, съ препровожденіемъ Трудовъ Восточной коммиссіи въ 3-хъ выпускахъ и археологической карты Кіевской губерніи.

XV. Отношеніе Науковаго Товарыства имени Шевченка изъ Львова, отъ 23 Декабря, съ предложеніемъ обмѣниваться изданіями и просьбой увѣдомить, какихъ изданій Товарыства у насъ не имѣется для того, чтобы оно могло ихъ выслать Обществу, но чтобы и Общество выслало свои прежнія изданія.

Опредѣлили: выслать имѣющіеся томы «Записокъ», начиная съ 4-го, и просить въ обмѣнъ выслать всѣ изданія Товарищества.

XVI. Казначей доложилъ о поступившихъ въ кассу Общества деньгахъ: членскій взносъ по 5 руб. отъ дѣйств. членовъ П. П. Короленки за 1895 г. и В. В. Латышева за 1894 г. и 10 руб. за 1896 и 1897 гг. отъ дѣйств. члена А. К. Накко; за проданные томы Записокъ 39 руб.; за проданные дублеты монетъ 8 руб.; Высочайше дарованное пособіе 833 р. 33 к.

XVII. Секретарь предъявилъ присланныя для библіотеки Общества книги: Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1893 г.; Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Императорскою Археологическою Коммиссіею, №№ 16, 17, 18; личный составъ Императорской Археологической Коммиссіи; Восточныя Замѣтки, сборникъ статей и изслѣдованій профессоровъ и преподавателей факультета восточныхъ языковъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, 1895 г.; Этнографическое Обозрѣніе Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, 1895 г., № 3; Записки западно-сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, книжка XVIII, вып. 1 и 2; Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета 1895 г., № 4; Извѣстія Общества археологіи, исторіи и географіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, т. XIII, вып. 3; Варшавскія Университетскія Извѣстія 1895 г., т. VIII; Записки науковаго товарыства імени Шевченка, т. VIII (1895 г., кн. 4); Записки Крымскаго горнаго клуба 1895 г., №№ 11, 12; Списокъ населенныхъ мѣстъ Казанской губ., Лаишевскій уѣздъ, вып. II; Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1892—1894 г.; Отчетъ одесской филоксерной коммиссіи за 1894 г.; Къ вопросу о кіевскомъ митрополитѣ XII вѣка Михаилѣ, 1895 г.; Михаилъ, митрополитъ кіевскій XII вѣка, 1892 г.; Десятый археологическій съѣздъ въ Ригѣ 1-го Августа 1896 г.; Циркуляръ по Одесскому учебному округу, №№ 11, 12; Bulletin de Numismatique, 3 vol. 6-me livraison; Berliner Münzblätter von A. Weyl, Aug. 1895; Revue numismatique quatrième trimestre 1895; Древности восточныя,— Труды восточной коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго

Общества, т. I, вып. 1, 2, 3; Археологическая карта Кіевской губ., В. Б. Антоновича, 1895 г.

XVIII. Директоръ музея предъявилъ пріобрѣтенные для музея и присланные въ даръ предметы. Куплено: 1) 11 монетъ, въ томъ числѣ одна серебряная Пантикапейская, одна мѣдная Фанагорійская и 9 Херсонесскихъ, которыя всѣ или не имѣлись въ коллекціяхъ Общества, или представляютъ варіанты; 2) Золотой вѣнокъ изъ 14 листьевъ и налобника, 3) Золотой поясъ съ пряжкой въ формѣ львиной головы; 4) обломки расписной вазы изъ Ольвіи. Пожертвованы торговцемъ Наделемъ: 1) мраморный небольшой торсъ, 2) греческій вѣсъ съ изсѣченными на немъ тремя М.

Опредѣлили: книги передать въ библіотеку, вещи въ музей Общества.

XIX. Предложенные въ прошломъ засѣданіи въ дѣйств. члены: преподаватель гимназіи въ Филиппополѣ Германъ Шкорпилъ, преподаватель гимназіи въ Варнѣ Карлъ Шкорпилъ, экстраорд. профессоръ Новороссійскаго Университета В. П. Мочульскій и членъ-сотрудникъ М. Ю. Понруженко баллотированы и избраны всѣ большинствомъ голосовъ.

XX. Вице-президентъ, секретарь и д. чл. Э. Р. фонъ-Штернъ предложили къ избранію въ дѣйств. члены старшаго хранителя классическаго отдѣленія Императорскаго Эрмитажа Гангольфа Георгіевича Кизерицкаго.

Опредѣлили: баллотировать въ слѣдующемъ засѣданіи.

XXI. Вице-президентъ заявилъ о смерти поч. чл. Общества Василія Андреевича Данкова и предложилъ почтить память покойнаго вставаньемъ.

XXII. Вице-президентъ заявилъ о смерти дѣйствит. члена Общества Люнджи Томассо Бельграно.

СМѢТА

ПРИХОДА И РАСХОДА ДЕНЕЖНЫХЪ СУММЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

на 1896 годъ.

ПРИХОДЪ	Въ 1896 году		Дѣйствительно поступило въ 1895 г.	
	Руб	К.	Руб.	К.
1. Остатокъ къ 1 Января 1895 года				
На рукахъ у Казначея . . . . 6 р. 29 к.				
По текущему счету Одесскаго Общества Взаимнаго Кредита . . . . 254 р. 98 к.	261	27		
% по текущему счету за 1895 г.	16	84		
2. Проценты на капиталъ Общества (5100 р.) . .	193	80		
3. ВЫСОЧАЙШЕ дарованнаго въ ежегодное пособіе Обществу	2500	—	2500	—
4. За дипломы отъ дѣйствительныхъ членовъ . .	50	—	40	—
5. Ежегоднаго членскаго взноса отъ дѣйствительныхъ членовъ	140	—	130	—
6. Отъ продажи изданныхъ Обществомъ Записокъ, дублетовъ изъ библіотеки и т. д.	80	—	115	50
7. Случайныхъ доходовъ:				
% на капиталъ преміи имени А. Л. Бертье-Делагарда	57	—	57	—
	3298	91	—	—
По капиталу (2300 р.) преміи имени Д. М. Княжевича				
Остатокъ къ 1 Января 1895 г.				
На текущемъ счету Одесскаго Общ. Вз. Кредита . . . . . 503 р. 58 к.				
Изъ нихъ рѣшено употребить на изданіе терраккотъ Музея Общества . 416 р. 18 к.				
Остается : . . 87 р. 40 к.				
% по текущему счету за 1895 г. . 13 » 28 »				
Поступитъ % въ 1896 г. . . . . 87 » 40 »				
188 р. 08 к.				

РАСХОДЪ	Въ 1896 году		Дѣйствительно израсходовано въ 1895 г.	
	Руб.	К.	Руб.	К.
На выписку русскихъ и иностранныхъ журналовъ и книгъ	100	—	66	62
Жалованье письмоводителю	120	—	120	—
Жалованье разсыльному Общества	180	—	180	—
Жалованье смотрителю музея 300 р. и его помощнику 240 р.	540	—	540	—
Уплата почтовыхъ расходовъ и на канцелярскіе расходы	70	—	56	63
Печатаніе отчетовъ, протоколовъ и дипломовъ	250	—	220	50
Отопленіе, освѣщеніе, ремонтъ зданія и содержаніе въ чистотѣ	200	—	68	74
На переплетъ книгъ, рукописей, картъ и рисунковъ	125	—	92	45
На археологическія пріобрѣтенія, экстренные расходы, доставку предметовъ въ музей, фотографированіе предметовъ, командировку членовъ съ археологическою цѣлью	750	—	1024	30
Печатаніе XIX тома записокъ	600	—	640	50
На выдачу субсидіи Мелекъ-Чесменскому музею	100	—	110	—
На уплату за столярныя и другія работы по устройству музея и библіотеки	200	—	256	95
	3235	—	—	—

Казначей *Э. Фонъ-Штернъ.*

293 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

28-го Февраля 1895 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице-президента *В. П. Юрсевича* и при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, гг. дѣйствительные члены: *А. А. Кочубинскій*, *В. П. Мочульскій*, *А. П. Маркевичъ*, *Х. П. Ящуржинскій*, *Л. С. Мацѣевичъ*, *П. О. Красносельцевъ*, *Федоровъ*, *А. П. Кирпичниковъ*, *Л. Ф. Брунъ*, *А. П. Деревицкій*, *Е. П. Перетятковичъ* и *С. А. Селивановъ*.

Слушали:

I. Отношеніе Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 19-го Января, № 1554, на имя президента Общества, съ увѣдомленіемъ, что согласно ходатайству Общества имъ были представлены экземпляры XVIII-го тома Записокъ Общества Великимъ Князьямъ Сергію Александровичу и Константину Константиновичу, причемъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ благоугодно было поручить ему, черезъ управляющихъ Дворами Ихъ Высочествъ, благодарить Общество за означенное подношеніе.

II. Докладъ дѣйствительнаго члена А. П. Маркевича о посылкѣ грека Георгія Папазогли на Балканскій полуостровъ въ 1763—1764 г.

Со вступленіемъ на престолъ Императрицы Екатерины II внѣшняя политика Россіи стала, какъ извѣстно, очень дѣятельною, причемъ немедленно обращено было вниманіе на дѣла Балканскаго полуострова съ цѣлью въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ достигнуть здѣсь освобожденія христіанскихъ народовъ, добившись вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыхъ выгодъ и для Россіи. Хотя война съ Турціей началась лишь въ 1769 г., но русскіе, довольно многочисленные эмиссары, имѣвшіе цѣлью произвести агитацію въ интересахъ Россіи среди народовъ Балканскаго полуострова, посланы

были туда значительно раньше. Въ числѣ таковыхъ эмиссаровъ былъ грекъ Георгій Папазогли, дѣятельность котораго на Востокѣ началась въ 1763 г. (Соловьевъ, Ист. Рос. т. XXVIII, стр. 14) и продолжалась довольно долго; по крайней мѣрѣ есть указаніе на полученную Папазогли по возвращеніи изъ Греціи награду въ 4,000 р. въ 1771 году за службу (Арх. Госуд. Сов. I, стр. 375). На эту дѣятельность Папазогли (въ разныхъ источникахъ, фамилія эта пишется иначе, напр. Папазоли, Папаогли и т. п.) есть не мало указаній, но болѣе относящихся къ послѣднимъ временамъ его службы; фактъ же, что первая поѣздка Папазогли на Балканскій полуостровъ въ 1763 г. была неудачна, кажется, еще неизвѣстенъ; между тѣмъ Папазогли въ 1763 г. туда даже не добрался и побывалъ тамъ лишь въ 1764 г. Изъ этой поѣздки возвратился онъ въ Россію въ 1765 г. (Соловьевъ l. c.), а въ 1766 г. снова отправился въ Грецію (А. Петровъ Война Россіи съ Турціей т. I, Спб. 1866 г., стр. 95 и слѣд.), гдѣ и оставался до 1771 г. или около того (Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. т. 1, стр. 1—159 и Арх. Гос. Сов. I, стр. 375).

Данныя о неудачной попыткѣ Папазогли пробраться въ 1763 г. въ Грецію и снаряженіи его туда снова въ 1764 г. имѣются въ сохранившейся копіи одного изъ указовъ Императрицы Екатерины II, повидимому, еще не опубликованнаго въ печати; копія эта въ настоящее время находится у г. Панчи въ Одессѣ, но, какъ она ему досталась, онъ не помнитъ; чрезъ любезное посредничество профессора Де-Виво она была сообщена мнѣ и съ нея снята была для меня копія, мною свѣренная и при семъ прилагаемая. Къ сожалѣнію, въ копію г. Панчи, а слѣдовательно и въ мою вкрались грубыя ошибки, особенно въ хронологическихъ датахъ, впрочемъ, легко поправимыя. Заподозрить, на основаніи ихъ, подлинность самаго указа не представляется достаточно основаній, ибо, какъ это будетъ видно далѣе, онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ того времени. Такъ какъ этотъ, кажется, еще неизвѣстный указъ Императрицы Екатерины II интересенъ и по другимъ, встрѣчающимся въ немъ указаніямъ, то и привожу его здѣсь цѣликомъ, снабдивъ нѣкоторыми примѣчаніями.

Божіею Милостью

МЫ, ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ,

Императрица и Самодержица

Всероссійская

и прочая, и прочая, и прочая.

Мы, по клятвенному Нашему предъ Богомъ обѣщанію, узаконенному блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Петромъ Великимъ и прочими Государями, за должное и за неотмѣнное признаемъ сохранять и защищать

православную греческую Христову церковь. Чего ради находясь обязанными къ таковой должности, въ твердомъ и не колеблемомъ намѣреніи и условіи пребываемъ имѣть въ готовности вооруженныя наши воиски противу тѣхъ, кои начинаютъ воевать противу православной вѣры.

Коль скоро Мы удостоились взойти на престолъ Россійской, и взять въ руку нашу царскій скипетръ для правленія симъ нашимъ отечествомъ, то и возымѣли неусыпное попеченіе о защищеніи не только сего Нашего отечества, но и всѣхъ тѣхъ народовъ, которые суть православнаго нашего исповѣданія и вѣры, какъ то уже Мы и самымъ примѣромъ оное доказали надъ законнымъ нашимъ супругомъ, который царствовавъ малое время, вздумалъ было перемѣнить всю систему нашихъ праотцевъ, и превратить всѣ догматы православныя Нашея церкви со всѣмъ на другіе подъ разными къ тому подлогами: что увидя и пылая горячностію къ православной вѣрѣ, не могли Мы сего снести; чего ради чрезъ соединеніе православныхъ нашихъ войскъ, свергли Его съ сего святаго престола единственно только для того, дабы не попустить осквернить святое исповѣданіе греческія церкви[1]).

Сія самая пылающая горячность къ православной вѣрѣ, обязываетъ и принуждаетъ Насъ изыскивать всякихъ причинъ къ заведенію войны противу непріятеля вѣры и къ освобожденію православнаго греческаго народа отъ плѣненія Оттоманскаго.

Будучи довольно извѣстны, колікія нещастія и обиды претерпѣваютъ Греки, Наши Единовѣрцы, подъ Оттоманскимъ игомъ, въ 1762[2]) году Октября 29 дня, опредѣлили и указали Мы Нашему правительствующему Сенату сыскать въ нашихъ войскахъ достойнаго, искуснаго въ языкѣ, и довольное въ ономъ имѣющаго обращеніе, человѣка, дабы можно было послать его съ объявленіемъ ко всѣмъ тѣмъ православнымъ народамъ, о нашей ревности къ православію, о непремѣнно сохраняемой къ нимъ милости, и о стараніи, кое Мы имѣемъ подать споможествованіемъ къ ихъ отъ ига рабства освобожденію.

Во исполненіе чего правительствующій Нашъ Сенатъ и представилъ Намъ[3])

---

[1]) Эти выраженія указа вполнѣ совпадаютъ съ выраженіями, находящимися въ манифестахъ Императрицы Екатерины II 28 іюня и особенно 6 іюля 1862 г. о Ея восшествіи на престолъ: см. Осмнадцатый вѣкъ кн. 4, М. 1869 г., стр 216—223; есть даже ссылка на полезную дѣятельность Императора Петра Великаго: см. стр. 219.

[2]) Въ копіи 1772 г., но это явная описка, такъ какъ первая посылка Папазогли на Востокъ состоялась въ 1763 г.: см. ниже еще нѣкоторыя соображенія по этому поводу.

[3]) По иным извѣстіямъ Папазогли отыскалъ графъ Гр. Гр. Орловъ, вообще интересовавшійся тогда дѣлами балканскими; какъ генералъ фельдцейгмейстеръ, Гр. Орловъ могъ, пожалуй, узнать о Папазогли, служившемъ тогда въ русской артиллеріи; впрочемъ, разница въ показаніяхъ здѣсь не имѣетъ значенія.

Георгія Папазогли, нашей артиллеріи поручика[1]). Удостовѣрены будучи о вѣрной его къ Намъ службѣ, назначили Мы его послать сперва къ Спартанскому и Лакедемонскому Народу[2]), потомъ къ Черногорцамъ, къ Монтинецамъ[3]), къ Чимарцамъ[4]), и къ другія мѣста такія, которыя бы могли быть способны къ заготовленію всѣхъ потребностей для заведенія войны, и притомъ приказали ему, чтобъ онъ, будучи въ тѣхъ мѣстахъ изустно объявилъ всѣмъ почитателямъ православныя вѣры о нашемъ намѣреніи, и о нужнѣйшемъ и способнѣйшемъ предуготовленіи ихъ самихъ ко вступленію въ военное дѣйствіе, увѣря ихъ сверхъ сего о милостивомъ и матернемъ нашемъ къ нимъ благоволеніи и щедротахъ. И посланъ изъ Москвы 1763 года Маія 27 Дня[5]).

Но понеже упомянутый поручикъ Папазогли, по репортамъ своимъ, присылаемымъ къ Намъ, не возмогъ еще достигнуть до тѣхъ мѣстъ по

---

[1]) У А. Петрова (l. c.) Папазогли называется артиллеріи капитаномъ; можно было бы объяснить такую разницу простою ошибкою Петрова: но, такъ какъ у него говорится о дѣятельности Папазогли уже въ 1766 г., то вѣроятнѣе, что онъ получилъ въ это время чинъ капитана, можетъ быть, въ награду за службу; Соловьевъ (l. c.) называетъ Папазогли артиллерійскимъ офицеромъ.

[2]) Такъ какъ спартанскій народъ то же, что и лакедемонскій, то въ этомъ выраженіи указа можно бы видѣть лишь цвѣтокъ краснорѣчія, хотя изъ Соловьева (l. c.) видно, что этимъ двумъ названіямъ придавалось какое то различіе.

[3]) Эти монтинецы, вѣроятно, обозначаютъ монтенегрцевъ и тогда въ черногорцахъ и монтенегрцахъ можно видѣть параллель спартанцамъ и лакедемонцамъ; но не имѣются ли здѣсь въ виду жители лежащаго возлѣ Бокка ди Катарро мѣстечка Майны, памятнаго пребываніемъ тамъ въ 1767 г. Стеньки Малаго, въ исторіи котораго они играли видную роль (Соловьевъ, op. cit. стр. 45–46). Наконецъ, не невозможно, что вмѣсто монтинецы слѣдуетъ читать: мальтинецы, т. е. мальтійцы, ибо въ данное время на независимый еще тогда и враждебный Турціи островъ Мальту нерѣдко ѣздили секретно русскіе агенты съ военными замыслами (А. Петровъ, l. c.).

[4]) Химарь—Малая Албанія (Соловьевъ, op. cit. стр. 14).

[5]) Въ концѣ: 1762 г., но такая дата не согласуется съ предыдущей; да въ маѣ 1762 г. царствовалъ еще и Петръ III; очевидно здѣсь слѣдуетъ быть 1763 г., когда дѣйствительно Папазогли былъ посланъ на Востокъ. Императрица Екатерина II въ маѣ 1763 г. была въ Москвѣ, откуда съѣздила въ Ростовъ на поклоненіе новообрѣтеннымъ мощамъ Св. Димитрія Ростовскаго.

Въ концѣ г. Цифра 6 въ числѣ 1762 довольно ясно переправлена и, кажется, изъ цифры 7; полагаемъ, что поправка эта была сдѣлана переписчикомъ и есть уже вторичная, а дѣло происходило такимъ образомъ. Въ концѣ съ указа былъ ошибочно написанъ вмѣсто 1763-го 1762 годъ; переписчикъ, зная, что такая дата въ данномъ случаѣ невозможна, исправилъ ее и поставилъ по своему разумѣнію 1772 г.; слѣдующій же переписчикъ, или свѣряя копію и видя въ оригиналѣ ея цифру 1762, или понимая, что дата 1772 г. также невозможна, поправилъ цифру 7 на 6.

причинѣ затрудненій, случившихся ему отъ морскихъ разбойниковъ; то Мы паки подтверждая тоже самое, повелѣваемъ ему употребить всевозможные отъ нынѣ способы къ исполненію и къ произведенію въ дѣйство нашего соизволенія, состоявшаго въ желаніи освободить православный народъ отъ ига рабства. Онъ же со своей стороны, да сообщаетъ Намъ всякое извѣстіе о тѣхъ мѣстахъ по силѣ даннаго ему на то повелѣнія, и да увѣдомляетъ Насъ о согласіи, охотѣ и намѣреніяхъ къ подвигамъ, какіе отъ тѣхъ народовъ одобрены и приняты быть имѣютъ.

Данъ въ Санктпетербургѣ 1764 года[1]) августа 1-го дня[2]) за подписаніемъ Собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако

Екатерина Вторая.

Адамъ Алсуфіевъ Кабинета Секретарь[3]).

№ 8474.

III. Докладъ дѣйствительнаго члена А. П. Деревицкаго о раскопкахъ г. *Дирина* въ Чокракъ-Мама и Куль-Тене:

Дѣйствительный членъ А. П. Деревицкій заявилъ, что по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ въ непродолжительномъ времени отъ А. А. Дирина, производившаго въ теченіи двухъ лѣтъ рядъ интересныхъ раскопокъ въ мѣстности близъ Чокракскаго озера, къ сѣверо-востоку отъ Керчи, Обществу будетъ доставлено снабженное иллюстраціями точное описаніе этихъ раскопокъ. Кое что по этому предмету было сообщено уже и прежде дѣйствительнымъ членомъ Общества В. В. Шкориломъ, письмо котораго напечатано въ протоколѣ 291 засѣданія Общества. Въ дополненіе къ фактамъ, изложеннымъ въ этомъ письмѣ, г. Деревицкій на основаніи личныхъ бесѣдъ съ г. Диринымъ доложилъ Обществу слѣдующее:

У Рыбнаго Завода, на мысѣ Зюкъ, близъ Чокракскаго озера, въ имѣніи г. Дирина Чокракъ-Мама, обнаружено около 60 древнихъ гробницъ. Какъ и на Тапъ-Аллакѣ (см. протоколъ 291 засѣданія), до-

[1]) Эту дату считаемъ правильною, ибо она вполнѣ соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ и находится близко ко времени вступленія на престолъ Императрицы Екатерины II-й, которая позднѣе, напр., въ 1772 г., указа съ такими выраженіями, какія въ немъ находятся, не дала бы. Что еще важнѣе, отнести къ 1772 г. или къ 1774 г. подобный указъ непозможенъ уже потому, что въ это время турецкая война оканчивалась (а къ августу 1774 г. и окончилась); изъ указа уже видно, что въ моментъ его изданія она еще не начиналась, а къ ней лишь у нихъ подготовлялись.

[2]) Въ копіи г. Панчи число написано похоже на л, такъ что можно бы читать 30 августа, но при Императрицѣ Екатеринѣ II для обозначенія чиселъ славянскія буквы уже не употреблялись, а очевидно писецъ изобразилъ 1 такъ, что цыфра эта оказалась похожею на Л.

[3]) Личность извѣстная; имъ помѣчены вообще указы Императрицы Екатерины II, относящіеся къ этому времени.

польно обширный некрополь этотъ имѣетъ смѣшанный характеръ: есть слой болѣе древній, помѣщающійся ниже, на бо́льшей глубинѣ и слой болѣе новый, расположенный надъ нимъ. Древнѣйшія гробницы — того же типа, что и на склонѣ Ташъ-Аллака, съ тою только разницею, что у Рыбнаго Завода погребки сложены изъ плитъ, а не высѣчены въ скалѣ. Всѣ гробницы оказались разграбленными уже въ древности. Въ болѣе древнихъ найдены бусы изъ такъ называемой финикійской эмали и осколки черныхъ полированныхъ сосудовъ. Выше, въ слоѣ позднѣйшаго происхожденія—глиняные неполированные сосуды, 2 золотыхъ серьги, стеклянные сосуды большею частью типа такъ называемыхъ слезницъ.

Въ разстояніи версты отъ Рыбнаго Завода, нѣсколько въ глубь материка, обнаружено третье кладбище, но древнѣйшія гробницы разграблены, и на мѣстѣ древняго некрополя въ позднѣйшія времена устроено новое кладбище. Никакихъ вещей здѣсь не найдено. Но немного повыше, гдѣ тянется рядъ нетронутыхъ древнихъ могилъ, найдена неограбленная гробница, состоящая изъ узкой четырехугольной ямы въ $^1/_2$ аршина глубины, прикрытой мелкими, необтесанными кусками дикаря. Въ ногахъ похороненнаго поставленъ стоймя четырехугольный камень болѣе правильной формы, но также не обдѣланный. Черепъ похороненнаго сильно деформированъ,—изъ разряда такъ называемыхъ долихокефаловъ. Голова обращена на западъ, и у изголовья найденъ 1 стеклянный сосудъ. Вокругъ этой гробницы расположено 5—6 разоренныхъ гробницъ, изъ коихъ въ двухъ найдены остатки деформированныхъ череповъ. Тутъ же въ глубинѣ естественнаго холма неправильной формы открыта катакомба, состоящая изъ двухъ камеръ, соединенныхъ между собою коридоромъ. Входъ въ камеры заставленъ плитами. Ограбленною оказалась только одна изъ нихъ; въ другой, неограбленной, были похоронены въ деревянныхъ саркофагахъ двѣ женщины и,—судя по величинѣ третьяго скелета,—дѣвочка лѣтъ 14—15. На скелетахъ найдены мѣдныя серьги, мѣдные браслеты на рукахъ и такіе же кольца. Черепъ дѣвочки деформированъ; на головѣ сохранились волосы и куски прилипшей къ нимъ шелковой ткани. Подъ головою одного изъ труповъ находилась подушка изъ грубой шерстяной матеріи, набитая, повидимому, деревянными стружками. Въ саркофагахъ—масса лавровыхъ листьевъ и грецкихъ орѣховъ. Вокругъ—мелкіе стеклянные сосуды. Въ коридорѣ ведущемъ изъ одной камеры въ другую, оказалась боковая, такъ называемая «подбойная» гробница, а въ ней узкогорлый стеклянный сосудъ. Въ ограбленной камерѣ кости были перебиты, плита разбита; найденъ стеклянный сосудъ и куски мечей, сваленные въ груду.

Кромѣ того въ двухъ верстахъ отъ упомянутаго выше мыса Зюкъ, между нимъ и Ташъ-Аллакомъ, найдена 1 гробница въ глубинѣ искусственно насыпаннаго холма. Вокругъ нея, подъ насыпью, по материку идетъ стѣна

шириною въ 1 аршинъ, сложенная изъ дикаго камня. Самая гробница сложена изъ такого же камня,—кое гдѣ попадаются куски известняка. Лежащія сверху плиты вытесаны изъ дикаря же и имѣютъ довольно правильную форму. Гробница, какъ и большая часть другихъ, была ограблена уже въ древности. Въ ней найдена 1 буса изъ оникса и обломокъ серебрянаго запястья.

Кромѣ раскопокъ на Танъ-Аллакѣ и въ его окрестностяхъ, принадлежащихъ къ области селенія Чокракъ-Мама и составляющихъ собственность лица, производившаго раскопки, были сдѣланы имъ же археологическія развѣдки и въ имѣніи Мамбета Чингисханова Куль-Тепе (или по народному произношенію—Коль-Тюбе). Здѣсь обнаруженъ рядъ древнихъ могилъ, сплошь высѣченныхъ въ известковой скалѣ въ видѣ «погребковъ» или ящиковъ, прикрытыхъ плитами; «швы» обмазаны глиною. Такихъ могилъ открыто около 50, изъ коихъ около 10 оказались разграбленными. Гробницы эти расположены неодинаково, — одни по направленію отъ сѣвера къ югу, другія—отъ востока къ западу, и притомъ группами, такъ что всѣ гробницы одной и той же группы одинаково ориентированы. Въ большей части могилъ, обращенныхъ съ востока на западъ, найдено по нѣсколько труповъ въ каждой (до 7). Черепа обыкновенной формы. Въ одной могилѣ, ориентированной съ сѣвера на югъ и расположенной на значительной глубинѣ (до 2 саженъ), найдено 2 скелета и при нихъ 2 золотыхъ кольца обыкновенной формы съ сердоликовыми круглыми камышками. Такихъ камышковъ отыскано много на томъ же кладбищѣ въ ограбленныхъ катакомбахъ, о которыхъ будетъ рѣчь дальше. Всѣ прочія гробницы той же ориентировки, т. е. съ сѣвера на югъ, болѣе мелки: онѣ расположены на глубинѣ отъ 2 до 3 аршинъ. Въ нихъ встрѣчены сосуды изъ красной и сѣрой глины съ выцарапаннымъ линейнымъ орнаментомъ, бусы изъ такъ называемой стинтекой массы и изъ стекла, раковины и одна боспорская монета (Рискупорида V-го).

Гробницы, ориентированныя съ востока на западъ, представляютъ ящики, высѣченные болѣе глубоко. Въ числѣ этихъ гробницъ въ двухъ оказались 2 деревянныхъ саркофага,—одинъ испорченный, другой—цѣлый, хорошей работы, со слѣдами распавшихся гипсовыхъ украшеній. На филенкахъ саркофаговъ орнаментъ, сдѣланный черною краскою. Въ одномъ изъ этихъ саркофаговъ былъ найденъ мужской скелетъ, въ другомъ—7 женскихъ скелетовъ, расположенныхъ послѣдовательно одинъ надъ другимъ. Женщины были обернуты въ покрывало, остатки котораго уцѣлѣли; уцѣлѣли также и слѣды болѣе грубой ткани, изъ которой сдѣлана была лежавшая въ изголовьи подушка, набитая стружками. Подъ ноги каждаго трупа были подставлены небольшія деревянныя чашечки; здѣсь же найдено было деревянное блюдо и нѣсколько деревянныхъ ящичковъ. На рукахъ

имѣлись мѣдные браслеты, у изголовья—длинныя мѣдныя иглы съ ложкообразными закругленіями на концѣ, деревянные гребни, мѣдныя серьги, фибулы, бусы,—въ числѣ послѣднихъ стеклянныя позолоченныя. Деревянныя чашечки были наполнены орѣхами, сушеными грушами. У нѣкоторыхъ женщинъ на головѣ былъ деревянный обручъ и голова оказалась обернутою какъ бы соломеннымъ жгутомъ,—дерево и солома, если только это была солома, истлѣли.

Глубина описанной гробницы, считая отъ дна до плиты, ее покрывавшей, около $1^1/_2$ метра, длина 2,35 метра, ширина 0,8 метра. Кромѣ перечисленныхъ предметовъ въ томъ же ряду гробницъ найдено нѣсколько глиняныхъ свѣтильниковъ,—изъ нихъ иные помѣщались въ особо для того устроенныхъ въ боковой стѣнѣ гробницы углубленіяхъ,—разнообразныя бусы—изъ горнаго хрусталя, оникса, сердолика, египетской массы, позолоченнаго стекла, деревянныя чашечки съ остатками румянъ, длинное глиняное блюдо прекрасной сохранности, стеклянные сосуды, золотое кольцо съ камнемъ, имѣющимъ рѣзное изображеніе козерога, и рѣзной камень съ изображеніемъ Гермеса.

Тоже кладбище кромѣ описанныхъ могилъ, имѣющихъ видъ высѣченнаго къ скалѣ ящика, заключаетъ въ себѣ и большое число катакомбъ,—какъ можно предполагать, до 30 или даже 40,—изъ коихъ до сихъ поръ открыто только 4; остальныя предположено вскрыть въ предстоящее лѣто. Первая изъ открытыхъ катакомбъ высѣчена въ сплошномъ твердомъ известнякѣ; входъ устроенъ съ южной стороны; противъ входа помѣщается лежанка или ниша для трупа, вокругъ входа идетъ карнизъ, по стѣнамъ катакомбы—родъ цоколя въ видѣ выступа высотою въ $^3/_4$ аршина отъ пола; тамъ и сямъ—пилястрообразные выступы для сосудовъ и ниши для лампочекъ; крестовъ нигдѣ не было. Въ другихъ катакомбахъ ниши для труповъ были расположены въ два ряда,—одна надъ другою. Изъ предметовъ, здѣсь найденныхъ, мнѣ упоминали стеклянную посуду съ рельефными украшеніями изъ очень толстаго стекла, глиняныя колесца съ дырочками или мелкими углубленіями, пластинку золота, мѣдныя и серебряныя пряжки, кусокъ серебряной застежки съ наложеннымъ на нее тонкимъ листочкомъ золота и проч. Въ одной, не разобранной до конца катакомбѣ найденъ трупъ лошади съ желѣзными стременами.

Далѣе въ томъ же имѣніи Куль-Тепе, на холмахъ, тянущихся вдоль морскаго берега, саженяхъ въ 200 отъ него, раскрыты также древнія могилы, оказавшіяся ограбленными. Онѣ сложены изъ правильныхъ плитъ, и по всѣмъ признакамъ каждая гробница предназначалась для нѣсколькихъ труповъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ видны слѣды вторичнаго погребенія. Главный предметъ находокъ и въ этихъ гробницахъ составляютъ бусы, преимущественно изъ стекла и изъ массы. Въ одной изъ нихъ найдена

глиняная чаша съ весьма простымъ рельефнымъ глинянымъ орнаментомъ и осколокъ сосуда изъ синяго стекла съ выпуклымъ эмалевымъ украшеніемъ.

Напротивъ селенія Куль-Тепе, приблизительно въ $^3/_4$ версты отъ него, расположено еще одно древнее,—повидимому, греческое кладбище. Кладбище это занимаетъ вершину возвышенности. Каждая гробница обнесена дикими камнями, сложена изъ дикарныхъ плитъ и покрыта такими же плитами. Въ могилахъ помѣщаются по 1 или по 2 трупа, нерѣдка попадается еще третій трупъ,—и въ такомъ случаѣ это всегда дѣтскій трупъ. По всѣмъ гробницамъ разсѣяны мѣдныя стрѣлы. Кромѣ того здѣсь найдены черные полированные глиняные сосуды, мѣдное зеркало, мѣдная ложка со змѣевиднымъ концомъ (*trulla*) и проч. Кладбище это еще вполнѣ не разслѣдовано.

Сказаннаго достаточно, чтобы судить о томъ, насколько важно и интересно продолжать археологическое изслѣдованіе тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ производилъ свои раскопки А. А. Диринъ. Несомнѣнно, что здѣсь мы имѣемъ слѣды какого то, повидимому, довольно обширнаго городскаго поселенія. По этому поводу позволю себѣ припомнить одну надпись, опубликованную академикомъ В. В. Латышевымъ въ 17 № «Матеріаловъ по археологіи Россіи, издаваемыхъ Императорскою археологическою коммиссіею» въ числѣ боспорскихъ надписей подъ № 3. Надпись эта найдена въ имѣніи Дирина Чокракъ-Мама, на берегу Азовскаго моря, на мысѣ Зюкъ, и хранится нынѣ въ Керченскомъ музеѣ древностей. Заключаетъ она въ себѣ отрывокъ какого то списка лицъ,—какъ предполагаетъ г. Латышевъ, отрывокъ списка членовъ одного изъ религіозныхъ обществъ (θίασοι), имѣвшихъ въ римскую эпоху большое распространеніе на Боспорѣ и въ Танаидѣ. Мѣсто ея отысканія, — мысъ Зюкъ, представляетъ собою очень пригодный для заселенія приморскій пунктъ, и старожилы говорятъ, что на этомъ мысѣ существовали нѣкогда остатки городскихъ стѣнъ. В. В. Латышевъ, пытаясь опредѣлить названіе того поселенія, о которомъ говоритъ помимо изданной имъ надписи всѣ вещественныя находки, описанныя мною въ настоящемъ докладѣ, предполагаетъ, что къ названной мѣстности слѣдуетъ пріурочить древній Геракліи (Ἡράκλειον), упоминаемый у Страбона (XI p. 494) и Птолемея (III, 6, 4). Наоборотъ проф. Ю. А. Кулаковскій въ своей рецензіи на сборникъ г. Латышева (Филологическое Обозрѣніе, IX, отд. 2, стр. 28) замѣчаетъ, что, если Страбонъ и Птолемей имѣютъ въ виду одинъ и тотъ же Геракліи, то городъ съ этимъ именемъ нужно искать дальше на западъ по побережью Азовскаго моря, такъ какъ у Птолемея ближайшій къ пролиму городъ носитъ другое названіе, именно Ζήνωνος Χερσόνησος. Какъ бы то ни было, раскопки г. Дирина указали намъ на территоріи Таврическаго полуострова

новый пунктъ древне-греческихъ поселеній, доселѣ ускользавшій отъ вниманія археологовъ, и, если продолженіе ихъ не заставитъ себя ждать и будетъ также обильно результатами, какъ и начало,—то нѣтъ сомнѣнія, что на будущей археологической картѣ Крыма Чокракъ-Мама и Куль-Тепе займутъ видное мѣсто.

Вышеприведенное сообщеніе было иллюстрировано разнаго рода образчиками древностей, найденныхъ при раскопкахъ г. Дирина и препровожденныхъ имъ въ музей Общества (см. ниже).

IV. Дѣйствительный членъ А. И. Деревицкій доложилъ на основаніи письма завѣдующаго Мелекъ-Чесменскимъ курганомъ В. В. Шкорпила, что съ установленіемъ правильной навигаціи изъ Керчи будутъ имъ отправлены въ музей Общества нѣкоторые вазы и другія древности, находящіяся въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ. Вмѣстѣ съ симъ, по просьбѣ г. Деревицкаго, В. В. Шкорпилъ обѣщаетъ препроводить въ музей Общества образцы глины, залежи которой находятся на сѣверномъ склонѣ горы Митридата, возлѣ татарской мечети, и на Глинищѣ, т. е. тамъ, гдѣ найдена большая часть пантикапейскихъ терракоттъ. Кромѣ того В. В. Шкорпилъ доставитъ заказанныя имъ у главнаго керченскаго имитатора древностей Леонтія Демиденко нѣсколько имитацій древнихъ терракоттъ изъ той же глины съ точнымъ обозначеніемъ сортовъ послѣдней.

Въ вышеупомянутомъ письмѣ г. Шкорпила сообщаются далѣе слѣдующія небезъинтересныя археологическія новости:

На Глинищѣ, въ Керчи, на землѣ мѣщанина Кобызева, найденъ кратеръ приблизительно III столѣтія до Рождества Христова съ группой пяти фигуръ съ одной стороны и съ обычными фигурами въ мантіяхъ съ другой. Болѣе интересная группа представляетъ, по мнѣнію г. Шкорпила, миѳъ о Прозерпинѣ, являющейся весною изъ подземнаго царства, чтобы побыть на землѣ у своей матери. Центральной и главной фигурой группы является Прозерпина: она не стоитъ на землѣ, но несется надъ землею, оглядываясь назадъ, направо отъ зрителя. Возлѣ нея—дерево. Къ сожалѣнію, лицо этой главной фигуры испорчено больше другихъ лицъ. Съ правой стороны сидитъ Меркурій съ кадуцеемъ (съ двумя змѣями) въ рукѣ, а съ лѣвой Аполлонъ, голова котораго украшена лавровымъ вѣнкомъ. Оба сидящихъ бога смотрятъ на Прозерпину. За Аполлономъ, съ лѣвой стороны, стоитъ фигура юноши, играющаго на флейтѣ, а за Меркуріемъ, съ правой стороны, женская фигура, наклоняющаяся въ сторону Меркурія и несущейся къ ней Прозерпины. Признать въ этой послѣдней мать Прозерпины не позволяетъ полное отсутствіе всякихъ аттрибутовъ, такъ что нужно предположить, что это просто «зритель», нужный для пополненія картины. Изображеніе Аполлона, бога наступающей весны (Roscher I, 425—430), явно указываетъ на то, что здѣсь изображено

появленіе богини весною изъ подземнаго царства, а не уходъ ея въ царство тѣней. Меркурій, роль котораго въ этомъ миѳѣ общеизвѣстна (Hom. in Cererem v. 335 sq. Preller I³, 330 и пр.), изображенъ безъ бороды. Можетъ быть, недавно найденный кратеръ имѣлъ такое же назначеніе, какъ серебряный кратеръ въ Дельфахъ, который наполнялся виномъ въ праздникъ Θεοφάνια (Roscher I, 427. Herod. I, 51.).

Кромѣ того открыты новыя три рядомъ находящіяся христіанскія катакомбы на Митридатѣ, недалеко отъ мѣста, гдѣ были найдены катакомбы въ 1891 и 1895 гг. Всѣ вновь найденныя катакомбы были уже раньше ограблены: найдены только обломки стеклянной и глиняной посуды, бусы, желѣзные «умбоны» со щитовъ, три черепа, сильно истлѣвшія доски гробовъ и пр. Въ первой катакомбѣ, на простѣнкѣ между двухъ нишъ, была вырѣзана небольшая надпись: Κύριε, ἐλέησον τὸν δοῦλόν σου Πῶλον. Въ послѣднемъ склепѣ сохранилась на стѣнахъ живопись, изображающая гирлянды и птицъ; на стѣнкѣ подъ лежанкой изображены два стоящіе другъ противъ друга павлина, а между ними сосудъ съ одной ручкой. Всѣ изображенія написаны киноварью.

V. Письмо дѣйствительнаго члена В. В. Шкорпила отъ 24 января съ препровожденіемъ фотографическихъ снимковъ съ двухъ замѣчательныхъ череповъ, которые были найдены въ Іюнѣ прошлаго года на Глинищѣ въ Керчи. Оба черепа находились въ одной и той же земляной гробницѣ и при нихъ найдена стеклянная посуда. Черепъ, который меньше, дѣтскій черепъ, какъ видно по зубамъ, такъ какъ молочные зубы выпали и начали расти вторые зубы. Оба черепа куплены въ концѣ прошлаго года керченскимъ помѣщикомъ А. А. Диринымъ, который приноситъ ихъ въ даръ Обществу вмѣстѣ съ фотографіями. По замѣчанію вице-президента черепа принадлежатъ такъ называемымъ μακροκέφαλοι, длинноголовымъ людямъ которые по свидѣтельству Палефата Авидскаго, современника Александра Македонскаго, (въ Τρωϊκὰ кн. VII), жили выше колховъ, оттого можемъ думать, что имѣемъ передъ собою черепа тамошнихъ переселенцевъ.

Опредѣлили: благодарить г. Дирина за присланныя фотографіи.

VI. Сообщеніе дѣйствительнаго члена Н. Т. Коломойцова выписи изъ дѣла Измаильской Градской Думы, за 1826 годъ, съ указомъ Бессарабскаго Областнаго Правительства ввести въ теченіи трехъ мѣсяцевъ Россійскіе пудовые вѣсы на мѣсто существующихъ «пантарей».

Выпись изъ дѣла Измаильской Градской Думы о Россійскихъ пудовыхъ вѣсахъ за 1826 годъ. Копія. Измаильскаго Цынутнаго Прокуратора № 446, 4 Мая 1826 года въ Измаильскую Градскую Думы.

Бессарабское Областное Правительство по исполненіи Экспедиціи указомъ отъ 10 Апрѣля возложила на оную Думу, дабы втеченіе трехъ мѣсяцевъ озаботилась *искупить* на *щотъ* городской суммы Россійскіе пудовые

вѣсы и внела оные въ дѣйствіе непремѣнно до истеченія трехмѣсячнаго срока на мѣсто существующихъ кантарей, съ предварепіемъ, что есть-ли она замедлитъ исполненіемъ, то правительство распорядится искупить оные и прислать оные насчетъ членовъ думы. Сообщая о семъ думѣ, я напоминаю ей доставить дѣламъ моимъ свѣдѣніе, какое учинено со стороны ея дѣйствія, и сколько уже пудовыхъ вѣсовъ искуплено для доиесенія областному начальству, каковыхъ свѣдѣній, я буду ожидать отъ думы каждые сѣмъ дней. Прокураторъ Зворскій.

VII. Отношеніе Троицкосавскаго-Кяхтинскаго отдѣленія Приамурскаго отдѣла Императорскаго русскаго Географическаго Общества отъ 22 Января, № 40, съ препровожденіемъ своихъ изданій (см. ниже) и просьбой вступить въ обмѣнъ своими а если это Общество найдетъ возможнымъ, то пожертвовать и прежніе труды въ только что зараждающуюся библіотеку Отдѣленія.

Опредѣлили: благодарить, передать въ библіотеку Общества и послать въ обмѣнъ имѣющіеся томы Записокъ.

VIII. Письмо дѣйствительнаго члена Карла Вячеславовича Шкорпила отъ 12 Февраля, изъ Варны, на имя вице-президента съ просьбой доложить Обществу, что онъ будетъ стараться оправдать своими трудами оказанное ему довѣріе избраніемъ въ члены Общества.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IX. Секретарь предъявилъ присланные для библіотеки Общества книги: Атласъ къ путешествію Б. А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспійскаго моря, изданіе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 1895; Извѣстія Императорской Академіи наукъ т. IV, № 1 и 2; Византійскій Временникъ т. II вып. 4; Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества т. VII, вып. 3 и 4; Записки Восточнаго Отдѣлія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества т. IX, вып. I—IV; Православный Палестинскій Сборникъ вып. 43; Палестинскій Патерикъ 8-ой вып.; Сообщеніе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, декабрь 1895 и т. VI Приложенія 1895; Древнія Палестинскія Обители вып. 2 и 3; къ животворящему Гробу Господню 7 изд. 1895; Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи 1885—1887 гг. вып. 10; Протоколы засѣданій Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества: №№ 1, 2, 3 и 4 1894 года, 1, 2 и 3-й 1895 года и Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія за 1894 года; Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка Н. И. Петрова 1895; Историческіе судьбы Волынской земли до конца XIV вѣка П. А. Иванова; Варшавскія университетскія Извѣстія 1895—IX; Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета т. LXIII кн. 1 и 2; Жерела до історії Украіни—Руси т. I 1895; Записки Наукового товари-

ства имени Шевченка 1896, 1 В; Kwartalnik historyczny Rocznik X—zeszyt I—1896; Bulletino di archeologia e storia dalmata anno XVIII, 1895 и XIX, 1896; Mélanges d'archéologie et d'histoire de l'école française de Rome XV année, Fasicule II—III, 1895; Analele Academiei Romane serie II, tomulu XV, 1892—1893; Analele Acad. Rom. tomulu XVI, 1893—1894; Analele Acad. Rom. Serie II—tomul XVII, 1894—1895 и того же года и тома Memoriile sectiunii istorice; Gottingische gelehrte Anzeigen 158 Jahrgang № 1, 1896; Скульптура въ Аттикѣ до греко-персидскихъ войнъ, изслѣдованіе А. А. Павловскаго, 1896 г.; Уничтоженіе древняго Ярославова вала въ Кіевѣ, соч. Турбина Кибальчича, Кіевъ, 1895; Циркуляръ по Одесскому учебному округу 1896 № 1; Предметный указатель руководственныхъ постановленій и распоряженій, помѣщенныхъ въ циркулярахъ за 1895 годъ; Правила объ испытаніяхъ учениковъ реальныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; Каталогъ актовъ XIV, XV, XVI и XVII вѣка, принесенныхъ въ даръ Московскому Публичному музею П. А. Мухановымъ въ 1865 г.; Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1895, Riga 1896. Записки Научнаго товарищества имени Шевченка. Т. I—VI, 1892—1895. *О. Огоновскій*, Исторія литературы русской. Накладомъ товарищества имени Шевченка II, 2 вып., III, 1 и 2 вып. и IV т., 1883—1894.

X. Казначей доложилъ о поступившихъ въ кассу Общества суммахъ: отъ дѣйствительнаго члена И. К. Суручана членскій взносъ за 1896 г. пять рублей, отъ дѣйствительнаго члена А. А. Кочубинскаго пять (5) рублей.

XI. Предложенный въ прошломъ засѣданіи въ дѣйствительные члены старшій хранитель классическаго отдѣленія Императорскаго Эрмитажа Гангольфъ Георгіевичъ Кизеритскій былъ баллотированъ и избранъ большинствомъ (12) голосовъ противъ 1.

XII. Дѣйствительные члены: А. Н. Деревицкій, Э. Р. фонъ-Штернъ и А. И. Кирпичниковъ предложили къ избранію въ дѣйствительные члены Алексѣя Александровича *Дирина* и Александра Васильевича *Новикова*.

Опредѣлили. баллотировать въ слѣдующемъ засѣданіи.

XIII. Предложеніе дѣйствительнаго члена А. А. Кочубинскаго въ виду истеченія 30 Марта 1896 г. 75-лѣтія дня смерти митрополита Бессарабскаго Гавріила Банулеско Бодони, освящавшаго первыя церкви въ Одессѣ въ качествѣ епископа Екатеринославскаго, организатора Румынской церкви въ 1808—1812 годахъ, организатора и устроителя Бессарабской области 1812—1821 г., переводчика и редактора румынской Библіи, изданной отъ Россійскаго Библейскаго Общества въ 1817 г. почтить память знаменитаго іерарха особымъ засѣданіемъ Общества.

Опредѣлили: собраться въ торжественное засѣданіе во вторникъ Ѳо-

миной недѣли, 2-го Апрѣля, отслужить панихиду и просить дѣйствительнаго члена Общества отца С. В. Петровскаго приготовить соотвѣтствующую случаю рѣчь.

XIV Поступили въ музей Общества два стеклянныхъ алабастра, доставленныхъ дѣйствительнымъ членомъ А. П. Деревицкимъ изъ Мелекъ-Чесменскаго музея; кромѣ того г. Деревицкимъ доставлены въ музей изъ раскопокъ А. А. Дирина въ Чокракъ-Мама 15 бронзовыхъ браслетовъ, терракоттовая статуэтка скиоскаго всадника со щитомъ очень грубой работы, 4 глиняныхъ сосудика, 2 глиняныхъ колесца съ углубленіями, клочекъ волосъ съ остатками шелковой матеріи и изъ Керчи—терракоттовая статуэтка скиоскаго всадника на скачущей лошади и глиняный сосудикъ въ формѣ утки; отъ продавца древностей г. Наделя—свинцовая гиря.

294 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

15-го Марта 1896 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице-президента *В. П. Юркевича* и при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, г. почетный членъ *А. Л. Бертье-Деламарѣ*, гг. дѣйствительные члены: *А. А. Кочубинскій, А. И. Маркевичъ, С. Д. Пападимитріу, М. П. Истоминъ, Л. Ф. Брунъ, В. П. Мочульскій, А. В. Лонгиновъ, М. Ю. Потруженко, Л. С. Мацьевичъ, П. О. Красносельцевъ, Г. Р. Шмидтъ, А. В. Никитскій, Г. О. Гаазе* и *А. И. Деревицкій* и членъ сотрудникъ *П. А. Поповъ*.

Слушали:

I. Отношеніе Министра отъ 25 Февраля, № 4959, на имя президента Общества, съ препровожденіемъ утвержденнаго имъ Устава Общества и просьбой сдѣлать распоряженіе относительно приведенія таковаго въ дѣйствіе.

Опредѣлили: Уставъ принять къ исполненію и напечатать, а выборы четырехъ членовъ совѣта, трехъ членовъ издательскаго комитета и библіотекаря назначить на слѣдующее очередное засѣданіе.

II. Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и предварительнаго при немъ комитета X-го Археологическаго съѣзда въ Ригѣ, отъ 24 Февраля, за № 348, съ препровожденіемъ 1-го выпуска трудовъ комитета и 5 экземпляровъ правилъ будущаго съѣзда и просьбой прислать депутатовъ на вышеупомянутый съѣздъ.

Постановили: депутатами послать дѣйствительныхъ членовъ А. А. Кочубинскаго, Э. Р. фонъ-Штерна, А. А. Павловскаго, А. И. Маркевича, А. В. Лонгинова, М. П. Истомина и В. П. Мочульскаго, о чемъ и увѣдомить Императорское Московское Археологическое Общество.

III. Сообщеніе дѣйствительнаго члена В. В. Шкорпила, отъ 3 Марта, на имя вице-президента, съ описаніемъ катакомбы, открытой въ началѣ

прошлаго года на Глинищѣ, въ Керчи, и фресокъ, которыми украшены стѣны и своды склепа.

Спѣшу сообщить вамъ о новомъ открытіи, которое было сдѣлано еще въ Февралѣ прошлаго года, но только теперь стало извѣстнымъ здѣшнимъ археологамъ. Хозяинъ двора, гдѣ была открыта новая катакомба, не хотѣлъ показывать ея никому, даже директору Керченскаго музея, дожидаясь, что, можетъ быть, пріѣдетъ графъ Бобринскій и заплатитъ ему хорошія деньги за право снять фрески, которыми украшены стѣны и своды склепа. Теперь Керченскій мѣщанинъ Зайцевъ (vulgo Зайчикъ), проживающій на Глинищѣ, недалеко отъ Мелекъ-Чесменскаго кургана, самъ пригласилъ меня осмотрѣть замѣчательную катакомбу. Сегодня же я отправился къ нему и осмотрѣвъ склепъ, находящійся приблизительно на $1^1/_2$ сажени подъ землею, составляю этотъ докладъ.

Катакомба состоитъ изъ одной комнаты, въ которую съ сѣверной стороны ведетъ входъ, бока и верхъ котораго построены изъ плотнаго известняка; надъ входомъ положена высокая плита, но безъ всякой надписи и безъ украшеній. Въ дверь можетъ свободно пройти человѣкъ средняго роста, не сгибаясь. Ширина склепа около трехъ шаговъ, длина четыре шага. Вся катакомба украшена живописью, изображающей птицъ, цвѣты, яблоки, виноградныя кисти, листья и вѣнки, но главный интересъ заключается въ фигурахъ, которыя здѣсь изображены.

Центръ цилиндрическаго свода занятъ громаднымъ кругомъ (медальономъ), гдѣ на темномъ фонѣ изображена красивая голова богини; все лицо богини, роскошные волосы, окаймляющіе благородный ликъ богини, ожерелье на шеѣ, состоящее изъ копьевидныхъ подвѣсокъ, все это прекрасно сохранилось, отвалилась только съ лѣвой стороны часть темнаго фона и вмѣстѣ съ ней первая буква имени [Δ]ΙΜΗΤΗΡ, которое распредѣлено такимъ образомъ, что съ лѣвой стороны чернаго фона было пырыто [Δ]Η, а съ правой ΜΗΤΗΡ. Остальная часть свода разукрашена изображеніями плодовъ, цвѣтовъ и четырехъ птицъ, при чемъ соблюдена полная симметрія.

Противъ входа, въ серединѣ сегмента, заключающагося между дугою свода и раскрашенною полосою, которая проходитъ по всѣмъ четыремъ стѣнамъ склепа, отдѣляя сводъ отъ стѣнъ, изображенъ грозный богъ подземнаго царства. На колесницѣ, запряженной четверкой лошадей, изъ которыхъ первая и третья чернаго, а вторая и четвертая бѣлаго цвѣта, стоитъ богъ и держитъ руками стоящую предъ нимъ дѣвушку, фигура которой почти вдвое меньше фигуры Плутона. Лицо Аида, одѣтаго въ черный, развѣвающійся отъ быстрой ѣзды плащъ, окаймлено мощными волосами и бородою. Надъ четверкой изображенъ мальчикъ безъ крыльевъ, кнутомъ погоняющій лошадей. Надъ головой бога начертана надпись

ΠΛΟΥΤΩΝ. Присутствіе Деметры, которая какъ-бы заглядываетъ въ подземное царство, убѣждаетъ меня, что въ дѣвушкѣ не нужно видѣть вообще душу, похищаемую Плутономъ, а Прозерпину, какъ и въ другихъ этого рода рисункахъ и статуяхъ (срав. напр. вазный рисунокъ, изданный въ сочиненіи I. Лангля: Griechische Götter und Helden gestalten. Wien 1887 стр 104; I. Overbeck, Geschichte der griech. Plastik. Leipzig 1869. II, 28. и др.).

На простѣнкахъ возлѣ входа въ склепъ изображены двѣ фигуры: на лѣвой сторонѣ мчится Гермесъ съ обычными крыльями на ногахъ и съ кадуцеемъ въ рукѣ, а на право изображена Калипсо съ выраженіемъ глубокой грусти на лицѣ. Надъ фигурой Меркурія написано ЕРМНС, а надъ головою нимфы КАЛУΨО. Интересно рѣшить вопросъ, какое значеніе имѣетъ здѣсь Калипсо. Мнѣ кажется, что эта дочь Атланта является здѣсь или какъ олицетвореніе грусти, которую испытываемъ послѣ вѣчной, соперпаемой противъ нашей воли, разлуки съ дорогимъ человѣкомъ (срав. пятую книгу Одиссеи), или какъ символъ полнаго уединенія и удаленія отъ всего міра (Hom. Od. 7, 247: δεινὴ θεός οὐδέ τις αὐτῇ | μίσγηται οὔτε θεῶν οὔτε θνητῶν ἀνθρώπων). Можно допустить также болѣе простое объясненіе: стремясь къ симметріи, живописецъ изобразилъ противъ фигуры Гермеса одну изъ подругъ Персефоны, имя которой встрѣчается въ гомеровскомъ гимнѣ, составленномъ въ честь Деметры (Hymn. in Cer. 422: ἱμερόεσσα Καλυφώ).

Во всѣхъ трехъ стѣнахъ по серединѣ сдѣланы небольшія ниши; надъ нишей въ правой стѣнѣ (отъ входа) сдѣланъ маленькій выступъ, на которомъ могла помѣщаться небольшая лампадка.

По словамъ хозяина, которымъ, впрочемъ, нельзя много вѣрить, въ катакомбѣ найдены слѣдующія вещи: два кольца, одинъ сосудъ зеленаго и одинъ синяго стекла, затѣмъ бронзовый канделабръ (ставникъ) на трехъ львиныхъ ножкахъ. Но куда всѣ эти вещи дѣвались, кому онѣ были проданы, нельзя было никоимъ образомъ узнать.

Остается еще сообщить вамъ, что директоръ Керченскаго музея К. Е. Думбергъ хлопочетъ купить у Зайцева право снять и срисовать всѣ фрески, чтобы Археологическая коммиссія могла издать эти замѣчательные остатки древней живописи.

IV. Донесеніе директора Мелекъ-Чесменскаго музея В. В. Шкорпила о высланныхъ Обществу по квитанціи компаніи «Надежда» пяти ящикахъ съ слѣдующими предметами: 1) Большая желобчатая гидрія съ деревянною подставкою; 2) четыре чернолаковыя вазы съ красными фигурами; 3) чернолаковый сосудъ на высокой ножкѣ и съ двумя ручками; 4) сосудикъ съ головою мущины; 5) подсвѣчникъ съ ручкою, имѣющей видъ какого то животнаго; 6) два глиняныхъ росписныхъ

алавастра; 7) терракотта, изображающая женщину; 8) терракотта: молодой Геракл съ палицею и львиною шкурою; на головѣ шкура въ видѣ шлема; 9) глиняный сосудъ (одна ручка отбита), найденный въ Куль-Тепе, на берегу Азовскаго моря и подаренный Мелекъ-Чесменскому музею А. А. Диринымъ; 10) глина изъ горы Митридата и 11) двѣ поддѣлки, изготовленныя изъ такой же глины: a) стоящая женщина и b) сосудикъ, имѣющій видъ двухъ сложенныхъ раковинъ); 12) глина съ Керченскаго предмѣстья Глинница и двѣ поддѣлки изъ такой же глины: a) сосудикъ съ амуромъ и b) маска. Всего тринадцать древнихъ предметовъ, два образчика глины и четыре поддѣлки.

Опредѣлили: передать древніе предметы въ музей Общества и внести въ инвентарь, а образцы глины передать проф. П. Г. Меликову съ просьбою произвести анализъ ихъ и результаты анализа напечатать въ Запискахъ Общества.

V. Директоръ музея сообщилъ о поступленіяхъ въ музей Общества:

Отъ дѣйствительнаго члена Хр. Хр. Гиля:

Монеты:

Æ Дакія, Отацилія и Дакія.
— » Филиппъ и Дакія.
— » Валеріанъ и Дакія.
— » Филиппъ и Дакія, иначе.

Отъ почетнаго члена А. Л. Бертье-Делагарда монеты:

Æ Томи, Ал. Северъ и Сараписъ на орлѣ.
— » id. и надпись.
— » id. и Гермесъ.
— » Элагабалъ и Немезида.
— » Каракалла и Діоскуры.
— » Гордіанъ III и Діоскуры.
— » id. и Деметра.
— » id. и Орелъ.
— » id. и Тихе.
— » id. и Асклепій.
— » id. и Паллада.
— Одиссъ, Ал. Северъ и Сараписъ.
— » » и Сараписъ, иначе.
— Одиссъ, С. Северъ и Сараписъ.
— » Каракалла и Сараписъ.
— » Гордіанъ III и Сараписъ.
— Никополь, С. Северъ и Геракл.
Æ Ольвія, Артемида и лукъ съ колчаномъ.

Æ Синопа, Антонинъ и актеръ.
— Виѳинія, Адріанъ и храмъ.
— Зела, Ю. Домна и храмъ (рѣдкая).
— Адріанополь, Сабина и Гермесъ.
— Кесарея-Германика, Салонина и Тихе.
— Абдера, Гермесъ и грифонъ.
— » Грифонъ и Аполлонъ.
— Каппра, Ника и Горгона.
— Византіе, Деметра и вѣнокъ (рѣдкая).
— Амастрія, Арей и мечъ.
— » Л. Веръ и треножникъ.
— Анамея-Мирлея, Аполлонъ и лира.
— » Деметра и лира.
— » Валеріанъ и галера.
— Маронея, Діонисъ и Діонисъ.
— » id. и кисть.
— » id. и кисть, иначе.
— Кій, Гераклъ и оружіе.
— » id. и оружіе, иначе.
— » Діонисъ и канѳаръ.
— » id. и канѳаръ, иначе.
— » Волузіанъ и Тихе.
— » id. и Асклепій.
— Неокесарея, Гордіанъ III и столъ.
— » Галліенъ и столъ.
— » Каракалла и храмъ.
— » Гета и храмъ.
— » Домиціанъ и храмъ.
— Византія, Артемида и полумѣсяцъ.
— » Быкъ и трезубецъ.
— » Каракалла и императоръ.
— » Луцилла и дельфинъ.
— » Коммодъ и Криспина (рѣдкая).
— » Ю. Домна и полумѣсяцъ.
— Каракалла и Асклепій.
— Трапезунтъ, Гета и Менъ (рѣдкая).
— Неоклавдіополь, Антонинъ и Сараписъ (очень рѣдкая, неизданная).
— Анхіалъ, Гордіанъ и столъ.
— Адріанополь, Гордіанъ и Зевсъ.
— » id. и Немезида.
— » id. и порота (рѣдкая).
— » id. и Геліосъ.

Æ Деультъ, Діадуменіанъ и Артемида.
— » Траянквилина и Силенъ.
— » id. и Асклепій
— Тій, Антонинъ и Діонисъ.
— Никомидія, Римъ и Ника.
— » Антонинъ и Деметра.
— Амастрія, Аонна и молнія.
AR Мессемврія, Тетрадрахма Александра.
— Гераклея, Геракль и Тихе (рѣдкая).
Æ » id. и левъ.
— » Ю. Домна и Афродита.
— » Гордіанъ и Аѳина.
— Филиппополь, Элагабалъ и Деметра.
— » Каракалла и Геракль (рѣдкая).
— Никея, Домиціанъ и Діонисъ.
— » Этрусцилла и Ника.
— » Валеріанъ и Деметра.
— Амисъ, Зевсъ и орелъ.
— » Паллада и Римъ (рѣдкая).
AR » Тихе и сова.
Æ » Орелъ и Тихе.
AR » Антонинъ и Тихе.
Æ » Каракалла и всадникъ (очень рѣдкая).
— » id. и храмъ (очень рѣдкая).
— » Максимъ и Ника (очень рѣдкая).
— » Алекс. Северъ и Посейдонъ (очень рѣдкая).
— » Траянквилина и Геракль (очень рѣдкая).
AR Калхедонъ, Быкъ и квадраты.
— » тоже, иначе.
— » Голова мужчины и колесо (рѣдкая).
— » Половина быка и колосья (очень рѣдкая).
Æ » Быкъ и колосья.
— » Каракалла и галера.

Серебряныхъ 9, мѣдныхъ 84, всего 93; всѣ такія, которыхъ въ коллекціяхъ музея не было.

Отъ него же: собственноручный рескриптъ Императора Павла I, отъ 30-го Января 1801 года.

Опредѣлили: монеты передать въ музей Общества, а жертвователей усердно благодарить.

VI. Отношеніе Ферганскаго Областнаго Публичнаго Музея о пожертвованіяхъ денежныхъ, предметовъ, книгъ и т. д.

Опредѣлили: выслать имѣющіяся томы Записокъ.

VII. Извѣщеніе Società Ligure di storia patria о смерти предсѣдателя и секретаря общества и объ избраніи новыхъ предсѣдателя и секретаря.

Опредѣлили: выразить сочувствіе объ утратѣ, понесенной Обществомъ, и сообщить о томъ, что Одесское Общество почтило въ своемъ засѣданіи память своего дѣйствительнаго члена Бельграно.

VIII. Казначей Общества сообщилъ о поступленіи членскихъ взносовъ отъ дѣйствительныхъ членовъ: Ю. А. Кулаковскаго 5 р., Г. Р. Шмидта 5 р., отъ него-же за дипломъ 10 р., отъ М. Г. Попруженко 5 р., отъ Щеглова 5 руб.

X. Секретарь предъявилъ присланные для библіотеки Общества книги: Извѣстія Императорской Академіи наукъ т. III, 5; Труды Московскаго предварительнаго комитета X-го археологическаго съѣзда въ Ригѣ, вып. I; Правила будущаго съѣзда; П. П. Бантышъ-Каменскаго «Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи по 1800 годъ» ч. II (Германія и Италія, Москва, 1896; Записки Крымскаго Горнаго Клуба, 1896, № 1; Циркуляръ по Одесскому Учебному Округу 1896 № 2; Starohrvatska Prosvieta God I, Br 4 и Knjiu 1895; Oslava stych narozenin Pavla Josefa Šafařika 1895; Berliner Münzblätter № 181, septemb. 1895; Numismatische Correspondenz. Novemb. Decemb. 1895; Mélanges d'Archéologie et d'Histoire (École Française de Rome) XV année. fascic IV — V, Décembre 1895; Atti della società Ligure di Storia Patria volume XXVII, 1895; Bullettino di archeologia e storia Dalmata, anno XIX, Spalato 1895; The Numismatic Chronicle and Journal of the numismatic society. 1895. Part. IV; Записки наукового товарищества имени Шевченка V, 1896. II. В.; Сборникъ матеріаловъ для изученія искусства и монетнаго производства у народовъ, живщихъ въ древности на югѣ нынѣшней Россіи въ періодъ пребыванія тамъ эллиновъ. Ч. I. Одесса. 1884. Общій каталогъ монетъ, принадлежащихъ эллинскимъ колоніямъ, существовавшимъ въ древности на сѣверномъ берегу Чернаго моря, въ предѣлахъ нынѣшней южной Россіи. По монетамъ, принадлежавшимъ собственному собранію и отчасти къ рисункамъ изъ другихъ собраній, составилъ В. Бурачковъ, ч. I. Одесса. 1884; Описаніе монетъ, поступившихъ въ мое собраніе въ 1892 и 93 годахъ, Х. Х. Гили.

X. Предложеніе почетнаго члена А. Л. Бертье-Делагарда просить братьевъ Шкорпиловъ объ розыскахъ и о пересылкѣ въ Одессу монетъ Оракіи и Мисіи.

Опредѣлили: просить г. вице-президента написать о томъ гг. братьямъ Шкорпиламъ.

XI. Баллотированы предложенные въ прошломъ засѣданіи въ дѣйствительные члены А. А. Диринъ и А. В. Новиковъ и выбраны: первый большинствомъ, а второй единогласно.

XII. Почетный членъ А. Л. Бертье-Делагардъ сдѣлалъ сообщеніе о видѣнныхъ имъ нумизматическихъ коллекціяхъ и о картографическихъ документахъ Архива Главнаго Штаба; сущность этого сообщенія вкратцѣ заключается въ слѣдующемъ:

а) Богатѣйшая коллекція нашего сочлена Х. Х. Гиля, составлявшаяся въ теченіи многихъ лѣтъ, съ огромными трудами, издержками и знаніемъ дѣла, относится исключительно къ греческимъ колоніямъ прибрежья Чернаго моря, находящимся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. Эта коллекція по своей полнотѣ, чрезвычайному богатству, изобилію не только рѣдкихъ, но и единственныхъ монетъ, превосходитъ все, что когда-либо и гдѣ-либо было собрано въ одномъ мѣстѣ; только напр. отдѣлъ монетъ Тиры нѣсколько полнѣе находящагося въ коллекціи г. Гиля, всѣ-же остальные города не только безъ всякаго сравненія, превосходятъ имѣющіяся въ нашемъ кабинетѣ, но даже и собраніе Императорскаго эрмитажа, кромѣ Херсонеса. Теперь, всю эту роскошную, рѣдчайшую коллекцію пріобрѣлъ въ собственность Его Высочество Великій Князь Георгій Михайловичъ, который и присоединилъ ее къ своей не менѣе роскошной коллекціи русскихъ монетъ и медалей. Съ соизволенія Его Высочества, я подробно осматривалъ все это громадное нумизматическое собраніе, находящееся въ достойномъ его, обширномъ помѣщеніи, уставленномъ изящными и удобными витринами, превосходно освѣщенными, придуманными Самимъ Его Высочествомъ.

б) Составляя обширную коллекцію картографическихъ работъ, касающихся Крыма, я постоянно вспоминалъ указанія Григоровича на документы, хранящіеся въ Ученомъ Архивѣ Главнаго Штаба, но мнѣ удалось только теперь посвятить нѣсколько дней на осмотръ части картографическаго матеріала, заключающагося въ этомъ Архивѣ, при чемъ богатства его превзошли всякія ожиданія. По краткости времени, я могъ обратить вниманіе лишь на самую незначительную часть картографическаго матеріала и то, почти исключительно, касающагося Крыма. Предоставивъ себѣ впослѣдствіи болѣе подробно изложить сущность видѣннаго, сдѣлаю теперь лишь нѣсколько замѣчаній, могущихъ интересовать изслѣдователей Юга Россіи.

Прежде всего укажу на то, что доступъ для занятій въ Военно-Ученомъ Архивѣ Главнаго Штаба, какъ нельзя болѣе, облегчается самою любезною внимательностью и предупредительностью всѣхъ лицъ, какъ находящихся во главѣ этого учрежденія, такъ и служащихъ въ немъ; обо всемъ этомъ нельзя не вспомнить съ величайшею благодарностью. Очевидно, что благородныя традиціи всячески содѣйствовать научнымъ изслѣдованіямъ, такъ характерно указанныя еще Григоровичемъ, сохраняются и до сихъ поръ въ этомъ ученомъ учрежденіи.

Такъ какъ Григоровичемъ были главнымъ образомъ осмотрѣны атласы, то я и обратилъ свое вниманіе, въ особенности на отдѣльныя карты, отысканіе которыхъ, какъ и вообще занятія въ этомъ архивѣ, облегчены подробными печатными каталогами. Огромныя папки съ серіями картъ и плановъ разсматриваются, при такой обстановкѣ, скорѣе чѣмъ то можно было думать. Изобиліе печатныхъ старинныхъ картъ архива, вѣроятно, не уступитъ никакому иному книгохранищу, но главное его богатство заключается не въ этомъ, а въ единственномъ, ненмѣющемъ себѣ подобнаго, собраніи рукописныхъ картъ и плановъ прошлаго вѣка, явившемся результатомъ всѣхъ нашихъ войнъ и дипломатическихъ сношеній и сопровождавшихъ ихъ съемокъ, изысканій, донесеній и т. п.

Въ видѣ образца, укажу нѣкоторыя, замѣченныя подробности.

Въ Крыму мы до сихъ поръ, почти безъ исключенія, не имѣемъ ни одного хорошаго археологическаго плана древнихъ и средневѣковыхъ городищъ: даже предполагалось и утверждалось, что явившіеся на югъ русскіе только все разрушали и разоряли, не сохранивъ даже воспоминанія, о видѣнномъ ими. Мнѣ уже приходилось замѣчать неправильность этого мнѣнія и мои замѣчанія[1]) находятъ самую несомнѣнную поддержку въ разсматриваемомъ архивѣ. Оказывается, что въ прошломъ вѣкѣ не смотря на войны, находили время посылать съемщиковъ и заниматься составленіемъ самыхъ подробныхъ плановъ, имѣющихъ значеніе не только военно-политическое, но и прямо археологическое. Есть цѣлая серія плановъ древнихъ городовъ Крыма, снятая и рисованная одною рукою съ чисто археологическою цѣлью, въ 1773—74 гг. Такимъ образомъ, въ архивѣ оказываются планы конца прошлаго вѣка (между 1771—1790 гг.) чисто археологическіе, сдѣланные съ большою подробностью и ранѣе якобы бывшаго или даже возможнаго разрушенія всего этого русскими. Есть планы: Ени-Кале (нѣсколько), Керчи (тоже), Осодосіи, Стараго Крыма, Карасубазара, Херсонеса, (нѣсколько), Инкермана (тоже) и даже такихъ глухихъ и заброшенныхъ мѣстъ, какъ Судакъ (два плана), Ялта и Мангупъ-Кале) (два плана). Нельзя не замѣтить, что, почти всѣхъ этихъ древнихъ городовъ, и, въ особенности, послѣднихъ, мы вовсе не имѣемъ плановъ и до сихъ поръ, или имѣемъ лишь бѣглые и воздорные наброски Муравьева и Кеппена, или не менѣе воздорныя измышленія Дюбуа. Планы прошлаго вѣка составлялись въ крупномъ масштабѣ съ большою, иногда чрезвычайною, тщательностью; часто сопровождаются разрѣзами и видами, въ общемъ весьма вѣрны и близки къ дѣйствительности, разумѣется, по скольку это возможно при спѣшной полувоенной работѣ и несовершенныхъ инструментахъ прошлаго вѣка. Интереснѣйшіе изъ этихъ плановъ я надѣюсь пріобрѣсти въ видѣ точныхъ факсимиле и тогда предъявлю ихъ Обществу съ болѣе подробными объясненіями.

---

[1]) Раскопки Херсонеса стр. 1—9.

Карты и планы топографическаго и военнаго характера также изобилуютъ въ архивѣ и чрезвычайно важны для изученія тогдашнихъ поселеній и политико-экономическаго положенія Крыма.

Обращая главное вниманіе на все касающееся Крыма, я однако не могъ не замѣтить кое-что любопытное касающееся иныхъ мѣстностей новороссійскаго края.

Аккермана, наприм., оказалось въ архивѣ нѣсколько превосходныхъ плановъ; нѣкоторые изъ нихъ сняты съ птичьяго полета и подробнѣйшимъ образомъ указываютъ положеніе и видъ всей крѣпости, со всѣми въ ней находящимися строеніями; фэксимиле лучшаго изъ такихъ плановъ надѣюсь представить Обществу въ скоромъ времени.

Въ 1772 г. были составлены весьма тщательные планы города и порта на Глубокой пристани въ Днѣпровскомъ лиманѣ, вмѣсто котораго впослѣдствіи былъ построенъ Херсонъ, тамъ, гдѣ мы его знаемъ. Если бы планы 1772 г., составленные съ большимъ знаніемъ дѣла, на весьма удобномъ мѣстѣ, не остались бы только въ архивѣ Главнаго штаба, а были бы приведены въ исполненіе, то, конечно, судьбы захудалаго города Херсона были бы совсѣмъ иныя. Сдѣланную въ этомъ случаѣ ошибку ясно сознавали всѣ, начиная съ самого Потемкина, уже въ 80 годахъ прошлаго вѣка.

Въ томъ-же архивѣ я видѣлъ любопытнѣйшую, подлинную, подробную записку, съ приложеніями, французскаго инженера Lafitte-Clavé, касающуюся Очакова и Одессы. Какъ эта записка попала въ архивъ не могу понять, вѣроятно послѣ взятія Очакова, но она составлялась главнымъ инженеромъ, изъ числа тѣхъ, которыхъ французское правительство, не смотря на явное негодованіе Екатерины II, посылало на помощь туркамъ. Записка представлена въ Константинополѣ, великому визирю, 30 Октября 1784 г., а самъ Лафитъ впослѣдствіи, передъ второй турецкой войной и во время пріѣзда Екатерины на югъ Россіи, находился въ Очаковѣ, укрѣпляя его, въ ожиданіи надвигавшейся войны съ русскими[1]). Въ Очаковѣ онъ былъ не одинъ и на одномъ изъ многихъ очень любопытныхъ плановъ Очакова, хранящихся въ архивѣ, дѣланномъ французскими инженерами и доставшемся намъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ самою крѣпостью, показано внѣ крѣпости, въ сторонѣ нынѣшняго селенія Бейкуша, цѣлый французскій кварталъ, съ нѣсколькими домиками, паркомъ и фонтанами. Въ своей запискѣ Лафитъ, описывая прибрежья Чернаго моря, указываетъ слабость его населенныхъ пунктовъ и даетъ проекты желательныхъ, по его мнѣнію, укрѣпленій. Сказанное имъ о тогдашнемъ Хаджибеѣ выясняетъ нѣсколько сомнительныхъ пунктовъ, указанныхъ А. И. Маркевичемъ въ его инте-

[1]) Объ этомъ упоминаетъ, между прочимъ, и Іосифъ II въ своихъ письмахъ къ графу Ласси изъ Херсона въ 1787. Рус. архивъ 1888 г. кн. I.

ренной статьѣ[1]). О мѣстности и замкѣ Хаджибеѣ Лафитъ говоритъ такъ: «рейдъ Коджа-Бея, лежащій между устьями Днѣпра и Днѣстра, кажется надежнымъ (sure) и можетъ служить линейнымъ кораблямъ. Ширина его около 2000 туазовъ при 7, 8 и 9 брассахъ глубины къ серединѣ, дно твердый илъ. Обыкновенно на этомъ рейдѣ суда, идущія въ Очаковъ, укрываются во время ледохода. Рейдъ защищается жалкимъ замкомъ на 20—25 человѣкъ гарнизона, «которыи не въ силахъ сопротивляться ничтожному карсару (an moindre corsaire)». Затѣмъ Лафитъ, для усиленія мѣстности, предлагаетъ, давая планы, постройку батарей на Жеваховой горѣ и большаго форта на мѣстѣ нынѣшней старой крѣпости. Насколько я могъ замѣтить, при бѣгломъ осмотрѣ, планы Лафита именно и послужили для постройки нашей старой крѣпости, но только—пронія судьбы—сдѣлали это русскіе, а не турки, для которыхъ работалъ Лафитъ. Планъ замка Хаджибея, находящійся въ нашемъ архивѣ, точнѣе сказать его кусочекъ съ французскою надписью, помѣченный 1784 г., именно и есть копія съ плана, находящагося при запискахъ Лафита. Мурзакевичъ приписалъ этотъ планъ де-Волану, безъ всякихъ основаній, а просто по личнымъ соображеніямъ, въ которыхъ онъ не особенно стѣснялся; впрочемъ, въ его оправданіе замѣчу, что планы, приложенные къ запискѣ Лафита, помѣщены въ Архивѣ отдѣльно отъ записки, хотя въ пріурочиваніи ихъ и не можетъ быть никакого сомнѣнія, какъ по почерку и формату бумаги, такъ и по указаніямъ литеръ, подъ которыми значатся планы. Изъ всего сказаннаго, думаю, можно заключить какъ о совершенной ничтожности Хаджибейскаго замка, едва-ли въ чемъ-либо измѣнившемся ко времени взятія его русскими, такъ и о томъ, что планъ Лафита вѣроятно былъ въ нашихъ рукахъ въ это время, такъ какъ всего естественнѣе предположить, что его добыли въ архивѣ взятаго Очакова. Въ нашемъ планѣ Хаджибея, а затѣмъ и въ напечатанномъ съ него снимкѣ, сдѣлана другая крупная ошибка, дающая поводъ къ разнаго рода недоразумѣніямъ. Въ Архивѣ Главнаго Штаба есть еще другой планъ Хаджибейскаго замка, составленный съ большими подробностями и въ большомъ масштабѣ, русскимъ инженеромъ поручикомъ Фрейгангомъ (имя не вполнѣ четко, но кажется такъ); это Мурзакевичемъ не указано, а планъ скопированъ и помѣщенъ на одномъ листѣ съ планомъ Лафита, которому принадлежитъ только маленькій планъ замка, помѣщенный подъ французскимъ текстомъ; все остальное никакимъ годомъ необозначенное, составлено русскимъ инженеромъ и очевидно, что столь подробное составленіе могло быть сдѣлано только послѣ взятія Хаджибея, что, по моему, и выясняетъ окончательно, чѣмъ былъ таковой въ то время; ни въ чемъ существенномъ онъ не отличается отъ плана Ла-

[1]) Городъ Качибей и т. д. Зап. Имп. Од. Общ. Ист. и Древностей, т. XVII стр. 30 — 50.

фита, помѣченнаго 1784 г., какъ я говорилъ выше[1]). Лафитъ, кромѣ маленькаго плана замка, приложилъ еще и довольно большой планъ всей мѣстности вокругъ Хаджибея, съ показаніемъ новыхъ укрѣпленій. Я не имѣлъ времени разсмотрѣть и сличить этотъ планъ но, вѣроятно, онъ представляетъ не мало интереса.

Кончая мои случайныя и бѣглыя замѣтки, не могу еще разъ не обратить Ваше вниманіе на неисчерпаемыя богатства Ученаго Архива Главнаго Штаба; думаю, что никакое изслѣдованіе южно-русской земли не должно бы обходится безъ возможно полнаго пересмотра этого обширнѣйшаго собранія.

Въ заключеніе позволю себѣ сообщить маленькій курьезъ, основанный на странной, хотя, впрочемъ, и понятной картографической опечаткѣ. Въ числѣ нѣкоторыхъ весьма рѣдкихъ картъ, изданныхъ Академіей Наукъ въ прошломъ вѣкѣ, мнѣ удалось пріобрѣсти «Новую карту Россійской Имперіи, раздѣленную на намѣстничества», съ отчетливо вырѣзаннымъ 1786 годомъ. Какова же было мое изумленіе, когда на этой картѣ я увидѣлъ также отчетливо вырѣзанный городъ Одессу на томъ мѣстѣ, гдѣ ей и слѣдуетъ быть. Можно было подумать, что вопросъ о мѣстѣ и времени званія Хаджибея (или Ени—дуни) Одессою отодвигается гораздо дальше, чѣмъ то можно было бы предполагать. По ближайшему разсмотрѣнію карты оказалась, однако, какъ я и сказалъ выше, простая опечатка: дѣло въ томъ, что на югѣ Россіи не только показана Одесса, но исправлена и русская граница, согласно съ результатами второй турецкой войны; очевидно, слѣдовательно, что старая доска, съ которой печаталась карта, составлена послѣ 1791 г. (Ясскій миръ), хотя и нельзя сказать когда именно, годъ же картины забыли исправить.

[1]) Въ VI томѣ нашихъ Записокъ (стр. 595, рис. VII и VIII) Мурзакевичъ напечаталъ только русскій планъ Хаджибея, но вѣроятно для большого интереса позволилъ себѣ имѣющееся на немъ русское заглавіе замѣнить французскимъ (съ годомъ), находящимся на напечатанной имъ части листа, составляющей планъ Лафита.

295 (ТОРЖЕСТВЕННОЕ) ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

2-го Апрѣля 1896 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице-президента *В. П. Юргевича* и при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, гг. почетный гость, городской голова города Одессы *В. Н. Лигинъ*, дѣйствительные члены: *Г. Г. Маразли*, *А. Г. Лебединцевъ*, *М. Ѳ. Чеменя*, *В. М. Войтковскій*, *С. В. Петровскій*, *П. Ю. Вучина*, *А. А. Кочубинскій*, *Э. Р. Фонъ-Штернъ*, *Г. П. Перетятковичъ*, *М. П. Истомина*, *Л. С. Мацьевичъ*, *П. Ѳ. Красносельцевъ*, *А. П Марковичъ*, *В. П. Мочульскій*, *Х. П. Яцуржинскій*, *П. Ѳ. Федоровъ*, *М. Ю. Попружэнко*, *А. П. Алмазовъ* и чл. сотр. *П. А. Ивановъ*.

Согласно постановленію Общества 28 февраля 1896 года настоящее торжественное засѣданіе было посвящено памяти экзарха св. синода, митрополита Бессарабскаго Гавріила Банулеско-Бодони, освящавшаго первыя церкви въ Одессѣ въ качествѣ епископа Екатеринославскаго, по случаю истеченія 30 Марта 1896 года семидесятипятилѣтія со дня смерти преосвященнаго.

Предъ засѣданіемъ была отслужена соборне торжественная панихида дѣйствительными членами Общества протоіереями: каѳедральнымъ А. Г. Лебединцевымъ, ректоромъ семинаріи М. Ѳ. Чеменою и проф. Императорскаго Новороссійскаго Университета В. М. Войтковскимъ.

Засѣданіе открылъ вице-президентъ указаніемъ на то, что Императорское Одесское Общество исторіи и древностей, работающее на поприщѣ исторіи и древностей преимущественно южно-русскаго края, нашло священнымъ долгомъ своимъ почтить торжественнымъ засѣданіемъ память выдающагося іерарха, экзарха Гавріила Бопулеско-Бодони, какъ историческаго дѣятеля русской церкви на югѣ Россіи въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія.

Затѣмъ была прослушана рѣчь члена Общества, отца С. В. Петровскаго.

Мм. Гг.!

30 Марта текущаго года минуло 75 лѣтъ со дня смерти преосвященнаго Гавріила, экзарха Молдовлахійскаго, митрополита Кіевскаго и Кишиневскаго. Въ свое время, да и теперь еще преосвященный Гавріилъ выступаетъ величиной наиболѣе крупною среди іерарховъ русской церкви, какъ россійскаго, такъ и иноземнаго происхожденія. Уже одно то, что онъ —сынъ мелкопомѣстнаго молдавскаго резена (дворянина) возвысился до званія митрополита Кіевскаго, экзарха Молдовлахійскаго и первоспятителя Новороссіи, говоритъ за личныя недюжинныя его дарованія и заслуги. Румынъ по происхожденію,—онъ почти всю свою жизнь посвятилъ русской церкви и русскимъ государственнымъ интересамъ. Воспитанникъ Венгріи и Греціи,—онъ воспитывалъ духовное юношество въ Полтавѣ, Кіевѣ и Кишиневѣ. Пламенѣйшій изъ пламенныхъ румынскихъ патріотовъ,—онъ во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. былъ представителемъ Святѣйшаго Всероссійскаго Сунода въ Молдовалахіи, а нѣсколько позднѣе трудился надъ организаціей присоединенной къ Россіи Бессарабіи. Какъ характеръ, экзархъ Гавріилъ выдѣлялся изъ своихъ современниковъ прямолинейностью убѣжденій, несокрушимой силой воли, свѣтлымъ административнымъ умомъ, честолюбіемъ безъ искательства, неподкупной честностью и широкими по его времени идеалами. Время подробнаго изученія дѣятельности преосвященнаго Гавріила и значенія его заслугъ для Россіи, повидимому [1]), уже наступило. Значительная доля матерьяловъ для его біографіи, по крайней мѣрѣ, для его церковно-административной дѣятельности въ Молдо-Валахскомъ экзархатѣ и Бессарабіи собрана и въ сыромъ видѣ извѣстна; разнообразные факты прошлаго, опредѣлявшіе собою направленіе его трудовъ и значеніе его заслугъ, выяснены. Намъ остается, такимъ образомъ, коснуться лишь той изъ сторонъ его жизни, о которой говорить въ данномъ случаѣ всего болѣе прилично, и которая всего болѣе теперь доступна изученію, именно его учебно административной дѣятельности въ предѣлахъ Малороссіи и Новороссіи.

Предварительно припомнимъ однако главнѣйшіе факты его біографіи, примѣняясь къ намѣченной задачѣ.

Гавріилъ Банулеско-Бодони родился въ 1746 г. въ Трансильваніи, въ городѣ Быстрицѣ и при крещеніи названъ Григоріемъ. Отецъ его,—потомокъ почтенной Молдавской фамиліи, давно переселившейся въ Трансильванію, служилъ драбантомъ—(въ пограничной стражѣ), былъ человѣкъ многосемейный и жилъ настолько бѣдно, что не могъ дать сыну даже на-

[1]) Имѣемъ въ виду монографію А. Стадницкаго «Гавріилъ Банулеско Бодони экзархъ Молдовлахійскій и митрополитъ Кишиневскій». Кишиневъ 1891 г.

чальное образованіе. Мальчикъ Григорій, какъ началъ свое ученье, такъ и кончилъ его благодаря заботамъ родственниковъ, участію добрыхъ людей и собственнымъ дарованіямъ. Сперва «простой молдавской грамотѣ» училъ его священникъ—дядя. Потомъ, девяти лѣтъ отъ роду на средства того же дяди онъ поступилъ въ Седмиградскую нормальную школу, гдѣ отъ молдавской грамоты перешелъ къ латинскому и славянскому языкамъ. Кончивъ здѣсь ученье, Банулеско съ цѣлью дальнѣйшаго общаго образованія посѣтилъ Буда-Пешть и нѣкоторые другіе венгерскіе города. Неудовлетворенный постановкой школьнаго дѣла въ Венгріи, въ 1771 г. онъ отправился въ Кіевъ для поступленія въ духовную академію, которая была ему—румыну особенно дорога, какъ основанная его соотечественникомъ—митрополитомъ Петромъ Могилою. Въ Кіевѣ Банулеско прожилъ около двухъ лѣтъ, слушая спеціальный богословскій курсъ. Наконецъ, въ 1773 г. для основательнаго изученія греческаго языка, который фанаріотами, занимавшими всѣ высшія должности на его родинѣ, былъ въ Молдовалахіи объявленъ господствующимъ, онъ предпринялъ путешествіе въ Грецію. Три года усиленныхъ занятій въ школахъ Ватопедской, Хіосской и Смирнской закончили учебный періодъ въ жизни Бодони. Къ началу 1776 г. онъ вернулся въ Трансильванію и получилъ мѣсто преподавателя въ Насаудѣ. Не по душѣ-ли пришлась педагогическая дѣятельность подъ Австрійскимъ режимомъ, или уже въ эти молодые годы Банулеско стали представляться болѣе широкія перспективы дѣятельности,—не знаемъ, но годъ спустя послѣ возвращенія изъ Греціи онъ «обогащенный наукой, опытностью и знаніемъ древнихъ и новыхъ языковъ, церковной исторіи древней и новой, географіи и всемірной исторіи»[2]), покинулъ Насаудъ и прибылъ въ Яссы искать покровительства Молдавскаго митрополита Гавріила Калимаха. На первыхъ порахъ митрополитъ ограничился тѣмъ, что доставилъ ему мѣсто учителя латинскаго языка въ Ясскомъ княжескомъ училищѣ, но потомъ, присмотрѣвшись, оцѣнивъ его умъ, слыша лестные отзывы объ его недюжинныхъ дарованіяхъ отъ такихъ опытныхъ и образованныхъ грековъ — сослуживцевъ Григорія, какъ Никифоръ Феотоки, слыша, наконецъ, отъ самого Банулеско не разъ высказанное желаніе постричься въ монахи, митрополитъ надумалъ дать ему возможность еще разъ побывать въ Греціи, изучить строй церковной жизни востока и пополнить пробѣлы въ спеціально богословскомъ и филологическомъ образованіи. Онъ снабдилъ Бодони рекомендательными письмами къ патріарху Софронію, одобрилъ влеченіе къ постригу и намѣтилъ Патмосское училище, какъ пунктъ, гдѣ всего легче и удобнѣе могли осуществиться его образовательныя задачи и планы. Прошло три года. Григорій Банулеско, теперь уже монахъ Гавріилъ, въ

[2]) «Отеч. Зап.» 1821 г., ч. 7, стр. 78. Ириней—«Некрологъ Гавріила».

полномъ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, дѣйствительно, «опытный, обогащенный наукой» педагогъ, вернулся къ радости старика митрополита Калимаха въ Яссы, занялъ вакантное мѣсто преподавателя греческаго языка въ «княжескомъ» училищѣ и съ 1 Сентября 1781 г., въ санѣ іеромонаха, назначенъ былъ проповѣдникомъ при митрополичьей каѳедрѣ. Однако, и въ Яссахъ, какъ въ Насаудѣ, педагогическая дѣятельность Банулеско продолжалась недолго. Княжеская школа, заподозрѣнная въ распространеніи масонства, потерявшая довѣріе общества, а съ довѣріемъ и учениковъ, подвергшаяся опалѣ правительства, существовала только номинально; Гавріилу негдѣ было проявить свои знанія и силы, некого было учить и воспитывать... Воспользовавшись приглашеніемъ бывшаго товарища по службѣ и друга, теперь славянскаго архіепископа Никифора Ѳеотоки, онъ въ 1782 году покинулъ Яссы и поселился въ Полтавѣ сперва какъ преподаватель греческаго языка въ Полтавской семинаріи, потомъ (съ 1783 г.) какъ ректоръ этой семинаріи и учитель философіи.

Полтавскій періодъ въ жизни Гавріила представляетъ нѣчто болѣе законченное, чѣмъ два года проведенные въ Насаудѣ и Яссахъ. Въ Полтавѣ онъ нашелъ интеллигентное общество, среди котораго скоро и выдвинулся какъ передовой человѣкъ; здѣсь быстро и вполнѣ законченно раскрылся его педагогическій талантъ; здѣсь-же намѣтились и преобладающія стороны его характера.

«Дѣятельность Гавріила на педагогическомъ поприщѣ, особенно какъ преподавателя греческаго языка, который онъ зналъ въ совершенствѣ, была весьма плодотворна. На ряду съ архіепископомъ Евгеніемъ Булгарисомъ и Никифоромъ Ѳеотоки,—говоритъ Стадницкій[3]),—Гавріилъ вполнѣ можетъ называться *творцомъ греческой школы въ Россіи*, давшей такихъ знаменитыхъ эллинистовъ, какъ Мартыновъ, Гнѣдичъ, Огинскій, Куницкій и многіе другіе». По словамъ Венелина «Гавріилъ въ Полтавѣ принялъ на себя трудъ учить эллинскому языку. Тогда было въ Россіи много каѳедръ эллинскаго языка при университетѣ, при академіяхъ и т. д. Это не помѣшало ему—человѣку сравнительно молодому,—сформировать и образовать подлинныхъ знатоковъ старо-греческаго языка. Словомъ, образовалъ Россіи отличныхъ эллинистовъ, труды которыхъ извѣстны. Переводы греческихъ классиковъ Мартынова и Гнѣдича памятны будутъ всей Россіи. Огинскій переводилъ съ англійскаго. Куницкій—мало писалъ, но за то есть одинъ изъ главныхъ учредителей и образователей Кишиневской семинаріи. Вообще, если-бы Русь была принуждена указывать на кого-либо въ параллель съ Фоссами и Кузенями, то смѣло можетъ обратиться на Мартынова и Огинскаго», учениковъ Гавріила Банулеско[4]). Мартыновъ въ автобіогра-

[3]) Гавріилъ Банулеско Бодони—стр. 62—63.

[4]) «Мысли объ исторіи» въ «Чтеніяхъ» 1846 г. Изслѣд. т. I, стр. 45—46.

фіи [5]) не разъ вспоминаетъ *іеромонаха Гавріила* своего учителя, какъ человѣка «почтеннѣйшаго», «мужа ученаго», вполнѣ «достойнаго того мѣста какое онъ занималъ»

Въ 1784 г. Гавріилъ—ректоръ Славянской семинаріи «по причинѣ частыхъ головныхъ, грудныхъ и внутреннихъ болѣзней», подалъ прошеніе объ отставкѣ, уволенъ святѣйшимъ синодомъ отъ занимаемыхъ имъ должностей и отправился чрезъ Кіевъ въ Яссы. Яссскій митрополитъ Гавріилъ Калимахъ посвятилъ его въ санъ архимандрита и, умирая, выставилъ кандидатомъ на Романскую епископію. Кандидатура Банулеско вслѣдствіе происковъ фанаріотовъ была, однако, отстранена; Романскую каѳедру, занялъ грекъ—игуменъ Антоній и Банулеско принципіально рѣшилъ отправиться въ Россію. Нѣкоторое время, впрочемъ, онъ провелъ въ Гушахъ, у епископа Іакова, который вполнѣ ему сочувствуя и желая успокоить, назначилъ его экзаменаторомъ и проповѣдникомъ въ своей епархіи, поручивъ ему и ревизацію нѣкоторыхъ уѣздовъ. Экзамены членовъ сельскаго клира и ревизація представляли слишкомъ мало интереса для дѣятельнаго архимандрита; онъ воспользовался эмиграціей молдавскихъ дворянъ, во время второй русско-турецкой войны (1787 г.), вернулся въ Полтаву, и по рекомендаціи молдавскаго господаря Александра Маврокордато, снова получилъ мѣсто ректора Полтавской семинаріи. Тутъ повторилась старая болѣзнь «головы и груди», возникли «непріятности» съ семинарской корпораціей и прежде дѣятельный ректоръ, вскорѣ послѣ назначенія (1788 г.), отказался и отъ преподаванія греческаго языка, и отъ участія въ семинарскихъ дѣлахъ. Въ 1788 г. Богъ призвалъ его къ болѣе высокому служенію: молдавскій митрополитъ *Леонъ* скончался и Молдавалахія избрала митрополитомъ своего соотечественника—ректора Полтавской-Екатеринославской семинаріи, архимандрита Гавріила

Такъ передаетъ ходъ событій въ жизни Банулеско съ 1784 по 1788 годъ и освѣщаетъ ихъ причинную связь монографія Стадницкаго «Гавріилъ Бодони экзархъ Молдовлахійскій» [6]).

Если приподнять завѣсу оффиціальности и искусственнаго прикрыванія тѣхъ мотивовъ, которые, дѣйствительно, заставляли Гавріила сперва оставить русскую службу, а потомъ снова взяться за нее и нести болѣе чѣмъ равнодушно, то окажется слѣдующее.

«Головныя, грудныя, внутреннія» и иныя боли составляли, очевидно, приличный предлогъ, воспользовавшись которымъ ректоръ іеромонахъ Гавріилъ подалъ полтавскому архіепископу Амвросію просьбу объ отставкѣ. Ближайшей

---

[5]) Памятники новой русской исторіи. Т. II; отд. II. Записки Мартынова, стр. 68—74.

[6]) Стадницкій стр. 58—68.

же и вѣской причиной такого увольненія былъ планъ Банулеско получить на родинѣ болѣе широкую и солидную дѣятельность чѣмъ дѣятельность ректора русской семинаріи. Онъ былъ увѣренъ, что въ Молдовалахіи имя его хорошо извѣстно, что онъ пользуется тамъ, какъ представитель образованнаго монашества, значительнымъ вліяніемъ, что то расположеніе, какое престарѣлый митрополитъ Гавріилъ къ нему питалъ, поддержитъ его личное значеніе, что при тѣхъ перемѣнахъ, которыя въ не-столь отдаленномъ будущемъ должны послѣдовать за кончиной Гавріила Калимаха, онъ явится однимъ изъ сильныхъ кандидатовъ на высшій іерархическій санъ въ Молдовлахійской церкви. Судя по историческому ходу обстоятельствъ планъ этотъ былъ вѣренъ, но на половину. Митрополитъ Гавріилъ въ 1786 г. скончался. Нація сообразно съ его духовнымъ завѣщаніемъ избрала Гавріила Банулеско на вакантную каѳедру Романскаго епископа, которая составляла переходную ступень къ сану Молдовлахійскаго митрополита. Гавріилъ не принялъ въ разсчетъ только продажность грековъ и козни фанаріотской партіи. Антоній игуменъ Путнинскаго монастыря, извѣстный своимъ чревоугодничествомъ, перевѣсилъ избранника націи и послѣдній какъ былъ такъ и остался простымъ архимандритомъ. Теперь чувства, волновавшія его, понятны. Понятно и разочарованіе тѣмъ сочувствіемъ, какое выразилъ ему Гушскій епископъ Іаковъ, тоже въ свою очередь оскорбленный назначеніемъ грека Антонія, на Романскую епископію, такъ какъ по установившемуся обычаю онъ—Гушскій епископъ долженъ былъ занять Романскую каѳедру.

Нѣкоторое время Гавріилъ оставался, правда, въ Гушахъ, но надо думать не потому, что дѣятельность экзаменатора его удерживала, а потому, что было съ кѣмъ и у кого отвести душу, успокоиться и обдумать планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Кромѣ того Іаковъ, какъ врагъ Антонія, могъ и впослѣдствіи быть другомъ и сторонникомъ Гавріила, могъ привлечь и другихъ недовольныхъ греками лицъ на его сторону.

Новый планъ, на которомъ Банулеско остановился въ 1787 году, былъ простъ и ясенъ. Имѣя за собой на родинѣ партію сочувствующихъ, онъ рѣшилъ вернуться въ Россію, и тамъ ожидать такого момента, въ церковно-политической жизни своей родины, когда всего удобнѣе можно было-бы выставить свою кандидатуру вторично.

Возвращеніе совпадало съ важными обстоятельствами. Наступила вторая русско-турецкая война; молдавская знать эмигрировала; молдавскій господарь А. Маврокордато бѣжалъ въ Россію. Прибывъ въ Полтаву съ молдавскими дворянами, Гавріилъ близко сошелся съ семьей бывшаго господаря, отправлялъ для нея богослуженіе на греческомъ языкѣ, училъ дѣтей Маврокордато и такъ очаровалъ самого его, что послѣдній въ февралѣ 1788 года оффиціально рекомендовалъ Бодони Полтавскому архіепископу Амвросію, какъ человѣка «преподобнѣйшаго, священнолѣпно по церковному поста-

повленію произведеннаго въ архимандриты, въ житіи благочестиваго, въ разсужденіи управленія паствы предъ другими имѣющаго преимущество», притомъ нѣкоторымъ образомъ Россіи обязаннаго своей послѣдней жизненной неудачей на родинѣ, ибо «неправедно, безъ всякой причины, но потому только, что въ Россіи недавно находился», онъ не получилъ Романской каѳедры.

Въ духѣ этой рекомендаціи,—какъ иностранца преданнаго русскому дѣлу и русскимъ интересамъ,—Амвросій представилъ Гавріила въ своемъ донесеніи св. синоду. Результатъ донесенія извѣстенъ: архимандритъ Банулеско былъ включенъ въ число русскихъ архимандритовъ и вторично назначенъ ректоромъ Полтавской семинаріи.

Не вдаваясь въ тщательное изученіе причинъ тѣхъ служебныхъ «непріятностей», которыя по автобіографіи Мартынова, Гавріилъ имѣлъ потомъ въ Полтавѣ, съ которыми, быть можетъ, связана и возобновившаяся у него болѣзнь «головы и груди», мы отмѣтимъ только ту характерную подробность, что и въ это время—время почти полнаго невмѣшательства въ семинарскія дѣла и въ семинарское преподаваніе, Гавріилъ пользовался прежнимъ расположеніемъ и уваженіемъ архіепископа Амвросія. Весьма естественно, что онъ болѣлъ тогда не тѣломъ, а душой за свою родину, что замкнутая жизнь помогала ему слѣдить за ходомъ событій и, наблюдая русскую политику, онъ ждалъ, будетъ ли русская власть, назначавшая на высшіе административные посты въ Молдовалахіи румыновъ служившихъ Россіи, назначать также и на высшіе духовные посты лицъ извѣстныхъ ей своимъ невмѣшательствомъ въ румыно-греческія интриги, далекихъ отъ предательства и шпіонства. Не то хотимъ сказать, что онъ становился въ эти годы руссофиломъ, а то, что онъ руссофилъ съ 1782 г. подготовлялъ себя въ тиши кабинета къ политическому служенію Молдовалахіи въ чисто русскихъ цѣляхъ. Перемѣна, наступившая затѣмъ въ жизни Банулеско, составляетъ естественное послѣдствіе указанныхъ отношеній. Въ 1788 г. главнокомандующій князь Потемкинъ, съ соизволенія Императрицы Екатерины II и св. синода причислилъ къ дѣйствующей Русской арміи архіепископа Екатеринославскаго, съ тѣмъ, чтобы онъ стоялъ во главѣ духовнаго правленія въ Молдавіи на время оккупаціи. Амвросій съ дороги въ Молдавію вызвалъ къ себѣ изъ Полтавы ректора Гавріила, который могъ быть полезнымъ помощникомъ ему въ дѣлѣ управленія занятыми русскимъ войскомъ молдовлахійскими княжествами. Случилось такъ, что въ то-же время скончался молдавскій митрополитъ Леонъ (1788 г.) и нація выбрала на его мѣсто Гавріила Банулеско. Русское правительство, утвердивъ это избраніе, отклонило однако посвященіе Гавріила въ епископа и поручило управленіе Молдавской митрополіей архіепископу Екатеринославскому Амвросію, который былъ назначенъ мѣстоблюстителемъ молдо-влахійской ми-

трополіи; архимандритъ же Гавріилъ, оставаясь въ прежнемъ званіи, назначенъ былъ первымъ членомъ Яссской духовной консисторіи. Эти назначенія состоялись въ 1789 г., а 26 декабря 1791 года Гавріилъ былъ посвященъ въ санъ епископа бендерскаго и аккерманскаго.

29 декабря 1791 г. вторая русско-турецкая война кончилась миромъ въ Яссахъ. По этому миру Молдавія и Валахія должны были снова вступить въ составъ Турціи и въ церковно-іерархическомъ отношеніи зависѣть отъ Константинопольскаго патріарха. Такъ какъ патріарху между прочимъ принадлежало право *утверждать* молдавскаго митрополита, такъ какъ, съ другой стороны, Амвросій Екатеринославскій былъ только мѣстоблюстителемъ молдавской митрополіи и кромѣ того титулъ этотъ получилъ отъ русскаго правительства безъ вѣдома дивана, — то тотчасъ-же послѣ заключенія мира въ Яссахъ разнесся слухъ, будто Константинопольскій патріархъ не хочетъ признавать Амвросія законнымъ архипастыремъ Молдо-Валахіи, во 1-хъ потому, что онъ чужой и назначенъ несогласно съ церковными канонами и законами страны; во 2-хъ потому, что онъ-патріархъ получилъ приказъ султана замѣстить Молдовлахійскую каѳедру природнымъ румыномъ. Указывали и кандидата въ митрополиты — гушскаго епископа *Іакова*. Неизвѣстно, повліялъ-ли этотъ слухъ на русскихъ дипломатовъ, или независимо отъ всякихъ слуховъ русское правительство нашло болѣе цѣлесообразнымъ имѣть представителемъ Молдовлахійской іерархіи человѣка хорошо ему извѣстнаго и преданнаго, — во всякомъ случаѣ яссскій миръ внесъ рѣшительную перемѣну въ служебное положеніе Аккерманскаго епископа Гавріила. На основаніи прежняго избранія его націей въ Молдавскіе митрополиты, по Высочайшему повелѣнію 11-го февраля 1792 г. онъ былъ назначенъ митрополитомъ Молдо-Валахіи. «Особа новаго митрополита,—доносилъ князь Безбородко Императрицѣ Екатеринѣ,—въ разсужденіи его просвѣщенія и благонравія всѣмъ румынамъ весьма пріятна, хотя они явно того оказать и боятся; самъ-же митрополитъ надѣется утвердить себя на долго на своемъ мѣстѣ».

Разсчеты Гавріила на мирное, продолжительное и, конечно, полезное служеніе Молдовлахійской церкви, о которыхъ упоминаетъ Безбородко, оказались вскорѣ несбыточными. 19-го іюня 1792 г. онъ насильно былъ взятъ арнаутами, подъ стражей отправленъ въ Константинополь и отданъ подъ строжайшій надзоръ патріарха. Подробности этого ареста небезынтересны для выясненія церковно-политическихъ воззрѣній Гавріила и оцѣнки его характера. По заключеніи яссскаго мира, когда русскія войска оставили Молдавію, Александръ Мурузи новый господарь, не вступивъ еще въ страну, потребовалъ отъ М. Гавріила по внушенію Константинопольскаго патріарха, чтобы онъ оставилъ митрополичью каѳедру, такъ какъ султанъ не желаетъ-де видѣть въ своемъ государствѣ правителя духовныхъ дѣлъ,

поставленнаго русскими. Гавріилъ отвѣтилъ на это требованіе отказомъ: «я поставленъ съ тѣмъ, чтобы остаться и не могу оставить занимаемую каѳедру безъ Императорскаго указа и синодальнаго опредѣленія». Господарь, находя отвѣтъ митрополита вѣскимъ и предвидя всѣ затрудненія, какія могутъ произойти въ случаѣ дальнѣйшаго пребыванія Гавріила на митрополіи обратился съ просьбой къ Константинопольскому патріарху Прокопію устранить эти трудности и какимъ нибудь образомъ упорядочить это дѣло. Прокопій, дѣйствительно, упорядочилъ. Онъ созвалъ синодъ, на синодѣ Гавріила лишили заочно, безъ всякой вины митрополичьей каѳедры, прокляли его и составили посланіе къ молдовлахійскимъ епископамъ, предлагавшее избрать новаго митрополита. На мѣсто, якобы, неканонически поставленнаго, митрополита Гавріила, избранъ былъ Гушскій епископъ Іаковъ, когда то другъ и сторонникъ архимандрита Банулеско. Кромѣ того патріархъ выхлопоталъ у султана приказъ арестовать Гавріила, какъ «дерзкаго похитителя митрополичьей власти» и привести его подъ стражей въ Константинополь. Приказъ этотъ былъ врученъ А. Мурузи, а этотъ послѣдній, прибывъ въ Молдавію, не замедлилъ выполнить его съ возможной точностью и суровостью. Вечеромъ 19-го Іюня 1792 г., послѣ ужина митрополитъ въ одномъ полукафтанѣ и туфляхъ былъ схваченъ вооруженными арнаутами. Одинъ изъ его біографовъ протоіерей Куницкій говоритъ, что Гавріилъ не оказалъ никакого сопротивленія и только сказалъ арнаутамъ: «берите, но знайте, что я русскій подданный и что вы отвѣчаете за мою жизнь». Въ Константинополѣ начали съ увѣщаній отречься отъ протекціи россійскаго двора и молдавской митрополіи, обѣщали дать мѣсто въ Румеліи, Анатоліи, даже на Архипелагѣ, кончили угрозами. По словамъ того-же Куницкаго, Гавріилъ одинаково отвѣчалъ на лестныя предложенія и угрозы: «Я монахъ; плакать по мнѣ некому, а умирать когда-нибудь все равно надо; попрать же присягу для того, чтобы нѣсколько лѣтъ прожить дольше, считаю за грѣхъ и вамъ грѣшно вынуждать у меня противусовѣстное отрицаніе».

Наконецъ, патріархъ совершенно измѣнилъ свое отношеніе къ Гавріилу, сталъ даже хвалить его за христіанскую твердость духа. Лежали-ли мотивы подобной перемѣны отношеній въ давленіи извнѣ, или патріархъ изъ личнаго знакомства вынесъ убѣжденіе, что съ такой несокрушимой силой, какъ Гавріилъ, бороться ему немыслимо, но несомнѣнно, что роли перемѣнились: патріархъ сталъ заискивать у Гавріила, а Гавріилъ, на сторонѣ котораго были всѣ православные греки, полномочный русскій министръ при Портѣ и общественное мнѣніе, оказался въ положеніи человѣка, за котораго приходилось отвѣчать и патріарху и господарю предъ русской Императрицей. По требованію Екатерины II, Порта объявила арестованнаго митрополита свободнымъ; изъ Петербурга ему были присланы драгоцѣнный

крестъ, украшенный камнями и бѣлый клобукъ; патріархъ оказалъ ему великія почести; торжественно, среди массы народа перевезенъ былъ Гавріилъ изъ-подъ ареста въ помѣщеніе русскаго посольства. Здѣсь онъ прожилъ нѣкоторое время, ожидая себѣ назначенія, со стороны русскаго правительства. Ждать пришлось недолго. 13 Октября 1792 г. скончался Полтавскій архіепископъ Амвросій. На праздное архіерейское мѣсто въ Екатеринославской епархіи именнымъ Высочайшимъ указомъ отъ 10 Мая 1793 г. опредѣленъ молдовлахійскій митрополитъ Гавріилъ.

Объ Екатеринославскомъ періодѣ въ жизни Гавріила свѣдѣній почти нѣтъ. Архимандритъ Ириней, ректоръ Кишиневской семинаріи въ 20 г., замѣчаетъ, что, будучи Екатеринославскимъ владыкой, Гавріилъ обращалъ особенное вниманіе на умственное и нравственное образованіе семинаристовъ; зная вполнѣ древній греческій языкъ старался усовершать въ немъ и духовное воспитывавшееся юношество. По «Сборнику» Гавріила Розанова, перваго Херсоно-Таврическаго архіепископа, митрополитъ Гавріилъ прилагалъ особенную заботу объ устройствѣ церквей въ своей обширной епархіи, старался поднять нравственный уровень сельскаго духовенства, строго слѣдилъ за жизнью Бессарабскихъ монастырей, ввелъ кружечный сборъ по церквамъ въ пользу дѣтей духовенства обучающихся въ семинаріи и т. п. Къ этому же времени относится и посѣщеніе м. Гавріиломъ Одессы для закладки въ ней четырехъ церквей, — Св. Троицкой — греческой, Николаевской-Соборной для гражданъ русской націи, Екатерининской для военнослужащихъ, близъ военной гавани и Александровской—въ крѣпости, на берегу моря.

Думается, однако, что эта закладка, имѣющая вполнѣ мѣстный интересъ, не составляла важнаго событія въ жизни М. Гавріила. И упомянуть о ней мы находимъ поводъ не въ томъ, что она дополняетъ біографію Гавріила, а въ виду лишь этого мѣстнаго интереса и тѣхъ ученыхъ разногласій, какія подъ-часъ способенъ породить самый простой и очевидный фактъ.

Дѣйствительно, разнорѣчивыхъ мнѣній объ этой закладкѣ почти столько-же сколько и авторовъ.

Скальковскій, напримѣръ, утверждаетъ, что митрополитъ Гавріилъ положилъ первые основные камни для храмовъ Божіихъ во имя Св. Николая, Св. Екатерины и друг., 22 августа 1794 года. Тоже повторяетъ анонимный авторъ «Историческаго Очерка Одессы», говоря: «22 Августа 1794 года, въ день коронованія Императора Николая I-го, прибывшій въ Одессу митрополитъ Гавріилъ освятилъ закладку Собора, Греческой и Екатерининской церквей» [7]). И тотъ, и другой, конечно, забыли, что въ

[7]) И. очеркъ Одессы. Къ столѣтнему юбилею, стр. 9, пр.

одинъ день однимъ архіереемъ въ разныхъ, неблизкихъ одно отъ другаго мѣстахъ, никогда не могутъ быть заложены три—четыре храма. Послѣдній, кромѣ того, сближаетъ торжество закладки съ торжествомъ коронаціи Императора Николая, хотя сближенія и быть не можетъ, такъ какъ Николай Павловичъ короновался въ 1826 году, а закладка храмовъ въ Одессѣ, по его-же словамъ, происходила въ 1794 году.

По Смольянинову закладка собора произведена въ 1795 году. «На-счетъ суммы 2000 рублей, пожалованной греческимъ переселенцамъ, (Высочайшее повелѣніе отъ 15 Апрѣля 1795 г.)» говоритъ Смольяниновъ, — заложена на южномъ форштадтѣ каменная греческая церковь, во имя св. Троицы, для которой мѣсто «знаменитое» освящено Новороссійскимъ митрополитомъ Гавріиломъ». «Въ то-же время положено основаніе двумъ церквамъ: адмиралтейской—св. Екатерины и купеческой—св. Николая,—нынѣшней соборной. Возлѣ начатой каменной церкви св. Николая была построена, въ 1795 году, временная деревянная, во имя того-же святаго» [8]). Оставляя въ сторонѣ неточности этого сообщенія, (какія неточности—ясно будетъ ниже), обратимъ вниманіе только на сопоставленіе: «заложена церковь во имя св. Троицы, для которой мѣсто освящено». Закладка храма и освященіе мѣста для него, какъ извѣстно, происходятъ одновременно, слѣдовательно что-нибудь одно: или закладка происходила ранѣе 1795 года, когда освящалось мѣсто «знаменитаго», или освященіе было тогда-же, когда и закладка, т. е. въ 1795 году.

Архіепископъ Гавріилъ въ своемъ «Хронологико-историческомъ описаніи церквей» относительно собора коротко замѣчаетъ, что «церковь Преображенская заложена въ 1795 году, вмѣсто деревянной Николаевской, на первый разъ построенной. Окончена постройкой въ 1808 г.» [9]). Въ томъ-же родѣ, но болѣе неопредѣленно говоритъ Бернштейнъ [10]), Яковлевъ [11]), (который на основаніи данныхъ объ одной закладкѣ, произведенной въ 1795 году, утверждаетъ, что всѣ храмы были заложены тогда-же) и Надлеръ [12]).

Попробуемъ изложить теперь этотъ вопросъ сообразно съ исторической дѣйствительностью, насколько говоритъ за себя само дѣло.

Первый храмъ въ Одессѣ—это походный храмъ Нижегородскаго гренадерскаго полка. Полкъ прибылъ въ Хаджибей въ первыхъ числахъ Мая

---

[8]) З. О. О. И. и Др. т. III, стр. 356—357.

[9]) Ibid. т. II, стр. 177.

[10]) Одесса. Историческій очеркъ, стр. 24.

[11]) Южный сборникъ. Од. 1892. Когда заложены были первыя церкви въ Одессѣ?

[12]) Одесса въ первыя эпохи, стр. 22—23.

1794 года. Если даже допустить, что походный храмъ его былъ устроенъ позже Мая, то во всякомъ случаѣ, въ 1794 году богослуженіе въ немъ совершалось. Сохранился указъ Дубоссарскаго духовнаго правленія въ Нижегородскій полкъ отъ 29 Декабря 1794 года, изъ котораго видно, что церковное служеніе и всѣ христіанскія требы отправлялъ въ Хаджибеѣ полковой священникъ Евдокимъ Сергѣевъ въ церкви Нижегородскаго полка. Церковь эта поставлена была въ особомъ каменномъ домѣ, подъ деревяннымъ кровомъ, нарочно для того сооруженнымъ. Ни то, во имя какого святаго былъ устроенъ этотъ храмъ, ни продолжительность его существованія,—неизвѣстны [13]). Но ясно, что храмъ былъ не мѣстный, случайный и администрація Хаджибея заботилась объ устройствѣ своихъ собственныхъ храмовъ еще въ началѣ 1794 года. Памятникомъ этихъ заботъ, по крайней мѣрѣ мыслей, «служить планъ города Гаджибея», составленный инженеромъ Де-Воланомъ, одобренный Де-Рибасомъ и графомъ Зубовымъ и утвержденный 27 Мая 1794 года Императрицей Екатериной, на которомъ крестами въ кругѣ указаны мѣста для четырехъ церквей—русской, греческой, военной и католической [14]). Проэкту Де-Волана пришлось, однако, полежать безъ исполненія отъ Мая до Августа 1794 года. Причиной тому были, какъ самъ составитель проэкта впослѣдствіи (24 Генваря 1797 года) доносилъ Правительствующему Сенату,—«примавчивыя и корыстолюбивыя предупрежденія», «которыя не укоснили возникнуть (послѣ утвержденія) и, напрягая усилія свои возродить недовѣрчивость и затмить важное сіе предпріятіе, вопіяли о невозможности приведенія (плана) сего въ дѣйство». Только «твердость духа и усиліе тѣхъ, на коихъ возложено руководство къ произведенію работъ, противустояли бурѣ сей», такъ что «устроеніе возымѣло свое начало 1794 года, Августа въ 22 день» [15]). Если буря была противъ всего плана, то конечно и детали его тоже терпѣли. Слѣдовательно, до 22 Августа ни одинъ изъ одесскихъ храмовъ, нанесенныхъ Де-Воланомъ на карту, не могъ быть заложенъ. Но 22 Августа? Соединено-ли было въ 1794 году торжество основанія города съ торжествомъ, закладки перваго храма? Отвѣтъ документальный уже данъ и намъ остается только его повторить. Протоіерей Лебединцевъ въ своей брошюрѣ «Столѣтіе первой въ Одессѣ церкви» говоритъ: «обстоятельное свѣдѣніе о первыхъ церквахъ въ Одессѣ находимъ въ донесеніи Святѣйшему Суноду извѣстнаго митрополита Гавріила (Банулеско-Бодони), по поводу возникшаго въ бытность его епархіальнымъ архіереемъ Кишиневской епархіи вопроса о недостроенной въ Одессѣ Екатерининской церкви. Вотъ что писалъ по этому поводу

[13]) З. О. О. И. и Др. т. III, стр. 352, пр. 34; 339—340.

[14]) Ibid. Прил. таб. VIII.

[15]) Ibid. стр. 349.

Св. Сѵноду о первыхъ въ Одессѣ церквахъ этотъ преосвященный, который освящалъ и основаніе нашего города. «При первоначальномъ основаніи портоваго города Одессы, еще во дни блаженныя памяти Благочестивѣйшія Государыни Императрицы Екатерины Алексіевны Вторыя, въ бытность на настоятельствѣ въ Екатеринославской епархіи, былъ я приглашенъ, какъ епархіальный архіерей, начальникомъ города Одессы, командиромъ флотиліи, адмираломъ де-Рибасомъ для заложенія въ ономъ городѣ четырехъ церквей, гдѣ и заложилъ одну—во именованіе Св. Троицы для разночинцевъ греческой націи на греческомъ форштадтѣ, другую во именованіе Святителя Христова Николая для гражданъ русской націи и собора на главной площади, третью во именованіе Святыя Великомученицы Екатерины для военнослужащихъ, близъ военной гавани и четвертую во именованіе Св Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго въ крѣпости.

Всѣ сіи церкви начаты были строеніемъ, но впослѣдствіи времени по разнымъ обстоятельствамъ постройка оныхъ остановилась и была въ бездѣйствіи до 1804 года, а въ семъ году, по старанію бывшаго градоначальника Дюка-де-Ришелье, начали продолжать строеніе Николаевской соборной и Троицкой греческой церкви, которыя окончены и въ 1808 году покойнымъ преосвященнымъ Платономъ, архіепископомъ Екатеринославскимъ, освящены, съ переименованіемъ Николаевскаго собора Преображенскимъ. Другія-же двѣ церкви—Екатерининская и Александровская и по сіе время (1817 г.) неизвѣстно мнѣ почему... строеніемъ не продолжались». По документамъ, поступившимъ въ Херсонскую консисторію изъ Екатеринослава, митрополитъ Гавріилъ лично заложилъ только двѣ церкви: Николаевскую—14-го и Александровскую—15-го Ноября 1795 г. Екатерининская церковь заложена была въ августѣ того-же года, но не лично митрополитомъ, а, по его распоряженію, благочиннымъ г. Николаева, священникомъ Карпомъ Павловскимъ. Дѣло о постройкѣ этой церкви, какъ узнаемъ изъ «Хронологико-историческаго описанія церквей» архіепископа Гавріила, началось отношеніемъ адмирала де-Рибаса къ митрополиту Гавріилу отъ 25 Іюля 1795 года, который просилъ «благословить основать церковь, съ опредѣленіемъ къ ней Нижегородскаго полка священника Евдокима Сергѣева, съ діакономъ и прочими церковно-служителями». Митрополитъ резолюціей 17 Августа того же года просьбу удовлетворилъ, указавъ выдать священнику подвижной антиминсъ, что и было исполнено 20 Августа 1795 года [16]). О закладкѣ греческой церкви хронологически точныхъ указаній, какъ мы выше видѣли, нѣтъ; можно, однако, думать, что на основаніи Высочайшаго повелѣнія она была заложена послѣ 15 Апрѣля 1795 года. Прямой выводъ

[16]) Ibid. т. II, стр. 176.

изъ всѣхъ этихъ датъ тотъ, что до 1795 года въ Одессѣ храмовъ не закладывали, первое торжество основанія города было не полное и до 1808 года, когда кончилась постройка Николаевскаго собора, церковнаго богослуженія не существовало. Выводъ былъ-бы и вѣренъ, если-бы не документъ, принадлежащій одесскому собору и доказывающій противное. Именемъ документа, въ брошюрѣ «Столѣтіе первой въ Одессѣ церкви», называется тетрадь въ листъ синей бумаги, съ слѣдующей на первомъ листѣ надписью: «Книга изъ Дубоссарскаго духовнаго правленія города Одессы въ Николаевскую церковь для записки собираемыхъ въ церкви во время богослуженія отъ доброхотныхъ дателей денегъ, и съ нихъ расходу. Дана 1795 г. Генваря... дня. Протопопъ Іоаннъ Глажинскій». Авторъ брошюры, описавъ внѣшній видъ этой книги, замѣчаетъ: «Существуетъ приходорасходная книга, выданная въ Январѣ 1795 года города Одессы въ Николаевскую церковь. Существовала слѣдовательно въ Одессѣ и церковь Николаевская, построеніе которой необходимо отнести къ 1794 году. Не могла же эта книга быть выдана въ несуществовавшую церковь. Странно конечно допустить, чтобы къ построенію оной могло быть приступлено раньше основанія Одессы, т. е. раньше 22 Августа 1794 года. Но..... построить или, какъ въ старину говорили, срубить церковь деревянную (небольшую, временную) можно было въ нѣсколько недѣль. Такова, дѣйствительно, и была первая церковь въ Одессѣ. Что приходорасходная книга, выданная Дубоссарскимъ духовнымъ правленіемъ, принадлежала церкви деревянной, признаки имѣются въ самой этой книгѣ,—это статьи расхода на пристройку къ церкви въ 1796 году пономарки деревянной, а въ 1799 г. на пристройку двухъ деревянныхъ притворовъ. Очевидно, что эта небольшая наскоро построенная церковь была временная... Каменная-же Николаевская церковь, которая рядомъ строилась по плану Франоли, была та, о которой митрополитъ писалъ, что онъ заложилъ ее для «гражданъ русской націи и собора на главной площади», и которая, по его свидѣтельству, при освященіи архіепископомъ Платономъ переименована «Преображенскимъ соборомъ». Митрополитъ Гавріилъ, говоря подробно о первыхъ церквахъ въ Одессѣ, не упоминаетъ объ этой временной, очевидно, потому, что рѣчь о ней не имѣла никакого отношенія къ вопросу, на который онъ отвѣчалъ въ Святѣйшій Сунодъ». Но что «безъ благословенія митрополита она не могла быть построена», тоже очевидно. «Надобность въ ней могла быть усмотрѣна имъ въ самый день основанія Одессы, при видѣ въ Гаджибеѣ множества рабочихъ, собранныхъ здѣсь для построенія порта и города и быстраго появленія поселенцевъ, привлеченныхъ обѣщанными правительствомъ привиллегіями. На построеніе временной церкви, кромѣ архіерейскаго благословенія съ выдачей св. антиминса, ничего больше не требовалось; что

конечно митрополитомъ было сдѣлано здѣсь-же на мѣстѣ, въ самый день основанія Одессы» [17]).

Гипотеза благословенія митрополитомъ устройства временной церкви нѣсколько осложняется вопросомъ: былъ-ли митрополитъ Гавріилъ 22 Августа въ Одессѣ? Вопросъ неоспоримо второстепенный, однако вполнѣ умѣстный для осмотрительнаго критика. Не имѣя подъ руками документальныхъ данныхъ, (въ родѣ приглашенія адмирала де-Рибаса, хотя въ сущности и это приглашеніе ничего не доказываетъ, такъ какъ митрополитъ самъ Екатерининской церкви не закладывалъ), почтенный авторъ брошюры «Столѣтіе первой въ Одессѣ церкви» замѣчаетъ: «но развѣ мѣстный архіерей не можетъ безъ приглашенія явиться тамъ, гдѣ онъ найдетъ свое присутствіе необходимымъ; митрополитъ-же могъ узнать о предстоящемъ въ Гаджибеѣ сооруженіи при обозрѣніи своей епархіи, простиравшейся до Днѣстра, что обыкновенно дѣлается лѣтомъ. Онъ-ли могъ не оцѣнить государственной важности предпріятія Императрицы и не поспѣшить въ Гаджибей? А здѣсь, какъ видно изъ рапорта Де-Волана, возникла буря препятствій противъ этого предпріятія... Къ утишенію этой опасной бури могло послужить самымъ благотворнымъ образомъ неожиданное прибытіе сюда мѣстнаго архипастыря; могъ онъ прибыть сюда и преждевременно, но пока не все было готово къ началу дѣла, могъ онъ заняться обозрѣніемъ придньстровскихъ церквей и прибыть вторично къ условленному времени. Честь торжества, съ какимъ совершилось 22 Августа основаніе Одессы, несомнѣнно слѣдуетъ отнести къ участію въ семъ дѣлѣ митрополита Гавріила [18]).

Итакъ, 22 Августа 1794 года Одесса получила архіерейское благословеніе на устройство перваго «временнаго» храма во имя Святителя Николая Мирликійскаго.

Другой поводъ, по которому мы позволили себѣ остановиться на этомъ частномъ вопросѣ о закладкѣ Гавріиломъ одесскихъ храмовъ тотъ, что и впослѣдствіи, въ первые годы текущаго столѣтія Одесса имѣла свое значеніе въ жизни митрополита Молдовлахійскаго.

29 Сентября 1799 г. умеръ Кіевскій митрополитъ Іероѳей и послѣдовало Высочайшее назначеніе на Кіевскую каѳедру Новороссійскаго митрополита Гавріила. «Государь—говоритъ Лекоченскій,—назначая старца на этотъ постъ, хотѣлъ успокоить его и оказать ему Монаршее вниманіе за тѣ заслуги, за тѣ испытанія, какія онъ—м. Гавріилъ понесъ изъ любви и преданности престолу и новому своему отечеству». Благосклонное вниманіе Высшей власти было, однако, не продолжительно. 21 Августа 1803 г.

---

[17]) А. Лебединцевъ. Столѣтіе собора. Од. 1892 стр. 1—3.

[18]) А. Лебединцевъ. Одесса въ первыя эпохи, стр. 5.

послѣдовалъ именной указъ Его Императорскаго Величества всероссійскому Суноду, который гласилъ: «снисходя на прошеніе преосвященнаго Гавріила митрополита Кіевскаго и Галицкаго, Всемилостивѣйше увольняемъ его, по причинѣ болѣзней отъ управленія епархіей, съ дозволеніемъ имѣть пребываніе въ Одессѣ». Что составляло истинную причину такого увольненія—болѣзнь-ли дѣйствительно, или, какъ думаетъ Тарновскій, «возникшее въ высшихъ правительственныхъ кругахъ мнѣніе, будто неумѣстно имѣть на кіевской митрополичьей каѳедрѣ иноземца», или личный характеръ Гавріила, далекій отъ какого-бы то ни было искательства,—остается невыясненнымъ біографами Гавріила Бодони; для насъ важна во всемъ этомъ обстоятельствѣ только та подробность, что покинувъ Кіевъ, митрополитъ переселился въ Одессу, жилъ въ домѣ занимавшемъ мѣсто, на которомъ стоитъ теперь архіерейскій домъ, получалъ изъ казны пенсію въ 3000 р. и изъ Одессы, чрезъ Дубоссары, куда переселился въ 1804 г., перешелъ на каѳедру экзарха Св. Сунода въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи.

27 Марта 1808 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ Александра Благословеннаго, повелѣвавшій «бывшему Кіевскому митрополиту Гавріилу паки именоваться членомъ Св. Сунода и онаго экзархомъ въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи». Комментаріемъ къ этому указу служатъ, съ одной стороны оккупація Молдовалахіи въ 1806 г., русскими войсками, вслѣдствіе чего господарства, зависѣвшія доселѣ въ церковномъ отношеніи отъ константинопольскаго патріарха подчинились Всероссійскому Синоду, съ другой стороны, память о прежнихъ заслугахъ Гавріила Россіи, которая, очевидно, въ правительственныхъ петербургскихъ сферахъ была еще свѣжа. Св. Синодъ, исполняя Императорскій указъ предписалъ митрополиту Гавріилу, находившемуся тогда на покоѣ въ Дубоссарахъ, принять церкви княжествъ Валахіи и Молдавіи «избрать для себя мѣстопребываніе по своему усмотрѣнію, а также по всѣмъ дѣламъ и предметамъ, по коимъ бывшій молдовлахійскій митрополитъ сносился съ вселенскимъ патріархомъ, относиться къ Св. Суноду».

Экзархъ Гавріилъ избралъ мѣстомъ постояннаго пребыванія—Яссы, городъ хорошо ему знакомый чуть не съ дѣтскихъ лѣтъ. Въ началѣ Мая 1808 г. онъ сюда прибылъ, 22 числа этого мѣсяца, «учинилъ присягу на должность», затѣмъ почти тотчасъ-же распорядился во всѣхъ церквахъ своей епархіи возглашать при священнодѣйствіяхъ имена Государя Императора, Царствующаго Дома и Св. Сунода и вскорѣ предпринялъ обозрѣніе Молдавіи и Валахіи. Нельзя сказать, чтобы результаты поѣздки Гавріила по экзархату были утѣшительны. Старѣйшіе представители унгровлахійской іерархіи (митрополитъ Досиѳей и епископъ Рымницкій Нектарій) оказались дряхлыми и бездѣятельными; на болѣе молодыхъ (епископъ Бу-

зенскій Константій) приходилось возлагать только надежды; нѣкоторые (Герасимъ епископъ Романскій и Мелетій епископъ Гушскій) изъ епископовъ хотя и представлялись «благонадежными, заслуживающими одобренія», но вліянія на общее положеніе дѣлъ не имѣли никакого. Церкви по городамъ и селамъ поражали бѣдностой, духовенство было невѣжественно и многочисленно, церковная администрація страдала отъ произвола и симоніи.

Экзархъ употребилъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы уничтожить возникавшія изъ такого состоянія экзархата безпорядки. Онъ учредилъ въ Яссахъ дикастерію, которая должна была управлять въ духовномъ отношеніи дѣлами всѣхъ трехъ княжествъ и «митрополитанскую консисторію», назначилъ благочинныхъ, для руководства которыхъ перевелъ съ русскаго на молдавскій языкъ и издалъ «благочинническую инструкцію», писалъ увѣщательныя посланія къ духовенству и протопопамъ, учредилъ съ 1809 г. должность церковныхъ старостъ, завелъ при церквахъ описи имущества и метрическія книги, наконецъ, установилъ штаты приходскихъ священниковъ и требовалъ отъ кандидатовъ священства документальныхъ данныхъ объ ихъ образовательномъ цензѣ.

Положительно поразительно, что этотъ іерархъ,—румынъ по крови и патріотъ въ душѣ, перестраивая свою церковь, постоянно имѣлъ въ виду организацію русскую и надѣялся, что только русская административная система въ состояніи водворить надлежащій порядокъ въ Молдовлахійскомъ экзархатѣ. Свое духовенство онъ силился преобразовать по образцу русскаго; грамотность и образованіе онъ проектировалъ вводить на обязательномъ русскомъ языкѣ; руководителей въ дѣлѣ просвѣщенія искалъ среди интеллигентныхъ,—близко знакомыхъ ему по службѣ прежнихъ лѣтъ,—русскихъ людей. Такъ, особымъ ходатайствомъ предъ оберъ-прокуроромъ кн. Голицынымъ онъ достигъ того, что на мѣсто ректора Ясскаго духовнаго училища былъ назначенъ его полтавскій ученикъ — эллинистъ, Петръ Куницкій,—въ 1818 году Одесскій соборный протоіерей; изъ Кіевской Академіи, къ нему перешли на службу Исидоръ Гербановскій — впослѣдствіи тоже Одесскій каѳедральный протоіерей и Иванъ Нестеровичъ, скончавшійся въ санѣ Иркутскаго архіепископа.

Говорить о томъ, что церковно-іерархическія предначертанія и мѣры Гавріила вызвали цѣлую бурю разнообразныхъ интригъ, козней и открытаго противодѣйствія какъ со стороны низшаго духовенства Молдовалахіи, такъ и главнымъ образомъ со стороны молдавскихъ митрополитовъ, дворянъ, фанаріотовъ и особенно монастырей, едва-ли необходимо. Всякое, самое обыденное явленіе способно вызвать реакцію, — тѣмъ натуральнѣе

реакція сложному административному предпріятію, проникнутому характеромъ реформы, производимому по идеаламъ иноземнымъ[19]).

Но конечный результатъ всѣхъ фазисовъ этой четырехлѣтней борьбы экзарха съ представителями разныхъ классовъ Молдо-Влахійской націи при сужденіи объ его личности имѣетъ высокую цѣну. Какъ и въ 1792 г., онъ оказался въ 1808—1812 гг. побѣдителемъ; имѣлъ утѣшеніе видѣть свои идеи и распоряженія осуществленными, своихъ враговъ или устраненными, или высланными изъ страны, прежде нерасположенныхъ дворянъ преданными, націю подготовленною къ полному органическому соединенію съ Россіей. «Въ теченіе четырехлѣтняго времени,—говоритъ «одобреніе» врученное экзарху особой комиссіей принимавшей отъ него митрополію въ 1812 г.,—въ которое высокопреосвященный митрополитъ экзархъ и кавалеръ Гавріилъ управлялъ молдавской митрополіей, онъ оказалъ себя истиннымъ патріотомъ и совершеннымъ попечителемъ о пользѣ и благоустроеніи сей митрополіи. Такъ, по усердію и старанію его Высокопреосвященства уплачена большая часть долговъ, коими обременена была митрополія; онъ воздвигъ необходимыя строенія и пріобрѣлъ колокола; устроилъ церковную разницу, прикупилъ много виноградныхъ садовъ и все это безъ обремененія митрополіи новыми долгами, напротивъ съ покрытіемъ старыхъ[20]). Экзархъ, дѣйствительно, «заботился о благѣ врученной ему паствы», хотѣлъ «оправдать выборъ Монарха и Св. Сунода и соблюсти честь россійскихъ архіереевъ». Ему уже предносилась мысль, что съ исходомъ русско-турецкой войны (1808—1812 г.) «изнуренная войной, истерзанная насиліями своихъ начальниковъ Молдовалахія на всегда присоединится къ благодѣтельной Монархіи россійской». Политическія событія вложились однако иначе. По миру съ Портой (16 Мая 1812 г.) Молдавія и Валахія остались за Турціей, а къ Россіи отошла полоса земли извѣстная теперь подъ именемъ Бессарабіи. Въ Августѣ—Сентябрѣ 1812 г. началось выступленіе русскихъ войскъ за Прутъ, а съ нимъ кончилась и миссія экзарха Гавріила. Государь поручилъ ему «составить планъ для новой задунайской епархіи» въ составъ которой входила-бы и новоприсоединенная Бессарабія. Митрополитъ выполнилъ это порученіе, представилъ въ Сунодъ проэктъ устройства Кишиневской епархіи, командировалъ въ Петербургъ протоіерея Куницкаго, давъ ему довѣренность «объясняться въ Сунодѣ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ сего дѣла, въ чемъ случай и надобность укажутъ» и наконецъ въ 1813 г. былъ Высочайше утвержденъ въ званіи митрополита

---

[19]) Желающихъ ознакомиться съ подробностями борьбы экзарха Гавріила и враждебной ему партіи мы позволяемъ себѣ, отослать къ III главѣ упомянутой выше монографіи Стадницкаго.

[20]) Стадн. 243—244.

Кишиневскаго и Хотинскаго съ сохраненіемъ прежняго наименованія — экзархъ Св. Синода».

Годы (1813 -1821), проведенные Гавріиломъ Бодони въ Кишиневѣ, можно разсматривать какъ время наиболѣе полнаго раскрытія и блеска его практическаго административнаго таланта. Ему всецѣло принадлежитъ заслуга устроенія въ Бессарабской области самостоятельной епархіи съ титуломъ митрополіи и экзархіи. Заложивъ первыя основы церковнаго управленія Бессарабіи, Гавріилъ принималъ затѣмъ самое дѣятельное участіе въ ея гражданскомъ устройствѣ. То, чего онъ не успѣлъ сдѣлать въ молдовлахійскомъ экзархатѣ по краткости времени, по упорной борьбѣ, какую тамъ пришлось выдержать и по другимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ,—все то онъ съ успѣхомъ выполнилъ въ Бессарабіи, такъ что вполнѣ основательно г. Стадницкій считаетъ эту область обязанною митрополиту Гавріилу ея духовнымъ бытіемъ[20]).

Гражданская дѣятельность митрополита Гавріила въ Бессарабіи связана съ смутными обстоятельствами 1812—1814 г. и съ неудачными попытками первоначальнаго введенія гражданскаго управленія въ новоприсоединенномъ краѣ. Цѣль этой дѣятельности заключалась съ одной стороны въ умиротвореніи и сближеніи молдавскаго народа съ Россіей, съ другой стороны въ содѣйствіи приготовленію края для русской гражданственности и русскаго просвѣщенія[22]). Успѣхъ-же ея объясняется традиціоннымъ взглядомъ жителей на митрополита, какъ на ходатая предъ государемъ, и личными достоинствами Гавріила, вызывавшими всеобщее къ нему расположеніе и преданность.

Въ 1812 г. Бессарабія представляла разворенную, опустошенную пустыню. Ни порядка, ни устройства въ ней не было. Жителей насчитывалось до 240000 душъ обоего пола; церквей было около 250, монастырей 26. Населеніе находилось въ постоянномъ страхѣ и броженіи. Въ 1812 г. разсѣявшіеся во множествѣ измѣнники молдовлахійцы и поляки тревожили народъ слухами, будто все народонаселеніе Бессарабіи будетъ отдано помѣщикамъ въ крѣпостную зависимость. Въ 1813 — 1814 г. Бессарабію опустошала чума[23]). Политическую задачу русской власти въ этой области составляли введеніе гуманныхъ законовъ, умиротвореніе населенія и подъемъ человѣческаго достоинства молдаванъ, привыкшихъ къ вѣковому деспотизму турокъ и фанаріотовъ. На первыхъ же порахъ, даже до обнаруженія дѣятельности новоназначеннаго областнаго правленія, правительственныя задачи встрѣтили себѣ, однако, неожиданный отпоръ. Населеніе,

[20]) Стр. 293.

[22]) Батюшковъ. Бессарабія стр. 134.

[23]) Бессарабія стр. 136.

подъ вліяніемъ упорнаго слуха, поддерживаемаго молдавскими дворянами, что присоединеніе къ Россіи грозитъ крѣпостной зависимостью, массами стало переселяться за Прутъ. Турки придвинули свои войска къ границѣ. Явилась чума. Всѣ потеряли голову, не знали, что дѣлать, къ кому обратиться[24]).

Въ это-то тревожное время и раздалось мощное слово митрополита Гавріила, слово утѣшенія и ободренія, слово обличенія возмутителей народнаго спокойствія и блага. Онъ разослалъ жителямъ Бессарабіи (1815 г.) печатную, на молдавскомъ языкѣ, грамоту, въ которой увѣрялъ молдаванъ, что ихъ права и обычаи останутся неизмѣнными подъ скипетромъ русскаго царя.

«Честные протоіереи и благочинные, — говорилъ онъ, — старайтесь увѣрять народъ и прихожанъ, что они не состоятъ и не будутъ состоять никому крѣпостными, какъ только подвластными Благочестивѣйшему Императору, который желаетъ, чтобы народъ молдавскій былъ вольный и обиталъ въ мирѣ и спокойствіи, управляемъ былъ по обычаямъ и нравамъ, какіе издревле имѣлъ». Въ другомъ окружномъ посланіи митрополитъ увѣщевалъ священниковъ совершать въ виду явившейся чумы «по средамъ и пятницамъ послѣ вечерни параклисъ Пр. Богородицѣ, а въ воскресные дни послѣ литургіи — водоосвященіе съ окропленіемъ народа», а народу внушалъ «исполнять разумныя, полезныя и спасительныя мѣры противъ чумы, указанныя гражданской властью». Одновременно съ этимъ въ виду превышенія власти представители русскаго правительства въ Бессарабіи, генерала Гартинга, митрополитъ ходатайствовалъ предъ Государемъ чрезъ оберъ-прокурора св. Синода, кн. Голицына объ удовлетвореніи настоятельныхъ нуждъ Бессарабіи, объ удовлетвореніи ея населенія, о дарованіи ему гражданскаго управленія сообразно съ его нравами, обычаями и законами.

Ходатайство митрополита Гавріила имѣло успѣхъ. Послѣдствіями его надо считать: командированіе въ Бессарабію особой коммиссіи для изученія нуждъ края на мѣстѣ, смѣненіе Гартинга и дарованіе области гражданскаго управленія, сообразнаго съ ея законами и обычаями. Высочайшій рескриптъ объ этихъ мѣрахъ послѣдовалъ непосредственно на имя митрополита Гавріила, которому Государь повелѣвалъ оповѣстить свои милости всему населенію Бессарабіи. 28 Іюля 1816 г., исполняя Державную волю, митрополитъ обратился къ сословіямъ епархіи съ воззваніемъ, приглашавшимъ принять присягу на вѣрность россійскому престолу. «Долгъ вашъ требуетъ,—говорилъ онъ,—ознаменовать вѣрность и преданность вашу присягою, чрезъ содѣйствіе духовныхъ отцовъ вашихъ, во храмахъ Божіихъ, въ присутствіи назначенныхъ отъ правительства чиновниковъ».

---

[24]) Х. Еп. Вѣд. 1861 г. № 18

Такъ, началось при дѣятельномъ участіи Гавріила Бодони гражданское строеніе Бессарабіи: формы управленія ея нѣсколько разъ измѣнялись, характеръ самоуправленія постепенно сглаживался и съ теченіемъ времени она окончательно привилась къ русскому государственному тѣлу стала способной къ воспріятію русской гражданственности.

Перейдемъ теперь къ церковно-административнымъ трудамъ митрополита Гавріила въ Кишиневской епархіи.

Ознакомившись при помощи личныхъ ревизій съ печальнымъ положеніемъ своей паствы, Гавріилъ обратилъ вниманіе прежде всего на религіозно-нравственный подъемъ ея и установленіе живой связи Бессарабіи съ коренной Россіей.

Рядъ мѣропріятій коснулся на первыхъ порахъ духовенства. Признавая инспекторскій надзоръ за нимъ, проэктированный Кишиневской дикастеріей, — мѣрой поверхностной и мало цѣлесообразной, митрополитъ остановился на обученіи, на образованіи духовенства, какъ на главномъ средствѣ для развитія въ немъ сознанія своихъ обязанностей. Съ этой цѣлью 31 января 1813 г. была открыта въ составѣ двухъ классовъ—приготовительнаго и грамматическаго, — Кишиневская духовная семинарія, давшая въ 1821 г. первый выпускъ воспитанниковъ, съ полнымъ образовательнымъ семинарскимъ цензомъ.

Для помѣщенія учениковъ Гавріилъ выстроилъ на изысканныя имъ средства[25]) прекрасное двухъ-этажное зданіе семинаріи съ квартирами преподавателей и больницей. Рядомъ съ этимъ корпусомъ расположены были архіерейскій домъ, консисторія, типографія и обширный паркъ. Въ 1816 г. митрополитъ по желанію Бессарабскаго дворянства, съ Высочайшаго соизволенія, учредилъ при семинаріи, такъ называемый, благородный пансіонъ, который до 1834 г. замѣнялъ областную гимназію въ Бессарабіи, пользуясь особымъ правомъ выпускать кончившихъ питилѣтній (полный) курсъ ученья дворянскихъ дѣтей въ чинъ XII класса. Начальство и главные преподаватели въ семинаріи и дворянскомъ пансіонѣ были одни и тѣже, за исключеніемъ нѣмца и француза, преподававшихъ новые языки только воспитанникамъ дворянскаго сословія.

Воспитывая въ строго православномъ русскомъ духѣ Бессарабское юношество, митрополитъ Гавріилъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы перевоспитать и облагородить его отцовъ. Онъ любилъ часто ѣздить по епархіи и непосредственно наставлять духовенство въ достойномъ прохожденіи имъ своего званія; любилъ часто обращаться къ духовенству съ пастырскими

---

[25]) Объ этихъ средствахъ и о личныхъ трудахъ митрополита по устройству семинарскаго зданія, подробно у Стадницкаго стр. 299—301.

воззваніями и увѣщаніями; поручалъ особому «неослабному смотрѣнію» провинившихся, иногда примѣнялъ и мѣры наказанія, вродѣ монастырскаго послушанія, запрещеній священнодѣйствія, снятія рясы и т. п.

Заботясь объ искорененіи разнообразныхъ пороковъ бѣлаго духовенства Бессарабіи, преосвященный Гавріилъ не опускалъ изъ вида и монастырей съ ихъ населеніемъ. Однимъ изъ главныхъ недостатковъ во внутреннемъ устройствѣ большинства бессарабскихъ монастырей было отсутствіе общежитія: монахи пеклись о личной собственности больше, чѣмъ о чемъ бы то ни было; сами добывали средства для своего содержанія; отличались бродяжничествомъ, страстью къ вымогательству; занимались не умѣстными въ ихъ положеніи торгами и промыслами. Указъ Гавріила отъ 3-го Февраля 1819 г. положилъ такому порядку вещей конецъ. Отъ настоятелей и настоятельницъ монастырей были потребованы въ кишиневскую консисторію отчеты о церковномъ и экономическомъ состояніи обителей; предписано было представить точныя свѣдѣнія о числѣ монашествующихъ, живущихъ на собственный счетъ и питающихся отъ монастырей; объявлялось, чтобы «отнынѣ впредь ни одинъ изъ настоятелей и начальницъ, пока онъ въ начальническомъ званіи находиться будетъ, не имѣлъ экономіи особенной отъ монастырской и не занимался ни скотоводствомъ, ни хлѣбопашествомъ, ни коммерціей, ибо это совершенно противно правиламъ монашескаго житія». Нельзя не замѣтить, что эти распоряженія принадлежали къ числу послѣднихъ распоряженій митрополита Гавріила: онъ былъ уже старъ и близокъ къ смерти; реформа чернаго духовенства такимъ образомъ была имъ только начата, но не проведена окончательно.

Параллельно заботамъ о духовенствѣ идутъ заботы преосвященнаго Гавріила о христіански-религіозномъ воспитаніи и просвѣщеніи вообще Бессарабскаго населенія.

Въ этомъ отношеніи кромѣ обыкновенныхъ средствъ, которыми располагаетъ всякій современный епархіальный архіерей, какъ-то устройство храмовъ, усиленіе проповѣди, учрежденіе катихизацій, митрополитъ Гавріилъ обращался къ мѣропріятіямъ исключительнымъ, свойственнымъ только въ его положеніи, выполнялъ то, чего не въ состояніи былъ выполнить ни одинъ изъ современныхъ ему епархіальныхъ архіереевъ.

Имѣемъ въ виду продолжительную борьбу Гавріила съ Бессарабскими гражданскими властями за уничтоженіе повсемѣстныхъ базаровъ въ воскресные и праздничные дни, устройство экзархіеской типографіи при Кишиневскомъ архіерейскомъ домѣ и учрежденіе бессарабскаго отдѣленія россійскаго библейскаго общества.

Дѣло о прекращеніи воскресныхъ базаровъ началось съ 1814 года. Кишиневскіе купцы и мастеровые люди дали ему первый толчокъ, обра-

тившись къ митрополиту съ «слезнымъ» прошеніемъ, чтобы онъ запретилъ торговлю по праздникамъ, «такъ какъ она нарушаетъ святость этихъ дней и даетъ случай издѣваться надъ православными ненавистному роду жидовскому». Гавріилъ, имѣвшій и ранѣе по поводу базаровъ объясненіе съ Бессарабскимъ губернаторомъ Стурдзой, препроводилъ прошеніе купцовъ преемнику послѣдняго, Гартингу, официально высказавшись, что «одно повелѣніе» начальника края «и наложеніе штрафа на того, кто осмѣлится въ воскресный день открывать лавки», достаточно будетъ для прекращенія застарѣлаго зла. Какъ отнесся Гартингъ къ представленію митрополита, какой отпоръ Гавріилъ встрѣтилъ со стороны равнодушныхъ представителей гражданской власти и заинтересованной по своему въ этомъ дѣлѣ полиціи, въ какомъ положеніи вопросъ о воскресныхъ базарахъ находился при губернаторѣ Катакази и намѣстникѣ Бахметьевѣ,—всѣ эти и другія подробности мы позволимъ себѣ опустить, надѣясь, что для характеристики пастырскихъ заботъ митрополита достаточно будетъ отмѣтить, во-первыхъ, ихъ полный успѣхъ: Бессарабскому губернатору было предписано сдѣлать распоряженіе о воспрещеніи народу стекаться для торговъ по городамъ въ воскресные дни, «назначивъ въ замѣнъ того въ Кишиневѣ вторникъ, а въ другихъ городахъ — по удобности, кромѣ однако воскресенья»; во-вторыхъ, что экзархъ Гавріилъ былъ единственный изъ іерарховъ начала XIX столѣтія такъ рѣшительно поставившій вопросъ о святости воскреснаго дня и практически достигшій оффиціальнаго признанія своей идеи, не вполнѣ и не повсюду еще сознанной и въ наши дни.

Устройство экзаршеской типографіи при Кишиневскомъ митрополичьемъ домѣ было прямымъ слѣдствіемъ заботъ Гавріила объ упорядоченіи и возвышеніи церковной жизни въ Бессарабіи. Основавъ семинарію и настаивая на постройкѣ храмовъ, онъ не могъ не обратить вниманія на то обстоятельство что, церкви епархіи страдали недостаткомъ необходимыхъ богослужебныхъ книгъ на національномъ языкѣ. Такъ какъ заказать печатаніе этихъ книгъ Ясской типографіи было невозможно въ виду ея плачевнаго состоянія, а воспользоваться услугами кіевской типографіи не приходилось вслѣдствіе усиленнаго карантина, то митрополитъ Гавріилъ въ первое же время своего служенія Бессарабіи рѣшилъ ходатайствовать предъ Сѵнодомъ о дозволеніи ему устроить при Кишиневскомъ архіерейскомъ домѣ типографію. Пока велась переписка съ Петербургомъ, онъ изыскалъ нужныя средства, заложилъ зданіе типографіи, пріобрѣлъ станки, инструменты и машины, купилъ молдавскій и славянскій шрифты, выписалъ изъ Нямецкаго монастыря опытнаго типографа, монаха Игнатія, русскаго по происхожденію, прекрасно знавшаго молдавскій языкъ. 27-го Мая 1814 года разрѣшеніе открыть Бессарабскую экзаршескую типографію было получено. Святѣйшій Сѵнодъ тѣмъ охотнѣе соглашался съ мнѣніемъ митропо

лита Гавріила, что «нужда и польза» особой типографіи «для новаго края была очевидна, а учредитель ея не искалъ «у казны никакого денежнаго пособія»[26]). 31-го Мая 1814 г. экзархъ Гавріилъ торжественно открылъ Кишиневскую типографію. Здѣсь прежде всего были напечатаны буквари на молдавскомъ и славянскомъ языкахъ по образцу букварей московской типографіи, затѣмъ служебникъ, книга молебныхъ пѣній, часословъ, катихизисъ и т. д. Печатаніе производилось съ новоисправленныхъ, московской синодальной типографіи, книгъ, чѣмъ достигалось — съ одной стороны желательное единообразіе молдавскаго богослуженія съ богослуженіемъ русской церкви, съ другой стороны устранялись ошибки, вкравшіяся въ молдавскія богослужебныя книги прежней печати. Экзаршеская типографія въ короткое время выпустила множество изданій, распространившихся по Бессарабіи, Валахіи и Румыніи. Кромѣ книгъ богослужебныхъ, въ ней печатались различныя духовныя статьи и сборники, необходимые для поученія и научения духовенства и народа, школьные учебники для Кишиневскихъ семинаристовъ, циркуляры, предписанія, распоряженія гражданской власти и т. п. По «вѣдомости» о напечатанныхъ здѣсь на молдавскомъ языкѣ книгахъ, видно, что за время съ 1814 г. по 1821 г., эта типографія дала Бессарабіи 19,320 экземпляровъ разныхъ книгъ.

Кромѣ устройства экзаршеской типографіи, съ именемъ митрополита Гавріила тѣсно связаны учрежденіе бессарабскаго отдѣленія россійскаго библейскаго общества и дѣятельность его (Гавріила) по исправленію молдавскаго текста книгъ Св. Писанія.

Въ 1815 г. Петербургскій комитетъ «россійскаго библейскаго общества», намѣреваясь издать библію на молдавскомъ языкѣ, обратился къ митрополиту Гавріилу съ просьбой выслать ему молдавскую библію, которая легла-бы въ основу новаго изданія. Митрополитъ представилъ въ Петербургъ два экземпляра библіи на молдавскомъ языкѣ, одинъ Букарестскаго изданія 1688 г. и другой — изданія Трансильванскаго 1795 г. Послѣдній онъ считалъ «по ясности перевода и по понятному нарѣчію» болѣе пригоднымъ для оригинала, чѣмъ первый. Когда эти экземпляры были получены въ Петербургѣ, и наблюденіе за исправностью корректуры комитетъ поручилъ свѣтскимъ спеціалистамъ въ знаніи молдавскаго языка (князю Ипсиланти и совѣтнику Крупенскому), президентъ «общества» князь Голицынъ обратился къ митрополиту Гавріилу съ новой просьбой, поручить окончательную корректуру молдавскаго изданія кому-либо изъ духовныхъ лицъ Кишиневской епархіи, основательно знающихъ молдавскій языкъ, чтобы впослѣдствіи не было нареканій, будто молдавскій Новый Завѣтъ изданъ одними свѣтскими людьми. Митрополитъ принялъ оконча-

[26]) Стадницкій 344 стр.

тельную корректуру на себя. Первые же прочитанные имъ листы оказались настолько неудовлетворительны, что онъ особымъ письмомъ (23 Іюня 1816 г.) предложилъ президенту прислать изъ Петербурга бумагу и шрифтъ, чтобы печатать библію въ Кишиневѣ, а съ своей стороны обѣщалъ самый тщательный надзоръ и самую точную корректуру. Какъ ни было это предложеніе важно, комитетъ отвѣтилъ на него вторичной просьбой только исправлять отъ погрѣшностей оригинальные листы библіи «высылаемые ему» и рекомендовать «обществу» знатоковъ молдавскаго языка изъ лицъ духовнаго званія. Митрополитъ рекомендовалъ Яскаго архимандрита Варлаама. Когда, вновь редактированные Варлаамомъ, листы молдавской библіи поступили на разсмотрѣніе Гавріила, онъ убѣдился, что продолжающіяся въ нихъ разногласія съ греческимъ и славянскимъ текстами зависятъ не отъ недосмотровъ редактора, а отъ вліянія на новое изданіе испорченнаго Трансильванскаго оригинала. «Сужу,—писалъ онъ по этому поводу въ комитетъ,—что прежде всего молдавскую библію должно исправить по переводу славянскому и во всемъ согласить съ нимъ», а затѣмъ уже съ провѣреннаго такимъ образомъ, Трансильванскаго изданія и печатать. Исправленіе текста онъ предлагалъ принять на себя, совмѣстно съ архимандритомъ Варлаамомъ.

Комитетъ однако и на этотъ разъ скептически отнесся къ предложенію Кишиневскаго митрополита. Князь Голицынъ далъ ему понять, что сличеніе Трансильванской библіи съ подлиннымъ греческимъ текстомъ — излишняя затѣя. Разъ у молдаванъ — писалъ онъ — нѣтъ никакой библіи, то имъ довольно будетъ пользоваться и мало исправной копіей съ Трансильванскаго изданія. Если замѣчена будетъ какая-либо важная неисправность или погрѣшность при перепечатываніи текста, то пусть Высокопреосвященный Владыка не тревожится,—комитетъ сочтетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ поручить ея исправленіе преосвященному епископу Филарету (впослѣдствіи митрополиту московскому) знатоку еврейскаго языка, который исполнитъ сіе дѣло весьма охотно. Наконецъ, да вѣдаетъ его высокопреосвященство, что «поспѣшность въ печатаніи молдавской библіи необходима помимо всѣхъ иныхъ соображеній и въ виду тѣхъ убытковъ, какія терпитъ синодальная московская типографія, благодаря произведенной митрополитомъ «остановкѣ въ печатаніи».

Этимъ рѣзкимъ, ничѣмъ не вызваннымъ, почти граничащимъ съ выговоромъ, письмомъ и завершились сношенія митрополита Гавріила съ президентомъ «россійскаго библейскаго общества». Заглавный листъ молдавской библіи, вышедшей подъ редакціей «общества» въ 1819 г. гласитъ, что она издана съ благословеніемъ св. Синода, но, очевидно, помимо согласія экзарха онаго митрополита Кишиневскаго.

Тѣсную связь съ изданіемъ молдавской библіи имѣетъ учрежденіе «бессарабскаго отдѣленія россійскаго библейскаго общества». Оно открыто было митрополитомъ Гавріиломъ 27 Сентября 1817 г. по предложенію президента «общества» князя Голицына, въ видахъ распространенія «книгъ св. писанія на разныхъ языкахъ среди народовъ живущихъ въ Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи».

Въ теченіи цѣлаго года со дня открытія, бессарабское отдѣленіе публиковало по Бессарабіи и Румыніи о цѣляхъ своей дѣятельности, располагая такими публикаціями духовенство и народъ къ пріобрѣтенію синодальнаго изданія молдавской библіи. Когда-же экземпляры новаго завѣта были получены, отдѣленіе устроило ихъ продажу при архіерейскомъ домѣ и быстро распространило среди населенія при помощи благочинныхъ, настоятелей монастырей и новыхъ ставленниковъ во священники и діаконы. «Хотя Бессарабскую область и комитетъ ея должно назвать еще младенчествующими,—говоритъ отчетъ отдѣленія за 1818 г.—хотя обстоятельства сего края не совсѣмъ соотвѣтствовали рвенію комитета, за всѣмъ тѣмъ... имѣемъ утѣшеніе видѣть, что Господь благословилъ усилія наши въ сѣяніи слова живота не только между обитателями бессарабской области, и молдаванами за Днѣстромъ, въ Тираспольскомъ уѣздѣ, но даже и за рѣкою Прутомъ».

Этими краткими свѣдѣніями о дѣятельности Бессарабскаго отдѣленія библейскаго общества, открытаго преосвященнымъ Гавріиломъ мы и заканчиваемъ свой очеркъ его церковно-административныхъ трудовъ въ Кишиневской епархіи.

Для полноты біографическихъ свѣдѣній о немъ считаемъ не лишнимъ вспомнить, какъ на склонѣ лѣтъ, незадолго до смерти онъ имѣлъ утѣшеніе выслушать царское слово признательности и благодарности за просвѣтительно-организаторскую дѣятельность на югѣ въ теченіе долгихъ лѣтъ. 27 Апрѣля 1818 г. въ Кишиневъ прибылъ Государь Императоръ Александръ Павловичъ. 28-го онъ пзволилъ слушать обѣдню въ крестовой митрополитанской экзаршеской церкви; послѣ литургіи осматривалъ митрополію, семинарскій корпусъ и благородный пансіонъ. Когда Государь кончилъ осмотръ зданій и намѣревался сѣсть въ экипажъ, въ семинарскій дворъ прибылъ митрополитъ Гавріилъ. «Монархъ съ живостью приблизился къ престарѣлому архипастырю, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ его за сооруженіе митрополіи и разсадниковъ просвѣщенія для цѣлой области и затѣмъ повелѣть соизволилъ въ тотъ же день, безъ всякаго промедленія представить списокъ лицъ наиболѣе потрудившихся какъ по сооруженію зданій и въ распространеніи просвѣщенія, такъ и вообще по-епархіальному управленію»[27]).

---

[27]) Кишин. Еп. В. 1868 г. № 16. Ср. Стадницкій. Стр. 370.

30 Марта 1821 г. экзархъ св. Синода, митрополитъ Гавріилъ скончался отъ скоротечной горячки.

Погребенъ онъ въ Кирілловскомъ монастырѣ, въ склепѣ, который по его собственноручному чертежу былъ заготовленъ еще въ 1819 г.

На каменной плитѣ, покрывающей могилу, вырѣзана эпитафія кончающаяся характерной фразой:

«Имя его будетъ жить въ роды;
мудрость повѣдятъ людіе, похвалу его исповѣсть церковь».

296 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

30-го Апрѣля 1896 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице-президента *В. П. Юргевича*, при исправл. обязан. секретаря дѣйств. чл. *А. А. Кочубинскомъ*, почетный гость академикъ *В. К. Ернштедтъ* и гг. дѣйствительные члены: *А. В. Лонгиновъ*, *А. П. Деревицкій*, *И. Ѳ. Красносельцевъ*, *С. Д. Пападимитріу*, *Э. Р. фонъ-Штернъ*, *Е. П. Перетятковичъ*, *А. П. Маркевичъ*, *С. В. Петровскій*, *В. П. Мочульскій*, *М. П. Истоминъ*, *П. А. Ивановъ*, *А. В. Никитскій*, *Р. Г. Шмидтъ*, *О. Ѳ. Базинеръ*, *М. Г. Попруженко*, *С. А. Селивановъ* и *А. П. Алмазовъ*.

Слушали:

I. Докладъ дѣйств. члена К. В. Шкорпила съ объясненіемъ двухъ греческихъ древнихъ надписей, найденныхъ въ Болгаріи.

I. Недалеко отъ западнаго берега Девнинскаго озера, простирающагося отъ Варны во внутрь страны, лежитъ деревня Девно. Вокругъ нея находятся развалины древняго города Марціанополя, который былъ основанъ императоромъ Траяномъ и получилъ свое названіе отъ имени сестры императора Марціи (fragm. Dexippi 17 b; Amm. Marc. 27, 4, 12). Марціанополь былъ главнымъ городомъ римской провинціи Moesia inferior (I. Marquardt, Röm. Staatsverwaltung I, p. 316) и, благодаря своимъ укрѣпленіямъ и удобному мѣстоположенію, игралъ очень видную роль въ той борьбѣ, которую приходилось вести римской имперіи противъ враговъ, нападавшихъ на Мезію съ сѣвера: находясь на военной дорогѣ, соединявшей Одессъ (Ὀδησσός, Варна) съ Никополемъ (Nicopolis ad Haemum) и Эскомъ (Oescus) на Дунаѣ, Марціанополь служилъ какъ исходнымъ пунк-

томъ римскихъ военныхъ дѣйствій, такъ и главною цѣлью нападеній сѣверныхъ враговъ. Городъ, основанный Траяномъ, имѣлъ греческое населеніе и былъ центромъ одной изъ оракійскихъ эпархій (Basilii notitia, ed. H. Gelzer. Lipsiae. 1890. pp. 3, 25, 26). К. Пречекъ (Cesty po Bulharsku. Praha 1888, 624 и Das Fürstenthum Bulgarien. Wien. 1891, 538) утверждаетъ, что имя Марціанополя послѣ смерти императора Маврикія (въ 602 г.) не встрѣчается, но упоминаніе марціанопольской эпархіи въ notitia Basilii доказываетъ, что городъ существовалъ еще въ IX столѣтіи [Basilius igitur illorum imperatorum aetate (Michaelis Amoraei 820 — 829 et Theophili 829 — 841), i. e. noni saeculi priore parte, floruit. H. Gelzer, l. c. p. XV].

Весною прошлаго года у Девинскихъ мельницъ, возлѣ прежней римской дороги найдена мраморная колонна съ греческою надписью. Колонна сверху отбита и имѣетъ въ діаметрѣ 0,48 м.; длина колонны 1,615 м.; внизу памятникъ утолщается и образуетъ четырехугольный базисъ (длина каждой нижней стороны 0,50 м.), который былъ, вѣроятно, зарытъ въ землю. На разстояніи 0,12 м. отъ верхняго края колонны вырѣзана надпись; шесть строкъ надписи (выш. буквъ 0,045 — 0,05 м.) занимаютъ пространство въ 0,435 м. Подъ надписью, на поверхности въ 1,06 м. нѣтъ никакихъ буквъ. Колонна съ надписью лежитъ, по всей вѣроятности, у того же мѣста, гдѣ она была воздвигнута въ древности.

На колоннѣ ясно читаются слѣдующія строки:

	ΤΩΘΕΙΟΤΑΤΩΑΥ	Τῷ θειοτάτῳ αὐ-
	ΤΟΚΡΑΤΟΡΙΜΑΝΤΩ	τοκράτορι Μά(ρκῳ) Ἀντω-
	ΝΙΩΓΟΡΔΙΑΝΩΗ β	νίῳ Γορδιανῷ ἡ β
	ΠΟΛΙC-ΙΜΑΡΚΙΑΝΟ	πόλις ἡ Μαρκιανο-
5.	ΠΟΛΕΙΤΩΝ-ΕΝΤΟΙC	5. πολειτῶν ἐν τοῖς
	ΙΔΙΟΙCΟΡΟΙC	ἰδίοις ὅροις.

Титулъ θειότατος (divus) при имени императора Гордіана встрѣчается не въ первый разъ: см. Scriptores historiae Augustae, vita Gordiani III c. 34; Alb. Dumont, Inscriptions de la Thrace. Paris. 1876, 61 d; H. & K. Skorpil, Antike Inschriften aus Bulgarien. Arch.-epigr. Mitth. XV, p. 92, № 4.

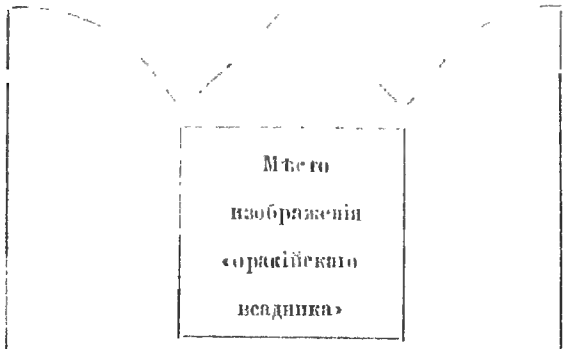
Наша надпись представляетъ собою двоякій интересъ: во первыхъ, возникаетъ вопросъ, по какому поводу жители Марціанополя воздвигли императору Гордіану колонну, а, во вторыхъ, на нашу надпись можно смотрѣть, какъ на датированную, хотя въ ней годъ и не обозначенъ, и воспользоваться ею для изученія исторіи греческаго алфавита.

На первый вопросъ дастъ намъ отвѣтъ біографія Гордіана III (Iuli Capitolini Gordiani tres 26, 4), гдѣ читаются о походѣ Гордіана въ Персію слѣдующія слова: fecit iter in Moesiam atque in ipso procinctu quicquid hostium in Thraciis fuit delevit, fugavit, expulit atque summovit. Такъ какъ начало готской войны и взятіе города Истра, по свидѣтельству историка Дексиппа (Vita Max. et Balb. c. 16. Th. Mommsen, Röm. Geschichte V², p. 218, adn. 1), можно отнести къ событіямъ 238 года, то весьма правдоподобно предположеніе Моммзена, что безуспѣшная осада Марціанополя (Dexippus fr. 18, 19) случилась въ скоромъ времени послѣ взятія Истра. Осмѣливаемся утверждать, что осада Марціанополя, упомянутая Дексиппомъ, произошла въ томъ же 242 году, когда случилось и освобожденіе Мезіи, за которое гражданами главнаго города этой провинціи былъ воздвигнутъ молодому императору памятникъ и даны почетныя названія victor Gothorum, victor Sarmatarum (Script. hist. Aug. Gordianus III, c. 34). Моммзенъ справедливо замѣчаетъ въ указанномъ мѣстѣ, что извѣстіе Іордана (Iordanes, Get. 16, 92), будто осада Марціанополя случилась въ царствованіе императора Филиппа, не заслуживаетъ вниманія, потому что Іорданъ въ хронологическихъ вопросахъ пользуется плохимъ авторитетомъ.

Изъ этого разсужденія получается отвѣтъ на второй вопросъ: такъ какъ Гордіанъ воевалъ въ Мезіи въ 242 году, а умеръ въ 244, то можно предположить, что наша греческая надпись была вырѣзана въ 242—244 годахъ и что мы имѣемъ передъ собою эпиграфическій памятникъ первой половины третьяго столѣтія послѣ Р. Хр.

На мѣстѣ, гдѣ проходила древняя римская дорога изъ Марціанополя къ Дуростору (Δοῦρόστορον ἢ Δοῦρόστολον Ptol. III, 10, 10; нынѣ Силистрія), въ поляхъ возлѣ деревни Асарджика найдена была известковая плита съ надписью, находящаяся теперь у одного поселянина упомянутой деревни. Памятникъ имѣетъ форму четыреугольной плиты (выш. 1,32 м., шир. 0,73 и толщ. 0,165 м.), которая когда то была вставлена въ стѣну какого то зданія. Хотя плита обломана съ верхняго лѣваго угла и перебита пополамъ, однако всѣ части ея сохранились. Верхъ имѣетъ видъ маленькаго фронтона съ большими акротеріями по обѣимъ сторонамъ; на разстояніи 0,09 м. подъ основаніемъ фронтона высѣчена въ камнѣ неглубокая ниша шир. 0,165 м. и выш. 0,17. Въ нишѣ находилось маленькое изображеніе «оракійскаго всадника», отъ котораго уцѣлѣла нижняя часть, приблизительно двѣ трети. Рельефъ представляетъ скачущаго коня, на которомъ сидитъ всадникъ съ поднятою вверхъ правою рукою, какъ бы желая поразить кого то. Головы всадника и лошади уничтожены. Сохранившаяся мраморная плитка имѣетъ въ ширину 0,145 м., въ толщ. 0,023; вышина уцѣлѣвшей части 0,135, но была, вѣроятно, 0,16 м.

Подъ нишей, на разстояніи 0,045 м., начинается первая строка греческой надписи. Надпись (высота буквъ 0,035 - 0,014 м.) вырѣзана небрежно буквами позднѣйшихъ временъ. Подъ надписью остается пустое мѣсто въ 0,44 м. Рельефное изображеніе «оракійскаго всадника» хранится пока въ зданіи Варненской гимназіи и будетъ отправлено съ другими подобнаго рода древностями въ Софійскій музей.



ΑΓΑΘΗΤΥΧΗ
ΘΕΩΑΠΟΛΛΩΝΙ
ΑΥΛΑΡΚΗΝΩΑΥΛΟΥΠ
ΡΙCΑΥΛΟΥΠΟΡΕΩΣΑΝ
ΘΑΥΤΟΥΚΑΙΤΩΝΤΕΚΝΙΝ
ΕΥΧΑΡΙCΤΗΡΙΟΝ ΑΝΕΘΗΚΕΝ

Ἀγαθῇ τύχῃ.
Θεῷ Ἀπόλλωνι
Αὐλαρκηνῷ Αὐλούπο-
ρις Αὐλουπόρεος ἀν-
5. θ' αὑτοῦ καὶ τῶν τέκνων
εὐχαριστήριον ἀνέθηκεν.

Въ этой посвятительной надписи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе прозвище Аполлона Αὐλαρκηνός; мы не беремся объяснить этотъ мѣстный эпитетъ бога (срв. Roscher, Lexikon der griech. und röm. Mythologie s. v. Latomenos) и приведемъ лишь изъ оракійскихъ надписей нѣсколько примѣровъ неразъясненныхъ до сихъ поръ эпитетовъ нѣкоторыхъ боговъ: Ἥρᾳ Ἀρτακηνῇ Dumont, Inscr. de la Thrace 33, Ἀπόλλωνι Ἀλσηνῷ id. 62, d, Διὶ Ζ. Βελσούρῳ id. 72, a, Ἀπόλλωνι Λατομηνῷ id. 78, Διὶ Ὀκολληνῷ Herm. Skorpil, Arch.-epigr. Mitth. 17, 176, Ἀπόλλωνι Ζελαηνῷ id. 219, Ἀπόλλωνι Σκοδρηνῷ id. 220. При эпитетахъ Ἀρτακηνός (срв. Ἀρτάκη. . τὸ ἐθνικὸν Ἀρτακηνός Steph. Byz.) и Σκοδρηνός (срв. Σκόδρα) почти напрашивается мысль, что вышеупомянутыя наименованія указываютъ на мѣста почитанія (срв. Ζεὺς Δωδωναῖος, Ἥρα Ἀργεία, Δημήτηρ Ἐλευσινία), но окончательно рѣшить этотъ вопросъ при имѣющихся средствахъ пока невозможно.

Собственныя имена съ окончаніемъ πορις (πουρις, πυρις), какъ Αὐλούπορις нашей надписи, нерѣдко встрѣчаются въ нѣкоторыхъ странахъ, лежавшихъ на берегу Чернаго моря, въ особенности во Оракіи и на Боспорѣ. Имя

боспорскихъ царей Ῥησκούπορις извѣстно также изъ оракійской надписи (Dumont, l. cit. 63); срв. Μοκάπορις, Διοδίπορις, Γοπαίπορις (Dumont, pp. 77 322) и Μοκάπορις (В. В. Латышевъ, Inscr. regni Bosporani № 223).

II. Докладъ дѣйств. члена Э. Р. фонъ-Штерна о мѣстонахожденіи древнѣйшаго Херсонеса.

«Занимаясь въ послѣдніе годы собираніемъ матеріала для подробной исторіи Херсонеса, я воспользовался свободнымъ отъ занятій временемъ на страстной недѣлѣ, чтобы поѣхать въ Херсонесъ. Такъ какъ и весною 1894 года въ послѣдній разъ посѣтилъ этотъ въ археологическомъ отношеніи столь важный пунктъ нашего черноморскаго побережья, то цѣлью моей настоящей поѣздки было съ одной стороны ознакомленіе съ результатами раскопокъ послѣднихъ двухъ лѣтъ, съ другой—желаніе при помощи значительно разросшагося матеріала выяснить себѣ вопросъ о мѣстоположеніи древнѣйшаго Херсонеса.

Въ виду того, что многоуважаемые члены Общества о главныхъ результатахъ послѣднихъ раскопокъ могутъ найти достаточныя свѣдѣнія въ разныхъ отчетахъ и публикаціяхъ[1]), я остановлюсь сегодня только именно на этомъ вопросѣ о мѣстоположеніи древнѣйшаго Херсонеса.

Какъ извѣстно, Страбонъ (VII, глав 4) различаетъ между первоначальной греческой колоніею и современнымъ ему Херсонесомъ. Развалины первой онъ помѣщаетъ между Нарѳекскимъ мысомъ и гаванью «Симболонъ»; согласно этому показанію уже Палласъ II, 68 указалъ, какъ на мѣстоположеніе древняго Херсонеса, на полуостровъ, заключенный съ одной стороны моремъ, съ другой—Казачьей бухтой, гдѣ и нашелъ кое-какіе слѣды развалинъ. За Палласомъ многіе повторили то же самое.

Высказаны были, правда, и сомнѣнія въ вѣрности показанія Страбона на томъ основаніи, что Страбонъ самъ въ дальнѣйшихъ своихъ разсказахъ противорѣчилъ первому описанію и что на указываемой имъ мѣстности кромѣ слѣдовъ укрѣпленій не находилось обычныхъ остатковъ эллинскихъ поселеній. Въ послѣднее время однако показаніе Страбона нашло себѣ защитника въ лицѣ самаго компетентнаго знатока Крыма А. Л. Бертье-Делагарда. Послѣдній въ своихъ цѣнныхъ изслѣдованіяхъ о Херсонесѣ (Матеріалы по археологіи Россіи 12, стр. 56 и Записки Одес. Общ. Исторіи и Древностей XIV, стр. 253—274) отстаиваетъ извѣстіе Страбона не столько потому, что при раскопкахъ въ этой мѣстности въ 1890 году найдены были кое-какіе остатки древне-эллинскаго поселенія, сколько потому, что по военно-инженернымъ соображеніямъ представленное Страбо-

[1]) Ср. отчеты Археол. Коммиссіи за 1894 г. Раскопки древняго Херсонеса въ 1895 году. Сообщеніе завѣдующаго раскопками Косцюшко-Валюжинича (брош. Севаст. 1895). Раскопки въ Херс. въ 1895 году въ Филолог. Обозрѣніи X, 2, 1896 г.

номъ подробное описаніе осады города со стороны скиновъ можно на всемъ Гераклейскомъ полуостровѣ пріурочить только къ поселенію у Казачьей бухты. И здѣсь описанная имъ осада точь-въ-точь, до малѣйшихъ подробностей, даже въ мѣрахъ разстоянія, вполнѣ приложима именно къ той мѣстности, на которой тѣмъ же Страбономъ топографически точно указанъ древнѣйшій Херсонесъ.

Я конечно далекъ отъ мысли оспаривать вѣрность весьма убѣдительно и краснорѣчиво обоснованнаго мнѣнія А. Л. Бертье-Делагарда, что описанная Страбономъ осада города относится къ поселенію въ Казачьей бухтѣ; однако тѣмъ не менѣе вопросъ, слѣдуетъ ли въ этомъ поселеніи дѣйствительно усматривать древнѣйшій Херсонесъ, остается, по моему, все таки открытымъ, и едва ли можно отвѣтить на него утвердительно по слѣдующимъ соображеніямъ.

Не говоря уже о томъ, что кромѣ Страбона никто изъ древнихъ авторовъ, упоминающихъ о Херсонесѣ, намъ ничего не сообщаетъ объ этомъ замѣчательномъ и рѣдкомъ фактѣ перенесенія первоначальнаго города на другое мѣсто и что самъ Страбонъ въ дальнѣйшемъ разсказѣ какъ бы забываетъ объ этомъ перенесеніи, считаю необходимымъ на первомъ мѣстѣ отмѣтить, что величина плоскости, заключающейся между двумя стѣнами на упомянутомъ полуостровѣ, вполнѣ недостаточна для такого города, какимъ былъ древне-греческій Херсонесъ. Эта плоскость имѣетъ по сообщенію г. Косцюшко-Валюжинича въ длину 450 саженей, а въ ширину 86; на такомъ пространствѣ можетъ помѣщаться крѣпость и маленькое поселеніе, а не городъ, который въ IV и III столѣтіяхъ до Р. Х. по документальнымъ даннымъ господствовалъ надъ Керкинитомъ, Прекраснымъ Портомъ (Καλὸς Λιμήν) и разными укрѣпленными мѣстами (Латышевъ Матеріалы 9, Надписи 1889—1891 г. № 1), который владѣлъ обширными поземельными участками за городомъ (тамъ же, № 5), который управлялся цѣлымъ штатомъ должностныхъ лицъ (Латышевъ, Эпиграф. данныя по государ. устройству Херсонеса Ж. М. Н. П. 1884; срв. Матеріалы 17, № 3 и 6. Матеріалы 9, № 7), который поддерживалъ сношенія съ иностранными государствами (Матеріалы 9, № 3; I. P. I, 195) и украшался цѣлымъ рядомъ святилищъ (Матеріалы 9, № 6, 7. Матеріалы 17, № 3, 5, 6. I. P. I, 203—210), храмами Дѣвы, Діониса и т. д. Какъ ни отрывочны и скудны наши свѣдѣнія о бытѣ и политической жизни Херсонеса въ первые вѣка его существованія, однако на основаніи приведенныхъ свидѣтельствъ едва ли возможно допустить, что эта благоустроенная греческая колонія, граждане которой властвовали надъ всѣмъ Гераклейскимъ полуостровомъ и, повидимому[1]),

[1]) Ср. и. и. любопытный фактъ, что посвятительная статуя въ честь Аѳины Спасительницы изготовлена была извѣстнымъ (Plin. 34, 41) ваятелемъ Поликратомъ. Матеріалы 9, № 6.

имѣли достаточныя средства, занимала пространства не больше, чѣмъ показываютъ слѣды древняго поселенія у Казачьей бухты.

Если тѣмъ не менѣе вѣрить показанію Страбона, то представляются и еще другія затрудненія. Возникаетъ вопросъ, когда и по какой причинѣ херсонесцы рѣшились на необыкновенный шагъ перенесенія города на другое мѣсто. Большинство новыхъ ученыхъ[1]) пріурочило основаніе новаго города» безъ всякихъ на то фактическихъ указаній къ концу перваго вѣка до Р. Х. Одни усматриваютъ причину такого перенесенія города въ описанной у Страбона удачной осадѣ древняго Херсонеса со стороны скиѳовъ. Но при этомъ слѣдовало бы ожидать, что херсонесцы искали себѣ болѣе защищеннаго природою и легче укрѣпляемаго мѣста для основанія новаго поселенія; однако историческій Херсонесъ расположенъ въ болѣе открытой и труднѣе обороняемой отъ нападеній враговъ мѣстности; совершенно немыслимо, чтобы эта мѣстность была избрана для новаго города непосредственно послѣ сильнаго пораженія отъ скиѳовъ. Въ виду этихъ соображеній другіе ученые напротивъ считаютъ причиной перенесенія города ростъ его поселенія и постепенное развитіе торговли и промышленности въ счастливый мирный періодъ. Однако и при этомъ предположеніи остается вполнѣ необъяснимымъ, отчего въ данномъ случаѣ вмѣсто того, чтобы, какъ всегда бываетъ при ростѣ и развитіи города, заселить ближайшія его окраины, считали нужнымъ перенести весь городъ со всѣми его зданіями и святынями въ мѣстность, отдаленную на болѣе чѣмъ десятиверстное разстояніе отъ первоначальнаго поселенія.

Если такимъ образомъ въ виду всего сказаннаго показаніе Страбона является уже весьма мало правдоподобнымъ, то результаты раскопокъ на почвѣ такъ называемаго новаго Херсонеса таковы, что они должны поколебать окончательно вѣру въ это извѣстіе древняго географа. Такъ какъ слой культурной почвы надъ природной скалой Гераклейскаго полуострова сравнительно неглубокъ и такъ какъ Херсонесъ до турецкаго владычества безпрерывно былъ заселеннымъ пунктомъ, жители котораго при сооруженіи новыхъ построекъ и другихъ случаяхъ должны были неоднократно перерывать почву и перебрасывать землю, то a priori нельзя было разсчитывать при раскопкахъ на открытіе многихъ остатковъ древняго поселенія; тѣмъ не менѣе предметовъ изъ древне-эллинскаго періода найдено больше, чѣмъ это возможно было ожидать. Совокупность этихъ находокъ, къ краткому обозрѣнію которыхъ и теперь перейду, заставляетъ думать, что и перво-

[1]) Koehne, Beiträge и т. д. S. 1 и 15. Georgi Geschichte Russlands, S. 127 и многіе другіе.

начальное поселеніе грековъ находилось на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи стоялъ Херсонесъ.

Найдено до сихъ поръ 168 херсонесскихъ надписей, большая часть которыхъ, правда, представляетъ собою только жалкіе фрагменты; 126 изданы Латышевымъ въ разныхъ публикаціяхъ: изъ нихъ 23 относятся къ IV, III, II вѣкамъ до Р. Х., изъ неизданныхъ четыре найденныхъ въ прошломъ году надгробныхъ надписи принадлежатъ тоже несомнѣнно весьма раннему періоду,—IV—III столѣтію до Р. Х. Итакъ въ историческомъ Херсонесѣ открыто до сихъ поръ 27 древне-греческихъ документовъ, причемъ небезъинтересно отмѣтить, что какъ разъ самыя важныя надписи, гражданская присяга на вѣрность «Херсонесу, Керкинитидѣ. Прекрасному Порту и т. д.», актъ о продажѣ городомъ земельныхъ участковъ, пьедесталы отъ статуй, посвященныхъ Аоннѣ Спасительницѣ и Дѣвѣ, и нѣкоторые другіе эпиграфическіе памятники, найдены были на южномъ склонѣ между новымъ храмомъ и Карантинною бухтою.

Дальше извѣстно, что при раскопкахъ Императорской Археологической Коммиссіи (срв. Отчетъ за 1882 — 88 г. стр. CCXI) найдена была цѣлая масса древне-греческихъ предметовъ: терракотъ, фрагментовъ роспиныхъ вазъ и т. д. Любопытнѣе всего, что удалось открыть мастерскую античнаго коропласта, и, какъ показываютъ найденныя въ ней формы, гончаръ этотъ работалъ въ первой половинѣ III вѣка до Рожд. Хр. (срв. Мальмбергъ. Матеріалы 7, стр. 9). Изданныя Мальмбергомъ черепки роспиныхъ вазъ относятся также къ IV—III столѣтіямъ, и рядъ роспиныхъ вазъ или фрагментовъ, хранящихся въ Херсонесскомъ музеѣ, смѣло можно датировать даже началомъ IV вѣка. Концу того же столѣтія принадлежитъ торсо женской статуи весьма хорошей работы, а равно капители и колонны разныхъ ордеровъ.

Дальше въ почвѣ такъ называемаго «новаго Херсонеса» найдено не мало древнихъ монетъ, какъ иностранныхъ (срв. Koehne Beiträge. S. 6), такъ и мѣстныхъ. Хотя понятнымъ образомъ по количеству преобладаютъ монеты византійскаго періода, однако встрѣчаются въ изрядномъ числѣ и монеты первыхъ вѣковъ до-христіанской эры. Между ними особенно интересна серебряная монета, чеканенная въ Херсонесѣ, которая ея издателемъ Орѣшниковымъ (Матеріалы 7, стр. 38) датируется III вѣкомъ до Р. Х. На ней читается имя Νανωνος,— тоже самое имя, которое мы имѣемъ на тридцати найденныхъ при послѣднихъ раскопкахъ амфорныхъ ручкахъ, по характеру письма также относящихся къ третьему вѣку. Кромѣ только что названныхъ ручекъ найдено въ 1890 и 1891 годахъ около 1500 такихъ же ручекъ со штемпелями, принадлежавшихъ судя по именамъ астиномовъ и начертанію буквъ въ большинствѣ случаевъ древне-греческому Херсо-

несу[1]), и около 6000 черепковъ чернолаковой посуды, съ рисунками и безъ рисунковъ. Важно отмѣтить, что, какъ терракоттовыя статуэтки, такъ и названныя ручки и черепки въ преобладающемъ количествѣ найдены при раскопкахъ вблизи монастырской купальни, между моремъ и монастырскимъ садомъ, въ сплошномъ культурномъ слоѣ, въ которомъ не оказалось остатковъ древнихъ построекъ. Въ виду этого предположеніе г. Косцюшко-Валюжинича, что мѣстность эта находилась уже за чертой древняго города, является довольно вѣроятнымъ и основательнымъ. Но съ этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ я уже забѣжалъ впередъ. Цѣлью моего суммарнаго перечисленія найденныхъ на почвѣ теперешняго Херсонеса предметовъ древне-греческаго быта пока было только установить, что въ нѣдрахъ будто бы основаннаго въ I вѣкѣ города такіе предметы встрѣчаются въ изрядномъ количествѣ. Мой краткій обзоръ самыхъ важныхъ находокъ конечно не исчерпываетъ этого вопроса; г. Косцюшко-Валюжинничъ, который весьма любезнымъ образомъ познакомилъ меня съ собраннымъ имъ по этому вопросу матеріаломъ, дастъ намъ, надѣюсь, къ десятилѣтнему юбилею раскопокъ Археологической Коммиссіи полный сводъ этихъ разнообразныхъ находокъ изъ древне-греческаго періода, который намъ позволитъ нарисовать довольно любопытную картину быта и культурныхъ связей этой важной греческой колоніи. Но и сказаннаго здѣсь объ этихъ находкахъ мнѣ кажется достаточнымъ, чтобы убѣдиться въ неосновательности или рискованности мнѣнія тѣхъ ученыхъ, которые объясняютъ нахожденіе всѣхъ древнихъ памятниковъ на мѣстѣ «новаго Херсонеса» перенесеніемъ ихъ послѣ перехода туда стараго города. Если такое предположеніе «о перенесеніи» и допустимо относительно культовыхъ статуй и того или другаго оффиціальнаго декрета на мраморѣ, то оно въ виду совокупности мелкихъ находокъ, терракоттъ, посуды и утвари обыденной жизни теряетъ подъ собою всякую почву.

Наконецъ раскопки 1894 и 1895 годовъ дали еще одинъ весьма важный результатъ для рѣшенія вопроса о мѣстоположеніи древнѣйшаго Херсонеса—имѣю въ виду открытіе древне-оборонительной стѣны, которая и со стороны моря нѣкогда защищала городъ, и стѣны съ башнями и воротами, которая вела вдоль по бухтѣ отъ дороги въ монастырь до зданія музея. Останавливаться подробно на описаніи этой стѣны и разъясненіи ея значенія завело бы меня здѣсь слишкомъ далеко; не желая слишкомъ злоупотреблять вниманіемъ почтеннаго собранія, которому сегодня еще предстоитъ выслушать два реферата, я замѣчу только, что я послѣ внима-

---

[1]) На ручкахъ встрѣчаются весьма часто имена, извѣстныя намъ по херсонесскимъ монетамъ греческаго періода, н. п. Ἀπολλονίου—48 разъ, Βαθύλλου—12, Ἡρακλείου—34 раза, Ἀγασίκλου—11, Ξάνθου—7, Ἡροδότου—10 и т. д.

тельнаго изученія направленія и способа кладки этихъ стѣнъ достигъ того же результата, что и г. Косцюшко-Валюжинничъ, —а именно, что древнѣйшее греческое поселеніе находилось на восточномъ склонѣ у Карантинной бухты и что оно простиралось на западъ до конца монастырскаго сада, гдѣ такая же оборонительная стѣна, какъ у бухты и по береговой линіи, съ юга на сѣверъ къ морю, составляла его западную границу. За этой стѣной начинался греческій некрополь,—надъ нимъ сверху процвѣлъ разросшійся въ римскую и византійскую эпоху городъ, и въ этомъ фактѣ мы должны искать объясненія того, что до сихъ поръ сравнительно мало найдено древне-греческихъ могилъ. Вотъ въ самыхъ главныхъ чертахъ то, что я сегодня хотѣлъ предложить вашему благосклонному вниманію. А какъ, позвольте мнѣ, объяснить показаніе Страбона? Такъ какъ Страбонъ, по всей вѣроятности, самъ не былъ въ Херсонесѣ, то смѣшеніе древняго города съ однимъ изъ укрѣпленныхъ мѣстъ Херсонеса (τεῖχη) является простительной погрѣшностью; эта ошибка конечно въ общемъ не умаляетъ заслугъ знаменитаго древняго географа; но только ради того, чтобы не умалить его авторитета, не считаться съ указанными фактами является вполнѣ невозможнымъ. Показаніе Страбона въ виду результатовъ новѣйшихъ раскопокъ не можетъ болѣе служить исходнымъ пунктомъ въ вопросѣ о мѣстоположеніи древняго Херсонеса. Въ заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь свою глубокую благодарность г. Косцюшко-Валюжинничу за ту любезность и предупредительность, съ которой онъ мнѣ облегчилъ изученіе на мѣстѣ развалинъ и памятниковъ Херсонеса.

III. Докладъ дѣйств. члена А. И. Деревицкаго о бронзовой статуэткѣ, найденной при недавнихъ раскопкахъ въ Херсонѣ.

«Присутствующіе безъ сомнѣнія обратили въ свое время вниманіе на появлявшіяся въ мѣстныхъ газетахъ извѣстія о найденной недавно въ окрестностяхъ Херсона женской бронзовой статуэткѣ и, быть можетъ, видѣли даже изображеніе этой статуэтки, воспроизведенное на столбцахъ «Одесскихъ Новостей». Мнѣ кажется однако, что наличность газетныхъ, хотя бы и довольно обстоятельныхъ, сообщеній не снимаетъ съ меня обязанности представить почтенному собранію нѣсколько болѣе подробное изложеніе обстоятельствъ этой интересной находки,—тѣмъ болѣе, что свое изложеніе я имѣю счастливую возможность иллюстрировать вполнѣ точнымъ фотографическимъ снимкомъ, который любезно предоставленъ мнѣ г. директоромъ херсонскаго археологическаго музея В. И. Гошкевичемъ.

Находка сдѣлана была на городской землѣ, къ сѣверу отъ Херсона, по дорогѣ на Рожновы хутора, въ $2^1/_2$ верстахъ отъ городской черты. Мѣстность эта усѣяна небольшими курганчиками, находящимися въ раз-

личномъ другъ отъ друга разстояніи и составляющими группу, надъ которою возвышается курганъ болѣе значительныхъ размѣровъ съ тронутою когда то и кѣмъ то верхушкою. Въ концѣ февраля текущаго года кладоискателями, какихъ въ нашихъ краяхъ немало, однажды ночью были разрыты три курганчика, причемъ, какъ оказалось впослѣдствіи, ими найденъ былъ одинъ скелетъ съ ожерельемъ изъ мелкихъ золотыхъ бусъ на шеѣ, и тремя перстнями изъ толстой золотой проволоки (свернутой, но не спаянной) на рукахъ. Кромѣ этихъ предметовъ въ руки кладоискателей попало десятка два маленькихъ пращныхъ камней, нѣсколько трехгранныхъ бронзовыхъ стрѣлокъ, два мѣдныхъ блюдца, глиняный сосудецъ, желѣзный ножъ, нѣсколько бусъ изъ сердолика и бѣловато-сѣрой пасты, небольшой кораллъ съ золотымъ ободкомъ и наконецъ бронзовая женская статуэтка.

Всѣ поименованныя вещи быстро разошлись по рукамъ,—золото попало къ ювелирамъ и было переплавлено, а статуэтку посчастливилось пріобрѣсти одному херсонскому обывателю, успѣвшему перепродать ее въ Москву прежде, чѣмъ г. губернаторомъ были приняты мѣры, долженствовавшія обезпечить сохранность клада. Мѣры эти однако оказались все же настолько энергичны и своевременны, что мало по малу кладъ почти полностью поступилъ въ херсонскій археологическій музей, гдѣ нынѣ находится и возвращенная изъ Москвы статуэтка, на которую впрочемъ успѣла уже предъявить свои права Императорская археологическая коммиссія.

На мѣстѣ отысканія клада г. Гонкевичъ не замедлилъ произвести развѣдки. Вырытая кладоискателями земля кургановъ (глина-бѣлоглазка) была просѣяна, причемъ въ первомъ изъ нихъ найдены были мѣдные обломки (быть можетъ, отъ зеркала или отъ сосуда), два пращныхъ камня, бронзовая стрѣлка, золотой перстень изъ согнутой толстой проволоки и золотая подвѣска въ видѣ полумѣсяца, орнаментированная мелкими шариками съ лицевой и совершенно плоская съ оборотной стороны. Второй курганъ, расположенный шагахъ въ 10 отъ перваго, не далъ ничего кромѣ двухъ стрѣлъ, желѣзнаго крюка,—быть можетъ, отъ упряжи,—и нѣсколькихъ обломковъ желѣза. Въ третьемъ курганѣ найдена была только дутая мѣдная бляшка.

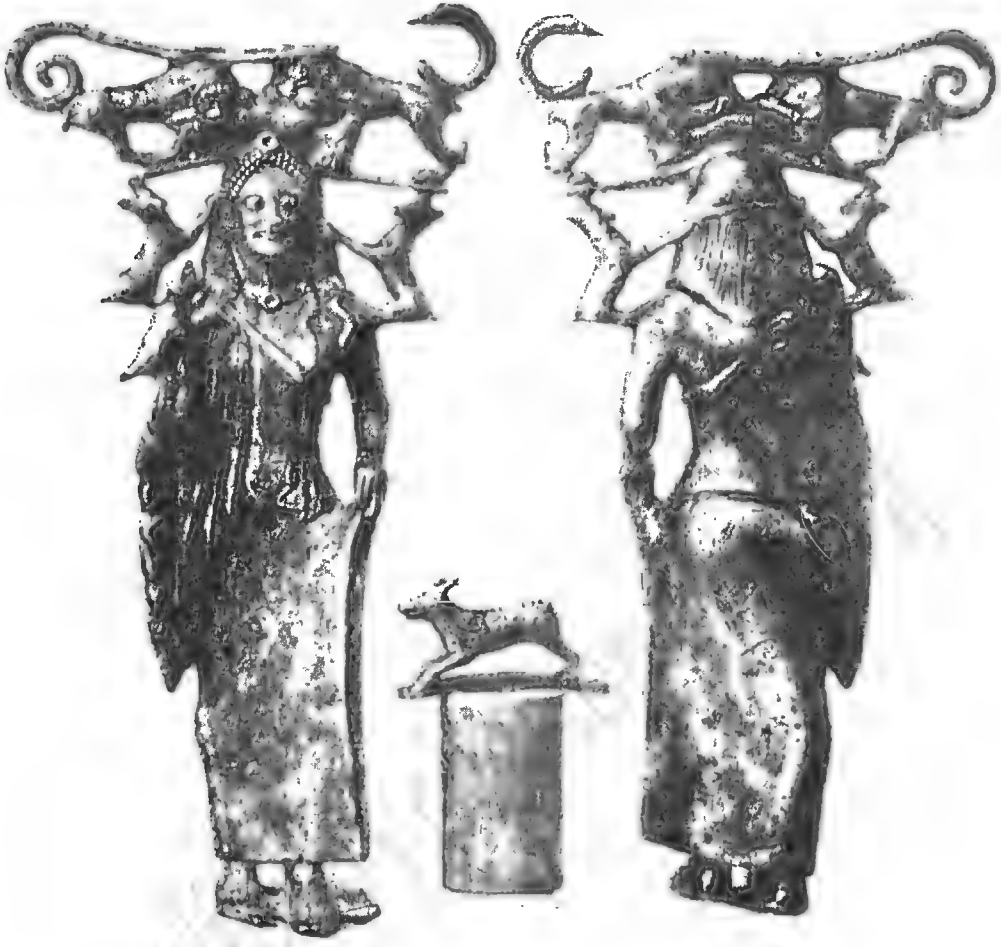
Рѣдкій по своей успѣшности результатъ кладоискательской попытки внушилъ г. Гонкевичу мысль вскрыть два небольшихъ курганчика изъ числа тѣхъ, которые не были тронуты хищниками. Одинъ изъ нихъ, ориентированный въ сѣверо-западномъ направленіи, какъ оказалось, заключалъ въ себѣ одну могилу, расположенную на незначительной глубинѣ. Въ могилѣ найденъ женскій скелетъ (2 арш. длины), лежавшій на спинѣ, съ черепомъ, повернутымъ влѣво, съ серебрянымъ перстнемъ на одномъ изъ пальцевъ и съ заложеннымъ между рукъ бронзовымъ зеркаломъ безъ ру-

костяки, но съ орнаментацією: у головы найдены на соотвѣтствующихъ мѣстахъ серебряныя серьги: попался также кусочекъ шерстяной ткани да тамъ и самъ обломки желѣза. Второй курганчикъ заключалъ въ себѣ двѣ могилы съ тонкою между ними земляною перемычкою; эти могилы были ориентированы въ юго-восточномъ направленіи. Въ первой изъ нихъ оказалось два черепа, обращенныхъ лицевою частью внизъ, и одинъ костякъ, лежавшій въ крайнемъ безпорядкѣ: при одномъ изъ череповъ находилась серьга изъ тонкой бронзовой проволоки, оставившая на черепѣ слѣды мѣдной окиси. Въ сосѣдней могилѣ найденъ былъ другой костякъ, положенный правильно, но не имѣвшій головы. Въ обѣихъ могилахъ втораго кургана поверхъ насыпанныя надъ похороненными и утрамбованной земли была навалена масса камней различной величины съ поставленными кое-гдѣ торчкомъ каменными плитами. Въ меньшемъ количествѣ камни покрывали подъ насыпнымъ слоемъ земли также и могилу перваго кургана.

Безъ сомнѣнія, наиболѣе цѣннымъ и важнымъ въ археологическомъ отношеніи предметомъ херсонской развѣдки является бронзовая статуэтка, которую В. П. Гонкевичъ не обинуясь принимаетъ за изображеніе Кибелы.

Статуэтка (см. фиг. 1 и 2) имѣетъ въ вышину 25 сант.; за время пребыванія ея въ рукахъ кладоискателей и перекупщиковъ она утратила почти всю картину, слѣды которой сохранились лишь тамъ и самъ, въ углубленіяхъ, плохо поддававшихся чисткѣ. Она изображаетъ женскую фигуру, одѣтую въ длинный хитонъ, подобранный лѣвою рукою сбоку, и плотный, укладывающійся въ широкія складки іонійскій гиматій, который перекинутъ съ праваго плеча подъ лѣвое и концы котораго скрѣплены застежкою на правомъ плечѣ. Въ лѣвой рукѣ, обнаженной отъ локтя, она держитъ какое то крылатое, птицеобразное существо съ человѣческою головою,—сирену, какъ полагаетъ г. Гонкевичъ, или гарпію, какъ болѣе охотно предположилъ бы я. Головной уборъ составляетъ родъ узкой повязки или діадемы въ видѣ плотно прилегающей къ волосамъ ленты; эта повязка надъ лбомъ украшена круглымъ, нѣсколько углубленнымъ въ серединѣ медальономъ. Такой же медальонъ на широкой лентѣ или тесьмѣ, принадлежащей, быть можетъ, хитониску, охватываетъ шею фигуры. Внутри повязки волосы трактованы въ общей массѣ, но спереди, на вискахъ и на лбу, они расчленены на два яруса мелкихъ завитковъ и спускаются длинными змѣеобразно извивающимися локонами на грудь,—по два съ каждой стороны; позади, изъ подъ повязки, густая масса волосъ, схематически раздѣленныхъ на тонкія пряди, падаетъ на спину. Внизу эти пряди повидимому связаны въ пучокъ и прихвачены какою то пряжкою. По бокамъ фигуры, справа и слѣва, расположены двѣ маленькія лани, опирающіяся задними ногами о ея плечи, а передними—о голову. Надъ металлическою пластинкою, поддерживаемою голо-

вами этихъ ланей и самой фигуры, изображены два льва, терзающіе большую лань. Прикрѣпленные къ спинамъ и гривамъ львовъ массивные бронзовые завитки, на одномъ изъ которыхъ сохранилось два отверстія, позволяютъ думать, что описываемая статуэтка представляла часть какого-то большаго предмета. Наиболѣе вѣроятнымъ кажется мнѣ, что сверху на этихъ завиткахъ, имѣвшихъ, повидимому, орнаментальное значеніе, утверждалось зеркало или, что также правдоподобно,—бронзовый сосудъ. Дѣло въ томъ, что въ томъ же курганѣ, въ которомъ была найдена статуэтка, вмѣстѣ съ этою послѣднею было найдено и отдѣльное бронзовое изображеніе маленькой лани (фиг. 3),



фиг. 1. фиг. 3. фиг. 2.

Бронзовая статуэтка, найденная въ Херсонѣ.

укрѣпленное на изогнутой металлической пластинкѣ, имѣющей въ себѣ одно отверстіе. Видъ этой пластинки допускаетъ предположеніе, что фигура лани находилась либо на крышкѣ сосуда, либо же украшала собою верхній ободъ зеркала. Можно также далѣе думать, что статуэтка первона-

чально была утверждена на какомъ нибудь постаментѣ: на это указываютъ отверстія, находящіяся на базѣ[1]).

Важное значеніе херсонской находки опредѣляется не только оригинальностью композиціи, но и въ особенности весьма замѣчательными отличіями стиля. Съ перваго взгляда на нашу статуэтку нельзя не признать въ ней разительнаго сходства съ акропольскимъ типомъ коръ, — сходства, проявляющагося и въ костюмѣ, и въ позѣ, и въ особенной манерѣ трактовки деталей. Мы видимъ здѣсь ту же, столь характерную для извѣстной группы коръ формовку волосъ, пряди которыхъ имѣютъ видъ нанизанныхъ бусъ, ту же выпуклость глазнаго яблока, тотъ же рисунокъ рта, ту же стереотипную улыбку, тѣ же тяжелыя складки гиматія, образующія у локтя правой руки нѣчто въ родѣ широкаго рукава, тотъ же выступъ лѣвой ноги, то же образованіе и расположеніе ступней. Весьма знаменательно то обстоятельство, что въ области нижняго Днѣпра, въ мѣстахъ скиоскихъ поселеній, нынѣ удалось найти бронзовую реплику того самаго типа, который до сихъ поръ намъ извѣстенъ былъ почти исключительно по акропольскимъ мраморамъ. Не менѣе важно далѣе установленіе того факта, что типъ коры, очевидно, рано проникъ въ область художественно-промышленнаго производства и что онъ находилъ свое примѣненіе между прочимъ и въ такихъ произведеніяхъ, въ которыхъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, фигура коры играла подчиненную, зависимую роль архитектоническаго мотива, какъ это наблюдается между прочимъ и въ опубликованной Э. Курціусомъ бронзовой статуэткѣ канефоры изъ Нестума (Archäologische Zeitung 1880, стр. 27 см. табл. 6). По общему типу нашъ памятникъ во многихъ отношеніяхъ можетъ быть сближенъ именно съ этою канефорою Курціуса, но что онъ архаичнѣе послѣдней, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Что касается до упомянутаго выше мнѣнія г. Гошкевича, будто бы въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ изображеніемъ Кибелы, то, не отрицая присутствія восточныхъ элементовъ въ разсматриваемой статуэткѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ воздерживаясь отъ какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ предположеній, мы позволимъ себѣ выразить здѣсь наше сомнѣ-

---

[1]) Когда рефератъ мой былъ уже сданъ въ типографію и набранъ, я получилъ отъ В. И. Гошкевича сообщеніе о новой находкѣ, сдѣланной 9-го апрѣля 1896 года поселяниномъ Іосифомъ Гейдтомъ въ курганѣ у деревни Анновки (Печаянской волости, Одесскаго уѣзда). Находка эта, какъ можно видѣть изъ присланной мнѣ литографіи, представляетъ античное металлическое зеркало съ рукояткою въ видѣ мужской фигуры типа такъ называемаго архаическаго Аполлона. Оставляя на будущее время болѣе подробное описаніе этого зеркала, не могу не отмѣтить здѣсь любопытнаго совпаденія между сюжетами херсонской и анновской находокъ съ одной стороны и излюбленными аттическими статуарными типами архаическаго періода—съ другой. А. Д.

ніе относительно возможности такого толкованія. Основанія для этого сомнѣнія состоятъ въ слѣдующемъ: 1) мы почти не знаемъ изображеній Кибелы, которыя бы восходили далѣе V вѣка до Р. Х., между тѣмъ какъ нашъ памятникъ отмѣченъ чертами стиля и техники, свойственными греческому искусству болѣе ранней эпохи[1]); 2) древнѣйшіе изъ доднешнихъ до насъ изображеній Кибелы представляютъ собою *сидящія* статуи; съ другой стороны стоящія статуи этой богини даже и въ болѣе позднее время встрѣчаются сравнительно рѣдко; 3) левъ или львы, правда, считаются весьма частыми и излюбленными аттрибутами Кибелы, но обыкновенно ими бываетъ украшенъ ея тронъ или же они помѣщаются на ея колѣнахъ у ея ногъ и т. п.; на головѣ богини чаще всего имѣетъ modius, принимающій иногда форму башни или городскихъ стѣнъ (срв. *Roscher* Mythol. Lex. s. v. Kybele); наконецъ 4) соединеніе Кибелы съ сиреною или гарпіею, хотя вообще мыслимо, но не находитъ себѣ аналогіи въ имѣющихся пока въ нашемъ распоряженіи памятникахъ. Вообще наличность этой послѣдней довольно загадочной фигуры въ нашемъ изображеніи возбуждаетъ серьезное недоумѣніе и ожидаетъ истолкованія. Мы припомнимъ здѣсь по этому поводу только то, что фантастическія крылатыя существа съ женскими головами и птичьими туловищами, толкуемыя въ качествѣ гарпій, встрѣчаются нерѣдко и на чернофигурныхъ вазахъ среди изображеній дикихъ, преимущественно хищныхъ животныхъ,—пантеръ, львовъ, кабановъ, быковъ, грифовъ и т. п. (срв. Отч. Императорской Археологической Коммиссіи 1866 стр. 33 слл.), въ обществѣ которыхъ представлено одно изъ такихъ существъ на нашей статуэткѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Императорская Археологическая Коммиссія достойнымъ образомъ издастъ столь любопытный и цѣнный памятникъ древняго искусства, и намъ остается только пожелать, чтобы изданіе это не замедлило своимъ появленіемъ въ свѣтъ».

IV. Дѣйств. членъ А. И. Деревицкій представилъ въ Общество 20 фотографическихъ изображеній терракоттъ изъ коллекціи дѣйств. члена Общества А. В. Новикова, причемъ сообщилъ слѣдующее:

---

[1]) Небезъинтересны въ этомъ отношеніи слѣдующія данныя, сообщенныя намъ профессоромъ П. Г. Меликовымъ, съ предупредительною любезностью согласившимся произвести химическій анализъ металлическаго сплава, изъ котораго сдѣлана статуэтка. Сплавъ этотъ заключаетъ въ себѣ: олово 11.53
мѣдь 85.82
свинецъ 2.10
цинкъ 0.24
99.69
(вѣсъ кусковъ бронзы, доставленныхъ для анализа,—0,424 гр.

«Поставивъ своею цѣлью по возможности содѣйствовать приведенію въ общую извѣстность состава частныхъ археологическихъ коллекцій и музеевъ нашего юга, я спѣшу воспользоваться присланными мнѣ на дняхъ изъ Керчи фотографіями для того, чтобы хотя отчасти ознакомить наше Общество съ однимъ изъ любопытнѣйшихъ частныхъ собраній, — именно съ собраніемъ древнихъ пантиканейскихъ терракоттъ, принадлежащихъ А. В. Новикову. Предполагая издать предлагаемые нынѣ вниманію Общества памятники съ подробнымъ о нихъ изслѣдованіемъ, я на этотъ разъ ограничусь, разумѣется, самыми короткими замѣчаніями, какія мнѣ кажутся необходимыми для уясненія смысла настоящихъ изображеній. При этомъ я буду основываться на тѣхъ сообщеніяхъ, которыя сдѣланы мнѣ самимъ владѣльцемъ собранія черезъ любезное посредство нашего неутомимаго сочлена В. В. Шкорпила.

1. Лучшій предметъ коллекціи — односторонняя поясная фигура (plaque) Силена съ младенцемъ Діонисомъ на лѣвой рукѣ и съ чашею — въ правой. Найдена въ Керчи, была разбита на множество кусковъ и потомъ склеена; выс. 0,34 м.

2. Плоская фигура женщины, держащей корзину съ плодами въ лѣвой рукѣ,—по всей вѣроятности поклонница Деметры, несущая ей дары, или же и сама богиня (срв. изображеніе Деметры въ Помпеяхъ, *Müller-Wieseler* Denkmäler d. K. 2, 90) Выс. 0,27 м. На краяхъ одежды, свѣшивающейся съ лѣвой руки, и на подолѣ сохранились слѣды красной краски и узорнаго орнамента.

3—4. Двѣ женскія фигуры, играющія на тимпанахъ; одна изъ нихъ архаическая.

5. Группа, состоящая изъ двухъ сидящихъ на скамьѣ и играющихъ флейтистовъ; найдена въ Керчи, на Глинищѣ, въ саду г Верле. Выс. 0,11 м.

6. Старуха съ (глинянымъ) сосудомъ въ рукахъ,—мотивъ, нѣсколько напоминающій дрезденскую «Старуху» Погари. Выс. 0,15 м.

7. Комическая фигура пьянаго Геракла съ палицею на плечѣ и мѣхомъ (?) въ лѣвой рукѣ; plaque. Выс. 0,11 м. Найдена на Митридатѣ

8. Мальчикъ, отнимающій у собаки щенка. Выс 0,17 м.

9—10. Двѣ фигурки, — а) мальчикъ съ маской въ рукахъ (тождественъ съ терракоттою нашего музея, изданною мною въ XVIII т. Записокъ Общества, но лучшей сохранности) и b) комическая фигура сатира, сидящаго у амфоры съ виномъ. Выс. 0,11 м.

11. Сцена охоты на оленя. Превосходно моделлированы фигуры варвара-всадника, его коня, взвившагося на дыбы, и пораженнаго оленя. Выс. 0,16 м. Терракотта найдена въ Керчи, за «городскимъ садомъ», у сѣверной подошвы Митридата. Сохранились слѣды окраски.

12. Сидящая фигура Аѳродиты; у ногъ ея и сбоку—три эрота. Выс. 0,23 м. «У Аншка, замѣчаетъ В. В. Шкорпилъ въ письмѣ ко мнѣ, есть подобная фигура, причемъ и у него, какъ и въ нашемъ экземплярѣ, у фигурки, стоящей возлѣ гермы съ лѣвой стороны, нѣтъ головы (Боспор. царство III фиг. 77—Reinach, Antiquités du Bosph. C. табл. 65, 1)».

13—16. Четыре маски; изъ нихъ самая большая пріобрѣтена отъ Ерм. Запорожскаго. Выс. 0,20 м.

17—18. Двѣ лампадныя формы съ изображеніями эротическаго характера.

19. Грубое изображеніе варварскаго божества (Астарты?) въ видѣ сидящей на тронѣ женской фигуры съ чашею въ правой и яблокомъ—въ лѣвой рукѣ. Выс 0,22 м.

20. Поясное изображеніе женской фигуры съ оригинальнымъ конусообразнымъ головнымъ уборомъ; plaque. Найдена на Митридатѣ и пріобрѣтена отъ продавца древностей І. Тульмана.

Весьма любопытны также терракотты, составляющія собственность дѣйств. члена нашего Общества А. А. Дирина, фотографическія изображенія коихъ сообщены мнѣ тѣмъ же обязательнымъ В. В. Шкорпиломъ вмѣстѣ съ слѣдующими о нихъ свѣдѣніями:

1. Мальчикъ (эротъ или младенецъ Діонисъ), сидящій на козлѣ съ виноградною кистью въ правой рукѣ. Найденъ недавно въ Керчи, во дворѣ частнаго владѣльца, недалеко отъ Братской церкви, возлѣ дороги, которая ведетъ къ Новому Карантину.

2—4. Три терракотты, также найденныя недавно въ саду г. Верле, въ почвѣ, уже давшей раньше упомянутую выше подъ нумеромъ 5-мъ группу флейтистовъ. Всѣ онѣ лежали въ одной и той же «подбойной гробницѣ»; двѣ изъ нихъ были покрыты толстымъ слоемъ гипсовой массы. На первой, извѣстной въ Керчи на языкѣ такъ назыв. «счастливчиковъ» (кладоискателей) подъ именемъ «*тарахтушки*» и «*гробика*» (дѣтская глиняная игрушка съ шарикомъ внутри), изображены двѣ обнимающіяся фигуры. Длина игрушки 0,14 м., выс.—0,04. Вторая фигура (также игрушка) изображаетъ фокусника (жонглера) съ протянутыми впередъ руками, изъ коихъ правая отбита, въ лѣвой—плоскій сосудъ (тарелочка); на правомъ плечѣ стоитъ дѣвочка съ такимъ же сосудомъ въ правой рукѣ, а на лѣвомъ—два мальчика,—одинъ на плечахъ у другаго; оба тоже держатъ въ рукахъ блюдца или тарелочки. Фокусникъ карикатуренъ и снабженъ большимъ фалломъ. Выс. 0,22 м. Третій предметъ древности, имѣющій въ высоту 0,10 м., по мнѣнію гг. Думберга и Дирина, представляетъ изображеніе женскихъ гениталій».

V. Письмо дѣйств. члена В. В. Шкорпила отъ 23 марта на имя вице-президента съ увѣдомленіемъ о полученіи ста рублей, ассигнованныхъ Обществомъ въ пособіе Мелекъ-Чесменскому музею на 1896 годъ.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

VI. Письмо инженера Мих. Конст. Бурова отъ 19 Апрѣля изъ Полтавы съ предложеніемъ, не пожелаетъ ли музей Общества пріобрѣсть у него разныя древнія монеты и медали для своихъ археологическихъ коллекцій.

Постановили: просить выслать каталогъ.

VII. Отношеніе директора Русскаго Общества Пароходства и Торговли отъ 20 марта на имя вице-президента съ просьбой не отказать сообщить ему копію плана Судакской крѣпости съ обозначеніемъ на немъ границъ того прибрежнаго участка, который отнынѣ будетъ состоять въ пользованіи Общества, и показаніемъ рода и пространства пользованія территоріей крѣпости, которое предоставлено нашимъ Обществомъ нѣмецкой колоніи въ Судакѣ, что представляется важнымъ въ цѣляхъ устраненія всякихъ недоразумѣній между колоніею и Обществомъ Пароходства и Торговли.

Постановили: передать въ Совѣтъ.

VIII. Секретарь предъявилъ присланныя для библіотеки Общества книги: Извѣстія Императорской Академіи наукъ 1896, мартъ и апрѣль; Православный Палестинскій Сборникъ 44 вып. 1896; Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, февраль 1896 г.; Памятники древней письменности CIX — CXIII; Варшавскія университетскія Извѣстія 1896 II, III; Записки историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго университета, части XXXV, XXXVI, XXXVII; Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго университета, годъ LXIII, кн. III; Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества т. XXXI, вып. V и VI (1895); Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго Общества т. 8; Этнографическое Обозрѣніе годъ VII, кн. XXVII; Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи № 24, 1896; В. Б. Антоновичъ, Археологическая карта Кіевской губерніи, Москва 1895; Записки Крымскаго Горнаго Клуба 1896, №№ 2 и 3; Извѣстія Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи за 1895 годъ; Кіевская Рождество-Предтеченская или Борисо-Глѣбская церковь П. П. Петрова 1896; Циркуляръ по Одесскому Учебному Округу 1896, № 3; Протоколы обыкновеннаго собранія Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества №№ 4, 5, 6; Празднованіе 800-лѣтія (1095 — 1895) г. Рязани, Рязань 1896; М. Дринова, О нѣкоторыхъ трудахъ Димитрія Хоматіана С.-Петербургъ 1895; Ив. Мих. Собѣстіанскій, изд. Харьковскаго историко-

филологическаго Общества 1896; Viestnik Hrvatskoga Arheološkoga Drustva Nove serije, godina I, 1895; Kwartalnik historyczny Roczník X, zeszyt II—1896; Bulletino di Archeologia e storia Dalmata, anno XVII, spelato 1891 и anno XIX, 1896; Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft 1895; Numismatischer Verkehr 1896 №№ 3 и 4; Bemerkungen auf Anlan einer wissenschaftlichen Reise in dem Kaukasus in den Jahren 1860—1861 von B. Dorn. S.-Petersb. 1895.

IX. Казначей доложилъ о поступившихъ въ кассу Общества деньгахъ: отъ В. Б. Антоновича членскій взносъ за 1895 и 1896 годы—десять рублей; за проданныя этажерки 10 р. и членскій взносъ А. Пефани за 1891 и 1892 гг. 10 руб.

X. Хранителемъ Одесскаго музея Э. Р. фонъ-Штерномъ предъявлены вновь пріобрѣтенныя двѣ терракоттовыя статуэтки и нѣсколько фибулъ.

Постановили: передать въ музей Общества.

XI. Докладъ д. члена А. И. Маркевича о пожертвованномъ въ прошломъ засѣданіи въ музей Общества г. почетнымъ членомъ А. Л. Бертье-Делагардомъ собственноручномъ рескриптѣ Императора Павла I отъ 30 Января 1801 года.

«Извѣстно, что образовавшаяся въ 1799 г. для борьбы съ революціонной Франціей коалиція, въ составъ которой входила Россія, оказавшаяся даже наиболѣе дѣятельнымъ членомъ ея, распалась въ 1800 г. главнымъ образомъ вслѣдствіе своеобразнаго поведенія Австріи и игнорированія интересовъ Россіи со стороны Великобританіи; оба союзника явно желали лишь эксплоатировать въ своихъ цѣляхъ русскія войска и въ концѣ концовъ выдали ихъ французамъ. Императоръ Павелъ разсорился съ вѣнскимъ и сенъ-джемскимъ кабинетомъ, оставшись впрочемъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ иными второстепенными членами коалиціи, въ томъ числѣ съ Турціей[1]).

Въ числѣ дѣлъ, возбуждавшихъ неудовольствіе Императора Павла противъ Англіи, были и мальтійскія. Государь былъ гроссмейстеромъ мальтійскаго ордена и на этомъ основаніи считалъ себя властителемъ острова Мальты, который былъ тогда занятъ англичанами, отказавшимися возвратить его ордену. Это переполнило чашу терпѣнія Императора Павла[2]), и въ 1800 г. совершился полный разрывъ между Россіей и Англіей: англійскій посланникъ Витвортъ принужденъ былъ вмѣстѣ со всею миссіею поспѣшно покинуть С.-Петербургъ; Высочайшими указами былъ останов-

[1]) См. Милютинъ. Война 1799 года.

[2]) Op. cit. V, стр. 260.

лечь платежъ русскими подданными долговъ англичанамъ, секвестръ былъ наложенъ на всѣ англійскіе суда и товары въ лавкахъ и магазинахъ. Мало того, Императоръ Павелъ попытался даже сблизиться съ Франціей, и предложенныя имъ предварительныя условія мирнаго трактата уже были приняты первымъ консуломъ Наполеономъ Бонапарте, вслѣдствіе чего въ Январѣ 1801 г. Государемъ дано было повелѣніе атаману Донскаго войска, генералу Орлову-Денисову, двинуться со всѣми его казачьими полками на Оренбургъ и черезъ Хиву въ Индію, чего желалъ и Бонапарте, строя фантастическіе планы униженія Англіи. Съ другой стороны въ Балтійскомъ морѣ появился англійскій флотъ[1]).

Такое измѣненіе во внѣшней политикѣ Россіи и убытки отъ прекращенія торговли съ Англіею вызвали въ русскомъ обществѣ большое неудовольствіе (Богдановичъ, Ист. царств. Императора Александра I, т. I, стр. 44); имъ отчасти, а также и англійскими интригами даже объясняютъ катастрофу 11 марта 1801 г.

Оказывается однако, что въ самомъ концѣ царствованія Императоръ Павелъ снова пытался примириться съ Англіей. Недавно наше Общество получило въ даръ отъ своего почетнаго члена А. Л. Бертье-Делагарда случайно пріобрѣтенный имъ отъ одного изъ мѣстныхъ коммиссіонеровъ собственноручный рескриптъ Императора Павла I, который въ виду важности этого документа привожу здѣсь полностью.

С.-Петербургъ.
Генваря 30. 1801.

Въ пополненіе всѣго того, что получите въ мѣстѣ съ симъ нужно мнѣ вамъ сказать что естлибы англинское министерство стало искать срѣдство вступить чрезъ турецкое или васъ со мною въ соглашеніе; то можете вы сему дать ходъ но не иначе какъ съ извѣстною вамъ о Малтѣ кондиціею. Оставляя сіе вашему благоразумію, вашъ благосклонной

Павелъ.

Рескриптъ написанъ на первой страницѣ небольшаго полулиста бумаги, сложеннаго вдвое; а въ самомъ концѣ четвертой, т. е. тоже внѣшней страницы въ уголку сдѣланы инымъ почеркомъ двѣ помѣты:

Получ. 26 февраля.

Отв. 1/13 марта,—

смыслъ которыхъ самъ собою ясенъ.

Прежде всего, разумѣется, возникаетъ вопросъ о подлинности письма, сообщающаго свѣдѣнія, не бывшія, повидимому, въ распоряженіи у луч-

[1]) Милютинъ V, ч. 8.

ныхъ знатоковъ исторіи нашей внѣшней политики (см. напр. Ф. Мартенса Собр. Трак. и Конв. т. IX (X), перев. съ англ., стр. 429); но анализъ показываетъ, что сомнѣваться въ подлинности этого письма не представляется достаточныхъ основаній.

Бумага, на которой написано письмо, имѣетъ водяной знакъ А. М. 1797, т. е соотвѣтствуетъ данному времени; чернила письма (и помѣтокъ) достаточно порыжѣли, почеркъ—конца XVIII—начала XIX вѣка. Я не вполнѣ знакомъ съ почеркомъ Императора Павла I и, хотя мнѣ казалось, что здѣсь—его почеркъ, однако, не довѣряя себѣ, я обращался за справками къ лицамъ, видѣвшимъ не мало собственноручныхъ писемъ этого Государя, и они тоже высказались за принадлежность ему этого письма. Не противорѣчитъ этому и стиль его, который имѣетъ всѣ характеристическія свойства стиля Императора Павла, а тѣмъ болѣе правописаніе письма. Словомъ, внѣшнія данныя говорятъ скорѣе въ пользу его подлинности, чѣмъ противъ нея.

Не противорѣчитъ ей и его содержаніе. Императоръ, только что объявившій войну Англіи, соглашается вступить съ нею въ мирные переговоры; такія перемѣны были вполнѣ въ его характерѣ; тѣмъ не менѣе онъ, какъ можно заключить изъ письма, настаиваетъ на извѣстномъ рѣшеніи вопроса объ остр. Мальтѣ, ставя это главнымъ пунктомъ для начала соглашенія, что вполнѣ соотвѣтствуетъ тогдашнему увлеченію Государя дѣлами ордена. Наконецъ, согласіе вести переговоры при посредствѣ турецкаго министерства вполнѣ естественно, потому что, какъ я сказалъ выше, несмотря на выходъ Россіи изъ коалиціи, съ Турціей сохранились отношенія дружелюбныя, и черезъ Константинополь все же было для Россіи удобнѣе вести переговоры, чѣмъ напримѣръ черезъ Лиссабонъ или Неаполь.

Не трудно опредѣлить, къ кому было адресовано письмо: упоминаніе въ немъ турецкаго министерства дѣлаетъ несомнѣннымъ предположеніе, что это письмо было послано въ Константинополь къ лицу, которое было тамъ представителемъ Россіи, а такимъ съ 1798 г. по 1802 г. состоялъ посланникъ тайн. совѣтн. Василій Степановичъ Томара (см. В. Тепловъ Русск. Представители въ Царьградѣ Спб. 1891 г., стр. 72); имъ же, по всей вѣроятности, сдѣланы и помѣтки о времени полученія письма и отправки отвѣта[1]). Значительнымъ разстояніемъ отъ С.-Петербурга до Константинополя должно быть объяснено, что письмо, написанное Государемъ 30 января, получено было посланникомъ 26 февраля (вѣроятно, стараго стиля); отвѣтъ же посланъ былъ очень скоро, черезъ 3 дня и, конечно, пришелъ уже къ новому Государю. Что заключалъ въ себѣ этотъ отвѣтъ и дополненіемъ къ какимъ посланнымъ бумагамъ явилось письмо, мнѣ не извѣстно; но, вѣроятно, все это сохранилось въ государственномъ архивѣ

и будетъ рано или поздно опубликовано. Во всякомъ же случаѣ вскрывается любопытный фактъ, что Императоръ Павелъ незадолго до смерти желалъ примириться съ Англіей. Да это и понятно: едва ли Государю съ такими политическими взглядами и традиціями могъ быть особенно симпатиченъ союзъ съ революціонною Франціей. Императоръ Павелъ могъ временно съ одной стороны увлечься славою Бонапарта, съ другой быть ему благодарнымъ за отношеніе къ русскимъ плѣнимымъ, особенно сопоставивъ его съ отношеніемъ къ русскимъ войскамъ такъ называемыхъ союзниковъ; но эти чувства были у него эфемерными, а вражда къ революціонной Франціи традиціонною».

XII. Принесены д. чл. А. И. Маркевичемъ отъ наслѣдниковъ покойнаго почетнаго члена Общества П. О. Бурачкова письма и бумаги послѣдняго при описи этихъ матеріаловъ, составленной г. Маркевичемъ.

Постановили: напечатать въ Смѣси XIX тома «Записокъ Общества», а вдову благодарить за пожертвованныя бумаги ея покойнаго мужа.

XIII. Производили выборы: 1) въ члены Совѣта, 2) въ члены Издательскаго Комитета и 3) библіотекаря Общества. По баллотировкѣ оказались избранными:

1) въ члены Совѣта: А. Л. Бертье-Делагардъ, А. И. Деревицкій, А. В. Лонгиновъ, Е. И. Перетятковичъ;

2) въ Издательскій Комитетъ: А. А. Кочубинскій, П. Ѳ. Красносельцевъ, А. И. Маркевичъ;

3) библіотекаремъ Общества: А. В. Никитскій.

---

[1]) Переходъ письма Императора Павла I въ частныя руки и затѣмъ даже на рынокъ не представляетъ ничего исключительнаго: это имѣло мѣсто и съ болѣе важными документами.

297 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

24-го Мая 1896 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице-президента *В. П. Юргевича*, при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, почетный гость академикъ *В. К. Ернштедтъ* и гг. дѣйствительные члены: *В. П. Мочульскій*, *Х. П. Яцуржинскій*, *А. П. Маркевичъ*, *Л. В. Лопгиновъ*, *С. А. Селивановъ*, *А. Ф. Бруни*, *Г. П. Перетятковичъ*, *Л. С. Мацыевичъ*, *П. Ю. Вучина*, *А. И. Деревицкій*, *Э. Р. фонъ-Штернъ* и *А. А. Кочубинскій*.

Слушали:

I. Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Общества въ 1895 году.

Постановили: отчетъ утвердить и, напечатавъ, поднести чрезъ посредство г. министра народнаго просвѣщенія Его Величеству Государю Императору Августѣйшему Покровителю Общества, а также почетнымъ членамъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ Михаилу Николаевичу, Сергію Александровичу, Константину Константиновичу и Георгію Михаиловичу и препроводить проэктъ почетнымъ и дѣйствительнымъ членамъ, корреспондентамъ и начальствующимъ въ городѣ лицамъ.

II. Воспоминаніе дѣйств. члена А. П. Маркевича о покойномъ секретарѣ В. А. Яковлевѣ.

Постановили: память покойнаго почтить вставаніемъ, а воспоминанія напечатать среди некрологовъ въ XIX т. Записокъ.

Вице-президентъ доложилъ о смерти почетнаго члена Ѳеодора Андреевича Бюллера.

Память покойнаго почтили вставаніемъ.

Письмо д. чл. В. В. Шкорпила на имя вице-президента отъ 8 мая съ увѣдомленіемъ объ отправленномъ имъ въ Одессу ящикѣ съ терракот-

тою фигуркою, найденною въ Керчи на Глинищѣ и купленной у Ермолая Запорожскаго за 7 рублей.

Въ этомъ же письмѣ г. Шкорпилъ увѣдомляетъ, что его братья изъявляютъ величайшую готовность разыскивать древнія монеты Оракіи и Мизіи.

Постановили: терракотту передать въ музей.

Секретарь предъявилъ присланные для библіотеки Общества книги: Описаніе Бахчисарайскаго дворца съ планомъ академика архитектуры Г. Котова; Отчетъ по Минусинскому музею за 1895 г.; Ученыя записки Императорскаго Казанскаго Университета ч. LXIII кн. 4; Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1895 годъ; Bulletino di archeologia e storia dalmata anno XIX; Numismatische Correspondenz Januar-Fevrnar 1896; Berliner Münzblätter № 182 October 1895; Записки Крымскаго Горнаго Клуба 1896 г. № 4; Циркуляръ по Одесскому Учебному Округу 1896 № 4.

Постановили: передать въ библіотеку.

Докладъ казначея о поступившихъ въ кассу Общества деньгахъ: пособіе Обществу за Майскую треть 833 рубля 33 коп.; членскій взносъ за 1896 годъ отъ дѣйств. членовъ Владислава Вячеславовича Шкорпила 5 руб., отъ Гермина Вячеславовича Шкорпила 5 руб., отъ Карла Вячеславовича Шкорпила 5 рублей, отъ А. А. Дирина 5 рублей и отъ д. чл. И. Ѳ. Федорова—5 р членскаго взноса и 10 р. за дипломъ.

Предложеніе Совѣта Общества объ избраніи въ дѣйств. члены профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, академика Виктора Карловича Ернштедта и завѣдывающаго Херсонскимъ музеемъ древностей Виктора Ивановича Гошкевича.

При баллотировкѣ первый избранъ единогласно, второй большинствомъ голосовъ.

На основаніи Высочайшаго повелѣнія
12 Января 1873 г. утверждаю.
Министръ Народнаго Просвѣщенія,
Статсъ-Секретарь *Графъ Делянновъ.*
25 Февраля 1896 года.

УСТАВЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

I. Цѣль Общества.

§ 1.

Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, состоящее подъ Августѣйшимъ Его Величества Государя Императора покровительствомъ, имѣетъ цѣлью всестороннее изученіе исторіи и археологіи вообще, а преимущественно южной Россіи, то есть Новороссійскаго края, Бессарабіи, Крыма и восточнаго берега Чернаго моря.

§ 2.

Въ кругъ занятій Общества входятъ:

а) собираніе, описаніе и храненіе остатковъ древностей, преимущественно мѣстныхъ;

б) изученіе и объясненіе письменныхъ памятниковъ, имѣющихъ отношеніе къ древностямъ южной Россіи;

в) устройство ученыхъ экспедицій и экскурсій для археологическихъ изслѣдованій и раскопокъ;

г) предложеніе ученыхъ задачъ на конкурсъ и назначеніе премій за сочиненія историческаго и археологическаго содержанія;

д) изданіе историко-археологическихъ изслѣдованій и матеріаловъ.

II. Составъ Общества.

§ 3.

Общество состоитъ изъ членовъ: почетныхъ, дѣйствительныхъ и корреспондентовъ. Членами могутъ быть какъ русскіе, такъ и иностранцы.

§ 4.

Въ почетные члены избираются лица:

а) выдающіяся своими учеными трудами по предметамъ, входящимъ въ кругъ занятій Общества;

б) могущія, по своему общественному положенію и любви къ наукамъ, содѣйствовать цѣлямъ Общества;

в) оказавшія особыя услуги Обществу.

§ 5.

Предложенія объ избраніи въ почетные члены дѣлаются собранію Общества его совѣтомъ, по почину совѣта, или по заявленію, письменно внесенному въ совѣтъ шестью членами. Въ слѣдующемъ затѣмъ собраніи Общества избраніе предложеннаго почетнаго члена производится открытою подачею голосовъ, при чемъ для дѣйствительности избранія требуется большинство голосовъ двухъ третей всѣхъ присутствующихъ.

§ 6.

Въ дѣйствительные члены избираются лица, посвящающія труды свои какой-либо части наукъ исторіи и древностей, а равно и извѣстныя своею полезною дѣятельностью любители и собиратели древностей, могущіе способствовать достиженію цѣлей Общества.

§ 7.

Предложенія объ избраніи въ дѣйствительные члены дѣлаются собранію Общества его совѣтомъ, по почину совѣта, или по заявленію, письменно внесенному въ совѣтъ тремя членами. Въ слѣдующемъ затѣмъ собраніи Общества избраніе предложеннаго дѣйствительнаго члена производится закрытою подачею голосовъ.

§ 8.

Въ члены корреспонденты избираются лица, могущія содѣйствовать цѣлямъ Общества. Званіе члена корреспондента пріобрѣтается порядкомъ, указаннымъ въ предшедшемъ параграфѣ (7).

§ 9.

Каждый членъ Общества, по избраніи его, получаетъ дипломъ на соотвѣтственное званіе, за подписью президента, вице-президента и секретаря, съ приложеніемъ печати Общества.

§ 10.

Неполучившій необходимаго для избранія въ члены числа голосовъ (§§ 5 и 28) можетъ быть предложенъ вновь въ члены, но не ранѣе какъ черезъ годъ.

§ 11.

Члены дѣйствительные и корреспонденты выбываютъ изъ состава Общества по письменному заявленію или о томъ своего желанія, или же, если въ теченіи трехъ лѣтъ ничѣмъ не выразятъ своего содѣйствія Обществу. Постановленіе Общества о выбытіи члена дѣлается на основаніи предложенія совѣта.

III. Обязанности и права членовъ.

§ 12.

Дѣйствительные члены вносятъ ежегодно въ кассу Общества по пяти рублей. Единовременный взносъ въ сто рублей освобождаетъ на всегда отъ ежегодныхъ взносовъ. Заграничные члены отъ взносовъ освобождаются.

§ 13.

Совѣтъ Общества можетъ освободить дѣйствительнаго члена отъ ежегодныхъ взносовъ временно или навсегда.

§ 14.

Члены почетные и корреспонденты и должностныя лица Общества не обязываются къ членскимъ взносамъ.

§ 15.

Всѣ члены Общества передаютъ въ библіотеку Общества по одному экземпляру своихъ печатныхъ трудовъ, относящихся къ кругу занятій Общества.

§ 16.

Всѣ члены содѣйствуютъ Обществу доставленіемъ ему ученыхъ свѣдѣній и ознакомленіемъ его съ памятниками, находящимися въ ихъ собственности или завѣдываніи.

§ 17.

Дѣйствительные члены платятъ за дипломъ по десяти рублей, а члены корреспонденты—по пяти рублей; заграничные члены отъ этой платы освобождаются.

§ 18.

Почетные и дѣйствительные члены пользуются равными правами.

§ 19.

Почетные и дѣйствительные члены присутствуютъ на всѣхъ собраніяхъ Общества съ правомъ голоса; разсматриваютъ отчетность, дѣла и протоколы Общества, избираются во всѣ должности и комиссіи по Обществу, а также и въ качествѣ его представителей при ученыхъ командировкахъ, и входятъ въ совѣтъ съ предложеніями по всѣмъ касающимся Общества дѣламъ.

§ 20.

Члены корреспонденты присутствуютъ въ собраніяхъ Общества съ правомъ голоса совѣщательнаго.

§ 21.

Всѣ члены Общества пользуются его библіотекой и коллекціями по правиламъ, выработаннымъ совѣтомъ и утвержденнымъ Обществомъ.

IV. Общія собранія.

§ 22.

Собранія Общества бываютъ очередныя, чрезвычайныя и годичныя.

§ 23.

Очередныя собранія назначаются не менѣе раза въ мѣсяцъ, за исключеніемъ Іюня, Іюля и Августа.

§ 24.

Предметы занятій очередныхъ собраній составляютъ: а) чтеніе и обсужденіе рефератовъ; б) научныя сообщенія и бесѣды; в) принятіе мѣръ къ наиболѣе успѣшному достиженію цѣлей Общества; г) обсужденіе и разрѣшеніе заявленій и дѣлъ, поступающихъ отъ президента и совѣта; д) избраніе членовъ и должностныхъ лицъ; е) избраніе ученыхъ коммисій, съ опредѣленіемъ ихъ задачъ, и снабженіе спеціальными порученіями отдѣльныхъ членовъ Общества; ж) утвержденіе инструкцій должностнымъ лицамъ Общества и подвѣдомственнымъ ему учрежденіямъ; з) утвержденіе отчетовъ и смѣтъ.

§ 25.

Чрезвычайныя собранія назначаются: а) для избранія должностныхъ лицъ Общества на мѣсто выбывшихъ ранѣе срока; б) для обсужденія предметовъ особой важности. Означенныя собранія созываются или по опредѣленію совѣта, или по мотивированному заявленію пяти членовъ Общества, внесенному въ совѣтъ.

§ 26.

Годичное собраніе назначается не позже Марта мѣсяца. Въ немъ: а) заслушивается и утверждается общій отчетъ о дѣятельности Общества за истекшій годъ; б) объявляются конкурсы, читаются ихъ результаты и присуждаются преміи и награды.

§ 27.

Въ очередныя собранія, съ разрѣшенія предсѣдательствующаго, могутъ быть допущены постороннія лица. Годичныя собранія, по

опредѣленіямъ Общества, могутъ быть или публичными, или открытыми лишь для лицъ, получившихъ приглашеніе.

§ 28.

Всякое собраніе считается состоявшимся и дѣйствительнымъ, если въ немъ присутствуетъ не менѣе десяти членовъ съ правомъ голоса. Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда предлагаются вопросы о присужденіи премій и наградъ, объ измѣненіи устава, или объ отчужденіи какого-бы то ни было имущества Общества, требуется присутствіе не менѣе 15 членовъ съ правомъ голоса. Вопросы рѣшаются, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ §§ 5 и 40, простымъ большинствомъ голосовъ, при равенствѣ которыхъ голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

§ 29.

По каждому засѣданію Общества составляется секретаремъ протоколъ, который подписывается всѣми присутствующими членами. Протоколы могутъ быть печатаемы и разсылаемы по опредѣленію и указанію Общества.

§ 30.

Годовой отчетъ Общества, читанный въ годичномъ собраніи, печатается отдѣльно или въ запискахъ Общества. Онъ подносится, чрезъ Министра Народнаго Просвѣщенія, Августѣйшему Покровителю Общества и Членамъ Императорской Фамиліи, соизволившимъ принять званіе почетныхъ членовъ Общества. Этотъ отчетъ разсылается также всѣмъ членамъ и вообще кому совѣтъ или президентъ признаетъ полезнымъ таковой сообщить.

V. Должностныя лица.

§ 31.

Должностныя лица Общества суть: Президентъ, вице-президентъ, секретарь, казначей, библіотекарь, хранители Одесскаго и Ѳеодосійскаго музеевъ, Мелекъ-Чесменскаго кургана въ Керчи и Судакской крѣпости.

§ 32.

Президентъ есть блюститель правъ Общества и порядка въ его дѣлахъ. Онъ заботится о томъ, чтобы всѣ дѣйствія Общества направлялись къ достиженію его цѣлей, въ строгой сообразности съ уставомъ его; созываетъ собранія Общества и совѣта и предсѣдательствуетъ въ оныхъ. Президентъ вправѣ производить ревизію музеевъ, библіотеки и вообще всѣхъ дѣлъ Общества, и объ оказавшемся, поставивъ въ извѣстность совѣтъ, сообщаетъ Обществу. Въ случаяхъ, потерпящихъ отлагательства, когда невозможно собрать совѣтъ, президентъ разрѣшаетъ самъ расходы до трехсотъ рублей, о чемъ доводитъ до свѣдѣнія совѣта въ первомъ его собраніи.

§ 33.

Вице-президентъ замѣщаетъ собою президента въ случаѣ его отсутствія или по его порученію, и тогда пользуется всѣми правами президента. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія вице-президента, обязанности его исполняетъ членъ совѣта, старшій по времени избранія въ члены Общества.

§ 34.

На обязанности секретаря лежитъ все дѣлопроизводство и вся переписка Общества. Никакой исходящій отъ Общества письменный актъ не имѣетъ силы безъ скрѣпы секретаря, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть хранитель архива и печати Общества. Онъ-же вскрываетъ поступающіе на имя Общества пакеты и письма, внося ихъ во входящую книгу, а всей перепискѣ Общества ведетъ исходящую книгу. Секретарь составляетъ ежегодно, къ годичному собранію, въ порядкѣ, указанномъ совѣтомъ, отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Общества за истекшій годъ, на основаніи архивныхъ документовъ и свѣдѣній, доставленныхъ хранителями музеевъ и древнихъ сооруженій, библіотекаремъ и казначеемъ. Составленный отчетъ представляется совѣту Общества, которымъ вносится въ годичное собраніе. Въ распоряженіи секретаря находится письмоводитель и сумма, назначенная по смѣтѣ Общества на канцелярскіе расходы.

§ 35.

Казначей завѣдываетъ денежными дѣлами Общества и ведетъ по нимъ счеты. Онъ принимаетъ всѣ поступающія въ Общество суммы, наблюдаетъ за поступленіемъ членскихъ взносовъ и продажею изданій Общества, которыя и поступаютъ, по напечатаніи, въ его вѣдѣніе. Расходы казначей производитъ по предложеніямъ президента, скрѣпленнымъ секретаремъ, очищая расходы оправдательными документами. На записку приходо-расходныхъ суммъ ему выдается ежегодно шнуровая книга за подписью президента, скрѣпою секретаря и печатью Общества. Всѣ денежныя суммы и процентныя бумаги Общества казначей хранитъ въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ или казначействѣ, по указанію совѣта, причемъ наблюдаетъ за обмѣномъ процентныхъ бумагъ и полученіемъ по нимъ процентовъ. Денежныя суммы Общества могутъ быть обращаемы въ процентныя бумаги только правительственныя или правительствомъ гарантированныя. На текущіе расходы по Обществу казначей можетъ хранить у себя до трехсотъ рублей.

§ 36.

Библіотекарь завѣдываетъ библіотекою Общества. Онъ составляетъ каталоги книгъ и рукописей, выдаетъ книги для чтенія, наблюдаетъ за ихъ возвращеніемъ, заботится о пополненіи библіотеки и вообще объ организаціи библіотечнаго дѣла, представляя о всѣхъ нуждахъ библіотеки совѣту.

§ 37.

Хранители музеевъ, Одесскаго и Ѳеодосійскаго и древнихъ сооруженій, Мелекъ-Чесменскаго кургана и крѣпости Судака, завѣдываютъ всѣми наличными и вновь поступающими коллекціями и предметами древностей, принимая мѣры къ поддержанію состоящихъ въ распоряженіи Общества древнихъ сооруженій, составляютъ систематическіе указатели и описанія, занося вновь поступающее имущество въ шнуровыя книги, выдаваемыя за подписью президента и секретаря и печатью Общества; заботятся о пополненіи ввѣренныхъ ихъ храненію коллекцій, исправленіи и возобновленіи зданій, для чего дѣлаютъ соотвѣтственныя представленія совѣту Общества.

§ 38.

Казначей, библіотекарь и хранители музеевъ и древнихъ сооруженій обязаны составлять за каждый истекшій годъ отчеты, по указаніямъ совѣта Общества, и таковые доставлять секретарю не позже 1 Февраля каждаго года.

§ 39.

Должности хранителя Одесскаго музея и библіотекаря могутъ быть соединяемы съ другою должностью по Обществу.

§ 40.

Поименованныя выше должностныя лица избираются Обществомъ въ годичныхъ собраніяхъ, на три года: президентъ большинствомъ двухъ третей, а остальныя простымъ большинствомъ голосовъ; всѣ, за исключеніемъ президента, закрытымъ голосованіемъ.

§ 41.

По истеченіи трехлѣтняго срока тѣ-же лица могутъ быть вновь избраны въ тѣ-же, или иныя должности.

§ 42.

Если кто либо изъ должностныхъ лицъ выбудетъ до истеченія срока, то онъ немедленно замѣщается избраннымъ въ первомъ-же собраніи другимъ лицомъ, но лишь на срокъ, остающійся до общихъ выборовъ. Въ случаѣ болѣзни или временнаго отсутствія секретаря, казначея, библіотекаря и хранителей музеевъ, исполненіе обязанностей каждаго изъ нихъ возлагается совѣтомъ Общества на одного изъ членовъ по взаимному съ нимъ соглашенію. Казначей сдаетъ должность своему временному замѣстителю при документѣ, удостовѣряющемъ состояніе кассы Общества, и при подобномъ-же документѣ принимаетъ оную обратно. Въ случаѣ неприбытія секретаря въ засѣданіе Общества, обязанность его возлагается предсѣдательствующимъ на одного изъ присутствующихъ членовъ, изъявившаго на то согласіе.

VI. Совѣтъ Общества.

§ 43.

Совѣтъ составляютъ непремѣнные члены: Президентъ, вице-президентъ, секретарь и казначей; кромѣ того, въ составъ совѣта входятъ 4 члена, избранные въ общемъ собраніи, на 3 года. По мѣрѣ надобности въ засѣданія совѣта приглашаются библіотекарь, хранители музеевъ и посторонніе лица, съ правомъ совѣщательнаго голоса.

§ 44.

Президентъ назначаетъ засѣданія совѣта по мѣрѣ надобности ежемѣсячно, оповѣщая о томъ членовъ повѣстками, въ которыхъ означаются подлежащія обсужденію дѣла. Постановленія совѣта считаются дѣйствительными при участіи въ засѣданіи не менѣе четырехъ членовъ, въ томъ числѣ по крайней мѣрѣ одного непремѣннаго. Секретарь ведетъ протоколы засѣданій совѣта. Всѣ вопросы рѣшаются большинствомъ голосовъ, при равенствѣ которыхъ голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

§ 45.

На совѣтъ возлагаются содѣйствіе Обществу въ достиженіи его научныхъ цѣлей (по § 2) и направленіе его научныхъ занятій, а равно завѣдываніе хозяйственною и распорядительною частью. Въ сихъ видахъ совѣтъ:

а) составляетъ проекты правилъ и инструкцій для развѣдокъ, экспедицій и экскурсій;

б) входитъ въ сношенія съ правительственными и общественными учрежденіями, съ учеными обществами и частными лицами, какъ по собственной иниціативѣ, такъ и по постановленію общаго собранія;

в) подготовляетъ задачи для научнаго изслѣдованія и сообщаетъ матеріалы для изданій Общества, и необходимыя свѣдѣнія по подлежащимъ разрѣшенію общаго собранія вопросамъ;

г) изыскиваетъ мѣры къ пополненію коллекцій музеевъ Общества;

д) ведетъ хозяйственныя дѣла Общества по его указаніямъ;

е) докладываетъ Обществу о всѣхъ поступившихъ предложеніяхъ о временномъ замѣщеніи должностныхъ лицъ и о выбывшихъ членахъ;

ж) распоряжается расходомъ суммъ, назначенныхъ по утвержденной смѣтѣ;

з) составляетъ смѣты, какъ общія годовыя, такъ и частныя,— по каждому особому обстоятельству, вызывающему непредвидѣнный расходъ, повѣряетъ составленные по его указаніямъ отчеты и представляетъ означенные смѣты и отчеты на утвержденіе общаго собранія.

VII. Изданія Общества.

§ 46.

Общество издаетъ свои ученые труды или въ своихъ запискахъ, или же отдѣльными выпусками.

§ 47.

Каждый почетный и дѣйствительный членъ, принимающій какое-либо участіе въ дѣлахъ Общества, имѣетъ право на безплатное полученіе одного экземпляра повременныхъ изданій Общества, а также отчетовъ и протоколовъ, печатанныхъ послѣ избранія въ члены. Это право не распространяется на отдѣльныя изданія Общества.

§ 48.

Авторы помѣщаемыхъ въ изданіяхъ Общества статей имѣютъ право, если заявятъ о томъ желаніе до напечатанія, на безплатное полученіе двадцати пяти экземпляровъ оттисковъ своихъ трудовъ. Полученіе авторами бо́льшаго количества экземпляровъ зависитъ отъ взаимнаго въ каждомъ случаѣ соглашенія автора съ совѣтомъ Общества.

§ 49.

Для редактированія изданій Общества составляется издательскій комитетъ изъ президента, секретаря и трехъ членовъ. Послѣдніе из-

бираются въ годичномъ собраніи Общества, на три года, при закрытомъ голосованіи.

§ 50.

Засѣданія издательскаго комитета считаются дѣйствительными при наличности трехъ членовъ. Всѣ вопросы въ издательскомъ комитетѣ рѣшаются большинствомъ голосовъ, при равенствѣ которыхъ голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Протоколы засѣданій комитета ведутся секретаремъ.

§ 51.

Рѣшеніе вопросовъ, возникающихъ по разсмотрѣнію предлагаемыхъ къ напечатанію трудовъ, предоставляется комитету. Онъ опредѣляетъ время и порядокъ ихъ изданія и, съ согласія авторовъ, дѣлаетъ сокращенія и измѣненія.

§ 52.

Комитетъ можетъ приглашать въ свои засѣданія и не принадлежащихъ къ обществу свѣдущихъ лицъ, съ правомъ рѣшающаго голоса по предложеннымъ имъ вопросамъ.

§ 53.

По хозяйственнымъ вопросамъ, связаннымъ съ изданіями Общества, комитетъ входитъ въ сношенія съ совѣтомъ, который таковые рѣшаетъ самъ, или вноситъ на обсужденіе общаго собранія.

VIII. Средства Общества.

§ 54.

Денежныя средства Общества составляютъ:

а) Высочайше назначенное Обществу ежегодное изъ Государственнаго Казначейства пособіе;

б) ежегодные и единовременные членскіе взносы и платежи за дипломы по §§ 12 и 17 сего устава;

в) суммы, пожертвованныя въ пользу Общества;

г) суммы, выручаемыя отъ продажи изданій Общества;

д) остатки отъ процентовъ съ капитала Княжевича, согласно утвержденнымъ правиламъ;

е) проценты съ капиталовъ Общества.

§ 55.

Расходованіе принадлежащихъ Обществу суммъ производится на основаніи общихъ и частныхъ смѣтъ, составляемыхъ по правиламъ вышеуказаннымъ.

IX. Права Общества.

§ 56.

По Высочайше объявленному въ 1847 году повелѣнію, древности, находимыя въ Новороссійскомъ краѣ и не поступающія въ С.-Петербургскія хранилища, предоставляются музеямъ Общества.

§ 57.

Если Общество получитъ свѣдѣніе, что какой-либо изъ памятниковъ древности, находящихся въ предѣлахъ его дѣятельности, подвергается разрушенію или отъ небреженія, или отъ недостатка средствъ къ поддержанію, то оно или само, буде имѣетъ средства, принимаетъ мѣры къ его поддержанію, или ходатайствуетъ о матеріальномъ содѣйствіи.

§ 58.

Общество имѣетъ свои большую и малую печати съ изображеніемъ Императорскою короною украшеннаго щита, раздѣленнаго на четыре части, съ гербами губерній: Херсонской, Екатеринославской, Таврической и Бессарабской; кругомъ всего надпись: печать Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

§ 59.

Общество пользуется правомъ имѣть своихъ коммиссіонеровъ внутри Имперіи и заграницей, съ предоставленіемъ имъ называться коммиссіонерами Общества.

805.57.

Преміи, находящіяся въ распоряженіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Симъ доводится до свѣдѣнія, что въ распоряженіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей находятся слѣдующія постоянныя и временныя преміи, предназначенныя для поощренія историко-археологическихъ трудовъ, относящихся къ югу Россіи:

I. Первая, постоянная, премія имени основателя Общества, Дмитрія Максимовича Княжевича, учреждена въ память исполнившагося 50-лѣтія Общества его дочерьми: Маріей, Елизаветой и Екатериной Княжевичами.

Она составилась изъ процентовъ съ 2 билетовъ 3-го восточнаго займа, а теперь, по конверсіи, съ двухъ билетовъ 4 процентной государственной ренты по 1000 руб. каждый, накопляющихся въ теченіи каждыхъ пяти лѣтъ, начиная съ 14 ноября 1889 г. Такимъ образомъ срокъ прекращенія первой по времени преміи наступилъ 14 ноября 1894 года. Премія присуждается за выдающійся историко-археологическій трудъ, вышедшій въ теченіи каждаго изъ пятилѣтій и касающійся юга Россіи. Къ наступившему указанному сроку премія имени Княжевича присуждена не была. Слѣдующій срокъ 14 ноября 1899 года.

II. Вторая, временная, премія—Одесской Городской Думы, въ 500 р., за сочиненіе по археологіи и исторіи Новороссійскаго края, выдается съ тѣмъ условіемъ, что сочиненіе, помимо всего другаго, должно быть рукописное и, при удостоеніи, печатается на счетъ города. Срокъ выдачи преміи не опредѣленъ и конкурсъ на нее открытъ въ теченіи всего года.

III. Третья, временная, премія учреждена 1-го января 1894 года на средства, жертвуемыя почетнымъ членомъ Общества, А. Л. Бертье-Делагардомъ, въ размѣрѣ 600 рублей, за лучшее рукописное и оригинальное сочиненіе по исторіи и археологіи Новороссійскаго края и преимущественно Крыма, на любомъ изъ европейскихъ языковъ. Сочиненіе представляется на имя Общества къ 1 января наступающаго года, до тѣхъ поръ, пока на данную тему не будетъ выдана награда или сама тема не будетъ снята съ очереди. Присужденіе преміи имѣетъ мѣсто не позже апрѣля соотвѣтствующаго года. Въ 1894 г. предложены были на соисканіе преміи слѣдующія двѣ темы.

1) «Исторія и государственное устройство Херсонеса по извѣстіямъ писателей, равно какъ по этнографическимъ и археологическимъ даннымъ, отъ древнѣйшаго времени до эпохи Юстиніана»

2) «Историко-этнографическое изученіе русскаго черноморскаго побережья въ VIII—X вѣкахъ».

Къ 4 января 1895 г. отвѣты на предложенныя темы не были представлены, и въ виду того темы не сняты съ очереди.

IV. Такъ какъ почетный членъ Общества А. Л. Бертье-Делагардъ 1 января 1895 г. пожертвовалъ еще 600 р. съ тою-же цѣлью, то предложены на соисканіе этой новой преміи въ размѣрѣ названной суммы, двѣ еще темы:

1) «Торговыя сношенія греческихъ колоній на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря въ эпоху древняго міра».

2) «Южная Русь и Византія, въ ихъ сношеніяхъ, въ XI столѣтіи».

Кромѣ означенныхъ темъ на соисканіе послѣднихъ двухъ премій имени А. Л. Бертье-Делагарда могутъ быть представляемы рукописныя и оригинальныя сочиненія на любую тему по исторіи и археологіи Новороссійскаго края и преимущественно Крыма.

Изданія Общества.

1) Торжественное собраніе Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 4 февраля 1840 г. Одесса, 1841, in 4.

2) Descriptio musei publici Odessani part I, continens nommophylacium Odessanum. *N. Mursakevicz.* Odessa 1841, in 4.

3) Описаніе куфическихъ монетъ X вѣка, найденныхъ въ Рязанской губерніи въ 1839 году, *В. Григорьева.* С.-Петербургъ 1841, in 4.

4) Prospectus der ältesten hebräischen und russischen Manuscripte. Ein Beitrag zur biblischen Exegese, von *Dr. Pinner.* Odessa 1845, in 8.

5) Исторіи о Козакахъ запорожскихъ князя *Мышецкаго*, Одесса 1851, in 8.

6) Очеркъ заслугъ, оказанныхъ наукамъ свѣтлѣйшимъ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, *И. Мурзакевича.* Одесса 1861. in 8.

7) Краткій указатель музея Императорскаго Общества Исторіи и Древностей. *В. Юргевича.* Одесса 1890, in 8.

8) Notice sur la Société Odessoise d'Histoire et d'Antiquités et des memoires par *Ph. Brunn.* Odessa 1875. in 12.

9) Die orientalischen Münzen des Museum der Kaiserlichen historisch-archäologischen Gesellschaft zu Odessa, von *Dr O. Blau*, Odessa 1876, in 4.

10) Указатель Феодосійскаго Музея Древностей, Одесса 1890, in 8.

11) Каталогъ картамъ, планамъ, чертежамъ и видамъ, хранящимся въ музеѣ Одесскаго Общества Древностей, *А. Бертье-Делагарда*, Одесса, 1888, in 8.

12) Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса 1844—1896, XIX томовъ (XV in 4 и VI in 8).

13) Перечень статей, помѣщенныхъ въ изданныхъ XIII томахъ Записокъ Одесскаго Общества, Одесса 1883 г.

14) Историческій очеркъ пятидесятилѣтія дѣятельности Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (1839—1888), составилъ вице-президентъ Общества *В. Юргевичъ* къ юбилею Общества 14 ноября 1889 года

15) Пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности В. П. Юргевича, вице-президента Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Составилъ секретарь Общества *В. А. Яковлевъ*, Одесса 1892 г.

Печатается: Музей Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Вып. I. Терракотты.

Рис. 1.

Рис. 2.

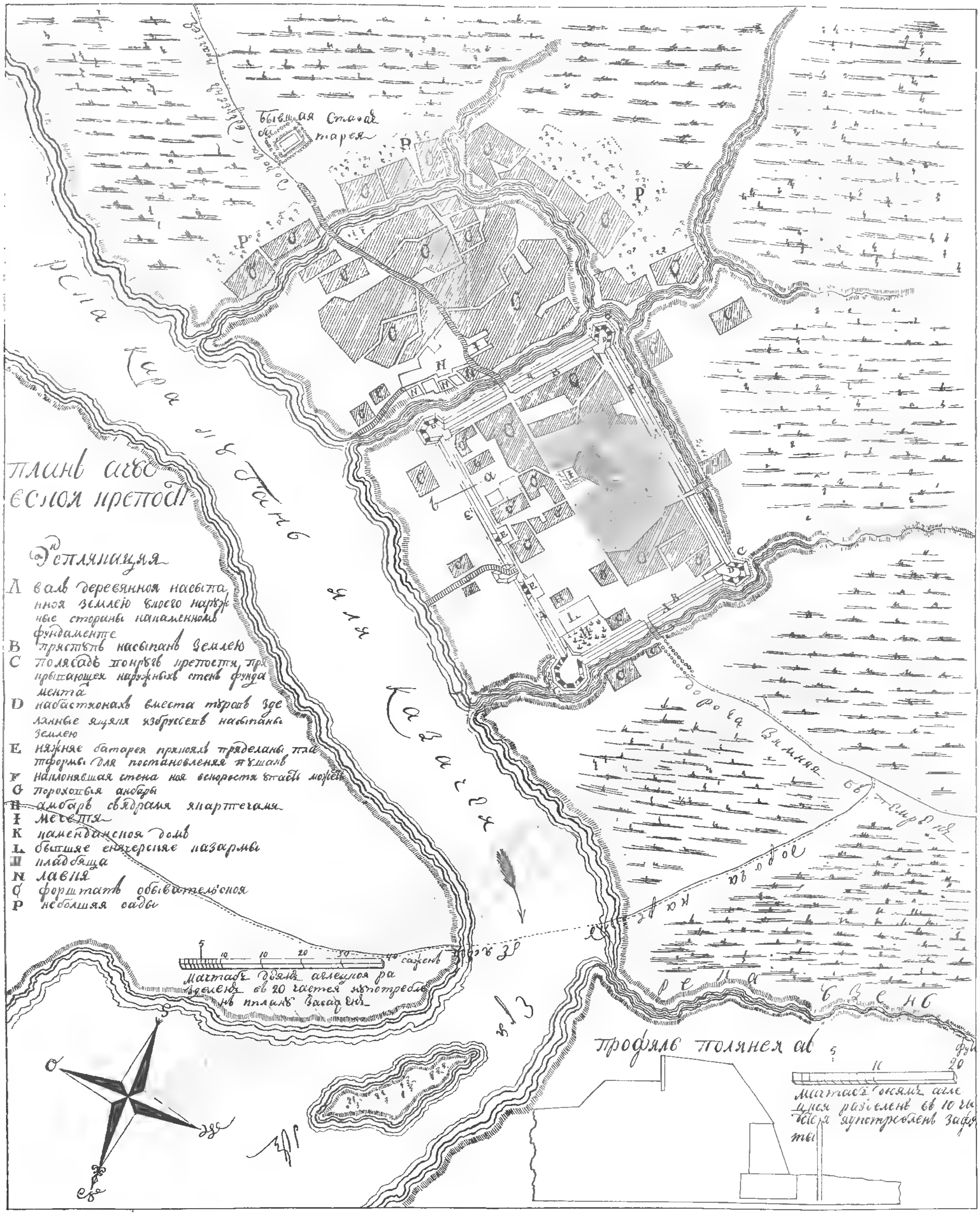
Рис. 3.

Рис. 4.

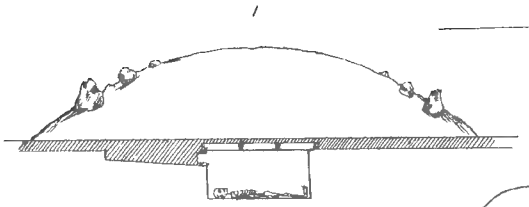
Планъ турецкой крѣпости Ачуева.

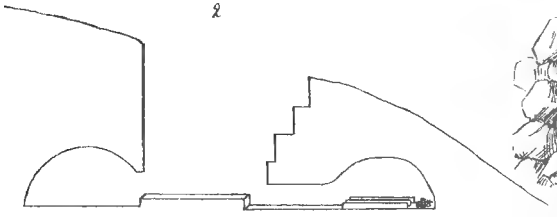
(Факсимиле современнаго плана).

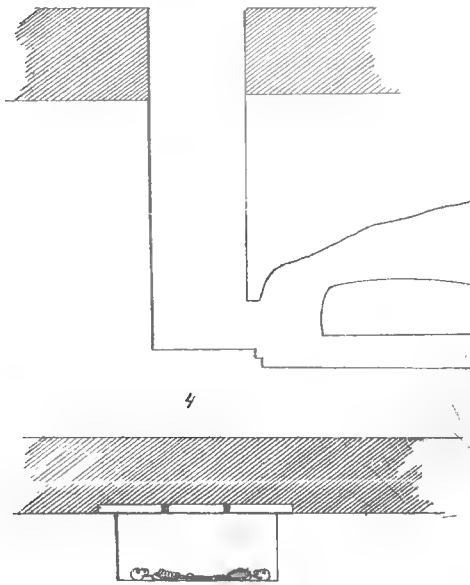
Таблица II.



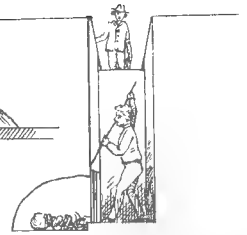
Э. Ковническая ... Одесса

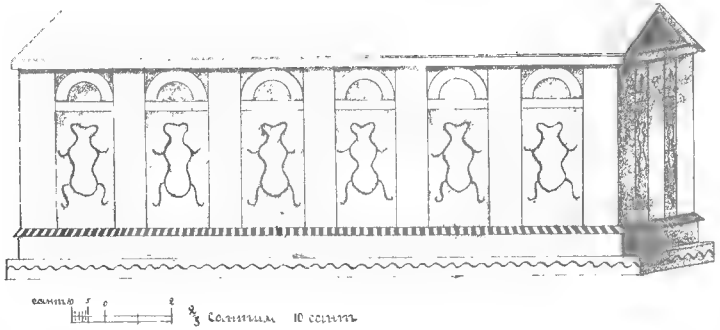

1

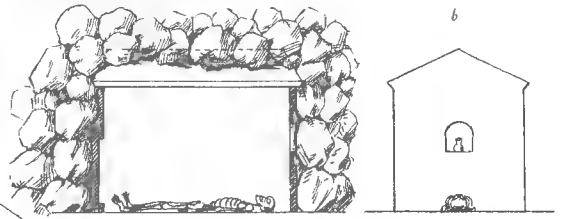

2

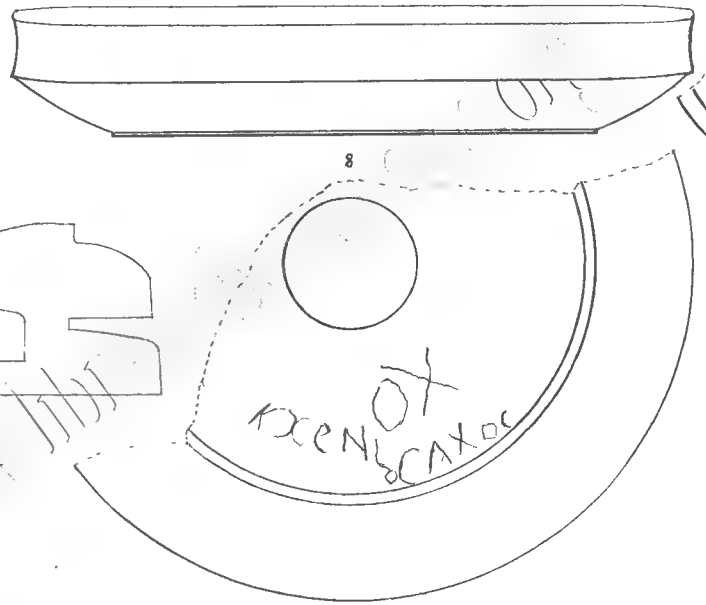

3

4


5

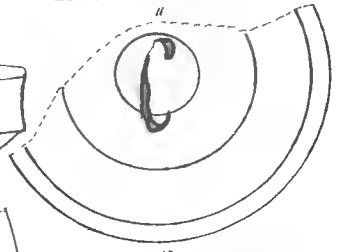

6

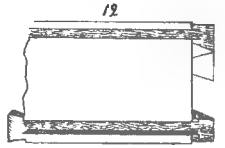

7

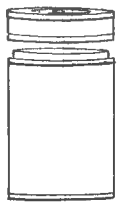

8

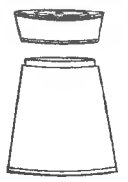
9

10


11


12


13


14

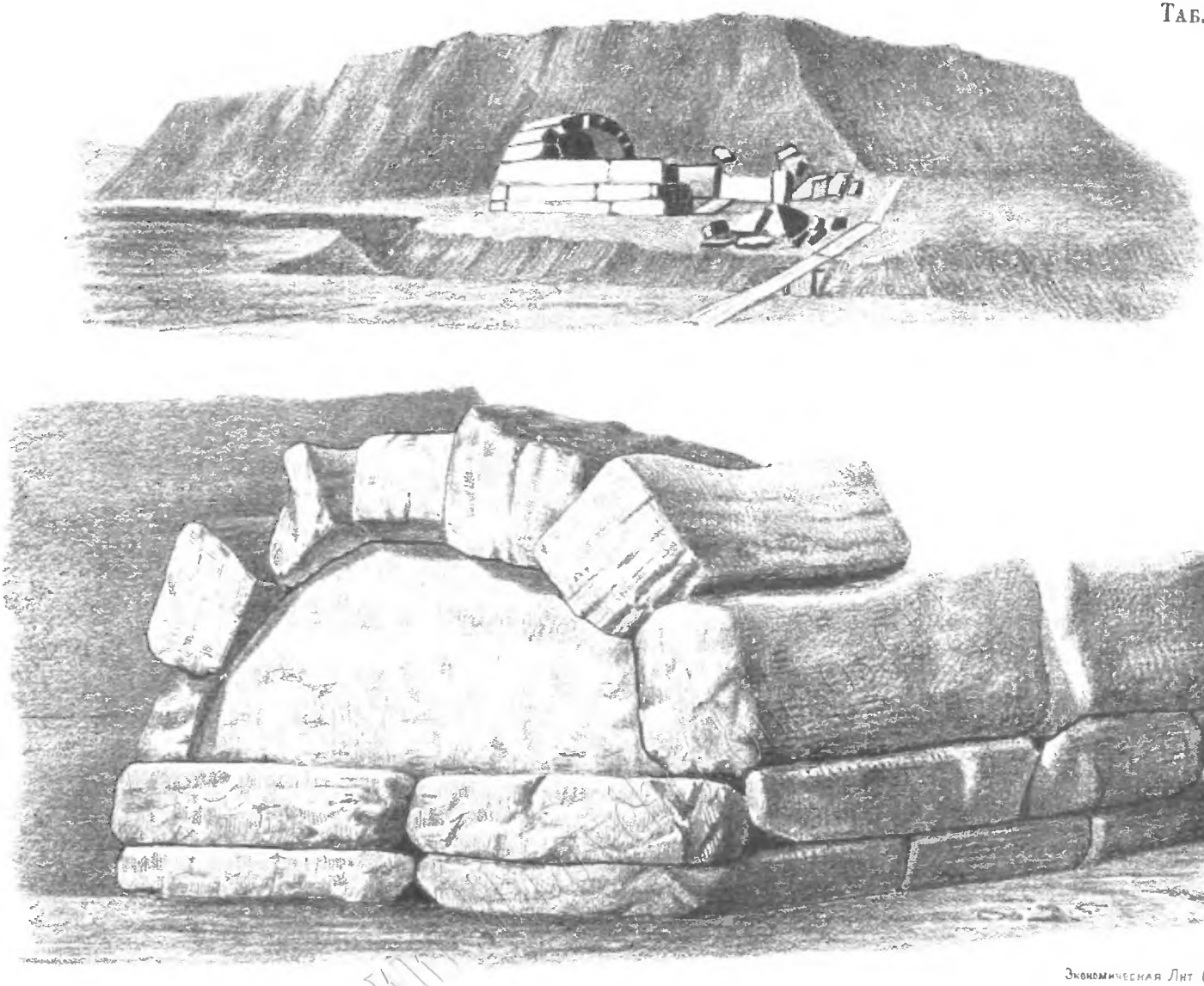
Экономическая Лит. Одесса

http://library.chersonesos.org

Экономическая Лит. Одесса

http://library.chersonesos.org

Экономическая Лит Одесса



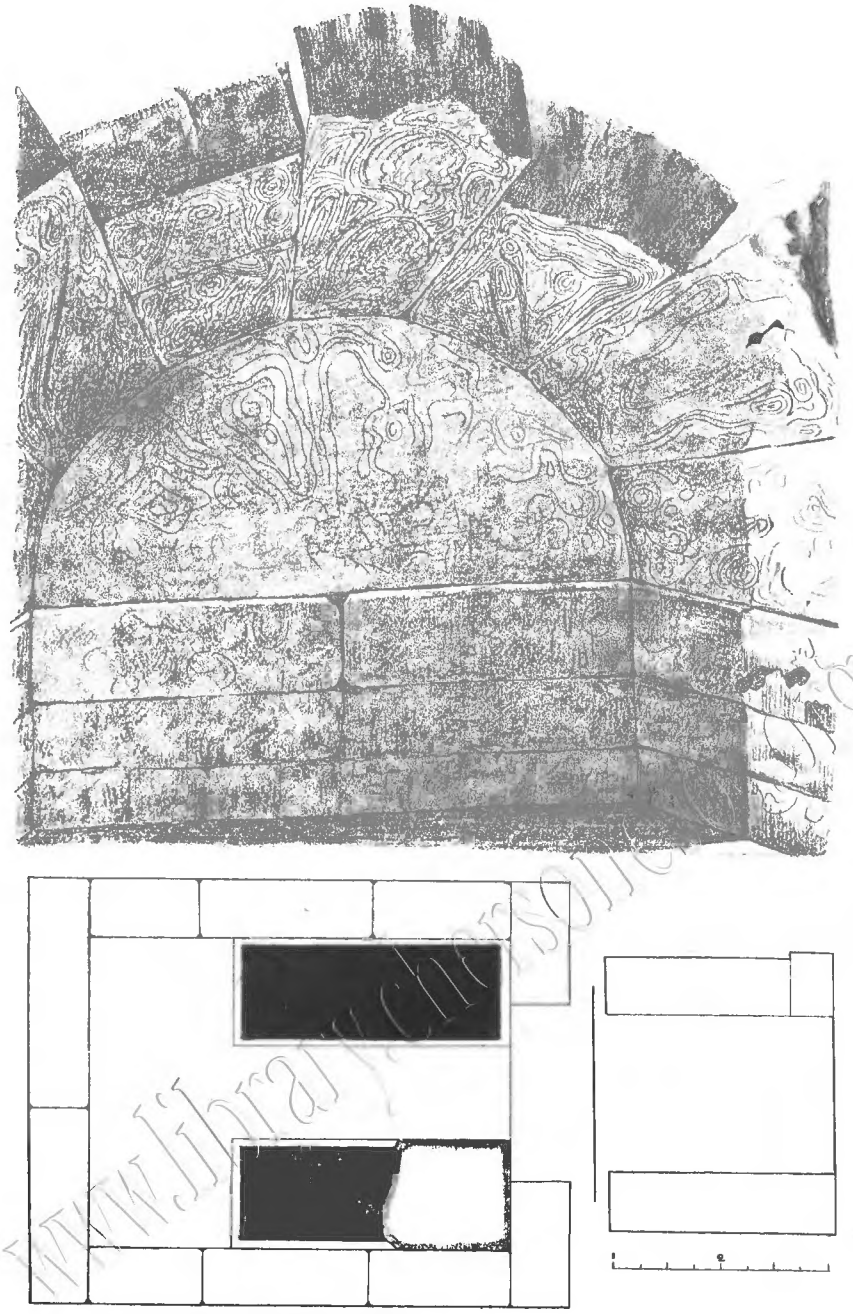
Экономическая Лит. Одесса

ГРОБНИЦА ВЪ АККЕРМАНѢ,

описанная д. чл. А. А. Кочубинскимъ и Э. Р. фонъ-Штерномъ въ Протоколѣ 290 засѣданія, стр. 13.

ГРОБНИЦА ВЪ АККЕРМАНѢ,

описанная д. чл. А. А. Кочубинскимъ и Э. Р. фонъ-Штерномъ въ Протоколѣ 290 засѣданія, стр. 13.



Экономическая Лит. Одесса